

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИСТОРИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН

Часть 1

Н.Л. ВОЛКОВСКИЙ

Н. Л. ВОЛКОВСКИЙ

ИСТОРИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН

Часть 1

ПОЛИГОН
Санкт-Петербург
2003

ББК 76.0
В67

Рецензенты:

Доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ *Г. В. Жирков* (СПбГУ);

Доктор исторических и юридических наук, профессор, академик *В. А. Золотарев* (РАЕН).

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN 5-89173-199-1 (ч. 1)

ISBN 5-89173-200-9

© Волковский Н. Л., 2003

© ООО «Издательство «Полигон», 2003

© Сергеев А. В., оформление, 2002

Предисловие

Закономерность, выведенная известным историком Клаузевицем: «Война есть продолжение политики, но другими средствами», — подразумевает и обратное: то, что политика — тоже война, ведущаяся особыми средствами. Одним из них является информационная война. В современных условиях проблемы информационных войн актуализировались в связи с глобализацией информационных процессов, бурным развитием и господством информационных технологий, позволяющих политикам эксплуатировать информационное пространство, процесс взаимодействия массовых коммуникаций и их аудитории.

Понятие «информационная война» носит синтетический характер. Оно вобрало в себя в ходе исторической эволюции целый ряд явлений, обнаруживающихся в человеческом сообществе при взаимодействии масс, толп, народов, социальных групп. При этом оно в соответствии с целями воздействия на людей получало обозначение как пропаганда, контрпропаганда, спецпропаганда, психологическая война, техника дезинформации и т.п. Иерархи, монархи, короли, вожди, лидеры, государственная и партийная бюрократия постоянно совершенствовали технологию взаимодействия с массами, воздействия на них. При становлении информационного общества, общества массовой культуры, в ходе глобализации информационных процессов и демократизации общества, т. е. участия в социально-политической жизни все больших человеческих масс, стало очевидным обособление такого явления, как информационная война. В многочисленных работах современных политологов оно было описано, выявлены с разных точек зрения и с разных сторон многие его качественные характеристики.

Существующая научная и популярная литература по этим вопросам, однако, базируется главным образом на зарубежном опыте и обращается к современной ситуации. Попытка рассмотреть проблемы информационных войн, их особенности, их технологию в историческом аспекте, предпринятая Н. Л. Волковским в монографии «История информационных войн», плодотворна и отвечает потребностям исторической науки и современной практики. Во-вторых, основу данной книги составляет обобщение отечественного опыта на его исторических изломах: войны эпохи Петра Великого,

Отечественная война 1812 года, Крымская и Русско-японская войны, Первая и Вторая мировые войны.

Приход автора к разрабатываемой им теме вполне закономерен и подготовлен всей его предыдущей деятельностью. Как военный журналист и педагог-профессионал с большим стажем, он постоянно занимался этими вопросами и практически, и теоретически: читал лекционные и специальные курсы, вел семинары и практические занятия, выступал на научных конференциях. Огромная работа по обобщению исторического материала мировых войн была проделана Н. Л. Волковским в качестве автора и редактора целого ряда книг по военной и общей истории, которые получили широкую известность и общественное признание. Поэтому неудивителен размах монографии во временном пространстве — от сигнального барабана до Интернета.

С другой стороны, его исследование имеет богатую источниковую базу: это периодика — военные и общественно-политические, литературные журналы и газеты XVIII—XX веков, это непериодическая печать — книги, брошюры, прокламации, листовки, листки, афиши и др.; это большой массив документов — официальных, законодательных, военных (приказы, рескрипты и т.п.), партийных, цензурных и т.д. Впервые в научный оборот вводятся многие материалы Российского государственного исторического архива, Центрального архива Министерства обороны, Центрального военно-исторического архива, архива Ленинградского военного округа, Центрального Военно-морского архива и др.

Историческая ретроспектива дала возможность автору книги более основательно и аргументированно раскрыть природу современных войн и локальных конфликтов, их особенности, их технологические возможности и др.

Особо следует остановиться на проблематике данной монографии. Она вызывает читателя на размышления и поиск ответов на современные актуальные вопросы.

То, что сейчас называется информационной войной, имеет давнюю предысторию: еще святые отцы не брезговали пропагандистскими приемами, техникой дезинформации. Каждый видный полководец хорошо понимал необходимость информационного, пропагандистского обеспечения военных действий. Наши великие предки умели ответить на пропагандистский выпад противника продуманным контрударом или нейтрализовать его. В 1708 году мастер, выпускавший русские книги в типографии Яна Тиссена в Амстер-

даме, выехал со всем ее имуществом в Россию, но в Данциге попал в плен к шведам, которые не замедлили использовать типографию для печатания славянским шрифтом воззваний к русскому народу. Петр I отдает в том же году распоряжение контрпропагандистского характера, приказывая «таким письмам отнюдь не верить и у себя не держать», «а где у кого такие письма явятся, и таких людей ловить и расспрашивать, где кто такие письма взял, и на кого скажут, и тех людей сыскивать со всяким крепким прилежанием и присылать к Москве».

Наполеоновская технология соединения военных действий и информационной войны может быть вполне поучительной для современных практиков. Но и отечественный опыт тех лет, как показывает исследование Н. Л. Волковского, в этом отношении был на высоте.

С активизацией широких масс в социальной, политической и культурной жизни общества, с появлением партий и усилением их борьбы за влияние на массы, с развитием массовых коммуникаций потребность в информационной войне возрастает. В ряде войн информационно-пропагандистское обеспечение играет роль решающего фактора. Так произошло в 1917 году в период Великой русской революции, когда большевики перехватили власть у демократов и добились победы в войне с превосходящими по силе противниками. В советской историографии подробнейшим образом проанализирована контрпропагандистская и пропагандистская деятельность большевиков, эффективность которой признана в исследованиях на мировом уровне. Это был момент, когда субъективные партийные интересы совпадали с объективным развитием общества, но и в этих условиях надо было проявить творческий и новаторский подход. На суде, устроенном «Оверменской комиссией» сената США в феврале—марте 1919 года над Октябрьской революцией, в показаниях свидетелей разной политической окраски неоднократно это подчеркивалось:

Роджер Э. Симмонс, торговый комиссионер: «Пропаганда у большевиков организована изумительно. В России они ведут ее с громадным успехом»;

Ф. Криштофович, эмигрант из Министерства земледелия Временного правительства: «Они ведут замечательную пропаганду, и их пропаганда прекрасно организована».

Трагический эпизод XX столетия с приходом к власти фашизма и его пребыванием во власти в течение ряда лет в разных странах

базирова­лся не только на стечении объективных и субъективных обстоятельств, но и на успешной эксплуатации технологии информационной войны, разработки которой были позднее использованы так называемыми демократическими странами.

Размышления над современным «мирным» периодом истории человеческого сообщества, подтверждаемые материалом книги Н. Л. Волковского, приводят к выводу о том, что, вполне вероятно, человечество вообще не может существовать бесконфликтно, что война — составная часть его бытия, что на деле происходят лишь типологические ее видоизменения. И может стать, что Третьей мировой войной будет глобальная информационная война с непредсказуемыми и трагическими для человечества последствиями. Предпосылки к ней уже существуют. Победа США, о которой пишут многие политологи, в холодной (информационной) войне против СССР — на самом деле пиррова победа, нарушившая определенное равновесие в мире. Ее результаты пожинает современное человеческое сообщество, все более разделяющееся на врагов и друзей — общество, чреватое конфликтами.

Вот почему изучение пред­истории и истории информационной войны — шаг на пути к ее предотвращению. Монография Н. Л. Волковского помогает осознать необходимость поиска альтер­нативы современному ходу развития событий.

15 июня 2002 года

*Г. В. Жирков,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории
журналистики СПбГУ,
заслуженный работник высшей
школы РФ*

Введение

В последнее время часто употребляется термин «информационная война» и даются различные его определения. По мнению декана Школы информационной войны и стратегии при Вашингтонском университете национальной обороны Д. Эджера, высказанном в швейцарском журнале «Джеймс интернэшнл дифенс ревью», само понятие и концепция «информационной войны» остаются предметом оживленной дискуссии в военных и научных кругах Запада.

Однако западные специалисты уже однозначно назвали информационную войну высшей формой информационного противоборства. В разработанной Комитетом начальников штабов вооруженных сил США «Единой доктрине противоборства в области управления и связи» термин «информационная война» определяется как совокупность мероприятий, принимаемых в целях достижения информационного превосходства над противником путем воздействия на его информационные системы, процессы, компьютерные сети, общественное и индивидуальное сознание и подсознание населения и личного состава вооруженных сил, при одновременной защите своей информационной среды.

Таким образом, в данном термине объединены два вида информационной борьбы — информационно-техническая и информационно-психологическая. В монографии рассматривается эволюция обоих видов информационной ветви, но в целом исследование посвящено информационно-психологической борьбе, зародившейся еще в Древнем мире.

В разрабатываемой на Западе концепции информационной войны значительное внимание уделяется распространению по информационным каналам противника или в мировом информационном пространстве дезинформации или тенденциозной информации для воздействия на оценки, намерения и ориентацию населения и лиц, принимающих решения, с целью формирования общественного мнения, выгодного для воздействующей стороны.

«Информационная война» является широким понятием и включает в себя множество аспектов. Так, в настоящее время некоторые специалисты, занимающиеся вопросами информационной безопасности, выделяют такие аспекты информационной войны, как деятельность различных благотворительных международных фондов, клубов, сект; использование в соответствующих

целях нейролингвистического программирования и т.п. Многие из этих составляющих современной информационной войны имеют глубокие исторические корни. Информация на всех этапах исторического развития являлась объектом борьбы.

Информационная борьба практически велась во всех войнах. Еще в древности полководцы, мыслители отмечали важность достижения победы без сражений. Уже тогда применялись приемы воздействия на врага дезинформацией, угрозами, запугиванием, устрашением. Еще большего совершенствования они достигают у появившегося в первой половине XVI века Ордена иезуитов. В сочинениях и деятельности западных полководцев и военачальников — Наполеона, Клаузевица, Жоффра, русских — Суворова, Кутузова, Барклая-де-Толли, Милютина, Михневича и других есть немало поучительного об использовании информации для достижения поставленной цели в войне. Особенно возросла роль средств массовой информации в тотальных и локальных войнах XX века. Заметные количественные и качественные изменения информационная борьба стала претерпевать по мере того, как началось создание единого информационного пространства.

Современная научно-техническая революция произвела подлинный переворот в информационной борьбе. Более активно и глобально стали проводиться психологические операции, интенсивно внедряются новые информационные технологии. Сегодня все больше сил и средств вовлекается в информационную борьбу, все более масштабнее становятся ее последствия. В США, Японии, Германии, Франции, Израиле и других развитых странах пристальное внимание уделяется информации, которая по праву считается одним из главных факторов владения современным миром.

В данном исследовании на основе большого фактологического материала делается попытка целостного освещения инструментария информационной борьбы в крупнейших войнах и кризисных ситуациях человечества с древнейших времен до наших дней. Механизмы воздействия на общественное мнение, роль СМИ в военных конфликтах, работа журналистов и представителей пресс-служб в «горячих точках», управление информационными процессами в кризисных ситуациях, проблемы гласности и государственной тайны — основные вопросы этого труда.

ГЛАВА I

Основные подходы к информационно-психологическому воздействию народов древних стран

Информационное оружие психологического воздействия имеет свою древнюю историю. Об этом говорится еще в библейской легенде о Гедоне, который в целях победы над более многочисленным противником прибегал к различного рода военным хитростям. Так, однажды он с тремястами человек подошел к лагерю противника и с помощью труб, кувшинов, светильников и криков так запугал многотысячное войско противника, что то впало в смятение и в нем свои же солдаты начали нападать друг на друга¹.

В военно-исторической литературе описаны многие другие примеры дезинформации в военное время. Например, в 1312 году до н. э. хеттам удалось с помощью ложной информации ввести в заблуждение войско египтян во главе с фараоном Рамсесом II и в сражении под крепостью Кадеш нанести им неожиданный удар. Это заставило Рамсеса II отказаться от дальнейшего штурма Кадеша и возвратиться в Египет².

Также есть многочисленные описания устрашающих знаков, писем на камнях, деревьях и строениях, которыми пользовались древние народы в борьбе с неприятелем. Эти средства путешественники видели еще и в XX веке во время экспедиций в Африке, Австралии и других местах, где проживали народы прерий, пустынь и джунглей³.

Древнекитайский полководец Сунь-цзы, деятельность которого происходила в конце VI и начале V века до н. э., считал, что наилучшая победа — это победа без сражений. И в древнекитайской военной истории наиболее почитались те полководцы, которые покоряли противников без битв. Так, например, рассказывается, что во времена Шуня (2255—2205 до н. э. по традиционной хронологии) восстала страна Сань-Мяо, т. е. племена мяо. Правитель Китая Юй выступил

на усмирение мятежников, но, увидев, что их страна по характеру своей территории очень хорошо приспособлена для обороны, счел бесполезным пробовать покорить ее оружием, как повествует хроника, вернулся со своей армией домой и энергично занялся у себя упорядочением своей страны, насаждением в ней благ культуры, поднятием благосостояния населения. Юй старался, чтобы известия об этом распространялись среди мятежных племен, и добился того, что страна Сань-Мяо очень скоро сама изъявила покорность⁴.

А в III в. н. э., во времена Усаньго (Троецарствие) (220—265(280)), вэйский правитель Цао Цао (Цао-гун, т. е. император У-ди, 155—220), взял осадой хорошо укрепленный город Ханьдан и никак не мог взять одну из мелких крепостей Иян, защищавшуюся гарнизоном с храбрым Хань Фанем во главе. Тогда Цао-Цао направил против этой крепости своего военачальника Сюй Хуана, который решил действовать иначе. Вместо того чтобы идти на приступ, он послал на стреле в стан противника послание Хань Фаню, в котором убедительно разъяснил всю бесполезность сопротивления и предлагал сдаться. В своем письме он сумел так хорошо развить свою аргументацию, что вполне достиг своей цели: убежденный его доводами Хань Фань прекратил сопротивление⁵.

Древние китайские хроники рассказывают, что в истории китайского военного искусства такие приемы применялись не раз и в междоусобных войнах, и во время восстаний, как, например, в конце Суйской эпохи в правление Ян-ди (605—616), когда одно из восстаний приняло большой и опасный размер. Отправленный против восставших полководец попробовал действовать методами беспощадного подавления, но этим достиг только того, что восстание разразилось с еще большей силой. Тогда Ян-ди поручил усмирение другому своему полководцу — Ли Юаню, будущему основателю Танской династии.

Ли Юань понимал, что восстание вызвано жестокостью самого Ян-ди и его тираническим правлением. Поэтому он вместо сражения принял все меры к тому, чтобы всякими благами, предоставленными восставшим, склонить их к прекращению мятежа, что ему и удалось. Таким образом, с опасным восстанием было покончено без войны. И кроме того,

Ли Юань, стремящийся низвергнуть Суйскую династию и захватить власть, привлек на свою сторону симпатии населения, а кровавое подавление восстания вызвало бы озлобление не столько по адресу Ян-ди, сколько по адресу прежде всего самого усмирителя. Этим и объясняются действия Ли Юаня.

В период Троецарствия в Вэй было без кровопролития усмирено восстание одного из вэйских полководцев, разгромившего (в 244 г.) корейское царство Когурё, Му-Цю-Цзяня. Высланный против восставших другой полководец — Сыма Чжун-да (Сыма И, 179—251), не ввязываясь в сражение, занял своими войсками основные стратегические позиции в районе восстания, вступил в расположенные в горных районах укрепленные пункты, тем самым обеспечив своим войскам полное господство над всем районом. Также для противника был отрезан подвоз провианта и снаряжения. Об этом он распространил подробные сведения, о чем вскоре стало известно восставшим, что деморализующе подействовало на них, и они прекратили борьбу.

Из этих примеров следует, что древние правители и полководцы, согласно их концепции, стремились покорить противника без сражения тремя способами: во-первых, картиной мудрого правления, благосостоянием государства, мирными преуспеваниями своего народа; во-вторых, мудрой политикой по отношению к противнику, политикой, исполненной внимания и уважения к его желаниям и нуждам, широко идущей навстречу его интересам; в-третьих, мероприятиями военно-стратегического характера в сочетании с распространением информации о них, что приводило противника к осознанию полной бесполезности сопротивления. Во всех этих трех способах древние правители и полководцы старались своими действиями повлиять на сознание противника и этим добивались бескровной победы. И в каждом способе этой концепции немаловажное значение имел информационный элемент. Известия о культурном и политическом престиже страны, умной и благожелательной по отношению к противнику политике и стратегическом обессилении его распространялись всеми доступными для того времени средствами.

«Вызвав гнев в нем, приведи его в состояние расстройства»

В своем «Трактате о военном искусстве» Сунь-цзы отмечает необходимость «воздействовать на противника», что значит — заставить его предпринять какие-нибудь действия, выгодные для себя. Кроме воздействия на противника каким-нибудь военным маневром, вроде ложного нападения, речь в этом тезисе идет и о влиянии на противника психологическими средствами. При этом считалось, что необходимо воздействовать главным образом на полководца как руководителя всеми действиями армии. Это вытекало из указания Сунь-цзы, в котором он по отношению к полководцу вражеской армии советует: «Вызвав гнев в нем, приведи его в состояние расстройства»⁶. В более распространенном виде это указание можно было бы выразить так: приведя противника в ярость, выведи его из себя, заставь его потерять хладнокровие и пуститься на необдуманные и рискованные поступки и этим сломи его, т. е. заставь его пойти на ненужные жертвы, подорви его силы, сломи его дух, его энергию, его боеспособность.

К этому приему попытался однажды прибегнуть прославленный китайский полководец времен Троецарствия (2-я и 3-я четверти III в. н. э.) Чжугэ Лян (181—234). Армия противника, стоявшая против него, находилась под начальством осторожного Сыма И, который хорошо понимал, что ему трудно вступить в открытый бой с Чжугэ Ляном, так как тот превосходил его силами и вооружением. Поэтому он укрепился на своей позиции и принял чисто оборонительную тактику. Укрепления были настолько хороши, что Чжугэ Лян ничего не мог поделаться. Поэтому он старался вызвать противника за укрепления и заставить его принять бой в поле. Однако никакие усилия не достигали цели. Тогда Чжугэ Лян решил «привести противника в ярость и затем сломить его», как говорит Сунь-цзы. Для этого он отправил к Сыма И в подарок от себя женский наряд и принадлежности женского туалета. В те времена послать полководцу такой подарок было все равно что назвать его «трусливой бабой». Чжугэ Лян надеялся, что этим оскорблением он приведет своего противника в ярость и заставит его ринуться на ос-

корбителя. Так и готовы были сделать приближенные Сыма И. Однако Чжугэ Лян обманулся в своих расчетах: Сыма И не поддался на этот прием и из своих укреплений не вышел.

В другом подобном случае, во время конфликта царства Цзинь с царством Чу, царь Вэнь-гун задержал у себя чуского посла Вань Чуня и добился своего. Этим он привел полководца противника Инь Цзи-юя в ярость и заставил его начать военные действия без надлежащей подготовки, что и привело к поражению последнего.

«Война — это путь обмана»

Известное изречение Сунь-цзы «Война — это путь обмана» тоже имеет более широкое значение: т. е. обманывать противника не только своими маневрами, но и вообще любыми средствами, в том числе и путем дезинформации. Об этом свидетельствуют многочисленные факты.

Например, считалось, что нужно обмануть противника своей кажущейся трусостью или слабостью, и когда противник, в надежде на легкую победу, нападет на тебя, он натолкнется на действительную храбрость и силу.

Один эпизод из китайской истории рассказывает о том, что ханьский император Гао-цзу (Лю Бан) собирался выступить в поход против гуннов. Желая предварительно узнать, каковы силы у противника и каково общее положение у него, он заслал к ним своих соглядатаев под видом послов. Гунны сообразили, в чем дело, и решили ввести соглядатаев в заблуждение. Они нарочно скрыли от них свои хорошие части и показали только слабых воинов и истощенных коней. Послы, вернувшись домой, донесли об этом императору и единогласно утверждали, что напасть на гуннов можно. Нашелся только один советник императора, который категорически заявил, что, наоборот, нападать ни в коем случае нельзя. То, что послы увидели у гуннов одни только слабые отряды, показалось ему подозрительным, и он решил, что это хитрость, что на самом деле у них есть превосходные отряды для военных операций. Тем не менее Гао-цзу не послушался своего проницательного советника и пошел на гуннов. Его поход закончился неудачей. Гунны

поступили по правилу Сунь-цзы: продемонстрировали свою притворную слабость и заставили неосторожного противника столкнуться со всей своей силой.

Таким образом, следуя указаниям Сунь-цзы, полководец должен был, если он силен, а противник слаб, показать ему свою слабость и этим заставить его двинуться навстречу. Если он слаб, а противник силен, следует показать ему свою силу и этим заставить его двинуться и уйти. Иначе говоря, следует провести дело так, чтобы противник не мог предпринять никаких действий по собственной инициативе; нужно с помощью ложной информации руководить всеми его действиями и движениями.

Сунь-цзы и его последователи считали, что демонстрация противнику своего ложного положения есть первый способ управления действиями противника. Другой способ — завлечение его какой-нибудь кажущейся или незначительной выгодой. Противник обычно поддается на эту удочку и предпринимает движение того порядка, которое желательно противоположной стороне. Такое завлечение противника, сообщение ему о якобы предполагаемых намерениях не раз происходило не только посредством своих маневров, но и специально организуемой утечкой информации. Так было во время войны княжеств Цзинь и Шу (первая половина IV века до н. э.). Войсками Шу командовал Ли Сюн. Во главе цзиньских войск стоял Ло Шан. Борьба велась без каких-либо результатов с обеих сторон. Тогда Ли Сюн решил прибегнуть к хитрости. Он знал, что Ло Шан стремится иметь для себя в лагере противника шпиона, и решил ему этот случай предложить, поручив разыграть эту роль своему надежному вассалу Пу Тай. Для того чтобы сделать кажущуюся измену Пу Тая вполне правдоподобной, Ли Сюн подверг его публичной экзекуции — битью батогами якобы за какую-то провинность. Экзекуция была произведена настолько добросовестно, что Пу Тая унесли окровавленного. Но зато у Ло Шана не было никаких сомнений в искренности Пу Тая, когда тот через некоторое время тайно предложил ему свое содействие, чтобы отомстить своему высокому начальнику. По плану Пу Тая он должен был убить Ли Сюна и зажечь огонь, который послужил бы сигналом нападения для войска Ло Шана. Уговор был заключен, и в определенный момент в лагере Ли Сюна

показался огонь. Тотчас же сто отборных воинов Ло Шана пошли на приступ; предполагалось, что в суматохе им без труда удастся проникнуть внутрь укрепления противника. Конечно, все они были перебиты. Более того, войска Ло Шана, двинувшиеся на штурм, попали под удар засады и были разбиты.

Во время войны Сунской империи с тангутским царством Сиел в XI веке, в котором было очень много талантливых военачальников, сунцы решили в первую очередь устранить их. С этой целью помиловали преступника, приговоренного к смерти, которого намеревались направить к тангутам в качестве шпиона. Но так как полагаться на его преданность и самоотверженность было нельзя, то никаких поручений ему не дали, а только заставили его проглотить обмазанный медом восковой шарик, обрили ему голову и в одежде буддийского монаха прогнали к тангутам. Лжемонах был, конечно, схвачен и приведен на допрос. Под пыткой он признался, что его заставили проглотить восковой шарик. Ему немедленно дали слабительное и извлекли шарик. Вскрыв шарик, обнаружили в нем послание сунского императора к главнейшим сановникам и полководцам тангутов, якобы состоявших в тайных сношениях с сунским двором. Тангутский король оказался настолько недалёковидным, что принял это за чистую монету и приказал казнить их.

Таких людей Сунь-цзы называл «агентами смерти». Они направлялись к противнику специально для того, чтобы передать ему ложные сведения, ввести его в заблуждение и склонить его к действиям, которые принесут ему вред или даже гибель. Естественно, что, когда ложь обнаруживается, агент предается смерти. Особенно часто такими шпионами оказывались послы, направляемые к противнику для отвлечения его внимания притворными переговорами о мире и даже для заключения мира. Именно в это время, т. е. когда противник, поверив мирным заверениям посла, ослаблял бдительность и становился менее осторожным, противная сторона и предпринимала решительную военную операцию.

Так, например, во время борьбы ханьского императора Гао-цзу (206—195 до н. э.) с циским княжеством Гао-цзу понял, что ему будет нелегко одолеть своего противника обычным путем. Поэтому он решил притворно вступить с ним в

мирные переговоры и с этой целью направил к противнику послом искусного дипломата Ли Ши-цы. Тот так ловко повел дело, что циский князь не только согласился на мир, но и отвел свои войска с границ. Этого и ждал Гао-цзу. Как только границы оказались незащищенными, ханьский полководец Хань Синь немедленно вторгся в пределы циского княжества. Посол был, конечно, казнен, но это не спасло циское княжество — оно пало под ударами ханьцев.

Подобная же история произошла и в правление танского императора Тай-цзуна (627—649), когда он вел борьбу с тюрками. Но посланному для мирных переговоров дипломату Тан Цзяню удалось остаться невредимым: тюрки на время переговоров приостановили операции, потеряли бдительность, а удар китайских войск был настолько неожиданным и стремительным, что тюркский хан узнал об этом, когда кавалерия противника была в семи милях от его лагеря. Поднялась паника, хан сейчас же вскочил на коня и убежал, а армия его рассеялась⁷.

Разрушать союзы противника

В приемах «стратегического нападения» или, точнее, «нападения замыслом» Сунь-цзы советует не давать противнику заключать союзы и прибегать к разрушению их и изоляции врага. Все это основано на той мысли, что наличие союзов сильно укрепляет данную страну. Оружием для распада союзов противника были информационные диверсии, дипломатические переговоры, ряд психологических приемов. Например, в первой половине VI века, в эпоху распада Китая на две части — Северную и Южную, во время борьбы правителя Юга У-ди с северянами один из военачальников северян, Хоу-Цзин, перешел на сторону У-ди, чем, конечно, чрезвычайно усилил последнего. Тогда другой военачальник северной армии — Гао Ян решил оторвать Хоу Цзина от лянского императора. С этой целью он предложил мирные переговоры, и У-ди согласился. Во время их ведения по указанию Гао Яна были распространены слухи среди окружения перешедшего на сторону южан военачальника, что договор направлен против него. Это вызвало недоверие и подозрение к У-ди со стороны его нового союзника Хоу-Цзина. В

результате Хоу-Цзин поднял оружие против У-ди и убил его. Таким образом, противник Гао Яна был уничтожен без каких-либо сражений.

В другом случае, еще более раннем в истории Китая, происшедшем в начале IV в. до н. э., циньский царь, стремясь расстроить заключенный против него союз царей Ци и Чу, одновременно с распространением через своих шпионов слухов о неблагоприятных намерениях союзника Чу, направил туда искусного дипломата Чжан И, которому удалось оторвать чуского царя от союза с Ци. Это так ослабило Чу, что в дальнейшем сам его правитель попал в плен.

А вэйскому Цао-гуну удалось расстроить союз своих противников Хань Суя и Ма Чжао таким приемом: когда обе армии стояли одна против другой, Цао-гун, выехав вперед на коне, пожелал вступить в переговоры с одним из вождей армии противника — Хань Суем, и, когда тот выехал, Цао-гун на виду у всех долго с ним разговаривал; этого было достаточно для того, чтобы другой полководец — Ма Чжао — проникся недоверием к своему союзнику, что дополнялось слухами о сговоре Цао-гуна и Хань Суема; между Хань Суем и Ма Чжао начались раздоры, союз распался, и борьба прекратилась.

Таковы были основные приемы разрушения союзов противника в военной истории Китая. Сунь-цзы советовал прибегать к ним, прежде чем использовать оружие.

Прежде чем воевать, достигают согласия в обществе

Еще в начале своего трактата Сунь-цзы сказал: «Война — это великое дело для государства, это почва жизни и смерти, это путь существования и гибели... Поэтому в ее основу кладут пять явлений»⁸, которые нужно усвоить, чтобы победить. На первое место он ставил Путь — «это когда достигают того, что мысли народа одинаковы с мыслями правителя, когда народ готов вместе с ним умереть, готов вместе с ним жить, когда он не знает ни страха, ни сомнений»⁹.

Это требование представлялось обязательным не одному Сунь-цзы. Второй из прославленных стратегов Древнего Китая — У-цзы, знаменитый полководец своего времени, так-

же ставит в самом начале своего трактата предварительным условием всякой войны внутреннее согласие именно между властью и населением, правителем и народом: «Если государь, знающий Путь, хочет направить свой народ на войну, он прежде всего достигает согласия и только потом берется за большое предприятие»¹⁰.

О той же необходимости единства внутри государства для победы в войне говорит и третий знаменитый военный теоретик Древнего Китая Вэй Ляо-цзы. «Войско побеждает своим спокойствием, государство побеждает своей целостностью; у кого силы разделены, те слабы», — говорит он. Или в другом месте: «Когда есть единство — побеждают, когда все несогласны друг с другом — терпят поражение»¹¹.

При этом он, как и Сунь-цзы, указывает, что единство характеризуется отсутствием каких бы то ни было сомнений у народа, в первую очередь, конечно, сомнений в правильности действий своего правителя.

Таким образом, еще в VI—II веках до н. э. древнекитайские военные теоретики определили одним из условий победы в конфликте необходимость консолидации населения страны, что станет в будущем одним из направлений информационной политики государства: формирование общественного мнения населения страны в поддержку военных акций своего правителя.

Вэй Ляо-цзы также писал, что наличие собственной военной мощи и силы внушает народу и войску чувство уверенности в победе и деморализующе действует на противника, отнимает у него всякую мысль о сопротивлении. Этот тезис, по-видимому, хорошо усвоил Чингисхан. При своих завоеваниях он впереди своих войск посылал лазутчиков под видом торговцев, которые распространяли слухи о несметных полчищах монголов, их могуществе и силе, чем деморализовали население территорий, которые они намечали захватить.

Управлять духом армии

Большое внимание древнекитайские военные теоретики уделяли укреплению единства своей армии и духа ее воинов. «Если запретить всякие предсказания и удалить всякие сомнения», — писал Сунь-цзы, — умы солдат до самой смерти не от-

влекутся»¹². У-цзы считает, что руководство массой состоит в том, чтобы умело управлять ее глазами, ушами и сердцем. Сунь-цзы добавляет: духом и силой, но при этом считает, что это относится не только к себе и своей армии, но и к противнику. Он полагает, что нужно уметь управлять глазами, ушами, духом, сердцем и силой и своими и противника. Этому искусству он посвящает второй раздел восьмой главы своего трактата, излагавшей «закон руководства массой», где важное внимание уделяется знанию психологических факторов войны и умению ими пользоваться¹³.

И если в первой главе своего трактата Сунь-цзы указывает на необходимость единства всей страны, то здесь он говорит о необходимости разрушения организованности и единства войска противника и требует полнейшего организационного единства своей армии. В руках искусного полководца те же средства могут служить и для воздействия на глаза и уши солдат неприятельской армии и их полководца. «В ночном бою применяют много огней и барабанов, в дневном применяют много знамен и значков; этим вводят в заблуждение глаза и уши противника»¹⁴, — говорит Сунь-цзы. Далее он указывает, что этим способом «у армии можно отнять ее дух, у полководца можно отнять его сердце»¹⁵.

У-цзы принадлежит следующее изречение: «В войне действуют четыре пружины: первая — пружина духа, вторая — пружина местности, третья — пружина действия, четвертая — пружина силы»¹⁶. Очень высоко оценивает фактор духа армии и Вэй Ляо-цзы: «То, чем полководец сражается, есть народ, то, чем народ побеждает, есть дух. Дух полон — бьются, духа лишились — бегут»¹⁷.

Кто умел «управлять духом», добивались побед. Об этом свидетельствует эпизод конфликта VII в. до н. э., эпохи Чунь-цю, когда княжество Ци воевало с княжеством Лу. Армии обеих сторон выступили в поле и встали лагерем друг против друга в Чаншао. Вдруг в лагере Ци поднялся шум: забили барабаны, послышались воинственные крики. Ясно, что циские воины собрались идти в атаку. Луский правитель, помня правило, что всегда следует предупреждать противника, решил не ждать нападения, а напасть сам. Но его военачальник Цао Куй остановил его. Через некоторое время в лагере Ци опять раздался барабанный бой и послышались

крики. Чжуан-гун опять хотел броситься в атаку, но Цао Куй опять удержал его. «Вот когда у них забьют барабаны в третий раз, тогда и наступит лучший момент для боя», — сказал он своему правителю. Тот попросил объяснения. Цао Куй разъяснил ему: «Когда бьют в барабаны в первый раз, дух поднимается, появляется бодрость, энергия, жажда боя. Ударят во второй раз — подъем уже спадает, когда же ударят в третий раз, дух совсем уже бывает упавшим. У нас же наоборот: мы не сражаемся и ждем, энергия у нас накапливается, дух поднимается, и поэтому, ударив по противнику, мы победим»¹⁸.

Дестабилизировать положение в стане противника

Исходным пунктом Сунь-цзы во всех его советах и указаниях является мысль, что наилучшая война — это такая война, которая дает максимум выгоды при минимуме вреда. Эта мысль проводится им через весь «Трактат о военном искусстве». Стремление во что бы то ни стало оградить свое государство от разорения и получить в свои руки противника тоже неразоренным, сохранить для себя всю его живую силу и материальные ресурсы, что именно и дает материальную выгоду, — такое стремление характерно вообще для военных и политических философов старого Китая.

Кто умеет сохранить в целостности объект завоевания — страну противника, тот может, по словам Сунь-цзы, «оспоривать Поднебесную», т. е. может претендовать на положение верховного правителя. Завоевание без сражений — наилучшее завоевание, война без военных действий — наилучшая война. Так полагает Сунь-цзы, а вслед за ним и все выдающиеся военные теоретики старого Китая.

Такая точка зрения на ведение войны была характерна и для военного искусства народов других древних государств. Почти во всех войнах древнего периода мировой истории можно встретить приемы информационно-психологического воздействия воюющих сторон с целью ослабить силы противника и достигнуть своей цели в борьбе без сражения. Чаще всего стремились дестабилизировать положение в стране противника и в его войсках путем подрыва доверия к власти, поддержки оппозиции, выступающей против нее. Например,

в описании греко-персидских войн 492—449 гг. до н. э. особенно ярко проявилось стремление персов изолировать греков, лишить их возможности иметь союзников, дестабилизировать политическое положение внутри самой Греции. Для этого использовались не только дипломатические меры, но и распространение выгодной для Персии информации. Многочисленные греческие изгнанники, находившиеся при дворе персидского правителя, в том числе и спартанский царь Демарат, помогали ему в этом через своих сторонников¹⁹. В свою очередь афиняне в войне с персами также предпринимали меры, чтобы предотвратить участие других эллинских выходцев-ионийцев на стороне наступающего персидского царя Ксеркса. В сочинениях историка древности Геродота говорится, что афиняне обращались к ним с воззваниями, высеченными на камнях в местах, куда ионийцы приходили за пресной водой. Надписи гласили: «Ионяне! Вы поступаете несправедливо, идя войной на своих предков и помогая (варварам) поработить Элладу. Переходите скорей на нашу сторону! Если же это невозможно, то по крайней мере хоть сами не сражайтесь против нас и упросите карийцев поступить так же. А если не можете сделать ни того, ни другого, если вы скованы слишком тяжелой цепью принуждения и не можете ее сбросить, то сражайтесь, как трусы, когда дело дойдет до битвы. Не забывайте никогда, что вы произошли от нас и что из-за вас первоначально пошла у нас вражда с персидским царем»²⁰.

«Отец истории», которым в древности считался Геродот, писал, что авторы этого обращения действовали «с двойным умыслом: либо ионяне изменят персам и перейдут к эллинам (если это воззвание Фемистокла останется неизвестным царю), либо Ксеркс, получив донесение об этом, возьмет ионян под подозрение и сам не позволит им участвовать в морских битвах»²¹. Таким образом афиняне нарушали единство в рядах своего противника.

Надписи прославляли и проклинали

В Древней Греции было очень много надписей на деревянных досках, металлических пластинах, керамических изделиях, на камне. Изготовление и установка каменных плит с постановлениями государств или союзов граждан производились

только по специальному решению, причем для наблюдения за изготовлением надписи часто выделяли должностных лиц. Текст надписи писали сначала на провощенных деревянных дощечках, на коже, на свинцовых табличках или на папирусе (особенно с IV века до н. э.), и с этого оригинала резчик переносил текст на камень или мрамор. В особо важных случаях надпись вырезали в двух-трех экземплярах. Государственные декреты, вырезанные на каменных стелах, выставлялись «на самом видном месте», как гласило обычно постановление об установке надписи. Часто текст декретов помещали на стенах храмов, портиков и других общественных сооружений, которые стояли в наиболее посещаемых местах. Распространению надписей способствовало то, что в конце VII — начале VI века до н. э. грамотность в Греции получила широкое распространение. Много текстов было начертано в честь подвигов и побед греков в войнах. В надписях, обнаруженных на острове Теосе, которые были вырезаны около 470 года до н. э., например, проклинаятся лица, виновные в предательстве интересов полисов, не выполнявшие распоряжений государственных должностных лиц, виновные в разбое и других преступлениях²². Афины также отмечали в каменных надписях заслуги своих союзников. Например, когда неудачи Афин в ходе Пелопонесской войны привели к тому, что их отказались поддерживать все союзники, кроме самосцев, они не только не изменили Афинам, но сами обратились к ним с предложением продолжать войну. Ответ афинян был вырезан на мраморной плите, украшенной рельефом и фигурами богинь — покровительниц обоих государств: Афина и Гера изображены пожимающими друг другу руки. Столь же выразителен и текст декрета: самосцы получают афинское гражданство, им предоставлено право установить такую форму правления, какую они сами захотят²³.

Борьба за общественное мнение в период Пелопонесской войны

Следует отметить, что Пелопонесская война (431—404 до н. э.) — крупнейшее военное столкновение между союзами греческих полисов: Делосским (во главе с Афинами) и Пелопоннесским (во главе со Спартой) — представляет значи-

тельный интерес с точки зрения привлечения противниками на свою сторону общественного мнения греческого народа.

Фукидид довольно подробно останавливается на этом вопросе войны. Он сообщает, что на собрании в Спарте в июле—августе 432 года до н. э. по жалобе союзников на произвол афинян (среди них особенно резко прозвучало заявление коринфских делегатов) Афины были признаны нарушителями тридцатилетнего договора. Далее пелопоннесцы объявили, что они хотят «изгнать виновных в кощунстве против богини». Это практически означало бы изгнание Перикла, афинского стратега (главнокомандующего), происходившего по матери из рода Алкмеонидов, виновников убийства Килона²⁴. Ясно, что это требование было демонстративным. Фукидид писал: «Ратуя как бы больше за богов... лакедомяне не столько надеялись на изгнание Перикла, сколько на то, что их требование вызовет в гражданах раздражение против него»²⁵.

Афиняне в ответ на это выдвинули контртребование об изгнании из Спарты людей, причастных к убийству илотов на Тенаре (464 до н. э.) и убийстве царя Павсания в храме Афины Меднодомной.

Последним требованием Спарты к Афинам перед началом войны было: «Лакедомяне желают мира, и он будет, если вы (афиняне. — *Авт.*) оставите эллинов автономными»²⁶. Это мероприятие спартанской стороны оказало большое влияние на обстановку в Элладе. Фукидид отмечает: «Сочувствие эллинов склонялось больше на сторону лакедомян, в особенности благодаря заявлению их, что они освобождают Элладу... Вместе с тем большинство эллинов было раздражено против афинян: одни потому, что желали избавиться от их владычества, другие — из страха попасть под это владычество»²⁷.

Художественная литература также активно участвовала в борьбе с неприятелем. Так, драмы Фемистокла (около 525 — около 460 до н. э.) способствовали консолидации духа союзничества между эллинскими городами-государствами (полисами) во имя общей борьбы против надвигавшейся с Востока персидской угрозы.

Для поднятия боевого духа своих войск в древнегреческом обществе эффективно использовалось ораторское искусство. Как правило, главнокомандующие перед походом

или сражением ободряли свои войска речами. Так, с началом Пелопоннесской войны царь лакедемонян Архидам перед выступлением на Афины созвал от всех государств-союзников стратегов, высших должностных и наиболее значительных лиц и обратился к ним с речью, в которой он обращает их внимание на следующее: «...мы идем на государство не беззащитное, государство, прекрасно и всячески готовое к войне,— будем же твердо надеяться, что афиняне выйдут с нами на бой. Пусть они и не двигаются, пока нас нет,— не то будет, когда они увидят нас в своей земле опустошителями и истребителями. Ибо все ведь приходят в ярость, когда на глазах и внезапно постигает их что-то необычное; и кто меньше всего следует рассудку, те горячий всего кидаются в дело. От афинян этого можно ждать вернее, чем от всякого: притязая властвовать над остальными, они скорей готовы упасть и опустошать чужие земли, чем видеть это на своей»²⁸.

Эти слова Архидама свидетельствуют о том, что греческие военачальники придавали важное значение психологическому воздействию на противника и готовили свои войска к эффективному его использованию.

Фукидид также приводит надгробную речь Перикла — у афинян по обычаю предков погибших на войне всегда хоронили на всенародном кладбище в красивейшем городском предместье²⁹. Захоронение происходило при большом стечении народа. Когда останки засыпались, «то выбранный от города человек, славный умом и видный положением»³⁰, произносил речь. Для речи над первыми павшими в Пелопоннесской войне был выбран Перикл, афинский стратег, который отметил: «...из нынешних государств только наше выдерживает испытание всех пересудов, только наше не заставляет врага негодовать, что такие бойцы его отразили, не заставляет подданных роптать, будто властвуют над ними недостойные. В этой силе своей, очевидной для всех и доказанной великими доказательствами, мы послужим предметом удивления для современников и потомства, и не нужен нам ни славославящий Гомер, ни иной какой песенный ласкатель, ибо краткую их выдумку разрушит истина наших дел... Вот за какое государство положили жизнь эти воины, и каждому из оставшихся в живых подобает желать всякого труда во имя его»³¹.

Особую популярность в древнегреческой истории получили публичные речи афинского оратора Демосфена (около 384—322 до н. э.) — вождя демократической антимакедонской группировки. Его выступления были призваны разоблачить перед греческим миром захватническую политику македонского царя Филиппа II. Эти речи Демосфена были названы «филиппиками». Так, в третьей из них, которую он произнес в 341 году до н. э., вождь антимакедонской группировки клеймил Филиппа как виновника всех бед, выпавших на долю афинян, саркастически отзывался о военной деятельности царя. Демосфен выступал против Филиппа во многих греческих городах. Его речи способствовали созданию антимакедонской коалиции греческих полисов³².

В то же самое время македонские цари Филипп II, а затем его сын Александр всячески поощряли идеи панэллинизма во имя поднятия значения Македонии и утверждения ее господствующего положения на Балканском полуострове. В год заключения Филократова мира (346 до н. э.) афинский оратор Исократ (436—338 до н. э.), публицист, противник демократии, сторонник объединения Греции под главенством Македонии для совместного завоевательского похода против персов, в своем памфлете «Филипп», составленном в виде послания македонскому царю, убеждает Филиппа II примирить греческие полисы и взять на себя руководящую роль в предстоящей войне с Персией. По мнению Исократы, пришло время покончить с Персидским царством или, в крайнем случае, освободить Малую Азию от персидского господства, основать в ней новые города и переселить в них бедноту, так как она является постоянной угрозой для существования греческих полисов. Разумеется, что при этом освободить греческие города Малой Азии от персидского господства должен был Филипп II.

Первые элементы теории пропаганды

В условиях острой политической и вооруженной борьбы, постоянно выходившей за границы греческих полисов, уже просматриваются элементы информационно-психологической войны. Исследователи находят в «Риторике» Аристотеля и «Государстве» Платона первые элементы теории

пропаганды: в частности, идею контроля над общественным мнением как неперменного института «идеального» полиса. К этому же ряду следует отнести приемы построения аргументов, доказательств, применявшихся софистами, которые придавали особое значение человеческому слову и создали ему небывалый в Греции культ.

Даже среди тех разрозненных и случайных фрагментов, в которых выражается оценка слова у софистов, мы находим кое-что весьма выразительное. Например, Горгий (около 483 — около 375 до н. э.) писал: «Слово есть великий властелин, который, обладая весьма малым и совершенно незаметным телом, совершает чудеснейшие дела. Ибо оно может и страх изгнать, и печаль уничтожить, и радость вселить, и сострадание пробудить»³³. Далее Горгий продолжает: «А что сила убеждения, которая присуща слову, душу формирует как хочет, это должно узнать, во-первых, из учений метеорологов, которые, противопоставляя мнение мнению, удаляя одно мнение и вселяя другое, достигли того, что невероятные и неизвестные вещи являются очам воображения. Во-вторых же (этому можно научиться), из словесных состязаний в народных собраниях, в которых [бывает что] одна речь, искусно составленная, но не соответствующая истине, [более всего] нравится народной массе и убеждает ее. В-третьих же, быстрота ума, с легкостью меняющая веру, в [то или иное] мнение»³⁴. Также Горгий отмечает, что «то же самое значение имеет сила слова в отношении к настроению души, какое сила лекарства относительно природы тел. Ибо подобно тому, как из лекарств одни изгоняют из тела одни соки, другие — другое и одни из них устраняют болезнь, а другие прекращают жизнь, точно так же и из речей одни печалят, другие радуют, третьи устрашают, четвертые ободряют, некоторые же отравляют и околдовывают душу, склоняя ее к чему-нибудь дурному»³⁵.

Мы не ошибемся, отмечает А. Ф. Лосев, если скажем, что только софисты впервые заговорили в Греции о силе слова и построили теорию этой силы. Хотя греки всегда любили поговорить и славились своими проникновенными речами как до софистов, так и после них, тем не менее только софисты стали говорить о силе слова вполне сознательно и систематически, впервые создавая для этого также и

необходимые теоретические предпосылки. Многие из них были настоящими виртуозами в использовании такой теории слова. Так, софист Фрасимах Халкедонский был способен своими словами и воспламенить гневом народную массу, и затем вновь успокоить разгневанных. Подобного рода сила слова и красноречие требовали огромного труда. Это прекрасно разъясняет виднейший из софистов Протагор (около 480 — около 410 до н. э.): «Труд, работа, обучение, воспитание и мудрость образуют венец славы, который сплетается из цветов красноречия и возлагается на голову тем, которые его любят»³⁶.

Недаром, став тираном, философ, оратор и писатель Критий (около 460 — 403 до н. э.) издал закон, запрещающий «учить искусству говорить» — до того остро действовала в те времена на умы сила слова. Не раз греки заявляли своим заклятым врагам: «Я клянусь убить тебя словом и делом».

И совершенно не случайно с теми, кто воодушевлял своих солдат и народ на сопротивление противнику, победители часто поступали самым жесточайшим образом. Так, когда в 400 году до н. э. была опять восстановлена в Афинах демократия, одним из первых был привлечен к суду Сократ (470—399 до н. э.) — как вдохновитель реакции³⁷.

Распространение слухов

Самым сильным средством психологического воздействия были слухи. Есть свидетельства Фронтинана о том, что ими успешно в своей тактике пользовались скифы. Однажды их царь Атей во время войны с трибаллами прибег к дезориентации противника, превосходящего его силами. Для этого он, распустив слух, что к нему подходят подкрепления, приказал женщинам, детям и толпе нестроевых, неся копья, подогнать к неприятельскому тылу стадо ослов и быков. Введенные в заблуждение противники отступили, опасаясь нападения с тыла³⁸.

К слухам не раз прибегали римские полководцы и их противники. И не только, чтобы устрашить неприятеля, но и чтобы воодушевить своих легионеров. Например, когда римляне осадили Капую, Ганнибал не смог напасть на них и пытаясь терроризировать их демонстративным походом на Рим.

Однако римляне не дали себя запугать. В свою очередь они распустили слухи, что карфагенские солдаты изнежились якобы в распушенном и богатом городе и стали не способны к бою. Это воодушевило римских легионеров, и Капуя пала³⁹. Хотя в действительности войска Ганнибала не изнежились в Капуде, так как он продержался в Италии еще 12 лет, в течение которых римляне не осмеливались напасть на него, однако падение города запечатлело крушение военного плана Ганнибала.

В этой исторической легенде, которая и до сегодняшнего дня сохранила за словом «Капуя» характер поговорки, заключен глубокий философский смысл: высокое морально-психологическое состояние своих войск является одновременно и фактором, парализующим волю противника к борьбе и победе.

Слухи, т. е. молва, известие о ком или о чем-нибудь постоянно сопровождали все войны древности. Они были различной степени правдоподобности и направлены на устрашение противника или дискредитацию его армии и военачальников, углубление противоречий между союзниками и решение других задач психологического воздействия.

Искусство психологического воздействия гражданских войн Древнего Рима

Во время гражданских войн в Древнем Риме противники проявляли большое искусство в борьбе за привлечение на свою сторону общественного мнения. В условиях весьма острой политической борьбы складывался опыт пропаганды, обобщавшийся крупными ораторами и философами. Крупнейшим из них был Марк Тулий Цицерон (106—43 до н. э.), который получил блестящее философско-литературное и ораторское образование. В Риме он занимался у знаменитого оратора Лициния Красса, юриста Квинта Муция Сцево-лы, два года обучался в Афинах и на острове Родосе. Цицерон участвовал в Союзнической войне, был очевидцем борьбы Мария и Суллы, пережил сулланскую диктатуру и спартаковское восстание. В послесулланский период он становится популярным политическим деятелем, оратором и писателем. В многочисленных, блестящих по форме, богатых и разнообразных по содержанию речах, трактатах и письмах

Цицерона отображена школа пропаганды Древнего Рима. Он советовал, что для успеха в привлечении общественного мнения на свою сторону необходима предварительная работа среди народа в смысле изучения состава, количества, настроения и нравов населения не только самого Рима, Италии, но и провинций.

Цицерон писал: «Представь себе в уме и удержи в памяти всю Италию в ее разделении по трибам; перебери все муниципии, колонии, префектуры, чтобы не осталось ни одного места в стране, в котором бы у тебя не было опоры; расспроси и выследи людей из всех округов; познакомься с ними, попроси их, надавай им всяческих уверений, похлопочи, чтобы они стояли за тебя в пределах своей местности и чтобы они были как бы кандидатами твоего дела»⁴⁰.

Выступления самого Цицерона имели всегда большой эффект. Так, в конце 63 года до н. э. он на заседании сената произнес блестящую речь против Катилины, который со своими сообщниками готовил заговор. Цицерон описал цель заговора и его организатора в самых ужасных и мрачных красках. Своим неожиданным и обоснованным выступлением он надеялся дезорганизовать своих противников и заставить главу заговора удалиться из Рима. Застигнутый врасплох Катилина попался на провокацию Цицерона, отправился в добровольное изгнание и открыто вступил на путь борьбы с правящим режимом. Цицерон торжествовал победу⁴¹.

Громадные средства тратились римскими политиками и военачальниками на то, чтобы заслужить в народе популярность. Для этого использовались любые общественные мероприятия. Так, Цезарь в 68 году до н. э. похороны своей тетки Юлии и похороны первой жены Корнелии использовал для своеобразной политической демонстрации: в своих похоронных речах он восхвалял род Юлиев, прародитель которого Юл был сыном Энея и внуком самой богини Венеры. Вместе с тем в речи Цезаря прославлялись руководители партии популяров — Марий и Цинна. В похоронных процессиях открыто несли изображения Мария и Цинны, чего никто не решался до этого делать. А Гней Помпей (106—48 до н. э.) в 61 году до н. э. на триумфе в честь своего успеха в восточном походе приказал пронести две огромные таблицы, на которых перечислялись его крупнейшие деяния: его победы над 22 царями,

распространение римских владений до Евфрата, увеличение годового дохода Римского государства (благодаря податям с новых провинций) с 50 до 80 миллионов драхм...⁴²

Когда разгорелась яростная борьба между Помпеем и Цезарем, последний не только умело воодушевлял свои армии речами, но не скупился на обещания о наградах. Так, перед походом на Рим Гай Юлий Цезарь говорил своим галльским легионам на военной сходке: «Нас после стольких славных деяний объявили врагами отечества, а вот этих людей (трибунов Кассия Лонгина и Марка Антония, прибывших к Цезарю в военный лагерь. — *Авт.*) за то, что они позволили себе высказать свободное слово, изгнали из Рима самым позорным образом»⁴³. Вслед за тем посыпались обещания наград офицерам и солдатам в случае счастливого окончания «вынужденной кампании». Каждому солдату Цезарь обещал всадническое состояние в 400 тысяч сестерциев и всадническое кольцо, а офицерам вдвое больше. С воодушевленной армией Цезарь внезапно появился в Италии. Следуя его указаниям, солдаты вели себя в занятых городах безукоризненно, и ожидаемых ужасов не произошло.

Действия Цезаря, таким образом, сильно отличались от поведения его противников. С самого начала он провозгласил политику милосердия, которая содействовала привлечению общественного мнения на его сторону. После побед Цезарь приступил к наделению ветеранов земель. Аппиан вкладывает ему в уста следующие обещания: «Я всем дам землю, и не так, как Сулла, отнимая ее у частных владельцев и поселяя ограбленных рядом с ограбившими, чтобы они пребывали в вечной вражде друг с другом, — но раздам вам землю общественную и мою собственную, а если будет нужно, то еще и прикуплю»⁴⁴.

В 59 году до н. э. Ю. Цезарь, будучи консулом, распорядился публиковать в Риме постановления сената и народного собрания. Это была первая в истории официальная газета. Для Цезаря она служила средством организации общественного мнения для поддержки римлянами решений важнейших политических и военных вопросов, которые он предлагал⁴⁵.

Став диктатором, Цезарь в качестве верховного понтифика издает эдикт о роспуске религиозных коллегий (за исключением древнейших), что имело большое политическое

значение, поскольку эти коллегии издавна были средоточием плебса и очагами демократической агитации. Кроме того, Цезарь провел знаменитую реформу календаря. Последним ослаблялось влияние жречества, поскольку достаточно запутанный (до Цезаря) календарь, находясь в руках жречества, был одним из средств влияния на политическую жизнь⁴⁶.

Кульминационным этапом возведения пропаганды в ранг государственной политики древнеримских правителей явилось обожествление императоров, распространение на них ритуалов религиозного культа. Также в интересах римских правителей создавались тенденциозные биографии и мемуары, фальсифицировались исторические события.

Таким образом, в древнем обществе уже просматриваются основные элементы и направления информационно-психологического воздействия как способа ослабления морального духа противоположной стороны, воодушевления своих войск, формирования благоприятного общественного мнения как в своей стране, так и у населения захваченной территории или принадлежащей противнику. Первые элементы информационно-психологической войны⁴⁷ в древнеисторический период носили форму военной хитрости, но со временем совершенствовались и занимали важное место не только в деятельности отдельных военачальников, но и находили отражение в военной теории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Библия. Хельсинки. 1990. С. 266—267.

² Разин Е. А. История военного искусства. СПб., 1994. С. 51—53.

³ От сигнального барабана до газеты // Липс Ю. История вещей. М., 1951. С. 231—254.

⁴ Конрад Н. И. Сунь-цзы: Трактат о военном искусстве. М.; Л., 1950. С. 94.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 34.

⁷ Там же. С. 149—168.

⁸ Там же. С. 33.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 59—60.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 51.

- ¹³ Там же. С. 42—44.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 186.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 188—189.
- ¹⁹ История Древней Греции. СПб., 1999. С. 200.
- ²⁰ *Геродот*. История в девяти книгах. Л., 1972. С. 383.
- ²¹ Там же.
- ²² История Древней Греции. С. 585—587.
- ²³ Там же. С. 590.
- ²⁴ Килон — глава неудавшегося заговора около 640 г. до н. э., организованного для захвата власти в Афинах.
- ²⁵ История Древней Греции. С. 283.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Фукидид. История // Историки Греции. М., 1976. С. 176—177.
- ²⁹ Кроме убитых в сражении при Марафоне, которых за великую доблесть там и погребли.
- ³⁰ *Фукидид*. История. С. 187.
- ³¹ Там же. С. 189—190.
- ³² Впоследствии, после подчинения Греции Македонией, Демосфен отравился.
- ³³ *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 1968. С. 48.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Сам Сократ ничего не написал. Он был сыном мелкого афинского скульптора. Сначала собирался посвятить себя этой же профессии, но затем увлекся философией (исследователи предполагают, что под влиянием софистов). Сократ бросил свою профессию и превратился в нищенствующего философа-бедняка. Окруженный толпой своих учеников, он ходил по улицам Афин, присаживался на площадях, останавливался в портиках, вступал в разговоры со встречаемыми и в живой беседе путем наводящих вопросов (особый «сократовский» метод) старался доказать правильность своих положений. Произведения Сократа записаны его учениками и состоят из речей. Такова прежде всего «Апология Сократа», таков «Пир», таково многое в «Протагоре», «Федре» и «Государстве».
- Сократ отказался от бегства из тюрьмы, которое ему предлагали организовать его ученики, он мужественно выпил предложенную ему чашу с цикутой. Философское кредо Сократа сохранила для

потомства его знаменитая фраза: «Я знаю, что ничего не знаю, но другие не знают и этого».

³⁸ *Блаватский В. Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.

³⁹ Все это передано в исторической легенде, которая и до сегодняшнего дня сохранила за словом «Капуя» характер поговорки. По этому поводу Ф. Меринг заметил: «Это очень интересный случай образования легенды; насколько историческое значение факта понято правильно, настолько неверно его историческое объяснение».

⁴⁰ История Древнего Рима. С. 388.

⁴¹ Там же. С. 396—397.

⁴² *Утченко С. Л.* Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969. С. 49.

⁴³ История Древнего Рима. С. 429.

⁴⁴ Древний Рим. М., 1998. С. 137.

⁴⁵ *Ковалев С. И.* Древний Рим. Л., 1988. С. 426.

⁴⁶ Древний Рим. М., 1998. С. 137.

⁴⁷ Сам термин «информационно-психологическая война» появился спустя много сотен лет. Вначале, в XIX — начале XX века, эти действия называли «военной пропагандой», затем, в 1941 году, — «психологической войной», а в 1960-е годы — «информационно-психологическими действиями».

ГЛАВА II

Информационно-психологическое обеспечение войн эпохи Средних веков

Основные направления и формы информационно-психологического воздействия, сложившиеся в войнах народов древних государств, получают дальнейшее развитие в эпоху средних веков. Это, например, ярко проявилось в завоеваниях монголов, которые захватили во время своих походов практически все значительные регионы мира за исключением Западной Европы.

В ходе своего наступления монголы искусно вели психологическую войну. Устраивались специальные пропагандистские кампании, направленные на то, чтобы подорвать волю будущего противника к сопротивлению: распространялись слухи о безжалостности и кровожадности монгольских варваров, о поголовном истреблении всех, кто вздумает сопротивляться.

С одной стороны, в слухах этих была изрядная доля правды; с другой же, если противник проявлял готовность к сотрудничеству и особенно если он владел какими-нибудь техническими или управленческими навыками, которые великий каган считал бесполезными, обращались с ним достаточно милостиво¹.

Монах Плано Карпини в 1245 году ездил от папы Иннокентия IV в Монголию. В своем сочинении, представляющем отчет, он дает описание военных обычаев монголов. В частности, он отмечает, что «в войнах они весьма хитры... Когда же они желают приступить к сражению, то располагают все войска так, как они должны сражаться. Вожди или начальники войска не вступают в бой, но стоят вдали против войска врагов и имеют рядом с собою на конях отроков, а также женщин и лошадей. Иногда они делают изображения людей и помещают их на лошадей; это они делают для того, чтобы заставить думать о большем количестве воюющих. Пред лицом врагов они посылают отряд пленных и других народов, которые находятся между ними; может быть, с ними идут и какие-нибудь татары. Другие отряды более храбрых

людей они посылают далеко справа и слева, чтобы их не видели их противники, и таким образом окружают противников и замыкают в середину; и затем они начинают сражаться со всех сторон. И хотя их иногда мало, противники их, которые окружены, воображают, что их много. А в особенности бывает это тогда, когда они видят тех, которые находятся при вожде или начальнике войска, отроков, женщин, лошадей и изображения людей, как сказано выше, которых они считают за воителей и вследствие этого приходят в страх и замешательство»².

В свою очередь монголы подозрительно относились к действиям противника, ожидая от него хитрости. И когда его маневры были для них непонятными, это не раз приводило их в замешательство.

Так, когда во время похода Ахмата на Русь в 1480 году русские отступили от замерзшей реки Угры, чтобы уйти в Кременец к князю Андрею, «татары, охваченные страхом, побежали, думая, что Русь очищает берег, чтобы с ними биться»³, — сообщает летописец.

Религиозные идеи в информационно— психологическом обеспечении войн

В средние века активную роль в информационно-психологическом обеспечении войн стали играть религиозные идеи. Так, главной причиной мусульманской экспансии в VI—VIII веках являлся фанатизм, порожденный специфическими доктринами ислама, обещающими гарантированное посмертное блаженство всем, кто сложит голову в священной войне против неверных. Ни одна другая религия никогда не была в состоянии воодушевить такое множество людей, заставляя их с потрясающими воображение постоянством и энтузиазмом бесстрашно кидаться в бой, не думая об опасности и не помышляя о смерти. Коран указывал: «Чьи стопы будут покрыты прахом битв Аллаха, тот в день Великого суда будет отстоять от преисподней далее чем на расстояние, которое самый быстрый может пробежать в тысячу лет»⁴. И еще: «Убивайте, пролагая пути Аллаха, всех, кто вас убивать хочет; бейтесь с врагами, пока исчезнет всякий соблазн и восторгествует правая вера»⁵. В Коране говорится, что пророк поощряет верующих

к битве: «Если будет в вас двадцать человек стойких, они победят двести; если будет в вас сто, они победят тысячу неверных»⁶.

Учение о войне за веру и о спасительном значении участия в ней для душ верующих развилось постепенно в процессе завоеваний. По отношению к иудеям и христианам (а позднее и к зороастрийцам) допускалась веротерпимость, однако при условии, что они подчинятся, станут подданными мусульманского государства и будут платить установленные для них подати.

В Коране есть специальная глава «Добыча», которая стимулировала в воине-арабе желание идти в поход: $\frac{1}{5}$ военной добычи должна была поступать пророку, его роду, вдовам и сиротам, а $\frac{4}{5}$ выделялись в раздел войску. Военная добыча состояла из золота, серебра, пленников-рабов, всякого движимого имущества и скота. Завоеванные земли не подлежали разделу и должны были поступать во владение мусульманской общины⁷.

Еще не растраченной силе нации был вдруг необычайным образом дан толчок вновь явившейся религией, которая ясно выраженными, простейшими идеями и монотеистическими понятиями о Боге удовлетворяла религиозное чувство и в то же время тешила фантазию заманчивыми образами. Громадное поприще открывалось для этого народа в стремлении к подвигам. VII столетие, к которому относится краткая, но по своим последствиям громадная деятельность Мухаммеда, не успело еще закончиться, как государство халифов, преемников пророка, уже раскинулось от берега Инда до Геркулесовых столбов.

Ни одна другая религия никогда не была в состоянии воодушевить такое множество людей, заставляя их с потрясающим воображением постоянством и энтузиазмом бесстрашно кидаться в бой, не думая об опасности и не помышляя о смерти. Вступив в контакт едва ли не с каждой значимой военной системой мира, мусульмане весьма разумно приняли на вооружение многое из их практики. Религиозный фанатизм в совокупности с освоением передовых тактических и стратегических методов сделали их к концу описываемого периода самой грозной наступательной силой в мире.

Натиск ислама в VIII веке был остановлен внутренними разногласиями, в ходе которых на первый план выдвигались религиозные лозунги и проповеди различных движений, социальную сущность которых зачастую трудно различить из-за того, что в каждом из них переплетались религиозные, межплеменные и политические противоречия. Этим умело воспользовались противники мусульман. Они способствовали возникновению войн внутри халифата, которые его погубили.

Самое ощутимое поражение мусульманам в расцвете их могущества нанесли византийцы. В 718 г. близ Константинополя они разгромили флот арабов и победили их войска на суше. Эти победы остановили продвижение мусульман на западе. Они явились результатом того, что мусульмане столкнулись с одной из наиболее эффективных военных сил в мире того времени, которая умело использовала психологические рычаги в своих целях. Хитрость и умение обмануть были в почете у жителей Восточной Римской империи. И византийцы охотно прибегали к ним при первой же возможности.

Искренне презирая и в самом деле лицемерное порой западное понятие рыцарской чести, они пребывали в убеждении, что главное — это выиграть войну с минимумом потерь и возможно с меньшими затратами ресурсов, а в идеале вовсе обойтись без сражений.

Византийцы показали себя искусными мастерами различных форм ведения психологической войны: умело распространяли благоприятные для себя слухи, сеяли разногласие во вражеских рядах, провоцировали разногласия между беспокойными соседями, могли найти союзников в борьбе со своими противниками, а при необходимости без малейших угрызений совести прибегали к лживой пропаганде, чтобы поднять дух собственных солдат. Долгое время византийцы устрашали своих неприятелей смертоносным «греческим огнем», который вызывал панику у вражеских солдат.

Византийские стратеги столько же тратили времени на анализ особенностей своих врагов, сколько и на выработку собственных военных взглядов. Известный византийский полководец Маврикий, например, полагал, что при малейшей возможности кампании должны предприниматься в то время, когда противник менее всего готов был воевать. Так,

любая холодная или дождливая погода годилась для кампаний против персов или арабов, поскольку в такое время они сражались с меньшим напором⁸. Лев VI Мудрый писал о франках: «...они нимало не заботятся о снабжении, а когда запасы оказываются на исходе, энергия их тает, и после немногих дней голода и жажды они дезертируют, бросая знамена, и каждый как может пробирается к себе домой. Происходит это из-за полного отсутствия уважения и власти; каждый знатный человек считает себя не хуже прочих, и потому при малейшем недовольстве незамедлительно выходит из повиновения командиров. Вожди франков охотно поддаются искушению взяткой — скромная сумма наличных может иногда предотвратить набег»⁹. Византийский правитель советовал своим офицерам использовать эти и другие слабости врага.

К арабам-мусульманам Лев VI испытывал куда большее уважение. Вот его высказывание о сарацинах: «Из всех варварских народов они наиболее рассудительно и осторожно осуществляют свои военные предприятия... во многом они охотно перенимают опыт [византийцев] — как в применении оружия, так и в области стратегии»¹⁰. Однако Лев Мудрый замечает, что, даже заимствуя чужой опыт, арабы так и не сумели усвоить организационные и дисциплинарные принципы, лежащие в основе византийских побед. Несмотря на численный перевес мусульман, их фанатичное бесстрашие и охотное обращение к чужому опыту, Лев VI полагал, что византийские боевые навыки, дисциплина и организованность должны побеждать, и, как правило, так все и происходило. Все действия византийцев облегчались наличием эффективной, широко раскинутой разведывательной сети, состоявшей главным образом из торговцев и доверенных, хорошо оплачиваемых агентов, занимающих ключевые позиции при враждебных и дружественных дворах. Поэтому на основе их информации были так эффективны слухи, «подметные письма», к которым прибегали византийцы, чтобы сеять раздоры в стане своих противников.

Учитывая то, какими методами ведутся порой современные войны, византийцев не приходится особенно порицать. Возможно, их сугубо прагматический подход к проблеме выживания нации даже заслуживает восхищения. Более того,

у них единствовал достаточно четкий моральный кодекс поведения на войне: подписанные договоры были нерушимы; послы и посредники бдительно охранялись; пленные нонкомбаты никогда не подвергались дурному обращению, а к заслуживающему своей храбростью уважения побежденному врагу относились с истинным великодушием.

Византийские императоры пользовались религией для решения военно-политических задач. Искренне стремясь распространить христианство среди языческих народов, они в то же время понимали, что миссионеры могут ненавязчиво оказывать благотворное влияние при дворах обращенных правителей и что общая приверженность христианской вере автоматически ведет к союзу против язычников и мусульман.

В армии Византии непременно присутствовали священники. Как и в Западной Европе (см. ниже), византийские священники и монахи всегда были готовы занять свое место в строю, хотя Православная Церковь гораздо строже Римско-Католической укрощала крестоносный пыл, больше придерживалась библейской заповеди «не убий».

Однако константинопольские патриархи признавали убийство при самозащите и отпускали в этом случае грехи, причем самозащита имела в виду как государственная, так и индивидуальная.

На Западе Католическая Церковь в теории последовательно выступала против жестокости и насилия, царивших в Европе в средние века. Но на практике папы, кардиналы и епископы применяли силу для достижения как духовных, так и мирских целей (особенно когда длилась затяжная борьба между папами и немецкими императорами).

Некоторые священнослужители лично участвовали в боевых действиях. Как правило, это были аристократы, принявшие сан не по призванию, а дабы обратить к собственной выгоде привилегии, которыми пользовалась церковь в миру. Проповедью и мечом они добивались своих целей, которые были часто далеки от интересов церкви.

В этот же период отмечены три попытки церкви как-то контролировать и ограничивать войны.

Первая попытка была в конце X века (примерно 990 год), когда французская церковь стала проповедовать принцип, что во время военных действий нельзя причинять вред

священникам и монахам. Позже это было распространено на школьников, торговцев и путешественников, церкви и людей, идущих туда на воскресную службу или с нее. Отсюда происходит практически повсеместное признание церковных зданий как неприкосновенного убежища.

Условия «Божьего мира» более или менее честно соблюдались по всей Европе, вероятно потому, что не очень препятствовали боевым действиям.

В начале XI века была вторая, более всеобъемлющая попытка церкви ограничить войны — запретить сражаться по воскресеньям.

Поначалу это соблюдалось, но, когда епископы запретили воевать и в субботу, а потом с вечерни в среду до восхода в понедельник, а также в продолжение всего Великого и Рождественского постов и по всем церковным праздникам, «перемирие Божье» стало не соблюдаться.

Третье церковное послание на военную тему представляло первую в истории попытку контроля над вооружением. Это произошло в 1139 году, когда Ватикан объявил арбалет оружием слишком варварским и запретил его применение между христианами. Правда, пользоваться им, воюя с мусульманами или иными неверными, разрешалось беспрепятственно.

Как и ислам, христианство претендовало в средние века на всемирное религиозное господство. Вследствие заимствования христианских идей исламом у них было много общего, но все же они в основном исключали друг друга, и их отношения были враждебными. На Западе в конце XI века победа в борьбе между ними осталась за христианством. Но дела на Востоке приняли угрожающий оборот для христианства и его передового поста — Восточной Римской империи. В 1071 году в битве при Манцикерте из-за предательства ислам потерпел поражение от турок-сельджуков, которые в этом же году взяли Иерусалим у более терпимых кайрских халифов из династии Фатимидов. Затем мусульмане-сельджуки захватили практически всю Анатолию. Христианские паломники, следовавшие к святым местам, стали подвергаться таким притеснениям и насилиям, что вспыхнул едва ли не весь христианский мир. Кроме того, византийские императоры призывали пап и западноевропейских монархов на по-

мощь. Все это зародило на Западе мысль о войне за освобождение святых мест. Христианство возбраняло братоубийственные столкновения, но теперь для резни указывалась более достойная цель. В марте 1095 года на духовный съезд в Пьяченце прибыли посланцы нового византийского императора Алексея. Присутствовавшие дали обет отправиться в Константинополь на помощь христианскому монарху.

Кроме того, европейцы считали, что раздробленные на ряд феодальных владений сельджукские эмираты, непрерывно враждовавшие друг с другом, не так трудно будет завоевать. Многочисленные богомольцы (паломники), отправлявшиеся в Иерусалим на поклонение гробу Господню, и купцы, торговавшие со странами Ближнего Востока, бывая в городах Сирии и Палестины, неизменно удивлялись красоте и изяществу зданий и храмов, изобилию богатых лавок и рынков и всевозможных невиданных на Западе товаров. Возвращаясь на родину, купцы и паломники приносили с собой рассказы не только о пальмах Иерихона, водах Иордана и гробе Господнем, но и восторженные отзывы о богатствах Востока, которые возбуждали воображение рыцарства. Так в Западной Европе складывалось мнение о заморских странах, полных изобилия, которые не только выгодно, но и не трудно завоевать. Да и, объясняя на необходимость этого похода, церковь выдвинула возвышенную идею, которая находила все большую поддержку.

Когда Папа Урбан II созвал осенью 1095 года собор в Клермоне (Южная Франция), на съезд пришли не только духовные сановники, епископы и аббаты, но и миряне высшего и низшего званий. Перед многочисленными слушателями, собравшимися на Клермонской равнине за городом, Урбан II возвестил о начале Крестового похода и произнес большую зажигательную речь. Кроме необходимости помочь христианам и освободить святые места, Папа говорил и о житейских благах, которые волновали многих.

«Земля, которую вы населяете, — сказал Урбан II, обращаясь к слушателям, — ...стала тесной при вашей многочисленности. Богатствами она не обильна и едва дает хлеб тем, кто ее обрабатывает. Отсюда происходит то, что вы друг друга кусаете и друг с другом сражаетесь... Теперь же может прекратиться ваша ненависть, смолкнет вражда и задремлет

междоусобие. Предпримите путь ко гробу святому, исторгните ту землю у нечестивого народа и подчините ее себе»¹¹.

Наэлектризованные зажигательной речью тысячи слушателей вслед за Папой единогласно повторили: «Такова Божья воля!» — слова, ставшие впоследствии девизом крестоносцев. Рыцарство Папа прямо призвал «захватить сокровища врагов»¹². Многие тут же нашили себе красные кресты на одежду в ознаменование себя воинами Христа; первым это сделал епископ Адемар, которого Урбан II назначил вождем похода¹³.

Всем крестоносцам церковь обещала ряд льгот: отсрочку платежей по долгам, охрану семей и имущества, отпущение грехов, райское блаженство на небесах. Уклонение от участия в крестовом походе объявлялось свидетельством нарушения христианами своих «вассальных» отношений с Богом, которому они обязаны оказывать поддержку и мечом, и денежными приношениями.

В пользу крестового похода развернулась широкая пропагандистская кампания, которая имела различные формы. Римская курия рассылала циркулярные письма видным представителям духовной и светской власти, публиковались воззвания ко всему христианскому миру, папские энциклики и обращения к отдельным князьям, городам и провинциям. Специальные легаты, вроде архиепископа Майнцского, организовали пропагандистские центры, которые снабжали нужными материалами рассылаемых повсеместно монахов-проповедников. Для размножения этих материалов стали использовать введенную в XI веке деревянную доску с вырезанными на ней словами очередного призыва к новому походу в Палестину.

Среди проповедников, распространявших идею похода, выделялся отшельник из амьенской епархии Петр Пустыжник, которому легенды приписывают, что он был настоящим инициатором крестового похода и убедил Папу взяться за это дело. Одна из них сообщает, что во время своего паломничества в Иерусалим Петр заснул в церкви Святого Гроба и во сне увидел Спасителя, который сказал ему: «Петр, дорогой сын мой, встань, иди к моему патриарху, и он даст тебе письмо твоего посланничества. Расскажи на твоей родине о жалком положении святых мест и пробуди сердца верующих, чтобы они освободили Иерусалим от язычников»¹⁴.

Петр взял у иерусалимского патриарха письмо, отнес последнее к Папе и получил разрешение проповедовать крестовый поход.

Эта легенда пришлась по душе экзальтированным христианам, которым светское духовенство казалось недостаточно преданным делу веры; было приятно думать, что зачинщиком крестового похода был не Папа, а отшельник.

Для компрометации противника и консолидации своих рядов наряду с основной линией церковной пропаганды распространялись и версии о «зверствах сарацин», разжигание розни среди государств Востока, методы запугивания и др.

Не менее активно использовали всеисилие религии и мусульманские властители и завоеватели, державшие своих подданных в состоянии перманентной «священной войны» (джихад, газават), в ходе которой жесткие догмы непримиримости к иноверию уживались с тактическими хитростями. Тем, кого стремились обратить в мусульманство, сулили различные привилегии, включая и освобождение от налогов или рабства¹⁵.

Крестовые походы составили один из эпизодов великой борьбы между Востоком и Западом, которая прошла через всю историю и в которой то Восток, то Запад принимал на себя наступательную роль. Один из известных западных публицистов и историков А. Кестлер писал об этом конфликте: «В начале VIII века полюсами в мире стали сверхдержавы — христианство и ислам. Их идеалистические доктрины были спаяны с политикой силы, проводимой при помощи классических методов пропаганды, подрывных действий и военного завоевания»¹⁶.

Опыт пропагандистского воздействия в ходе крестовых походов оказал серьезное воздействие на различные другие конфликты средневековой Европы. Сам термин «крестовый поход» с понятия освобождения святых мест начал употребляться для обозначения военных экспедиций против не католиков, например язычников и православных (как немецкая экспансия на Восток, в славянские земли), мусульман (как Реконкиста в Испании) или еретиков (как альбигойские войны).

Пропаганда стала оружием в ходе Столетней войны (1338—1453). В начале XV века англичане заняли большую часть Франции. Малолетний английский король Генрих VI

Плантагенет, матерью которого являлась французская принцесса, был коронован королем Франции. Чтобы убедить французов подчиниться новому монарху, английские власти приказали размножить и распространить рисунок, на котором был изображен французский король Людовик Святой, умерший за полтора столетия до этого, который с неба благословлял на царствование юного Плантагенета.

Легенды, самозванство, фальсификация

Многие приемы информационно-психологической войны периода крестовых походов были использованы в ходе конфликта между духовной и светской властью. Огромно было могущество духовного сословия, владевшего в средние века силой устного и письменного слова.

Однако это его могущество имело и слабую сторону. Оно покоилось на потребности человека верить в сверхъестественные соотношения мира и человеческой души. Но сама эта потребность была так велика, что люди всегда были готовы верить и всему иному, новому, кроме предлагаемого церковью. Этим, конечно, пользовались противники Папы. Так, после смерти германского короля и императора Священной Римской империи Фридриха II (1194—1250), который энергично боролся с папством, народ охотно поверил предложенной ему легенде, что Фридрих II жив, вернется и завершит свой труд.

И в 1259 году в Южной Италии один отшельник, похитивший на Фридриха, стал выдавать себя за него, собрал кучку приверженцев и был признан враждебными королю Манфреду баронами Сицилии и Апулии. Манфред захватил его и казнил, но легенда о Фридрихе и после этого продолжала жить в Италии.

В 1283 году в Кёльне появился Лжефридрих, Тиль Кюлюп, или Дитрих Гольцшу. Итальянский францисканец Салимбене изображает его окруженным большой толпой немцев, которых он щедро одаривает; даже ломбардские города посылают гонцов в Германию, чтобы собрать точные сведения о нем. Но и после того, как он, осужденный за колдовство, был сожжен в Майнце в присутствии Рудоль-

фа Габсбургского и прах его рассеян, народ все еще не хотел верить в смерть Фридриха: он вернется, прогонит попов и освободит Германию от церковной тирании.

Новый самозванец, появившийся спустя короткое время в Любеке, также был признан простонародьем.

Легенда продолжала расти от поколения к поколению и становилась выражением чаяний немецкого народа: Фридрих восстановит мир, завоюет святой гроб. В 1348 году Иоанн Винтертурский писал, что распространяется уверенность в том, будто он явится во главе могущественной армии, чтобы все преобразовать,— и, как францисканец, он считает необходимым опровергнуть ожидания тех, которые верят в Фридриха, как евреи в своего Мессию. По одним известиям, он исчез однажды во время охоты и живет со своими слугами за морем. Другие — особенно писатели XV века — сообщают, что он живет в Киффгейзере в Тюрингии, в пещере или развалинах замка; он сидит перед столом, вокруг которого несколько раз обросла его борода. Еще в 1537 году, в царствование Карла V, появилась поэма, предрекавшая его возвращение¹⁷.

Легенды подобного рода, самозванство были весьма распространенным приемом информационно-психологического влияния еще до средневековья. Кстати, как и фальсификация, к которой римская церковь прибегла в период борьбы за превосходство над светской властью. Так, еще в VIII веке в канцелярии Папы Стефана III был сфабрикован документ о «донации» (даре) или «Конституции Константина». В ней преподносилась как подлинная версия о том, что еще в IV веке Папа Сильвестр (314—335) исцелил от проказы римского императора Константина, который превратил недавно еще гонимое христианство в государственную религию. «Благодарный за излечение Константин подтвердил права римского епископа как главы христианской церкви и передал ему верховную власть над городом Римом, Италией и западными провинциями империи, а сам удалился в свою новую столицу Византию (Константинополь)»¹⁸. В последующие столетия различного рода пропагандистские фальсификации займут весьма заметное место в арсенале информационно-психологической войны.

Религиозные формы духовного воздействия

В средневековые духовное воздействие на противника было облачено в основном в религиозные формы. Светская власть в военное время расправлялась с противниками под флагом борьбы с «ересью», за «чистоту веры». Воздействие на вооруженные силы противостоящих сторон велось распространением письменных и устных сообщений с перечислением всех возможных небесных и земных кар, которые могут пасть на голову тех, «кто выступает против святой веры». До воинов своих сражающихся армий доводились соответствующие моменту религиозные положения и воззвания.

В эпоху, когда грамотность была привилегией духовенства и очень узкого круга образованных мирян, когда ограничены и нелегки были всякие связи не только между странами, но и отдельными областями, — в эти века феодальной раздробленности трудности в распространении информации были очень велики. Тем не менее влияние информационного воздействия оказалось очень значительным. Слои общества, которые могли подвергаться влиянию записанного слова, в то время были очень малочисленны. Они состояли почти исключительно из социальных верхов, завоевать поддержку у которых в первую очередь стремились враждующие между собой стороны. А речь или проповедь, обращенные к толпе, оказались столь же эффективно воздействующими на средневекового человека, как и на его более рафинированного потомка.

Пропагандистские сочинения составлялись в основном главным носителем тогдашней образованности — духовенством. Аудитория, к которой они адресовались, — немецкие и итальянские города, рыцарство и князья. Эти сочинения переписывались за монастырскими стенами, а порой и руками наемных писцов в скромных жилищах горожан, ремесленников и торговцев. Размноженные копии купцы перевозили запрятанными в тюках товаров через альпийские перевалы, по Рейну и Дунаю, и переносили странствующие монахи и бродячие школяры, пестрый люд, кочующий из города в город. Сравнительно широкое распространение этой литературы доказывается хотя бы тем, сколь много произве-

дений итальянских авторов обнаружено в различных германских городах. Так, известны 115 пропагандистских сочинений, подготовленных в период обострения борьбы между Папой Григорием VII и императором Генрихом IV в 1073—1085 годы. Из них 65 исходили от сторонников римского первосвященника, а 50 — от его противников¹⁹.

В начале этой борьбы настроения почти полностью склонились в пользу Рима, и император Генрих IV должен был капитулировать — предстать босым в костюме кающегося грешника перед Папой в его замке и просить прощения. Умелое влияние на общественное мнение римского престола немало способствовало тому, что императору пришлось пойти в Каноссу. Однако уже через несколько лет чаша весов стала склоняться в пользу Генриха IV. Перемене настроения в ряде районов Германии и Северной Италии в поддержку императора способствовала и пропаганда партии противников Папы.

Авторы памфлетов, воззваний и других пропагандистских сочинений не церемонились, когда предъявляли обвинения противнику, будь то император или Папа. Например, в одном из сочинений против германского короля и императора Священной Римской империи Фридриха II, относящемся к 1245 году, он именовался «князем тирании, уничтожающим церковные догматы и культ, уничтожающим веру, вершителем злодейств, погубителем мира, опустошителем земли, бичом всего мира»²⁰.

Книжная пропаганда и цензура

Изобретение Иоганном Гуттенбергом в середине XV века книгопечатания стало поворотным пунктом в истории информационно-пропагандистских войн. Первым осознало большое значение открытия немецкого изобретателя духовное сословие и стало применять станок для издания религиозных сочинений, и только через столетия после своего появления печатный станок И. Гуттенберга становится все более важным орудием информационно-психологических войн. К 1500 году имелось более 1100 типографий в более чем 200 городах, было издано 36 тысяч книг различных названий общим тиражом в 12 миллионов экземпляров²¹.

По количеству вышедших изданий в XV веке первое место занимали церковно-служебные и богословские сочинения. На втором месте стояли произведения античных писателей. Среди них первое место занимал Цицерон — любимый автор эпохи Возрождения. Выходила научная литература по праву, истории, медицине, математике, астрономии, теории музыки. Политическая литература издавалась главным образом в виде отдельных речей, явно преследующих пропагандистские цели. В XVI веке количество пропагандистской литературы неизменно росло. В связи с вторжением турок вышло значительное количество брошюр по этому вопросу. Причем во время крупных конфликтов — Реформации и Крестьянской войны в Германии и других странах, религиозных войн во Франции, буржуазной революции в Нидерландах — рост выпуска книг представлял скачкообразный характер. Так, например, если к началу Реформации, в 1517 году, в Германии было издано 37 новых сочинений, то в 1523 году уже 498. В XVI веке возрастает выпуск литературы, рассчитанной на широкое распространение, — басни, легенды из жизни святых, памфлеты.

Литература активно участвовала в конфликте между католицизмом и протестантизмом. Писатели и философы — гуманисты того времени Эразм Роттердамский, Ульрих фон Гуттенром и их последователи — в своих сочинениях, созданных на волне Реформации, непримиримо относились к старому порядку вещей. Для этого периода характерно зарождение сатирического жанра в антикатолической пропаганде. Из авторов XVI века двое вне всякого сравнения превосходили прочих огромным количеством изданий и влиянием на современников — светский писатель, гуманист-филолог Эразм Роттердамский и церковный реформатор Мартин Лютер. Специальные типографии были заняты в основном размножением их сочинений.

Наряду с научной и церковной литературой в невероятно большом количестве (особенно в Германии) выпускаются летучие брошюры и листовки на злобу дня, политические и религиозные памфлеты. Главная масса немецких брошюр посвящена Реформации; с ними тесно связаны брошюры, касающиеся Крестьянской войны. В этих брошюрах велась защита прав крестьян, восставших против притеснений со

стороны помещиков и духовенства. В сотнях брошюр нашел отражение турецкий вопрос; в это время он приобрел чрезвычайную остроту вследствие вторжения турок на территорию Венгрии и Австрии.

Контрреформация учла возрастание роли печатного слова в борьбе за общественное мнение. Немецкий церковный деятель середины XVI века Канизиус писал, что борьба между католицизмом и протестантской ересью во многом решится исходом борьбы за контроль над типографиями и различными выпусками агитационной литературы. «Ибо, — добавлял он, — в Германии один писатель стоит 10 профессоров»^{44е}. Канизиус предложил создать специальную коллегия, призванную готовить католических публицистов. Он подробно разработал и составил пропагандистские катехизисы для каждого года обучения во всех школах и университетах.

Церковь ясно осознавала не только значение пропаганды в книгопечатании, но и ту угрозу, которую оно представляло для господствующей идеологии. Еще до того, как духовенство начало широко применять печатное слово в своей собственной пропаганде, оно попыталось воспрепятствовать тому, чтобы этим оружием воспользовались его противники. Даже простое распространение священных книг Старого и Нового Заветов на языках различных европейских народов считалось опасным, так как было способно плодить ереси, бывшие нередко выражением в религиозной оболочке общественного недовольства. Уже в 1482 году архиепископ Майнца Бертольд создал Цензурную коллегия. Архиепископ запрещал печатание любых переводов с греческого и латинского языков без специального разрешения университетских профессоров, которым он поручил осуществлять цензуру.

Публикация 95 тезисов Мартина Лютера в 1518 году и последовавшее резкое обострение религиозного противостояния вызвали введение жесткой цензуры в подавляющем большинстве европейских государств. Наказания для уличенных в публикации недозволенных книг были суровыми. Так, в 1527 году в Лейпциге был обезглавлен за такую провинность книгопечатник Ганц Гергот. Вслед за организацией цензуры последовали официальные списки запрещенных книг, первый из которых, позднее систематически пополнявшийся, был опубликован по приказу германского императора Карла V в 1524 году.

Уже через два года примеру императора последовал английский король Генрих VIII, а за ним и правительства Франции, Венеции и других государств. Однако вскоре Католическая Церковь оставила далеко позади светских государей. Принятый в 1559 году на Тридентском соборе «Индекс запрещенных книг» расширился и дополнялся вплоть до 1966 года²². Его целью было через запрет чтения «ошибочной» теологической и безнравственной литературы предотвращать загрязнение веры. Канон предписывал две главные формы контроля над литературой: цензура книг римскими католиками перед публикацией в отношении веры и морали; конфискация изданий, которые оценивались как вредные. Этот индекс, например, долгое время в число запрещенных включал трактат А. Данте «Монархия». Мотив запрещения: Данте утверждает, что император получает власть от Бога, а не от его наместника на земле²³. В специальной булле Пий IV установил десять главных причин, каждая из которых могла служить достаточным основанием для включения печатного издания в индекс. Правила были настолько широкими и расплывчатыми, что, по существу, позволяли запрещать любую неугодную книгу.

«Индекс запрещенных книг» превратился в важное оружие борьбы с протестантизмом, и в него стали включать все большее число произведений, ранее одобрявшихся римскими владыками. Папа Павел IV (1555—1559) даже приказал внести в индекс сочинение, которое он написал сам до избрания главой церкви. После отмены индульгенций в индекс попали рекламировавшие их брошюры, и было даже разъяснено, что эти сочинения составлены провокаторами, пытавшимися опорочить святую церковь. Римская инквизиция запретила в 1622 году ученый трактат некоего Вечиети, а сам автор провел долгие годы в темнице за то, что высказал отличное от обычного мнение по поводу Тайной вечери²⁴. Более либеральные цензоры были в Испании — они разрешали некоторые книги, запрещенные в Риме, ограничиваясь вымарыванием в них «опасных мест».²⁵ В роли цензоров выступали члены ордена доминиканцев, а также армии государств католического лагеря. Так, когда в 1589 году Женева была обложена войсками герцога Савойского, чтобы уничтожить это «гнездо ереси», осаждавшие заявляли о своих

планах до основания разрушить город. И особенно типографии, где печатались книги²⁶.

С конца XVI века мировое первенство по печатной продукции принадлежит Голландии. Ее росту способствовала самая широкая свобода печати, какой не существовало ни в какой другой стране того времени. Под свободой печати для того исторического периода следует понимать свободу высказывания против феодальных порядков и Католической Церкви. Голландия сделалась убежищем для всех преследуемых за религиозные убеждения и постепенно стала центром зарубежной печати для Франции, где цензура, так же как в Англии и Испании, была чрезвычайно сурова.

В течение XVI века в Голландии было опубликовано 67 сочинений Эразма Роттердамского. Активно издавались произведения и других гуманистов — Алардуса Амстелредамуса, Петруса Афердиануса, Герардуса Гелденхауэра и др. До 1546 года (год смерти Лютера) вышло 85 изданий его сочинений. Среди читателей сочинений Лютера и других запрещенных изданий было много ремесленников, в том числе переплетчики, булочники, парикмахеры, батраки, кровельщики, шляпочники, сапожники, игольщики, слесари, портные, чулочники, стригали.

В печатной пропаганде против испанского господства большую роль сыграли многочисленные печатные памфлеты, сатирические сочинения и песни. Эти памфлеты были, разумеется, анонимными. Их выпускали часто небольшие типографии по невысокой цене. В своих политических интересах их умело использовали Вильгельм Оранский и его соратники.

В 1529 году в Голландии был издан указ, по которому все книги должны были иметь специальное разрешение на издание. Издатели, которые не проходили цензуру, подвергались жестоким наказаниям — клеймению, выкалыванию глаз, вырыванию языка, отсеканию руки. В 1538 году ввоз книг без разрешения был запрещен, а по эдикту 1544 года нельзя было печатать на испанском, английском, итальянском языках, а также на других языках, которые в Нидерландах не понимали. Эдикт 1546 года ввел еще большие ужесточения. Эти меры имперского правления достигли апогея в 1550 году, когда был обнародован «Вечный эдикт», именуемый также «Кровавым плакатом». Под страхом смертной казни

запрещалось всякое производство и продажа еретических книг, а также чтение и толкование Библии.

Усилившиеся после эдикта 1546 года гонения за веру вызвали рост эмиграции, в том числе и среди печатников. Эмигрантские издания тайно доставлялись в Голландию. Возросший на них спрос, который превышал предложение, побуждал некоторых владельцев типографий заниматься перепечаткой. Издатели стали прибегать к фиктивным выходным данным. В 1520—1540 годах известно около 40 названий с фиктивным местом издания, из которых большая часть издавалась в Антверпене. Имелись издания без указания типографий, места печати и года издания.

В конце XVI — начале XVII века в Голландии были введены новые цензурные ограничения. В 1581 году был обнародован «Цензурный эдикт», по которому Голландские штаты должны были запрещать мятежные сочинения. Все произведения религиозного характера рассматривались как политические. Издатели и торговцы вели успешную борьбу с цензурой, но имели место и случаи преследования.

В XVII веке, чрезвычайно насыщенном крупными историческими событиями, такими, как Тридцатилетняя война, буржуазная английская революция, большого развития достигли политическая книга и политическая брошюра. Политическая книга приняла разнообразные формы: от политических выступлений, в которых отразилась борьба классов, до памфлетов, имевших кратковременное значение. Особенно много памфлетов выходило в Германии в период Тридцатилетней войны. Во Франции во время правления кардинала Мазарини политическая брошюра издавалась в невероятно больших количествах названий. Брошюры, направленные против Мазарини и его борьбы с аристократической оппозицией, так называемой фрондой, выходили чуть ли не ежедневно, обычно без указания места печатания. Тем же оружием пользовался и Мазарини, будучи сам автором многих памфлетов. Вся эта обширная политическая литература получила название «Мазаринад».

В XVII веке в Англии получила широкое развитие политическая книга. Из 50 тысяч наименований книг, брошюр, листовок большая часть принадлежала к общественно-политическому виду литературы. Правительство стремилось

ужесточить контроль за печатным словом. В 1637 году «Звездная палата» приняла «Закон о цензуре», открывший самый темный период в истории английской печатной книги. Против цензуры вообще, против данного закона в частности выступил выдающийся поэт, революционер и общественный деятель середины XVII века Джон Мильтон. Его всемирно известная «Ареопагитика, или Речь в защиту свободы печати», произнесенная им в парламенте в 1644 году, где он приводил доводы против права правительства предварительно ограничивать публикацию и призывал к уничтожению цензуры, потрясла Англию и Европу. Впоследствии ее принципы легли в основу конституционных прав о свободе печати многих демократических государств.

Конгрегация пропаганды веры

В период Тридцатилетней войны (1618 — 1648), которая начиналась как религиозная — она развивалась из межконфессионального конфликта немецких католиков и протестантов, в Риме решили создать пропагандистский центр папства. Он возник 6 января 1622 года и назывался «Конгрегация пропаганды веры» («*Congregatio propaganda de fide*»). (С этого начинается жизнь и сам термин: от *propaganda* (лат.) — распространять.) Ее создатели, среди которых был и молодой кардинал Людовико Людовизи, воспитанник иезуитов, задумывали с помощью подобного центра объединить всю католическую пропаганду в Европе и за ее пределами как при длительном систематическом осуществлении своего влияния, так и при ведении специальных кампаний для достижения тех или иных ближайших целей.

В состав Конгрегации пропаганды веры вошли 13 кардиналов и 2 прелата. Пропагандистский центр Ватикана был щедро наделен денежными средствами. Почтовым ведомством было предписано бесплатно распространять материалы конгрегации во все концы мира. Особая конгрегация ведала подготовкой квалифицированных проповедников. Папскому издательству «Типография полиглота» («*Typographia Polyglota*») было приказано значительно расширить выпуск литературы по пропаганде веры, охватив в том числе народы Дальнего Востока. Папа сам присутствовал на заседаниях

конгрегации для придания большего веса ее решениям. Были приняты особые меры по налаживанию связи конгрегации со всеми ее корреспондентами и агентами в разных странах.

В июне 1622 года булла Папы Григория XV возвестила, что целью Конгрегации является не только обращение в католическую веру иноверцев, но и возвращение в лоно церкви тех, кто был отторгнут от нее «происками врагов Божьих»²⁷.

Конгрегация разделила весь мир на районы, пропаганда в которых велась под управлением назначаемыми из Рима церковными сановниками. Так, на нунция в Испании была возложена обязанность быть главой пропаганды не только в этой стране, но и в ее огромных владениях, охватывавших большую часть Южной и всю Центральную Америку. Представителю Папы в Португалии поручалось осуществлять руководство в ней самой и ее колониях: нунцию в Брюсселе — в Голландии, Англии, Дании; нунцию в Вене — в Австрии, Венгрии, Южной Германии и т. д.

При помощи орденов конгрегация занялась засылкой католических миссий в различные страны, расширением числа коллегий, готовивших проповедников. Наряду с этими коллегиями и семинариями было организовано специальное управление Конгрегации пропаганды — Особая конгрегация, которая создала и расширила целую группу германских, английских и многих других учебных заведений в Риме, подготовлявших квалифицированных проповедников, хорошо знакомых с языком, обычаями стран, где им предстояло действовать. Не менее семи специальных школ в Риме в 1622 году готовили искусных полемистов для публичных, устных и печатных диспутов с протестантами.

Конгрегация пропаганды осуществляла контроль над деятельностью миссий во всем мире, вплоть до Индии и Японии. В Рим стекались детальные отчеты, а оттуда рассылались четкие указания о направлении и характере пропаганды. Рим вскоре понял нецелесообразность подчинения проповеднической деятельности миссии задачам достижения временных политических выгод. Длительная идеологическая обработка населения преследовала далеко идущие политические цели римской курии. В Риме отлично поняли, что будничная деятельность миссий создает почву для развертывания в нужный момент психологической войны, решающей

главные политические задачи. Однако такой почвы могло и не возникнуть, если бы эта активность миссий оказалась скомпрометированной прямым обслуживанием текущих политических интересов тех или иных европейских и колониальных держав, которые далеко не всегда вполне совпадали с интересами Католической Церкви. В этой связи Конгрегация пропаганды веры издала в 1659 году декрет, запрещающий миссиям содействовать видам различных политических группировок, непосредственное участие в органах государственного управления, нападки на существующие власти, обсуждение политических вопросов в проповедях и на различных религиозных собраниях (разрешалась с оговорками только подача советов монархам).

Практика миссий, действовавших десятилетиями и веками в различных странах, послужила школой, отшлифовавшей искусство католических проповедников, привела к накоплению опыта, методов и приемов борьбы за умы людей, которые конгрегация использовала для усиления влияния Католической Церкви. К их числу принадлежит внимательное изучение и использование особенностей психологического склада различных народов и отдельных социальных групп, умение играть на национальных, региональных и других подобных противоречиях, манипулировать религиозным фанатизмом, направляя его в каждом случае в угодном направлении, умение сочетать длительную, чуть ли не индивидуальную идеологическую обработку каждого человека с организацией интенсивных пропагандистских кампаний и др.

Конгрегация создала огромную централизованную машину пропаганды. «Ничего даже отдаленно напоминающего этот разветвленный аппарат не было не только в XVII веке, но и в последующие два столетия ни в одном государстве мира», отмечал Е. Б. Черняк²⁸.

Новые обоснования захватнических войн

Наряду со всепроникающим влиянием религиозной аргументации во все формы информационно-психологического обеспечения войны средних веков в конфликтах последних столетий этой эпохи появляются пропагандистские обоснования для захвата чужих территорий, не связанные с

христианскими идеями. Так, во Франции впервые была выдвинута теория «естественных границ». Ее появление связано с занятием в 1552 году королем Генрихом II городов Вердена, Меца и Туля. Попытки императора Карла V отвоевать Мец потерпели неудачу вследствие упорной обороны города герцогом Франсуа Гизом. В это время вошли в моду разговоры о Рейне как границе Галии. В 1568 году лотарингец, враг кардинала Гиза Жан ле Бон опубликовал трактат «Рейн — королю», в котором впервые выдвинул идею о том, что Франция может претендовать на границу по Рейну не вследствие своих исторических прав, но по природным причинам»²⁹.

Войнами позднего средневековья рожден также такой тезис пропаганды для воздействия на враждебную сторону, как обвинение ее в претензиях на мировое господство. Этот тезис, например, наряду с религиозными обоснованиями активно использовался в ходе Тридцатилетней войны 1618—1648 годов, когда такие намерения приписывали друг другу соперничавшие блоки: габсбургский (испанские и австрийские Габсбурги, католические князья Германии, поддержанные папством и Речью Посполитой) и антигабсбургский (германские протестантские князья, Франция, Швеция, Дания, поддержанные Англией, Голландией и Россией). В результате потерпели крах планы Габсбургов на создание мировой империи и подчинение национальных государств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дююю Р. Э., Дююю Т. Н. Харперская энциклопедия военной истории с комментариями издательства «Полигон». Всемирная история войн: В 4 т. СПб.; М., 1998. Т. 1. С. 721.

² Плано Карпини. История монголов. СПб., 1911. С. 31—32.

³ Полное собрание русских летописей. Типографская летопись. Т. 24. С. 194—201.

⁴ Егер О. Средние века. СПб., 1999. С. 60.

⁵ Там же. С. 60.

⁶ Коран. Казань. 1907. С. 339.

⁷ Там же. С. 325—343.

⁸ Дююю Р. Э., Дююю Т. Н. Харперская энциклопедия военной истории с комментариями издательства «Полигон». Всемирная история войн. Т. 1. С. 435.

⁹ Там же. С. 436.

- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 652—653.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Егер О.* Средние века. С. 270.
- ¹⁴ Эпоха крестовых походов. СПб.; М., 1999. С. 351.
- ¹⁵ *Беглов С. И.* Внешнеполитическая пропаганда. М., 1980. С. 38.
- ¹⁶ *Koestler A.* The Thirteenth Tribe. The Khazaz Empire and Its Heritage. N. Y., 1976. P. 58.
- ¹⁷ Эпоха крестовых походов. С. 275—276.
- ¹⁸ *Черняк Е. Б.* Химеры старого мира. М., 1970. С. 10.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 494. Последнее, 20-е издание индекса было выпущено в 1948 году. Тридентский индекс запрещенных сочинений не являлся первым каталогом запрещенных книг. Его предшественник, сообщает «Encyclopaedia Britannica», появился еще приблизительно в 496 году и описан как первый Римский индекс. Но и это не крайняя дата. Книги были предметом беспокойства еще в дохристианские времена и подвергались сжиганию как суеверные.
- ²³ См.: *Putman G. H.* The Censorship of the Church of Rome. N. Y., 1967. V. I. P. 200.
- ²⁴ *Черняк Е. Б.* Вековые конфликты. М., 1988. С. 60.
- ²⁵ См.: *Putman G. H.* The Censorship of the Church of Rome. V. II. P. 321.
- ²⁶ *Черняк Е. Б.* Вековые конфликты. С. 60.
- ²⁷ *Беглов С. И.* Внешнеполитическая пропаганда. С. 41.
- ²⁸ *Черняк Е. Б.* Химеры старого мира. С. 38.
- ²⁹ *Черняк Е. Б.* Вековые конфликты. С. 39.

ГЛАВА III

Стратегия и тактика духовного влияния Ордена иезуитов

Большую роль в истории информационно-психологической войны сыграл орден иезуитов. Всюду, где католичество боролось с Реформацией, являлись иезуиты «и своим умом, красноречием и энергией всегда умели доставить победу защищаемому делу и давали папству утвердиться в стране», — пишет Т. Гризингер в своем двухтомном труде «Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний», изданном в 1868 году в Петербурге—Москве¹. «С середины XVI века и до начала XX века иезуиты играли такую роль в судьбах многих стран, значение которой трудно преувеличить», — отмечает французский историк Габриэль Моно².

Многое в католичестве не могло устоять под ударами Реформации. Это показало, что католический мир и папство не могли довольствоваться прежними средствами для отражения новых страшных ударов, посыпавшихся на них, и дало повод основать братство иезуитов, которое не только совершенно затмило все прежние монашеские общества, но и совершило в одно столетие гораздо больше, чем все они вместе за все время своего существования. Весь мир дивился новому обществу, и все, как друзья, так и враги, соглашались, что относительно могущества, влияния, распространения иезуиты далеко превосходили все, о чем можно было мечтать.

Основатель ордена и его «Духовные упражнения»

Основателем иезуитского ордена был испанский офицер Игнатий Лойола (до 1534 года его звали Иниго). Он родился 23 октября 1491 года на севере Испании и был тринадцатым ребенком в одной из знатнейших семей страны. Почти все свое детство он провел в замке своего крестного отца, королевского казначея дона Хуана Веласко, в Кастилии. Этот дом считался одним из выдающихся заведений придворно-

рыцарского воспитания: Игнатий там научился читать и писать, прекрасно фехтовать и ездить верхом, отлично играть на мандолине.

Позднее, с 14-летнего возраста, Игнатий служил в королевском доме пажом, затем стал офицером и вел совершенно светский образ жизни. В 1515 году во время веселых ночей карнавала вместе со своим приятелем совершил проступок и подлежал осуждению светским судом. Это доказывает, что Лойола в то время не был святым. Теми божествами, которым он служил всем сердцем и всей душой, были любовь и честь. Кроме того, он гордился своей католической верой, глубоко презирал новообращенных мусульман и горел желанием сразиться с неверными, что было обычным для испанского рыцаря. Еще у него был также свой особенно чтимый святой — апостол Петр, которого он даже прославлял в романсах.

Современники оставили описание внешности будущего основателя ордена иезуитов: «Он был хорош собою, имел широкий нос, свежий цвет лица, крепкое и пропорциональное сложение и был среднего роста»³.

Ни одна черта в характере и поведении Игнатия не свидетельствовала об особенно живом интересе к религиозным вопросам.

Однако довольно рано было замечено, что он обладает исключительной способностью заставлять людей делать то, что он хочет, и вести трудные переговоры.

Поэтому в семье не сомневались, что он пойдет дальше своих старших братьев, которые избрали себе военную карьеру и успели уже доблестно поддержать честь дома Лойола на полях битвы в Южной Италии и в рядах конкистадоров Нового Света⁴.

В 1521 году французская армия внезапно перешла Пиренеи. Испанские войска были вынуждены немедленно уйти со всей территории Наварры. Только в цитадели Пампелуны остался небольшой гарнизон. Но и он был мало расположен к решительным действиям: на военном совете офицеры высказались за немедленную капитуляцию. Против сдачи выступил только один капитан Игнатий де Лойола. «Не сдаваться, бой врукопашную» — таков был лозунг, который он поддерживал с пылким красноречием. Убедительность его

слов была так велика, что безумное предложение приняли и гарнизон поручили возглавить дону Игнатию де Лойоле. 21 мая 1521 года крепость была взята штурмом⁵ французами, которых было в десять раз больше испанцев. Во время этого приступа у Игнатия Лойолы были перебиты обе ноги: одна обломком стены, другая — ядром.

Великодушный французский военачальник приказал перевязать раненого, а затем без выкупа освободил его и отправил в родовой замок Лойола около Аспейции долечиваться. Здесь снова пришлось дважды ломать неправильно сраставшуюся правую ногу и исправлять ее. Хотя пациент стойко перенес все эти мучения, желаемого результата достичь так и не удалось. Нога Игнатия не только осталась слишком короткой, но в течение многих месяцев была парализована. О военной службе можно было забыть навсегда.

Чтобы утешить и развлечь себя в этом печальном положении, Лойола обратился к обычному ресурсу больных и потребовал книги, конечно такие, которые любил: рыцарские романы, новеллы и другие занимательные сочинения. Г. Бемер сообщает, что в замке не было таких произведений. Нашлись всего две книги, которые и дали больному: сборник легенд о святых (*Flos sanctorum*) и «Жизнь Христа» картезианца Лудольфа Саксонского в испанском переводе Мавросия Монтенсина⁶.

Эти сочинения произвели на него сильнейшее впечатление. Не один раз Игнатий перечитал житие основателей францисканского и доминиканского орденов святого Франциска Ассизского^{6a} и святого Доминика^{6b}. Весной 1522 года он навсегда покинул замок своих предков, приняв решение стать святым, как Франциск и Доминик. Ближайшей его целью был Иерусалим. Перед этим он побывал на горе Монтсеррат — известном в Каталонии святом месте. Там в монастыре находилась чудотворная икона Пресвятой Богородицы. Здесь Лойола сначала целых три дня исповедался. Затем, вечером 24 марта, он снял с себя рыцарское одеяние, надел одежду странника, повесил свою шпагу и кинжал у алтаря Богоматери «и провел перед ней всю ночь, молясь то на ногах, то с коленопреклонением, не выпуская паломнического своего посоха из рук», — писал исследователь жизни основателя ордена иезуитов Л. Ранке⁷. После

этой ночи И. Лойола стал называть себя рыцарем Пресвятой Девы и воином Иисуса.

Он собирался из порта Барселоны отправиться на Святую Землю, но в порту свирепствовала чума. Лойола временно поселился в госпитале святого Луки небольшого городка Манрез, расположенного по дороге на Барселону. Задержка продлилась почти целый год. Находясь в вынужденном бездействии, нетерпеливый паломник немедленно предался благочестивым упражнениям и покаянию. Л. Ранке сообщает, что «дни он проводил в молитве или просил подаяние, одетый в рубище, под которым навешивал камни и вериги; по ночам же с теми же веригами он ложился спать на голой земле. В шестистах метрах от Манреза, на скалистом берегу реки Любрегат, впадающей в Средиземное море, Лойола разыскал почти неприступную пещеру и стал там жить. Все время он проводил в религиозном созерцании божественных качеств небесного Учителя или в самых тяжелых грубых работах, там же начал «Духовные упражнения». Люди заговорили о новом праведнике, особенно после того, как Игнатий отказался вернуться в свой замок с пришедшим за ним братом Мартином»⁸.

В Манрезе с ним часто случались «озарения», то есть состояния особенного возбуждения чувства и особенного просветления разума, не сопровождавшиеся видениями. И позднее он утверждал, что все его занятия не дали ему столько познаний, сколько принесли ему эти несколько кратких мгновений. Эти озарения Игнатий называл «уроками Катехизиса, данными самим Богом». Поэтому неудивительно, что он решил записать их в виде книги, наподобие древних пророков⁹.

Профессор Боннского университета Г. Бемер так писал об этом периоде жизни будущего создателя ордена иезуитов: «Перед нами мистик и визионист, но мистик и визионист совершенно особого рода, визионист, которому удалось подчинить порывы своего воображения дисциплине своей железной воли и контролю со стороны в высшей степени изоциренного ума. ...Игнатий не отдается слепо своим видениям и озарениям. Он определяет их ценность на основании вполне определенных критериев: 1) по действию, которое они оказывают на душу; 2) по внешним обстоятельствам, среди которых они происходят.

Таким образом, у этого визиониста воля и ум развиты, несомненно, гораздо сильнее, чем фантазия: ум — потому, что Игнатий контролирует и критически наблюдает все движения своей духовной жизни, так что в конце концов он проникает в таинственную жизнь своего «я» вплоть до самых сокровенных его глубин; воля — потому, что он настолько безусловно властвует над своим телом, жестами, языком, что переносит тяжелейшие операции, сильнейшие боли печени и зубов, не издавая ни одного стога, что у него никогда не вырывается необдуманного слова, что каждое движение его век кажется его ученикам преднамеренным, и так же безусловно управляет он своими эмоциями и даже своими силами визиониста. Можно сказать, что он становится тем, чем хочет быть. Он творит и формирует свое «я» сознательно по определенному идеалу, так же, как художник создает из мягкой глины статую, образ которой в неопределенных очертаниях присутствует в его воображении.

...Люди, которые могут властвовать над своим гневом, встречаются, конечно, довольно часто; но люди, у которых вся игра чувств покорна их воле, как у Игнатия, составляют редкое исключение даже среди типичных людей воли, великих аскетов и властителей. Фантазия Игнатия, наоборот, была бедна и слаба потому, что запас образов у него скуден и мало оригинален, а видения его отличаются чрезвычайным однообразием. Но он сумел так дисциплинировать свою фантазию, что она в конце концов стала повиноваться ему и претворять в образы и переживания все, что сколько-нибудь долгое время занимало его душу. Эта черта настолько своеобразна, что едва ли можно найти что-либо подобное ей. В ней, может быть, сказывается сильнее всего та страшная власть над своим «я», в которой, бесспорно, нужно видеть высшее дарование Игнатия и вместе с тем лучшее объяснение исключительного влияния его личности на современников и позднейшие поколения»¹⁰.

Другой ученый — профессор Мюнхенского университета Ж. Губер так писал о периоде жизни Игнатия в Манрезе: «Внутренняя борьба, которую пережил Лойола, отражается на его «Упражнениях». В них он является великим мастером излечивать больные души посредством аскетизма и глубоким психологом, изучившим до тонкости все страсти, все

иллюзии человеческого сердца и познавшего их тщету. Ему знакомы все движения человеческой души, все мучения слишком чуткой совести, и он указывает средства успокоить угрызения совести, он обладает великими педагогическими способностями и мастерски воспитывает своих последователей для намеченной им цели»¹¹.

В апреле 1523 года Лойола отправился в Иерусалим, куда и прибыл 4 сентября. К этому времени относится его первая попытка проповедовать, которой помешало отсутствие необходимых знаний. Монах францисканского ордена в Иерусалиме посоветовал Лойоле досконально изучить богословие. В конце января 1524 года, посетив по дороге Венецию и Геную, Лойола вернулся в Барселону. Здесь тридцатитрехлетний Игнатий для изучения латыни поступил в низшую школу, где вместе с десятилетними учениками успешно закончил курс. Затем в Барселоне он изучал латинский язык в школе Иеронима Ардабалы. С 1526 года начнется его девятилетняя учеба в университетах Алкалы, Саламанки и Парижа. Обычно положение старых студентов среди своих более молодых, более живых и образованных товарищей было трудное. Они часто играли малопривлекательную роль комических фигур. Редки примеры, чтобы кто-нибудь из них добился в жизни чего-нибудь значительного или способствовал возбуждению энтузиазма среди молодых.

Игнатий, наоборот, обладал притягательной силой привлекать к себе души молодых. В Алкале ему удалось сгруппировать вокруг себя студентов, которые составили благотворительную организацию, поставившую перед собой две задачи: личное освящение; заботу о душах своих ближних. Для выполнения второй задачи они организовывали собрания на частных квартирах, где Игнатий пытался морально влиять на слушателей проповедями, которые он произносил на тему о десяти заповедях. Таким образом ему удалось завоевать популярность у одиноких вдов, работниц, служанок шестнадцати-девятнадцати лет. С какой энергией Игнатий применял свой метод, показывает уже то обстоятельство, что женские обмороки на этих собраниях происходили очень часто. Его проповеди привлекли внимание инквизиции, и ему запретили устраивать подобные собрания. В Саламанке, куда осенью 1527 года переселилось маленькое братство, его вскоре

постигла та же судьба. Таким образом, Игнатий фактически был изгнан инквизицией из Испании. Он решился покинуть родину и отправиться в Париж продолжать свое образование. Его маленькое братство должно было вскоре последовать за ним. Но этот план потерпел крушение. Старые товарищи один за другим покинули Игнатия.

Он был вынужден начать в Париже все сначала. Игнатию удалось в течение 1528 года основать вместе с тремя испанскими студентами новое маленькое общество. Однако один из троих впал в меланхолию, двое других стали вести экзальтированную аскетическую жизнь. Эти события привели всю группу испанских студентов в сильное возбуждение. Игнатий был публично наказан кнутом как соблазнитель молодежи.

Игнатий оказался достаточно рассудительным, чтобы прекратить на время благочестивые попытки воздействовать на души своих сотоварищей. Со всей своей энергией он обратился к научным занятиям, которыми до этих пор совершенно пренебрегал. «Его успехи были посредственны: он никогда не сделался ученым,— отмечает профессор Г. Бемер.— Но все же гуманистическое образование в том виде, как оно было представлено профессорами коллегии святой Варвары, произвело на него сильное впечатление. Этот гуманизм, ни-сколько не порывавший с католической верой, увлек его. Позднее, организуя свои ученые школы, он много содействовал распространению его по всему свету»¹².

В Париже Лойола продолжал работу над своими «Духовными упражнениями» (окончательно законченными в 1540 году и одобренными Папой специальной буллой в 1548 году). В 1532 году Игнатий стал бакалавром, а еще через год — магистром.

Одновременно Лойола подыскивал сотоварищей среди студентов Парижского университета для создания задуманного им общества духовных рыцарей. Но теперь Игнатий действовал уже не с прежней стремительностью. Он долго искал и выбирал, затем использовал все средства, чтобы привлечь на свою сторону намеченных им молодых людей, и не знал ни отдыха, ни покоя до тех пор, пока все они не согласились последовать за ним. К 1534 году желание Игнатия Лойолы поддержали шесть его последователей.

Первым, кого Игнатию удалось привлечь на свою сторону, был его однокурсник — студент, с которым он жил в одной комнате, Петр Фабер, сын бедных крестьян, натура тяжеловесная и грубая, но верная, медленно воспринимавшая, но привязывавшаяся навсегда всеми фибрами своей души к тому, что единожды уже усвоила, будь то грубые суеверия юности или вера в миссию Игнатия, тайны аристотелевской философии или тайны духовных упражнений, при помощи которых Игнатий шаг за шагом овладевал его душой. За Фабером скоро последовал и второй студент, Франциск Ксавье, натура также малоподатливая, но во всех остальных отношениях совершенно отличавшаяся от тяжеловесного Фабера. Это был красивый молодой человек знатного происхождения, любезный, ловкий, очень живой, даровитый, но в то же время удивительно безрассудный и легкомысленный и потому неспособный надолго привязаться к какому-либо определенному занятию.

К этим первым двум рекрутам в 1532 году присоединились два молодых кастильца — Яков Ленец и Альфонс Сальмерон. Последний принадлежал к числу тех характеров, которые в течение всей своей жизни сохраняют свежесть и пыл молодости, но вместе с тем никогда не достигают полной зрелости. Ленец, наоборот, по происхождению еврей, был юноша с умом старика, преждевременно созревший рассудительный характер, одинаково быстро ориентирующийся как в теологии, так и в дипломатии, перед победоносной логикой которого почти никто не мог устоять, впоследствии достойный преемник Игнатия в должности генерала ордена. Два последних ученика, кастилец Николай Бобадилла и португалец Симон Родригес, были гораздо менее замечательны: первый — не знающий меры в своем рвении и деятельности, несколько беспокойный сангвиник; второй — скорее флегматичный, тщеславный, всегда довольный собой. Оба — люди, которыми нелегко было руководить.

15 августа 1534 года в подземной часовне Монмартра, на месте которой 9 октября 1272 года был замучен первый парижский епископ святой Дионисий с товарищами Рустиком и Элевферием, в предместье Сен-Жак, семь первых членов будущего ордена дали клятву посвятить свои жизни Богу. Клятва заканчивалась словами «*Ad maiorem Dei gloriam*» —

«Для вящей славы Господней». На алтаре часовни сорокатрехлетний Игнатий написал три большие буквы J.H.S. (Jesus Hominum Salvator) — «Иисус людей Спаситель», означавших, что он и его друзья хотят быть «слугами Спасителя Иисуса». Эти буквы стали девизом будущих иезуитов.

Через два года, после окончания университета, в 1537 году «слуги Спасителя Иисуса» встретились в Венеции. Их было уже больше семи — новыми «слугами» стали Клод Леже, Жан Кодюр, Пакие Бруе, Стефан и Иаков Эгия, Иаков Озес. Зимой корабли в Палестину не ходили, и Игнатий послал Ксаверия и Лайнеса в Рим за благословением к Папе, дав им с собой рекомендательные письма местных священнослужителей — архиепископа театинского Караффы и папского нунция Вералли. Павел III благословил путешественников, разрешил им принять священнический сан. 24 июня 1537 года «слуги Спасителя Иисуса» стали священниками и начали проповедовать в окрестных землях. Осенью 1537 года на соборе в Виченце было принято предложение Игнатия Лойолы составить «Иисусовую фалангу» — братство христовых воинов: «Мы соединились под знаменем Иисуса Христа, чтобы бороться с ересями и пороками, поэтому мы образуем Товарищество Иисуса»¹³. Через год фаланга отправилась в Рим, где знаменитый парижский профессор и доктор богословия Питер Ортис, находившийся в Ватикане, представил Лойолу Папе Павлу III. После часовой беседы глава принял предложение Лойолы составить Общество Иисуса для борьбы с ересью и позволил иезуитам проповедовать во всех римских церквях.

В начале 1539 года Игнатий Лойола собрал всех своих последователей в Риме для составления устава общества. В августе 1539 года устав был передан на утверждение Папе. Прочитав Устав, представленный Игнатием Лойолой, Павел III воскликнул: «Hic est digitus Dei» — «Здесь перст Божий». Устав был рассмотрен лучшим римским богословом и канонистом кардиналом Гвидиччиони, нашедшим его превосходным. 27 сентября 1540 года Римский Папа Павел III издал буллу «Regimina militandis ecclesiae» — орден иезуитов был официально учрежден под именем «Общества Иисуса» («Societas Jesu») ¹⁴ с числом членов в количестве шестидесяти. Главной задачей Общества Иисуса стала борьба с

Реформацией. «Надо было завоевать европейское общество и подчинить его папскому господству, надо было, кроме того, распространить христианское учение среди неверных, преобразовать нравы и весь духовный строй католического духовенства и пробудить религиозное чувство, угасшее в сердцах народов»¹⁵.

Что же влекло так сильно людей к Игнатию Лойоле? В чем заключалась его притягательная сила, что они собирались вокруг него? Многие исследователи стремились ответить на эти вопросы. Конечно же, они сразу отрицали возможность привлекательности его внешности. В его фигуре в те годы не было ничего импонирующего: человек среднего роста, лысый, с лицом оливкового цвета, впалыми щеками, большим лбом, сверкающими и глубоко сидящими глазами. Кроме того, он несколько хромотал и поэтому, когда сидел или стоял, обычно опирался на палку. Но на его осанке всегда лежал отпечаток уверенного в себе и сдержанного на словах прирожденного дворянина¹⁶.

Г. Бемер и другие авторы работ об основателе ордена иезуитов считают, что молодые души привлекали к Игнатию Лойоле его твердость и мужество в преодолении жизненных испытаний и те идеи, которые были заложены им в маленькой, совсем незаметной книге «Духовные упражнения». Несмотря на свои небольшие размеры, она принадлежит к числу книг, оказавших большое влияние на судьбу человечества, а перепечатывалась бесчисленное количество раз и породила много сотен комментариев, — основная книга иезуитов и в то же время резюме долгого внутреннего развития ее автора¹⁷.

Действительно, это даже не книга в обычном смысле слова. Стил — сдержанный, насколько это только возможно; содержание заключается в инструкциях для проведения упражнений; следовательно, это регламент упражнений, не упражнений для развития тела, а упражнений для воспитания души. Подзаголовок названия книги сразу объясняет, в чем суть духовных упражнений: «Дабы [человек] смог победить самого себя и упорядочить свою жизнь силой решения, свободного от какого бы то ни было неупорядоченного влечения». Далее этот регламент обещает читателю воспитать душу таким образом, чтобы человек стал господином своего

«я» и научился регулировать свое поведение сообразно решениям своего разума. Э. Пуссе в своем «Введении к “Духовным упражнениям”» отмечал, что центральный смысл книги И. Лойолы заключается в следующем: «Затворник должен принять некое решение. Решение это определяется бесстрастной и точной оценкой тех обстоятельств и причин, которые склоняют его сделать тот или иной выбор. В наиболее важных случаях такое решение оказывает решающее влияние на окончательную ориентацию всей человеческой жизни: брак, монашество или безбрачие (целибат), избранное ради того, чтобы наиболее полно посвятить себя выполнению той или иной задачи...»^{17а}. Сам Игнатий Лойола объясняет, что «под именем духовных упражнений разумеется всякий способ испытания совести, размышления, созерцания, молитвы словесной и мысленной и других духовных действий...»^{17б}

Упражнения распределялись на четыре недели, сообразно четырем частям, на которые они разделялись. Однако из этого не следовало, что каждая неделя состояла из семи дней. Игнатий отмечал, что в зависимости от результата необходимо иногда неделю сокращать, иногда же ее увеличивать. Однако все упражнения следует закончить в течение приблизительно тридцати дней^{17в}. Что случалось с затворником в келье в течение этих дней? Боннский профессор Г. Бемер писал: «Если созерцающий проанализирует все, что испытал в течение их, он тотчас же признает, что руководитель упражнений сумел с необыкновенным искусством соединить в своем деле три вещи: 1) он заставил его пережить всю драму искупления мира, начиная с падения ангелов и кончая вознесением Христа, в том виде, как ее изображают католические догматы, пережить настолько сильно, что с этого момента все его чувства, все его мысли, вся его жизнь замыкаются в кругу этих образов и представлений; 2) он заставил его пережить и собственную жизнь со всеми, даже самыми тайными, прегрешениями и, таким образом, осознать все свои недостатки, пороки и грехи; 3) наконец он дал ему возможность при помощи этих двух испытаний порвать с прошлым и начать новую жизнь. Последнее, то есть выбор нового образа жизни, и является, собственно говоря, предметом и целью упражнений. Все остальное — лишь подготовка,

средства, упражнения. Ибо для Игнатия недостаточно вызвать благочестивые чувства; он хочет действия — выбора новой жизненной цели, основанной на полном самообладании»¹⁸.

Это практическое направление и неразрывно связанная с ним подготовка, устремленная к абсолютному внутреннему отождествлению с католической догматикой, распределение всего материала упражнений с точки зрения определенной практической цели, наконец, методическая, старательно продуманная вплоть до мельчайших деталей тренировка воли и воображения являются «изобретением» самого Игнатия. Что касается деталей, то Г. Бемер отмечает, что Лойола многому научился и многое заимствовал у более ранних мистиков. В частности, из «Vita Christi» Лудольфа Саксонского; из «Духовного алфавита» Франциска де Оссуна; из произведений двух нидерландских мистиков — Жана Маубурна и Цербольты де Цутфена, которые тщательно изучал и Лютер; из «Подражания Христу» Фомы Кемпийского, трактатов Савонаролы и т. д. Знаменитое видение двух армий было заимствовано из проповеди, неверно приписанной Бернарду Клервальскому. Но заимствованное не осталось у Игнатия Лойолы непереработанным материалом. Он вполне овладел им и настолько хорошо приспособил к своим целям, что «Духовные упражнения» кажутся нам «цельным созданием единого вдохновения»¹⁹.

«Духовные упражнения» подвергались критике. Чаще всего Игнатию Лойоле ставили в вину то утонченное лукавство, с которым он воздействовал на воображение новых сторонников своего движения, создавая массу видений, преследующих не назидательную, а совершенно постороннюю, практическую цель — развитие характера. Справедлив ли этот упрек? Отвечая на этот вопрос, профессор Г. Бемер писал: «Он, как мне кажется, направлен главным образом на ту сторону книги, в которой ее оригинальность и педагогическое значение проявляются наиболее блестящим образом. Игнатий прекрасно осознавал, яснее, чем кто-либо из предшествовавших ему духовных пастырей, что лучший способ воспитать человека в соответствии с определенным идеалом и сделать его навсегда верным сторонником этого идеала состоит в том, чтобы завладеть его воображением. Этим путем

«в него внедряются духи, от которых впоследствии ему будет очень трудно освободиться», духи более устойчивые, чем все принципы и самые лучшие учения, которые, не будучи вызванными, сами возрождаются часто даже много лет спустя из самых глубоких тайников души и завладевают волей с такой силой, что она вынуждена следовать их непреодолимым импульсам, совершенно уже не считаясь с мотивами и доводами, которые могли бы явиться для них помехой»²⁰.

Более того, подчеркивал Г. Бемер, Игнатий знал, что сила воображения оказывает такое воздействие на волю только в том случае, если видения самостоятельно возникают в сознании человека или если, в случае искусственного привнесения их извне, фантазия вынуждена воссоздавать их. Поэтому-то Лойола и налагает на посвященного трудное обязательство создавать в самом себе по приказанию руководителя определенные образы без использования каких-либо внешних средств.

Однако Игнатий отдавал себе отчет в том, что очень немногие люди способны самостоятельно сделать это. Поэтому он предлагает, опираясь, очевидно, на свой собственный опыт, подчинить воображение методической тренировки: он предлагает новичку сначала представить себе вполне реально определенную местность, затем поместить в ней образы конкретных лиц и, наконец, если окажется нужным, проиграть целую драматическую сцену, то есть заставить говорить и действовать тех лиц, которых он видел. Но в то же время он советует не останавливаться слишком долго на композиции каждой картины потому, что он слишком хорошо знает, как легко воображение сбивает человека с правильного пути, и никогда не забывает о том, что в упражнениях важно фиксировать воображение на выразительной картине и этим способом вызвать решительное воздействие на волю.

Исходя из этой мысли, Игнатий не только старается тщательно выбирать предлагаемые им картины, но и стремится возбудить в душе неопита перед каждым упражнением при помощи подготовительных молитв вполне определенные эмоции, которые должны получить дальнейшее развитие в самих упражнениях. Желая убедиться, что эмоция, которую он хотел вызвать, произвела надлежащее воздей-

стве, он заставляет повторять одно и то же упражнение по нескольку раз.

«Во всем этом проявляются великое искусство руководить душами и глубокое знание человеческой природы, которые не только не заслуживают порицания, но достойны самого восторженного удивления»²¹, — отмечал Г. Бемер.

Но, может быть, маленькая книжечка И. Лойолы «Духовные упражнения» представляет нечто большее, чем шедевр мудрой педагогики? Не содержит ли она в то же время и новый идеал жизни и личности, правда не в резко отчеканенных формулах, а в виде проходящего через все произведение лейтмотива; идеал, который заслуживает быть поставленным рядом с идеалом Лютера и стоит выше идеала позднего Возрождения? Такое утверждение действительно было выставлено. Думали даже, что идеал Игнатия можно сформулировать в положении «Развивай свое «я», но не для наслаждения, а для действия!». Однако действительно ли соответствует эта заповедь убеждениям Игнатия? «Он, конечно, придавал очень высокое значение развитию своих учеников, — пишет Г. Бемер. — Но уже из его любимого изречения, заимствованного из первого послания к коринфянам (1, 9, 22): «Иезуит, подобно апостолу, должен стать всем для всех, чтобы приобрести сердца всех», ясно видно, что целью этого развития является не действие вообще, а вполне определенный род деятельности»²².

Далее, определяя идеал жизни Лойолы, профессор Г. Бемер говорил, что мы не должны упускать из виду тот круг идей, который господствует над горизонтом сознания Игнатия и вместе с тем ограничивает его не только в упражнениях, но и везде и всегда: идейный круг католических догматов. Наконец, не следует забывать и о том, что Лойола никогда не имел в виду полного и разностороннего развития личности, как о том мечтали Леонардо да Винчи и некоторые другие великие деятели эпохи Возрождения, и что он никогда не представлял доброй воле индивидуума заботы об определении размеров и характера своего умственного развития.

Высшей целью, к которой Игнатий стремился, являлось не разностороннее и полное развитие индивидуальности, а закалка характера. Высшая добродетель, которая порождает все остальные, для него не неутолимая жажда знания, развивающая

все способности человека, а самообладание; самообладание в смысле монашеского самоумерщвления, самообладание, которое переходит в самоотрицание и может заставить человека пожертвовать лучшим, что есть в его интеллекте, может заставить его убедиться в истинности обратного тому, что он видит собственными глазами. Игнатий считал это самообладание необходимой предпосылкой для плодотворной деятельности, направленной на спасение душ ближних.

Умственное развитие стоит для него на втором плане и с его точки зрения всегда должно быть подчинено принципу: индивидуум должен изучать и знать только то, чего требуют интересы ордена.

Таким образом, заповедь «Развивай свое «я» для действия» не является адекватным выражением воззрений Игнатия. Сказав: «Стань сначала господином своего «я» и затем принеси это «я» в жертву на службе церкви!», мы вернее определим его цели и задачи, замечает Г. Бемер.

Определенность, с которой Игнатий ставит эту цель монашескому идеалу, действительно представляет собой нечто новое. Поэтому можно не без основания видеть в действии, поскольку оно является идеалом Игнатия, новый идеал; и даже теперь еще можно почувствовать заключавшуюся в нем притягательную силу²³.

И. Лойола привлекал к себе церковные круги силой своего аскетического духа; мир Возрождения, видевший до того счастье и добродетель в индивидуальном наслаждении, — энергией, с которой он провозглашал индивидуальное развитие в определенном направлении и в то же время предлагал индивидууму гораздо более широкое поле для деятельности — само действие.

«Поэтому утверждение, что быстрый и длительный успех ордена иезуитов среди образованных классов, особенно в латинских странах, обязан прежде всего его идеалу, идеалу Игнатия, вовсе не является преувеличением», — отмечал Г. Бемер²⁴.

Орден, созданный Игнатием Лойолой был построен по-военному. Его глава — генерал иезуитов имел неограниченные полномочия, каждый член ордена должен был безоговорочно подчиняться старшему по чину.

Орден иезуитов был прежде всего духовной силой и стремился главным образом к господству над духовной жизнью

народов. Основной причиной его успехов в достижении этой цели явилось то обстоятельство, что постепенно ему удалось захватить позиции, позволявшие в ту эпоху руководить общественным мнением.

Иезуит: законоучитель, духовник, проповедник

В первую очередь, считал Игнатий Лойола, ордену нужно было обеспечить себе симпатии подрастающего поколения. Поэтому иезуит прежде всего обязан быть законоучителем. Он должен воспитать в христианском учении детей, внедрить в их сознание десять заповедей и символ веры и таким образом заставить их мыслить и жить в соответствии с учением церкви.

Козрслрым людям иезуитам в то время легче всего можно было подойти в качестве духовников. Поэтому после законоучительства иезуит должен был обратить особое внимание на исповедь. Но народ во многих местах отвык от исповеди; часто люди уже вовсе не являлись к причастию. Поэтому нужно снова привить им желание исповедоваться, а для этого иезуит никогда не должен отпускать без утешения тех немногих, кто еще приходит. На остальных можно воздействовать в этом направлении при помощи проповедей; ибо проповедь всегда являлась наиболее близким и удобным путем к сознанию масс. Поэтому иезуит должен всюду усердно проповедовать, и, как проповедник, он должен всегда стремиться быть понятным для народа; следовательно, он не должен переносить на кафедру догматические споры, а довольствоваться «обращением людей к добродетели и отвращением их от порока» и всегда помнить, что «огонь ума и глаз производит на массы гораздо большее впечатление, чем изящные речи и тщательно подобранные слова». При случае иезуит может углубить полученные результаты, заставляя своих сторонников принимать участие в духовных упражнениях. Но упражнения предназначены не для всех. Они пригодны только для образованных людей.

Благотворительность приносит популярность

На более широкие круги, учил И. Лойола, лучше действует церковная благотворительность. Поэтому везде, где выступали иезуиты, они получали известность и как организаторы церковной благотворительности. Игнатий первый

подавал пример в Риме. Он учил, проповедовал, исповедовал, руководил упражнениями, но в особенно широких масштабах занимался благотворительной деятельностью. Во время голода 1538 года он показал, что может сделать в этой области. Он кормил более 300 бедных в своем собственном доме и раздавал хлеб тысячам. Позднее, в 1543 году, он создал два больших приюта для сирот. Развивая свою благотворительную деятельность, иезуиты затем основывают в Палермо дом святой Марфы и убежище для сирот; в Гиргенти — кредитное учреждение с целью прийти на помощь задолжавшим сицилийским крестьянам; в Неаполе и других городах — братства Тела Господня, которые посвящают себя уходу за больными и примирению по частным спорам. И в других местах орден прилагает множество усилий к выполнению задач практической благотворительности, что приносит популярность ордену.

«Всюду... проповедовать, учить, исповедовать»

Молодой орден развил настолько неутомимую и разностороннюю деятельность, что число сторонников постоянно увеличивалось. Однако в 1543 году он насчитывал не более 60 членов. Но этот небольшой отряд, тщательно подобранный, представлял собой отборное войско, каждый член которого старался осуществить на деле лозунг Игнатия «Стать всем для всех, чтобы приобрести всех».

Влияние ордена росло, и как свидетельство этого 14 марта 1543 года Римский Папа издал буллу «*Injunctum nobis*», касающуюся ордена иезуитов — «Лойола и все другие будущие генералы ордена имеют право, с согласия важнейших членов общества, но, впрочем, совершенно произвольно, изменять, отменять, дополнять и вновь издавать орденские уставы, смотря по надобности или по выгоде. Измененные или вновь учрежденные положения будут иметь совершенно одинаковую силу с прежними и должны считаться вполне законными, хотя бы даже римский престол вовсе не узнал об их существовании»²⁵.

Таких полномочий до этого не имел ни один из тридцати действующих монашеских орденов. Римский Папа освобождал генерала ордена иезуитов от зависимости от него. Количество членов общества более не ограничивалось.

А булла Папы от 3 июня 1545 года давала иезуитам право «всюду, куда они являются проповедовать, учить, исповедовать и отпускать все грехи, освобождать от всех наказаний, наложенных церковью, разрешать от клятв, обетов, налагать епитимьи, служить во всех церквях и во всякое время обедню и отправлять все требы без согласия местного духовенства и даже епархиального епископа»²⁶.

Таких прав больше не было ни у кого из католического монашества. Позднее, в декабре 1549 года, по булле Папы Павла III «Magna charta» орден иезуитов за свою деятельность получил особые привилегии: он освобождался от всех налогов и не подчинялся никому, кроме Римского Папы, более того, генерал даже получал право отменять распоряжения Папы, если они касались деятельности ордена²⁷.

Папа Павел III все чаще прибегал к услугам ордена. В 1540 году он послал Леже в Брешию бороться с еретиками-протестантами; в 1541 году Сальмерон и Брэт получили от него тайное поручение поднять католиков Ирландии против их государя Генриха VIII Английского; в 1542 году он приказал Фаберу, Леже и Бобадилле сопровождать легата Мороне в Германию.

Ни один диспут между протестантами и католиками не обходился без участия иезуитов, наиболее подготовленных для этого. Громадную роль в успехе римской Католической Церкви сыграли решения Тридентского собора, созванного Папой 15 марта 1545 года в Южном Тироле. Четыре иезуита-богослова, среди которых был Ленец, участвовали в развернувшихся на соборе дебатах. Они сводили дискуссии к догматическим вопросам, чтобы избежать обсуждения жгучих проблем реформы церкви, распространяли нужные слухи, чтобы повлиять на оппозиционно настроенное духовенство^{27а}.

Канцелярия ордена — крупное информационное бюро

Орден постоянно развивался. Если в 1544 году — к концу своего первого десятилетия — он насчитывал 9 иезуитских поселений: по 2 — в Италии, Испании и Португалии, по 1 — во Франции, Германии и Нидерландах, то к концу своего двадцатилетия в 1554 году орден уже имел 8 провинций. Первая, Индия, насчитывала 12 поселений, из них 2 — в Японии;

вторая, Бразилия,— 5 поселений; третья, Португалия,— 5 поселений; четвертая, Кастилия,— 9 поселений; пятая, Южная Испания,— 5 поселений; шестая, Арагон,— 4 поселения; седьмая, Италия без Рима,— 11 поселений; восьмая, Сицилия,— 3 поселения. Кроме того, в непосредственном ведении генерала находились три орденских дома в Риме, коллегии в Тиволи и Вене, поселение в Турне, союзы иезуитских студентов в Лувене, Кёльне и Париже. Территория ордена простиралась от Японских островов до бразильского побережья. Она заключала в себе не менее 61 резиденции и 63 домов, не считая станций в Тетуане, в португальской колонии Конго и др.

За полтора года, прошедшие с начала 1554 года до смерти Игнатия Лойолы, последовавшей 31 июля 1556 года, число провинций увеличилось до 12, число резиденций до 72, число домов и коллегий до 79, число членов до 1000²⁸.

Всей этой широко развернутой боевой линией руководит и командует единая воля, потому что все административные нити ордена сходятся в одном пункте — в кабинете генерала ордена в Риме. Этот кабинет имел тесные взаимоотношения с большинством католических дворов, получал письма, запросы, тайные сообщения почти из всех частей католического мира. Кроме того, генералу регулярно приходили подробные отчеты, по крайней мере раз в три месяца, от всех резиденций ордена, находящихся в Европе, и еще чаще тайные донесения от отдельных учеников. Таким образом, его кабинет являлся одновременно и церковно-политической канцелярией, и крупным информационным бюро.

Учитывали вкусы публики

Иезуиты деятельно выступали и пользовались широкой популярностью в качестве проповедников. Они проповедовали всюду, где представлялся удобный случай: в церквях и монастырях, но также и в домах призрения, тюрьмах, на галерах, на улицах и площадях. Они всегда умели приспособиться ко вкусам своей публики, говорили ли они перед государами и вельможами, священниками и кардиналами или же перед крестьянами и пастухами, проститутками и преступниками. Ленец дал нам блестящий пример этого красноречия,

готового приспособиться ко всем обстоятельствам, в цикле речей о вексельном и торговом праве, произнесенных им в Генуе, при помощи которых он завоевал для ордена этот большой приморский город.

Несмотря на то что духовные упражнения наряду с проповедями и благотворительными делами играли в 1550-е годы все еще большую роль, однако они уже не имели такого большого значения, как раньше. Зато в это время иезуиты все деятельнее выступают в роли духовников.

Утверждали, что люди, принадлежащие к самым различным слоям общества и особенно к высшим, осаждали исповедальни иезуитских церквей потому, что никто не уходил из них недовольным. Священник всегда умел найти подход к кающемуся. Он всегда умел умерить свою строгость настолько, чтобы тот, кто падал на колени перед его духовным трибуналом, никогда более не почувствовал желания обращаться к другим священникам, которые не принадлежали к ордену иезуитов. Если последователь Игнатия Лойолы имел дело с действительно благочестивой душой, он говорил с ней на святом языке отцов первоначальной церкви. Но по отношению к той очень многочисленной части человеческого рода, которая достаточно религиозна, чтобы чувствовать после совершения греха угрызения совести, но недостаточно проникнута религией, чтобы воздержаться от дурных деяний, священник-иезуит следовал совершенно иной системе: раз он не мог спасти ее от преступлений, он должен был спасти ее от угрызений совести. Каждый из них имел в своем распоряжении огромную аптеку лекарств для лечения больной совести.

В книгах, написанных иезуитами и напечатанных с одобрения старших, говорилось о пределе и мерах греха в различных ситуациях и можно было найти утешения для всех разрядов грешников. Обанкротившийся узнавал на исповеди, каким путем он может, не совершая смертного греха, утаить от кредиторов свое имущество; слуге становилось известно, каким образом он может, не совершая смертного греха, убежать, захватив с собой серебро своего господина; дворяне, храбрые и щепетильные в вопросах чести, находили здесь решение вопроса о дуэли, согласное с их склонностями; обману здесь давался достаточно широкий простор,

чтобы лишить всякой ценности договоры, заключенные между людьми, и людские свидетельства.

Как духовники члены Общества имели возможность воздействовать на монархов, наиболее знатных вельмож. Таким образом, тайны правительств и почти всех знатных фамилий во всей католической Европе находились в руках ордена. Никто лучше Игнатия не понял важности этого факта. Он разослал всем принадлежащим к ордену священникам инструкцию исповеди в целью увеличить могущество ордена в исповедальне.

Контроль над просвещением

Иезуиты умело выбирали те сферы деятельности, в которых их влияние приносило наибольший успех в достижении поставленной цели. Они также старались войти в высшие правительственные сферы, где распространяли влияние ордена на наиболее активные в политическом отношении группы населения различных европейских, а позднее и неевропейских стран. Особенно важное значение они придавали установлению контроля над просвещением, организуя собственные школы и университеты или прибирая к рукам уже имевшиеся учебные заведения. Для них орден готовил опытных преподавателей. Иезуитам удавалось добиться через сеть своих школ влияния на представителей господствующих классов различных стран, будь то испанский гранд, французский аристократ, венецианский патриций, польский магнат или знатный пекинский мандарин. Один иезуит был даже наставником китайского императора^{28a}.

Учебные заведения иезуитов пользовались популярностью во многих государствах. В 1640 году у иезуитов обучалось 150 тысяч учеников, в 1710 году у них было 612 коллегий и 137 пансионеров, в каждом из которых находилось от 200 до 3000 учеников. В иезуитских коллегиях получили образование многие известные в мире люди. В их числе были Конде, Буллион, Роган, Монморанси, Виллар, Брольи, Флешье, Боссюэ, Флери, Тансен, Ламуаньон, Сегье, Аржансон, Талон, Потье, Монтескье, Моле, Гено, Декарт, Корнель, Фонтенель, Мольер, Вольтер и многие другие.

Враги иезуитских школ — гуманистические учителя объясняли невероятный успех ордена в деле образования

единственной причиной — бесплатным обучением. Несомненно, этот принцип сослужил им большую службу, особенно в Южной Италии, где дворянин не всегда обладал средствами для обучения детей. Но во Франции, и в Германии, и других государствах бесплатность иезуитских школ заставляла не одного отца-протестанта доверить иезуитам обучение своих детей, и последние обычно скоро изменяли отцовской вере.

Однако, как уже отмечалось, воспитание молодежи господствующих классов так же во многих странах находилось в руках иезуитов. В связи с этим Бемер, Маколей, Моно и другие, исследуя систему образования ордена Игнатия Лойолы, указывали, что главной причиной ее успеха было сложившееся в обществе мнение, что не существует более умелых и более опытных учителей, чем иезуиты. «Справедливо ли это убеждение?» — спрашивает Г. Бемер. И отвечает: «Если мы прочтем педагогические регламенты Игнатия, великий школьный указ Аквавивы (генерала ордена. — *Примеч. Н. В.*) и свидетельства современников об иезуитских школах, то мы должны будем ответить на этот вопрос утвердительно для XVI века и для первой половины XVII века. Мы должны будем признать за Игнатием право на тот же почетный титул в католических странах, которым Меланхтон²⁹ давно уже пользовался в странах протестантских. Оба были великими педагогами своих церквей, и притом совершенно равнозначными. Ибо, собственно говоря, они не создали нового идеала образования, а лишь ввели в школы современный им образовательный идеал. Это обстоятельство объясняет нам, почему школы иезуитов и протестантские сельские и городские школы кажутся нам теперь, поскольку дело идет о педагогических принципах, до некоторой степени родными сестрами»^{29а}.

И в тех и в других школах главной задачей преподавателя было научить ученика говорить и писать по-латыни, как на родном языке, сообщает Г. Бемер. Ни маленького протестанта, ни маленького католика особенно не затрудняли греческим языком. Но в то время, как протестантский школьник изучал обычно еще зачатки еврейского языка, арифметики и физической географии и получал весьма основательное религиозное образование, программа иезуитских гимназий состояла лишь в изучении классических языков. Религиозное

образование, игравшее столь большую роль в протестантских школах, сводилось здесь лишь к заучиванию наизусть и краткому объяснению Катехизиса. Отцы-иезуиты полагали, что для вверенных их заботам детей методические религиозные упражнения, регулярная молитва, регулярная исповедь, регулярное посещение мессы и воскресных служб гораздо важнее, чем преподавание религии. Но это не единственное различие между протестантскими и иезуитскими школами.

Протестантские школы сохраняли известную долю индивидуальной инициативы в применении общей учебной программы. В иезуитских школах стремились к возможно более полному единообразию. В протестантских школах не старались возбуждать честолюбие школьников. Школы иезуитов пошли в этом направлении гораздо дальше того, что изобрели гуманисты. В них каждый школьник имел специального конкурента; каждый класс делился на два лагеря, которые соперничали между собой. Кроме того, раз в год происходили состязания между отдельными классами. Каждый месяц ученики писали сочинение на премию, и каждый месяц провозглашалось имя победителя. Ежегодно происходили экзамены и распределение учеников по успеваемости; и как будто всего этого было еще недостаточно, честолюбие учеников постоянно подогревалось публичными школьными церемониями, диспутами, декламацией, драматическими представлениями.

В протестантских школах не придавали большого значения хорошим манерам, умению корректно и изящно держать себя в обществе. В иезуитских школах этот внешний лоск считался столь же необходимым, как и умственное развитие. В протестантских интернатах школьники обычно питались очень скудно. В иезуитских интернатах и пансионах они жили, «как молодые дворяне или дети богатых горожан». Сам Игнатий, хотя лично и соблюдал самые суровые аскетические правила, не разрешал вредного для здоровья умерщвления плоти. Случалось, что он заставлял молодых аскетов, постившихся сверх положенного, подниматься с постели и вкушать при нем пищу в наказание. Старались также не переутомлять молодежь. Никогда ученики не должны были сидеть более пяти часов в день на школьных скамьях; отцы-иезуиты заботились о том, чтобы обеспечить им

необходимые упражнения на свежем воздухе и укрепляющие здоровье гимнастические игры.

Именно поэтому не только католические, но и протестантские родители весьма охотно доверяли своих сыновей иезуитам. По истечении относительно короткого промежутка времени дети уже радовали отцов той легкостью, с которой они умели говорить по-латыни, а своих матерей — опрятностью, приличными и уверенными манерами. Иезуиты, по-видимому, хорошо поняли то, что называлось в XVI и еще в начале XVII века «хорошим воспитанием», и умели лучше, чем кто-либо другой, привить его мужской части молодежи³⁰.

Курс учения в иезуитских школах был разделен на две части: *средний курс*, который проходили в коллегиях (низшие классы), и *университетский курс* (философия и богословие). Первыми были три грамматических класса. В первом преподавались основные правила латинского синтаксиса на основе самых легких писем Цицерона. Ученики изучали чтение и письмо, начала греческого языка и катехизиса. Во втором грамматическом классе изучение латинской и греческой грамматики заканчивалось — на основе трудов Цицерона, Овидия, Катулла, Проперция, Вергилия, Иоанна Златоуста, Эзопа.

Во втором филологическом классе на основе Цицерона, Цезаря, Саллюстия, Тита Ливия, Квинта Курция, Вергилия, Горация, Исократа, Платона, Плутарха изучались иностранные языки и правила риторики, греческий синтаксис, чтение и письмо.

В третьем риторическом классе по Цицерону, Аристотелю, Демосфену, Платону, Фукидиду, Гомеру преподавали красноречие, ораторское искусство, поэзию, историю, законы риторики, христианскую религию³¹.

В первом высшем классе, рассчитанном на три года, — философском — изучали философию Аристотеля, логику, физику и метафизику; нравственную философию по «Этике» Аристотеля; курс метафизики по Евклиду и географию³².

После этого обычно члена ордена заставляли в течение некоторого времени быть учителем. Если он обнаруживал способности, его допускали к учебе во втором богословском четырехлетнем высшем классе, где изучали Святое Писание, древнееврейский язык, схоластическое богословие,

основанное на учении Фомы Аквинского, казуистику, греческий, халдейский, сирийский, арабский, индийский языки. Заключением и венцом этого периода обучения для члена ордена являлось рукоположение в священники³³.

Наиболее талантливые ученики изучали богословие еще два лишних года и потом по разрешению генерала ордена могли получить степень доктора.

Переход из класса в класс осуществлялся с помощью экзаменов. Ученики были разделены на три категории — схоластики, готовившиеся к вступлению в орден, жили в коллегиях с профессорами и учителями; дети богатых и аристократов за умеренную плату жили в пансионах; были и просто приходящие на лекции ученики. Профессора и администрация были обязаны обращаться со всеми одинаково. Профессора должны были пробуждать в душах учеников любовь к Богу, служить примером набожности и добродетели, «увещевать их к ежедневному исследованию собственной совести, побуждать их к частому принятию Святых Таинств, ходить ежедневно к обедне и слушать проповеди по воскресеньям и праздникам, внушать им отвращение к пороку и любовь к добродетели»³⁴.

Учеба продолжалась 190 дней в году. В каникулы воспитанники отдыхали на дачах ордена, где занимались фехтованием, верховой ездой, музыкой, плаванием, катанием в санях и на коньках, игрой на бильярде — любимой игрой Игнатия Лойолы. Игра в карты и кости была строго запрещена.

Управление учебными заведениями ордена иезуитов осуществлялось независимо от государства, на территории которого они находились. И когда во Франции в 1846 году первый министр Тьер попытался ограничить эту независимость и внести изменения в их педагогическую программу, 600 известных французов, которые получили образование в учебных заведениях иезуитов, выступили в защиту своих учителей³⁵. Предполагается, что это произошло по инициативе членов ордена. Иезуиты всегда выступали за передачу народного образования в руки церкви или, если это было невозможно, выступали за свободу преподавания и признание принципа, что образование является частным делом, которое касается лишь родителей и воспитателей. Однако сама деятельность иезуитской школы должна была осуществляться не

свободно, а на основе учебной программы, разработанной Фомой Аквинским в Ratio Studiorum, или школьном указе 1599 года, первом великом законе всемирной истории, имевшем значение для целого ряда наций. В своей педагогической системе иезуиты постарались усвоить и широко использовать все то, что создал в методике воспитания Ренессанс, против которого они вели столь яростную борьбу.

Многие формы и методы обучения и воспитания, опробованные иезуитскими педагогами, затем были заимствованы и развиты многими другими системами образования, в том числе и военными.

Отбор и подготовка людей для ордена

Иезуиты не в состоянии были бы выполнить своей миссии ни в качестве профессора, ни в качестве проповедника и духовника, если бы Игнатий Лойола не придал особого значения отбору и подготовке подходящих людей для службы ордену. В 1550 году он завершил первоначальный проект «Конституций» иезуитов, затем долгое время работал над его улучшением и лишь в 1555 году познакомил со своим произведением членов ордена. Формированию ордена Игнатий посвятил главным образом первые части «Конституций», в которых изложены условия рекрутирования членов ордена (I), отпуска их (II), подготовки (III и IV); способы, при помощи которых может быть достигнута необходимая боевая готовность иезуитов, указаны преимущественно в постановлениях об организации (части V—X).

Иезуиты собирали в свой орден самых талантливых и умных людей по всей Европе. Безусловно пригодными считались лишь лица здоровые, в полном расцвете сил, привлекательной наружности, с хорошими умственными способностями, спокойным и энергичным характером. Богатство и благородное происхождение не являлись необходимым условием, но были всегда хорошей рекомендацией. Условно годными признавались люди, с трудом господствующие над своими страстями, слабохарактерные, склонные к мечтательности, обнаруживающие упорную и ограниченную привязанность к своим мнениям, с посредственными умственными способностями, слабой памятью, плохим даром слова,

страдающие бросающимися в глаза телесными недостатками или отличающиеся отталкивающей наружностью, обремененные долгами. Совершенно непригодными признавались все те, которые принадлежали к еретическим или раскольническим общинам или были осуждены за заблуждения в вере, далее — монахи, отшельники, люди слабоумные или склонные к слабоумию, наконец, все лица, которые по тем или иным мотивам не могут принять священнический сан. В последнюю группу отнесены все женщины.

Но даже если люди оказывались вполне пригодными и зачислялись в орден, они не могли рассчитывать на спокойное пребывание в нем. Тот, кто вел себя нехорошо или являлся малоспособным к работе ордена, просто исключался из него без каких-либо процессуальных формальностей.

Орден очень заботливо относился к подготовке своих членов. Принятый в орден человек сначала поступал на два года в новициат, или дом испытания. Здесь он получал военное воспитание характера, учился самоотречению и повиновению, молиться и созерцать, исповедоваться и должным образом посещать богослужения. Кроме того, если позволяли обстоятельства, упражнялся в произнесении проповеди. Однако строго следили, чтобы ученик не переходил границ в благочестивых упражнениях и не вредил своему здоровью умерщвлением плоти. Если принятый в орден человек не обнаруживал никакой склонности к научным занятиям, то становился к концу первого года светским коадьютором, то есть вступал в орден в качестве как бы светского брата и в этом звании исполнял в домах иезуитов разного рода обязанности низших чинов.

Если, напротив, он обнаруживал талант, то к концу второго года его посылали в одну из многочисленных школ ордена, где он должен был всецело отдаться научным занятиям в течение долгих лет.

Отбор подходящих кандидатов для службы ордену и система их подготовки к дальнейшей деятельности способствовали могуществу иезуитов и тому, что их общество состояло из людей развитых и часто выдающихся по уму, вызывающих удивление своим характером, неизменно верных тем обязанностям, которые они приняли на себя. «Ни одно религиозное общество не могло бы представить столь большого

списка людей, выделившихся на самых разнообразных поприщах; ни одно общество не развило своей деятельности на столь обширном пространстве и тем не менее ни одно не обладало столь совершенным единством чувств и деятельности. Не было ни одной страны на земном шаре, ни одного поприща практической или интеллектуальной жизни, где мы не встретили бы иезуита. Они давали советы королям. Они дешифровали латинские надписи. Они наблюдали за движением спутников Юпитера. Они выпускали в свет целые библиотеки политических, казуистических, исторических книг, трактатов по оптике, сборников алкаических од, мадригалов, катехизисов, эпиграмм, изданий отцов церкви. Воспитание молодежи почти целиком перешло в их руки, и они осуществляли его с замечательным искусством. Они как будто верно нашли ту точку, до которой можно двигать вперед умственную культуру, не рискуя привести к умственной эмансипации. Даже их враги должны были признать, что они не имели себе равных в искусстве направлять и развивать молодые умы»³⁶.

Иезуиты и религиозные войны Франции

Именно образованность позволила членам ордена одерживать победы во Франции, Нидерландах, Германии и Польше. Эти страны были главным театром военных действий иезуитов. Во Франции в первые два десятилетия существования ордена были настроены к иезуитам враждебно. Только в 1556 году они получили возможность устроить постоянную резиденцию, но не в Париже, а в отдаленном пункте Оверни, в Билломе. Здесь иезуиты начали вести борьбу с таким умением, что сомнение высшего духовенства в их силе вскоре сменилось доверием.

Важную роль в этом сыграл Яков Ленец, который первый одержал победу над предубеждениями сильных и образованных противников. Его искусная полемика со сторонниками реформы на религиозном диспуте в Пуаси открыла наконец ордену доступ в Париж (15 сентября 1561 г.) и дала иезуитам возможность действовать во всей Франции под покровительством закона. Орден быстро шел от одного завоевания к другому. К концу 1564 года у него было уже 10 поселений, в том числе несколько коллегий. Одна из них, клермонская

коллегия в Париже, конкурировала даже с Парижским университетом. Один из ее преподавателей, знаменитый Мальдонат, имел до тысячи слушателей.

В 1559 году широкой известностью пользовались и многие иезуитские проповедники. Так, Эдмонд Оже (Edmond Auger) ежедневно проповедовал в Памье против ереси. Всюду, где бы Оже ни появлялся, в Лионе, Тулузе, Бордо, Бурже, Париже, он сотнями обращал протестантов. Казалось, никто не мог устоять перед красноречием этого французского Златоуста. Рядом с ним с таким же успехом работали отец Пеллетье на юге и отец Поссевино на севере.

Но они были лишь наиболее заметными среди странствующих иезуитских агитаторов, и их пропаганда отнюдь не сводилась к одной только проповеди. Поссевино перевел катехизис Канизия; Оже написал маленький катехизис и сам распространил его. Кроме того, они вместе составили солдатские катехизисы для католической армии, которую сопровождали в качестве войсковых священников; и так как им самим нельзя было пользоваться светским оружием, то они объявили горячую войну гугенотам пером, пустив в ход тяжелое оружие своей эрудиции. Еще действенное, чем эта литературная пропаганда, была попытка отца Пеллетье организовать католиков-мирян для сопротивления еретикам. Основанные им большие братства доставляли необходимые вспомогательные средства для иезуитской агитации.

Деятельность иезуитского ордена представляла собой сочетание политических интриг и религиозной пропаганды, преследовавшей четко намеченные политические цели. Строжайшая централизация ордена давала ему возможность заблаговременного сочетания сил в тех районах, которые приобретали ключевое значение в борьбе контрреформации против ее врагов.

Многолетняя подготовительная работа позволяла иезуитским проповедникам в нужное время оказывать влияние на действие фанатизированной толпы, превращать ее в орудие для осуществления намеченных целей. Часто длительная и малозаметная пропаганда являлась лишь прелюдией к интенсивной информационно-психологической войне, которая в сочетании с подготавливавшимися иезуитами дворцовыми переворотами, мятежами, тайными убийствами должна была обеспечить победу контрреформации.

Так, например, было во время религиозных войн XVI века во Франции между католиками и протестантами (их называли в этой стране гугенотами).

В 1572 году наконец забрезжила надежда на мир, который так ждала истощенная страна. Во французскую столицу — одну из главных опор католической партии — съехались гугенотские руководители в сопровождении многочисленной свиты. 17 августа состоялось бракосочетание вождя гугенотов Генриха Наваррского с сестрой короля Карла IX, принцессой Маргаритой Валуа. А старый гугенотский воин адмирал Колиньи даже стал, по всей видимости, доверенным лицом Карла, он советовал сплотить французов, выступить против главного врага — Филиппа II, владения которого с трех сторон окружали Францию. Конечно, эти советы вызывали ненависть в ультракатолическом Мадриде, они тревожили также союзников Филиппа II — римский престол, католиков в самой Франции во главе с честолюбивым герцогом Гизом и даже мать короля Карла IX, коварную Екатерину Медичи, опасавшуюся, что Колиньи сменит ее в роли главного советника сына. Именно Екатерине Медичи принадлежала мысль воспользоваться пребыванием гугенотских лидеров в Париже, чтобы разом покончить со всеми главарями мятежников, а затем потушить и пламя восстания. 23 августа решение в Лувре было принято. Правда, разом истребить несколько тысяч дворян-гугенотов, приехавших в столицу, дело не простое. Здесь не хватит аркебуз и шпаг королевской гвардии. Но у заговорщиков сколько угодно помощников — все население Парижа готово уничтожать еретиков. От каждого дома выставляют по вооруженному человеку, чьи-то услужливые руки в короткие часы от вечера до полуночи, когда пробьет набатный колокол, успевают пометить дома, где проживают гугеноты. Проходит немного времени, и горожане вполне готовы по сигналу начать резню, которая получит в веках название Варфоломеевской ночи. Готовы, потому что им годами внушали мысль, что все зло от ереси, а выжечь ее можно лишь огнем. Тысячи гугенотов, включая адмирала Колиньи, пали под ударами убийц в Париже. За две недели во Франции погибло около 30 тысяч протестантов.

Таким образом, многолетняя пропаганда религиозной ненависти, которую дружно вели иезуиты, принесла свои

кровавые плоды. «Варфоломеевская ночь в этом смысле была не случайностью, не изолированным взрывом фанатизма и даже не событием, связанным только с французскими религиозными войнами, — отмечает исследователь истории тайных войн Е. Черняк. — Можно без преувеличения сказать, что вся психологическая война католической пропаганды на протяжении целого полувека была направлена на приготовление и осуществление Варфоломеевской ночи в масштабах всей Европы»³⁷.

Своей кульминации воинственная деятельность иезуитов во Франции достигла в 1575—1594 годах. Орден во всем оказывал содействие Католической лиге — знаменитому союзу для защиты католической религии, которая держала в это время в напряженном состоянии всю Францию. Духовники ордена отказывали в отпущении грехов тем, кто хотел примкнуть в ней; иезуиты-проповедники разжигали фанатизм масс и побуждали их братья за оружие против еретиков и наследника престола, который также был еретиком. Иезуитские эмиссары неутомимо старались заключить союз лиги с Папой и Испанией и даже собирали войска против еретиков. Религиозные войны продолжались с нарастающей силой. Пожары, опустошения, голод и эпидемии сопровождали их во всех французских провинциях, а католический фанатизм не угасал. Им были охвачены даже те, кто больше всех страдал от бушевавших религиозных войн. Сменивший на престоле Карла его брат Генрих III попытался в 1588 году договориться с Генрихом Наваррским. Но крайние католики, объединившиеся в Католическую лигу, подняли Париж против короля. Генрих III должен был покинуть столицу. Он вызвал к себе для переговоров главу лиги герцога Гиза. По приказу Генриха III в январе 1589 года герцог был зарезан в королевском дворце.

В это время иезуиты, как отмечает Е. Черняк, уже отлично сознавали различие между тактической (рассчитанной на быстрые частные успехи) и стратегической (преследующей дальние цели) пропагандой. Они понимали, что ближайшие и конечные результаты могут иногда вступать в конфликт друг с другом. Учитывая это, орден порой демонстративно отказывался от участия в тактической пропаганде, поручая это занятие отдельным своим членам. Орден формально со-

блюдал нейтралитет в борьбе между Генрихом III и Католической лигой.

Такая тактика позволяла ему сохранять непосредственное влияние на политику Генриха, королевским духовником которого оставался иезуит Эдмон Оже. Это не мешало разведке ордена осуществлять важнейшие поручения лиги и ее закулисного вдохновителя — испанского посла дона Мендоса, а иезуитские проповедники настраивали парижское население против короля, склоняющегося к соглашению с гугенотами. Поэтому, узнав об убийстве Гиза, фанатизированная парижская толпа громко потребовала свержения с престола Генриха III³⁸.

Таким образом, пропаганда иезуитов и их союзников снова принесла свои плоды. Для парижского населения, подвергшегося этой длительной идеологической обработке, вопрос был решен: убийство герцога Гиза лишало Генриха III прав на престол. При этом король должен был быть низложен не за многочисленные кровавые злодеяния, которые совершил в союзе с тем же Гизом, а только за то, что Генрих III отказывался стать целиком игрушкой в руках сил, прямо покушавшихся на государственный суверенитет Франции.

Ученые-иезуиты энергично подвели теоретическую базу под право подданных отказывать в повиновении государю-еретику и даже убивать его. Так, 7 января 1589 года на торжественном заседании теологического факультета Парижского университета — Сорбонны было принято решение: «После зрелого и свободного обсуждения и заслушивания мнения всех профессоров, после того, как были приняты во внимание, большей частью дословно приводимые, многие и разнообразные доводы, вытекающие из Священного Писания, канонического (церковного) права и папских установлений, декан факультета без возражений постановил: во-первых, что народ этого королевства освобождается от присяги на верность и от послушания, оказывавшегося королю Генриху, далее, что французский народ без отягощения своей совести может объединяться, вооружаться, собирать деньги для утверждения римско-католической апостольской религии против гнусных мероприятий названного короля»³⁹. В церквях проповедники прославляли богоугодное дело — возмездие королю-тирану. В такой накаленной атмосфере за

убийцей дело не стало. Под внушением святых отцов молодой доминиканский монах Жак Клеман отправился в Сен-Клу, где находился двор. Клеману, уверявшему, что он является тайным гонцом от сторонников короля в Париже, удалось добиться приема у Генриха. Клеман подошел к королю якобы передать важные бумаги и вонзил ему нож в живот. Монах не пытался бежать, надеясь на обещанное ему чудесное избавление. Прибывшие солдаты подняли убийцу на пики. Через сутки, 2 августа 1589 года, последний представитель династии Валуа Генрих III скончался. Это убийство было широко использовано лагерем контрреформации в пропагандистских целях, в том числе и для восхваления таких убийств в будущем. Проповедники превозносили убийцу Генриха III. В церквах служили благодарственные молебны, передавали слова Папы, сказанные по поводу покушения: «Бог все-таки не покидает свою Францию». Испанский иезуит Мариана открыто провозгласил, что Клеман — «вечная краса Франции», что его «чудный, великий подвиг должен послужить уроком всем монархам»^{39a}.

Преемником последнего Валуа стал король Наваррский под именем Генрих IV. Религиозные войны продолжались, парижские католики принимали активное участие в обороне Парижа против Генриха IV, пока город не открыл ему свои ворота. Вскоре после вступления Генриха IV в Париж, 27 декабря 1594 года, молодой парижанин по имени Жан Шастель сделал попытку убить короля кинжалом. На пытке Шастель сознался, что он в течение трех лет учился у иезуитов и что последний раз он исповедовался у одного из своих бывших учителей, иезуита Гере. Признания Шастеля привели к аресту всех иезуитов. Но судебный процесс не дал ни одного доказательства соучастия отцов-иезуитов. Лишь в одной из иезуитских коллегий нашли старый памфлет времен гражданской войны, в котором говорилось, что Генрих Наваррский недостоин французского трона, даже если он отречется от ереси. Памфлет не был хуже многих других манифестов лиги. Тем не менее был издан королевский указ об изгнании ордена иезуитов из Франции, а автор памфлета Гиньяр казнен.

Генерал Аквавиа, возглавлявший орден, вместо того, чтобы отомстить королю, как ему советовали, приказал иезуитам

Франции немедленно принести Генриху IV присягу верности. Он отдал распоряжение профессорам Сорбонны изменить свою позицию, и те выступили с критикой позиции иезуитов, которые еще недавно говорили их устами. Генерал ордена поставил иезуитскую миссию в Константинополе под защиту французского посланника и просил короля принять под свое покровительство иезуитских миссионеров в вальденских долинах. Он даже предупредил французского посланника в Риме о заговоре против короля.

Орден явно рассчитывал, что такая предупредительная политика позволит снова развернуть наступление в информационно-психологической войне и восстановить утраченные политические позиции. И уже в 1598 году французский посланник в Риме настойчиво убеждал короля терпеть иезуитов и даже призвать их обратно: по его мнению, «это было бы лучшим средством обезвредить внешних врагов короля, Испанию и Савойю, успокоить католиков, разгневанных Нантским эдиктом, смягчить недоверие курии. Раз иезуиты имеют во Франции такое сильное влияние на умы, всякое благоразумное правительство должно стремиться сделать их своими друзьями и использовать в своих целях их искусство и влияние»⁴⁰.

Генрих IV прислушался к таким политическим советам. В сентябре 1603 года он призвал иезуитов возвратиться во Францию. Орден вскоре вновь достиг во Франции могущества и расцвета. В 1610 году он насчитывал в своих 4 французских провинциях 36 коллегий, 5 новициатов, 1 дом профессов, 1 миссию и около 1400 членов. Школы ордена имели больше учеников, чем когда-либо раньше: самая большая из них, Ла-Флешь, основанная Генрихом IV, насчитывала 1200 учеников, почти исключительно благородного происхождения. И что было важнее всего, орден занял при дворе прочное положение, потому что институт придворных иезуитов, который должен был обеспечить королю влияние на Общество Иисуса, скоро дал самому Обществу большое влияние на двор.

Вернувшиеся иезуиты стали публично проповедовать необходимость полного повиновения Генриху IV, который даже взял себе исповедником отца Коттона, видного члена ордена. Этот придворный иезуит достиг своим личным обаянием,

остроумием, красноречием, а также и снисходительно-стью, которую он проявлял в качестве духовника к прегрешениям вечно влюбленного монарха, такого могущества, которого никогда не получал во Франции ни один священник, не занимавший официального положения. Он стал доверенным лицом короля и королевы и воспитателем дофина. Он добился широких привилегий для ордена, неоднократно побуждал короля вмешиваться в различные ситуации в интересах ордена, даже за границей, например в Венеции, и в то же время являлся тайным агентом генерала при французском дворе, что при деятельном участии ордена в «большой» политике было для него особенно выгодно.

Однако у самих иезуитов отношение к королю, несколько раз менявшему веру из политических соображений и издавшему эдикт о веротерпимости, оставалось прежним. И поэтому возникает растущая двусмысленность в пропаганде иезуитов, формально сохраняющих лояльность, а исподтишка стремящихся снова развернуть психологическую войну, которая позволила бы им, как и прежде, манипулировать фанатизируемой толпой. Иезуиты долго избегали открыто нападать на Генриха IV. Их проповедники предпочитали, не называя имен, обличать потворство гугенотам, которые якобы готовят варфоломеевскую ночь для католиков. Хотя эти двусмысленные проповеди не оказывали прежнего влияния, семена ненависти часто падали на благодатную почву среди населения, пережившего десятилетия религиозных войн. Иногда, обеспокоенные подготовкой Генриха IV к нападению на две главные католические державы — Австрию и Испанию, иезуиты стали открыто выступать в своих проповедях против этой войны, раздавать памфлеты против короля, даже убеждали маршала Ла-Шатра отказаться от командования, и тогда ранее брошенные в почву семена проросли и дали плоды. 16 мая 1610 года Франсуа Равальяк, один из недовольных политикой Генриха IV, убил короля незадолго до его отъезда на войну против Габсбургов.

Причастности членов ордена к этому преступлению не было обнаружено. Однако парижский парламент увидел в этом акте террора результат влияния теории, которую разрабатывали иезуитские идеологи. В частности, испанский иезуит Мариана, исходя из идеи народного суверенитета, выс-

казал в 1599 году в своей книге «De Rege» положение, что государь-тиран может быть низложен и даже убит, если он окажется виновным в оскорблении религии. Кроме того, он восхвалял убийцу французского короля Генриха III Жака Клемана как славу Франции. Во времена Католической лиги эти учения не произвели бы большого впечатления в Париже, потому что тогда вся буржуазия, за немногими исключениями, разделяла эти мнения, и даже теологический факультет университета одобрял их. Но теперь, когда жертвой этих учений пал второй французский король, парижский парламент, в убеждении, что рука Равальяка была направлена иезуитами, осудил книгу Марианы на публичное сожжение рукой палача. Этот приговор произвел огромное впечатление. Руководители ордена заявили, что только Мариана отвечает за мнение, высказанное в книге. Но в этот самый критический момент появилась работа известного иезуита Роберто Беллармино, в которой он утверждал, что долгом народа является свержение монарха, отпавшего от католической веры. Парламент запретил и книгу Беллармино, хотя он являлся кардиналом римской церкви. В последующих своих сочинениях Беллармино продолжал теорию тираноубийства, выдвинул концепцию, что террористические действия надо осуществлять чужими руками. «Священникам и монахам не приличествует убивать государей, и державные первосвященники чуждаются этого средства для укрощения властелинов,— писал Беллармино.— Если их отеческие увещевания не возымеют действия, они исключают государей от общения с верующими через церковные таинства, освобождают подданных от присяги на верность и лишают виновных царской власти и достоинства, а затем казнь предоставляется уже недуховным лицам»⁴¹. Позднее еще более ясно — если только это возможно — о том же писал другой видный иезуит, Суарец, в «Защите католической веры» (1614): «Монарх, низложенный Папой, уже не король и не законный государь. Если и по низложении он не хочет покориться Папе, то обращается в тирана, и первый встречный имеет право убить его. Вообще всякий имеет право убить тирана, если того требует общественное благосостояние»⁴². В этом же убеждал в своих трудах иезуит-итальянец Николло Серрариус, который писал: «Несомненно, что всякий вассал или подданный вправе убить

правителя, доказавшего своими поступками, что он тиран; при этом подданный может не стесняться своей присягой и не ожидать приговора суда или судьи»⁴³.

Все это говорит о том, что если иезуиты сами не участвовали в убийстве королей, то их теоретики своими сочинениями формировали сознание подданных на право убить своего правителя. Утверждая, что монархи получили свою власть в результате народного избрания, другой иезуитский теоретик Жан Буше провозглашал: «Только одно условие ограничивает свободную волю народа, только одно ему воспрещено: принятие монарха-еретика, которое вызвало бы гнев Божий»⁴⁴.

Роберто Беллармино пытался также объединить идею народного суверенитета со старой средневековой теорией, которую отстаивало папство в борьбе с империей: римский первосвященник — глава церкви, назначенный непосредственно Богом. Папа поэтому должен обладать верховной светской властью над отдельными государствами, подобно тому, как душа господствует над телом. Папа имеет право смещения государя, правление которого вредит спасению душ его подданных. Отстаивая эти взгляды, иезуиты даже отвергли другую традиционную теорию феодального общества — о божественном происхождении королевской власти. Беллармино разъяснял, что Бог никому не предоставлял светской власти. Отсюда следовало, что она проистекала от воли народа, наделявшего властью одно лицо — монарха или нескольких лиц — при республике. Таким образом, учение о папском главенстве оказалось искусно сплетенным с теорией народного суверенитета.

Эти теории орден распространял в листках, книгах, полемических трактатах, в речах и проповедях, на уроках в иезуитских школах, в пособиях для исповедников, тысячами других способов во время религиозных войн во Франции, в Нидерландах, переживавших эпоху революционной бури, в Англии, управляемой «еретичкой» Елизаветой. Впрочем, такой деспот, как Филипп II, не только поддерживал теории Беллармино, но и распространял их среди подданных, считая полезными в укреплении своей власти. Преданное духовенство наделяло Филиппа авторитетом в церковных делах, оправдывало его планы свержения с престола еретических

или потворствующих ереси монархов, которые правили странами, являвшимися объектами испанской экспансии.

Однако иезуиты обычно помалкивали об этих своих теориях в странах, где полностью господствовал католицизм. Под «тиранами» подразумевались лишь «еретики» на престоле, а также, впрочем, и католические монархи, если они становились препятствием в сложной политической игре главных столпов контрреформации — Испании и папства. В протестантских странах, особенно в Англии, где королева являлась главой государственной (англиканской) церкви, иезуиты, следуя теории кардинала Роберто Беллармино, разъясняли, что долгом народа является свержение монарха, отпавшего от Католической Церкви. Ведь защита истинной веры является условием для сохранения законных прав на занимаемый престол. Таким образом, повиновение государственной власти ставилось иезуитами в прямую зависимость от ее сотрудничества с контрреформацией. В разных странах иезуиты проповедовали различные, нередко взаимоисключающие взгляды. В одних странах они были самыми опасными врагами свободы, а в других — самыми опасными противниками порядка. А концепции, которые создавали теоретики ордена, всегда оценивались с точки зрения их пригодности для информационно-психологической войны. В течение пяти столетий ее ведения иезуиты умело сменяли союзы, объединяясь в каждую историческую эпоху для достижения своих целей с наиболее влиятельными силами светской власти. Так, иезуиты, еще в начале правления Ришелье блокировавшиеся с его противниками, стремившимися сохранить свою независимость вельможами, потом сменили фронт. Духовник Людовика XIII отец Коссен, советовавший королю дать отставку всемогущему министру, слетел со своего поста. Тогда генерал ордена сурово осудил своего неудачливого подчиненного и предложил Ришелье услуги Общества Иисуса, ни-сколько не смущаясь тем, что кардинал во внешней политике поддерживал немецких протестантских князей против любимого чада римской церкви — германского императора. Услуги ордена были приняты Ришелье, а потом его преемником — Мазарини. При Людовике XIV иезуиты стали ревностными слугами королевского абсолютизма. Так происходило и в других странах.

Тон пропаганды менялся в зависимости от обстановки

Иезуиты принимали любое обличье, приспосабливались к местным обычаям, верованиям, предрассудкам, чтобы поставить их на службу своей пропаганде. Конгрегации пропаганды веры даже приходилось одергивать иезуитов, когда они, например, как было в Китае, настолько приспособились к местным обычаям, что выбрасывали за борт самые основные догматы католицизма. Так же было в странах Востока, где они скрывали от многих новообращенных в христианство факты, на которых покоится все богословие Евангелия, а другим разрешали уклоняться от преследований сторонников местных религий, поклоняясь изображениям их божеств и читая про себя «Отче наш» и «Богородицу».

Иезуиты считали, что любой дурной или похвальный поступок можно изображать так, как того требуют интересы церкви. Пропаганда вовсе не должна была говорить о том, что на деле должны были осуществить иезуиты. Они научились в зависимости от обстановки менять тон своей пропагандистской литературы, варьируя от громоподобных призывов истреблять еретиков до мягких, дружеских увещаний заблудших. Для этого они настойчиво и с успехом разрабатывали красноречие.

Задействовались все средства массового влияния

В сотрудничестве с Конгрегацией пропаганды Общество Иисуса задалось целью поставить на службу целям католицизма все существовавшие средства массового воздействия на умы людей. Поэтому нет ничего удивительного, что орден пытался организовать «контрреформацию в театре». Иезуитам удалось создать и снабдить соответствующим репертуаром целую сеть театров, занимавшихся церковной пропагандой. В Вене, например, такой театр вмещал 3 тысячи зрителей. Театры были созданы не только в Европе, но и при иезуитских миссиях в Мексике, Перу, Бразилии, Индии, Японии и других странах. Орден не смог бы выполнить своей миссии, если бы он активно не выступал и на литературном поприще. Ибо его театрам для представлений нужны

были драмы и другие художественные произведения, а иезуитским школам и университетам — учебные пособия. Орден не мог бы победить протестантизм, если бы не попытался подорвать научную репутацию его влиятельных полемических произведений.

На литературную деятельность иезуитов, считают Г. Бемер и Г. Моно, наложили свою печать главным образом нужды школьного преподавания и потребности конфессиональной полемики. Драмы, написанные для постановки в школе, преследовали прежде всего педагогические цели. «Среди бесчисленных произведений этого рода, которыми отцы-иезуиты приводили в восторг своих учеников и покровителей (одно лишь простое перечисление их заполнит несколько томов), мы не найдем ни одного сколько-нибудь ценного поэтического произведения, — пишет Г. Бемер. — То же самое можно сказать и о многочисленных стихотворениях на латинском языке, с которыми отцы-иезуиты по примеру гуманистов обращались к своим собратьям и покровителям. Эта неолатинская поэзия также была настоящим плодом школьного класса и всегда оставалась, несмотря на все рвение благочестивых отцов, настолько слабой и сухой, что в настоящее время никто не может найти в ней никакой прелести»⁴⁵. Только один Яков Бальде отмечается среди неолатинских поэтов. В Германии автора «Урании» и лирических стихотворений на латинском и немецком языках Я. Бальде (1600—1668) считали своим «немецким Горацием», замечает Г. Моно⁴⁶.

Объясняется этот недостаток тем, что иезуиты лишь в виде исключения занимались родным языком и литературой и редко создавали что-нибудь действительно выдающееся в этой области даже тогда, когда у них бывало время для этого: для интернационального ордена национальная литература никогда не могла получить такого значения, как классическая литература Рима.

В области изобразительного искусства «орден сделал гораздо меньше, чем большие старые ордена». Г. Бемер утверждает, что так называемый «иезуитский стиль» не был изобретением иезуитов и художники ордена никогда не были великими художниками, а самое большее, как, например, влиятельный Андреа Даль-Поццо, — декораторами-виртуозами. «Почти все художественные произведения иезуитов

дают весьма печальное представление о вкусе ордена. Ибо в орнаменте своих церквей, как и в своих драмах, отцы-иезуиты прежде всего стремились к банальным, поверхностным эффектам, которые не только не позволяют действительно наслаждаться их произведениями, но, напротив, расхолаживают зрителя или даже вызывают у него усмешку»⁴⁷.

В сфере научных произведений «по их массе иезуитский орден, бесспорно, занял бы первое место среди всех остальных монашеских орденов. Ибо производительность его ученых была иногда просто ужасающей.

Но качество у них часто находится в обратной зависимости к количеству. Ни среди многочисленных выдающихся астрономов ордена, ни среди его многочисленных трудолюбивых и добросовестных историков, ни среди его бесчисленных теологов мы не найдем тех гениальных исследований, которые обогащают столетия сокровищницей своих мыслей»⁴⁸.

Таким образом, признается, что интеллектуальное значение ордена далеко не соответствовало тому неслыханному влиянию, которое он оказывал в течение веков.

Конечно, доминиканцы и бенедиктинцы святого Мавра создали пропорционально неизмеримо больше, чем иезуиты. «Но они не умели так систематически восхвалять друг друга и заставлять свой свет светить миру, как это умели делать иезуиты. Поэтому они и не достигли такой известности»⁴⁹.

Иезуиты ясно осознавали важное значение в информационно-психологической войне печатного слова. С этой целью, как уже отмечалось раньше, они не раз обращались к печатанию памфлетов и летучих листов, которые особенно популярны были в период религиозных войн. Также для борьбы с ересью ими организовывались подпольные типографии в протестантских странах. Например, в 1580 году в Англии, во время царствования Елизаветы I, отлученной Папой Пием V от Католической Церкви, высадились два эмиссара иезуитского ордена — Парсонс и Кэмптон. «Многokrатно меняя имена и местопребывание, скрываясь от преследовавших их полицейских агентов, Парсонс и Кэмптон ухитрились создать в окрестностях Лондона подпольную типографию, постоянно перемещавшуюся из одного католического дома в другой»⁵⁰.

Иезуиты отлично понимали, что уже сам факт издания их трактатов в Англии вопреки воле Елизаветы I будет серьезным ударом по правительству и усилит надежды сторонников Марии Стюарт. Главной продукцией этой типографии иезуитов были памфлеты в защиту католической веры и полемика с ересью. Иезуиты вставляли в свои трактаты даже обращения к Елизавете I с призывом вернуться к вере своих предков.

В соединении с пропагандой Парсонс и Кэмпбелл стали проводить в жизнь серию интриг с целью свержения Елизаветы I. В эту линию была хитро вплетена судьба шотландской королевы Марии Стюарт, ставшей орудием католических заговорщиков и трагически закончившей жизнь на эшафоте. Все это, вместе взятое, вылилось в настоящую информационно-психологическую войну против Англии, продолжавшуюся не один десяток лет. Ряд исследователей не без оснований связывают с этим периодом шекспировский образ Молвы:

*Развесьте уши. К вам пришла Молва.
А кто из нас не ловит жадно слухов!
Я быстро мчусь с востока на закат,
И лошадью в пути мне служит ветер.
Во все концы земли я разношу
Известья о делах земного шара.
Я сшила плащ себе из языков,
Чтоб ими лгать на всех наречьях мира.
Нет выдумки такой и клеветы,
Которой я б ушей не засорила.
Я говорю про мир в канун войны,
И я вооруженьями пугаю
В дни тишины, когда земля полна
Какой-нибудь совсем другой заботы.
Молва — свирель. На ней играет страх,
Догадка, недоверчивость и зависть⁵¹.*

В каждый исторический период орден иезуитов модернизировался и, не отказываясь, впрочем, от своих прежних сфер деятельности, выбирал и новые приоритетные направления приложения своих усилий. В XIX веке для достижения своих целей он с верным практическим смыслом, который всегда

составлял его характерную особенность, обратился прежде всего к газете и книге. Мало-помалу иезуиты создали не менее 25 религиозных и научных изданий на восьми различных языках. Наиболее распространенными и влиятельными из них, предполагает Г. Бемер, были различные «Вестники Сердца Иисуса». Они ставят своей задачей распространение культа Сердца Иисуса. В них поэтому мы можем найти целый ряд весьма интересных данных о духе, иногда очень печальном, в котором развивается народное благочестие под влиянием ордена. Издания ордена в XIX веке прежде всего — боевая литература. Орден борется против «безбожной» философии, «безбожной» политической экономии, «безбожного» правоправления, «безбожной» истории, «безбожного» социализма, «безбожного» естествознания, «безбожного» богословия и т. д. Словом, в этой области он является настоящим «протестантом». Он неустойчиво протестует против некачественной науки, выслеживая глазами Аргуса все слабые пункты своих противников и всегда стараясь приуменьшить или игнорировать их заслуги⁵².

Таким образом, в течение трех веков оружие духовного влияния ордена иезуитов постоянно совершенствовалось. И в зависимости от места, времени и других обстоятельств один из его видов выдвигался на первый план, тесно взаимодействуя с другими. Технологии достижений орденом транснациональной абсолютной власти впоследствии были заимствованы рядом других сил, стремящихся к созданию «надгосударственных» империй. Конкретных примеров подобного сходства в новейшей истории достаточно много, они настолько очевидны, что назвать их простым совпадением было бы нелепо. Менялись лишь некоторые приемы, и то благодаря новым технологическим возможностям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Интерес к ордену иезуитов породил обширную литературу. В ней наряду с тенденциозными сочинениями были и работы объективного, научного характера, в которых описывается происхождение ордена и отмечаются все важнейшие или отдельные этапы, через которые прошло его развитие, или описывается история иезуитов каждой страны. См.: *Андреев А. Р.* История ордена иезуитов. Иезуиты в Российской империи. XVI — начало XIX века.

М., 1998; *Бемер Г.* Иезуиты. М., 1913; *Быков А. А.* Игнатий Лойола. 1491—1556. СПб., 1894; *Гетте В.* История иезуитов: В 3 т. М., 1911—1912; *Гризингер Т.* Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний: В 2 т. СПб.: М., 1868; *Губер И.* Иезуиты. СПб., 1898; *Демьянович А.* Иезуиты в Западной России. 1569—1772. СПб., 1872; *Ильин А.* Иезуиты. М., 1905; *Морошкин М.* Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени. Ч. 1—2. СПб., 1867—1870; Орден иезуитов. СПб., 1874; *Толстой Д.* Римский католицизм в России. Историческое исследование: В 2 т. СПб., 1876—1877; *Ранке Л.* Римские папы в последние четыре столетия: В 2 т. СПб., 1874; *Самарин Ю. Ф.* Иезуиты и их отношение к России. М., 1870; *Скворцов Д. И.* Орден иезуитов. М., 1897; *Hollis Ch.* A history of jesuites. L., 1968; *Foss M.* The founding of the Jesuites 1540. L., 1969; *Jesuits.* Vol. 31—36. Rome, 1991—1996, и др.

² *Моно Г.* Об истории Общества Иисуса // *Бемер Г.* Иезуиты. СПб.; М., 1999. С. 11.

³ Цит. по: *Андреев А. Р.* История ордена иезуитов. Иезуиты в Российской империи. XVI—начало XIX века. С. 28—29.

⁴ *Бемер Г.* Иезуиты. СПб.—М., 1999. С. 105—106.

⁵ По другим источникам 20 мая 1521 г.

⁶ *Бемер Г.* Иезуиты. СПб.—М., 1999. С. 108.

^{6a} Франциск Ассизский (Franciscus Assisiensis), настоящее имя Джованни Бернардоне (1181—1226), — итальянский религиозный деятель, из купеческой семьи. Отказался от богатства и с 1206 года посвятил себя проповеди евангельской бедности, при этом, однако, сохраняя лояльность по отношению к Католической Церкви. В 1207—1209 годах он основал братство миноритов, при содействии папства превратившееся в монашеский орден францисканцев. В 1228 году Франциск Ассизский был канонизирован.

^{6b} Доминик (Dominicus) — в миру де Гусман (1170—1221) — основатель «нищенствующего» ордена доминиканцев. По происхождению дворянин из Старой Кастилии. Принимал участие в подавлении движения альбигойцев. При поддержке французской знати и высшего духовенства основал в 1215 году монастырь в Тулузе, заложив основы ордена, утвержденного Папой Гонорием III в 1216 году. Задачей нового ордена Доминик поставил «заботу о душах».

⁷ См.: *Ранке Л.* Игнатий Лойола.; М., б. г.

⁸ Там же.

⁹ См.: *Бемер Г.* Иезуиты. СПб.; М., 1999. С. 111—117.

¹⁰ Там же. С 119—1²⁰.

¹¹ См.: *Губер Ж.* Иезуиты. СПб., 1898.

¹² *Бемер Г.* Иезуиты. СПб.; М., 1999. С. 126.

¹³ Цит. по: *Андреев А. Р.* Указ. соч. С. 40.

¹⁴ Другие монашеские ордена, как правило, были названы по имени своих учредителей. Лойола первым прервал эту традицию. При жизни Игнатия его братство называлось «Общество Иисуса», а слово «иезуит» (равно как и «орден иезуитов») вошло в обиход уже после смерти Лойолы.

¹⁵ Бемер Г. *Иезуиты*. СПб.; М., 1999. С. 130.

¹⁶ См.: Андреев А. Р. Указ. соч. С. 43—44; Бемер Г. Указ. соч. С. 128—129.

¹⁷ См.: Лойола И. *Духовные упражнения* // Андреев А. Р. История ордена иезуитов. Иезуиты в Российской империи. XVI—начало XIX века. С. 127.

^{17а} См.: Андреев А. Р. Указ. соч. С. 116.

^{17б} Лойола И. *Духовные упражнения* // Андреев А. Р. История Ордена иезуитов. Иезуиты в Российской империи. XVI—начало XIX века. С. 118.

^{17в} Там же. С. 120.

¹⁸ Бемер Г. *Иезуиты*. СПб.; М., 1999. С. 137—138.

¹⁹ Там же. С. 139.

²⁰ Там же. С. 139.

²¹ Там же. С. 140.

²² Там же. С. 141.

²³ Там же. С. 142.

²⁴ Там же.

²⁵ Цит. по: Андреев А. Р. Указ. соч. С. 57.

²⁶ Там же. С. 57—58.

²⁷ «Magna charta» // Андреев А. Р. История ордена иезуитов. Иезуиты в России. XVI—начало XIX века. С. 254—257.

^{27а} Там же. С. 54—60.

²⁸ Бемер Г. *Иезуиты*. СПб.; М., 1999. С. 156—157.

^{28а} Черняк Е. Б. *Химеры старого мира*. С. 19.

²⁹ Бемер Г. С. 159.

^{29а} Там же.

³⁰ Бемер Г. сообщает, что Лойола воспротивился образованию женского отделения ордена, конечно, не из-за канонических соображений, а потому, что он полагал, что из совместной работы с женщинами «может возникнуть лишь огонь или дым». Несмотря на то что Игнатий первыми своими успехами был обязан женщинам, он в своей старости мало уважал прекрасный пол, жестко оттолкнул своего старого друга, Изабеллу Розер, желавшую основать Конгрегацию иезуиток, и придал своему обществу чисто мужской характер.

³¹ С 1832 года, по указанию генерала ордена Ротана, больше внимания в коллегиях и университетах стало уделяться преподаванию физики, математики, литературе и родному языку, истории церкви.

³² См.: Андреев А. Р. Указ. соч. С. 79—80.

- ³³ *Бемер Г.* Указ. соч. С. 172—173.
- ³⁴ Из педагогического устава «Ratio studiorum». Цит. по: *Андреев А. Р.* Указ. соч. С. 81.
- ³⁵ *Бемер Г.* Указ. соч. С. 99.
- ³⁶ Там же. С. 97—99.
- ³⁷ *Черняк Е. Б.* Химеры старого мира. С. 26.
- ³⁸ Там же. С. 27.
- ³⁹ Там же.
- ^{39a} *Михневич Д. Е.* Очерки по истории католической реакции (иезуиты). М., 1955. С. 159.
- ⁴⁰ *Бемер Г.* Указ. соч. С. 207.
- ⁴¹ *Гризингер Т.* Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний: В 2 т. М., 1869. Т. 2. С. 53—54.
- ⁴² Цит. по: *Черняк Е.* Химеры старого мира. С. 21.
- ⁴³ Там же. С. 22.
- ⁴⁴ Там же. С. 21.
- ⁴⁵ *Бемер Г.* Указ. соч. С. 371—372.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же. С. 373.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ *Черняк Е. Б.* Химеры старого мира. С. 27.
- ⁵¹ *Шекспир В.* Генрих IV. Ч. 2. Пролог.
- ⁵² *Бемер Г.* Указ. соч. С. 434.

ГЛАВА IV

Появление газеты в системе пропаганды

Периодические издания начали оказывать заметное влияние на формирование общественного мнения в XVII веке. Это стремление к регулярной передаче и получению вестей в государственных целях появилось еще в древние времена, для чего применялись различные средства. Так, еще в Вавилонии эпохи царя Хаммурапи (II тыс. до н. э.) о важнейших событиях писали клинописью на глиняных табличках и передавали их ко двору великого правителя; древние финикийцы писали красками буквы на черепках (XIII в. до н. э.); египтяне, как известно, с давних времен использовали чернила и папирус¹. Однако регулярное информирование общества о самых главных событиях посредством публично выставленных сообщений впервые возникло в Древнем Риме к концу республиканского периода его истории. Это произошло в 59 г. до н. э., когда Юлий Цезарь, будучи консулом, распорядился, чтобы жителям Рима сообщали о важнейших явлениях общественной жизни, в том числе и об отчетах заседаний сената. Римская газета, как ее называют историки, представляла собой несколько деревянных досок, залитых гипсом и покрытых черным шрифтом. Она изготовлялась в нескольких экземплярах, которые выставлялись на римских площадях для доведения их содержания до всех горожан. Даже такая газета позволяла воздействовать на общественное мнение и помогала Цезарю в осуществлении его военно-политических намерений. Август, внучатый племянник Цезаря, усыновленный им, став римским императором, сохранив, однако, традиционные республиканские учреждения, усмотрел опасность в массовом распространении этой газеты и велел ограничить ее издание единственным экземпляром. В таком виде газета выходила до начала IV столетия н. э.².

В средние века вести о том, что происходит в других местах, распространялись устно и письменно. Они передавались

солдатами, купцами, странствующими монахами, проповедниками и другими подобного рода людьми. Эти сообщения очень ценились публикой того времени. В Венеции в 1500 году важные новости, написанные на листе бумаги, вывешивались на площадях. Здесь же в XV веке магистрат Венеции собирал и рассылал всем послам Венецианской республики различные известия с целью их информирования о событиях в мире. С этих магистратских сводок делались копии и для частных лиц, за которые платили мелкую монету — *gazzetta* (отсюда происхождение термина «газета»)³. Там же, в Венеции, во время войны между Венецией и Турцией 1499—1503 годов по распоряжению правительства появилась публичная газета, которая издавалась ежемесячно в виде манускрипта. Газета читалась вслух на определенных площадях⁴.

В XV веке в Германии появились периодические рукописные газеты, и во второй половине XVI века существовали профессиональные газетные писари, которые составляли из писем и других источников рукописные газеты и продавали их за плату. Как только наступило почтовое сообщение, почтмейстеры стали производить между собой обмен газетами.

В XVI столетии центрами распространения вестей были Венеция, Аугсбург, Виттенберг, Франкфурт на Майне, Кёльн, Антверпен и Гаага. «Летучие листки», которые распространялись отсюда, были, собственно, предшественниками газет.

Однако нельзя утверждать, что Европе принадлежит приоритет в появлении газет. Известно, что в Китае еще в XIV столетии печаталась на деревянных таблицах пекинская газета «Столичный курьер»⁵.

Но впервые печатные газеты начинают регулярно выходить в Германии. Здесь эпоха Реформации вызвала к жизни широкий поток «летучей литературы» — листов, публицистических злободневных трактатов, в том числе написанных М. Лютером и Т. Мюнцером. В 1609 году в Германии начинает издаваться регулярная газета «Авизо»⁶. Во Франции периодическая печать начинается с «Газеты», которая начала издаваться в 1631 году. В Англии первые печатные газеты «Информатор» и «Новости» появляются во второй половине XVII века. Затем в 1665 году начала выходить «Оксфордская газета», которая впоследствии стала называться «Лондонской газетой»⁷.

С самого начала своего зарождения рукописные, а затем и печатные газеты начинают появляться в России. Их завозили сюда купцы и иностранцы, посещавшие наше государство. Но этот путь получения газет являлся неудобным, так как он был случаен, и потому Посольскому приказу было вменено «озаботиться» получением газет непосредственно из-за границы и переводить интересные места. И уже при царе Алексее Михайловиче, который находился на престоле в 1645—1676 годах, Россия имела за границей особое доверенное лицо, Ивана Гебдана, который обязан был не только доставлять газеты, но и опровергать все неблагоприятные для нашего государства публикации в них⁸.

В 1665 году Приказ тайных дел царя Алексея Михайловича заключил контракт с Иваном Сведеном, по которому последний обязывался доставлять «всякие вестовые листы и грамоты печатные и письменные из разных государств и земель: цысарской земли и испанской земли, фряжской земли, польской земли, свицкой земли, дацкой земли, англицкой земли, итальянской земли, голландской и нидерландской земли, из всех стольных городов по вся недели, и с турецкого царства, и с Козыл-баш, и из Индии, также из оных многих земель всякие вести по времени, что в тех вышеописанных царствах и городах деется воинских и торговых и иных всяких...»⁹

Также известно значительное количество рукописных газет, выходивших в России еще в начале XVII века, старейшая из которых — «Куранты»¹⁰ составлялась в Посольском приказе для информации правительства о зарубежных событиях. Сохранились выпуски «Курантов» с 1600 года. Другие рукописные газеты чаще всего назывались «Вести», «Вести из разных мест», «Вестовые письма». Содержание их чрезвычайно разнообразно, но наибольшее внимание уделялось военным событиям.

Таким образом, уже в рукописной газете, которая выходила в ограниченном количестве и еще при Алексее Михайловиче считалась даже государственной тайной, в России большое внимание уделялось военно-политическим событиям.

Заменить эти рукописные издания настоящей газетой, доступной массе, Алексей Михайлович не смог. Предполагается, что это было исторически предопределено: царю, кото-

рый боялся всяких новшеств, не надобно было убеждать народ в их поддержке.

Другое дело его сын — Петр Великий. Историческая необходимость вовлекла этого правителя России в долгую, почти непрерывную борьбу с соседями. Ему нужно было прорубить «окно в Европу», чтобы свет европейского просвещения проник и в Россию. И ему это удалось не только потому, что он смог создать мощные вооруженные силы и с ними одержать необходимые победы. Петру I помогло в этом деле понимание, что цель будет достигнута только тогда, когда и сам народ примет в этом участие. Он ясно осознавал, что нужно заинтересовать в этом деле самые широкие слои общества. И конечно, лучшим средством для этого было издание газеты, которая постоянно держала бы общество в курсе всех событий.

Изображение России иностранной печатью в начале Северной войны

В 1700—1721 годах происходила Северная война, в которой Россия воевала со Швецией за возвращение захваченных в начале XVII века русских земель и выход к Балтийскому морю. Эта война имела различные проявления. Она шла и на поле боя, и на дипломатическом поприще, и в области публицистики.

Хотя в разное время в этой войне участвовали на стороне России ряд европейских стран, но в целом Западная Европа враждебно встретила стремление России пробиться к берегам Балтийского моря. Англия и другие государства на разных этапах войны оказывали дипломатическую, материальную и военную помощь Швеции, настраивали общественное мнение своих стран против России.

В первый период войны (1700—1706) газеты, выпускавшиеся в Швеции и немецких княжествах, изображали Россию варварским государством, угрожавшим Европе. Так, газета, выходившая в 1701 году в немецком городе Фрейштадт, которая называлась «Секретные письма серьезных людей о замечательных предметах государственного и учебного мира, состоящие из двенадцати различных почт на 1701 год», всячески расписывала храбрость шведских сол-

дат, военное искусство шведских офицеров, а русских людей называла «малодушными трусами». Газета предсказывала следующим образом развитие войны в Прибалтике: «Лифляндия сделается театром многих кровавых дел и как таковая будет наводнена громадною толпою татар и других восточных народов. Однако следует предполагать, что шведы своим храбрым и правильно устроенным войском победят это множество и с честью окончат войну, что уже предсказано хорошим началом»¹¹.

Для большей убедительности газета ссылалась на войну за Прибалтику при Иване IV, в которой Россия потерпела поражение. Она применяла уже сложившиеся в то время у антирусски настроенных авторов приемы изображения России: варварская страна, угрожающая культуре христианских народов. Люди ее изображались трусливыми и малодушными дикарями. Это было характерно и для других газет, враждебно настроенных к России. Победу шведов под Нарвой они рассматривали как торжество правого дела¹².

В начале Северной войны шведы распространяли в пограничных районах России манифест Карла XII, в котором Россия обвинялась в нарушении мирного договора и в развязывании войны. В нем говорилось, что Петр I без всякого для того основания напал на Ивангород и Нарву и мучил жителей. В манифесте далее подчеркивалось, что русский царь со своим войском поступил не по-христиански, что Карл XII мог бы так же поступить, но он такого варварства не допустит. Он обещал попом, торговым людям и крестьянам королевскую милость. Шведы распространяли в Европе письма на немецком и других языках, в которых говорилось, что Петр «оную войну без правильных и законных причин начал»¹³.

Таким образом, шведы с самого начала Северной войны стремились использовать печатное слово в качестве оружия против России, распространяя клеветнические измышления о русской армии, о русском народе, о политике Русского государства, поднимая общественное мнение Европы против России, стремясь дезориентировать население страны. В этих условиях вражеская пропаганда представляла большую опасность. В противовес ей необходимо было показать, что Россия не варварская страна, а культурная, или, как тогда говорили, христианская, и в кровопролитной войне виновата не она, а Швеция.

Отражение Северной войны в первой русской печатной газете «Ведомости»

Русское правительство много внимания уделяло созданию благоприятного мнения о России в западноевропейских странах. Был выпущен специальный манифест, который разъяснял смысл войны со Швецией и призывал на русскую службу иностранных специалистов. В этом манифесте указывалось, что все мысли правительства обращены на то, «коим образом и способом мы как безопасение наших рубежей от всех неприятельских нападений извне содержать и оборонять, тако наши и наших государств преимущества, правы и справедливости... паки оградить». Манифест разъяснял, почему в России создается мощная армия: «Того ради мы войсковое состояние, яко единая из наибольших подпор всех государств и правительств, в государстве наших учредить трудимся таким образом, дабы наше войско во всех потребных воинских действиях искусно сочинено, подправое и порядочное обучение приведено и пристойному управлению учреждению быти могло»¹⁴.

Однако таких публикаций разового характера было недостаточно для противостояния пропаганде противника. При таких обстоятельствах правительству необходим был периодический печатный орган, освещающий вопросы, имевшие совсем недавно значение государственной тайны.

Поэтому 16 декабря 1702 года Петр I приказал «по ведомостям о воинских и о всяких делах, которые надлежат для объявления Московского и окрестных государств людям, печатать куранты, а для печатных курантов, ведомости, в которыхых приказах о чем ныне какие есть и впредь будут присылать»¹⁵, а 2 января 1703 года в Москве вышел первый номер этих курантов под названием «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и во иных окрестных странах». Таким образом, возникла первая русская газета, причем уже в первом номере в противовес иностранным высказываниям о слабости военной силы России «Ведомости» сообщали: «На Москве вновь ныне пушек медных, гаубиц и мартиров вылито 400, те пушки, ядром по 24, по 18 и по 12 фунтов. Гаубицы бомбом пудовые и полупудовые. Мортиры бомбом девяти и трех и

двухпудовые и меньше. И еще много форм готовых великих и средних к литью пушек, гаубиц и мортиров. А меди ныне на пушечном дворе, которая изготовлена к новому литью, больше 40 000 пуд. лежит». Российскому читателю эта информация давала уверенность в силе своего государства и его армии, а противника заставляла бояться их.

В том же номере рассказывалось еще несколько «воинских дел». Так, сообщалось, что поп Иван Окулов с охотниками напал на шведскую границу, «шведов побил многое число и взял рейтарское знамя, барабаны и шпак, фузей и лошадей довольно, а что взял запасов и пожитков он, поп, и тем удовольствовал солдат своих, а остальные пожитки и хлебные запасы, коих не мог забрать, все пожег».

Словом, уже первый номер показал, какого характера будет газета. Петр Великий зорко следил за тем, чтобы она не была только хроникой событий; он заботился, чтобы она сообщала сведения, «полезные, между прочим, и военным людям и возбуждающие в них воинскую доблесть» и устрашала врага, и возбуждала дух народа.

Наибольшее внимание «Ведомости» стали уделять освещению Северной войны. Показывать ход ее военных событий газета начала с небольших сообщений, в которых говорилось о победе русских войск. Так, уже в первом номере отмечалась «преславная победа на разных местах», сообщалось, что взяты «грады крепкие», «многое число» пленных, однако царь по своей гуманности многих «на свободу отпустил». В Москву, подчеркивала газета, Петр вступил «с великим триумфом», привез шведскую артиллерию, которая была взята русскими войсками под Мариенбургом и Шлиссельбургом. Таково сообщение о Северной войне в первом номере «Ведомостей». Таким образом, уже в этом первом номере имелась определенная тенденция в освещении вопроса, содержалось некоторое обобщение о значимости победы, о гуманности в обращении с пленными шведами. Все это имело определенный смысл, если вспомнить клеветнические измышления вражеской прессы, о которых говорилось выше.

В начале 1703 года «Ведомости» поместили материал о военных действиях в Ингрии. Газета сообщила, что Петр приказал освободить пленных, а жителям Лифляндии велел объявить, что все бесчинства «против его указа учинены» и что

если жители Лифляндии пожелают, то он возьмет их под свою защиту и освободит от всех налогов и податей. И в адрес шведов говорилось: «Против того генерал Шлиппенбах свое письмо по всей земле всенародно объявити приказал»¹⁶.

Этим газета опровергала вражеские сообщения о зверствах русских солдат в Лифляндии, о которых противники России немало распространялись. «Ведомости» утверждали: бесчинства чинились вопреки воле царя, царь готов взять население Лифляндии не только под свое покровительство, но и освободить его от налогов и податей. Разумеется, подобное сообщение в период войны в Прибалтике имело большое политическое значение.

После нарвского поражения русское командование выработало план «малой войны». Суть его заключалась в выматывании сил противника ударами подвижных отрядов, в подготовке армии к большим наступательным операциям. Поэтому «Ведомости» в этот период большое внимание уделяют освещению действий этих небольших отрядов и героизму русских людей в борьбе с врагом¹⁷.

Рассказывая о «малой войне» со шведами, газета помещала, как правило, заметки. Так, 22 марта 1703 года сообщалось, что шлиссельбургский губернатор, возглавив отряд, совершил поход на неприятельские мызы, находящиеся в 95 километрах от крепости. Отмечалось, что над неприятелем одержана победа «изрядну»¹⁸. Газета писала об удачном походе русских отрядов на Ивангород¹⁹, на Нарву²⁰.

«Ведомости», информируя о завоевании русскими войсками территории Ингрии, неизменно подчеркивали значение одержанных побед при овладении крепостями и населенными пунктами. Так, сообщая о том, что русские войска взяли «славную крепость Канцы», газета подчеркивала значение завоевания этой крепости: «Канцы — изрядная корабельная пристань»²¹. Такая характеристика имела далеко идущий смысл. Шведы писали, что для них потеря Канцов «значения не имеет, так как Канцы — худо укрепленные гнезда»²². Таким образом, в маленьком сообщении «Ведомостей» разоблачалось утверждение вражеской прессы.

«Ведомости» не раз писали о большой силе русской армии. Например, 29 мая 1703 года газета сообщала: «К королю польскому царское величество писал нарочно, что сам со

стом тысячью человек ратными людьми в Лифляндскую землю идет, так же и в Литву хочет великие силы послать»²³. Газета привела явно преувеличенные данные о численности русской армии, готовящейся вступить в Лифляндию. Этим самым «Ведомости» стремились поднять авторитет Русского государства, утратить противника. Такая тенденция показана многочисленности и мощи русской армии прослеживается на протяжении почти всей истории петровских «Ведомостей».

Со временем русская армия стала одерживать значительные победы над шведами, и газета публикует обширные материалы о них, в которых содержится не только информация о сражении и фактах, связанных с ними, но и комментарии, обобщения, чего не было до этого в публикациях о Северной войне. Так, в «Ведомостях» от 11 августа 1703 года, сообщая о том, что крепость Копорье сдалась, комментировали: «...таким обычаем вся Ижорская земля, кроме Ивана города, покорилась». Подобным комментарием газета напоминала читателю: мы отобрали часть земли, захваченной у нас шведами. Однако Ивангород еще находится у неприятеля. Аналогичные комментарии содержались в корреспонденциях «Ведомостей» от 18 июля, 24 августа, 4 октября, 23 декабря 1703 года и во многих последующих номерах газеты. Это говорит о стремлении ее редакции усилить пропагандистский характер публикаций.

Далее, стремясь показать значимость одерживаемых над шведами побед, газета начинает публиковать списки плененных и трофеев, взятых у неприятеля. Впервые такая публикация в «Ведомостях» появилась 29 мая 1704 года в связи с победой русской армии на реке Амовже в районе Чудского озера. Обычно в приводимых списках перечисляли по чинам шведов, взятых в плен, называлось количество каждого вида трофеев. Такая подача материала давала возможность более отчетливо, выразительно представить читателю значимость одержанной победы.

Многие известия о сражениях и одержанных в них победах представляли собой письма и донесения Петра I, его сподвижников и военных деятелей. О характере этих сообщений можно судить по письму Петра I о морской победе над шведами в устье Невы, помещенному в газете № 16 за 1703 год: «Господин капитан бомбардирский, по приказу фельтмаршала

ходил на устье морское с немногими людьми в тридцати лодках, и нашел там девять кораблей неприятельских с людьми и всяким запасом, и по нарочитому бою, за Божию помощью взяли у неприятеля два фрегата со всем запасом...»

«Ведомости» не раз подчеркивали, что русские войска «не только оружием и силою, но и умом побеждать умеют»²⁴. Например, с большим подъемом газета рассказала о «военной хитрости», примененной русским командованием в сражении под Нарвой летом 1704 года в период осады ее русскими войсками, в результате которой самонадеянному противнику был нанесен удар.

Содержание материала «Ведомостей» от 3 июля 1704 года таково: 8 июня 1704 года русское командование вывело на дорогу, ведущую из Ревеля в Нарву, войска. Выведенные полки были разбиты на две части. Одна из них должна была разыграть роль шведских войск, идущих на помощь осажденным в Нарве, другая же часть, по плану командования, должна была инсценировать бой с мнимыми шведами. Когда армия, игравшая роль шведов, идущих на помощь нарвскому гарнизону, вышла из леса, был дан сигнальный выстрел из двух пушек. Осажденные из нарвской крепости, будучи уверены, что сигнал дан армией Шлиппенбаха, которая должна была прийти к ним на помощь, ответили выстрелом в знак того, что готовы принять помощь. После этого был инсценирован бой; из ружей стреляли пыжами, а из «пушек стреляно ядрами мимо». Осажденные наблюдали за боем, радуясь тому, что «шведы» одолевают русских. Из крепости на помощь мнимым шведам выехало несколько сотен кавалеристов, а потом начала выступать пехота. Когда отряды противника удалились от города на полверсты, из засады выступила русская конница. Она устремилась к противнику. Неприятелю был нанесен большой урон, остатки его отрядов преследовались русскими войсками до ворот Нарвы, шведские офицеры попали в плен, «сами в руки отдались», иронизировала газета.

«Ведомости» приводили фамилии шведских офицеров, взятых в плен, и называли число пленных солдат и убитых.

«Живых взято конных:

— Подполковник Маркварт.

— Ротмистр Конов.

- Прапорщиков трое.
- Рейтаров пятнадцать.
- Солдат и всяких чинов людей 45, да побито с триста человек»²⁵.

В том же номере «Ведомостей» рассказывается о победе над шведским генералом Шлипенбахом под Везенбергом²⁶, которой, как известно, современники придавали большое значение. Хронологически эти два факта не совпадают, но газета сообщила о них в одном номере. Предполагается, что руководители «Ведомостей» умышленно группировали факты, чтобы подчеркнуть победу русского оружия.

27 июля 1704 года «Ведомости» сообщали о завоевании русскими войсками города Юрьева (Дерпта). Русские выдержали, повествует газета, «прежестокый огненный бой», в результате которого овладели «равелином», захваченные при этом орудия повернули против неприятеля и с помощью их разбили ворота крепости. Завязался еще более жестокий бой. Неприятель не выдержал и «ударил шамад», т. е. сдался. Гарнизон был «зело люден» — побито 2 тысячи человек, а 3 тысячи человек выпущено из крепости. На каждые 100 человек «было дано 13 мушкетов, а офицерам по шпаге». Факт завоевания русскими войсками города Юрьева комментируется следующим образом: «Итак с Божьею помощью сей славный и крепкий отечественный град возвращен»²⁷. Таким образом, газета писала не о завоевании, а о возвращении славного русского города Юрьева. Учитывая ответственность, с которой относились руководители «Ведомостей» к печатному слову, мы можем утверждать, что газета умышленно подчеркивала возвращение «отечественного града», т. е. писала о войне, как тогда говорили, за земли «отцов и дедов». Такое освещение вопроса на страницах массового политического органа имело большой смысл.

В «Ведомостях» подчеркивались мужество и стойкость русских воинов, гуманность командования, не только освободившего 3 тысячи пленных шведов, но и вернувшего им частично оружие, т. е. стремление показать, что русская армия воюет по обычаю «христианских и политических народов». Эти мотивы на страницах первой печатной газеты не случайны, они представлены чрезвычайно широко. Газета освещала вопросы Северной войны в определенном плане,

противопоставляя свое толкование вражеским выдумкам о «варварстве» и неимоверной жестокости русской армии.

Весь номер «Ведомостей» от 22 августа 1704 года посвящен вопросу о взятии русскими войсками города Нарвы. До этого времени не было подобного случая — только часть газеты отводилась той или иной победе русских войск. Посвящение всего номера взятию русской армией Нарвы объясняется той ролью, которую играл этот город, тем вниманием, с которым следили за рубежом и в России за развивающимися здесь событиями. Повествуя о сражении под Нарвой, «Ведомости» подчеркнули, что бой принял ожесточенный характер, что неприятель подорвал часть подкопа, но русских солдат это не устрасило. Неприятель не выдержал натиска русских войск «и бил шамад (сдачу), дабы окорд (договор) или хотя бы пардон (милость) получить». Окончился, подчеркивает газета, «сей штурм дивно», потому что «наших на всем штурме меньше трехсот человек погибло. А чего колико в сем городе завоевано и колико неприятельских людей побито, и о том будет ведомость»²⁸.

Это описание сражения под Нарвой отличается от публикации о бое за взятие Юрьева тем, что на этот раз, показывая мужество русских солдат, газета не скрывает их «свирепство», которое было вполне понятно современникам, знавшим, какой издевательский ответ дал начальник крепости Горн на предложение русского командования капитулировать²⁹. Кроме того, современники помнили об обиде и оскорблении, причиненных шведами русской армии в 1700 году под Нарвой, и победу над надменным врагом в 1704 году рассматривали как победу важную и льстящую национальному самолюбию. Также значимость этой победы явилась главным поводом посвятить ей весь номер газеты.

Также во второй половине 1704 года «Ведомости» напечатали ряд сообщений о действиях русских войск в Прибалтике. Так, в номере от 2 октября 1704 года газета напечатала заметку о том, что в Дерпте жители царю «присягу учинили». Мысль, что население завоеванной территории подчинилось Русскому государству, неоднократно проводилась и в других публикациях газеты.

Придавая большое значение доведению фактов побед русской армии над врагом, «Ведомости» 2 января 1705 года

напечатали материал о торжественном въезде Петра I в Москву после одержанных побед над неприятелем. Газета писала: царь «по взятии крепких городов Нарвы, Ивангорода и Дерпта», после славных побед на суше и на море возвратился в Москву с великим триумфом. Привезено много знатных пленных офицеров, доставлено большое количество трофейных пушек. По случаю торжественного вступления Петра в Москву, сообщала газета, было построено семь триумфальных ворот, украшенных различными символами. В заключение газета отметила, что архитектурному и художественному оформлению триумфальных ворот удивляются не только московские, но «разных стран ученые люди». В другом варианте этот же факт торжественного вступления Петра I в Москву осветила газета 22 февраля 1705 года. Здесь подчеркивалось, что «вражеские знамена, прапоры и корабельные флаги и вымпелы по земле волочены, и при том в полон взятые неприятельские офицеры ведены». Таким образом, «Ведомости» очень кратко и в доступной форме популяризировали русские победы. А то обстоятельство, что газета на протяжении двух лет четыре раза описывала торжества по поводу побед русских войск, а затем не раз к подобным описаниям возвращалась, говорит о том, что «Ведомости» уже в то время уделяли особое внимание формированию патриотических чувств в среде русского народа и стремились вызвать у него поддержку военной политики Петра I.

Также в начале 1705 года «Ведомости» не раз приводили преувеличенные данные о численности русской армии, находящейся в Литве. Так, 29 января 1705 года газета в заметке «Из Кракова» сообщила, что «московские войска вкупе в поход пойдут», имея 20 тысяч человек пехоты и 16 тысяч конницы. 5 февраля 1705 года «Ведомости» поместили материал «Из Варшавы» о том, что 50 тысяч русского войска пришло в Литву, «великое намерение совершать станет и в Курляндию пойдет». Аналогичные сообщения были опубликованы 16 февраля, 24 марта, 5 мая, 30 мая, 18 июня, 6 июля 1705 года. Невозможно понять смысл подобных сообщений: газета подчеркивала силу русской армии, ибо важно было это внушить читателю русскому и иностранному.

«Ведомости» помещали подробные материалы о развитии боевых действий в Курляндии и о первых победах в этом

районе. Так, ее номер от 28 июля 1705 года почти целиком был посвящен успеху русской кавалерии под Митавой. Дано яркое и убедительное описание нападения кавалерии Шереметьева на гарнизон Митавской крепости. Была показана паника и растерянность в стане врага. «Сам комендант за охранением тутошних курляничиков убрався в платье мещанское в замок». Приведен перечень трофеев и пленных.

В ходе военных действий в Курляндии осада Митавы и крепости Боушк имела большое значение. Поэтому «Ведомости» подробно освещали сражения по их взятию. А 30 сентября 1705 года газета детально рассказала о том, что русские войска наконец вошли в Митаву. В числе других фактов сообщалось, что «после славной победы фельдмаршала Шереметьева над шведским генералом Левенгауптом при мызе Муром» из русского войска, находившегося при Вильне, была выделена «знатная часть» пехоты и отправлена на помощь к Шереметьеву. Последний соединил свои войска с присланной пехотой и пошел к Митаве, чтобы дать генеральный бой Левенгаупту, стоявшему со своими войсками под Митавой. Но неприятель, узнав о походе наших войск, «ни мало не мешкав с войском своим чрез Двину к Риге ушел», а в митавском замке оставил значительную часть пехоты под руководством полковника Кнорина. Из русского войска для осады Митавы было послано два драгунских полка, а в первых числах августа была отправлена к Митаве конница и пехота под командованием генерала Репнина. Придя к Митаве, наши войска в несколько дней провели «шанцы» и установили артиллерию. На третий день было послано в замок «увещательное» письмо, в котором говорилось, что если наши возьмут крепость, то доброго договора осажденные не получают. Для ответа на ультиматум неприятель просил один день, но получил отказ. Началась бомбардировка крепости, которая велась непрерывно из 5 мортир с 5 часов вечера до 6 часов утра. Неприятель, видя свое безвыходное положение, ударил «шамад». Таким образом, заключила газета, «такая жестокая фортификация без великой трудности на акорт взята». Русские взяли в крепости 200 пушек, среди которых несколько медных.

В «Ведомостях» от 8 октября 1705 года сообщалось, что после завоевания Митавы было отправлено два батальона

пехоты к курляндскому городу Бауску, в котором находилось 400 шведов. Русские батальоны подошли к крепости, осадили ее и послали ультиматум о сдаче, обещая в случае капитуляции «милостливой пощады». Сдать крепость комендант отказался. Газета подчеркнула, что наши «принуждены» были фортификацию осадить и «14 бомбов в нее посадить». Неприятель не выдержал «утеснения и ударил шамад». В крепости было взято много пушек и «всяких припасов».

Следует заметить, что «Ведомости» ничего не сообщают о неудачах, потерях русских войск. А то, что они были, свидетельствуют другие источники, описывающие эти боевые действия. Например, «Поденная записка» утверждала, что Шереметьев 19 июля «у Мур мызы имел несчастливую баталию, с потеряннием артиллерии»³⁰, что на первом этапе борьбы под Митавой русские войска оказались в тяжелом положении. «Неприятель... наших из апрош выбил». Только мужество гвардейцев Преображенского полка, бросившихся в атаку под руководством капитана Головина, спасло положение³¹. В «Походном журнале 1705 года» сообщена интересная подробность о неудаче русских войск под Митавой на первом этапе борьбы: «...наши немного в полдни оплошали, где, кроме часовых, едва не все в полдни спали, которых подмета, шведы из замку вышли под жестокою стрельбою своих пушек»³². Еще резче писал Б. И. Куракин: «Шереметьев дал баталию, которая несчастлива была, где наши потеряли 8 знамен, 13 пушек и полковников: Игнатьева, Кропотова, Сухотина, майора Карташова, также иных офицеров, а всех 60 или больше человек, а солдат и драгунов с 2000 человек... И все войско разбито было»³³.

Все это говорит о том, что «Ведомости» выполняли пропагандистскую задачу, и, видимо, газете было запрещено сообщать данные о потерях русских войск и их неудачах. Таким образом, можно говорить о существовании в России своеобразной военной цензуры в период Северной войны. Более того, то, что изображает «Поденная записка» как неудачу русских войск, «Ведомости» изображают как славную победу «при мызе Муром». Это еще раз подтверждает, что первая русская печатная газета «Ведомости» выполняла специальную информационную задачу — благоприятно с точки зрения влияния на общественное мнение освещать военные

действия русской армии. То, что в позднее написанных военно-исторических работах неблагоприятные для русской армии факты были обнародованы, объясняется тем, что их политическая острота уже исчезла.

В 1705 году русские войска вынуждены были вести войну одновременно в Литве, Курляндии, Польше и в районе Петербурга. «Ведомости» довольно подробно отражали важные события войны, которые происходили везде. Наряду с небольшими информационными заметками газета с целью более подробного освещения боевых действий начала публиковать статьи, военные обзоры, сводки о трофеях и плененных. Она использовала не только русские, но и иностранные источники. Например, в номерах от 16 февраля, 26 июня, 28 июля, 2 августа и 14 сентября 1705 года, сообщая о боях под Петербургом, «Ведомости» использовали корреспонденции, приходившие из Вильно.

В предполтавский период, в 1707—1708 годах, когда для России наступила весьма опасная фаза Северной войны, когда она осталась без союзников при явном недоброжелательном отношении Англии, Франции и Голландии к ее стремлению выйти к берегам Балтийского моря, вопросы борьбы за общественное мнение приобрели особое значение, тем более что шведы, захватив в 1708 году русскую типографию, использовали ее для печатания прокламаций, которые названы в грамоте Петра I малороссийскому народу от 9 ноября 1708 года «прелестными письмами во образе пасквилев»³⁴.

Война в области публицистики имела не меньшее значение, чем война оружием. В 1708 году «Ведомости» не публиковали ни одной иностранной корреспонденции — все материалы рассказывали о борьбе со шведами и внутренней жизни страны. Газета проявляла большую гибкость и находчивость, чтобы осветить военно-политические события, предшествовавшие Полтавской битве, в выгодном для России свете. Освещая их, «Ведомости» с позиции органа правительства подходят к отбору фактов и их комментарию. Большинство публикаций посвящено борьбе со шведами. В год вступления шведских войск на территорию России применялась тактика действия русских военных отрядов по тылам противника. Эту борьбу, героизм русских воинов, их успехи в боях с интервентами и показывает первая русская газета.

Всего в 1708 году состоялось 15 выпусков «Ведомостей». Больше половины из них было небольших размеров — в 18—20 строк (номера за 10, 17 и 27 января, 6 марта, 29 мая, 11 августа, 6 и 8 октября). Почти целиком они посвящены сообщениям о набегах армейских отрядов на территорию, захваченную шведами. Составлены они из небольших заметок, в которых рассказывалось, сколько шведов перебито, сколько взято в плен, какие трофеи захвачены. Таким образом, эти небольшие по размеру выпуски газеты, посвященные вопросу борьбы с врагом, захватившим русскую землю, больше напоминали листовки.

Также в 1708 году выходили более объемные номера, в которых подробно описываются действия русских отрядов против шведов. Например, номер газеты за 29 мая состоит из 98 строк. В нем сообщается о высадке русского десанта под руководством Боциса в ста верстах от Стокгольма. Рассказывается, сколько русские войска мыз сожгли, вражеских кораблей уничтожили, сколько врагов перебили и в плен взяли. Газета подчеркивает, что генерал Майдель за несколько часов до прихода русского отряда ушел. Этот же номер рассказывает о походе русского отряда под руководством полковника Толбугина на мелких судах к Березовым островам. Перечисляется, сколько деревень отряд сжег и разорил. Далее сообщается, что после возвращения Толбугина на Березовые острова был отправлен отряд в 120 человек под руководством подполковника Островского и майора Шибина. И опять говорится об уроне, который был нанесен противнику.

В следующем номере, от 3 июня 1708 года, «Ведомости» тоже печатают сообщение об этих же действиях отрядов Боциса и Толбугина, но в сокращенном варианте. Таким образом, в газете утверждается прием повторения публикации актуальных политических вестей, начатый в 1705 году с того, что несколько раз возвращались к описаниям торжеств по поводу побед русских войск. Новым явилось для газеты и то, что в ее корреспонденциях появилось больше публицистических элементов, с помощью которых она стремилась воздействовать на читателя.

В 1709 году «Ведомости» выходили 25 февраля, 6 марта, 18, 19, 27 и 31 мая, 13, 21 и 28 июня, 2 и 15 июля. Большинство номеров вышло в мае—июне — накануне Полтавского сражения. Всего два номера посвящены Полтавской победе.

Таким образом, «Ведомости» наиболее активно воздействовали на общественное мнение в наиболее сложный период 1709 года — когда противник с территории Белоруссии и Украины угрожал захватить Москву и лишить Россию политической самостоятельности. В этот период газета призывала народ Белоруссии и Украины к сопротивлению, показывала жестокость и зверства врага по отношению к мирному населению. Она поднимала, как тогда говорили, «дух народа». В газете за 1709 год почти нет заметок, а ее публикации представляли довольно подробное описание военных действий того периода, в которых подчеркивались мужество и героизм русских воинов, чем стремилась вызвать патриотические чувства читателей.

Первый номер газеты за 1709 год, вышедший 25 февраля, сообщает о столкновении русских войск со шведами у Красного Кута. Газета отмечает, что неприятелю «был учинен добрый отпор» и гнали его до Красного Кута. Пять раз Красный Кут переходил из рук в руки, но наконец русские шведов прогнали. Было побито около 500 шведов, «под самым королем лошадь убита», взяты в плен майор, капрал из королевских драбантов, шесть рядовых капралов и два цирюльника.

В номере «Ведомостей» за 18 мая 1709 года говорилось о завоевании русскими войсками Переволочны, где понесли большие потери казаки, сторонники Мазепы. Следующий номер газеты был напечатан на следующий день — 19 мая и сообщал о новой победе русских войск, в результате которой «неприятель так рабски поступил и в таком страхе побежал, что и ручное оружие в воду побросал», и «наши преследовали неприятеля до самых городских стен, что он вынужден был предместье зажечь».

Таким образом газета, освещая успехи наших войск, воодушевляла русских воинов, вселяла в них уверенность в своих действиях и показывала, что армию Карла XII, считавшуюся в то время лучшей в Европе, можно побеждать.

21 июня 1709 года «Ведомостями» было сообщено о взятии русскими войсками города Старые Сенжары и об освобождении 1270 русских пленных, взятых шведами в городе Веприк. Номер от 28 июня, который является наиболее подробным из выпусков газеты за 1709 год, был озаглавлен: «Полнение к прежней ведомости, печатанной в 21 сего месяца».

Здесь более подробно освещаются военные действия у Старых Сенжар. Газета писала: стало известно от перебежчиков и пленных, что в городе Старые Сенжары, расположенном по ту сторону Ворсклы, в двух милях от Полтавы, квартируют 4 полка неприятельской кавалерии, там же под караулом русские пленные, взятые под Веприком и в других местах. Стало известно также, что там шведы имеют продовольственную базу. В Старые Сенжары были отправлены 6 полков кавалерии и один полк пехоты на лошадях, чтобы «на неприятельские полки нападение учинить и наших тамо сущих полонянников освободить».

Накануне похода наших войск несколько дней лил дождь, разлилась река Ворскла, рассказывалось в корреспонденции, поэтому ее трудно было перейти вброд. Преодолев трудности, русские отряды перешли реку и получили следующую боевую задачу. Часть войск во главе с полковником Рожновым направилась к монастырю, расположенному недалеко от города, чтобы «неприятеля тамо потревожить». Другая часть вместе с кавалерийскими отрядами получила задание расположиться по дороге, ведущей в Полтаву, «дабы неприятелю ретирату к Полтаве отрезать и приходящему сикурсу сопротивление учинить». Третья часть русского войска, состоявшая из 2500 человек, была направлена к городу. Наконец, драгунам и «конной инфантерии» астраханского полка было приказано спешиться и в разных местах атаковать Старые Сенжары.

Город был окружен палисадами. Незадолго до наступления наших войск гарнизон получил подкрепление, состоявшее из трех полков, во главе которых стоял шведский генерал-майор Круз. Однако бой под Старыми Сенжарами окончился полным поражением шведов. После двухчасового упорного боя русские войска взяли город и «всех от неприятеля там будучих побили». Генерал Круз с остатками своих полков «бегом спастись трудился», но, отмечает газета, «малое число от 4 полков спаслось».

Неприятель, повествуя «Ведомости», когда русские войска атаковали город, начал избивать пленных, перебил более 100 человек. В ответ пленные восстали, начали «борониться сами дубьем и кольем»... и «великое число неприятелей побили». В результате русские войска одержали полную победу. Из шведского плена были освобождены

один полковник, один подполковник, 2 майора, 17 других офицеров и 1200 рядовых.

Как видим, «Ведомости» подробнейшим образом, эмоционально, доходчиво рассказали о происшедшем сражении, подчеркнув жестокость и коварство врага, который хотел уничтожить пленных.

Большое влияние для поднятия духа русских войск имел приказ Петра I перед Полтавской битвой, который был написан с большой публицистической силой. В нем говорилось: «Воины. Вот пришел час, который решит судьбу отечества. И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, а за род свой, за отечество, за православную нашу веру и церковь. Не должна вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого, которой ложь вы сами своими победами над ним неоднократно доказали. Имейте в сражении пред очами вашими правду и бога, поборающего по вас. А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе, для благосостояния вашего». Приказ Петра I оказал большое вдохновляющее влияние на участников сражения, о чем пишут современники. В 1812 году его опубликовали перед Бородинским сражением³⁵.

Полтавской победе «Ведомости» посвятили два номера, заголовки их напечатали кинварью. В номере от 2 июля описана Полтавская битва, в номере от 15 июля дано описание преследования шведской армии и пленения ее у Переволочны. Газета дала краткое, но яркое описание великой победы. В газете рассказывалось: рано утром разгорелся жаркий бой, неприятель атаковал нашу конницу всей армией, «конною и пешою», наши «зело по достоинству держались», но, однако, вынуждены были отступить. Неприятель «стал во фронт нашего лагерю». Наши вывели войска и «пред очи неприятеля поставили», расположив по флангам, конницу. Неприятель перешел в атаку. Но русские «так оного встретили, что тотчас с поля сбили, знамен и пушек множество взяли»³⁶. Далее газета подчеркнула, что взяты в плен генерал-фельдмаршал господин Реншильд «купно с четырьмя генералами», а также первый министр граф Пиппер с секретарями и несколько тысяч офицеров.

Исход Полтавского сражения имел громадное влияние на новую расстановку сил в международных отношениях в

Западной Европе. Поэтому не случайно, что после Полтавского сражения не только шведы, но и в других западноевропейских странах политики, журналисты, писатели пытались долгое время скрыть победу русских над шведами или представить ее в ложном освещении. Так, в одном из номеров шведской газеты за 1709 год был помещен отрывок из письма генерала Крассау, написанного им 19 июля, в котором сообщалось, что король жив и здоров и что Полтава шведами взята. Причем в этом же номере был еще ряд корреспонденций, в которых указывалось, что русские под Полтавой потеряли 20 тысяч человек, что Полтава занята шведами и началась война России с Турцией. Такая же дезинформация о результатах Полтавского сражения повторялась в газетах и некоторых европейских государствах³⁷.

Только после того, как русские дипломаты распространили подлинные реляции о Полтавской битве, их начали помещать и в европейской печати. Впоследствии шведы, как современники, так и последующие исследователи, упорно не хотели признавать факта разгрома своих войск русской армией под Полтавой. Профессор Стилле писал: «Поражение под Полтавой еще не является само по себе окончательной катастрофой для шведской армии»³⁸.

И дальше Стилле писал, что «шведы отступают благополучно, отразив попытки преследования русских и уведя с собой обоз и артиллерию; это не бегство. Не вина Карла, если силы ему наконец изменяют, он впадает в забытье, никто из генералов не вступает в командование армией, и она стихийно идет мимо переправ через Ворсклу к Днепру, где после отъезда короля, передавшего команду Левенгаупту, шведы, вопреки приказанию короля, проводят бессонную ночь в бесплодных попытках устроить переправу и утром, под давлением Левенгаупта, сдаются без боя вдвое слабейшему противнику»³⁹. Главную причину неудачного исхода Полтавского сражения для Карла XII шведская печать объясняла тем, что король не мог сам управлять боем. Она оправдывала его политику, говоря, что его война с Россией носила оборонительный характер.

В России современники и историки высоко оценили публикации «Ведомостей» от 2 и 15 июля 1709 года, описывающие сражение под Полтавой. Желябужский и Гюйссен почти без изменений включили их в свои сочинения⁴⁰. В

сравнительно большой литературе о Полтавской победе «нет более краткого и в то же время более убедительного описания великого события», чем в указанных номерах «Ведомостей»⁴¹.

После Полтавского сражения все побежденные Карлом XII союзники Петра I снова поднимают голову и стремятся возобновить союз с Россией против Швеции. Даже те государства, которые в прошлом игнорировали Русское государство, а иногда враждебно относились к нему и оказывали шведам прямую или косвенную помощь, пытаются установить дружественные отношения и даже заключить союз с Россией. Во второй половине 1709 года войска Меншикова действовали в Польше, оказывая помощь Августу II, а другая часть русской армии во главе с Апраксиным и Шереметьевым приступила к боевым операциям в Прибалтике. Изменившееся положение России отражалось в «Ведомостях».

В 1710 году русские войска снова одержали ряд крупных побед над шведами, взяв Выборг, Ригу, Ревель и ряд других городов. Взятию Выборга, имевшему в кампании 1710 года особое значение, газета посвятила номер от 12 июля, напечатанный гражданским шрифтом (впервые гражданским шрифтом был напечатан номер «Ведомостей» от 1 февраля 1710 года). Описание этого сражения отличается от предыдущих тем, что в нем очень мало говорится о самой победе русских войск по овладению крепостью, хотя и был знаменитый 130-километровый ледовый марш русских войск с острова Котлин до Выборга и героическая осада. Дело в том, что после Полтавского сражения, когда мощь русской армии была вне сомнения, отпала необходимость расписывать ее доблесть и умелые действия. Номер о взятии Выборга имеет другую особенность. Он подробно объясняет причины, по которым русское командование не выполнило условий капитуляции. Газета объяснила, за какие «неправды, чиненные против царя неприятелем», этот основной пункт не выполнен. Указывалось, что шведы держат в заключении резидента Хилкова, что они задержали русских купцов и парламентариев. «Ведомости» подчеркивали: «Когда те все помянутые неправды с неприятельской стороны исправлены будут, выборгский гарнизон будет отпущен». Этим объяснением достигалась цель — во-первых, указывалось вероломство

шведов, во-вторых, готовность русского командования выполнить свое обязательство. Все это говорит о том, что подобный материал газеты был рассчитан не только на русского читателя.

Освобождению Карелы был посвящен выпуск «Ведомостей» от 21 сентября 1710 года. В нем отмечалось, «что наши люди в оную крепость введены», затем дан подробный перечень трофеев. Сообщалось, что захвачена русская пушка «Ястреб», литая при Иване IV в 1579 году. Подобным образом построен номер газеты от 26 октября 1710 года с материалом о завоевании русскими войсками Ревеля; текст номера состоит из обобщения и подробного перечня трофеев, затем помещен комментарий, что Лифляндия и Эстляндия очищены от неприятеля, что «неприятель на левой стороне сего восточного моря» не только городов, но и земли не имеет». Теперь, заключает газета, нам нужен добрый мир. Все это говорит о том, что материалы «Ведомостей» предназначались широкому читательскому кругу, имели специальное назначение. В целях большей доступности и доходчивости выпуски газеты, посвященные освобождению бывшей новгородской крепости Карелы (Кексгольма) и Ревеля, были напечатаны более знакомым русскому читателю древнеславянским шрифтом.

Урегулировав взаимоотношения с Турцией, Петр I поставил задачу окончательно овладеть Финляндией. Начинается кампания 1712—1715 годов, которую «Ведомости» освещали довольно подробно, отводя ей, как правило, значительное место. Например, в выпуске от 5 октября 1712 года материал о ходе кампании разделен на две части: в первой сообщалось «о бывшей акции между флотом датским⁴² и шведским», во второй — о действиях русского галерного флота, пленившего несколько вражеских кораблей.

Номер, вышедший с заголовком ««Ведомость»». Получена из Санкт-Петербурга, 1713. Июня в 11 день. От генерала фельтмаршала Меншикова. Из Гольштинии мая от 10 дня», сообщал о поражении, которое нанесли русские войска армии Штейнбока под Тонингом, давалось описание капитуляции шведов. Затем приведены «Реестр пленных» и «Спецификация колико при войск офицерских лошадей, служителей и телег, королевских телег и возовых лошадей обретається. Из

Тенинга мая от 16 дня». В них дан небывалый по подробности перечень пленных и трофеев. Газета и ранее не раз приводила реестр пленных и перечень трофеев, стремясь подчеркнуть значимость победы, но не вводила подзаголовков для характеристики трофеев. Введение их позволило газете ярче показать значимость одержанной победы над армией Штейнбока, поражение которой расценивалось современниками как имевшее большие последствия⁴³. Без указания даты этот номер был напечатан дважды. Также дважды был напечатан номер «Ведомостей» от 17 июня 1713 года с сообщением «Реляция о разорении швецкой армии». Он был напечатан в Москве древнеславянским шрифтом и в тот же день в Петербурге гражданским шрифтом. С введением гражданского шрифта «Ведомости» печатали важные новости дважды — гражданским шрифтом и древнеславянским, более понятным широкому кругу русских читателей. Также и выпуск газеты от 12 сентября 1713 года о взятии русскими войсками города Або после издания его в Петербурге с небольшими изменениями был перепечатан в Москве 23 сентября. Так же произошло и с «Ведомостями» от 26 октября 1713 года и другими номерами газеты, которые перепечатывались спустя примерно десять дней в Москве древнеславянским шрифтом.

Одна из славных страниц в истории русского флота — Гангутское сражение. Ему был посвящен самый объемистый номер «Ведомостей» за 1714 год. Он был напечатан без даты, в Петербурге, гражданским шрифтом, под заголовком «Реляция о случившейся морской баталии между российской авангардиею и швецкою эскадрою». Кроме текста в номере помещен и большой реестр, в котором перечисляются взятые шведские суда, офицеры и трофеи. В Москве номер был перепечатан древнеславянским шрифтом 21 августа 1714 года. «Ведомости» дали описание знаменитого сражения кратко и четко. Как и в большинстве других случаев, газета повествует, но не объясняет и не доказывает. Например, в тексте говорится, что шведская эскадра «стоит на старом месте». Но ранее об этом ничего не сообщалось. Так же не объясняется, для чего навели русские войска мост через мыс. В газете просто сообщается, что неприятель появился «близ того места, где намерены были мост делать»⁴⁴. Однако в тексте комментируются отдельные эпизоды, факты, делаются обобщения,

как, например, «воистину нельзя описать мужество наших, как начальных, так и рядовых»⁴⁵.

После победы русского флота при Гангуте война вступила в заключительный период своего развития. Она велась на территории противника. Россия выступила как сильное государство, которому несравненно легче было воевать со шведами, чем в предыдущие годы, и это нашло свое отражение в газете — в подборе материала, его оформлении, подборе фактов, в ироническом отношении к противнику. Если факты, сообщаемые в газете, вызывают сомнение, газета указывает на это. Так, в специальном номере «Ведомостей» от 23 декабря 1715 года сообщается об удачной операции союзных войск против шведов в Штральзунде. В сообщении говорится, что «король шведской сам в той акции был», что видели два корабля, на которых Карл XII уехал в Швецию. «Однакож, — продолжала газета, — сие за подлинно невозможно объявить». Прием, который ранее газета не применяла. Применяя его, она показывала, что стремится сообщать своим читателям истинные факты. Номер газеты от 21 июля 1719 года оформлен как «Реляция из Ламеланта». В нем сообщается, что на генеральном консилиуме было решено учинить десант в Швецию, что русские корабли счастливо в шведские шхеры вступили. Газета иронизирует: «Господам шведам уже и за морем на своей стороне тошно становится». Ранее так о неприятеле «Ведомости» не писали. Самим характером материалов о Северной войне газета говорит об изменившемся соотношении сил, о том, что Швеция перестала быть для России опасным противником. Этот же номер газеты сообщил, что «российские войска уже внутрь старой Швеции недалеко от Стокгольма счастливо вступили без всякого супротивления».

Одновременно «Ведомости» старались обосновать действия русских войск на территории Швеции. Они писали о том, что царь «в сей кампании умеренные поступки показал, ибо... не пошел прямо на разорение внутрь неприятеля». Только когда царь убедился в том, что шведы не хотят мира и выявилось «шведское во всем упорство», был послан флот «внутрь их провинций»⁴⁶.

Приведенную мысль всячески распространяли в стране. Митрополиту Стефану Яворскому было приказано распространять ее во всех церквях.

Адмирал Апраксин распространял среди шведского населения манифест Петра I, в котором указывалось, что русские «к замирению пред целым светом» предложили и в заключении мира «не отрекались». Дальше в манифесте указывалось, что вторжение в Швецию делалось «единственно для того, чтобы желаемого замирения достигнуть можно было»⁴⁷.

Чтобы сделать шведов более сговорчивыми, Брюс и Остерман посоветовали Петру I употребить против неприятеля «сильное средство — разорение всех мест до Стокгольма», так как без нанесения шведам «большого урона достичь своих намерений нельзя»⁴⁸. «Ведомости» рассказывали об этих действиях русских войск. Так, в номере от 22 августа 1719 года газета напечатала корреспонденцию о разорении русскими войсками шведского города Норд-Кенинг. Сообщая об этом, «Ведомости» апеллируют к патриотическим чувствам населения России. Указывается, что шведы получили возмездие за их бесчинства около Смоленска и на Украине, где они не только жгли и разоряли, но и посылали «подкупленных поджигателей», которые сожгли несколько русских городов.

«Ведомости» публиковали сводки военных действий русских войск на территории Швеции. Так, 2 сентября 1719 года в газете такая сводка была напечатана под заголовком «Генеральное известие воинским действиям его царского величества всероссийского галерного флота настоящей кампании 1719». В сводке, состоящей из 228 строк текста, говорится: 10 июля вечером адмирал Апраксин от аландского острова Ламелант повел галерный флот под прикрытием корабельного флота «внутрь Швеции». Флот, принимавший участие в операции, был разделен на две части. «На левую сторону» от Стокгольма направился со своим корпусом Апраксин, «а на правую» он отправил эскадру в 21 галеру, под руководством генерал-майора Лесли. Увидев, что шведы не желают заключить мир с полномочным министром Остерманом, он приказал со шведами поступать по-неприятельски. Было приказано разорять города и селения, кроме церквей, «которые велел по указу его величества со всеми во оных обретающимися церковными украшениями невредны оставлять». В результате действий русских отрядов на территории Швеции разорены и сожжены «на левой»

стороне ряд городов. В том числе Норд-Кенинг, который считается первым после Стокгольма городом в Швеции по богатству, купечеству и промыслам. Газета дала подробный перечень сожженных заводов, мельниц, магазинов, деревень. Так же описаны действия корпуса Лесли. Также в сводке сообщалось о том, что русские побросали в воду много вражеских пушек, уничтожили все, «что неприятелю служить могло». Но, подчеркивает газета, «токмо люди, которые оружия не подымали, по указу его величества непобиваны и в полон не браны».

Многие корреспонденции «Ведомостей» свидетельствовали о слабости шведских войск, которые не могли сопротивляться русским отрядам, совершавшим рейды на территорию противника, чтобы заставить его сдаться. Так, 8 сентября 1720 года газета, сообщая о десанте русских отрядов близ городов Старой и Новой Уммы, писала, что, когда русские войска подошли к берегу, неприятель, «не чиня никакого сопротивления, отступил». Десант захватил 14 пленных, сжег военные магазины, ветряные и водяные мельницы, вражеские суда и «немалую добычу и скота получил», после чего «счастливо» возвратился.

Победе русского флота в Гренгамском сражении, которое произошло в конце июля 1720 года, «Ведомости» посвятили специальный выпуск, состоявший из 15 страниц.

Он оформлен как реляция командовавшего русским галерным флотом в этом сражении князя Голицына «из Финляндии, из строва Сандо». Дано подробное и убедительное описание боя, которое заканчивается словами: «И по окончании того дела, взятые неприятельские суды приведены к галерному флоту, а сколько неприятелей взято живых и побито и что наших при том побито и ранено и что взято на тех судах артиллерии, аммуниции и протчего, тому при сем следующий реестр». Газета привела реестр на 9 страницах, подчеркивая этим значительность победы при Гренгаме.

Смысл публикаций «Ведомостей» о военных действиях русских войск в Швеции в последний год перед заключением 30 августа 1721 года в Ништадте мира был таков: шведы не в состоянии оказывать сопротивление русским отрядам на своей территории и при появлении русских войск бегут в панике, бросая оружие, военные заводы; не помогает им и наличие

в отдельных районах значительных военных сил, возглавляемых видными шведскими генералами. Газета считала важным популяризацию подобных известий, так как подобные сообщения имели большое общественное значение не только в России, но и за рубежом.

Особое место в политической литературе России первой четверти XVIII века заняла книга П. Шафирова «Рассуждение о Свейской войне». Она была издана как оправдательная записка, «в ответ на ропот народный», показывавшая войну со шведами как государственную необходимость⁴⁹. Сказанное подтверждается заключительной частью книги Шафирова, которая представляет собой обращение к читателю. Здесь мы находим такие слова: «Не негодовать или скучать подобает, но терпеливо понести оную и трудолюбиво искати с его же помощью добраго и безопасного конца сея войны»⁵⁰.

Первое издание «Рассуждения о Свейской войне» вышло в 1717 году, второе издание — в 1722 году, т. е. через 5 лет, что в то время, когда книги довольно медленно продавались, было необычным явлением. Обращает на себя внимание тираж второго издания книги — 20 тысяч экземпляров⁵¹. Таким тиражом в то время книги не выходили. Издание книги в небывалом количестве само по себе говорит о значении, которое ей придавали. В 1717 году, т. е. в год, когда было выпущено первое издание книги, она была переведена и издана на немецком языке⁵².

Таким образом, книга Шафирова была политическим трактатом, призванным прежде всего воздействовать на русского читателя, убедить его в законности войны со шведами и в необходимости, несмотря на все трудности, довести ее до победного конца. Вместе с тем трактат Шафирова был призван опровергнуть измышления о России, распространявшиеся в европейской прессе.

Кроме П. Шафирова историю Северной войны писали Генрих Гюйссен (Гизену) и Феофан Прокопович. Первый составил «Журнал государя Петра I» с 1695 по 1709 год, а Ф. Прокопович — «Историю императора Петра Великого». Труды этих авторов, несмотря на то что они были опытными публицистами, не удовлетворили Петра I и его советников. В 1712 году было поручено М. П. Аврамову,

редактировавшему «Ведомости», составить текст «Книги Марсовой» на основании изданных во время войны «журналов» и реляций. В 1718 году Петр поручил кабинет-секретарю Макарову написать историю Свейской войны, который собрал большой документальный материал, привлек к работе видных деятелей своего времени. Труд Макарова подвергнулся переработке шесть раз и в таком виде остался в бумагах Петра I. И лишь в 1770 году М. Щербаков издал работу Макарова под названием «Юрнал и поденная записка императора Петра Великого». Также значительное внимание истории Северной войны уделил И. А. Желябужский, образованный человек своего времени, дипломат и мемуарист. Он в своих записках старательно подчеркивал успехи русских войск и в освещении Северной войны очень близок к указанным выше публицистам, потому что он, как и они, включил материалы «Ведомостей» в свои работы. Это связано с тем, что Северная война подробно представлена в первой русской печатной газете, в которой большинство из материалов публиковалось. Имя Шафирова неоднократно упоминается в газете, Аврамов был редактором «Ведомостей», Макаров, как свидетельствует переписка с редактором, имел прямое отношение к ней⁵³.

Сообщением о заключении Ништадтского мирного договора «Ведомости» вышли 12 сентября 1721 года. В газете сообщалось, что «корона шведская вечно уступает нам Лифляндию, Эстляндию, Ингрию и знатную часть Карелии, с городами Ригою, Ревелем, Нарвою, Перновом, Выборхом и Кексхолмом».

Таким образом, первая русская печатная газета «Ведомости», на своих страницах подробно освещая борьбу за побережье Балтийского моря между Россией и Швецией, заложила основы русской военной публицистики, которая впоследствии получила дальнейшее развитие. Газета умело воздействовала на небывало широкий ранее читательский круг. В ее материалах преобладало публицистическое направление. Они содержали меткие комментарии, четкие выводы и обобщения, выраженные ясным и доходчивым языком. Газета стремится поднять престиж Русского государства, показать, что оно ведет войну как «политичная христианская страна» вопреки утверждениям врагов.

Хотя газета и имела в виду в первую очередь читателя из привилегированных слоев общества — дворянина, офицера, купца, но, освещая подробнейшим образом ход Северной войны, она так или иначе апеллировала к более широкому кругу читателей, ибо нельзя было писать о боевых действиях, забывая солдата. Для этого «Ведомости» писали на ясном, доходчивом, понятном широкому кругу людей языке. Вот несколько примеров. Вместо слова «возвещают» редактор ставит — «пишут», вместо слова «лесть» редактор пишет — «хитрость», вместо «преставился» — «умре», вместо «элекции» — «собрание».

До 1711 года «Ведомости» издавались в Москве, затем начали выпускаться и в Петербурге. Таким образом, получилось очень интересное положение — одна и та же газета печаталась и в Москве и в Петербурге. При этом до 1714 года в Москве выходило номеров больше, чем в Петербурге, затем центром издания «Ведомостей» становится Петербург, а в Москве перепечатываются только самые интересные номера газеты. Но вскоре после окончания Северной войны — в 1722 году — издание газеты было вновь полностью переведено в Москву.

Внешне «Ведомости» издавались в виде книжечки, размером меньше четвертушки. Однако, как уже отмечалось, появлялись выпуски, изданные в виде развернутого листа. Номер газеты состоял из 4, 8, 10, 16, а иногда и более страниц. Встречаются номера, отпечатанные на одной стороне листа. Видимо, они предназначались для вывешивания в людных местах. До 1710 года газета использовала только древнеславянский шрифт, а затем вводится гражданский шрифт, но отдельные номера печатались в двух вариантах: гражданским шрифтом и кириллицей, более понятной широкому кругу читателей.

В освещении Северной войны широко использовались информационные заметки и большие материалы до 300 строк текста — такие, как о Полтавской битве, о поражении шведской армии Стейнбока, на которого противники России возлагали большие надежды после полтавских событий, и другие. Эти материалы оформлялись в виде своеобразных статей. Также использовались и другие жанры: военные обзоры, памфлеты, фельетоны, письма.

В московский период редактором «Ведомостей» являлся Ф. П. Поликарпов-Орлов — известный писатель, переводчик, автор «Букваря», славяно-греко-латинского «Лексикона». Он был одним из образованнейших людей своего времени, долгое время состоял директором Московского печатного двора и Синоидальной типографии и, будучи редактором первой печатной газеты в России, немало сделал для ее становления.

В Петербурге «Ведомости» редактировал М. П. Аврамов — одновременно и первый директор Петербургской типографии (1711—1727), автор проекта введения цензуры. Его высоко ценил Петр I, прощая ему приверженность к старине. После его смерти Аврамов попадет в немилость: в 1732 году пострижен в монахи, затем отправлен в ссылку и заключение.

С 1719 года активное участие в редактировании «Ведомостей» принимал Б. Волков — талантливый переводчик.

Газета находилась в ведении Монастырского приказа, во главе которого стоял выдающийся деятель петровского времени Н. А. Мусин-Пушкин. В руководстве газетой принимал участие Ф. А. Головин. Коллегия иностранных дел активно участвовала в газете, контролируя ее. В «Ведомости» давали материал такие выдающиеся дипломаты петровского времени, как А. Матвеев, Г. Головин, П. Толстой, Б. Куракин, А. Долгорукий, П. Шафиров.

Печатался в газете Петр I, проявляя большой интерес к периодической печати, не раз редактируя «Ведомости» и давая указания по поводу освещения военно-политических событий.

Все публикации «Ведомостей» без подписей, поэтому очень сложно установить всех политиков, публицистов, печатавшихся в газете.

Количество номеров и тираж газеты в разные годы были неодинаковыми. В 1703 году вышло 39 номеров по 1000 экземпляров. В последующие годы тираж составлял от нескольких десятков до 4 тысяч экземпляров. Название издания изменялось («Ведомости», «Ведомости московские» и др.).

Газеты регулярно выходили до 1727 года, причем местом издания были то Москва, то Петербург. Затем после годичного перерыва они стали выходить под названием «Петербургские ведомости». Издавать их стала Академия наук, которая придала им другой характер. И конечно, в них стали значительно меньше отводить места военным вопросам⁵⁵.

Со смертью Петра I прекратилась активная внешняя политика России, реформирование государства, а вместе с этим затихло и развитие журналистики.

Только при Елизавете II в Московском университете начинают в 1755 году выходить «Московские ведомости», а затем научно-популярный журнал «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие».

В середине XVIII века газеты в своем развитии почти не ушли вперед по сравнению с петровскими ведомостями. Но зато они почти перестают интересоваться военными вопросами.

Противоборство словом в Семилетней войне 1756—1763 годов

В памяти российского общества военная история XVIII века представляется как бы большим затуманенным полем, по краям которого высятся резкие очертания Полтавской баталии и перехода Суворова через Альпы, а на равнине смутно ощущаются штурм Измаила, победы Румянцева и Суворова, Семилетняя же война 1756—1763 годов окутана мглой и совершенно не видна, а ведь она, можно сказать, стала высшим достижением русской армии с самого начала столетия до Итальянского похода 1799 года. Полтавская победа при подавляющем превосходстве сил и вследствие тяжелейших стратегических ошибок Карла XII явилась, скорее, лишь символом возвышения новой России. Именно в Семилетней войне русские впервые по-настоящему вышли на европейскую арену и сражались с величайшим полководцем века — прусским королем Фридрихом II Великим, бывшим на престоле с 1740 по 1786 год. Из четырех больших сражений этой войны российские войска не проиграли ни одного, а в трех одержали решительную победу.

Фридрих II: представлять неприятеля в самом черном виде

По мнению немецких историков, Фридрих II был первым германским императором, создавшим настоящую пропагандистскую машину⁵⁶. Помимо того что он регулярно публиковал статьи с разъяснением своей политики, он обязывал

делать то же и своих влиятельных сановников. Император принуждал газеты также печатать инспирированные им корреспонденции. Благодаря различным «уткам» он довольно успешно влиял на настроение в обществе. Так, инспирировав сообщение о неожиданном граде в провинции, погубившем весь урожай, Фридрих отвлек людей от откровенного недовольства новыми военными приготовлениями.

В своем известном труде «Главные принципы войны» и письменных инструкциях генералам Фридрих II указывал на необходимость формирования у населения общественного сознания, благоприятно расположенного к прусским войскам. Он писал: «Если война ведется в нейтральной стране, то главное заключается в том, какая из обеих сторон заслужит дружбу и доверие населения. Необходимо сохранять строгую дисциплину... Надо представлять неприятеля в самом черном виде и обвинять во всяческих замыслах против страны. В таких протестантских странах, как Саксония, надо играть роль защитников лютеранской религии; если страна католическая, то надо постоянно говорить о веротерпимости. Фанатизм может оказать здесь весьма вредным. Если можно воодушевить народ идеей свободы совести, доказать ему, что он угнетаем попами и ханжами, то можно положиться на этот народ; это-то и подразумевает выражение “заставить служит себе ад и небо”»⁵⁷.

Лейтмотив его официальной политики в области печатного дела заключался в том, что «цензурные предписания не имеют целью воспрепятствовать приличному и серьезному исследованию истины», они направлены лишь против «сочинений, противных основам религии, нравственному и гражданскому порядку»⁵⁸. Фридрих II высоко ценил влияние прессы на развитие страны и требовал от своих министров, чтобы «интересным газетам не чинились препятствия», что «берлинским газетным писателям должна быть предоставлена неограниченная свобода писать без предварительной цензуры обо всех столичных новостях»⁵⁹. Однако, когда касалось военных вопросов, здесь он считал необходимым регулировать прессу и при необходимости вводил строгие запреты. Так, в 1749 году, когда Фридрих II потерпел ряд крупных военных неудач в

силезских войнах, цензура тут же была восстановлена, потому что огласка была невыгодна королю⁶⁰.

В период Семилетней войны 1756—1763 годов между Австрией, Францией, Россией, Испанией, Саксонией, Швецией — с одной стороны и Пруссией, Великобританией (в унии с Ганновером) и Португалией — с другой Фридрих II стремился играть роль защитника лютеранской религии не только в Саксонии, но и во всей Германии, чтобы, как он говорил сам, «разжечь ярость всех, кто имеет хоть малую склонность к Мартину Лютеру»⁶¹. Для этого он приказал изготовить массу фальшивых документов, в том числе и папскую грамоту, в которой Папа будто бы награждает австрийского маршала Дауна за нападение при Гохкире освященной шляпой и шпагой, и он старался вовсе не по-королевски осмеивать этого, отнюдь не неравного, противника, называя его «человеком в святой шляпе»⁶².

Этот направленный против Ватикана спектакль был рассчитан не столько на нацию, сколько на мелкие немецкие дворы, притом не только протестантские. Несомненно, со стороны австрийцев существовала, хотя и в слабой степени, тенденция утвердить габсбургско-папское господство над всей Германией; французские дипломаты при немецких дворах писали в своих донесениях в Версаль, что и католические сословия озабочены судьбой «немецкой свободы» и что необходимо было бы открытым заявлением рассеять эти опасения. Австрийское правительство неоднократно заявляло, что в его намерение не входит изменение Вестфальского мирного договора⁶³, однако подозрение в таком намерении само собой вытекало из положения вещей, и поддержка этого подозрения была со стороны Фридриха весьма ловким пропагандистским ходом. Он добился в этом отношении успеха. На рейхстаге в Регенсбурге протестантские сословия вынесли резолюцию против предложенного венским двором отлучения Фридриха от империи⁶⁴. Кроме того, протестантские сословия весьма неохотно поставляли пополнение в австрийскую армию. Таким образом, Фридрих имел полное основание писать маркизу д'Аржансу, что его фальшивые грамоты сослужили службу не хуже выигранного сражения.

Кстати, сам Фридрих II ни сознательно, ни бессознательно не был заражен героизмом «протестантской свободы духа», которую он будто бы спасал во время Семилетней войны.

Листовки русской императрицы

Военное командование России в этой войне также осознало необходимость привлечения на свою сторону местного населения, которое не весьма дружески было настроено к русской армии. Шедший впереди авангарда русских войск, вступивших в Пруссию, отряд из 700 казаков и гусар генерал-майора Романиуса распространял воззвание к населению. В нем сообщалось, что тем, кто не окажет сопротивления и подчинится, обещается императорская милость и защита. В особом предписании русским военачальникам рекомендовалось брать заложников из высших слоев и не трогать всех остальных; если же население будет сопротивляться, реквизировать скот и имущество, но не жечь деревни⁶⁵.

Однако во время первого похода русских войск под командованием фельдмаршала С. Ф. Апраксина прусские крестьяне, принявшие присягу Елизавете II в 1757 году, подверглись прискорбным эксцессам со стороны казаков. Поэтому при повторном вступлении в Пруссию русские генералы ожидали сопротивления населения. Чтобы предотвратить его, одновременно повсюду распространялось новое обращение русской императрицы к жителям Восточной Пруссии, в котором Елизавета II уверяла: «... с крайним видели Мы неудовольствием, что в противность Наших указов тогда сия земля оставлена, когда фельдмаршал Левальд, будучи с его армиею побежден, жители сами добровольно предались в Нашу протекцию; а еще с большим слышали Мы прискорбием, что при освобождении войсками Наших помянутых земель некоторые места выжжены и опустошены. Теперь войска Наши паки ввести в королевство Прусское побуждают Нас те же причины, о которых свет Мы уведомили, да при том и то, чтоб оказуемым благоволением и милостию ко всем тем жителям, кои добровольно себя в Нашу протекцию отдадут и при своих жилищах, прилежа токмо своему званию, оставаться будут,— удостоверить и самих потерпевших, что сделанное в минувшую кампанию разорение было совсем против Нашего желания»⁶⁶.

Под контролем военной цензуры

Затем, когда русские войска вошли в Кёнигсберг, главнокомандующий русской армией генерал-аншеф В. В. Фермор взял под надзор все местные газеты. До вхождения русских войск цензура «Koenigsberger Leitung» и других изданий осуществлялась университетом. Теперь эту функцию на себя взяли русские военные власти. Это явилось первым случаем введения военной цензуры, который произошел за полстолетия до ее официального создания в России.

У Фермора были, несомненно, основательные причины для таких действий. В одном из писем к канцлеру М. И. Воронцову он жалуется на «бесстыдную берлинскую ложь, повторяющуюся в газетах Кёнигсберга»; например, в одной из них сообщалось о падении русских пушек в воду при переходе через Вислу. Фермор преобразовал в государственный орган некую «Государственную газету мира и войны». Этот официоз завоевателей должен был выражать симпатии жителей к русскому гарнизону, «каковому всяк и каждый отдает несомнительное предпочтение противу прежнего прусского гарнизона», и расхваливать «изысканный вкус богатых и дорогих мундиров на российских офицерах». Ошеломленные кёнигсбергские читатели узнавали из своих газет о зверствах Фридриха II в Саксонии и о человеколюбии царицы, которая даже не помышляла производить репрессии в завоеванных ею провинциях. Победы прусского короля ставились под сомнение, а успехи воевавшей с ним коалиции непомерно преувеличивались⁶⁷.

Также было обращено внимание на богослужение в кёнигсбергских церквях: по указанию военных властей священники начали в своих проповедях прославлять русскую империатрицу и превозносить победы русской армии.

Со стороны правительства Фридриха II предпринимались меры для подрыва русского влияния в Пруссии: в газетах публиковались статьи антирусской направленности, где русские воины, особенно казаки, изображались в виде диких зверей; распространялись воззвания Фридриха II, призывавшего к сопротивлению. Один из оперировавших в русской армии королевских агентов — капитан Ламберт, выдававший себя за английского офицера, был знаком со многими видными русскими генералами. Доставляя Фридриху II секретные сведения,

он в то же время составил известный памфлет на русскую армию, который был затем широко распространен прусским правительством⁶⁸. Фрагменты этого сочинения печатались в газетах, а затем оно было издано без указания места и года под заглавием «Schreiben eines Reisenden aus Riga, welches enthält den Zustand der Russischen Armee und deren Befehlshabern» («Письмо путешественника из Риги с изъяснением состояния русской армии и лиц, оной начальствующих»).

Эффект обобщающего образа

Большим успехом в народных массах Германии пользовались в период Семилетней войны газетные публикации и листовки от «немца Мишеля» — обобщенного образа, который появился в германской литературе с 1546 года. Он ассоциировался с понятием «глупый немец». С XVII века это имя стало отождествляться с немецким народом и служило призывом к борьбе с иностранным влиянием. Главным жанром, в котором присутствовал образ «немца Мишеля», были сатирические и юмористические листовки. От его имени, как обобщающего образа народа, печатались целые полосы газет. Впоследствии образ «немца Мишеля» использовался в германской печати и в период войн XIX и XX веков.

Подобные обобщающие образы были в печати и других народов. Так, например, в США известный ученый и общественный деятель Б. Франклин в 1730 году открыл типографию, где выпускал «Филадельфийскую газету», памфлеты, брошюры на самые злободневные темы и «Альманах простака Ричарда». Этот ежегодник, типа календаря, выходил в течение 25 лет (1732—1758) и был рассчитан на простых читателей-тружеников. Изречения и поговорки этого обобщающего образа затем составили целую книгу «Наука простака Ричарда», которая вышла в 1748 году. Все основные материалы от этого обобщающего образа написал Б. Франклин⁶⁹.

В Париже в конце XVIII века начала выходить газета «Дядя Дюшен». Ее издатель Гербер, «сам человек изящный и полувивший прекрасное воспитание»⁷⁰, использовал оригинальный тип «дяди Дюшена», уже давно знакомый французскому

простонародью по балаганному фарсу «Масляничное блюдо», героем которого являлся некий горшечник, не умевший связать подряд трех слов без отборного ругательства или отчаянной божбы. Эта игривая пьеса, которую О. Кабанесс и Л. Насс называют «галиматшей»⁷¹, понравилась парижской черни, и с тех пор образ горшечника «дяди Дюшена» стал в народе популярен. Масса политических памфлетов, наводнявших Париж перед Великой французской революцией, писалась якобы от имени этого торговца горшками, олицетворявшего собой здравый смысл и наивную грубость простонародья. В период революции также выходила газета «Папаша Дюшен». Она печаталась неизвестными лицами в маленьких парижских типографиях. На первой странице этой газеты находился портрет «папаши Дюшена», сидящего верхом на винной бочке. Текст газеты представлял собой речь «папаши Дюшена», посвященную текущим событиям, излагаемым в крайне революционном духе; язык газеты был простонародным и даже грубым, с неприличными выражениями.

В 1789 году от имени «дяди Дюшена» появляется множество всевозможных летучих листков и брошюр. В следующем году какой-то почтовый чиновник Лемер приступил к изданию «Здорово откровенных патриотических писем дяди Дюшена». Гебер, который не стеснялся при всяком удобном случае зашибить копейку, начал в сотрудничестве с Трамблэ попросту подделывать такие же письма. Первые листы его контрафакции были выпущены даже не пронумерованными. В заголовке красовалась виньетка, изображающая горшечника с трубкой во рту и с табачным картузом в руке. Издание заканчивалось двумя мальтийскими крестами, а под картинкой стояло: «Я настоящий дядя Дюшен», с добавлением так называемого трехэтажного словечка. С тринадцатого номера виньетка уже изменилась. «Дядя Дюшен» преобразовался в усатого молодца с саблей на боку и с занесенным над головой священника топором с девизом «Memento mori». Гебер продавал свой листок правительству в огромном количестве экземпляров, а последнее рассылало их в армию с целью возбуждения в молодых солдатах патриотизма и гражданского мужества⁷².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дьяконов И. Откуда мы знаем, когда это было // Наука и жизнь. 1988. № 5. С. 66—74.

² Келлен Тони. Газета и журнал. Их прошлое и настоящее во всех странах мира. СПб. (без года издания — *Примеч. Н. В.*). С. 3.

³ См.: Советский энциклопедический словарь. М., 1980. Келлен Тони. Указ. соч. С. 6.

⁴ Келлен Тони. Указ. соч. С. 6.

⁵ Там же.

⁶ Баренбаум И. Е., Шомракова И. А. Книга и книжное дело в капиталистических странах. Л., 1990. С. 70.

⁷ Кацпржак Е. И. История письменности и книги. М., 1955. С. 86.

⁸ Кузьминский К. Очерк развития военной журналистики в России // Война и мир. 1906. № 7. С. 115.

⁹ Там же. С. 116.

¹⁰ Так назывались тогда в Англии, Голландии периодические листки. Происходило это от латинского слова *currens* — «бегущий, текущий».

¹¹ Витберг Ф. А. Мнение иностранцев-современников о великой Северной войне // Русская старина. 1893. Август. С. 275—278.

¹² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1870. С. 325.

¹³ Шафиров П. Рассуждение о Свейской войне. СПб. 1917. С. 1.

¹⁴ Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1889. С. 46.

¹⁵ Цит. по: Кузьминский К. Очерк развития военной журналистики в России. С. 117.

¹⁶ Ведомости. 1703. 2 января.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Ведомости. 1703. 22 марта.

¹⁹ Ведомости. 1703. 11 марта.

²⁰ Ведомости. 1703. 15 мая.

²¹ Ведомости. 1703. 1 мая.

²² Голицев И. Деяния Петра. М., 1788. Ч. 2. С. 101.

²³ Ведомости. 1703. 29 мая.

²⁴ Прокопович Ф. История императора Петра Великого. СПб., 1773. С. 81.

²⁵ Ведомости. 1704. 3 июля.

²⁶ Ведомости. 1704. 3 июля.

²⁷ Ведомости. 1704. 27 июля.

²⁸ Ведомости. 1704. 22 августа.

²⁹ Панов В. А. Петр I как полководец. М., 1940. С. 35.

³⁰ Поденная записка. СПб., 1770. Ч. 1. С. 120.

³¹ Там же. С. 123.

³² Походные и путевые журналы императора Петра I. СПб., 1853. С. 11.

³³ Цит. по: *Томсинский С. М.* Указ. соч. С. 97.

³⁴ Поденная записка. СПб. Ч. 1. С. 157.

³⁵ Русский архив. 1871. № 1. С. 187.

³⁶ Ведомости. 1709. 2 июля.

³⁷ *Тельпуховский Б. С.* Северная война. М., 1946. С. 133, 140.

³⁸ Цит. по: *Тельпуховский Б. С.* Указ. соч. С. 140.

³⁹ Там же.

⁴⁰ См.: Желябужский. Указ. соч. С. 246—251; *Гюссен Г.* Журнал государя Петра I с 1709 по 1710 г. / Записки Федора Туманского. СПб., Ч. 8. С. 95—100.

⁴¹ *Томсинский С. М.* Указ. соч. С. 109.

⁴² Дания в это время являлась союзницей России.

⁴³ *Андерсон И.* История Швеции. М., 1951. С. 247.

⁴⁴ Ведомости. 1714. 21 августа.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Ведомости. 1719. 25 июня.

⁴⁷ *Тельпуховский Б. С.* С. 162.

⁴⁸ Там же. С. 161.

⁴⁹ *Шмурло Е.* Петр Великий в русской литературе. СПб., 1889. С. 67.

⁵⁰ *Шафиров П.* Указ. соч. С. 77.

⁵¹ Шмурло Е. Указ. соч. С. 67.

⁵² Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2. С. 394.

⁵³ *Томсинский С. М.* Первая печатная газета России (1702—1727). Пермь. 1959. С. 80—81.

⁵⁴ Томсинский С. М. Указ. соч. С. 39.

⁵⁵ См.: *Томсинский С. М.* Указ. соч.; *Кузьмина В. Д.* Возникновение периодической печати в России и развитие русской журналистики в XVIII в. М., 1948; Русская периодическая печать. 1702—1894 гг. М., 1959; Сборник материалов к изучению истории русской журналистики. Вып. М., 1952.

⁵⁶ *Вороненкова Г. Ф.* Путь длиною в пять столетий: от рукописного листка до информационного общества. (Национальное своеобразие средств массовой информации Германии.) М., 1999. С. 70.

⁵⁷ *Меринг Ф.* Очерки истории войн и военного искусства. М.; Л., 1936. С. 198.

⁵⁸ Там же. С. 70—71.

⁵⁹ Там же. С. 70.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. С. 199.

⁶² Франц Меринг замечает, что хотя австрийское правительство тотчас разъяснило, что история со священной шляпой и шпагой является выдумкой, и хотя выдумка эта была много раз раскрыта исторической критикой, все же эта история проникла в прусские исторические книги. (См. указ. соч. Ф. Меринга. С. 199—200).

⁶³ Вестфальский мирный договор 1648 года, завершивший Тридцатилетнюю войну 1618—1648 годов, закрепил и усилил политическую раздробленность Германии.

⁶⁴ Императорское отлучение налагалось императором по соглашению с государственными сословиями.

⁶⁵ Пруссак ввели себя в немецкой земле Саксонии ничуть не лучше, равно как и в дружественной нейтральной Польше. Фридрих II притворно негодовал на русское варварство, но значительно хуже всех зверств, совершенных казаками, были те репрессии, которые сам он угрожал употребить в письме из Дрездена Левальду от 22 февраля 1757 года: «За одну сожженную русскими деревню в Пруссии я велю спалить десять или двадцать в Саксонии и Богемии». (Politische Correspondenz Friedrich's des Grossen. Bd. 14. Berlin, 1886. S. 302).

⁶⁶ *Масловский Д. Ф.* Русская армия в Семилетнюю войну. М., 1886—1891. Вып. 2. Приложения, № X. С. 19.

⁶⁷ *Рамбо А.* Русские и пруссаки: История Семилетней войны. СПб.; М. 2002. С. 151.

⁶⁸ *Коробков Н.* Семилетняя война. М., 1940. С. 51.

⁶⁹ *Баренбаум И. Е., Шомракова И. А.* Указ. соч. С. 53.

⁷⁰ Революционный невроз. М., 1998. С. 473—476.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

ГЛАВА V

1812 год: противостояние пропаганде Наполеона

24 июня 1812 года шестисоттысячная армия Наполеона Бонапарта вторглась в пределы России. Началась Отечественная война 1812 года. Это была справедливая национально-освободительная война России против напавшей на нее Франции, закончившаяся сокрушительным разгромом неприятельских армий.

Для завоевания России Наполеон в максимальной степени использовал не только экономические и военные ресурсы подвластных ему европейских стран, но и возможности их прессы. Блестящие качества полководца, лидера и организатора, каким он был в военных и государственных делах, позволили ему преуспеть и в умении влиять на общественное мнение. В его личности столкнулись не только воля и власть, но и необходимое понимание роли печати и овладение средствами публицистики, которые он умело применял на всех этапах своей деятельности.

Перед нашествием на Россию, когда Наполеону надо было во что бы то ни стало оправдать свой поход, во Франции и других европейских державах формировалось мнение о нашей стране как прирожденном агрессоре, о русском народе как варварах, стремящихся уничтожить европейскую цивилизацию. Для этого в ход была пущена фальшивка — так называемое «завещание» Петра I (подробнее о нем см. с. 23), на основе которого по повелению Наполеона французский историк Лезюр выпустил книгу под заглавием: «О росте мощи России и ее возникновении до начала XIX века», где говорилось о якобы тщательно разработанной Россией программе завоевания соседних с ней европейских стран. Таким образом Наполеон пытался представить свою агрессию как превентивную меру в защиту западно-европейской цивилизации от притязаний России на господство в мире. Этим он хотел найти себе поддержку во всей Европе, придать войне характер общеевропейской борьбы против неизбежного вторжения варваров с Востока.

У Наполеона был значительный опыт в использовании печатного слова как эффективного оружия в достижении победы над противником. Его методы информационного воздействия и управления прессой, которые представлены в первой части книги, не раз позволяли ему добиваться поставленных политических, военных и личных целей. В России наблюдали за блистательными успехами пропаганды Наполеона и готовились к войне «перьев» в столкновении с французами. Характерной чертой русской политической лексики становится образ «пера», по разящей силе могущего потягаться и с самим «мечом». В главе рассказывается, как накануне и в начале войны 1812 года создавался агитационно-пропагандистский центр русской армии, работе походной типографии во главе с профессором Дерптского университета А. Кайсаровым по противостоянию наполеоновской пропаганде. В связи с этим анализируются «летучие листки», бюллетени, листовки, газеты, брошюры и другие издания военной типографии.

Также в главе рассматриваются отражение Отечественной войны 1812 года в российской прессе, особенности военной публицистики этого периода, деятельность московского генерал-губернатора Ф. В. Ростопчина по выпуску прокламаций, показана история создания газеты «Русский инвалид», ее информационная акция по оказанию помощи пострадавшим на войне и освещению боевых действий русской армии за рубежом.

«Четыре газеты смогут принести врагу больше зла, чем стотысячная армия»

Поднявшись на гребне Великой французской революции, которая привела в движение глубинные пласты населения, возбудила энергию и самосознание народных масс, Наполеон отчетливо понимал, что и в этом отношении условия ведения войн коренным образом изменились. Изменились прежде всего потому, что в политической жизни неизмеримо возросло значение морального духа народа и армии, пребывавших ранее в состоянии средневековой спячки. И как ни один другой полководец прошлого, Наполеон подчинил военнo-стратегическим целям буквально все доступные тогда способы обуздания общественного мнения.

Большое значение он придавал прессе. Известно изречение Наполеона: «Четыре газеты смогут принести врагу больше зла, чем сотысячная армия»¹. Имеется обширная литература о его взаимоотношениях с печатью². Она свидетельствует, что деятельность Наполеона в этом направлении была необычайно широкой и по мере укрепления своей диктатуры он возвел необходимость целенаправленного воздействия на общественное мнение до уровня высокой государственной политики. Эту мысль он не раз высказывал в кругу своих единомышленников. Так, в апреле 1800 года в беседе с М.-А. Жюльеном Наполеон заявил: «Общественное мнение — это лошадь, иногда капризная, которую я пытаюсь обуздать»³. В июне 1804 года на заседании Государственного совета Бонапарт эту же мысль высказал более ясно: «Мы должны управлять общественным мнением»⁴.

Особенно активными были усилия пропагандистского аппарата Наполеона в отношении тех стран, с которыми шла война или которые предстояло еще завоевать. Подвластная ему европейская пресса о многих важнейших событиях умалчивала вовсе, заполнялась сообщениями, которые преувеличивали успехи французов и искажали действительное положение в неприятельском лагере. Порой это были и заведомые фальсификации, инспирированные самим императором. По его же приказу соседние страны наводнялись тысячами памфлетов, брошюр, прокламаций, а в «Великой армии» в каждую кампанию регулярно издавались распространявшиеся повсюду официальные бюллетени — первоисточники военно-политической информации. И все это имело целью поднять дух войск, деморализовать и подавить противника, сбить его с толку лживыми известиями, расположить к себе мирных жителей, внушить им представление о своем величии и таким образом еще до завершения военных действий проложить путь к победе.

Для подъема духа своей армии

Еще в начале своей первой кампании в Италии Наполеон для подъема духа своей 45-тысячной армии, значительно уступавшей по численности противнику, испытывавшей острую нехватку провианта и обмундирования, издает вдохновляющие приказы и военные бюллетени. Их адресатами были не

только войска, но и широкая публика как во французском тылу, так и на завоевываемых территориях. Кроме приказов важную пропагандистскую роль играли манифесты, воззвания к местному населению, а также различного рода письма и обращения к местным влиятельным деятелям. В 1797 году им были созданы две газеты — «Курьер итальянской армии» и «Франция глазами армии», распространявшиеся в войсках. Кроме того, в Париже выходила еще одна газета — «Журнал Бонапарта и добропорядочных людей». В работе Перивье «Наполеон — журналист» отмечается, что есть два типа журналистов: организаторы этого дела и те, кто непосредственно пишет. Наполеон, считал Перивье, удачно совмещал в себе два типа⁵. Помимо организаторской работы он также интенсивно писал сам.

Вот, например, текст одного из его первых приказов по вступлении на итальянскую землю: «Солдаты, с вершин Апеннин вы обрушились, как поток, сокрушая и опрокидывая все, что пыталось вам противостоять. Пусть трепещут те, кто занес над Францией кинжалы гражданской войны; час отмщения настал. Но пусть народы будут спокойны. Мы — друзья всех народов, и в особенности потомков Брута и Сципионов... Свободный французский народ, уважаемый всем светом, принесет Европе достойный мир»⁶. Это — лейтмотив и всех последующих приказов, манифестов, бюллетеней и газетных публикаций Наполеона, какую бы новую область он ни завоевывал для Франции.

С ореолом освободителя Италии

Директория требовала от Наполеона как командующего итальянскими войсками, чтобы он не медлил с превращением североитальянских областей во французский протекторат.

Но Наполеон наряду с революционным энтузиазмом его собственных войск в качестве другой эффективной силы в борьбе против австрийского императора использовал освободительные устремления итальянцев. «Французский народ взялся за оружие ради свободы»⁷ — таков был рефрен его обращений к итальянцам. Вопреки установке Директории об учреждении вассалитетов в Северной Италии он провозглашает автономные республики — Ломбардийскую,

Транспанданскую, Цисканданскую. Этой акцией облегчалась и задача контроля над завоеванными областями и получения компенсаций в пользу Франции. Так, в обращении к народу Ломбардии говорилось: «Французская республика дала клятву ненависти к тирании и братства с народами...»⁸ Но тут же следовало объяснение, что для победы над австрийской тиранией нужны средства и что 20 миллионов лир контрибуции, наложенных на Ломбардию, служат этой цели. Таким образом, миллиарды флоринов выкачивались из Северной Италии. В то же время всюду в Северной Италии Наполеона сопровождал ореол освободителя, использовавшего революционные лозунги и освободительные идеи только что отгремевшей славной эпохи, а равно идейно-пропагандистский капитал французского Просвещения.

В соответствии с обстановкой и характером аудитории

В следующей своей кампании — в Египте Наполеон основал еще одну газету — «Египетский курьер». В ходе египетского похода он сознает, что здесь очень трудно выступать в прежней роли полководца — миссионера революции, свободы и независимости, как это было в Италии. Бонапарт стремился определить характер аудитории, к которой ему предстояло обратиться со своими воззваниями. И из ситуации и расстановки местных сил он сделал выбор и решил адресоваться к феодальной верхушке египетского общества и воздействовать на нее как на носительницу националистического начала. Также он стремился в своем обращении учесть и роль религиозной верхушки, т. е. шейхов. Бонапарт пытался найти подходы к их самосознанию, приняв во внимание противоречие между верхушкой мусульманства Египта и папской католической Церковью. С этой целью Наполеон решил использовать тот факт, что борьба Франции за Мальту являлась одновременно борьбой против Католического ордена, который владел этим островом. В его обращении говорилось: «Скажите народу, что мы — друзья правоверных мусульман. Разве мы не сместили Папу, который говорил, что с мусульманами надо бороться? Разве мы не уничтожали мальтийских рыцарей, потому что эти безумцы верили, будто Бог хочет,

чтобы они воевали с мусульманами?.. Трижды счастливы будут те, кто будут с нами. Они преуспеют в своем имущественном положении и карьере. Счастливы те, кто останется нейтральным. У них будет время познакомиться с нами, и они перейдут на нашу сторону. Но горе, трижды горе тем, кто пойдет с мамелюками, возьмет в руки оружие и будет против нас сражаться! Для них нет надежды, они погибнут»⁹.

Таким образом, когда не было возможности проэксплуатировать освободительные или националистические идеи, Наполеон стремился воздействовать на высший эшелон противника смесью посулов и угроз, дозируя их в соответствии с обстановкой и характером аудитории.

Многое из вышеприведенного наполеоновского обращения могло бы послужить образцом в подборе средств информационно-психологического воздействия. Во-первых, можно отметить выбор адресата, т. е. имамов, кади, шейхов, но не простой народ. Обращаться с призывом к неграмотным феллахам было бы бессмысленно. Во-вторых, имитацию слога, привычного для этой египетской верхушки, подбор доходчивых аргументов, в основе которых лежит небольшая частица правды. Разве не соответствует действительности, что Наполеон воевал с Папой и Мальтийским орденом и другими врагами египтян, хотя и вовсе, конечно, не потому, что первые были противниками мусульман? В-третьих, четкое указание на желаемую форму поведения: или присоединяйтесь ко мне, будьте моими союзниками, или, по крайней мере, соблюдайте нейтралитет, т. е. то самое сочетание посулов и угроз, о котором говорилось выше¹⁰.

Политика Наполеона в отношении прессы

Наполеон считал, что всей полнотой информации располагают только те, кто находится в высших эшелонах власти. Причем, отмечает доктор исторических наук Д. М. Туган-Барановский, автор монографий «Наполеон и республиканцы», «Наполеон и власть», здесь речь идет не о какой-то специфической информации военно-политического свойства, которая держится в тайне, а о самых общих сведениях, касающихся происходящих в стране событий. В полной мере эти сведения поступали только к Наполеону и сравнительно

небольшому кругу избранных. Бонапарт считал, что правильно понять эту информацию и распорядиться ею могут только они¹¹.

Из этого вытекала вполне определенная политика в отношении прессы и издательского дела. В данном вопросе, по мнению Наполеона, нельзя пускать дело на самотек, здесь не может быть абсолютной свободы. Во Франции еще не сложился стабильный режим, живы воспоминания о революции. Да и французская нация отличается от английской. Она «подвержена быстрому восприятию, отличается живым воображением и сильным выражением чувств; здесь неограниченная свобода прессы приведет к ужасным результатам»¹².

Первым делом нового самодержавного властителя после переворота 18 брюмера было закрытие 60 парижских газет из 73 существовавших. И не потому, что они были опасны или оппозиционны, а только потому, что их было слишком много, а по мнению Наполеона — чем газет меньше, тем лучше¹³.

Осталось 13, но к концу 1800 года в Париже выходили только девять газет, а потом их количество было доведено до восьми. Из сохраненных Наполеоном газет только «Монитор юниверсель» была объявлена «единственной официальной газетой». Первый консул получил возможность непосредственно через нее высказывать свое мнение. Формально газета находилась в частных руках, ее редактором был некий Сово Франсуа, за которым, однако, сохранялось только одно право... ведать театральной рубрикой. Таким образом, Наполеон на деле осуществил свой знаменитый принцип «Государь должен всегда использовать рекламу для своих целей». Материалы, помещенные в «Монитере», перепечатывались провинциальными газетами. Автором многих статей и прокламаций в «Монитере» был сам Наполеон.

Позднее правительство Бонапарта решило, что исключительное право публиковать периодические издания не может быть предоставлено частным лицам и что государство должно требовать деньги за привилегию, т. е. за то, что оно терпит существование уцелевших. Правительство потребовало в пользу казны $\frac{1}{6}$ части дохода; одновременно в каждую редакцию более распространенных газет было назначено по одному редактору-цензору, который должен был получать жалованье из средств газеты тоже в размере $\frac{1}{6}$ доходов газеты¹⁴.

Уцелевшие органы прессы были отданы в полную власть министра полиции и префектов, которые — каждый в своем департаменте — могли закрывать издающуюся там газету и только доносить о последовавшем закрытии в Париж. Книги и брошюры также были отданы в бесконтрольное распоряжение этих властей, хотя для книг и брошюр была создана некоторая фикция, якобы ограждавшая их от произвола. 64-й статьей статус-консульта 28 флореаля XII года (1804) постановлялось следующее: «Комиссии из семи членов, избранных сенатом из своей среды, поручается бдительно над свободой прессы. Не входят в круг ее ведения произведения, которые печатаются и раздаются по подписке и в периодические сроки. Эта комиссия будет называться сенаторской комиссией свободы прессы»¹⁵.

Действовавшее законодательство Франции о печати к моменту захвата власти Наполеоном сводилось к семи законам. **Первый закон** от 21 июля 1792 года гласил, что «все журналисты — поджигатели и памфлетисты — должны быть преследуемы». Согласно **второму закону** (от 18 августа 1792 года) в распоряжение министра внутренних дел отпущена была сумма (100 тысяч франков) на печатание и распространение сведений, способных «просветить умы» и опровергать клевету «врагов отечества»¹⁶. **Третий закон**, изданный Конвентом 29 марта 1793 года, повелевал наказывать смертью всякий призыв к насилию, если этот призыв породит преступление, и шестилетней тюрьмой, если за призывом не последует само преступление. **Четвертый** «закон» имеет частное значение — это декрет, отменяющий некоторые постановления департаментских властей (департамента Луарэ, муниципалитета Марселя, департамента Устье Роны), «нарушающие свободу прессы». **Пятый закон**, от 19 июля 1793 года, относился к авторским правам. **Шестой** (1795) повелевал «арестовывать и предавать уголовному суду лиц, которые своими писаниями или мятежными речами будут вызывать унижение народного представительства и возбуждать стремление к возвращению королевской власти»¹⁷.

Наконец, **последний закон**, относящийся к печати и созданный первой Французской республикой, издан был в 1797 году — это закон 27 жерминаля IV года. Собственно, этот закон относится вообще к «охранению общественной

и личной безопасности от всякого преступления, направленного против нее». Согласно первой статье этого закона, «объявляются виновными в преступлении против внутренней безопасности республики и против личной безопасности граждан и подлежат смертной казни, согласно 612-й статье свода о проступках и преступлениях, все те, которые своими речами или печатными предложениями... будут призывать к уничтожению национального представительства или Исполнительной Директории, или к убийству всех или одного из их членов, или к восстановлению королевской власти, или к восстановлению конституции 1793 года, или конституции 1791 года., или всякого иного правительства, кроме установленного конституцией, или к разграблению, или разделу частной собственности, под именем ли аграрного закона, или иным способом»¹⁸.

Смертная казнь будет заменена ссылкой на каторгу в случае, если суд найдет смягчающие обстоятельства. Но судить преступления эти должен суд присяжных, и судить безотлагательно, *прекращая для этого все другие дела*, причем промедление в преследовании виновных со стороны власти приравнивается к государственной измене.

На другой день, в прибавление к этому закону, был издан еще один закон — 28 жерминаля, согласно которому ни один печатный листок, ни одна брошюра, книга, газета и т. д. не могут выйти в свет, если на них **нет имен: 1) автора, 2) типо-графщика**. За нарушение этого постановления виновные подвергаются в первый раз шестимесячному, а во второй раз — двухлетнему тюремному заключению. В случае преступности содержания, если автор неизвестен, привлекаются (и *арестуются*): продающие, разносящие, расклеивающие инкриминированное печатное произведение, и они обязаны указать типографщика и автора, после чего автор наказывается согласно закону 27 жерминаля (т. е. смертью или каторгой). Если же нельзя будет добраться до автора, то «разносчики, продавцы, расклеивающие» преступное произведение, равно как и типографщики, подвергаются в первый раз двухлетнему заключению, во второй раз — ссылке на каторгу.

Таково было положение дела, когда генерал Наполеон Бонапарт уничтожил Директорию и захватил власть в свои руки.

Консолидация пропаганды

Наполеон считал, что издательское дело необходимо контролировать и направлять, без этого дела главы государства обречены на неудачу. Наполеон развертывает консолидационную пропаганду, т. е. использует все методы идеологического воздействия и контроля для закрепления личной диктатуры и военных завоеваний. Наполеон создал разветвленную, хорошо организованную полицейско-цензурную сеть, которая должна была ограничивать распространение информации. Он считал, что для широкой публики информацию необходимо тщательно отсеивать. Но делать это надо так, чтобы создать у народа определенные стереотипы, в основном социально-политического характера, оправдывающие существующий режим. В рамках этих стереотипов и складывалось мышление народа, происходило его социально-политическое развитие.

Дифференцируя подход

Наполеон дифференцированно подходит к воздействию печати на общественное мнение внутри страны и за рубежом. Внутри страны он начисто изъясил из сферы обсуждения всю внутреннюю и всю внешнюю политику и считал великой милостью дозволение редким уцелевшим при нем органам прессы помещать лишь самые коротенькие чисто информационные заметки политического характера, т. е. попросту заметки о новостях, коротенькие сообщения о фактах.

Воздействовать на сознание людей можно, как считал Наполеон, разными путями: при помощи прессы и в целом печати. Он тщательно отбирал с точки зрения положительного или отрицательного эффекта книги, изданные до 18 брюмера, — в период революции и на протяжении XVIII века и даже еще ранее. И запрещались, уничтожались не только новые издания, но конфисковывались при случае и старые.

Придирчивость при этом обнаруживалась немалая. Например, в августе 1811 года, когда нашествие на Россию было уже делом месяцев и когда Наполеон, казалось, всецело был поглощен дипломатической и военной подготовкой гигантского предприятия, он все же нашел

время рассмотреть каталог старых книг, которые распродавались наследниками одного библиофила, и приказал изъять при этом восемнадцать изданий. Среди них труд публициста XVI века Бодэна, сочинение Мирабо-отца «Письма о законодательстве» (1775), труды Мабли, Мерсье де ла Ривьера, публиковавшиеся при Людовике XVI, «Похвала Монтеню» Ла Димери, вышедшая в свет в 1771 году, и целый ряд книг деистического содержания¹⁹.

В связи с потребностями и текущими задачами политики у Наполеона появлялись те или иные симпатии и антипатии, с которыми обязаны были считаться не только живые авторы, но и произведения минувших веков. Так, нельзя было писать о революции, о последних Бурбонах, с 1809 года нельзя было писать с хвалой о римской курии, о Папе Пии VII, и вообще рекомендовалось поменьше писать о папах; до 1807 года можно было писать о России, но по возможности бранное, после 1807 года тоже можно, но непременно похвальное, с 1811 года опять можно, но больше бранное, нежели похвальное. При этом, сообразно с колебаниями в настроениях Наполеона, иногда оказывался подлежащим конфискации даже царь Соломон со своими притчами, ибо и в этих притчах усматривались подозрительные намеки, и никто из издателей и авторов не мог предугадать ближайшего поворота, никто не мог уверенно ответить на вопрос, что именно в предстоящем месяце окажется неподходящим.

Наполеон понимал, что с книгами, с трактатами, имеющими несколько отвлеченный характер, бороться труднее, нежели с газетами, именно потому, что нельзя же писать циркуляры, которые бы через известный промежуток времени указывали, как смотреть на церковь, на историю всех европейских стран и т. п. В таких случаях император либо вообще запрещал касаться того или иного предмета, либо приказывал написать и издать два-три примерных, так сказать, труда, по которым должна была бы равняться вся пресса. Иногда вместо издания таких примерных трудов император прибегал к простому запрещению данной темы. В особо трудных случаях оба способа комбинировались. В данном случае почва для появления этих заказных трудов была предусмотрительно расчищена.

Методом замалчивания и фальсификации

Методу замалчивания информации принадлежало одно из ведущих мест в наполеоновской пропаганде. «Всякий раз,— говорил Наполеон,— когда происходит событие, неприятное для правительства, не следует его публиковать до тех пор, пока оно не станет хорошо известно. Потом тем более не следует публиковать, потому что оно уже будет известно всему миру»²⁰.

Также, когда Наполеон полагал, что тот или иной его поступок настолько громко говорит за себя, что никакими газетными статьями его не оправдаешь, тогда он призывал министра полиции хранить глубокое молчание. Так, в 1809 году, когда он предполагал ряд насилий в отношении Папы Римского, все это как-то плохо выходило в газетных апологиях, и император не любил этой скользкой темы. «Я вижу с неудовольствием, что вы хотели составить статьи о Риме,— пишет он министру полиции.— Это дурной путь. Не следует об этом говорить ни в хорошую, ни в дурную сторону, и об этом не должно быть речи в газетах. Люди осведомленные знают, что не я напал на Рим, а ханжей (*les faux devots*) вы не перемените...»²¹

Одновременно Наполеон заказал два «исторических» труда, которые должны были оправдать действия французского императора. Первый труд должен называться «История конкордата Льва X» (в XVI столетии), а другой так: «История войн, которые папы вели против держав, имевших преобладание в Италии, и особенно против Франции». Эти труды на фоне всеобщего умолчания должны были остаться вне каких бы то ни было критических отзывов, единственным голосом науки и общественного мнения о римском первосвященнике и об истории папской власти вообще.

Говорить, о чем прикажут и как прикажут

При Наполеоне газеты обязаны были не только молчать, о чем прикажут, но и говорить, о чем прикажут, и главное — как прикажут говорить. Наполеон требовал, чтобы все газеты в строгой точности так мыслили, как он в данный момент мыслит: со всеми оттенками, со всеми иногда весьма сложными деталями, чтобы и бранили,

кого нужно, и хвалили, кого нужно, с теми самыми оговорками и пояснениями, которые находит нужным делать сам император, браня или хваля данное лицо, данную страну, данную дипломатию.

Так, Е. В. Тарле приводит пример, что однажды случилось Наполеону пожалеть человека, и он сейчас же распорядился приказать, чтобы и газеты безотлагательно этого человека пожалели. Дело было в 1808 году, и жалко Наполеону стало испанского государственного деятеля, известного дона Годоя («князя мира»); император как раз тогда готовился низвергнуть испанских Бурбонов и передать Испанию Иосифу Бонапарту. «Сегодня вечером придет князь мира. Этот несчастный человек возбуждает жалость... Прикажите написать статьи, которые не оправдывали бы князя мира... но вызвали бы сострадание к этому несчастному человеку» — так повелевал император своему министру иностранных дел Талейрану. Но как укажешь газетам точную меру дозволенного сострадания? И уже спустя несколько дней Наполеон должен был распорядиться, чтобы жалеть жалели, но не особенно: «Не нужно, однако, доходить до того, чтобы хвалить князя мира и говорить о нем хорошо, его управление в самом деле возмутило всю Испанию»²² и т. д.

Внушать читателю, что журналисты свободны

Рычаги управления прессой находились в правительстве и прежде всего в Министерстве полиции. Но помимо полиции эту машину постоянно контролировал и сам Наполеон. По его огромной 32-томной переписке, изданной еще в середине XIX века, и многочисленным дополнительным сборникам писем можно судить, какое значение он придавал руководству прессой, и как не раз являлся инициатором закрытия газет, запрещения книг, отдавал всевозможные грозные предостережения издателям и редакторам, обвиняя их в «дурном вкусе». Даже среди жестокого завоевания Испании Наполеон находил время давать парижской прессе через Фуше заказы общего содержания. Так, с наступлением 1809 года он указывает: «Я полагаю, что было бы полезно приказать написать несколько хороших статей, которые бы

сравнивали несчастье, угнетавшее Францию в 1709 году с цветущим состоянием империи в 1809 году». И Наполеон намечает схему: «Нужно рассмотреть вопрос с точки зрения территории и населения, внутреннего преуспевания, внешней славы, финансов» и т. д. «У вас есть люди, способные написать на эту очень важную тему 5—6 хороших статей, которые дадут хорошее направление общественному мнению». И дальше намечается параллель: Людовик XIV строил Версаль да охотничьи домики, а он, Наполеон, улучшает и перестраивает Париж. «Начав с этого, можно говорить об усовершенствовании в наших учреждениях», о счастливой перемене во всем: Людовик XIV преследовал протестантов — Наполеон ввел терпимость и т. д. «Можно писать по статье каждый месяц, под одним и тем же названием: 1709—1809»²³.

Не предоставляя журналистам полной свободы творчества, Наполеон вместе с тем стремился внушить читателю уверенность, что эти журналисты свободны. Для этого он требовал руководить прессой тайно, чтобы публика меньше замечала направляющую руку полиции. «Так как все газетные статьи, говорящие об армии, написаны бестактно, то я думаю, что лучше, чтобы они вовсе не говорили об этом, тем более что знают, что эти статьи написаны под полицейским влиянием. Большая ошибка воображать, что во Франции можно таким путем проводить идеи», — писал император министру полиции после своей люценской победы²⁴.

Лозунги социального примирения

Важное место в официальной пропаганде занимали лозунги социального мира внутри Франции. С их помощью Наполеон стремился объединить различные слои населения вокруг своего правительства. Первый консул заявлял, что он не является человеком какой-либо партии, что он — «национален». Поэтому был выдвинут лозунг: «Ни красных колпаков, ни красных каблучков», т. е. ни якобинцев, ни аристократов. И, следуя этому лозунгу, генерал Бонапарт составил правительство из представителей различных политических группировок, официально признавал в принятой конститу-

ции идеи народного суверенитета, представительного правления и республики. Следует заметить, что призывы к единению народа и прекращению гражданской войны встречали сочувственные отклики среди французского населения. Не только Наполеон, но и его окружение развивало эти идеи с целью получения политических дивидендов. Так, в самом начале консульства Реньо де Сен-Жан д'Анжели представил в правительство записку «О состоянии Франции с 18 брюмера», где высказал интересные суждения о развитии официальной пропаганды. В ней он писал:

«Людам, которым революция надоела, можно сказать: она кончилась, пружины ее ослабли, страсти ее угасают; не возбуждайте их вновь, выставляя их насилия и буйства. Добро, от нее оставшееся, есть общее достояние; самое пагубное зло, ею произведенное, состоит в том, что она разделила, ожесточила сердца. Отсюда проистекли все буйства, все волнения, все беспорядки, которые нарушили ваше спокойствие и утомили ваше терпение. Теперь уже не существует более политической ненависти, не существует более причин к раздражению... Вот ваши выгоды.

Людам, которые были увлечены революцией, можно сказать: обратитесь, подобно ей, к ее духу, к ее правилам. Вы были возмущены против прежнего правительства, более не существующего, против надменности сословий, уже уничтоженных, против нестерпимых злоупотреблений, о коих едва сохранилось воспоминание... Вы вновь вступили в сословие граждан; вы пользуетесь равенством. Вот ваши выгоды.

Тем, которые сами производили революцию, можно сказать: вы все имели в виду одну цель и разделились только в средствах к ее достижению, вы желаете учредить законную свободу, законное равенство, законный порядок... Вот ваши выгоды.

Тем, которые проливали кровь за свободу, можно сказать: наслаждайтесь вашим завоеванием; оно будет сиять перед очами потомства... Остается завоевать мир... Вы возвратитесь тогда в лоно вашей отчизны... Вот ваши выгоды»²⁵.

Следует заметить, что в официальной печати наполеоновской Франции эти направления пропаганды отразились в полной мере. Это позволило правительству успешно лавировать между классами.

Самореклама полководца

Первостепенное место в официальной пропаганде занимало прославление великого полководца. Недостаточно было, резонно отмечал Ж. Тюлар, победить при Монтенотте, Лоди или Кастильоне, нужно было также убедить всех в важности этих побед²⁶. В создании культа Наполеона использовались все средства, начиная от прессы и кончая театральными постановками. Даже во время итальянского похода 19 февраля — 31 марта 1797 года в Париже выходила газета «Журнал Бонапарта и добропорядочных людей». Ее первый номер имел такой эпиграф: «Ганнибал спит в Капуе, но деятельный Бонапарт не спит в Мантие»²⁷. Кроме того, две газеты итальянской армии выходили под диктовку Бонапарта. В них генерал Бонапарт изображался выдающимся полководцем, поднявшим меч ради защиты народов и торжества справедливого мира. Таким же он изображал себя в воззваниях, обращенных к итальянскому народу. В Париже 10 февраля 1797 года была поставлена первая пьеса о Наполеоне «Битва при Ровербелло, или Бонапарт в Италии», а 23 февраля вторая — «Взятие Мантии»²⁸. В ноябре 1797 года появился «Гимн мира», один из первых составленных в честь Бонапарта:

Слава победителю Италии!
Слава герою света!
Он включает в состав своей родины
Сто разных народов²⁹.

В 1797 году появились первые брошюры, восхвалявшие храброе поведение командующего армией на мостах Лоди и Арколе. В 1798 году художник А. Гро написал картину «Аркольский мост». В 1801 году появились картины Давида «Бонапарт при переходе через Сен-Бернар» и Прудона «Мир». Примерно тогда же было дано задание Гро изобразить посещение генералом Бонапартом чумного госпиталя в Яффе. С этим заданием он справился к 1804 году. На картине «Чумные в Яффе» был изображен генерал Бонапарт в госпитале среди больных, прикасавшийся к опухоли чумного больного. На самом деле ничего подобного не было, хотя генерал Бонапарт действительно посетил госпиталь. Вместе с ним находился его адъютант Бурьенн, который

позже это посещение описал в воспоминаниях. «Утверждаю,— сообщал он,— что я не видел, чтобы он прикасался хоть к одному зачумленному. И для чего ему было бы к ним прикасаться? Они находились в последней стадии болезни. Ни один не произносил ни слова. Бонапарт хорошо знал, что он не безопасен от заражения... Он быстро прошел через палаты, слегка стегая по желтым отворотам сапог своим хлыстом, который он держал в руке»³⁰. Более того, потом было принято им решение всех больных умертвить, дав им сильнодействующий яд.

Но сюжет картины был Гро подсказан первым консулом. Об этом свидетельствует и первоначальный эскиз картины, где Наполеон изображен несущим чумного больного в своих объятиях. Однако он был отвергнут как слишком уж неправдоподобный. В окончательном варианте генерал Бонапарт являл собой олицетворение лучших человеческих качеств. Но, возможно, здесь был еще один подтекст, на который обратил внимание советский искусствовед А. Д. Чегодаев: то, что генерал Бонапарт, а в 1804 году уже император Франции, спокойно решался «на такое непостижимое, сверхъестественное, чудесное деяние, говорило наглядно и ясно о сверхъестественной, чудодейственной силе этого необыкновенного человека»³¹. А вера в эту сверхъестественную силу со стороны французского народа для императора была уже просто необходима.

Затем Гро создал еще более сложную и вместе с тем эффектную по философскому восприятию картину «Наполеон во время битвы при Эйлау» (1808). Наполеон изображен — об этом свидетельствует содержание произведения — сторонником мира, вынужденным вести «навязанную ему» войну³².

Д. Раффе, Н. Шарле и другие художники создали серию литографий, изображающих сцены из военной жизни Наполеона, которые способствовали формированию легенды о нем.

После 18 брюмера восхваление генерала Бонапарта, ставшего первым консулом, приняло общегосударственные масштабы. Изменилось и содержание статей: теперь его изображали не только военным, но и государственным деятелем, объединителем нации, вождем народа, закончившим революцию ко всеобщему благу. Такая оценка давалась

первому консулу во всех официальных изданиях. «Парижская газета» писала: «Первый воин Европы, получивший высшую власть во Франции, является также человеком провидения, которого ожидала страна, истощенная внутренними распрями, порожденными революционными войнами, и находящаяся перед вызовом дворян Европы»³³.

Довольно часто Наполеон заставлял своих историографов в преувеличенном виде рассказывать о его победах. Так появились работы Д'Астрела, П. Валлонга, затем, уже в годы империи, — сочинения Траншана де Лаверна о различных сражениях Наполеона³⁴. С 25 декабря 1805 года стали выходить бюллетени «Великой армии», они имели распространение не только на территории империи, но и в других странах Европы. Читали бюллетени даже в России. В них всегда в победном тоне рассказывалось о наполеоновских сражениях³⁵.

Французские историки не раз отмечали, что Наполеон, при его неоспоримом превосходстве, всегда старался унижать цену воинской славы других; он часто говорил о явных ошибках, но с тем, чтобы приписывать их своим генералам и покрывать тем самым свои собственные промахи³⁶.

Нарушителем мира должен быть противник

Во внешнеполитической пропаганде, рассчитанной не только на Францию, но и в целом на Европу, он стремился сформировать общественное мнение, благоприятное для своего государства. Уже сразу после прихода к власти Наполеон сделал ряд многообещающих заявлений относительно скорого прекращения войн. 25 декабря 1799 года он направил английскому королю и австрийскому императору послания с предложением начать мирные переговоры. Как писал Манфред, «это был верно рассчитанный ход», ибо вся Европа стремилась к миру. Население Франции тоже желало его. «Взяв на себя инициативу мирных предложений, Бонапарт не только выигрывал в общественном мнении и своей страны, и передовых людей за пределами Франции. Он перелагал ответственность за все последующее на других»³⁷.

Для Наполеона очень важно было, чтобы в общественном мнении нарушителем мира перед каждой войной был не

он, а его противник. Предполагая неизбежность столкновения с Англией, первый консул через восемь дней после переворота — 17 ноября 1799 года — публикует в «Монитере» свою анонимную статью. В ней шла речь об Англии как источнике постоянной агрессии. Осуждался глава ее правительства У. Питт. Бонапарт затронул даже его родословную, подчеркнув этим, что от предков, и особенно от своего отца — графа Четхэма, он унаследовал злобу против французов.

В многолетней англо-французской «войне перьев» Наполеон выступил со многими статьями. Особенно незаурядным мастером политической полемики в прессе он показал себя в ожесточенной схватке, состоявшейся накануне подписания Амьенского мира 25 марта 1802 года. Незадолго до этого, 14 марта, Наполеон опубликовал в «Монитере» новую статью уже против английских газет, которые «кричали, что первый консул не желает мира» и английское правительство обмануто. Затем, 22 марта, в «Монитере» появился ответ Виндхэму по поводу его заявлений в парламенте об экспансионистских намерениях Франции. Несколько статей первый консул посвятил полемике с английскими газетами, где часто появлялись направленные против него лично заметки и карикатуры. 5 ноября 1802 года Наполеон выступил в «Монитере» с анонимным заявлением, что Англия хочет подчинить себе Швейцарию. 1 января 1803 года в «Монитере» опять появилась его статья, в которой ответственность за все войны на континенте возлагались исключительно на Англию. Постепенно тон французской прессы, как и английской, становился все более угрожающим. «Дух безумия, — писал первый консул 23 мая 1803 года, — опять с некоторых пор овладел английским правительством. Оно думает, следовательно, что у нас нет ни армий, ни чернил»³⁸.

В это время уже началось создание во Франции булонского лагеря, предназначенного для подготовки к высадке на побережье Англии. Вся Европа шла навстречу новой войне, на горизонте уже вырисовывались очертания третьей коалиции. Но Наполеон не отступал от своей позы миротворца. Воспользовавшись раскрытием в Париже английского заговора Пишегро и Ж. Кадудаль, он написал статью, которая заканчивалась грозным предостережением Англии: «Мене, текел, перес»³⁹.

Как видим, французская пресса была очень активна в антианглийской пропаганде, и, пожалуй, едва ли не первую роль в ней играл сам первый консул. Вероятно, своими порой действительно талантливыми статьями и заметками, бившими не в бровь, а в глаз, ему удавалось создавать у соотечественников впечатление о мирных устремлениях французского правительства. Известны даже случаи, когда первый консул посылал за границу, включая и Англию, доверенных лиц с целью написания репортажей о своих путешествиях, в которых отмечались агрессивные устремления противников Франции. Одним из близких к Наполеону публицистов был Ж. Фьеве, автор памфлета «О 18 брюмера, противостоящем системе террора». Статьи Фьеве об Англии настолько понравились первому консулу, что в 1802 году в Париже они вышли отдельным сборником⁴⁰.

А перед войной с Австрией в 1809 году император распорядился: «Приказывайте помещать в газете статьи обо всем вызывающем и оскорбительном для французской армии, что делается в Вене... Нужно, чтобы ежедневно была такая статья в «*Journal de l'Empire*», или в «*Publiciste*», или в «*Gazette de France*»⁴¹.

Также известно, что перед нашествием на Россию (1809—1810) во Франции и других европейских странах формировалось мнение о России как прирожденном агрессоре, о русском народе как варварах, стремящихся уничтожить западноевропейскую цивилизацию. С этой целью в Париже весной 1812 года выпускается в свет объемистый труд «О возрастании русского могущества с самого его начала и до XIX столетия». Этот том в 500 страниц был написан по личному распоряжению Наполеона историком Лезюром, состоявшим на службе во французском Министерстве иностранных дел. Французское правительство приложило особые усилия к распространению этой книги. И когда зимой того же года разгромленная русским народом и войсками наполеоновская «Великая армия» бежала из пределов России, солдаты Кутузова обнаружили в захваченных неприятельских штабах сотни экземпляров этого сочинения Лезюра. В нем, среди прочего, сообщалось: «Уверяют, что в домашнем архиве русских императоров хранятся секретные записки, писанные собственноручно Петром I, где со всей откровенностью сообщаются планы этого государя,

на которые он обращал внимание своих современников и которым его преемники следовали, можно сказать, почти с религиозной настойчивостью. Вот сущность этих планов». И далее излагается совершенно фантастическая программа русского завоевания всей Европы и Азии.

В книге Лезюра содержался лишь пересказ этих заметок, получивших название «Завещание Петра Великого». Но впоследствии во Франции был опубликован и полный текст «Завещания», якобы копии документа, выкраденного известным авантюристом д'Эоном в Петергофе во времена императрицы Елизаветы II, а на самом деле, как считают исследователи, сфабрикованного им и его сообщниками⁴². Копия эта долго оставалась в архивах, пока не попала на глаза Лезюру в 1812 году. Тот, решив, вероятно, что не стоит воспроизводить явно поддельное «Завещание», пересказал его в сокращенном виде. А потом, при издании тоже в основном подложных мемуаров д'Эона, был уже напечатан полный текст фальшивки, откуда она перекочевала в бесчисленные сочинения антирусски настроенных литераторов и журналистов⁴³.

Приведенный в ней текст «Завещания» сводился к следующему. Россия должна вести непрерывные войны, воспитывать народные массы в воинственном духе; перерывы в войнах делать лишь для накапливания сил, с тем чтобы снова воевать. Целью этих войн должно являться завоевание сначала Европы, а затем и всего мира. Этой же цели должна служить и русская дипломатия: необходимо опираться на союз с Англией против Германии, бороться против Швеции, Польши, а затем, завоевав шаг за шагом Европу, подчинить себе весь мир.

При помощи этой фальшивки Наполеон пытался представить свою агрессию как превентивную меру в защиту западноевропейской цивилизации от притязаний России на господство в мире. Этим он хотел найти поддержку себе во всей Европе, придать войне характер общеевропейской борьбы против неизбежного вторжения варваров с востока. 10 июля 1812 года Наполеон оповестил свои войска, что «Россия увлекается роком! Она не избегнет судьбы своей. Вперед! Перейдем через Неман, внесем оружие в пределы России»⁴⁴. Таким образом, посредством идеалистически-мистифицированного понятия «рок», пишет доктор философских наук В. В. Серебрянников, Наполеон провозгласил судьбу России

как покорение Западом грубой силы штыка, как торжество Запада над Востоком⁴⁵.

Во время нашествия Наполеона на Россию выпускались бюллетени и официальные известия. Они исходили от командования армии и освещали военные события в выгодном для французов свете и не давали понятия о действительности. К их изданию был причастен сам Наполеон. В первую очередь он уделял большое внимание официальным бюллетеням. В 1812 году их было издано двадцать девять.

«Завладейте газетами и управлением»

Большое значение император придавал прессе в покоряемых странах. Так, едва только началось завоевание Испании, как Наполеон уже приказывает Мюрату, находящемуся в Мадриде: «Наложите свою руку на печатное слово... Существенно внушить хорошенько общественному мнению, что нет короля»⁴⁶ (А короля нет лишь потому, что Наполеон арестовал всю королевскую семью вместе с королем.) «Завладейте газетами и управлением», — твердит Наполеон Мюрату в этот начальный период порабощения Пиренейского полуострова⁴⁷. Он приказывает наводнить Испанию памфлетами против низвергнутой им династии и восхвалением вводимого нового порядка. Маршал Бессьер полагает, что это бесполезно. Но император не желает лишать себя этого орудия — официальной лжи: «Вы говорите, — пишет он Бессьеру, — что памфлеты ни к чему не служат в Испании; это рассказни. Испанцы — как все прочие народы и не составляют особого класса. Распространяйте в Галисии писания, которые я вам послал»⁴⁸.

Он непрестанно требует от брата своего Иосифа, чтобы ему послали «тысячу экземпляров газет» (из Мадрида, конечно, казенно-французского направления) для раздачи в постепенно завоевываемых местностях, хвалится, что его воззвания приносят пользу, приказывает сочинять новые памфлеты на испанском языке «с изображением печального состояния Испании, предоставленной английскому коварству»⁴⁹. Готовясь к войне с Австрией, он приказывает немецким газетам зависимых от него стран «высмеивать все статьи венских и пресбургских газет, направленных против Франции»⁵⁰. А когда

война началась, он торопится приказать наводнить Германию памфлетами против Австрии, описаниями австрийских жестокостей, совершаемых якобы в Баварии и Вюртемберге.

Совершенствование приемов дезинформации

Немалое внимание Наполеон уделял совершенствованию приемов дезинформации, придавал растущее значение необходимости вводить в заблуждение внешнего врага относительно своих замыслов. Весьма часты были его приказы, чтобы пресса сбивала с толку неприятеля ложными известиями. Например, в ноябре 1808 года ему хочется отвлечь внимание англичан ложной диверсией, внушить им мысль, будто король неаполитанский Мюрат, вассал Наполеона, намерен овладеть Сицилией, куда укрылись изгнанные Наполеоном неаполитанские Бурбоны. И вот он приказывает министру полиции Фуше, чтобы в голландских, германских и французских газетах появились статьи о готовящейся якобы экспедиции.

Наполеон стремился запугать союзников англичан распространением через прессу выгодных для него политических и военных слухов. Не раз он требовал от зависимых правительств, чтобы они лгали в своих газетах, и со свойственной ему точностью даже определял, во сколько раз, так сказать, нужно солгать в том или ином случае. Вот, например, что он приказывал из Москвы австрийскому, баварскому, вюртембергскому государям: «Я не только желаю, чтобы посылались подкрепления, но я желаю также, чтобы преувеличивались эти подкрепления и чтобы государи заставили свои газеты печатать о большом числе отправляемых войск, *удваивая* это число»⁵¹.

Однажды, отчитывая полицейских наставников печати за то, что некая газета привела точные данные о численности французских войск на одном из участков, Наполеон заметил: «Если б еще газета учетверила число — еще можно было бы допустить»⁵².

После Тильзита усиливаются строгости относительно известий в газетах о том, что делается в стране. «Зачем осведомлять врагов о том, что я делаю у себя? — раздраженно осведомляется император у Фуше. — Не писать о Моро,

эмигрировавшем в Америку, о сношениях англичан с ним, не писать о передвижениях войск, не писать об армии вообще ровно ничего; иногда, напротив, приказ министру полиции заставит все газеты напечатать о Ламбере, что он из-менник»⁵³.

Подкуп иностранной печати

Чтобы влиять на общественное мнение в стане противника, в период наполеоновских войн широко применялся подкуп иностранной печати. Известно, что Наполеон пытался применить его в своей борьбе против Англии. Так, в 1802 году английская разведывательная служба доносила из Парижа в Лондон о том, что агент Наполеона Фьев поехал в Англию со специальной миссией — найти доступ к редакторам английских газет, для того чтобы предложить им постоянное содержание и тем самым обеспечить себе каналы воздействия на местные умы в пользу Франции. Эта попытка Бонапарта создать психологический плацдарм в английском общественном мнении потерпела крах из-за бдительности разведслужб этой страны.

Появление военных корреспондентов

В свою очередь, в Англии с первых дней Французской революции начинает вестись борьба против крамольных идей, которые приходили с противоположного берега Ла-Манша. Одна из английских газет выходила под названием «Антиякобинское обозрение». В 1808 году английская газета «Times» отправила своего сотрудника Генри Робинсона в Испанию для освещения английского общества об истинном ходе войны французов с испанцами. Корреспонденции Робинсона читались в Англии с огромным интересом, и сообщения о патриотизме испанцев вдохновляли англичан в борьбе с Францией.

Робинсона считают первым штатным военным корреспондентом, работавшим на театре войны по заданию своей газеты. С него начинается ряд очерков об истории работы журналистов в «горячих точках», вышедших за рубежом и в нашей стране в XIX и XX веке.

Заинтересованность общества в том, что делается на той или иной войне, способность средств массовой информации

объединить народ и армию в период вооруженной борьбы вызвали необходимость присутствия журналистов на театрах военных действий. В последующих войнах они принимают участие в освещении военных действий и эффективно влияют своими публикациями на формирование общественного мнения.

Нейтрализовать пропаганду противника

Стремясь нейтрализовать пропагандистские выступления своих английских противников, Наполеон впоследствии приказывает перепечатывать на страницах газет империи все материалы профранцузского, пронаполеоновского характера в Париже и других западноевропейских странах. В этих целях была учреждена специальная газета на английском языке «Аргус».

В то же время Наполеоном строгойше преследовались «ложные новости», идущие из-за границы. Писались суровые циркуляры, запрещались газеты, виновные в помещении того или иного «ложного слуха» о заграничных делах, об Англии, о германских дворах и т. п., если этот слух почему-либо казался Наполеону невыгодным⁵⁴.

Но когда Европа поднялась против Наполеона, он заинтересовался прессой враждебных ему стран. В разгар войны 1813 года император требует, чтобы ему немедленно доставляли петербургские, рижские, стокгольмские, варшавские и берлинские газеты. Он грозит министру иностранных дел, что будет его считать ответственным, если не получит эти газеты. А зачем они ему нужны, явствует из того же письма: ведомство иностранных дел столь «бездарно», что не может дать ему надлежащее представление о настроении северных стран⁵⁵.

Многочисленные письменные указания министру полиции и другим чиновникам, оставшиеся в архивах Наполеона, воспоминания тех, кто окружал его, свидетельствуют о том, что использование прессы в военных и политических целях прочно вошло в арсенал наполеоновских войн. Война слов в период их ведения носила весьма интенсивный характер. Все это вместе взятое дало возможность исследователям вынести весьма высокую оценку деятельности Наполеона как организатора информационно-психологических действий. Возникновение многих основных принципов и методов их ведения ряд исследователей относят именно к наполеоновской пропаганде,

указывая на то, что в ней легко можно обнаружить в более или менее развитом виде многие характерные черты современной информационно-психологической войны — утверждения о единстве в собственном лагере и разладе у противников; дифференцированный подход к различным группам; замалчивание неблагоприятных известий и выпячивание выгодных, пусть и маловажных, новостей; использование приемов фальсификации истории; выдвижение легкодоступных лозунгов; постоянное повторение особенно полезных и удобных тезисов, включая и явные фальшивки; искажение сведений и аргументов враждебной печати; настойчивые попытки осмеяния неприятеля; обвинения его в собственных преступлениях или действиях, за которые несли в равной степени ответственность обе стороны.

Война 1812 года:

«Ныне успех зависит от мнения»

Русское общество, зорко наблюдавшее за восхождением Наполеона на вершину политического господства, не упускало из виду его военные завоевания и блистательные победы в Европе и то, какими путями они достигались. В начале XIX века в России прочно утвердилось мнение, что военная пропаганда — острейшее оружие французского императора, столь же действенное, сколь его чисто военные средства.

В России было даже некоторое преувеличение мощи наполеоновской пропаганды, считает А. Тартаковский, «и явная идеализация тех же в сущности порядков в области печати», которые царили тогда в феодально-абсолютистских странах антинаполеоновского лагеря. «Свобода книгопечатания есть единственное орудие, его устрашающее. Подобно лицемеру, желающему казаться в глазах народа таковым, каков он не есть на самом деле, он боится, как все тираны, пера искреннего патриота, которое может показать нации настоящее ее положение и вывести ее из усыпления», — читаем мы в одной брошюре, изданной в Петербурге в 1806 году. «Бонапарте царствует только совершенным угнетением свободы книгопечатания. Полная воля только на двое сутки свободно печатать и говорить неминуемо свергла бы его с престола», — отмечалось в другой книге, помеченной 1807 годом⁵⁶.

В журнальных статьях, в антинаполеоновских памфлетах, в переписке и политических трактатах той поры высказывалось убеждение о важности разностороннего противодействия военной пропаганде Наполеона. «Обратить сие самое оружие на посрамление его, обнаружив перед трибуналом народного мнения поступки французского правительства»⁵⁷, — говорилось в одном из журналов той поры. Однако после 1807 года в связи с установлением союза между Россией и Францией они открыто почти не высказываются, но с 1811 года по мере приближения военной угрозы эта проблема привлекает к себе еще более значительное, чем прежде, общественное внимание. Точно и афористически кратко вновь пробудившиеся в военно-дворянских кругах опасения пропаганды Наполеона сформулировал П. Чуйкевич: «Народам, вступающим с ним в союзы, перо его опаснее самого меча»⁵⁸. «Образ «пера», по разящей силе могущего потягаться иногда и с самим «мечом», — характернейшая черта русской политической лексики эпохи наполеоновских войн, — отмечает А. Тартаковский. — Образ этот, что называется, носился в воздухе: к нему прибегали поэты и журналисты, военные и государственные деятели, наконец, просто частные лица всякий раз, когда хотели определить свое отношение к борьбе с Наполеоном средствами печатного слова»⁵⁹.

Уже через несколько недель после нападения Наполеона на Россию в «Северной пчеле» — официальном органе Министерства внутренних дел — появляется заметка, в которой определена целеустремленная программа антинаполеоновской пропаганды в Европе. Заметка примечательна еще и тем, что в явно положительном смысле намекала на прецедент из истории войн революционной Франции с интервенцией феодально-абсолютистских государств: «Типографии не останутся также без дела. Враг наш крайне опасается сего оружия, и оно уже привело к молчанию; но оно не умерло, а только спит. Пусть выйдут прокламации к гессенцам, ганноверцам, к жителям брауншвейгских и ганзеатических городов. Деяния предшественников их приведутся им на память и возобновятся... Мы помним, что при нападении на Францию одна токмо песнь умножила французские войска сотнею тысяч. Неужели германцы теперь менее чувствительны или менее обид имеют ныне к отмщению, нежели тогда французы?»⁶⁰

Русское правительство осознавало, что борьба с наполеоновской военной пропагандой является неотложным делом и что содержание ответной русской пропаганды должно соответствовать условиям, сложившимся в Европе в конце XVIII — начале XIX века. Нашествие Наполеона, с именем которого в самых различных слоях русского общества связывалась перспектива крушения феодального строя, ставило правительство в положение весьма нелегкое. Оно еще более усугублялось той очевидной всем истиной, что война неизбежно примет характер широкого народного движения с таившимися в нем антикрепостническими потенциями. Вместе с тем привлечение на свою сторону народов Европы также обретало в высшей степени важное значение. Использование национально-освободительной борьбы немцев, южных славян, итальянцев и других народов входило в непосредственные планы царизма. Но, как тонкий дипломат и расчетливый политик, Александр I понимал, что воздействовать на европейское население, пережившее Французскую революцию и антифеодальное переустройство наполеоновского времени, в духе традиционно дворянской и религиозной идеологии уже невозможно, равно как это было невозможно и в отношении своей собственной страны. Как писал в 1812 году ростовский купец Маракуев, умный и наблюдательный очевидец, «народ волновался, и нужно было управлять им искусно и ласково. Решительный язык власти и барства более не годился и был опасен». Следовало поэтому преодолеть крайнюю узость реакционных тенденций и провозгласить такие идеи, которые действительно могли бы завоевать повсюду массовые симпатии, — принципы «свободы и благоденствия народов», как писал об этом сам царь еще в 1804 году⁶¹.

В связи с этим для привлечения зарубежного общественного мнения в пропаганде выдвигается тезис поддержки борьбы народов других стран за национальное освобождение, обещание им больших свобод, чем они имеют при Наполеоне. Весьма наглядно об этом свидетельствует переписка Александра I с адмиралом Чичаговым, как раз незадолго до начала войны назначенным главнокомандующим Дунайской армией. В письме Александру I от 22 июля из Бухареста, напоминая о присылке инструкций в связи с предполагаемым

тогда движением дунайской армии в герцогство Варшавское, Чичагов писал, что хорошо бы «обещать полякам равносильное тому, что сулит им император Наполеон», и «объявить, что Ваше императорское величество намерены обеспечить им достойное политическое существование... что в Ваш план входит, например, провозгласить себя королем польским конституционным и что независимость их будет неприкосновенна». Александр I полностью одобрил эти предложения Чичагова. 5 сентября 1812 года в одном из ответных писем Чичагову Александр I так определил свое отношение к целям зарубежной военной пропаганды: «То, что вы говорите мне насчет прокламаций, с которыми следует обратиться к полякам, совершенно справедливо, и я уполномочиваю вас говорить с ними таким языком, чтобы наэлектризовать их, отвлекая их от Наполеона»⁶².

Относительно организации антифранцузской пропаганды в годы, предшествовавшие Отечественной войне, известны лишь две инициативы в этом направлении. Первый почин был сделан А. Чарторыйским, который как глава Министерства иностранных дел осенью 1805 года — Россия тогда впервые вступила в открытую борьбу с Наполеоном — представил на сей счет Александру I подробно разработанный план. При Министерстве иностранных дел был создан секретный цензурно-пропагандистский орган, из Германии выписана типография известного книгоиздателя А. Плюшара, а в качестве важнейшего проводника агитационно-политического влияния России за рубежом основана газета «*Journal de Nord*». Был предпринят, кроме того, выпуск антинаполеоновских брошюр и памфлетов, а на театре военных действий в 1806—1807 годах распространялись и листовки такого же содержания. Однако в период примирения с Францией антинаполеоновский пафос этой пропаганды несколько поутих, а проектам А. Чарторыйского, устраненного вскоре от дел, дальнейшего хода не дали⁶³. Вторая инициатива принадлежала Синоду, который во вторую войну с Наполеоном, зимой и весной 1807 года, счел политичным вещать с церковного амвона проповедь о том, что Наполеон есть предтеча антихриста. Однако и она вскоре была снята в связи с заключением мира с Францией⁶⁴.

Затем только 22 января 1812 года, за пять месяцев до вторжения Наполеона в Россию, военный министр Барклай-де-

Толли обратился к Александру I с докладом, где изложил свои взгляды на близившуюся войну с Наполеоном. По мнению Барклая, война эта «решит судьбу империи», и Россия есть единственная сила в Европе, способная противостоять французской агрессии. Поэтому надо «использовать все средства, могущие принести успех». В ряду самых неотложных мер военный министр и поднимал вопрос о возбуждении антинаполеоновских настроений в Европе средствами печатной пропаганды. «Самое благоприятное воздействие будут иметь прокламации», — писал Барклай, полагая, что русская пропаганда должна быть активной, наступательной, неустанно обнажать пороки установленного Наполеоном режима угнетения европейских стран и привлекать тем самым симпатии их народов на сторону России. Барклай считал важным при помощи тех же средств «воздействовать на дух самого русского народа и пробудить в нем интерес по отношению к войне». Успех русской пропаганды будет в значительной мере зависеть от того, удастся ли придать ей конспиративный характер: «Подготовка этих средств должна проводиться заранее, не привлекая внимания, и в самой непроницаемой тайне»¹¹.

Поскольку развертывание антинаполеоновской пропаганды ставилось в докладе в прямую связь с подготовкой России к войне, а сама инициатива на этот раз исходила непосредственно от военного министра, следует полагать, что организация дела мыслилась Барклаем прежде всего как решение военной задачи силами военного ведомства в пределах самой армии. Однако доклад Барклая, касавшийся лишь самых общих вопросов военно-политического характера, никаких конкретных предложений по этому поводу в себе не содержал.

А. Тартаковский предполагает, что с докладом Барклая-Толли, видимо, связан проект постановки военно-пропагандистской работы в армии, датированный 16 апреля 1812 года, но ни подписи, ни косвенного указания на автора не имеет. В нем содержатся лишь общие наброски агитационной деятельности штаба. При Главной квартире предполагалось издавать «военные ведомости». Они призваны были «вспламенять в войсках наших рвение к защите и славе своего отечества», «смешивать все расчеты неприятеля» и «утверждать вообще во всех подданных Его величества усердие к благу империи».

Проект был одобрен Барклаем-де-Толли, но каких-либо мер для его осуществления принято, вероятно, не было. Об этом красноречивее всего свидетельствует название того дела, где проект уже с 1812 года и находился: «Разные предположения, но не выполненные проекты 1812 года»¹². Не случайно в нем ни слова не сказано о том, на какой типографской базе полагали печатать «ведомости» и кто их должен составлять и редактировать. А без этого любой замысел от носительно военной пропаганды повисал в воздухе.

Проект профессоров из Дерпта

Возможно, практическая разработка проекта от 16 апреля 1812 года была приостановлена в связи с тем, что перед началом войны с Наполеоном от двух профессоров Дерптского университета — А. Кайсарова и Ф. Рамбаха поступило предложение организовать при русской армии в пропагандистских целях походную типографию. «...Нижеподписавшиеся, желая быть полезными по возможности, осмеливаются предложить своему государю то, чем они служить могут, — писали А. С. Кайсаров и Ф. Э. Рамбах. — Они предлагают перо свое. Мы живем не в тех временах, когда мнение основывалось на успехах оружия — вещи переменялись: ныне успех зависит от мнения. Где ныне хотят побеждать, там стараются прежде разделять мнения народа; стараются представлять ему пользу отечества в разных видах; стараются, так сказать, подкупать егоизм жителей. Воины, на которых также действуют укоренившееся мнение и разнесшаяся молва, часто стоят на границе для защищения отечества, не будучи одушевляемы нужным для того духом, ибо мнение их сограждан направлено совсем в противоположную сторону посредством книгопечатания. Часто один печатный листок со стороны неприятеля наносит больше вреда, нежели сколько блистательная победа может принести нам пользы. Часто он действует больше, нежели несколько полков. Французские бюллетени не только одушевляли французских воинов, но и поражали страхом их неприятелей. Они приготавливали жителей тех земель, в которые должно было вступать французскому войску. Русским воинам не нужно самовольство, но весьма было бы полезно, если б славные их дела не оставались

неизвестными как в их отечестве, так и вне оногo. Великодушный подвиг какого-нибудь храброгo, обнародованный тотчас во всей армии, побудил бы тысячи к подражанию. Для славы русской еще не отрицался жертвовать своею жизнью. Победа, одержанная над неприятелем и представленная в приличном виде, не преминула бы возбудить жителей той земли, в которой происходит война, к соединению с победителями. Все сие доказано опытами; все сие доказали щастливые французы. Они не пренебрегали теми способами, которые другие правительства до сих пор почитали маловажными, но которых употребление основано на природе человеческой...»¹³

А. Кайсаров и Ф. Рамбах для осуществления указанного предлагали следующее:

«1. При войсках Его императорского величества нужно издавать ведомости на двух языках, то есть на русском и немецком. Естли почтется за нужное, то можно прибавить к тому и польский язык.

2. В сей ведомости будут заключаться военные реляции, отличные подвиги русских воинов, повеления Его императорского величества, опровержения ложных известий неприятеля, распространение тех идей, которые угнетенным народам знать нужно.

3. Для русской и немецкой ведомости определяются два редактора, которые под надзором правительства издают ее.

4. Для печатания ведомости нужна будет полевая типография, которая будет состоять только из двух станов: одного для русской и другого для немецкой ведомости. Естли признается нужным печатать и на польском языке, то и для него нужен третий стан.

5. При полевой типографии должно быть двум переводчикам, четырем наборщикам, четырем печатникам и двум мальчишкам для набивания краски.

6. Редакторы вместе с типографиею должны быть или при самой главной квартире, или весьма в недалеком расстоянии от нее.

7. Для перевоза букв, станов и бумаги нужно по крайней мере две повозки; для перевоза употребленных при полевой типографии должно назначить также определенное число повозок.

8. Станы должны быть приспособлены к их употреблению, об устройении которых редакторы сами должны стараться.

9. При полевой типографии должно быть небольшому отряду казаков для получения известий и для развоза ведомостей.

10. Редакторам позволить распространять их ведомости не только между войском и в отечестве, но и в землях, занятых неприятелем, к чему они сами изыщут способы. Для скорейшего распространения ведомостей в России необходимо нужно будет, чтоб государь император всемилостивейше приказал не взимать на почтах как с ведомостей, так и с получаемых редакторами известий весовых денег.

11. Оба директора полевой типографии будут находиться под начальством той особы, которой Его императорскому величеству подчинить их благоугодно будет.

12. Если Его императорскому величеству угодно будет назначить директорами полевой типографии и редакторами ведомостей нижеподписавшихся, то они оставят на время свою должность, но по окончании войны снова возвратятся к своим занятиям»¹⁴.

На этом докладе профессоров рукой военного министра и главнокомандующего 1-й Западной армией М. Б. Барклая-де-Толли 5 июня 1812 года — в день получения прошения — была наложена резолюция: «Высочайше велено привести немедленно в исполнение, употребляя на то денег из экстраординарной суммы. Профессорам приехать сюда поскорее через Друю, а не через Ригу». М. Б. Барклай-де-Толли предложил ректору Дерптского университета направить вместе с А. Кайсаровым и Ф. Рамбахом 12 работников типографии, два печатных станка и шрифты.

16 июня А. Кайсаров и Ф. Рамбах прибыли в Ригу, где в течение 12 часов сумели сделать все нужные приготовления, с тем чтобы следовать дальше. Однако рижский генерал-губернатор И. Н. Эссен, не знавший о характере данного им поручения, которое держалось командованием в строжайшей тайне, задержал их на несколько дней, считая «таковое отправление в настоящих обстоятельствах излишним»¹⁸. 19 июня он запросил указание на этот счет у военного министра. А. С. Кайсаров и Ф. Э. Рамбах со своей стороны сообщили Барклаю-де-Толли о вынужденной задержке,

прося ускорить их приезд в Главную квартиру. В ответ на это Барклай-де-Толли 24 июня предписал И. Н. Эссену отправить их в армию «без всякого промедления»¹⁹. Спешно собравшись, Кайсаров и Рамбах выехали из Риги и прибыли с типографией и специалистами в Главную квартиру, которая находилась в Дриссе²⁰. Кто они были, эти два дерптских профессора, — создатели первого пропагандистского центра в русской армии?

Андрей Сергеевич Кайсаров (1782—1813) — яркая и многогранная фигура в общественно-идеальной жизни России начала XIX века. Он происходил из старинного рода ярославских дворян. В 1795 году тринадцати лет поступил в Благородный пансион при Московском университете. Но через год новый российский император Павел I начал свое правление с наведения порядка в армии, в связи с чем в числе других мер издал указ, в котором велел всем дворянам, приписанным к полкам, явиться к месту службы. Так Андрей Кайсаров в 14 лет начал службу в Семеновском полку. Через шесть лет, уже будучи в чине капитана, он увольняется с военной службы и уезжает за границу для совершенствования образования. В 1802—1806 годах А. С. Кайсаров — студент одного из лучших европейских учебных заведений — Геттингенского университета, где получил основательную научную подготовку. Углубленно штудировал он экономические науки, философию, историю. Изучение этнографии и быта славянских народов было дополнено путешествием по Чехии, Сербии, Венгрии, Италии, которое не только обогатило научные познания Кайсарова, но и существенно расширило его политический кругозор. В студенческие годы он написал труд «Славянская и российская мифология» — первый и единственный словарь славянских мифов, который был переиздан в 1993 году. В предисловии к этому изданию говорится: «Его догадки в науках и идеи в общественной жизни во многом были первыми. Кайсаров был человек яркий, страстный, увлекающийся, из плеяды просветителей-пионеров, ибо поднимал целину отечественной филологической науки, и если пахал ее не столь глубоко, то виной тому лишь краткие лета, отпущенные ему природой»²¹.

В 1808 году, после двухлетнего пребывания в Англии и Франции, где он завершал свое образование, А. Кайсаров

вернулся на родину. В августе 1810 года разносторонне подготовленный ученый — лингвист, историк, фольклорист, знаток древних и почти всех европейских и славянских языков — был избран профессором «российского языка и словесности» Дерптского университета, где сошелся с прогрессивной частью профессуры. Пребывание его в Дерпте накануне войны отмечено активными просветительскими выступлениями и поисками новых форм общественной деятельности.

Жизнь Кайсарова в Дерпте совпала с новым осложнением международных событий, за ходом которых он следил пристально и тревожно: надвигался разрыв с Наполеоном, и все явственнее обозначалась угроза нападения его на Россию; вместе с тем русские войска на Балканах одерживали в войне с Турцией крупные победы. В такой обстановке национальная тема обрела особую остроту, а патриотические чувства самого А. Кайсарова значительно углубились. Отголоском этого явилась «Речь о любви к отечеству», произнесенная им на торжественном собрании университета 12 ноября 1811 года по поводу успехов Молдавской армии на Дунае. Примечательна в «Речи» трактовка патриотизма. Она давалась в духе, весьма отличном от официозных представлений о первенствующем значении патриотизма дворян: «Чувство сие не есть преимущество какого-либо состояния: все сыны отечества им одушевляются»⁵. Выдержанная в духе высокой ораторской патетики, «Речь» прославляла М. И. Кутузова — героя победы русского оружия над турками. Здесь впервые образ Кутузова входит в круг политических интересов Кайсарова. Фигура Кутузова могла занимать Кайсарова и в другом отношении. Брат Андрея Сергеевича Паисий Сергеевич Кайсаров — адъютант и начальник канцелярии полководца, прошедший с ним кампании 1805, 1811 и 1812 годов, его любимец и доверенное лицо.

О единомышленнике А. Кайсарова и соавторе проекта Ф. Рамбахе (1767—1826) известно, что он в 90-х годах XVIII века жил в Германии, был профессором Берлинского университета, но в 1802 году переехал в Россию, где ему в 1803 году было предложено место профессора политической экономии в Дерптском университете. Здесь он примкнул к прогрессивному крылу местной интеллигенции, проявил себя поборником народного просвещения²².

Оба друга горели ненавистью к Наполеону и пожелали издавать русские бюллетени при Главной квартире действующей армии. А. И. Тургенев, близкий друг А. С. Кайсарова и осведомленный мемуарист, утверждает, что первым предложил создать походную типографию А. С. Кайсаров.

Следует заметить, что «Дело по представлению Дерптского университета профессоров Рамбаха и Кайсарова о желании их учредить при армиях походную типографию» пролежало нетронутым в архивах почти полтора века — оно было обнаружено военным историком Л. Г. Бескровным в середине XX века. Исследователи обратили внимание на такую деталь: текст документа авторами не датирован, но на нем сделана помета о дне получения его в канцелярии Главной квартиры: «5 июня 1812 года». «Следовательно, — предполагает Г. А. Тартаковский, — проект учреждения походной типографии, предназначенной действовать... в условиях войны с Францией, был составлен не позднее конца мая 1812 года, т. е. по меньшей мере за две недели до того, как война началась. Факт, сам по себе полный глубокого смысла! Находясь вдали от армии, А. Кайсаров и Ф. Рамбах, видимо, остро ощущали неотвратимость военного столкновения России и Франции. Заблаговременной подачей своего проекта они проявили высокую меру гражданской ответственности и политической прозорливости».

Сам по себе проект учреждения походной типографии, рассмотренный выше, представляется интереснейшим памятником русской военной и общественной мысли эпохи 1812 года. В нем четко выражена цель: показать военному командованию и правительству России, сколь неотложно в нынешних условиях создание походной типографии — агитационного центра русской армии.

По мысли А. Кайсарова и Ф. Рамбаха успешный исход войны будет определяться не государственной властью, как бы она ни была прочна, не силой армии и вооружения, как бы они ни были могущественны, а прежде всего отношением к войне самого народа, его «мнением», которое оказывает решающее воздействие и на саму армию. С сожалением отмечается в проекте, что «воины, на которые также действуют укоренившееся мнение и разнесшаяся молва, часто стоят на границе для защищения отечества, не будучи

одушевляемы нужным для того духом, ибо мнение их сограждан направлено совсем в противоположную сторону...»

Представление А. Кайсарова и Ф. Рамбаха о единении в войне армии и гражданского населения, высокой роли морального фактора свидетельствовало о том, что авторы проекта непосредственно подошли к пониманию глубоко народного характера войны, в которую России предстояло вступить.

То обстоятельство, что столкновение с Францией примет характер освободительной народной борьбы, стихийно осознавалось многими деятелями того времени, отмечает известный исследователь эпохи 1812 года А. Тартаковский, несмотря на то, как ни чуждо было это понимание для самодержавия и военно-феодальной практики предшествующих столетий. Не подлежало сомнению, что противостоять наполеоновской Франции с ее массовой и необыкновенно боеспособной армией, применявшей передовые принципы военного искусства, — противостоять этой армии, несущей к тому же угрозу национального порабощения, можно прежде всего путем чрезвычайного увеличения численности вооруженных сил за счет ресурсов гражданского населения.

Реально этот вопрос встал перед правящими кругами страны в конце 1806 года, когда Россия казалась одна перед лицом военной мощи Наполеона и царизм впервые открыто обратился к народу с призывом о «повсеместном ополчении». Особую же популярность идея народной войны обретает в 1812 году после перехода «Великой армией» русской границы. «Наполеоново торжество продолжится, пока он будет иметь дело с армиями, а не с народом», «война теперь не обыкновенная, а национальная» — такого рода высказываниями пестрит и официальная и частная переписка современников. Сам царь, извещая 27 июня 1812 года Баркляя-де-Толли о решении вторично созвать ополчение, писал: «Я возбуждаю народ истреблять врага всеми доступными ему средствами, если он проник в его жилище, и видеть в этом подвиг веры». «Я надеюсь, — писал он далее, — что у нас в этом случае выразится не менее энергии, нежели в Испании»²³. Ссылка на повстанческое движение в Испании весьма характерна. В те годы оно завоевывало многочисленных сторонников даже в аристократических и консервативных кругах европейского общества. Пример Испании как бы ука-

зывал абсолютистским правителям на тот способ, при помощи которого можно было успешно бороться с Наполеоном.

Суть правительственного подхода и к событиям в Испании, и к самой народной войне четко выразилась в записке подполковника квартирмейстерской части и видного военного писателя П. Чуйкевича, поданной 2 апреля 1812 года в штаб Барклая-де-Толли. Она касалась приготовлений к будущей войне с Францией; среди прочего в ней отмечалось, что силу в борьбе с Наполеоном Россия «обрящет в твердости своего государя и преданности ему народа, который должно вооружить и настроить, как в Гишпании, с помощью духовенства»²⁴. Стало быть, перенесение опыта партизанского движения Испании на русскую почву допускалось лишь в той мере, в какой патриотическая активность народа приводится в действие сверху его законным государем и духовными «пастырями». Те же мысли о приоритете верховной абсолютистской власти в организации народной войны развивал и Александр I в беседе со шведским политическим деятелем Эрнестремом 6 августа 1812 года. Текст ее обошел чуть ли не всю литературу об Отечественной войне. Таким образом, отмечает А. Тартаковский, вынужденные пойти ввиду неумолимых требований времени на признание роли народа в борьбе с внешним врагом, правящие круги вкладывали в это сугубо монархический и охранительный смысл.

Иначе смотрели на столь важную проблему эпохи А. Кайсаров и Ф. Рамбах. Замечательно, что их понимание народного характера войны опиралось — и это следует подчеркнуть еще раз — на учение о народном суверенитете. «Ни в одном из известных нам документов того времени, касавшихся народной войны, мы, пожалуй, не найдем такого стройного и законченного ее обоснования с позиций передовой общественной теории, какое было дано в проекте дерптских профессоров», — отмечает А. Тартаковский²⁵. Уверовавшие в необходимость активно воздействовать на общественное мнение, они призывают правительство, которое, по их представлениям, само является важнейшим фактором формирования этого мнения, завоевать его на свою сторону и использовать для успешной борьбы с врагом.

А. Кайсаров и Ф. Рамбах писали: «Управлять мнением народа, склонять его к желаемой правительством цели всегда

почиталось одним из важнейших правил политики. Склонять мнение народное к доброй цели есть обязанность всякого доброго правительства»; «умнейший, то есть тот, который управляет мнением, наверно остается победителем». Наилучшее же средство «склонения мнения народного» усматривают авторы проекта в печатном слове и решительно настаивают на том, что «правительство должно сделать книгопечатание своим орудием. Типография послужит ему иногда больше, нежели несколько батарей. Наполеон употребляет свои пушки, но не пренебрегает также и типографией. При его войсках есть всегда подвижные типографии, которые служат ему вместо телеграфов. Нет нисколько сомнения, что такое заведение при нашей армии, особенно в нынешнее время, принесло бы большую пользу». Знаменательно, что здесь А. Кайсаров и Ф. Рамбах настойчиво апеллируют к опыту военной пропаганды Наполеона, который, познав силу общественного мнения, «чувствует всю его важность и, иногда запрещая печатать правду, иногда же повелевая печатать выдумки, до сих пор был счастлив на пути своем». По мнению авторов, умело направляемая командованием печатная пропаганда в конечном исходе войны имеет эффект порой не меньший, чем боевые действия армии: «Часто один печатный листок со стороны неприятеля наносит больше вреда, нежели сколько блистательная победа может принести нам пользы. Часто он действует больше, нежели несколько полков».

А. Кайсаров и Ф. Рамбах призывают русское командование развернуть широкую пропаганду боевых действий русской армии и борьбы с наполеоновской системой военно-политической агитации. Пропагандистскую литературу следует выпускать для населения самой России и ее армии, для зарубежного читателя и войск противника.

Предложение издавать кроме русской польскую и немецкую «ведомости» связано, видимо, с тем, что в проекте, составленном еще до начала кампании, трудно было предусмотреть действительный характер развития военных событий. Авторы документа, не исключая возможности наступательных действий русской армии в начале войны, рассчитывали, что в этом случае она прежде всего придет в непосредственное соприкосновение с народами Польши и Германии.

Как видно из проекта, А. С. Кайсаров и Ф. Э. Рамбах цель своего пребывания при Главной квартире не ограничивали административно-техническим руководством работой типографии, а полагали, что на них будут возложены и функции идейного порядка по подготовке самих агитационных документов и определению их политической направленности. В авторской публицистической работе они видели главный смысл своего пребывания при штабе армии.

О немалом значении идейно-политических задач в деятельности руководителей походной типографии свидетельствует и тот факт, что при отъезде в армию из Тартуского университета ими был взят целый ряд историко-публицистических сочинений. В списке книг из 27 названий, числившихся, например, за А. С. Кайсаровым, преобладали произведения по истории европейских народов и дипломатической жизни конца XVIII—начала XIX века, среди которых были сочинения, проникнутые тираноборческими и антинаполеоновскими мотивами. В боевой обстановке эти книги могли пригодиться для составления листовок-воззваний, обращенных к населению покоренной Европы²⁶.

Обширный круг обязанностей Кайсарова и Рамбаха дополнялся и распространением самих летучих изданий. В связи с этим походной типографии предполагалось придать и специальный отряд казаков «для получения известий и развоза ведомостей». Однако походная типография А. С. Кайсарова и Ф. Э. Рамбаха являлась отнюдь не первой типографией в русских войсках. К началу войны в действующей армии была целая сеть походных типографий. Одна из них, например, согласно «Учреждению для управления большой действующей армией», находилась при дежурном генерале. В марте 1812 года при квартирмейстерской части западных армий были сформированы четыре походные типографии, причем две из них были отправлены в Вильно, в штаб 1-й западной армии²⁷. Однако эти армейские типографии предназначались для печатания подлежавшей распространению в войсках текущей военно-оперативной документации, в основном боевых приказов. В отношении же квартирмейстерских типографий Барклай-де-Толли настойчиво подчеркивал, что они рассчитаны исключительно «для печатания чертежей»²⁸.

Таким образом, создание в армии по замыслу А. С. Кайсарова и Ф. Э. Рамбаха еще одной походной типографии могло быть оправдано с точки зрения командования лишь ее специфически пропагандистским назначением в особых условиях военной обстановки. В истории русской военной пропаганды именно эта походная типография явилась первым опытом организации при армии агитационного центра, призванного силой печатного слова и идейного убеждения противодействовать чужеземной агрессии.

Руководство походной типографией на первых порах разделялось, видимо, между двумя дерптскими профессорами. В августе 1812 года Ф. Э. Рамбах отбыл из Главной квартиры обратно в Дерпт, после чего единственным директором типографии стал А. С. Кайсаров, который и до этого играл в ее делах ведущую роль.

Агитационно-пропагандистский центр русской армии

Таким образом, предложение дерптских профессоров, полностью одобренное правительством, было положено в основу всех дальнейших его действий по созданию в армии агитационного центра. Однако Александр I видел наименее обеспеченную часть проекта А. Кайсарова и Ф. Рамбаха — для издания газеты на польском и французском языках в составе агитационного центра не было подходящих кандидатур. Поэтому император обращает внимание на необычную фигуру в своей свите Михала Клеофаса Огиньского — виднейшего деятеля освободительно-патриотического движения в Польше и в то же время одаренного композитора (именно ему приписывается создание национального гимна Польши «Еще польска не сгинела»). Многие годы он жил в изгнании и только с воцарением Александра I приехал в Россию, связывая с либеральной политикой русского императора надежды на возрождение государственной независимости своей родины.

Александр I в надежде нейтрализовать освободительные обещания Наполеона насчет Польши стремился использовать авторитет М. Огиньского и его обширные польские связи. На эту тему 12 июня 1812 года между ними состоялась беседа. Обстоятельно излагая в своих мемуарах ее содержание, М. Огиньский писал, что Александр I «не находил необходимым

иметь кого-то, кто взял бы на себя редактирование газеты, которую будут печатать в Главной квартире и цель которой состояла в разрушении того впечатления, которое производят в стране распространяемые эmissарами Наполеона лживые известия, чтобы таким образом успокоить дух литовцев»²⁹.

Найдя, что «более подходит доверить этот труд поляку», Александр I просил М. Огиньского поехать к проживавшему на Волыни графу Людовику Плятеру — также поборнику возрождения польской государственности — и передать ему, что император «желает видеть его у себя в Главной квартире и поручит редактирование французской и польской газеты»³⁰. Александр I не случайно ничего не сказал об издании агитационной литературы на русском и немецком языках: ведь в соответствии с обязательствами, взятыми на себя А. Кайсаровым и Ф. Рамбахом, данная сторона дела была обеспечена самым наилучшим образом.

Походная типография явилась крупным агитационно-пропагандистским центром армии. Здесь выпускались листовки («летучие листки») на немецком, французском, испанском и русском языках. Регулярно печатались «известия из армии», которые противопоставлялись французским бюллетеням; выходила на русском и на немецком языках газета «Россиянин», а также издавались агитационные брошюры. Участие в их издании принимали В. А. Жуковский и А. Ф. Воейков — друзья юности и офицерской службы А. С. Кайсарова; автор первой книги о войне 1812 года Д. И. Ахшарумов; будущий историк войны А. И. Михайловский-Данилевский; генерал и писатель И. Н. Скобелев (дед известного полководца); партизаны братья М. А. и П. А. Габбе; самый молодой генерал, разведчик и дипломат М. Ф. Орлов (племянник фаворита Екатерины II); адъютант Милорадовича, поэт, мемуарист Ф. Н. Глинка; писатель, славист и историк К. Ф. Калайдович; немецкий публицист, офицер русской армии Ф. Пфуль; немецкий поэт Э. Арндт; латышский публицист Г. Меркель и многие другие.

Когда угроза войны уже обозначилась и грозная коалиция из Франции и государств Центральной Европы уже сформировалась, в Петербурге стали готовиться к тому, чтобы использовать противоречия между Наполеоном и его союзниками. Русское правительство прекрасно понимало, что ни немецкие, ни австрийские, ни испанские и итальянские

войска не заинтересованы в победе Наполеона и что насильно мобилизованные солдаты и офицеры этих стран сами будут желать поражения наполеоновской армии. В этом его убеждало то обстоятельство, что в ответ на заключение союзного договора Австрии и Пруссии с Наполеоном многие офицеры армий этих стран покинули их и перешли на русскую военную службу. В рядах русской армии они хотели продолжать борьбу за политическую свободу и независимость своих стран. «Эти беглецы,— писал Арндт,— по большей части пруссаки, люди храбрые и честные, намеревались сражаться тут...» (т. е. в России)³¹.

Первые воззвания русского командования

Первым после начала войны обращением русского командования к армии был изданный в тот же день «Приказ нашим армиям» Александра I, который имел значение не столько армейского приказа, сколько царского манифеста об открытии военных действий. Затем 13 июня 1812 года был напечатан приказ военного министра М. Б. Барклая-де-Толли войскам западных армий с призывом отразить вторжение армии Наполеона. В нем говорилось: «Воины! Наконец приспело время знаменам вашим развиться пред легионами врагов всеобщего спокойствия; приспело вам, предводимым самим монархом, твердо противостать дерзости и насилиям, двадцать уже лет наводняющим землю ужасами и бедствиями войны! Вас не нужно возывать к храбрости; вам не нужно внушать о вере, и о славе, о любви к государю и отечеству своему: вы родились, вы возрасли и вы умрете с сими блистательными чертами отличия вашего от всех народов. Но ежели, сверх ожидания, найдутся среди вас немощные духом храбрости, ежели они не ободрятся бессмертными подвигами предшественников ваших, поразивших некогда страшного в Европе Карла XII, помрачивших славу Фридриха Великого, низложивших гордость и силы Оттоманские — ежели не ободрятся они примером многих из сподвижников ваших, недавно торжествовавших над самими нынешними врагами нашими во всех пределах Италии, на стенах Мантуанских и на вершинах гор Альпийских, недавно с честью отражавших нашествие их на Отечество наше, то укажите сих

несчастных, без бою уже побежденных — и они изгнаны будут из рядов ваших. Да останутся в них одни надеющиеся на мужество свое; да летят они на поле чести, восклицая: с нами Бог, разумейте языцы и покоряйтесь! и да возвратятся в недра семейств своих! встречаемые песнию: славно бо прославися!»³²

В отличие от последующих пропагандистских приказов М. Б. Баркляя-де-Толли, которые издавались им в качестве командующего 1-й западной армией, приказ от 13 июня 1812 года был выпущен от имени военного министра и адресован ко всем западным армиям, что практически означало обращение к русской армии в целом.

Особенности следующего пропагандистского приказа М. Б. Баркляя-де-Толли, изданного 24 июня 1812 года, где он обращается к войскам западной армии с призывом воспрепятствовать планам Наполеона о разъединении и уничтожении 1-й и 2-й армий, состоит в апелляции его уже не к прошлой героической истории русских воинов, а к священнейшим «правам народным», которым противопоставляются «алчные намерения» Наполеона. Следует заметить, что подобные указания не встречаются ни в одном правительственном обращении того времени. Упоминание в этом приказе о предстоящем наступлении не только было рассчитано на подъем морального духа отступавших русских войск, но и отражало в известной мере реальные планы Баркляя-де-Толли, не отказавшегося еще в те дни от намерения дать после сосредоточения 1-й армии сражение наполеоновским войскам³³.

Также с началом войны в Петербурге печатались обращения к немецкому народу. Делалось это по инициативе К. Штейна, видного прусского государственного деятеля, покинувшего Пруссию после требования Наполеона уволить его с поста главы прусского правительства. Штейн вначале поселился в Праге, откуда руководил немецким национально-патриотическим движением. В 1812 году Штейн по приглашению Александра I прибыл в Россию и стал одним из его советников. По его инициативе в России был создан «Немецкий комитет», который вел энергичную антинаполеоновскую пропаганду среди немецкого населения и немецких войск, мобилизованных для русского похода.

Первая листовка, составленная Штейном и отпечатанная в Петербурге, была направлена в войска противника в самом

начале войны. Она называлась «Воззвание М. Б. Барклая-де-Толли к немцам с призывом к восстанию против наполеоновского ига и вступлению их в немецкий легион». В первой части листовки говорилось:

«ГЕРМАНЦЫ!

За что воюете вы с Россиею, за что проникаете чрез границы ее и нападаете с вооруженною рукою на народы, кои в течение нескольких веков состояли с вами в приятельных сношениях, принимали в недры свои тысячи соотечественников ваших, даровали талантам их награждение и определяли занятие трудолюбивым их? Что побуждает вас к сему несправедливому нападению? Оно будет для вас гибельным и кончится или смертью многих тысяч из вас, или совершенным покорением вашим.

Но сие нападение не есть следствие вашего произвольного намерения. Ваш здравый рассудок, ваша правда суть ручатели за сие. Вы злополучное орудие иноземного властолюбия, беспрестанно стремящегося совершить покорение несчастной Европы.

Германцы! Злополучное постыдное орудие к достижению честолюбивых целей, возмущайтесь и восстаньте; рассудите, что вы в течение многих столетий прославлялись в летописях именем великого народа, ознаменовавшего себя в науках воинственных и гражданских; познайте из примера гишпанцев и португальцев, что твердая мужественная воля народа учиняет тщетными нападение и угнетение иноземных. Вы угнетены, но еще не посрамлены и не отродились от добродетели предков ваших. Хотя многие из высшего сословия между вами позабыли обязанности к отечеству своему, однако ж большее число народа вашего остались правдолюбивыми, храбрыми, верными Богу и отечеству и с нетерпением носит иго чужеземца.

Вы, коих завоеватель пригнал к границам России, покиньте знамена рабства, соберитесь под знаменами отечества, свободы, народной чести, кои воздвигаются под покровительством его величества императора всемилостивейшего государя моего. Он обещает вам вспомоществование всех храбрых россиян из 50 миллионов подданных его, кои твердо вознамерились сражаться до последнего дыхания за независимость и народную честь...»³⁴

Обратиться с подобным воззванием от имени русского командования к немцам предложил Штейн. В своей записке Александру I от 6 июня 1812 года Штейн рассматривал это воззвание в качестве первого шага в осуществлении широко задуманной программы по организации в немецких государствах народной партизанской борьбы и в создании с этой целью разветвленной системы антифранцузской печатной пропаганды. Во второй своей записке, датированной 8 июня, Штейн, еще раз касаясь предполагаемого воззвания, наметил его основные черты: оно «должно быть написано с достоинством, просто, в нем ясно выразить, что его величество намерен освободить Германию от ига». Тогда Александр I предложил Штейну самому написать проект листовки³⁵. Проект был подготовлен и представлен царю, который внес в него некоторые исправления.

Так, вторая часть фразы «Вы злополучное орудие иноземного властолюбия, беспрепятственно стремящегося совершить покорение несчастной Европы» у Штейна антинаполеоновский пафос был выражен значительно острее: «завоеватель, который предал разорению собственную нацию, доверчиво облекшую его верховной властью, стремится распространить то и другое на всю остальную бедствующую Европу»³⁶.

Затем в третьем абзаце часть фразы «Хотя многие из высшего сословия между вами позабыли обязанности к отечеству своему...» (до слова «однако») также явилась следствием редакторского вмешательства Александра I. В проекте Штейна отрицательное отношение к политике немецких феодалов, было сформулировано более развернуто: «Хотя почти все наши государи изменили делу отечества, вместо того чтобы проливать за него кровь, хотя большая часть вашего дворянства и чиновников предложила свои услуги для гибели отечества, вместо того чтобы его защищать»³⁷. Из этой редакторской правки Александра I видно, что русский монарх не хотел резко отзываться даже о правителях из вражеского стана.

Листовка была отпечатана тиражом 10 тысяч экземпляров. Главная квартира дала указание генералам Багратиону, Тормасову и Барклаю-де-Толли оставлять листовки на пути движения «Великой армии». Воззвание к немцам произвело

сильное впечатление на жителей германских государств. Адъютант Наполеона граф Сегюр назвал его «развращающим». С целью противодействия национально-патриотическим призывам этого воззвания французское командование вступило с ним в полемику. По этому поводу в небольшой заметке, перепечатанной петербургскими газетами из английской печати, говорилось: «Парижские ведомости и французские военные журналы напичканы множеством ответов и возражений на известное давнишнее воззвание российского главнокомандующего к немцам. Сие самое показывает уже чрезвычайное французам опасение о действиях впечатления, произведенного, как видно, тем воззванием над всеми немцами, а особливо в Северной Германии, которой жители желают освободиться от тиранского ига...»³⁸

Первое такое ответное возражение, составленное, по предположению, самим Наполеоном³⁹, было напечатано под названием «Ответ немца» в «Journal de l'Empire» вместе с текстом самого воззвания 26 июля 1812 года. Затем «Ответ немца» был опубликован и в остальных подвластных Наполеону полемических изданиях. Одновременно в европейской прессе появились и другие полемические отклики на русское воззвание к немцам, возникшее также не без французского влияния.

Все эти многочисленные «ответы», составленные якобы от имени населения и общественности германских государств, проникнуты ярким антирусским духом. Стремясь нейтрализовать провозглашенную в воззвании к немцам идею политической независимости германских государств, достижение которой связывалось с действиями русских войск, авторы «ответов» выдвигают на первый план противоречия между этими государствами и Россией, союз с которой и породил якобы все беды на немецкой земле.

«Барклай-де-Толли, вы хотите делать революции, создавать республики», — говорилось в «Ответе немца», очевидно, по поводу содержащегося в этой листовке призыва к народному восстанию в Германии вопреки воле немецких феодальных князей. Авторам «ответов» мерещатся «ужасы анархии», «факел разбойников», «мечи палача» — и все это приведено в действие русским воззванием против европейских династий⁴⁰.

Вслед за листовкой к немцам по приказанию Александра I было распространено «Воззвание русского командования к

французским солдатам» с призывом прекратить военные действия и вернуться на родину. В нем говорилось:

«ФРАНЦУЗСКИЕ СОЛДАТЫ!

Вас заставляют идти на новую войну, вас убеждают в этом под предлогом того, что русские не воздают должное вашему мужеству: нет, товарищи, они ценят его, вы убедитесь в этом в день битвы. Подумайте, что армия, если это понадобится, сможет настичь вас и что при этом вы находитесь в 400 лье от ваших подкреплений. Не слишком обольщайтесь нашим первоначальным отступлением, вы достаточно знаете русских, чтобы думать всерьез, что они бегут от вас, они примут сражение, и ваше отступление будет нелегким. Они говорят как товарищи: возвращайтесь к себе, не верьте больше обманчивым заверениям, будто вы сражаетесь за мир, нет, вы сражаетесь ради ненасытного честолюбия вашего повелителя, который вовсе не хочет мира, — если бы он хотел, то он давно уже достиг его, — повелителя, который играет кровью своих храбрецов. Возвращайтесь к себе или примите пока убежище в России, вы забудете здесь слова: конскрипция, лишения, призыв под ружье, призыв ополчения — все то, что составляет военную тиранию, которая не дает вам никакой возможности сбросить иго»⁴¹.

Одновременно с ним вышло и воззвание к итальянским солдатам. Уже 7 июля 1812 года экземпляры его попали в распоряжение наполеоновской армии. Характерно, что текст его почти полностью совпадает с воззванием к французским солдатам. В последнем несколько подробнее и сильнее выражены специфические антинаполеоновские мотивы, например имеются упоминания «конскрипции», «военной тирании», которые отсутствуют в тексте листовки к итальянским солдатам. Данное совпадение характерно и для других листовок. Это указывает на то, что в силу чрезвычайных условий боевой обстановки не хватало времени для составления заново каждого воззвания в отдельности и на основе текста предыдущей листовки создавались модифицированные варианты других воззваний, предназначенных для различных кругов читателей.

И эта листовка явилась предметом ответной полемики французской прессы. Возражение на воззвание к французским

солдатам было написано самим Наполеоном⁴². 25 июля 1812 года вместе с разбираемым воззванием оно было помещено в «Journal de l'Empire» под названием «Ответ французского гренадера», чем, собственно, и было положено начало полемике наполеоновской печати с русскими листовками. Вслед за тем «Ответ французского гренадера» был опубликован и в других наполеоновских официозах. «Ответ французского гренадера», являющийся ярким и малоизвестным доселе образцом наполеоновской военной пропаганды первого периода кампании, наполнен резкими, демагогическими по своей сути, антирусскими выпадами. Особенно сильны эти выпады в части, касающейся полемики по поводу обличения русской листовкой военной диктатуры Наполеона. Резче, чем в «Ответе немца», здесь выражены и антикрепостнические мотивы, при помощи которых французское командование стремилось ослабить тираноборческий и освободительный дух русского воззвания и завуалировать свои истинные, захватнические намерения в начавшейся войне⁴³.

Обращения к солдатам наполеоновской армии

Воззвания к французским и итальянским солдатам были последними листовками, подготовленными в Петербурге. В дальнейшем листовки составлялись в походной типографии. В первой половине августа 1812 года она подготовила и выпустила воззвание русского командования к испанским и португальским солдатам с призывом покинуть армию Наполеона и вернуться на родину для борьбы за ее освобождение. Листовка начиналась сообщением о масштабах поражения французских войск в Испании, что скрывалось наполеоновской пропагандой:

«22 июля лорд Веллингтон одержал решительную победу над французской армией, предводительствуемой маршалом Мармоном; 19 пушек, 800 пленных, среди которых 4 генерала, 5 штандартов, 6 флагов, все обозы и припасы — таковы итоги этого славного дня; полное освобождение полуострова будет его следствием. Уже лорд Веллингтон вступил в Вальядолид, нашел там 4000 раненых французов, многочисленные магазины, все трофеи, захваченные в Андалузии угнетателем вашей родины, и освободил 3000 ваших

соотечественников, взятых в плен неприятелем. Маршал Мармон, смертельно раненный, не пережил своего поражения. Остатки его армии без главнокомандующего, без артиллерии были отброшены к северу и преследовались в стан Дон-Карлоса Испанского и Дон-Жульена Соше — командующих вашими храбрыми партизанами.

Испанцы и португальцы! Оставьте наконец знамена вашего смертельного врага...

Император Александр, друг всех угнетенных народов, предлагает вам средство, переправившись через море, снова увидеть родную землю и освободить ее от иноземного порабощения»⁴³.

Пропаганда освободительного движения на Пиренейском полуострове занимала важнейшее место в агитационных усилиях походной типографии. Листовки к испанским и португальским солдатам выпускались на протяжении всей войны. Испанские и португальские участники похода в Россию, насильственно вовлеченные в состав армии Наполеона, представляли наиболее благодатную почву для русской агитации; дезертирство из наполеоновской армии они рассматривали как выполнение патриотического долга перед своей родиной. Уже в начале июля 1812 года русским командованием была издана с этой целью листовка, о которой 7 июля 1812 года главнокомандующий М. Б. Барклай-де-Толли писал П. Х. Витгенштейну и И. Н. Эссену: «По полученным мною сведениям, испанцы и португальцы, находящиеся во французской армии, единственно потому не передаются к нам, что сомневаются, получают ли от нас способы к возвращению в свое отечество. Для удостоверения их в сем сочинена прокламация, экземпляры коей на испанском и португальском языке при сем препровождаю с тем, чтобы ваше сиятельство приказали принять все меры для сообщения их сим войскам...»⁴⁴

С августа 1812 года издание агитационной литературы, рассчитанной на испанско-португальские контингенты наполеоновской армии, еще более расширяются. Систематически издаются большими тиражами известия об успехах английских войск и повстанческого движения в Испании⁴⁵.

Во второй половине октября 1812 года штаб М. И. Кутузова распространил через партизанские отряды А. Н. Сеславина,

А. П. Ожаровского и Д. В. Давыдова несколько воззваний, приглашавших неприятельских солдат и офицеров на русскую службу. «Не оставьте прилагаемые при сем экземпляры доставить в неприятельскую армию», — писал Сеслаvinу Кутузов⁴⁶. Сдавшиеся в плен под Дорогобужем предъявляли эти листовки, а офицеры просили принять их сразу в войска, «признавая, что высочайшая честь ныне есть носить российский мундир»⁴⁷.

В середине ноября штаб М. И. Кутузова выпустил воззвание к солдатам наполеоновской армии с призывом сложить оружие. В этой прокламации русское командование писало: «Французские солдаты и вы, солдаты других наций, коих злополучная судьба принудила вступить в эту войну! Когда русская армия отступала, вы считали, что она бежит. Но и тогда она была достаточно великодушной, чтобы вывести вас из этого заблуждения. Русская армия заявила, что вы потерпите поражение в каждом бою, потому что не вы, а она будет определять место сражения и не даст вам уйти из страны, не добившись вашей гибели... Прислушайтесь к голосу разума... Тщетно бороться!.. Тысячи ваших товарищей уже сложили оружие»⁴⁸. В заключении прокламации говорилось: «Повторяем вам: прислушайтесь к голосу разума, подумайте о ваших семьях. Вы показали себя храбрыми и смелыми во всех боях. И это не отсутствие мужества, когда приходится подчиняться обстоятельствам, изменить которые не смогут никакие усилия в момент, когда вы со всех сторон окружены 300 000 армией»⁴⁹.

Издания, направленные на войска противника, давали свои плоды. С первых же дней войны на русскую сторону стали переходить сотни французов, немцев и испанцев. Они не хотели умирать за наполеоновскую мировую империю. В июле 1812 года число пленных не превышало 2 тысяч человек. Но уже в августе—сентябре только в Псковской губернии находилось 4962 пленных, из них французов было 1424, испанцев и португальцев — 1198, итальянцев — 615, немцев и других национальностей — 1725. Около 3 тысяч пленных солдат и офицеров насчитывалось в это время на Украине. Число пленных резко возросло после перехода русских войск в наступление. В это время в войсках противника стало известно, что из немецких, итальянских, испанских и даже

французских пленных стали формироваться специальные части. Так, из сдавшихся в плен испанцев и португальцев в конце 1812 и начале 1813 года был сформирован испанский Александровский полк. Полк имел три батальона и насчитывал в своем составе 2 штаб-офицеров, 7 обер-офицеров, 115 унтер-офицеров и 1958 рядовых⁵⁰.

30 июня 1813 года этот полк был отправлен на семи английских транспортах в Испанию. В сентябре 1813 года отбыло в Испанию еще два транспорта, на которых было 3 обер-офицера, 48 унтер-офицеров и 710 рядовых, в том числе 158 португальцев. В 1814 году было отправлено еще 600 человек. Кроме того, в Испанию в 1815 году отправилось еще на трех кораблях 2 обер-офицера, 32 унтер-офицера и 337 рядовых. В общем на русскую сторону перешло 3738 испанских и португальских солдат и офицеров из 15 тысяч прибывших в составе наполеоновской армии⁵¹.

Из перешедших на русскую службу немцев создавался так называемый Российско-германский легион. К середине октября 1812 года в нем уже было более 1,5 тысячи человек. Из Риги и Ревеля немцев сначала отправляли в Борго, где происходила экипировка и вооружение частей. На первых транспортах в середине октября в Борго было направлено 1442 солдата и офицера. В середине ноября туда же были направлены еще 361 человек. К началу 1813 года здесь было сосредоточено около 4000 человек⁵².

Добровольно прекратили сопротивление, а затем повернули свое оружие против Наполеона также немецкие части, входившие в 10-й корпус Макдональда, — 20 батальонов пехоты Иорка и 16 эскадронов конницы Массенбаха, которые вместе насчитывали около 18 тысяч человек при 60 орудиях⁵³. Сюда же нужно причислить два баварских кавалерийских полка, входивших в дивизию Партонно. Они не желали вступать в бой у Студенки и предпочли сдаться в плен. Так же вели себя части, входившие в баварский корпус Вреде. Французский генерал-губернатор Литвы Гогендорп указывал, что уже после сражения у Полоцка значительная часть баварцев перешла к русским. Разложение этого корпуса усилилось после его поражения у Докшиц. Гогендорп уверяет, что Вреде «тогда уже старался всеми способами, какие были в его власти, ослабить французскую армию»⁵⁴.

Кроме испанских и немецких частей формировались также французские и итальянские части в Орле. Предполагалось, что французский Иностранный легион будет состоять из 10 тысяч человек. Исходя из этого расчета, Комитет министров отпустил на его содержание 1,5 миллиона рублей⁵⁵.

Также в плен сдавалось много австрийцев, вестфальцев, баварцев, которые были переданы по окончании заграничного похода их правительствам.

Естественно, что в этом переходе довольно значительной части войск противника на сторону русской армии был результат и того, что пропаганда россиян подкреплялась действиями их войск, наносивших мощные удары по противнику.

Призыв к народной войне

Однако выпуск воззваний к солдатам наполеоновской армии и народам европейских стран, имевших такое большое значение в начале войны, с августа по ноябрь 1812 года несколько заслоняется изданием агитационных документов, обращенных к населению страны. В этих листовках крестьяне и горожане призывались к ведению партизанской борьбы с вторгшейся в Россию наполеоновской армией. Образцом таких воззваний является обращение в июле 1812 года М. Б. Баркляя-де-Толли к жителям Псковской, Смоленской и Калужской губерний:

«ОБЫВАТЕЛИ ПСКОВСКИЕ, СМОЛЕНСКИЕ И КАЛУЖСКИЕ!

Вы, истинные сыны отечества, верные подданные монарху своему и бесстрашные защитники собственности! Внемлите гласу, воззывающему вас к собственному успокоению вашему, к собственной безопасности вашей.

Непримиримый враг наш, предприняв алчное против нас намерение, питал себя доселе надеждою, что и одной наглости его довольно будет, чтобы утратить нас, чтобы восторжествовать над нами. Но две храбрые армии наши, остановив дерзкий полет насилий его, грудью противустояли ему на древних рубежах наших, грудью готовы сами идти на истребление его. В таком неожиданном для него положении, избегая решительной битвы, он для насыщения зверской алчности своей обратился ныне к неистовствам всякого рода. Партии

или, лучше сказать, разбойничьи шайки его, нападая на безоружных поселян, тиранствуют над ними со всею жестокостью времен варварских: грабят и жгут дома их; оскверняют храмы Божии, оскорбляют разными ругательствами священнослужителей их и, словом, все встречающееся делают жертвою насилия своего. Но многие из жителей губернии Смоленской пробудились уже от страха своего. Они, вооружась в домах своих, с мужеством, достойным имени русского, карают злодеев без всякой пощады.

Подражайте им все, любящие себя, отечество и государя! Воинство ваше не выйдет из пределов ваших, доколе не изгонит или не истребит сил вражиих. Оно до самой крайности решилось бороться с ними, и вам остается подкреплять его одною защитою собственных домов ваших от набегов более дерзких, нежели страшных.

Не меньшую употребляйте осторожность противу самих из тех воинов наших, кои, забыв Бога и обязанности свои, дерзнут посягать на собственность вашу. Таковых препровожайте к воинским и гражданским начальствам, и будьте уверены, что вы за малейшую нанесенную вам обиду удовлетворены будете жесточайшим их наказанием.

*Подлинный подписал
главнокомандующий 1-ю Западною армиею
генерал Барклай-де-Толли»⁵⁶.*

То, что эта листовка, как и другие издания походной типографии, подписана именем главнокомандующего, обозначает лишь официальный характер обращения и никоим образом не свидетельствует об авторстве Барклая-де-Толли. Гражданственная фразеология листовки: именование «обывателей», подавляющее большинство которых были крепостные крестьяне, «истинными сынами отечества», последовательное проведение в отношении их принципа «собственности» и другое выявляют в этом документе антисословные и антифеодальные тенденции, сближающие его с русской просветительной традицией и прежде всего с воззрениями директора походной типографии А. С. Кайсарова, который в своей антикрепостнической диссертации утверждал, что крестьяне должны пользоваться «и свободой, и правом собственности»⁵⁷. Данное обстоятельство дало возможность

исследователям указать на А. С. Кайсарова как на возможного автора этой листовки⁵⁸.

Хотя обращение было направлено к жителям трех губерний, наиболее близко расположенных к театру военных действий, его лозунги имели общероссийское значение. Главным из них был призыв дать отпор насильникам, подражая жителям Смоленщины, которые, «вооружаясь в домах своих, с мужеством, достойным имени русского, карают злодеев без всякой пощады». Это был призыв к развертыванию вооруженного крестьянского движения в борьбе с наполеоновской агрессией. В листовке отчетливо выражено представление об отечественном характере войны и мысль о необходимости самостоятельных вооруженных действий крестьянства.

Однако эта листовка является отнюдь не первым призывом к народной войне. Дату ее выхода исследователи обосновывают началом 20-х чисел июля 1812 года⁵⁹. Еще в письме Барклая-де-Толли смоленскому гражданскому губернатору К. И. Ашу от 21 июля 1812 года, как бы предваряющем собой основные идеи обращения к жителям трех губерний, главнокомандующий просил пригласить «благородное сословие дворянства и всех жителей тех уездов, до коих не приступил неприятель, к вооружению против коварных врагов наших». «Сверх того, — говорилось в этом письме, — именем отечества просить обывателей всех близких к неприятелю мест вооруженною рукою напасть на уединенные части неприятельских войск, где оные увидите»⁶⁰. В этом же предписании содержалось указание на факт издания Главной квартиры до 21 июля 1812 года еще одного обращения о развязывании партизанского движения среди гражданского населения. «К сему же, — писал Барклай-де-Толли Ашу, — я пригласил особым отзывом россиян, в местах, французами занятых обитающих, дабы ни один неприятельский ратник не скрылся от мщения нашего за принесенные вере и отечеству обиды, и когда армия их поражена будет нашими войсками, тогда б бегущих неприятелей повсюду встречала погибель от рук обывательских»⁶¹. Текст этого документа, адресованного жителям оккупированной французами территории, не сохранился.

Обращение к жителям Псковской, Смоленской и Калужской губерний оказало значительное влияние на развитие крестьянской вооруженной борьбы с неприятельской

армией, на формирование партизанских отрядов из гражданского населения. Г. Зельницкий — автор яркой и обстоятельной книги о Калужской губернии в 1812 году, сам непосредственный очевидец восприятия этого обращения крестьянами, отмечал, что «сие начальническое приглашение читано было во всей губернии по церквам... и по важности предмета имело сильное впечатление на умы жителей; а впоследствии времени, при благоразумном внушении оною всем и каждому, возымело желаемое действие... Скоро после обнародования такового приглашения поселяне в уездах, прилежащих Смоленской и Московской губерниям, принялись за оружие dobroхотно и поражали с неустрашимостью многочисленные толпы неприятельские; через это показали разительные примеры храбрости, защищая свои дома»⁶².

Характерно, что, посвятив лучшие страницы своей книги подробному описанию вооруженных действий крестьян Калужской и сопредельных с ней губерний, Г. Зельницкий исходный момент этого широкого патриотического пробуждения усматривает прежде всего в воздействии освободительных призывов обращения Барклая-де-Толли: «Патриотический дух сих усердных защитников своей родины наиболее обнаружился тогда, когда им благоразумно объявлены, внятно прочтены и растолкованы были разные начальнические увещания, особливо воззвание к жителям сей губернии г. главнокомандующего армиями. С этого времени не выпускали они из рук оружия...»⁶³

Вскоре после воззвания к жителям трех губерний походная типография выпустила обращение М. Б. Барклая-де-Толли к русским дворянам. Листовка свободна от религиозно-монархической риторики, которая была присуща правительственным манифестам, а главнокомандующий обращается в ней к дворянам не как к привилегированному сословию, а как к «верным соотечественникам» и призывает их к вступлению в ряды активных защитников родины наряду с остальными членами общества.

20 августа 1812 года было выпущено обращение к жителям Смоленской губернии. Это был первый агитационный документ, выпущенный от имени нового главнокомандующего М. И. Кутузова. В нем говорилось следующее:

«ДОСТОЙНЫЕ СМОЛЕНСКИЕ ЖИТЕЛИ, ЛЮБЕЗНЕЙШИЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ!

С живейшим восторгом извещаюся я отсюда о беспримерных опытах в верности и преданности вашей к престолу августейшего монарха нашего и к любезнейшему отечеству. В самых лютейших бедствиях своих показываете вы непоколебимость правил. Вы исторгнуты из жилищ ваших, но верою и верностью твердые сердца ваши связаны с нами священными, крепчайшими узами единоверия, родства и единого племени. — Враг мог разрушить стены ваши, обратить в развалины и пепел имущества, наложить на вас тяжкие оковы, но не мог и не возможет победить и покорить сердца ваших. — Таковы россияне! Царство Российское издревле было единая душа и единое тело. Оно всегда подвизалось волею своих самодержцов и пламенною любовью к ним и Отечеству своему. — Да подкрепит Всевышний многотерпение ваше, любезнейшие и достойнейшие соотечественники! Да услышит моления наши, да поможет свергнуть с вас иго и да водворит паки во единое семейство мир, тишину, славу и благоденствие, коими мы доселе наслаждались»⁶⁴.

Парадокс церковной проповеди

Также правительство России через посредство Синода мобилизовало духовенство на проведение патриотической проповеди. Наполеоновская армия, вступившая на русскую землю, забирала церковную утварь, пользовалась церковными зданиями как квартирами и нередко как конюшнями. Это давало главное содержание антифранцузской церковной проповеди.

Со своей стороны Наполеон приказал широко распространять через лазутчиков и всех вообще, что он не преследует православной веры. Польский переводчик (переводящий с французского слово «император» словом «цесарь») выразил это так: «Что говорят попы о прибытии французов, известно ли им, что Наполеон не сделает войны вере, но только своим неприятелям? Известно ли, что цесарь строго приказал почитать церкви, монастыри, архимандритов и попов?»⁶⁵ Эта наполеоновская контрагитация имела чрезвычайно мало

успеха, и об осквернении церковей поминалось с возмущением еще долгие годы после нашествия.

Как уже отмечалось, еще во вторую войну с Наполеоном, зимой и весной 1807 года, Синод счел недопустимым широко вести проповедь о том, что Наполеон есть предтеча антихриста. В народе для краткости Наполеона тогда стали именовать просто антихристом, так как «предтеча» — слово трудное и невразумительное. Потом, когда после битвы при Фридланде был внезапно заключен не только мир, но и теснейший дружественный союз между благоверным православным царем и этим самым антихристом, когда оба они публично обнимались и лобызались на тильзитском плоту, когда антихрист получил от царя ленту Андрея Первозванного, а царь получил от антихриста звезду Почетного легиона, то Синод приказал духовенству в самом спешном порядке умолкнуть и ни о каких предтечах не сметь отныне и думать. Умолкли. Но как быть теперь, в 1812 году, когда Наполеон повел себя в таком отчетливо выраженном антихристовом стиле: оскверняет церкви, разоряет Россию, сжигает Смоленск и грабит Москву? Очень уж соблазнительно было вспомнить об антихристе, тем более что Наполеон, как сказано, уже в 1807 году вплоть до Тильзита был по этой части в сильнейшем подозрении. И вот эта проповедь снова сама собой кое-где началась уже с конца лета 1812 года. «Но положительно не везло духовенству с этой темой! — пишет Е. В. Тарле. — Опять пришлось ее оборвать, и притом по самой простой причине: в России тогда и в крестьянстве, и в мещанстве, и в купечестве, и среди православных, и среди раскольников было немало начитанных в Писании людей, которых называли начетчиками и которые превосходно знали и Евангелие, и Библию, и Апокалипсисом интересовались в особенности. Эти начетчики нередко в религиозных спорах сбивали с толку и ставили в тупик не только священников, но и архиереев. Они-то и заставили духовенство продумать до конца эту проповедь о появлении антихриста. Получилось нечто неладное, несуразное и даже определенно вредное»⁶⁶.

Дело в том, что в конце концов спохватились: если в самом деле народ в России удостоверится, что Наполеон есть антихрист, то может махнуть рукой на сопротивление, так как ведь антихристу именно и предсказана полная победа и

затем тысячелетнее благополучное царствование, а что потом, в 1812 году, антихристу придется круто, так ведь дождись этого благоприятного времени! И вот пастырям рекомендуется снять с Наполеона этот выгодный для него навет, будто он — антихрист. Пусть не хвастается: вовсе он не антихрист! «Да не смущается сердце ваше, не унывайте, не думайте, чтоб это был антихрист, особенный человек греха, предреченный в Священном писании, что он явится в последние времена... Много в прошедшем времени было таких, о коих также думали, будто они — антихристы, но думали все напрасно. Итак, не думайте вопреки Священному писанию и здравому рассудку, что будто Наполеона Бонапарта яко антихриста победить не можно, но он не что иное, как обманщик, воюющий не силой, а хитростью...»⁶⁷

Е. В. Тарле отмечает, что и без этой агитации настроение народа было непримиримо враждебным по отношению к внешнему врагу, и «ненависть против него бушевала ярким пламенем»⁶⁸. Крестьянство, ненавидящее крепостную неволю, протестующее против нее ежегодно регистрируемыми статистикой убийствами помещиков и волнениями, поставившее под угрозу вообще весь крепостнический строй всего за 37—38 лет до того в восстании Пугачева, это самое крестьянство встречает Наполеона как лютого врага, не щадя сил, борется с ним, отказывается делать то, что делали крестьяне во всей завоевываемой Наполеоном Европе, кроме Испании, т. е. отказывается вступать в какие бы то ни было торговые сделки с неприятелем, сжигает хлеб, сжигает сено и овес, сжигает собственные избы, если есть надежда сжечь забравшихся туда французских фуражиров, деятельно помогает партизанам, проявляет такую неистовую ненависть к вторгшейся армии, какой нигде и никогда французы не встречали, кроме как в той же Испании.

Почему Наполеон не призвал крестьян к восстанию

Между тем Тарле, Лависс, Рамбо и другие историки — российские и французские, приводят сведения, что еще в 1805—1807 годах, да и в начале нашествия 1812 года, в русском крестьянстве (больше всего среди дворовых слуг и вблизи городов) бродили слухи, в которых представление

о Наполеоне связывалось с мечтаниями об освобождении. Говорилось о мифическом письме, которое будто бы французский император послал царю, что, мол, пока царь не освободит крестьян, до той поры будет война и миру не бывать. Тарле сообщает, что после занятия Москвы Наполеоном Александру доносили: «...среди крестьян идут слухи о свободе, что уже и среди солдат поговаривают, будто сам Александр тайно просил Наполеона войти в Россию и освободить крестьян, потому, очевидно, что сам царь боится помещиков. А в Петербурге уже поговаривали (и за это был даже отдан под суд некий Шебалкин), что Наполеон — сын Екатерины II и идет отнять у Александра свою законную Всероссийскую корону, после чего и освободит крестьян»⁶⁹.

Что в 1812 году происходил ряд крестьянских волнений против помещиков, и волнений местами серьезных,— это подтверждается и документально⁷⁰.

Слухи, ходившие по деревням, и вспышки, происходившие там, не были случайностью. Автор восьми томов исследований, посвященных внешней политике Наполеона, Эдуард Дрио отмечал: «Он думал поднять казанских татар; он приказал изучить восстание пугачевских казаков; у него было сознание существования Украины... Он думал о Мазепе... Поднять революцию в России — слишком серьезное дело! Наполеон не без боязни остановился перед грозной тайной степей...»⁷¹

Окружающие Наполеона даже делали наброски манифеста к крестьянству. Но что удержало руку Наполеона подписать его? Почему он не решался привлечь на свою сторону многомиллионную крепостную массу? Наполеон впоследствии заявил, что не хотел «разнуздать стихию народного бунта», что не желал создавать положение, при котором «не с кем» было бы заключить мирный договор⁷².

Наполеон вторгся в Россию в качестве разорителя, завоевателя и ни в малейшей степени не помышлял об освобождении крестьян от крепостной неволи. Об этом свидетельствует то, что, когда в начале войны Белоруссия была буквально охвачена крестьянскими восстаниями против помещиков, французские власти сразу направили карательные отряды в бунтующие деревни для усмирения крестьян и дали владельцам поместий солдат для их охраны от крепостных⁷³.

«Соединиться... для преследования врага»

Наряду с листовками к русскому народу издавались обращения к населению Литвы, Польши и Германии. В этих документах, не проходивших, как и все листовки, официальную правительственную цензуру, звучали мотивы высокого гражданского патриотизма. Наполеоновский режим обличался как режим порабощения и гнета. В них, наконец, провозглашались принципы политической независимости стран Европы и освободительная миссия России. 26 ноября 1812 года Кутузов обратился к жителям Литвы с призывом оказать содействие русской армии: «Судьба коалиционной армии решена! Вы видели, как проходили мимо вас ее огромные колонны. Вы видите теперь жалкие остатки этих колонн... Если заблуждения и временные ошибки увлекли кого-либо из вас на неправильный путь, вы можете теперь своим поведением заставить забыть о них...»⁷⁴ Населению Польши и Пруссии Кутузов разъяснял, что русское правительство не ищет каких-либо приобретений, а ставит своей задачей лишь освобождение Европы от наполеоновской тирании. Фельдмаршал предлагал «соединиться... для преследования врага» и освободить народы Европы. О том, что эти обращения достигали цели, свидетельствовало то, что после вступления русских войск в Литву нигде не наблюдалось выступления против России.

«Известия из армии» — газета для населения России

После прихода Кутузова в армию, в сентябре 1812 года, агитационно-пропагандистская деятельность походной типографии значительно усилилась. Начался периодически-регулярный выпуск «Известий из армии» при Главной квартире. Близкий ко двору и потому хорошо осведомленный Н. Логинов в письме к С. Р. Воронцову из Петербурга от 17 октября 1812 года писал по этому поводу: «Ваше сиятельство спрашиваете, есть ли у нас газета с последовательным ходом военных действий. К несчастию и стыду нашему, у нас нет ничего в этом роде, разве те летучие листки, что я Вам правильно посылаю, и то их стали выпускать регулярно и правильным языком только со времени командования Кутузова»⁷⁵.

«Известия из армии», предназначавшиеся для населения России, систематически рассылались из Главной квартиры по губерниям, что составляло предмет неустанных забот кутузовского штаба. «Печатные известия из армии, рассылаемые ныне по губерниям,— писал в этой связи Ф. Глинка 23 октября 1812 года,— конечно известили тебя обо всем»⁷⁶.

Поступавшие из армии экземпляры «Известий» в губернских центрах размножались в местных типографиях и пересылались в уезды и волости, становясь тем самым доступными широчайшим массам населения⁷⁷. Благодаря достоверному и обстоятельному освещению хода боевых действий и яркой публицистичности армейские «Известия» получали по мере их выхода в свет высокую оценку современников, явно предпочитавших их всем остальным изданиям, в которых публиковались сообщения с театра военных действий.

Курский губернатор А. И. Нелидов, характеризуя воздействие «Известий» на население, 6 октября 1812 года писал в Главную квартиру: «Известия, нам доставляемые по милости светлейшего, ободряют дух всех жителей и заставляют молчать пустомелей»⁷⁸. «Этих «Известий»,— отмечал позднее В. Панаев — очевидец событий 1812 года,— ждали с таким нетерпением, читали с таким восторженным участием...»⁷⁹

Популярность «Известий из армии», выпускаемых штабом М. И. Кутузова в период наибольшей угрозы национальным интересам России, была еще потому так велика, что дело правительственной военной информации было поставлено в 1812 году крайне неудовлетворительно. Хотя в первые недели войны в столичной прессе систематически печатались весьма схожие по названию с армейскими изданиями «Известия из Главной квартиры», «Известия о военных действиях» и т. д., однако они исходили из царского окружения и давали весьма искаженное представление изображения военных событий. Так, например, тягостное положение русской армии обходилось в них полным молчанием, а частные успехи чрезмерно преувеличивались. А с конца июля 1812 года, когда военная обстановка стала угрожающей, печатание и этих сообщений прекратилось, и вместо них стали публиковаться лишь донесения военачальников о тех или иных сражениях и стычках, носивших отрывочный характер⁸⁰.

Печатная продукция в Петербурге и других городах страны в этот период подвергалась более строгой цензуре, которая ограничивала проникновение в общество сведений о неудачных для России военных событиях. Эти ограничения вызваны опасениями, что в сложившейся обстановке сообщения об отступлении русской армии могут обострить недовольство политикой правительства. «Известия из армии», выходившие при штабе Кутузова, как и остальные издания походной военной типографии 1812 года, являлись единственным видом печатной продукции в России, которая не подвергалась в то время официальной цензуре и могла более широко оповещать население страны о положении на фронте.

В противостоянии с французскими бюллетенями

С приходом М. И. Кутузова также стали выходить «Nouvelles officielles», которые противостояли французским бюллетеням, не отличавшимся, как уже отмечалось выше, правдивостью. 25-й французский бюллетень, например, сообщал о высоком моральном духе наполеоновской армии в тот момент, когда она собиралась покинуть Москву. 26-й бюллетень сообщал о полном поражении русских войск под Тарутином. 27-й бюллетень оповещал всех о новом успехе французской армии под Малоярославцем, а 28-й бюллетень утверждал, что она спокойно движется на зимние квартиры, не встречая никого на своем пути.

В штабе М. И. Кутузова было принято решение противопоставить этой лживой информации действительную картину. «Князь Кутузов,— указывает А. И. Михайловский-Данилевский,— приказал... издавать на русском, французском и немецком языках «Известия» о наших военных действиях», готовя их «наподобие французских бюллетеней»⁸¹. Первым документом такого рода были «Nouvelles officielles de l'armée», опубликованные на французском языке непосредственно после Бородинского сражения. К ним была приложена схема (кроки), поясняющая замысел Кутузова⁸².

Этот документ распространялся не только среди войск, но и за рубежом для информации иностранной прессы. Через эту прессу (шведскую, английскую, португальскую и даже

австрийскую) «Известия» попадали в Западную Европу. «Его светлость одобряет вас,— писал генерал П. Коновницын волынскому губернатору М. И. Комбурлею,— за распространение сих известий в чужие края и желает, чтобы ваше высокопревосходительство впредь не оставляли оные туда доставлять»⁸³. Сам Кутузов прикладывал «Известия» к письмам русскому дипломатическому представителю в Турции Италинскому и просил его «сообщить эту новость моему старинному другу Ахмед-паше»⁸⁴.

«Nouvelles officielles de l'armee en date 27 aout» явились первым изданным в России известием о Бородинском сражении. В правительственной прессе сообщения о сражении стали появляться только после 3 сентября и представляли собой урезанные царской цензурой и без того краткие рапорты Кутузова, имевшие своей целью не столько освещение самой битвы, сколько констатацию ее результатов и последовавшего за ней отступления к Москве. «Nouvelles officielles», не скованные этой вынужденной необходимостью, содержали самое подробное из всех опубликованных в то время описаний Бородинской битвы, изложение ее хода и результатов, данное на общем фоне событий 24—26 августа. Благодаря этому настоящая листовка, предназначавшаяся при своем издании для зарубежного читателя, стала вскоре хорошо известной и русским современникам, о чем свидетельствует факт широкого использования ее текста при освещении Бородинского сражения в ряде вышедших в России после 1812 года историко-публицистических описаний Отечественной войны⁸⁵.

Интересны «Известия» о военных действиях главной армии, о тарутинском марш-маневре и о боевых успехах ополчений, изданные походной типографией 22 сентября 1812 года. Первая фраза этой листовки представляет собой почти дословное воспроизведение начального абзаца журнала военных действий с 2 по 22 сентября: «После оставления города Москвы армия взяла отступное свое направление по дорогам Владимирской и Рязанской как для прикрытия жителей, вышедших с своим имуществом, так и для обеспечения всех сокровищ государственных, в сем направлении отосланных...»⁸⁶

Подобное текстуальное совпадение является далеко не случайным для агитационных изданий походной типографии.

Многие из них, и прежде всего «Известия» и другие листовки, содержавшие описание военных событий, по основной сумме фактических данных о боевых действиях и их военному истолкованию всецело основаны на документации штаба Кутузова — на его рапортах, письмах, на донесениях нижестоящих военачальников, но в первую очередь на журналах военных действий. Эти журналы, составлявшиеся под непосредственным руководством главнокомандующего и им подписанные, с сентября регулярно направлялись в Петербург, где после редакторской правки Александра I в сильно искаженном виде печатались в столичной прессе. По мере отсылки журналов в Петербург их копии в качестве официального и достоверного свода военных событий откладывались в штабе Кутузова, в результате чего они и могли быть в любое время предоставлены авторам агитационных документов⁸⁷.

К серии изданий, предназначенных для распространения в войсках противника и за границей, относится листовка «Официальные известия из армии» о свидании М. И. Кутузова с Лористоном, о тяжелом положении войск противника и о народном характере войны. В ней говорилось о предпринятом Наполеоном демарше, который бесспорно доказывает, что он находится в чрезвычайном затруднении со своей армией, положение которой было опасно. В связи с этим Наполеон «написал письмо генералу Кутузову, в котором просил его вступить в сношение с генералом Лористоном, имевшим поручение договориться о делах особой важности и об установлении дружбы между двумя державами. Кутузов не счел нужным отправиться лично на эту встречу в указанное место и вместо себя послал на аванпосты князя Волконского, генерал-адъютанта императора. Генерал Лористон отказался вступить в переговоры с князем, сказав, что может разговаривать только с самим генералом Кутузовым. Этот последний согласился наконец принять генерала Лористона в своей Главной квартире, куда тот и прибыл...»⁸⁸

Далее идет подробное описание переговоров Кутузова с Лористоном, которое завершилось тем, что последний, «убедившись, что он так и не добьется перемирия, покинул Кутузова, не скрывая своей крайней досады»⁸⁹.

Эта листовка, распространенная в Европе, явилась первым с русской стороны известием о столь значительном

события войны. Поскольку переговоры проходили без свидетелей, единственным достоверным материалом являются показания самого Кутузова, известные в двух вариантах: в рапорте его Александру I и в передаче содержания этой беседы в письме представителя английского командования при Главной квартире русской армии Р. Вильсона к английскому послу в Петербурге. Сличая листовку с этими документами, обнаруживаем полное совпадение с каждым из них в основных фактических сведениях. Это свидетельствует о полной ее авторитетности. Наличие этих совпадений говорит о том, что независимо от того, кто персонально подготавливал текст листовки, она восходит к самому М. И. Кутузову⁹⁰.

Пропаганда героизма народа

Штаб Кутузова активно пропагандировал в «Известиях об армии» крестьянскую патриотическую самодеятельность, методы и тактику партизанских действий. Только с 30 сентября по 14 декабря 1812 года эта тема освещалась в семи выпусках «Известий об армии». Так, в известиях от 30 сентября сообщалось: «Самые крестьяне из прилежащих к театру войны деревень наносят неприятелю величайший вред. Россияне, во всякое время отличавшиеся пред всеми прочими народами любовью и привязанностью к престолу своих государей, и ныне стремятся с неописанною ревностью на истребление врагов, нарушающих спокойствие отечества. Крестьяне, горя любовью к родине, устраивают между собою ополчения. Случается, что несколько соседних селений ставят на возвышенных местах и колокольных часовых, которые, завидя неприятеля, ударяют в набат. При сем знаке крестьяне собираются, нападают на неприятеля с отчаянием и не сходят с места битвы, не одержав конечной победы. Они во множестве убивают неприятелей, а взятых в плен доставляют к армии. Ежедневно приходят они в главную квартиру, прося убедительно огнестрельного оружия и патронов для защиты от врагов. Просьбы сих почтенных крестьян, истинных сынов отечества, удовлетворяются по мере возможности и их снабжают ружьями, пистолетами и порохом. Во многих селениях соединяются они под присягою для общего своего защищения с тем, что положено жестокое наказание на

случай, если бы отказался кто из них трусом или бы выдал друг друга»⁹¹.

Следует заметить, что приведенный выше абзац из «Известий об армии» был основан на следующем тексте журнала военных действий с 25 по 28 сентября 1812 года: «Неоднократно уже являются крестьяне из многих селений, близ мест расположения армий находящихся, испрашивая усиленно ружей с патронами для защиты от неприятеля. Они истребили их немалое число и при всякой встрече, решительно нападая на врагов, не сходят с места, не разбив оных совершенно. Между прочим, казенные крестьяне Боровского уезда слободы Каменка соединились под присягою для общего своего защищения с тем, что положено жестокое наказание на случай, если бы оказался кто из них трусом или изменил друг другу. По мере возможности просьбы сих почтенных крестьян удовлетворяются и им дают ружья и пистолеты»⁹².

Но при напечатании этого журнала в «Прибавлениях к “Санкт-Петербургским ведомостям”» 15 октября 1812 года данный текст, прославляющий крестьянское вооруженное сопротивление агрессору, был исключен Александром I, который вообще предлагал изымать из журналов перед их публикацией в прессе сведения о деятельности партизанских отрядов и крестьянских ополчений⁹³.

По свидетельству современников, М. И. Кутузов систематически просматривал «Известия об армии» перед выпуском в свет и вносил нужные коррективы.

При чтении указанного выше выпуска «Известий» главнокомандующий обратил внимание на заключительное предложение: «Итак, враги наши везде поражены, и они погибают в отдаленных странах Европы в то время, когда, ворвавшись в пределы России, найдут гробы свои в сердце отечества нашего». «Почему ты это наверное знаешь, — сказал главнокомандующий А. И. Михайловскому-Данилевскому, — что они найдут у нас гробы свои? Напиши, что они их, может, найдут»⁹⁴. В кутузовской редакции фраза звучала: «...найдут, может быть, гробы свои в сердце отечества нашего»⁹⁵.

В выпусках «Известий» Главной квартиры от 8 октября 1812 года было рассказано об участии местных жителей в штурме Вереи, об успешных ударах партизанских отрядов по отступающим французам. В листовке отмечалось:

«Поселяне одной Калугской губернии с того времени, как неприятель коснулся их границ, будучи вспомоществуемы казаками Быхалова, убили и взяли в плен с лишком 6000 человек неприятелей; ежедневно приходят они просить оружие, умоляют начальников отрядов дать им случай к поражению врага, и просьбы их по возможности выполняются. Много есть подвигов знаменитых, учиненных почтенными нашими поселянами; но они не могут на первый случай быть обнародованы, ибо неизвестны еще имена храбрых; приняты меры, чтобы узнать об них и предать отечеству для должного почтения»⁹⁶.

В одном из следующих выпусков «Известия» сообщали о сражении при Малоярославце и вновь отмечали: «Крестьяне Московской и Калугской губерний доказали ныне то, что может русская народ, водимый любовью к государю и приверженностию к вере. Неизлишно будет, ежели скажем, что многие тысячи неприятелей истреблены сими почтенными гражданами. По мере их успехов увеличивалось и надеяние их на себя, и по мере истребления неприятеля увеличивались их способы приобретения оружия, врагами против них подъятого. Крестьяне Орлова-Денисова в Калугской губернии и другие графа Владимира Орлова составили значущие из себя корпуса и страшны сделались всем неприятельским партиям. Заметить должно то, что следствием сего мужества наших крестьян деревни, расстоянием в 20 верстах от Большой Можайской дороги, остались целы и сохранили до последнего снопа хлеба»⁹⁷.

Это описание партизанской борьбы крестьян Московской и Калужской губерний также основано на рапорте Кутузова Александру I от 24 октября 1812 года, с которым прослеживаются и текстуальные совпадения⁹⁸. Вместе с тем в тексте «Известий» имеются некоторые характеристики, которых нет в рапорте главнокомандующего. Если в «Известиях» в отношении сельских жителей применено крайне уважительное наименование «почтенные граждане», то в рапорте они названы просто крестьянами. В рапорте отсутствует также оценка значения боевых успехов крестьян, отмечающая пробуждение в них веры в свои силы и каких-то элементов политического самосознания («надеяние их на себя»). Отличный от рапорта Кутузова текст

«Известий», несомненно, был внесен в листовку при подготовке ее в условиях походной типографии. Подобное углубленное понимание сущности патриотической самостоятельности крестьян и, главное, столь уважительное их именование, свойственное и другим изданиям походной типографии⁹⁹, составляет не только важный компонент их идейного содержания, но и важный элемент воздействия на крестьян и поощрение их гражданской позиции в борьбе с врагом. Те самые формулы и обращения, которые использовались в листовках в отношении к крестьянам, в официально-монархических документах того времени применялись обычно исключительно к дворянству.

В ноябре 1812 года, сообщая о преследовании противника от Вязьмы до Красного, о сражении при Красном, «Известия» не упустили случая рассказать о боевых действиях отряда под руководством гренадера С. Еременко, который захватил неприятельскую команду из 47 человек. «За таковой храбрый поступок, обнаруживающий истинное усердие к службе и дух, прямому русскому солдату свойственный, стрелок Еременко генерал-фельдмаршалом произведен в унтер-офицеры и награжден знаком отличия Военного ордена»¹⁰⁰.

Показ героизма простого русского человека в борьбе с агрессором, уважительное отношение к его личности вместе с пропагандой партизанского движения играли важную роль в сплачивании российского населения вокруг лозунга народной войны, в практической организации стихийно возникающих крестьянских отрядов, в воодушевлении армии и народа на проявление мужества, отваги, самоотверженности.

Приказы как воззвания

В серии «Известий» публиковались приказы М. И. Кутузова, которые сообщали читателям об успешном наступлении русских войск. Так, в их выпуске, датированном 30 октября 1812 года, извещалось, что 28 октября главнокомандующий отдал следующий приказ:

«Неприятель, продолжая свое отступление, претерпевает на каждом шагу сильный урон, наносимый ему авангардами нашими. Потеря его от Москвы по сие время неисчислима; ежедневно бросает он всех своих усталых, больных и

раненых, зарывает и потопляет орудия; зажигает обозы и все тяжести. В разных атаках и в сражениях под Вязмою и Дорогобужем взято знамен 5, орудий 26, более 3000 пленных, в том числе два генерала, три полковника, более 30 офицеров; убитыми со стороны неприятеля и ранеными до 10 000.

Генерал-от-кавалерии граф Витгенштейн взял приступом город Полоцк и, разбив совершенно неприятельской корпус маршала Сен-Сира, преследует его. В сражении при Полоцке и после оногo взято в плен 45 штаб- и обер-офицеров, до 2000 пленных, одна пушка, множество зарядных ящиков. В самом Полоцке достались победителям знатные запасы провианта. Корпус генерал-лейтенанта графа Штенгеля, равномерно поражая и преследуя неприятеля, взял, кроме довольного числа пленных, 22 знамя всех баварских полков, 6 пушек и казну денежную. Отряд армии адмирала Чичагова, войдя в герцогство Варшавское, собрал сильную контрибуцию и нанес ужас самой Варшаве, приблизясь за 6 миль к сему городу; о каковых успехах оружия нашего извещаю все предводительствуемые мною войски»¹⁰¹.

29 октября армия уведомлена о новых победах следующим приказом генерал-фельдмаршала Кутузова:

«Генерал-от-кавалерии Платов 26 и 27-го числ сего месяца, сделав двукратное нападение на корпус вице-короля италианского, следовавший по дороге от Дорогобужа к Духовщине, разбил оной совершенно, взял 62 пушки и более 3500 человек пленных. По страшному замешательству, в каковой приведен был неприятель нечаянною на него атакою, продолжается по сие время поражение рассеявшихся сил его...

Итак, мы будем преследовать неутомимо. Настают зима, выюги и морозы; но вам ли бояться их, дети севера? Железная грудь ваша не страшится ни суровости погод, ни злости врагов. Она есть надежная стена отечества, о которую все сокрушается. Вы будете уметь переносить и кратковременные недостатки, естли они случатся. Добрые солдаты отличаются твердостью и терпением, старые служивые дадут пример молодым: пусть всякой помнит Суворова; он научал сносить и голод и холод, когда дело шло о победе и о славе русского народа. Идем вперед, с нами Бог, пред нами разбитый неприятель; да будет за нами тишина и спокойствие»¹⁰².

Включенный в «Известия» приказ от 29 октября также был отпечатан походной типографией отдельной листовкой. Благодаря своей концовке, исполненной высокого гражданско-патриотического пафоса, он получил широкую известность в России и неоднократно публиковался в 1812 году в прессе¹⁰³. Кстати, газеты и журналы часто перепечатывали отдельные места «Известий». Так, начальные абзацы их выпуска от 4 ноября 1812 года о тяжелом положении отступающего противника были опубликованы в «Северной пчеле» 27 ноября 1812 года, «Московских ведомостях» 14 декабря 1812 года и других изданиях.

Судя по содержанию ряда приказов М. И. Кутузова, они предназначались не только для рассылки в войска, но и для распространения в качестве воззваний среди местного населения. А приказ по армиям в связи с освобождением Белоруссии от войск Наполеона от 11 ноября 1812 года даже заканчивался фразой: «Сей приказ объявить как в армии, так и в обеих белорусских губерниях»¹⁰⁴.

Для населения освобождаемых территорий

В целях налаживания и упрочения отношений с местным населением издавались отдельные листовки. Стремясь вызвать его доверие и расположение, в воззваниях сообщалось о невиновности людей, присягнувших во время оккупации Наполеону и сотрудничавших с французами. Так, в обращении русского командования к жителям Могилевской губернии говорилось: «Само собою разумеется, что в клятве, принужденно и насильственно учиненной, нет ни малейшей святости и что она совершенно уничтожается. Да каждый сын отечества с восторгом и душевным удовольствием вникнет в пределы своих законных обязанностей»¹⁰⁵.

В листовке для населения Виленской, Гродненской и Белостокской губерний сообщалось: «Если заблуждения и временные ошибки увлекли кого-либо из вас на неправильный путь, вы можете теперь своим поведением заставить забыть о них, ибо милосердие моего августейшего повелителя государя императора безгранично. Мне тем более приятно объявить об этом, что я сохранил душевную привязанность к тем губерниям, которыми управлял и для которых волею

провидения должен явиться исполнителем этого акта монаршего великодушия»¹⁰⁶.

При вступлении русских войск в Польшу были распространены официальные сообщения о действии декларации III коалиции (1805), которая утверждала, что «хозяева — собственники и люди, состоящие при должностях, могут рассчитывать на мирное пользование теми выгодами, которые приобретены ими вследствие революции»¹⁰⁷. А воззвание Кутузова 8 января 1813 года «К чиновникам и населению герцогства Варшавского» гарантировало сохранение прежнего жалованья, имущества (в том числе и розданных Наполеоном), предлагалось местной администрации оставаться на местах. Александр I специальным указом амнистировал тех поляков, которые служили Наполеону. Вступление русских войск на польские земли не привело к реставрации там феодально-абсолютистских порядков. Даже санкционированный Наполеоном закон об отмене крепостного права не был пока отменен¹⁰⁸. Естественно, обо всем этом говорилось в «Nouvelles officielles», который с помощью союзников распространялся во всей Европе.

Листовки-памфлеты

Также походной типографией издавались листовки-памфлеты. Примером такой листовки является памфлет, выпущенный под названием «Отступление французов»¹⁰⁹. Эта листовка имела большое значение, поскольку в ней русское командование изложило взгляд на характер войны 1812 года. Нашествие Наполеона на Россию рассматривается как «последний удар, угрожающий падением свободе Европы»¹¹⁰. Но самое главное — в этой листовке дается оценка стратегического плана Кутузова. Отход от Бородина и фланговый марш-маневр к Тарутину рассматривается как преднамеренный акт: «Русские продолжали отступление свое в спокойствии и порядке: они знали, что делали... Порядок, с которым происходила сия ретирада, показывал, что она была планом, а не следствием поражений...»¹¹¹

Аналогичные соображения впервые были высказаны в «Nouvelles officielles» от 27 августа 1812 года и в более развернутом виде повторены в «Nouvelles officielles» от 21 ноября,

в которых подводились предварительные итоги наступления русской армии: «Подробное описание кампании, подобной которой не было, принадлежит истории. Результаты соответствуют великому плану, задуманному непосредственно после Бородинского сражения, плану, которого никакие соображения не могли ни ослабить, ни изменить»¹¹². Представление о том, что в основе отступления русских войск к Москве после прихода Кутузова в армию лежал задуманный им глубокий стратегический замысел, ни в одном из документов русского штаба, кроме этих листовок, не было в то время сформулировано с такой полнотой и законченностью, что придает этим текстам значение важнейшего первоисточника для изучения контрнаступления русской армии в 1812 году. Их неопценимое значение состоит также в том, что пропаганда плана контрнаступления перед европейским общественным мнением велась еще в момент его создания и реализации.

Эта листовка-памфлет была издана в виде брошюры вначале на немецком и французском языках, а затем вышла в русском варианте. Напечатана она в Вильно в декабре 1812 года. Ее автором был Эрнст Пфуль, немецкий офицер, вынужденный эмигрировать в 1809 году в Австрию, где он сблизился со Штейном. В августе 1812 года Пфуль по личному вызову Штейна прибыл в Россию. Здесь 29 августа Александру I была представлена его записка о политическом и военном положении Германии, которая была одобрена царем. Вскоре (9 сентября) Э. Пфуль вступил в Российско-немецкий легион, но очень скоро по рекомендации Штейна был принят на русскую службу. Он находился при штабе Кутузова, где привлекался для составления листовок. Следует заметить, что в «Сыне Отечества» была опубликована статья «Перечень письма из Вильно от 1 декабря»¹¹³. Она имела разительное сходство с описанием третьего периода отступления французов в памфлете. Данное совпадение указывает, что автором этой статьи был Пфуль. Видимо, при составлении корреспонденции им был использован текст своей публикации в «Сыне Отечества».

Это авторство Э. Пфуля, одного из сотрудников походной типографии, свидетельствует о связи этого центра военной публицистики с «Сыном Отечества» — передовым журналом этого периода.

Издание походной типографией этого документа связано с изменением к концу войны общей военно-политической обстановки. После занятия Вильны задача окончательного сокрушения военного могущества наполеоновской империи была поставлена в прямую зависимость от перенесения боевых действий за русскую границу и от вовлечения в борьбу за свое освобождение самого населения европейских государств, многие из которых, однако, продолжали еще выступать как союзники Наполеона. Важнейшая политико-стратегическая задача русского командования в этот период состояла в подрыве наполеоновской антирусской коалиции, куда, кроме Франции, входили соседние с Россией Австрия и Пруссия, позиция которых влияла на поведение и других стран. В этих условиях огромное значение русской военной пропаганды состояло в том, что она могла существенно повлиять на политические настроения в европейских странах и ускорить момент их перехода на сторону России. Понятно, что эти цели не могли быть достигнуты одними воззваниями и известиями, освещавшими лишь отдельные события войны. Не дожидаясь окончательного изгнания неприятельских войск за Неман, следовало как можно скорее дать общественному мнению Европы и в первую очередь немецкому населению суммированное представление о войне в целом и особенно о том ее периоде, на котором «Великая армия» была разгромлена в России. Этим задачам и отвечала листовка-брошюра «*Rückzug der Franzosen*», составленная в духе обобщающего военно-политического обзора — в ней русское командование утверждало свою точку зрения на основные явления кампании 1812 года и подводило ее первые итоги.

В листовке говорится: «...Российская армия под начальством Кутузова-Смоленского посредством смелого флангового марша...»¹¹⁴ Это прославление главнокомандующего как подлинного руководителя общенационального патриотического движения 1812 года и всяческая популяризация его стратегии и тактики свойственны не только настоящему документу, но и другим изданиям походной типографии. Это было созвучно взглядам на его роль в войне прогрессивных деятелей того времени. В частности, об этом свидетельствует публикация лицейского профессора А. Куницына «Замечания на нынешнюю войну» в «Сыне Отечества»,

1912, № 6. Также высокая оценка М. И. Кутузова была важна по своему значению и против враждебного отношения к нему со стороны правящей верхушки, а также той полемики, которая была направлена против него в дворянской среде.

Исследователи отмечают, что листовка-памфлет «Отступление французов» занимает особое место в истории русской публицистики и военно-общественной мысли, так как явилась первым изданным в России общим очерком Отечественной войны 1812 года, в котором наибольшее внимание было сосредоточено, естественно, на заключительном периоде кампании.

Появление в русской гражданской печати первых «обозрений» и «описаний» войны, отразивших возникающее у современников стремление исторически осмыслить события 1812 года, относится к несколько более позднему времени. Целая серия подобного рода сочинений стала выходить только с января—февраля 1813 года.

Ни одно из известных нам произведений русской (да и не только русской) публицистики эпохи Отечественной войны 1812 года не имело такой популярности, какая досталась на долю «Отступления французов». Это объясняется жанровыми особенностями листовки, ее высокими литературными достоинствами и, в первую очередь, глубоким стратегическим анализом хода войны. В течение 1812—1813 годов памфлет издавался не менее 30 раз (не считая немецкого издания походной типографии). О глубоком интересе к нему в России свидетельствует тот факт, что на протяжении декабря 1812 года—февраля 1813 года он издавался здесь 12 раз — в Петербурге, Москве, Вильне, Смоленске, причем только на русском языке «Отступление французов» издавалось 5 раз. Первый из русских переводов, появившихся в «Сыне Отечества»¹¹⁵, был сопровожден следующим примечанием: «Сия статья сочинена на немецком языке одним русским офицером. Подлинник напечатан при Главной квартире нашей армии». Появившиеся в Петербурге издания документа получили положительные отклики «Le Conservateur Impartial»¹¹⁶. В одном из них, дававшем высокую оценку переводу листовки на французский язык, говорилось, в частности: «Надо быть признательным переводчику этого сочинения, так как надлежит торопиться в распространении правды на том самом

языке, который столь долго служил проводником лжи и целям возведения обмана в систему»¹¹⁷.

Помимо «Обратного похода...» в Петербурге вышло в это время еще два отдельных издания «Отступления французов» на русском языке под разными названиями. Одно из них — «Ретирующийся Наполеон, или Исчисление всех потерь французских войск в России, начиная с Бородинского сражения до самого изгнания их из оной» (СПб., 1813) и другое, носившее весьма причудливое и еще более далекое от подлинника заглавие — «Побег французов, или Живое изображение гнева Божия и храбрости неустрашимых россиян, поражавших неприятелей от Москвы до Немана» (СПб., 1813).

Кроме России «Отступление французов» в большом числе изданий разошлось чуть ли не по всей Европе — оно было напечатано в различных городах в Германии, Италии, Польше, Англии, Швеции, Голландии и других странах. При этом на немецком языке оно издавалось 18 раз, на французском — 3, на итальянском — 2, на польском, английском, шведском и голландском языках — по одному разу¹¹⁸.

Таким образом, из-за столь значительного своего распространения «Отступление французов» стало важнейшим фактором общеевропейской политической жизни и, как ни один другой документ того времени, способствовало формированию в России и за ее рубежом верных представлений о сущности, конкретном ходе и историческом значении войны 1812 года. Вместе с тем оно оказало решающее воздействие на развитие военно-общественной мысли преддекабристской эпохи и на зарождение русской историографии Отечественной войны. В большинстве посвященных ей историко-публицистических сочинений и жизнеописаний Кутузова 1812—1815 годов изображение главных событий 1812 года и особенно периода контрнаступления велось в духе военно-политической концепции «Отступления французов», с точным воспроизведением основного состава фактических сведений, со многими чисто текстовыми заимствованиями.

По всему видно, что русский штаб заботился изложить свою стратегическую концепцию не после окончания войны, а в ходе ее. То обстоятельство, что листовка-брошюра «Отступление французов» так была широко распространена еще

в ходе войны, свидетельствует о том, какое значение ей придавал М. И. Кутузов. Такой же характер носит листовка «Размышление русского военного о 29-м бюллетене». Документ, разоблачению которого посвящена листовка, явился последним изданным в России бюллетенем печально знаменитых наполеоновских официозов периода кампании 1812 года. Он был издан французским командованием при непосредственном участии Наполеона в его составлении 21 ноября 1812 года и имел своей целью подготовить общественное мнение Европы к восприятию известий о разгроме «Великой армии» в России и бесславном конце похода — известий, скрывать которые после Березины было уже бессмысленно. Вразрез со всеми предшествующими акциями французской пропаганды, в идиллических тонах изображавшими положение наполеоновских войск в России, 29-й бюллетень признавал их неудачи и факт отступления к западным границам. Вместе с тем, стремясь тенденциозно истолковать поражение французской армии, 29-й бюллетень намеренно искажал ряд фактов военной действительности и создавал совершенно фальсифицированное представление о характере и результатах последнего периода войны. Именно в этом документе впервые в практике наполеоновской военной информации была выдвинута пресловутая версия, согласно которой единственной причиной всех несчастий французской армии в России явилась стихийная сила внезапно наступивших морозов. Став известным во Франции 4/16 декабря 1812 года, бюллетень был опубликован в «Moniteur Universel», а затем, широко распространившись и в других странах, он произвел ошеломляющее впечатление на современников и породил болезненно-пессимистическую реакцию в пронаполеоновских кругах Европы.

«Размышления русского военного о 29-м бюллетене» явились одним из самых первых откликов на этот наполеоновский официоз. Ее выпуск датируется январем 1813 года. В листовке текст «Размышлений» дан параллельно с 29-м французским бюллетенем. Соблюдение параллельного расположения текстов французских официозов и русских опровержений являлось, видимо, устойчивой чертой критики наполеоновских официозов в листовках-памфлетах, издававшихся походной типографией. Например, так же был расположен

текст в листовке «Русский ответ на польский бюллетень»¹¹⁹, напечатанный типографией в ноябре 1812 года.

Автором «Размышлений русского военного о 29-м бюллетене» явился будущий декабрист, в ту пору видный кавалергардский офицер и флигель-адъютант Александра I М. Ф. Орлов. Считается, что он написал опровержение 29-го бюллетеня еще до того, как он стал широко известен в России, — впервые его напечатали «Санкт-Петербургские ведомости» 14 января 1813 года. Характерно, что постоянный лейтмотив многочисленных оценок 29-го бюллетеня русской гражданской печатью, увлеченной победоносным окончанием войны, был сосредоточен на факте признания этим французским официозом поражения «Великой армии» в России. По сравнению с этими откликами (за один только 1813 год их насчитывается около 30) автор «Размышлений» глубже и проницательнее постиг реальную пропагандистскую опасность 29-го бюллетеня и все свое внимание направил на разоблачение фальсификаторских тенденций документа, которые оказались недостаточно распознанными его современниками и могли затруднить процесс прояснения европейского общественного мнения. Особое место этого блестящего анти-наполеоновского памфлета в русской публицистике и военно-общественной мысли определяется тем, что в нем впервые с русской стороны была дана яркая, остроумная и развернутая критика версии морозов, борьба с которой и поныне не утратила своего не только научного, но и актуального политического смысла. Следует иметь в виду, что первые основательные и аргументированные опровержения 29-го бюллетеня стали публиковаться в русской печати только с начала февраля 1813 года — к тому времени, когда «Размышления» М. Ф. Орлова были уже изданы.

Достоинство листовки и ее значительная роль в военно-политической действительности того времени были хорошо оценены современниками. В газете «Le Conservateur Impartial» от 15 апреля 1813 года была напечатана следующая заметка об этом памфлете: «В публичке встречается печатная листовка, изданная Главной квартирой; она содержит в себе 29-й бюллетень «Великой армии» в сопровождении «Размышлений русского военного». Это небольшое сочинение в ироническом тоне вскрывает нелепости

пресловутого творения и восстает против бахвальства в изображении военных событий и против ложных утверждений со здравым смыслом, который доказывает, что автор способен разбираться в событиях, причем разбираться с успехом. Известная взыскательность, проявленная автором в его труде, достоверные военные детали дают ему право быть историографом 1812 года. Вероятно, что из Главной квартиры это сочинение распространялось во вражеской армии, желательно, чтобы оно получило большую известность в столице и в России...»

Чрезвычайно важно в этой заметке авторитетное подтверждение факта издания документа походной типографией Главной квартиры и распространения его среди наполеоновских войск. Не менее существенно и указание на наличие экземпляров листовки в Петербурге. Пожелание «*Le Conservateur Impartial*» о еще большем распространении документа в России не осталось без ответа. 19—26 апреля 1813 года он был напечатан в выходившей в Петербурге на немецком языке газете «*Der Patriot*» (№ 47—48), а в 20-х числах мая русский перевод листовки, сделанный по тексту «*Der Patriot*», был опубликован в Москве, в журнале «Вестник Европы»¹²⁰.

Следует заметить, что изданием памфлета М. Ф. Орлова походная типография продолжила боевую критику наполеоновских официозов, которая широко развернулась с приходом Кутузова в армию. По его поручению директор дипломатической канцелярии главнокомандующего И. Анштетт и другие сотрудники Главной квартиры составляли многочисленные памфлеты, живо и остроумно разоблачавшие французские фальсификации хода событий. Есть свидетельство, что составлялись прокламации в форме опровержения перехваченных неприятельских писем.

К концу войны, по мере усиления фальсификаторских тенденций французской военной пропаганды, борьба с официальными бюллетенями Наполеона приобретает особое значение. Кутузов и раньше интересовался этими бюллетенями. Еще во второй половине сентября 1812 года по его заданию И. Анштетт составил «пьесы», которые, как указывал их автор, «пародируют бюллетени “Великой армии”». Теперь же главнокомандующий проявляет к ним еще большее

внимание и развертывание агитационных усилий своего штаба направляет на разоблачение именно этих документов, пытаясь в противовес им издавать русские контрбюллетени. А. И. Михайловский-Данилевский, как раз в начале 1813 года вернувшийся в армию, отмечал, что русские агитационные издания предпринимались «наподобие французских бюллетеней»¹²¹.

Выход в свет листовки «Размышления», которая не только по существу, но и по форме была составлена как явная антитеза 29-му бюллетеню, стоит в прямой связи с этим направлением агитационной работы Главной квартиры. По своему характеру она примыкает к листовке «Отступление французов».

Военная газета «Россиянин»

Весьма важным видом печатной продукции походной типографии является военная газета, названная «Россиянин». Инициатором создания специального печатного органа для армии были также А. Кайсаров и Ф. Рамбах. Видимо, это было осуществление высказанного в их проекте замысла об издании периодических сообщений о ходе военных событий — «ведомостей» — на русском и немецком языках.

Первый номер этой газеты вышел 13 (25) июля 1812 года при штабе 1-й армии во время ее пребывания в Витебске в 1812 году.¹²² Этот номер посвящен весьма важному событию — ратификации мира с Турцией, благодаря которому в борьбу с Наполеоном могла включиться дунайская армия. «Мир с турками для нас очень важен,— писала газета.— Мы приобрели часть турецких владений, которая вклинивалась в нашу границу. Наша молдавская армия... будет использована против нарушителя нашего покоя... Нападение на Далмацию может весьма обеспокоить французского императора. На другом конце Европы обстоятельства складываются весьма благоприятно для России. Объединенные английские и испанские войска заняли Бадахос и углубились уже во Францию, в которой из-за голода все более и более распространяется дух недовольства».

В газете проводилась мысль, что каждый «гражданин должен знать положение вещей, чтобы он мог предпринять

необходимые действия и быть ко всему готовым. Он должен радоваться нашему продвижению, а в противном случае не малодушествовать, но действовать».

Таким образом, газета призывала к борьбе за национальную свободу и независимость русского народа, она указывала, что Россия не одинока в этой борьбе и что русский народ имеет силы для достижения победы.

Войны «типа 1812 года в России» во Франции не получилось

После ухода из России общим направлением наполеоновской пропаганды становится тезис о «защите» Франции и ее союзников. Причем в 1813 году наполеоновские «газетные чиновники» и сам Наполеон сначала выступали от имени «цивилизированной Европы», которую надо защищать от татарских полчищ. Особенно характерна в этом отношении Лютценская прокламация Наполеона от 3 мая 1813 года. Всячески распространялись слухи о грабительстве русских, особенно казаков. Французский император хочет организовать «народное сопротивление» по типу «крестьянской войны в Испании» и «войны 1812 года в России». С помощью газет и прокламаций общественному мнению страны внушается мысль о полнейшей несовместимости мирных условий союзников с национальным достоинством, о том, что коалиция якобы хочет разделить Францию, довести ее до позора и нищеты.

Опыт борьбы Бонапарта за общественное мнение не прошел незамеченным для его противников, даже весьма далеких от переднего края борьбы за умы людей. Так, генерал-адъютант граф А. И. Чернышев в своей записке от 8 ноября 1813 года предупреждал: «Вступление во Францию теперь не за горами, но союзники могут там завязнуть, если они не привлекут на свою сторону общественное мнение». Для того чтобы «оторвать Наполеона от Франции», А. И. Чернышев предлагал «в кратчайший срок составить документ и изложить в нем цели войны; отношение к французскому народу — война ведется с Наполеоном, а не с Францией; ясные условия мирного договора»¹²³.

Еще раньше, в марте 1813 года, в записке поступавшего на русскую службу генерала В. Моро, отмечалось, что в

листовках и манифестах следовало «заявлять только о ненависти к тирану, о мире, умеренности, полнейшем снисхождении ко всем мнениям в отношении той формы правления, которую бы захотели установить. Эта неопределенность, полагал Моро, диктовалась необходимостью борьбы с пропагандой Наполеона. Ибо, если объявить во всеуслышание о том, что союзники хотят восстановить Бурбонов, то тогда «те, кто приобрел национальные имущества, некоторые из республиканцев и многие из эмигрантов, оставившие своего прежнего государя (Людовика XVI) и служившие новому (Наполеону), будут устранены». Этим не замедлит воспользоваться Наполеон, сплотив, несмотря на катастрофу 1812 года, широкие слои новых собственников. Нельзя говорить и о республике, так как «Бонапарт укажет на Робеспьера и якобинцев, если бы захотели установить республику в одном из тех видов, в которых она являлась уже во время революции»¹²⁴.

О сложности положения союзников накануне вступления во Францию отмечал и Е. В. Тарле: «Союзники боялись народной войны, всеобщего ополчения, вроде того, которое в героические времена Французской революции спасло Францию от интервентов и от реставрации Бурбонов»¹²⁵.

В ходе изменения обстановки менялась и наполеоновская пропаганда. В 1814 году она стала более радикальной, и речь шла уже не только о защите «естественных границ» Франции, но и завоеваний революции¹²⁶. Сенатор Монж «от имени Наполеона» поместил в «*Moniteur*» воззвание к французским крестьянам «Вооружайтесь!». Префект департамента Сены барон Шаброль издает несколько прокламаций «К добрым жителям Парижа», в которых призывает их идти в Национальную гвардию. Префекты обращались к старикам, бывшим национальным гвардейцам: «Вступайте во вспомогательные отряды регулярной армии»¹²⁷.

Союзники, хорошо информированные об усилиях наполеоновской печати, принимали контрпропагандистские меры. Так, в письме М. И. Кутузова Александру I от 25 ноября 1812 года обсуждается вопрос о перенесении военных действий за русскую границу, и в частности в Пруссию. Кутузов поставил перед императором вопрос о необходимости строгого разграничения между собственно неприятелем и народом, «который по несчастным обстоятельствам вовлечен

в сию войну»¹²⁸. После получения этого письма сам Александр I составил проект воззвания к населению Пруссии, в котором развивались основные идеи предложения главнокомандующего. Предполагается, что в подготовке окончательного варианта воззвания принимал участие и К. Нессельроде, который отмечал: в начале декабря 1812 года «перед отъездом государь поручил мне составить прокламацию к пруссакам»¹²⁹. 6 декабря 1812 года препроводил Кутузову текст воззвания, с приказанием издать его от имени главнокомандующего на французском и немецком языках¹³⁰. Не позднее 26 декабря 1812 года «Воззвание М. И. Кутузова к Пруссии с призывом выйти из наполеоновской коалиции» было напечатано. В основу его был положен тезис о Пруссии как не враждебном, а дружественном государстве, насильственно втянутом в войну с Россией.

В связи с этим в листовке говорилось: «В то время когда армия, находящаяся под начальством моим, переходит чрез прусскую границу, его императорское величество, всемилостивейший государь мой, поручил мне объявить, что мера сия должна почитаться единственно необходимым последствием военных действий. Пребывая верным правилу, которым руководствовался во все времена, государь император не имеет в виду никакого завоевания. Чувствования умеренности, всегда отличавшие его политику, не изменились и после решительных успехов, которыми небесное провидение благословило его законные усилия. Независимость и мир будут следствием оных. Его императорское величество предлагает их с своею помощью всем народам, которые, будучи ныне увлечены против его, оставят сторону Наполеона, следуя единственно своей пользе. Приглашаю их воспользоваться счастливыми успехами, которые предоставлены им российскими войсками, и вновь соединиться с ними для преследования врага, коего бессилие явствует из поспешного его бегства»¹³¹.

Министр иностранных дел Н. П. Румянцев, ознакомившись с этим воззванием, нашел, что провозглашенное в нем обязательство России «не относиться к Пруссии как к враждебному государству» поставит это государство в равноправное положение с Россией, что в тот период, по его мнению, не соответствовало ни русским национальным интересам, ни

целям русской дипломатии. В письме Александру I от 4 декабря 1812 года Н. П. Румянцев предложил, чтобы перед вступлением в пределы немецких государств наряду с воззванием к жителям Пруссии от имени русского командования была издана другая прокламация, обращенная уже к народам всей Германии. Здесь же Н. П. Румянцевым было дано подробное изложение предполагаемой прокламации¹³². Это изложение совпадает с текстом «Воззвания к народам Германии»¹³³, что позволяет исследователям считать Н. П. Румянцева его автором. В ней русское командование, призывая германский народ оказать содействие армии России и объединиться в борьбе за независимость своей родины, отмечало: «Вследствие целого ряда злосчастных событий ваше отечество стало добычей наглого и жестокого врага. Мой все милостивейший государь знает, как тяжело вы страдаете, и Его величество тем более горячо сочувствует вам, что в его собственных жилах течет немецкая кровь. Исходя из тех родственных связей, которые соединяют его с многими немецкими князьями, Его величество всегда питало к немецкой нации то уважение, которого действительно заслуживает столь многочисленный, просвещенный и благородный народ. Из этого чувства горячей симпатии к судьбе Германии, естественно, вытекает и стремление Его величества освободить вашу страну от ее угнетателей и вернуть ей ее прежнюю свободу и независимость»¹³⁴.

В отличие от этих воззваний, всячески прославляющих освободительную миссию Александра I по отношению к европейским народам, в воззвании русского командования к французским солдатам с призывом о прекращении военных действий против России, выпущенном в 20-х числах декабря, отсутствует какое-либо упоминание имени царя. Вместе с тем в этой листовке сурово обличается деспотизм Наполеона, противопоставляются его узурпаторские устремления целям и желаниям народов Франции, ее национальным интересам¹³⁵.

В 1813 году при Министерстве иностранных дел России, не без активного содействия его главы Н. П. Румянцева, создается специальный отдел для ведения пропаганды за границей (так называемое «ведомство П. Г. Дивова»). Оно издает газету на французском языке «Conservateur Impartial»

(1813—1824). $\frac{4}{5}$ площади страниц этого главного рупора русской внешнеполитической пропаганды в 1813—1814 годах отводилось описанию хода военной кампании и перепечатке наполеоновских декретов, прокламаций.

Публикуемые документы французского императора и его чиновников комментировались. Так, 20 февраля 1814 года «*Conservateur Impartial*» по поводу упоминаемых выше прокламаций префекта барона Шаброля с призывом к парижанам идти в Национальную гвардию сообщал: «Запись в нее значительна, но в нее идут безработные, бродяги, низкий люд. Однако Национальная гвардия хороша в полиции и в гражданской войне, но что она может сделать против регулярных войск?» Комментарий этот больше рассчитан на успокоение русских читателей-дворян. 25 февраля того же года, перепечатывая сообщение из «*Gazete de Berlin*» о намерении французского правительства организовать народное сопротивление по типу «крестьянской войны в Испании», «*Conservateur Impartial*» недоумевает: «Народ не восстанет, несмотря на все прокламации наполеоновских префектов».

В приказах и воззваниях Александра I и его военачальников предпринимаются контрпропагандистские меры с целью расположить к себе население Франции и ее союзников, предупредить возможность национального сопротивления. Ярким отражением этого стал приказ русским войскам Александра I 6 января 1814 года во Фрейбурге: никаких эксцессов на территории Франции, расстрел за грабежи и мародерство; «любите ваших врагов, платите добром тем, кто вас ненавидит. Солдаты! Я верю в ваше умеренное поведение»¹³⁶.

Умудренные многолетней борьбой против Наполеона, европейские монархи не только в декларациях, но и при проведении реальной политики давали понять миллионам собственников во Франции, и прежде всего крестьянам, а стало быть, солдатам наполеоновской армии, что в самом главном вопросе — о бывших церковных и дворянских землях, доставшихся в ходе революции буржуа и крестьянству, — не будет возврата к прошлому. В этом был основной козырь союзнической политики по «отделению» Наполеона от Франции, ибо в данном случае все сводилось лишь к смене династии в стране.

Завершающим аккордом информационной акции союзников по «отделению» Наполеона от Франции стала «операция

Сенат». Ее начало было положено Франкфуртской декларацией 1 декабря 1813 года, 20 тысяч экземпляров которой было заброшено во Францию и распространялось там «всеми доступными союзникам средствами»¹³⁷. Хотя декларация была составлена в туманных выражениях, она выбивала у Наполеона его главный пугающий козырь — «уничтожение и расчленение Франции». В декларации гарантировались «естественные границы» Франции 1792 года. Замолчать эту декларацию было нельзя. Либерал Б. Констан откликнулся на нее сенсационной брошюрой «Дух завоевания и узурпации в их отношении к европейской цивилизации», где резко осуждал завоевательную политику Наполеона и его военный деспотизм. Одним из важнейших результатов распространения Франкфуртской декларации стало также возникновение сильной оппозиции в Законодательном корпусе и Сенате.

В связи со все усиливавшейся союзной пропагандой на Францию и ростом недовольства в Париже и провинции продолжением войны Наполеон решил нейтрализовать эти настроения, предприняв политико-пропагандистский маневр в национальном масштабе. С этой целью в декабре 1813 года он созвал Законодательный корпус, надеясь, что он, как обычно, покорно исполнит волю императора и отвергнет Франкфуртскую декларацию союзников, а уже министр полиции постарается создать в подконтрольной печати «патриотические адреса», манифестации и т. д., т. е. даст возможность запугать союзников угрозой «12-го года» во Франции. Но получилась крупная осечка. В подготовленном комиссией Лэне докладе рекомендовалось принять условия Франкфуртской декларации и заключить на ее основе немедленный мир. Настоящим ударом по планам Наполеона было голосование по докладу Лэне — он был принят 223 голосами против 31, с рекомендацией немедленно его отпечатать¹³⁸.

Наполеон предпринял меры к тому, чтобы не допустить оглашения доклада комиссий Лэне. Однако его успели не только огласить в Законодательном корпусе, но и отпечатать в типографии. Бонапарт приказал конфисковать весь тираж, но некоторые экземпляры доклада уцелели и вместе с тезисами оппозиционных депутатов и сенаторов не без их содействия попали за границу, в выдержках перепечатаны в анг-

лийских и германских газетах, а затем были подхвачены всей союзнической печатью.

1 января 1814 года «*Conservateur Impartial*» в перепечатке из «*Gazette de Berlin*» на целую полосу дал материал об оппозиции Наполеону не только в Законодательном корпусе, но и в Сенате. Была опубликована резкая перепалка 27 декабря 1813 года между председателем сенатской комиссии по рассмотрению Франкфуртской декларации графом Фонтэном и Наполеоном. Фонтэн заявил, что комиссия Сената после пятидневных дискуссий пришла к выводу: «Франция должна немедленно заключить мир на основе предложений союзников».

4 февраля 1814 года «*Conservateur Impartial*» поместил обширный комментарий «Размышления о речи г-на Фонтэна и ответ Наполеона». В словах анонимного «газетного чиновника» слышалось ликование: Сенат против Наполеона, его трон трещит, победа близка! Франция «ждет своего законного монарха» (но снова никакого упоминания о Бурбонах, и читатели могли лишь гадать, кто «законней» — Бурбоны, Бернадот, герцог Орлеанский или «римский король» Наполеон II?). Вывод комментатора был недвусмыслен: Наполеон боится общественного мнения Франции, «он стремится отвратить грозу... он просит мира, но этот мир есть лишь передышка или, лучше сказать, ловушка».

Противостоять информационному влиянию союзников в стране, обескровленной непрерывными войнами, уставшей от посильных конскрипций, новых налогов и реквизиций, Наполеону было нелегко, тем более что военная мощь Первой империи, сломленная в 1812 году в России, была окончательно подорвана после «битвы народов» 16—18 октября под Лейпцигом.

Народ устал от многолетних войн, и контрпропаганда союзников находила благодатную почву: «французского 1812-го года» не получилось.

Кутузов и военная пропаганда

Следует заметить, что приезд в начале 1813 года в действующую армию Александра I не только сковал действия Кутузова, но послужил и вехой, которая позволяет четко определить перелом, наступивший в агитационной деятельности

походной типографии. Дело в том, что, согласно военно-юридическому статусу того времени, в случае отсутствия царя в армии главнокомандующий представлял в ней особу императора и был наделен верховной властью. Естественно, что в силу своего положения главнокомандующий был менее скован столичной цензурой. А для походной типографии, освященной его авторитетом, все это имело значение, которое едва ли можно переоценить. В России того времени армейские летучие издания представляли собой, пожалуй, единственный вид печатной продукции, не проходившей официальную (точнее, профессиональную) правительственную цензуру.

В тяжелых условиях отхода войск в глубь страны, когда кровопролитные бои сменялись быстрыми переходами, биваки были кратковременны и со всех сторон наседали части наполеоновской армии, издание агитационной литературы крайне затруднялось. Однако и в этот период походная типография работала весьма напряженно и выпустила ряд очень значительных публицистических произведений. Но самый высокий подъем в ее деятельности наступает после назначения Кутузова. Именно на кутузовский период приходится наибольшее число всех дошедших до нас памятников армейской публицистики. Наряду со старыми формами агитационной работы налаживается выпуск новых изданий, более действенных в меняющейся боевой обстановке. Увеличиваются тиражи листовок, их распространение становится более оперативным. Усилия походной типографии обретают, таким образом, большую целеустремленность и размах, а ее влияние оказывается гораздо разностороннее. Существенно расширяется и круг авторов литературно-публицистических произведений.

Кутузов как главнокомандующий являлся не только военно-политическим куратором походной типографии, его роль была в этом заметно шире, хотя и не всегда раскрывается с должной полнотой. Кутузов намеренно не обнаруживал своего участия в агитационной работе штаба, предпочитая оставаться в тени. Но именно по его указанию предпринимался, как мы видели, выпуск ряда изданий, именно он просматривал наиболее важные агитационные тексты, внося туда нужные коррективы, отдавал распоряжения о рассылке их в войска противника и во внутренние русские губернии.

К этому следовало бы добавить, что многие воззвания и приказы, печатавшиеся в походной типографии, были подписаны Кутузовым и что только с его одобрения тем или иным лицам доверялась подготовка агитационно-политических документов Главной квартиры.

Однако Кутузов, обремененный множеством ответственных обязанностей, не мог каждодневно направлять пропагандистскую работу штаба. Надежным его помощником стал А. Кайсаров, ко времени прибытия Кутузова в армию он оказался уже единственным директором походной типографии. Он стал весьма приметной фигурой в Главной квартире и пользовался со стороны Кутузова особым доверием. Их сближало то, что Кутузов значительно отошел от традиционно дворянских представлений, более широко и непредвзято смотрел на ход событий, развивая передовые для того времени по своему объективному существу стихийно-демократические принципы. Глубоко постигнув в корне изменившиеся условия ведения войны, порожденные в конечном счете последствиями Французской революции с ее массовыми армиями, необычайно расширившимися театрами военных действий, новыми способами комплектования войск и ведения боевых действий, Кутузов как полководец и военный мыслитель встал вровень с требованиями своей эпохи. Это сказывалось и в отношении Кутузова к вопросам воспитания и обучения войск, и в выработанной им новаторской стратегической концепции, и в оценке партизанских действий, и, наконец, в том, что он сумел распознать возросшую силу народа в войне.

Было бы несправедливо, однако, изображать Кутузова какой-то исключительной и одинокой фигурой в русской армии; в том же направлении развивались взгляды других полководцев — его соотечественников, умудренных опытом боевых кампаний конца XVIII — начала XIX века. Многие из того, что здесь было сказано, можно отнести, в частности, к М. Б. Барклаю-де-Толли. Но в ряду современных ему русских военачальников Кутузов с наибольшей последовательностью и размахом воплотил в своих действиях прогрессивные тенденции военного искусства. А это и подводило его неизбежно к признанию высокой роли различных средств агитационно-политического воздействия в деле «управления

духом войск» и гражданского населения. Поэтому воззрения Кутузова на практические задачи военной пропаганды и сближались с замыслами на этот счет А. Кайсарова, которые при поддержке Кутузова получали самые благоприятные условия для того, чтобы быть претворенными в жизнь.

С приездом в действующую армию Александра I сразу же пресекается тираноборческое истолкование борьбы с Наполеоном, проповедь сознательно-гражданской активности крестьянства сменяется религиозно-верноподданническими мотивами, полководческие усилия Кутузова отодвигаются на задний план, на первое же место выступает фигура императора. Исследователи истории жизни Кайсарова предполагают, что ухудшение атмосферы после смерти Кутузова 16 апреля 1813 года, который еще как-то сдерживал вмешательство придворных императора в пропагандистскую работу в армии, вынудило его оставить пост директора походной типографии и перейти в партизанский отряд своего брата Паисия. Майор А. Кайсаров участвовал в боевых действиях и сражался «с невероятной храбростью и истинным геройством». 14 мая 1813 года в силезском городе Ганау, подорвавшись на пороховом ящике, А. Кайсаров трагически погиб.

Смерть его глубокой скорбью отозвалась в сердцах современников. «Вчера слышал я, что Андрей Серг. Кайсаров убит, чему я не верю. Это известие меня поразило», — записывал 29 мая в своем дневнике С. И. Тургенев. Одна из дерптских газет, сокрушаясь по поводу вести о кончине А. Кайсарова, писала: «С гибелью этого одаренного молодого человека погибли для России, а также науки многие прекрасные надежды». Летом 1813 года в «Сыне Отечества» появилась посвященная А. Кайсарову «Некрология», где также отмечалось, что «отечество и науки много в нем потеряли. По первым трудам его можно было ожидать со временем еще лучших. Мир праху его на поле чести»¹³⁹. Близкий сотрудник и единомышленник А. Михайловский-Данилевский в письме Н. И. Тургеневу от 18 мая 1813 года, сообщая о его гибели, писал: «Душевно жалею его. Он имел в Главной квартире много неприятностей, и, желая показать подлецам, какая разница между ним и ими, пошел и, храбро сражаясь, пал»¹⁴⁰.

«1812 год способствовал зарождению публичности как началу общественного мнения»

В период Отечественной войны 1812 года, как никогда до того в России, военная пропаганда была на службе армии, и именно здесь пролегла главная арена информационно-психологической борьбы с наполеоновским нашествием. Немалую роль в ней сыграли люди — это был цвет русской дворянской интеллигенции, причем не только военной, офицерской, но и гражданской по своему положению в обществе. Это были люди передового образа мыслей, озабоченные судьбой своей страны и народа и исполненные высоких патриотических устремлений. Это были люди образованные, и не только владевшие французским языком, но и хорошо знавшие французскую культуру, что помогало им находить лучшие пути влияния на противника и способы нейтрализовать его пропаганду.

Следует заметить, что эпоха правления Александра I является одновременно и апогеем борьбы против Франции и апогеем распространения французской культуры в России. Если перед войной с Наполеоном высший класс России был враждебно настроен против новой Франции, то это потому, что он был слишком предан Франции старого режима. Во французских эмигрантах, в их идеях, в их чаяниях русское дворянство стремилось вновь обрести Францию. Никогда еще в русских дворянских семьях не было такого количества французских наставников — гувернеров, начиная от настоящих родовитых дворян-эмигрантов, а также самозванных маркизов и дворян, которые, чтобы прокормиться, становились преподавателями языков. Генерал Кутайсов, смертельно раненный под Бородином, свои последние слова произносит по-французски. На триумфальной арке, воздвигнутой в Царском Селе в честь побед Александра I над Францией, красуется французская надпись: «Моим товарищам по оружию».

Однако эта эпоха вместе с тем является периодом пробуждения русской литературы, на которой лежит сильный отпечаток увлечения национальными мотивами, т. е. в тот момент — антифранцузскими. Так, Кропотков в «Надгробном слове моей собаке Балаба» поздравляет этого верного слугу с тем, что тот никогда не читал Вольтера. Крылов в своих

комедиях «Урок дочкам» и «Модная лавка» высмеивает, так же как и Ростопчин в своих памфлетах, галломанию. Озеров, автор трагедий классического направления, с 1807 года ставит на сцене «Димитрия Донского»; под татарами, иго которых сокрушил Димитрий, он подразумевает французов. Крюковский в своей трагедии «Пожарский» (герой-освободитель 1612 года) имеет в виду 1812 год. Жуковский пишет оды, классические по воинственному пафосу, высоким слогом пишет «Песнь барда над гробом славян-победителей» (1806) и «Певец во стане русских воинов» (1812). Карамзин, блестящий, добросовестный автор «Истории государства Российского», в своей записке «О древней и новой России» дал настоящий антифранцузский манифест.

24 июня 1812 года, когда войска Наполеона переправились через Неман, россияне повсюду оказывали врагу сопротивление. В этой священной войне русские литераторы мужественно идут в бой: Жуковский сражался под Бородином, Батюшков был ранен при Гейльсберге, Петин убит под Лейпцигом, князя Вяземский и Шаховской служат в казаках, Карамзин вступил в ополчение. Жуковский мотивы своего поступка объяснял тем, что «записался под знамена не для чина, не для креста... а потому, что в это время всякому должно было быть военным, даже не имея охоты...»¹⁴¹. «Военное ремесло есть единственное выносимое для порядочного человека в настоящее время»¹⁴², — отмечал тогда же в своем дневнике С. И. Тургенев, брат и единомышленник декабриста Н. И. Тургенева.

В 1812 году армия оказалась ведущей силой государства, от которой зависели судьбы отечества. Поэтому все то, что шло из армейской среды, властно приковывало к себе внимание современников и было полно для них самого стойкого и животрепещущего интереса. Именно к армии восходили первоисточники всех важнейших представлений о военном положении страны, о ходе боевых действий, о результатах борьбы с иноземным захватчиком.

Тяготение в 1812 году к армии молодого поколения России — примечательная черта эпохи. Движимые высоким патриотическим порывом, самые честные и гражданственно настроенные его представители видели на фронте наилучшую сферу приложения своим силам в годину смертельной угрозы

родине. Мыслящие и литературно одаренные выходцы из этой среды уже в горниле боевых действий по самым различным поводам — то ли в силу внутреннего побуждения, то ли с целью непосредственного отклика на наиболее волнующие события — брались за перо и как хорошо осведомленные очевидцы запечатлевали важнейшие стороны военной действительности. В. Белинский со свойственной ему исторической проницательностью заметил: «Время от 1812 до 1815 года было великою эпохою для России. Мы разумеем здесь не только внешнее величие и блеск... но и внутреннее преуспевание в гражданственности и образовании... 12-й год, потрясши всю Россию из конца в конец... возбудил народное сознание и народную гордость и всем этим способствовал зарождению публичности как началу общественного мнения»¹⁴³.

Основную массу, средоточие и, если можно так выразиться, «душу армейской публицистики в реальной обстановке тех дней составляли летучие издания, выпускаемые Главной квартирой действующей армии»¹⁴⁴, — отмечал в своем исследовании А. Тартаковский. Как мы видели выше, это была очень живая, злободневная, емкая по содержанию и яркая по форме литература. Весьма разнообразна она и в жанровом отношении. Здесь и пронизанные высоким пафосом воззвания, и язвительные памфлеты, и эпически спокойные известия о боевых действиях, и отмеченные глубоким проникновением в суть событий военно-политические обзоры, и даже стихотворения на патриотические темы.

Дальнейшим развитием «публичности», о которой говорил Белинский, явилась обширная публицистическая литература, порожденная национальным подъемом эпохи Отечественной войны 1812 года. Выпуск ее продолжался и в 1813, и 1814, и 1815 годах... В эти годы выходят разного рода брошюры, обзоры кампании, «жизнеописания» прославленных полководцев — общим числом до 150 отдельных книг¹⁴⁵. События войны освещало 20 газет и журналов¹⁴⁶. Война с Наполеоном вдохнула свежую струю в традиционные периодические издания, вызвала к жизни многочисленные проекты новых печатных изданий. Некоторые из них, например журнал «Сын Отечества» и газета «Русский инвалид», широко известные в истории русской журналистики XIX — начала XX века печатные органы, обязаны своим появлением этой войне.

Периодическая пресса России была воодушевлена тем же патриотическим настроением, что и литература: в «Санкт-Петербургских ведомостях», «Московских ведомостях», «Северной почте», «Чтении в Беседе любителей русского слова» и «Русском вестнике» проповедовалась священная война против Наполеона. В «Русском вестнике», редактором которого был писатель и общественный деятель Сергей Николаевич Глинка, печатались сообщения с театра военных действий, статьи, рассуждения и заметки на военную тему, очерки, зарисовки, патриотические стихотворения. Сам С. Н. Глинка печатал почти в каждом номере журнала свои статьи и заметки, многие из которых впоследствии войдут в изданные им «Записки о 1812 годе».

Постоянным сотрудником «Русского вестника» был его брат Федор Николаевич Глинка — автор книги «Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях и Венгрии, с подробным описанием похода россиян против французов в 1805—1806 гг.». Эта книга принесла ему большую популярность не только в военных, но и в широких кругах общества. Федор Глинка служил в действующей армии, принимал участие в ряде сражений, в том числе и Бородинском. Его письма в «Русский вестник» с описанием «событий Отечественной войны и заграничной войны 1812—1815 годов» читались с большим интересом. Они затем войдут в новую книгу Ф. Глинки, которая выйдет в 1815 году, встретит восторженный прием. «Отдельные ее места заучивались наизусть; молодежь всюду возносила славу ее автора»¹⁴⁷. В журнале С. Глинки выступали и другие патриотически настроенные литераторы. Они освещают, воспевают и возвышают фундаментальные ратные ценности России как важную составляющую национального русского характера.

Во многом близко к «Русскому вестнику» в период войн стоял «Вестник Европы» Каченовского. На его страницах впервые были напечатаны такие замечательные произведения на военно-патриотическую тему, как «Слава» Державина¹⁴⁸, «Певец во стане русских воинов» Жуковского¹⁴⁹. Военная беллетристика в «Вестнике Европы» представлена именами и других лучших писателей. В проведении идеи патриотизма, мужества, самоотверженности в защите отечества здесь используются многие жанры прозы и поэзии —

стихотворение, сказка, баллада, рассказ, очерк, историческая заметка, историческая хроника и другие.

В октябре 1812 года в Петербурге при поддержке Александра I начал выходить «Сын Отечества», на титуле которого имелся подзаголовок: «Исторический и политический журнал». Его редактором-издателем был учитель словесности петербургской гимназии и секретарь Цензурного комитета Н. И. Греч, которому сам царь «пожаловал» тысячу рублей на правительственные расходы. Правительство считало необходимым создать еще один полуофициальный общественно-политический орган.

«Сын Отечества» выходил еженедельно, по четвергам, в каждом номере было по 40—50 страниц. Журнал широко освещал кампанию 1812 года, публиковал многие художественные произведения, главным образом стихи, которые были посвящены преимущественно современной и военной теме. Здесь впервые были напечатаны басни Крылова «Волк на псарне», «Обоз», «Ворона и курица» и др. Особенностью «Сына Отечества» являлось глубокое уважение к простому народу, к русским солдатам. В отделе «Смесь» из номера в номер печатались небольшие, на десять—двадцать строк, заметки и зарисовки, изображающие военные будни. Герой этих материалов — рядовой солдат, храбрый, выносливый, находчивый, готовый жертвовать собой в борьбе за свободу родины. Он жизнерадостен, любит шутку, острое слово, веселую задорную песню. В «Смеси» рассказывалось также о мужественном поведении крестьян на территории, временно занятой врагом. «Сын Отечества» печатал солдатские и народные песни. Некоторые из них затем становились достоянием фольклора.

В «Сыне Отечества» особенно часто перепечатывались летучие издания походной типографии Главной квартиры действующей армии. Публикация их здесь по сравнению с неправительственными журналами и газетами была гораздо более оперативной. Если в последних армейские листовки появлялись через два-три месяца после их выпуска в свет, то в «Сыне Отечества» — обычно спустя одну, две или три недели. Причем печатались они в нем, видимо, по текстам типографских экземпляров, присылавшихся прямо из армии. Издатели журнала были вообще хорошо осведомлены об

агитационной деятельности походной типографии, поскольку публикация листовок сопровождалась, как правило, указанием на время и обстоятельство издания их Главной квартирой. Ни один русский журнал 1812 года такого рода сведений не сообщал. Все это позволяет считать, что между походной типографией и «Сыном Отечества» существовали самые непосредственные связи. О том же свидетельствует и особая активность редактора журнала Н. И. Греча в продвижении в столичную печать брошюры «Отступление французов». 26 декабря 1812 года, еще за неделю до публикации брошюры в журнале, Н. Греч представил в цензуру ее типо-графский экземпляр на немецком языке — несомненно, один из выпущенных в армии, — и в тот же день состоялось разрешение на ее первое в России отдельное издание¹⁵⁰.

Предполагается и участие в работе журнала авторов армейских листовок. Выше уже говорилось об анонимной публикации в 12-м номере «Сына Отечества» за 1812 год небольшого очерка Э. Пфуля о последних днях отступления французской армии. Возможно, что он и до, и после того был корреспондентом журнала, автором других помещенных в нем без подписи заметок и писем из армии. Летом 1813 года в «Сыне Отечества» была напечатана биография П. Коновницына, в которой прославлялось воинское искусство и героизм генерала. В редакционном примечании указывалось, что она «доставлена из Главной квартиры российской армии»¹⁵¹. Письмо А. И. Михайловского-Данилевского Н. И. Тургеневу от 18 мая 1813 года несколько уточняет происхождение этого документа: «Я вам пришлю на днях биографию Коновницына. Прошу отдать сию биографию для напечатания в «Сыне Отечества». Это, без сомнения, интереснейшая пьеса, которая будет украшением сего журнала...»¹⁵² Любопытно, что посредником между офицерской средой Главной квартиры и «Сыном Отечества» выступал в данном случае Н. И. Тургенев — близкий друг А. Кайсарова. А. Тартаковский считает, что причастным к составлению этой биографии мог быть кто-то из сотрудников возглавлявшейся им до того походной типографии или даже сам А. Михайловский-Данилевский¹⁵³. «Признаком тесной связи с ней «Сына Отечества», — пишет он, — является и особое внимание журнала к личности А. Кайсарова»¹⁵⁴. Выше упоминалось, что в «Сыне Отечества»

был помещен о нем некролог — обычай довольно редкий для русских периодических изданий того времени. В некрологе обращалось внимание на высокие достоинства А. Кайсарова, его заслуги перед отечественной культурой. Впервые сообщались здесь публично сведения об участии А. Кайсарова в войне. Несколько позднее «Сын Отечества» (1813, № 27) перепечатал принадлежавшую А. Кайсарову «Речь о любви к отечеству», при публикации которой была проявлена столь же точная осведомленность о его общественной и литературной биографии.

Эти широкие и разносторонние связи походной типографии с «Сыном Отечества» представляются обстоятельством далеко не случайным. «Назначение сего журнала было помещать все, что может ободрить дух народа и познакомить его с самим собою» — так определял его программу в октябре 1812 года А. И. Тургенев в письме к П. А. Вяземскому¹⁵⁵. И в самом деле, передовая литературно-общественная ориентация журнала в период войны вскрывается довольно отчетливо благодаря активной пропаганде просветительских в своей основе принципов, которые провозглашались и летучими изданиями походной типографии. Журнал всячески отмечал возросшую силу «общественного мнения» в современных событиях, популяризировал партизанские действия крестьян, в вольнолюбивых тонах истолковывал патриотизм и цели войны¹⁵⁶. Греч ввел в «Сын Отечества» интересное новшество — иллюстрации, содержание которых подчинялось общей патриотической цели журнала. Основной жанр иллюстраций — политическая карикатура, высмеивающая Наполеона и его сподвижников. Рисовали для «Сына Отечества» художники А. Г. Венецианов и И. И. Терещенев. Карикатуры были тесно связаны с отдельными материалами «Сына Отечества». Например, на рисунке, названном «Французский суп»¹⁵⁷, представлены французские солдаты, исхудавшие, одетые в лохмотья; они с жадностью смотрят в котелок над костром, где варится общипанная ворона. Это иллюстрация к соседней заметке в «Смеси», в которой сообщалось: «Очевидцы рассказывают, что в Москве французы ежедневно ходили на охоту — стрелять ворон... Теперь можно дать отставку старинной русской пословице: «Попал как кур во щи», а лучше говорить:

«Попал как ворона во французский суп». В следующем номере появилась басня Крылова «Ворона и курица»¹⁵⁸ на ту же тему.

Война с Наполеоном «Сыном Отечества» понимается как освободительная, как борьба за национальную независимость родины — отсюда и название журнала. Однако в некоторых статьях требование национальной свободы выступало требованием свободы политической. В этом смысле характерна статья профессора политических и нравственных наук царскосельского лицея А. П. Куницына «Послание к русским»¹⁵⁹. В ней автор доказывал, что война России с Францией справедливая, так как ведется за сохранение национальной независимости страны. Поход на Россию осуществлялся не в интересах французского народа, это авантюра Наполеона, который характеризуется как тиран, разрушитель свободы национальной (в отношении к народам захваченных стран) и политической (в отношении к французскому населению). Французы не могут победить, так как они проливают кровь свою за дело их тирана, а победят русские, потому что они борются за свободу отечества. Статья А. П. Куницына призывала русских людей быть мужественными, смело отстаивать независимость и свободу родины, даже если ради этого придется погибнуть. «Умрем свободными в свободном отечестве»¹⁶⁰, — восклицал он. И хотел того Куницын или нет, но эти слова могли восприниматься читателями как призыв к борьбе за свободу не только национальную, но и политическую, против своего «внутреннего» тирана — Александра I. Подобные статьи вызывали критику официальных кругов, журнал был отнесен правительством к недостаточно благонамеренным изданиям¹⁶¹.

Проводя патриотическую тему, «Сын Отечества» не охавал огульно все нерусское. Зарубежный материал отбирается с учетом главной задачи журнала: осуждение тирании и прославление борьбы за свободу. Ряд переводных и оригинальных статей был посвящен национально-освободительному и политическому движению в Испании, Италии, Швеции, Нидерландах. Таковы статьи о борьбе испанского народа против армии Наполеона «Осада Сарагосы»¹⁶², «Гражданский катехизис»¹⁶³, статья профессора западной истории царскосельского лицея И. Кайданова «Освобождение Швеции от тиранства Христиана II,

короля датского»¹⁶⁴, перевод «Вступления в историю освобождения Соединенных Нидерландов» Шиллера¹⁶⁵ и др.

Среди жанровой палитры ведущими в «Сыне Отечества» были публицистическая статья на политическую и военную тему, историческая статья с элементами публицистики, публицистическое послание, очерк. В поэзии преобладали разные виды гражданской («высокой») лирики: ода, гимн, послание, историческая песнь, патриотическая басня. Взволнованность, эмоциональная приподнятость, вопросительно-восклицательные интонации, экспрессивная лексика и фразеология, обилие слов с политической окраской («тиран», «мщение», «свобода», «гражданин», «сограждане») — все это заметно выделяло «Сына Отечества» среди других современных изданий¹⁶⁶. Таким образом, гражданский пафос многих материалов «Сына Отечества» проявлялся не только в отборе тем, их трактовке, но и в самой форме этих материалов, в языке и стиле.

Афиши московского главнокомандующего

Когда речь заходит о летучих листках 1812 года, в нашей памяти возникают обычно не листки походной военной типографии А. Кайсарова и Ф. Рамбаха, а ростопчинские афиши. Сразу же после войны листовки московского генерал-губернатора Ф. В. Ростопчина вызвали шумный интерес в России и за границей, о них много и по-разному писалось до 1917 года и однозначно — «пресловутыми» — называли в советское время. Каково же их реальное значение в информационном противостоянии с наполеоновской пропагандой?

29 мая 1812 года на пост главнокомандующего в Москву был назначен граф Федор Васильевич Ростопчин — генерал-майор, действительный тайный советник, член Коллегии иностранных дел, — в прошлом очень влиятельная фигура при дворе Павла I. Близким положением к императору Ростопчин не раз пользовался для того, чтобы помочь попавшим в опалу. Так, он спас Карамзина от ссылки, угрожавшей ему вследствие одного доноса. Но ни природный ум и хитрость, доставшиеся ему от предков — татар из Крыма, родоначальником которых был один из сыновей Чингисхана, ни прекрасное образование,

полученное за границей, ни знание придворных интриг не спасли его самого от опалы: дважды он отправлялся в отставку Павлом I. Вторично, в 1801 году, он увольняется ото всех занимаемых должностей в связи с его интригой против графа Н. П. Панина, из-за чего Павел I пришел в страшный гнев.

Выйдя в отставку, В. Ф. Ростопчин поселился с своим селе Воронове, откуда по временам выезжал в Москву. В имении он преимущественно занимался воспитанием детей и хозяйством. Результатом хозяйственных занятий Федора Васильевича явилась брошюра «Плуг и соха», вышедшая в 1806 году. Это было первое его литературное произведение, в котором уже обнаружилось отношение автора к слепому заимствованию всего иностранного.

При Александре I для Ф. В. Ростопчина не представлялось возможным вернуться на государственную службу. К проектам реформ молодого императора и его друзей Федор Васильевич как приверженец патриархальных устоев государственной жизни относился отрицательно. Кроме того, Ростопчин неодобрительно высказывался о перевороте 1 марта, в ходе которого был убит Павел I, о чем было известно Александру I.

Государь был настроен против Ростопчина, что, однако, не помешало ему в 1812 году прислушаться к общественному мнению и в целях государственной целесообразности назначить Федора Васильевича военным губернатором Москвы. Указом Сената от 24 мая 1812 года ему был присвоен чин генерала от инфантерии.

Перемена положения Ф. В. Ростопчина также была связана с вновь изменившимся отношением Александра I к Наполеону. Как известно, отношения между двумя императорами не раз переходили от дружеских к враждебным. Барометром этих перемен была российская цензура. Так, с 1802 года в России свободно обращалась в торговле книга «Histoire de Bonaparte», восхвалявшая Наполеона. Но в начале 1807 года, во время войны с Францией, книга эта обратила на себя внимание и была рассмотрена Цензурным комитетом, который нашел, что автор этого сочинения является «подлым обожателем хищников трона». Книга была изъята¹⁶⁷. Но вскоре был заключен Тильзитский мир (25 июня 1807 года), и цензура стала преследовать всякие порицания Наполеона. Особое внимание было обращено на «Русский вестник» С. Н. Глинки, который по-прежнему

враждебно отзывался об императоре французов... С 1812 года Наполеон снова делается узурпатором и антихристом¹⁶⁸.

В. Ф. Ростопчин был не только знаком с С. Н. Глинкой, но оба они были близкие по своему патриотическому духу люди. В 1807 году Федор Васильевич выпустил в свет брошюру «Мысли вслух на Красном крыльце». Главным действующим лицом в сочинении является Сила Андреевич Богатырев, который сетует на слепое пристрастие русских к французам и противопоставляет последним великих людей России как образец для подражания.

Ростопчинское сочинение не было единственным на указанную тему. Примерно в то же время появились комедии И. А. Крылова «Модная лавка» и «Урок дочкам», осмеивавшие те же явления. Эта тема не была нова в русской литературе и журналистике. Еще во второй половине XVIII века она встречается в сатирических журналах. Но «Мысли вслух» Ф. В. Ростопчина и комедии И. А. Крылова приобрели в сравнении с произведениями XVIII века новое значение, вызвали к себе повышенный интерес в связи с отрицательным отношением значительной части русского общества к Наполеону. Критика слепого подражания всему иностранному, особенно французскому, теперь приобрела более актуальный характер ввиду ожидания новой войны с Наполеоном. Вот почему это сочинение графа Ф. В. Ростопчина имело редкий по тому времени успех, разойдясь в количестве 7000 экземпляров.

Успеху брошюры сильно содействовали также оригинальность формы, стиль произведения, которым позже будут отличаться и афиши Ф. В. Ростопчина. «Мысли вслух на Красном крыльце» вообще находятся в тесной связи с афишами не только по своему языку, но также по содержанию и отчасти по цели, которую они преследуют. В брошюре «Правда о Московском пожаре» Федор Васильевич, говоря о цели «Мыслей вслух», заметил, что они были направлены против французского влияния на умы русского народа, стремившегося внушить им мысль о необходимости пасть перед армиями Наполеона. И здесь, как в афишах, Ростопчин пренебрежительно отзывался о Бонапарте: «Италию разграбил, двух королей на острова отправил, цесарцев обдул, пруссаков донага раздел и разул, а все мало! Весь мир захотел покорить — что за Александр Македонский? Мужичишка в рекруты не годится: ни

кожи, ни рожи, ни виденья; раз ударить, так след простынет и дух вон; а он все-таки лезет вперед — на русских»¹⁶⁹.

Исследователь литературной и журналистской деятельности графа Ростопчина в 1812 году Н. С. Тихонравов, указывая на ее связь с более ранними произведениями Федора Васильевича, говорил, что «характер литературной деятельности Ростопчина в 1812 году обнаружился только сильнее, и спасительное действие произведений Ростопчина на массу сказалось осязательнее, чем прежде... Листки летучих брошюр сблизили его с массой, с народом, и, когда в бурное время Отечественной войны он снова, уже как лицо, облеченное государственным значением, возьмется за то же средство поддерживать дух народный, оно выведет его прямо к цели»¹⁷⁰.

«...Излагаемы такой речью, которая употребительнее в простом народе»

Через две недели после назначения Ф. В. Ростопчина военным губернатором Москвы армия Наполеона вторглась в пределы Российской империи. С этого времени московский главнокомандующий извещал население особыми листами, которые вскоре стали называть «афишками», так как они разносились по домам как театральные афиши. При помощи их граф Ростопчин влиял на настроение населения Москвы, держал его в курсе событий, устраняя этим самым распространение нелепых и часто опасных слухов, которым оно склонно верить в военное время. Ростопчин призывал народ сражаться, не щадя жизни, для того, чтобы «государю угодить», уговаривал его «иметь послушание, усердие и веру к словам начальников». «Афишки» выходили в форме обращения к солдату и ополченцу, к жителю Москвы. Ряд исследователей считает, что они отличались грубой подделкой под речь простого народа, под его мировосприятие и были пронизаны безудержным национализмом и шовинизмом¹⁷⁰. Для этих характеристик есть веские основания. Однако следует заметить, что подобный характер пропагандистских изданий утвердился в Европе гораздо раньше, чем в России. Уже рассказывалось, что в Германии был обобщающий образ «немца Мишеля», в США — «простака Ричарда», во Франции — «дядюшки Дюшена». Несомненно, совершенствуя свое образование за

границей, Ростопчин был знаком с сочинениями, писавшими от их имени. И видимо, он решил использовать этот прием для издания своих пропагандистских листовок.

Сам Федор Васильевич в своем сочинении «Московские небылицы в лицах», изданном в 1813 году, так объясняет причину появления своих афиш: «Чернь есть такое существо, в коем живость радости и живость скорби требуют равного обуздания: без сего и то и другое бывает иногда опасно. На виду у всех полз змей прямо к сердцу России. Рассуждающие не теряли упования; но невежды взирали только на расстоянии, какое оставалось неприятелю до Москвы, и по мере сего более и более предавались отчаянию. Если бы правительство своим молчанием попустительствовало этому, то кто докажет, что эти унывшие, оставленные самим себе, из коих некоторые утешения в скорбях своих нередко почерпывают в воспламеняющих струях Бахуса, кто, говорю, докажет, что они остались спокойными и не устремились бы ни к своевольству, ни к буйству?.. Известные листы (афиши) к жителям столицы более были излагаемы такой речью, которая употребительнее в простом народе. С ним-то и надо было говорить, его-то и надо было заставить слушать, чтобы не предавался ни собственным умствованиям, ни посторонним каким-либо уродливым внушениям. В сих листах простонародным языком, знакомым и внятным для черни, забавным для людей средних понятий и достойным удивления в глазах просвященного по той цели, к которой сие средство стремилось и которой оно достигнуло, в сих, говорю, листах, сверх утешения и ободрения народу, напоминаемы ему были обязанности любви и верности к государю и отечеству, внушаемо было презрение к врагу безбожному, предизвещалось о его коварстве и обольщениях, впечатлевались благоразумными убеждениями непреклонность и мужество и пр. Глаголы мудрого подкрепили уныние упованием, обезоружили злоумышление благоразумным внушением народу»...¹⁷¹

Итак, граф Ростопчин, выпуская свои «афишки», действовал с ясно осознанною целью: «благоразумно обуздать» чернь в ее проявлениях скорби при виде того, как враг продвигается к столице, а войска наши все отступают. Надо было не дать народу впасть в отчаяние — иначе последнее грозило большой опасностью.

Чтобы достичь этой цели, Федор Васильевич учитывал психологию простого народа, за что и современники и потомки обвинили его в притворстве, в подделывании под язык и предубеждения народа. Н. В. Барсук, исследовавший ростопчинские афиши перед Первой мировой войной, отмечал, что если этого притворства, подделывания под язык народа не следует допускать власти в нормальное время, когда она должна стараться возвышать народ до себя, а не опускаться, наоборот, до его предубеждений, то в такое беспокойное время, каким был 1812 год, поздно было заниматься его воспитанием. Мудрая политика состояла в том, чтобы, воспользовавшись даже его предрассудками, сулить ввести их в надлежащее русло, не дать им выйти из границ, направить и эти предрассудки к единственной важной тогда цели — к спасению отечества¹⁷².

«Прибаутки — необходимая приправа для популярности афиш»

Первая ростопчинская «афишка» — лубочная картинка с текстом была выпущена 1 июля 1812 года. Конечно, слова выпившего Карнюшки Чихирина, от которого ведется повествование, могут покорибуть современного интеллигентного человека своей хвастливостью, шаржем. Но возбужденному близкой опасностью московскому простонародью они не казались такими. Конечно, могут показаться смешными угрозы Чихирина наполеоновским солдатам: «Как! К нам? Милости просим, хоть на святки, хоть и на масленицу; да и тут жгутами девки так припопоят, что спина вздуется горой... Полно тебе фиглярить: ведь солдаты-та твои карлики!» Но в то опасное время простой народ не столько рассуждал, сколько чувствовал и в этой карикатуре видел истину.

Дали оценку «афишкам» и зарубежные исследователи. Французские авторы восьмитомной «Истории XIX века» о Ростопчине пишут: «В своих патриотических памфлетах против Франции, в своей переписке, в своих воспоминаниях он является одним из наиболее проникнутых французской культурой русских людей, находившихся в то же время под сильнейшим влиянием предрассудков, враждебных Франции. Он выдавал себя за ярого русского человека старого закала, заклятого врага французских мод, идей, парикмахеров и

наставников. Обстоятельства заставили царя назначить Ростопчина московским главнокомандующим. С этой минуты Ростопчин пустил в ход все средства, чтобы воодушевить вверенное его управлению население на борьбу с врагом; он выдумывал разные истории про патриотов-крестьян, распускал слухи о чудесах, издавал бюллетени о победах над французами, снискивал расположение народной массы и духовенства показным благочестием, устраивал крестные ходы с «чудотворными» иконами, приблизил к себе Глинку и других патриотических писателей»¹⁷³.

Германский исследователь Шницлер считает ростопчинские афиши вполне уместными для того времени и в прибавках московского главнокомандующего, которыми полны его обращения к населению, видит необходимую приправу, делавшую афиши популярными¹⁷⁴.

Об умении Ростопчина влиять на народ восторженно также отзывались многие современники. Так, М. Дмитриев пишет, что афиши «производили на народ московский огненное, непреодолимое действие!.. Они много способствовали и к возбуждению народа против Наполеона и французов, и к сохранению спокойствия Москвы». Дмитриев называет Ростопчина «гениальным человеком, понявшим свое время»¹⁷⁵. М. А. Волкова, позднее, правда, изменившая свое мнение о Федоре Васильевиче, писала В. И. Ланской: «Ты не знаешь, что было в Москве с конца июля. Лишь человек, подобный Ростопчину, мог разумно управлять умами, находившимися в брожении, и тем предупредить вредные и непоправимые поступки. Москва действовала на всю страну, и будь уверена, что при малейшем беспорядке между жителями ее все бы всполошилось. Нам всем известно, с какими вероломными намерениями явился Наполеон. Надо было их уничтожить, восстановить умы против негодя и тем охранить чернь, которая везде легкомысленна. Ростопчин прекрасно распорядился»¹⁷⁶.

Еще один современник князь П. А. Вяземский — поэт, литературный критик, академик Петербургской Академии наук — в своих мемуарах «Воспоминание о 1812 году» также признает большое значение афиш Ростопчина во влиянии на народ. Рассказав о том, что Ростопчин отклонил предложение Карамзина составлять афиши, князь Вяземский замечает: «Нечего и говорить, что под пером Карамзина эти

листки, эти беседы с народом были бы лучше писаны, сдержаннее и вообще имели бы более правительственного достоинства; но зато лишились бы они этой электрической, скажу, грубой, воспламенительной силы, которая в это время именно возбуждала и потрясала народ. Русский народ — не афиняне: он, вероятно, мало был бы чувствителен к плавной и звучной речи Демосфена и даже худо понял бы его»¹⁷⁷.

Агенты московского главнокомандующего

В такой момент, который переживала Москва, знание психологического состояния народа было для Ростопчина на первом плане. Следя за настроением народа, он посылал передетых агентов по улицам, приказывая им смешиваться с толпами, собиравшимися в трактирах и кофейнях, а затем сообщать ему об увиденном и услышанном. Он использовал этих агентов и для того, чтобы распустить среди населения определенный слух или опровергнуть то, что считал для распространения вредным. Главным агентом московского главнокомандующего был известный патриот того времени писатель С. Н. Глинка. Он был издателем ежемесячного общественно-политического и литературного журнала «Русский вестник», который выходил в Москве в 1808—1820 годах. Глинка своим журналом способствовал «возбуждению народного духа». В «Русском вестнике» помещалась информация с театра военных действий, печатались статьи, рассуждения и заметки на военную тему, очерки, зарисовки, патриотические стихотворения. Постоянным автором этого журнала был граф Ф. В. Ростопчин. Многие его «афишки» также были опубликованы в журнале Глинки.

«От скорого обнаружения известий... другим слабо верят»

Следует заметить, что работу по «возбуждению народного духа» московский главнокомандующий вел по собственной инициативе, не получая ни от кого приказаний и инструкций. Император на вопрос Ростопчина, как он должен поступать, ответил: «Я даю вам полную власть действовать, как сочтете нужным... Я полагаюсь на вас»¹⁷⁸.

О том, как он информирует население Москвы, граф Ростопчин писал министру внутренних дел А. Д. Балашову: «Публика весьма спокойна, потому что гр. Н. И. Салтыков сообщает мне без замедления журнал военных действий, а его тотчас приказываю печатать в Управе Благочиния и раздавать по городу. Хотя сначала и необыкновенно некоторым показалось, что две столь многочисленные армии могут стоять в близком расстоянии без сражения, но, узнав настоящее положение Наполеона и уверясь, что со стороны нашей производится пагубный для него план, все успокоились и от скорого обнародования известий от меня, а другим слабо верят. Иностранцы весьма осторожны».

Известия не всегда были достоверны

Московский военный губернатор регулярно в своих афишах сообщал населению военные известия. Как он пользовался фактическим материалом для афиш, можно увидеть из сравнения к нему писем генерала П. И. Багратиона, поступивших в канцелярию военного губернатора Москвы 8 и 14 августа с афишей от 14 августа, составленной на основании их.

В первом письме Багратиона говорилось: «Я отрядил с корпусом известного по отличной храбрости ген.-лейт. Раевского, который, перейдя без привала целые 40 верст, к счастью нашему, упредил неприятеля за 6 верст от города и встретил с обыкновенною русским воинам храбростью. Сражение началось с 6 час. утра и, умножаясь постепенно, соделалось с полудня кровопролитнейшим... Храбрость русских воинов превозмогла многочисленность неприятельских сил, предводительствуемых лично французским императором Наполеоном. Неприятель, при всех его усилиях, не допущен к городу за 2 версты и опрокинут... Он терпит крайний недостаток в продовольствии... имеет необходимость в отдохновении и поправлении себя после двухдневных усиленнейших противу нас напряжений всех своих сил, из которых он под Смоленском потерял более 20 000 убитыми и ранеными; в плен досталось нам довольно. Поистине скажу, что герои наши в деле под Смоленском оказали такую храбрость и готовность к поражению неприятеля, что едва ли были подобные примеры»¹⁷⁹.

Ростопчинская афиша от 14 августа близко к письму Багратиона так излагает известие о Смоленском сражении: «Неприятель встречен за 6 верст от города корпусом ген.-лейт. Раевского. Сражение началось с 6 час. утра и с полудня сделалось кровопролитнейшим. Храбрость русских превозмогла многочисленность, и неприятель был опрокинут... Неприятельские войска везде были отражаемы, и русские воины с храбростью и мужеством, им свойственным, на гибель врагов и защиту отечества шли с яростью, призывая имя Господне в помощь... Неприятель, расстроенный столь сильным поражением, остановился и, потеряв больше 20 000 человек...»¹⁸⁰

Во втором письме (14 августа) князь Багратион сообщал дальнейшие подробности Смоленского сражения: «...Наша потеря в 3 дня около 4000, и двух генералов мы лишились: Скалона и Балла... Против меня даже бросали ружья и все с себя кидали, кричали «пardon». Божусь Вам Богом, что 3 полка нашей кавалерии и 3 полка казаков опрокинут 60 эскадронов и самого Мюрата... Постарайтесь ризницы богатые вывозить... чтоб им не достались. Признаюсь, читая сию минуту ваше письмо, обливаюсь слезами от благородности духа и чести вашей. Истинно так и надо: лучше предать огню, нежели неприятелю. Ради Бога, надо разозлить чернь, что грабят церкви и женский пол насильничают; это надо расказать мужикам»¹⁸¹.

В своей афише граф Ростопчин поместил из этого письма только ту часть, в которой сообщались военные известия. Вот эта часть афиши: «С нашей стороны урон убитыми и ранеными простирается до 4000 человек; в числе первых два храбрые генерала: Скалон и Балла. В плен взято множество войска, и целые неприятельские батальоны кидали ружья, чтоб спасти жизнь. Три полка нашей кавалерии и три казаков опрокинули 60 эскадронов неприятельской кавалерии под начальством Неаполитанского короля»¹⁸².

Таким образом, Ростопчин позволил себе высказанное Багратионом лишь предположительно мнение, «что три полка нашей кавалерии и три полка казаков опрокинут 60 эскадронов и самого Мюрата», переделать в уже состоявшийся факт: «опрокинули». Это позволяет сделать вывод что воздействуя на общественное мнение, Ростопчин не

всегда заботился о сообщении населению Москвы достоверных военных известий, а при возможности стремился их приукрасить. Это подтверждается и другими сравнениями.

Сознательно ли вводил Ростопчин в заблуждение население?

После сдачи французам Смоленска паника стала овладевать москвичами, боявшимися, что Москва скоро будет занята неприятелем. Многие начали уезжать из столицы, другие не знали, как им поступить. Чтобы не дать панике более усилиться, граф Ростопчин 17 августа выпустил афишу, в которой говорил: «А я рад, что барыни и купеческие жены едут из Москвы для своего спокойствия. Меньше страха, меньше новостей; но нельзя похвалить и мужей, и братьев, и родню, которые при женщинах отправились... Если по их есть опасность, то не пристойно; а если нет ее, то стыдно. Я жизнью отвечаю, что злодеев в Москве не будет, и вот почему: в армиях 130 тысяч войска славного, 1800 пушек и Светлейший князь Кутузов, истинно Государем избранный Воевода Русских сил и надо всеми начальник; у него сзади неприятеля генералы Тормасов и Чичагов, вместе 85 тысяч славного войска; генерал Милорадович из Калуги пришел в Можайск с 36 тысячами пехоты, 3800 кавалерии и 84 пушками пешей и конной артиллерии. Граф Марков через три дня придет в Можайск с 24 тысячами нашей военной силы, а остальные 7 тысяч вслед за ним. В Москве, в Клину, в Завидове, в Подольске 14 тысяч пехоты. А если мало этого для погибели злодея, тогда уж я скажу: дружина Московская! Пойдем и мы! И выйдем сто тысяч молодцов, возьмем Иверскую Божию Матерь да 150 пушек и кончим дело вместе...»¹⁸³

Эта афиша имела надлежащее воздействие: многие прониклись уверенностью, что врага в Москве не будет. Современники в своих воспоминаниях признавались, что им после этого было стыдно уезжать из столицы. Но когда французы заняли Москву, то на Ростопчина посыпались обвинения в том, что он своими успокоительными афишами ввел многих в заблуждение, не дал своевременно выехать из Москвы, а главное — вывезти имущество.

Сознательно ли вводил Ростопчин в заблуждение население Москвы? Есть свидетельства, что он, видя отступление нашей армии, неоднократно спрашивал М. И. Кутузова о его дальнейших намерениях. Но Михаил Илларионович «по свойственной ему хитрости и скрытности характера отмалчивался и ничего не отвечал»¹⁸⁴.

В одном из писем Ростопчин спрашивал: «Не зная предположений вашей светлости насчет безопасности столицы, мне вверенной, отправил нарочного к вам, чтобы ответом вашим решиться на отправление важных предметов, здесь находящихся. Извольте мне сказать, твердое ли вы имеете намерение удержать ход неприятеля на Москву и защищать град сей? Посему и приму все меры: или, вооружа всех драться до последней минуты, или, когда вы займетесь спасением армии, я займусь спасением жителей, и со всем, что есть военного, направлюсь к вам на соединение»¹⁸⁵.

Ответ Кутузова был лаконичным и неопределенным: «Ваши мысли о сохранении Москвы здравы и необходимо представляются»¹⁸⁶.

Кутузов до последнего дня не переставал подавать надежду Ростопчину на то, что он не сдаст столицы без боя и сделает все для ее спасения. 21 августа Кутузов прислал московскому главнокомандующему письмо для опубликования населению столицы, в котором он уверял, что «все движение» войск «направлено... к спасению первопрестольного града Москвы». Здесь он еще писал: «С сокрушенным скорбным сердцем извещаю я, что увеличенные насчет действий армий наших слухи, рассеиваемые неблагонамеренными людьми, нарушают спокойствие жителей Москвы и доводят их до отчаяния. Я прошу покорнейше ваше сиятельство успокоить и уверить их, что войска наши не достигли еще до того расслабления и истощения, в каком, может быть, стараются их представить. Напротив того, все воины, не имев еще доньше генерального сражения, оживляясь свойственным им духом храбрости, ожидают с последним нетерпением минуты запечатлеть кровью преданность свою к августейшему престолу и отечеству... Прошу ваше сиятельство уверить всех московских жителей моими сединами, что еще не было ни одного сражения с передовыми войсками, где бы наши не одерживали поверхности; а что не

доходило до главного сражения, то сие зависело от нас — главнокомандующих»¹⁸⁷.

Как видно, из таких категорических заявлений главнокомандующего русской армии Ростопчин мог и сам верить тому, что Москву не сдадут. В то же время Кутузов был заинтересован, чтобы в тылу его армий, особенно в Москве, не было паники.

Воодушевление надежд на могущество нового оружия

В это же время Ростопчин выпустил афишу, в которой он сообщал, что вскоре будет сделан и запущен воздушный шар «к вреду и погибели» французов, «на котором полетят 50 человек куда захотят и по ветру, и против ветра». Этой афишей он уведомлял, чтобы, «увидя» шар, москвичи не думали, что он от «злодея», и вселялась надежда в могущество нового оружия, которое позволит одержать победу над врагом. Действительно на строительстве воздушного шара в Москве работали русские мастера, возглавляемые прибывшим из-за рубежа его конструктором Леппихом. В создании воздушного шара были заинтересованы Александр I, военный министр генерал А. А. Аракчеев. На его строительство отпускались значительные средства, но осуществить задуманное не удалось из-за несовершенства технологии того времени. Но сам факт его строительства Ф. В. Ростопчин использовал для воодушевления населения Москвы¹⁸⁸.

Призыв к партизанской борьбе

Оставив 2 сентября Москву, Ростопчин следовал вместе с армией, пока она была в Московской губернии. 20 сентября он обращается через афишу к «крестьянам, жителям Московской губернии», в которой говорит о бесчинствах французов: «...Злой француз вошел в Москву; предал ее мечу, пламени; ограбил храмы Божии; осквернил алтари непотребствами, сосуды пьянством, посмешищем...; разграбил дома, имущество; надругался над женами, дочерьми, детьми малолетними; осквернил кладбища». Далее в этой

афише Ростопчин предостерегал крестьян от внушений Наполеона: «...Теперь, как самому есть нечего, то пустил своих ратников, как лютых зверей, пожирать и в круг Москвы, и вздумал ласкою звать вас на торги, мастеров на промысел, обещая порядок, защиту всякому. Уж ли вы, православные, верные слуги царя нашего,.. на его слова положитесь и дадитесь в обман врагу лютому, злодею кровожадному? Отымет он у вас последнюю кроху, и придется вам умирать голодною смертью; проведет он вас посулами, а коли деньги даст, то фальшивые...»¹⁸⁹

В этой же афише граф Ростопчин призывал крестьянское население Московской губернии к партизанской войне против французов: «Уж им один конец: съедят все, как саранча, и станут тенью, мертвецами непогребенными; куда ни придут, тут и вали их живых и мертвых в могилу глубокую. Солдаты русские помогут вам: который побегит, того казаки добьют; а вы не робейте, братцы удалые, дружина московская, и, где удастся поблизости, истребляйте сволочь мерзкую, нечистую гадину!..»¹⁹⁰

С похвалой и угрозой

После освобождения Москвы Ростопчин был особенно озабочен грабежами господских усадеб крестьянами. В изданной 20 октября афише он обращается к «крестьянам Московской губернии»: «По возвращении моем в Москву узнал я, что недовольны были тем, что ездили и таскали, что попало на пепелище, еще вздумали грабить дома господ своих по деревням и выходить из послушания. Уже многих зачинщиков привезли сюда. Неужели вам хочется попасть в беду? Славное сделали вы дело, что не поддались Бонапарте, и от этого он околел с голоду в Москве, а теперь околеваает с холоду по дороге, бежит, не оглядываясь... Ну, так Бонапарта наслушались, а теперь слушаетесь какого-нибудь домашнего вора. Ведь опять и капитан-исправники и заседатели есть на месте. Гей, ребята! Живите смирно, да честно; а то дураки, забиячи голы, кричат: “Батюшка, не будем!”»¹⁹¹.

Как видно, похваливая за славное дело, угрожая наказанием, призывая не слушаться зачинщиков, увещевая жить «смирно, да честно», граф Ростопчин стремился воздействовать на сознание крестьян.

Опровергая слухи

Последняя афиша графа Ростопчина, подписанная им 25 декабря 1812 года, была направлена против слухов, что «в Москве есть заразительные болезни». В афише говорится: «Доказательством, что их не было и нет, служит приезд ежедневно множества здешних жителей, занимающихся: иные поправлением, другие построением домов, коих число простирается до 70 000 человек. Уже построено до 3000 лавок, в коих торгуют и на торгах нет проезда...»¹⁹² Таким образом, фактами, примерами, описанием возобновленной московской жизни Ростопчин опровергает «нелепые слухи, распространенные легковесием и выпущенные за заставу каким-либо лжецом, трусливым болтуном или из ума выжившим стариком»¹⁹³.

В чем заслуги Ростопчина

После изгнания французов из Москвы нарастало недовольство Ростопчиным: потерявшие свое имущество обвиняли его в обмане и организации московского пожара, многие вменяли ему в вину национализм и шовинизм, заигрывание с простым народом. Резкой критике он подвергался за репрессии в 1812 году против русских, заподозренных в либеральных или «иллюминатских» идеях, против распространителей слухов, благоприятных Наполеону. Особенно досталось Ростопчину за его приказы окатывать болтунов водой и давать им слабительное, наказывать розгами иностранцев, хваливших Наполеона, а также за то, что одного русского, виновного в том же преступлении, велел зарубить саблями¹⁹⁴ за то, что он сослал в Нижний Новгород 40 французов и немцев. Обостренные отношения сложились у него с императором. Все это привело к отставке Ростопчина от должности московского главнокомандующего в 1814 году. Но зато за границы, особенно в Англии, Ростопчин встречал в последующие годы восторженный прием со стороны населения, приписывавшего ему значительную заслугу в разгроме Наполеона. В Берлине отцы приводили детей на встречу с ним, в Ливерпуле его именем называли одну из площадей¹⁹⁵. Умер Ф. В. Ростопчин в 1826 году. На его памятнике была высечена сочиненная им самим эпитафия: «Среди своих детей покоюсь от людей».

В заслугу Ф. В. Ростопчину как организатору информационно-психологических действий следует поставить осознание им необходимости в информировании населения о военных событиях, что было присуще не всем высокопоставленным российским чиновникам в 1812 году; использование в афишах языка, знакомого и понятного для простого народа; широкое применение в тексте листовок забавных, остроумных поговорок, способствовавших популярности афиш; обращение к иррациональным компонентам общественного сознания, национальным и религиозным предубеждениям русского народа, его социальным установкам; замалчивание неблагоприятных известий и преувеличивание выгодных новостей; использование для убеждения населения фактов, цифр, свидетельствующих о могуществе своих вооруженных сил; осмеяние неприятеля; обвинение его в жестокости, зверствах на захваченной территории; изучение психологического состояния народа и учет его настроения в составлении текстов афиш; поднятие духа народа сообщением о создании нового оружия; убеждение народа не доверять словам противника, искажение аргументов враждебной пропаганды; призыв народа к партизанской войне против французов; активность информационного воздействия на население, особенно в трудный период военных действий; воздействие похвалой на восставших против господ крестьян за прошлые добрые дела и устрашение об ответственности за преступления, убеждение их советом и уговором вести себя благоразумно.

Информационная акция «Русского инвалида»

февраля 1813 года в Петербурге вышел первый номер газеты «Русский инвалид». Ее появление произошло в тот период, когда участие России в наполеоновских войнах сильно истощило государственную казну и дало массу жертв — инвалидов, вдов, сирот, которых государство было совершенно бессильно брать на свое иждивение. Это ставило пострадавших борцов за Россию и их семьи в безысходное положение. И вот именно в это время на помощь инвалидам явилась частная инициатива в лице никому не известного чиновника —

коллежского советника Павла Павловича Пезаровиуса, который придумал издавать газету, с тем чтобы весь доход от издания, за вычетом издержек на печатание, употребить «на вспоможение инвалидам, солдатским вдовам и сиротам»¹⁹⁶.

В этом человеке не было ничего такого, что предвещало бы успех газете. П. Пезаровиус никогда не подвизался на журнальном поприще, не имел средств, не знал даже, как назвать газету, когда отправился к министру просвещения просить разрешения издавать ее. Лишь в приемной министра пришла ему мысль назвать свою газету «Русский инвалид»¹⁹⁷. Получив разрешение, он долго не мог найти владельца типографии, который рискнул бы иметь дело с таким неопытным издателем. Все-таки такой человек нашелся в лице известного учредителя книготорговца А. А. Плюшара, учредителя типографии в Петербурге, издателя многих книг, в том числе энциклопедий. Свое согласие Плюшар оговорил таким условием: «По мере того, как будут появляться подписчики, мы станем печатать газету, а если через месяц их не прибудет — закроем лавочку»¹⁹⁸.

В специальном «Известии», появившемся накануне выхода первого номера «Русского инвалида», сообщалось:

«Под сим названием «Русский инвалид» и форматом выйдет завтра, февраля 1 дня, еженедельное издание, историческо-политического содержания, в котором будут помещаемы следующие предметы: выписки из военных происшествий, обозрения и суждения об оных: черты любви к Отечеству и храбрости, извлеченные из древней и новейшей Российской и из Всеобщей истории; всякие в продолжении сей войны происходящие славные деяния, являющие храбрость, человеколюбие, отважную решительность и личное пожертвование для блага общего; иностранные известия, сколько-нибудь любопытные для читателя листков сих; направление общего мнения о нынешних происшествиях, к настоящей цели; и, наконец, всякое хорошее умопроизведение, важное или шуточное, когда оно согласно будет с целию сих листков.

Издатель, отрицаясь от всякой личной выгоды за сей труд, намерен весь остаток за вычетом нужных на напечатание издержек, употребить на вспоможение инвалидам, солдатским

вдовам и сиротам. А дабы большая часть публики могла пользоваться изданием сим, то полагается цена оному самая умеренная: за весь год, составляющий 52 номера, которые будут выходить на русском и немецком языках еженедельно по субботам, здесь в Санкт-Петербурге 12, а с пересылкою в другие города 15 руб. банк. ассигн. Каждый из г-д подписавшихся имеет право представлять о раненых и увечных в нынешнюю войну, и об учинившихся чрез то солдатскими вдовами и сиротами, для доставления им нужного пособия. Публика ежемесячно извещается будет о тех, кои получают вспоможение, о количестве выданных им сумм и о наличности всех денег, поступивших в кассу.

От вас, любезные сограждане, ожидаю я теперь благосклонной помощи. Только соединенными силами можем свершить предполагаемое доброе дело. Еще повторяю, что не личные какие-либо выгоды побуждают меня к предпринятию труда сего; но единственно священная признательность к героям, сражавшимся за наше спокойствие и независимость, и желание содействовать, по возможности моей, к облегчению участи вдов и детей храбрых воинов, павших на поле чести за любезное Отечество. Намерение благо — средства позволительные — да будет же и конец благоуспешен!

Подписка принимается наперед только в типографии г-на Плюшара, в доме Кутайсова, где «Русский инвалид» будет печататься, раздаваться и за 3 р. в год доставляться в дом. Иногородние благоволят адресоваться в газетную экспедицию С.-Петербургского почтамта.

*Издатель коллеж. сов. и кавалер
Павел Пезаровиус.*

«Известие» вышло 31 января 1813 года на русском и немецком языках — за день до выхода «Русского инвалида» № 1. Предполагается, что в 20-х числах января Пезаровиус завершил переговоры с Плюшаром, а в конце января подготовил как объявление о предстоящем выходе газеты, так и ее первый номер. Весьма возможно, что он успел разослать «Известие» заблаговременно некоторым известным ему особам, знакомым, сослуживцам, на поддержку которых он мог рассчитывать. Подписка вначале шла очень туго — на первый номер подписалось только 12 человек. Но в числе

подписавшихся были лица царской семьи. Объявляя свой «первый месячный отчет о состоянии кассы «Русского инвалида», Пезаровиус с гордостью отметил, что «в приходе состоит»¹⁹⁹.

«От Ее величества государыни императрицы Елизаветы Алексеевны за 2 экземпляра (Русского инвалида) — 300 рублей, из коих, за вычетом 24 рублей на издержки (по изданию), поступило на вспоможение инвалидам	276 руб.
Тоже от государыни императрицы Марии Федоровны (500—24)	476
Тоже от великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича (600—24)	576
Тоже от великой княжны Анны Павловны (200—12)	188
Итого в кассе на вспоможение инвалидам состоит	1516 руб.».

Зарубежные новости газеты

Содержание первых номеров «Русского инвалида» было таково, что они не могли привлечь внимания читателей. В нем перепечатывались донесения о действиях нашей армии за границей, статьи из «Северной пчелы» и помещались переводы из старых заграничных газет. «Этот недостаток в новостях,— говорил Пезаровиус,— ...происходил от того, что я не подумал о необходимости выписать хоть одну иностранную газету»²⁰⁰.

В течение всего первого месяца статьи из иностранной печати переводил известный ученый Александр Христофорович Востоков, который являлся первым сотрудником «Русского инвалида»²⁰¹. Также в это время Пезаровиусу предложили свои услуги два молодых чиновника (имена их неизвестны), которые взялись переводить прокламации «к немецкому народу», которые печатались в армии и присылались Пезаровиусу полковником Эйхеном, получавшим их от штаба действующей армии. Таким образом, полковника Эйхена приходится считать первым корреспондентом «Русского инвалида». Самым ценным сотрудником для газеты оказался почтамтский цензор Оденталь, к которому для проверки поступали все иностранные газеты. Поэтому он имел возможность давать переводы разных сенсационных сообщений из зарубежной печати раньше, чем это могли сделать другие газеты. Вот что писал об Одентале сам Пезаровиус:

«Он принял меня чрезвычайно гордо, когда я был представлен ему, назначил за свои занятия плату, на которую я, не задумываясь, согласился, хотя не знал, откуда возьму на этот предмет денег, и, наконец, сказал мне: «Я уверен, что вы каждый раз тотчас же будете ко мне являться, как только я пришлю за вами». Хотя я и не понял настоящего смысла этих слов, но обещался аккуратно исполнять его требования...

Через два дня г. О. прислал за мною своего слугу, в полночь. Я уже лег спать, но встал тотчас же, отправился пешком, при сильно мокрой погоде марта месяца, из Гороховой в его квартиру, близ почтамта, и дорогою раздумывал, насколько мне это позволяла мокрота улиц и темнота ночи, о том, к чему бы я мог понадобится г. О. в такое ночное время.

Явясь наконец, совершенно намокший, к нему в комнату, я нашел ее освещенною, а его сидящим за письменным столом и окруженным множеством иностранных газет и журналов. Тут только я узнал, что мой сотрудник цензор.

«Вот, — обратился он ко мне, указывая на стол, близ которого я уселся, — новейшие берлинские газеты. Витгенштейн разбил французов при Лейнкау. Сделайте свои извлечения и передайте мне их страницами, а я тотчас же переведу их на русский язык». Вообразите себе мое удивление и мою радость!.. Ничто не занимало публику в данный момент более известий о действиях наших войск на Одере и Эльбе, и вдруг я очутился у источника их и из которого мог черпать по желанию.

В три часа утра редакция была окончена, и я поспешил со своими рукописями в типографию, на Исаакиевскую площадь, в дом графа Кутайсова, разбудить наборщиков и печатников, и в восемь часов утра публика уже читала в «Русском инвалиде» на двух языках новости, о которых гораздо позже узнала из берлинских газет.

По прошествии некоторого времени разнеслась молва, будто бы «Русский инвалид» так быстро получает известия через курьеров. Вследствие этой молвы, при аккуратном появлении новостей, число подписчиков в Петербурге возросло к концу апреля до 800. Теперь и из губерний начали появляться требования на газету»...²⁰²

Информационная политика издателя

Но не только это обстоятельство помогло росту подписчиков «Русского инвалида». Огромное значение имела благотворительная цель газеты — она тоже привлекала многих подписчиков. Желание помочь искалеченным воинам было велико в русском обществе, и все охотно помогали редакции газеты, которая ежемесячно давала ясный и точный отчет о том, куда шли пожертвованные деньги. Так, в первом отчете, напечатанном 21 февраля 1813 года в прибавлении к «Русскому инвалиду» № 4, говорилось:

«Нижеподписавшийся издатель сего, в пользу инвалидов, солдатских вдов и сирот, посвящаемого журнала («Русского инвалида») обязался в преуведомлении своем извещать ежемесячно публику о состоянии кассы, вырученной с сего издания, поелику он токмо таковою откровенностию в производстве дела своего и строжайшею исправностью в наблюдении при отчетах своих определительной формы удостоверить может более и более публику в бескорыстности своего предприятия».

С полной откровенностью заявил Пезаровиус в этом отчете, что его издательское «предприятие» выражается такой сметой:

- Годовые издержки на бумагу и на печатание 1000 экземпляров (газеты) на русском и 500 экземпляров на немецком языках (положены примерно) простираются до 5000 руб.
- На уплату переводчикам, писцам, на корреспонденцию, выписывание иностранных ведомостей и на другие расходы, кои в первый месяц не могли еще быть показаны определенно, полагается ежегодно до 3000
- Итого на все издание 8000 руб.

Указывая затем, что «от подписчиков по 12 руб. за экземпляр с 1 по 21 февраля поступило: а) чрез типографию Плюшара 1860 руб. и б) чрез газетную экспедицию 300 руб., а всего 2160 руб., Пезаровиус откровенно указал, что «следовательно, на уплату годовых издержек требуется (еще) 5840 руб.».

Когда же первый год издательской деятельности закончился, Пезаровиус представил отчет, в котором значилось: в неприкосновенном инвалидном капитале состояло 115 000 руб.; во вспомогательной кассе 31 575 руб.; в кассе на издержки по

изданию 22 477 руб. Число инвалидов, получивших пособие из вспомогательной кассы, было 825 и солдатских вдов 40²⁰³.

Пезаровиус не только непрерывно улучшал содержание газеты, но и увеличивал ее объем: выпускает «Русский инвалид» не на четырех страницах, а увеличивая их количество в два раза. Одновременно он начинает издавать прибавления и особые «дополнительные листы» к «Русскому инвалиду».

В 1813 году вышли всего шесть номеров «Русского инвалида» на 4 страницах, а все остальные были выпущены в значительно увеличенном размере, считая и «прибавления», которые выходили в произвольные сроки, вслед за очередным выпуском газеты. Кроме того, «чрезвычайные официальные известия, приходящие нарочною эстафетою», Пезаровиус сообщал в дополнительных листках, по поводу которых было объявлено следующее: «Как иностранная почта в сие время года (в конце сентября) приходит столь неправильно, то издатель «Русского инвалида», усердствуя удовлетворять любопытство читателей своих, постарается, как скоро известия до него доходить будут, сообщить их немедленно в дополнительных листках, коих число по сему обстоятельству в течение недели определить не можно»²⁰⁴.

Особым успехом пользовались прибавления к «Русскому инвалиду», о распространении которых сам издатель рассказывал следующее: «Эти прибавления продавались по 25 коп. ассигнациями за экземпляр преимущественно солдатским детям, которые, узнав о выпуске особого прибавления, являлись в типографию и получали два или четыре прибавления, смотря по количеству денег у каждого. С криком «победа! победа!» дети эти отправлялись затем на бульвар и на Английскую набережную, где продавали эти прибавления с значительным для себя барышом, так как редко кто имел в кармане 25 коп. медью, оказывалось же 10 коп. серебром, т. е. 40 копеек ассигнациями, а зачастую маленькие продавцы получали и 20 коп. серебром (80 коп. ассигнациями) вместо израсходованных ими 25 коп. ассигнациями. Продав свой товар, они тотчас же возвращались в типографию, и случалось, что купивший сначала только на один рубль, приобретал, после удачной торговли прибавлений, на 5 и даже на 10 рублей, отправлялся снова на бульвар и возвращался наконец домой с прибылью в несколько рублей»...²⁰⁵

Внушительная цифра 8000 рублей дохода «от продажи в розницу», указанная в отчете Пезаровиуса, также свидетельствует о популярности этих прибавлений.

Надо отдать должное умению издателя не только быстро сообщать новости, но и его мастерству подавать их весьма интересно, что «любопытство публики» было постоянно в напряженном состоянии. Для подтверждения этого рассмотрим новости, которые сообщены в дополнениях к «Русско-му инвалиду» в сентябре—октябре 1813 года.

1 сентября печатается сообщение от 26 августа (из Брехтельсгофа) о сражении на реке Коцбах.

4 сентября сообщается известие, полученное эстафетою из Кенигсберга (от 8 сентября) о поражении Вандама.

23 сентября говорится, что «к издателю «Русского инвалида» доставлено не малое число сих (отбитых в почте у неприятеля) писем (из французской армии), которые он и сообщит читателям своим», так как письма эти «всею лучше показывают дух французской армии и поясняют ход военных операций».

24 сентября публикуется 11-е и 12-е донесение (от 8 и 10 сентября) из Главной квартиры действующей армии и дается «обозрение положения воюющих армий и мест, с 17-го сентября ими занимаемых».

6 октября сообщаются «военные происшествия», из письма, полученного из Берлина от 27 сентября.

12 октября объявляется 16-е донесение из Главной квартиры по сведениям из Берлина от 27 сентября.

16 октября сообщается, что «положение армий в Германии заставляет ожидать самых важных происшествий», а поэтому, «желая как можно неукоснительнее удовлетворить справедливому любопытству читателей», сообщает известия из Берлина от 4 октября.

19 октября сообщается, что по сведениям, полученным из Берлина, от 6 октября, «блистательная военная происшествия», напечатав следующее:

«Победа! Победа!.. Сейчас получено предварительное официальное известие с эстафетою из Галле от тамошнего военного правительства, что 16 (4) текущего (месяца) происходило между Гроскулем и Лейпцигом сражение, в коем Прусский герой Блюхер совершенно разбил четыре французских

армейских корпуса. Неприятель оставил на месте битвы 6000 чел., взято в плен 5000, между коими два генерала, да отбито уже было 40 пушек и многия знамена. Корпусы под начальством генералов Иорка и Ланжерона более прочих были в огне. Одна токмо ночная темнота скрыла неприятеля от совершенного истребления. На следующий день ожидали важных происшествий»...

Благотворительная деятельность Пезаровиуса

Популярность газеты, все большее появление в столице инвалидов возбуждало все большее к ним сочувствие в обществе, и пожертвования «Русскому инвалиду» стали увеличиваться. Но его издатель иногда оказывался в безвыходном положении при оказании помощи пострадавшим на войне. Так, Пезаровиус рассказывает, что в конце июня 1813 года «явились ко мне двадцать инвалидов из окрестностей Петербурга и просили о пособии. Запас был весь истощен, но не задумываясь и совершенно покойно я сказал им: «Ребята! приходите в четверг утром, и я удовлетворю вас». В среду вечером не было у меня еще ничего, а в четверг утром старшины ремесленного общества принесли мне 450 рублей, собранные в пользу раненых накануне, во время бывшего в обществе обеда. Глубоко тронутый, благодарил я старшин от имени раненых воинов, выдал в принятии денег квитанцию, и вызванные на этот день двадцать человек инвалидов ушли от меня довольные... Не справедливо ли изречение: “По вере вашей да будет вам?”“»...²⁰⁶

Свою благотворительную деятельность Павел Павлович Пезаровиус осуществлял от имени правительства. Вот что он сам писал об этом:

«По милости Божьей... газета... дала мне возможность выдавать денежные пособия раненым воинам, проливающим свою кровь в сражениях под Бородином и Полоцком и при штурме на этот город, и таким образом облегчить им возвращение на родину...

При этом я должен заметить, что я, во-первых, никогда не выдавал пособия от своего имени, а постоянно от имени правительства, и, во-вторых, что я никогда не произносил ни одной просьбы подумать о раненых, так как, по моему

мнению, подобная просьба оскорбила бы заслуги, приобретенные пролитой ими кровью»²⁰⁷.

Для пополнения «кассы вспомощения» Пезаровиус проявлял инициативу и по другим направлениям. Воспользовавшись предложением «одного из актеров немецкой труппы в С.-Петербурге г. Борка» уступить «в пользу раненых свой бенефис» Павел сразу включился в дело.

«Обрадованный (предложением г. Борка), я тотчас же поставил в известность публику как об этом пожертвовании, так и о дне представления. Со всех сторон уверяли меня, что пустился в невыгодную сделку, так как Борк очень хорошо знал, что в лучшее время года, когда все живут за городом, театр будет пуст и, уступая бенефис в пользу раненых, только желал расходы снять с себя на меня. Но я нисколько не тревожился этими опасениями и предостережениями.

Я объявил в своей газете, что билеты на это представление можно получать у г. Плюшара и у меня. Накануне представления билеты были разобраны и за билет в кресло, которое в немецком театре стоило тогда 2 руб. 50 коп. ассигнациями, платили 10, 25, 50 и 150 и даже 300 руб.; г. Борка также не был забыт: высокая покровительница «Русского инвалида», как и вообще всех человеколюбивых предприятий, императрица-мать²⁰⁸, прислала ему 500 рублей, дабы он не был в потере. Результат представления, за исключением расходов, составил 3000 рублей ассигнациями — весьма значительная сумма для мелкого немецкого театра, прекрасного июльского вечера и невысоких в то время цен на места. Такую сумму я не рассчитывал собрать.

Обрадованный в высшей степени, я сел, чтобы объявить в своей газете об этом неожиданном доходе. Думая только об одном объявлении, я без всякого сознания написал, что внесу эти 3000 рублей в ломбард для образования основного капитала, который со временем возрастет до значительных размеров, и для передачи его впоследствии в распоряжение правительства, на пользу раненых воинов. Почему я знал это, хотя не думал об образовании капитала, когда собирался написать объявление о доходе в 3000 рублей? Кто велел мне писать, что он возрастет до значительных размеров?.. “По вере нашей да будет вам”»...²⁰⁹

Так неожиданно П. П. Пезаровиус оказался основателем фонда, который стал носить наименование Инвалидного капитала. Императрица Мария Федоровна, узнав об этом из «Русского инвалида», стала после каждой победы российских войск присылать для Инвалидного капитала от 4 до 10 тысяч рублей²¹⁰. Например, после Кульма — 4 тысячи рублей, после Лейпцига — 8 тысяч рублей и т. п. Значительные суммы жертвовали и другие члены императорской фамилии, о чем Пезаровиус немедленно доводил до читателей. Так, в 1813 году в «Русском инвалиде», № 36, извещалось:

«В день тезоименитства нашего августейшего монарха, ныне с толикою славою на святом служении подвигающегося, благоугодно было Ея императорскому величеству государыне императрице Марии Феодоровне и их императорским высочествам великим князьям Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу и великой княгине Анне Павловне прислать в дар инвалидам 6000 руб. и сим благотворением вторично впечатлеть неизгладимыми чертами сии дражайшие имена в сердцах всех верных россиян.

Сумма сия внесена в Императорский ломбард и вместе с другими деньгами, в пользу инвалидов там же находящимися, составляет 8500 рублей.

Публика, конечно, последовала примеру государыни и поспешила доказать таким же образом свою «благодарность храбрым защитникам Отечества»...

Первая удача с организацией выступления артистов труппы Борка побудила Пезаровиуса организовать концерт в пользу инвалидов, «кои в нынешнюю войну спасли отечество и кровию своею искупили свободу Европы»²¹¹.

Концерт 15 ноября 1813 года был устроен Филармоническим обществом, где Пезаровиус занимал видное место и состоял почетным членом. Программа концерта была следующая:

- «1) Ромберг. Симфония.
- 2) Далейрак. Ария (г-жа Сандунова).
- 3) Фильд. Концерт для фортеп.
- 4) Сарти. «Воинский хор».
- 5) Штейбельт. Дуэт (г. и г-жа Самойловы).
- 6) Дерфельд. Марш.
- 7) Мегюль. Трио (г-жа Сандунова, г.г. Злов, Самойлов).

8) Концерт для скрипки (Лафон).

9) Гартман. «Музыкальный дивертисмент». Дир. Парис»²¹².

Истинных любителей музыки и пения концерт заинтересовал, успех его был грандиозный: достаточно сказать, что он дал чистой прибыли 5042 рублей 40 копеек²¹³.

Кроме концертов П. Пезаровиус изыскивал различные другие способы для приращения капитала на «вспоможение инвалидам». К числу таких мероприятий относились также добровольные сборы с карточной игры. На страницах газеты была заведена даже особая рубрика «от игры в карты». «Приношения» этой категории были весьма часты и выражались суммами от 5 рублей 80 копеек до 180 рублей, причем жертвователи сообщали, что посылают собранные деньги от «бостонной игры», от «игры в дураки» и т. д.

Многих удивляло, как это П. П. Пезаровиус успевал делать. Он как издатель газеты был буквально завален срочной работой. Стоит только перечислить главные специальные разделы этой его деятельности: автор статей, переводчик, корректор, редактор, издатель, секретарь несуществующей редакции, имеющей дело с 4 тысячами подписчиков, собиратель пожертвований в пользу инвалидов, представитель несуществующего комитета «вспоможения» инвалидам, имеющий дело непосредственно с тысячами инвалидов, ответственный бухгалтер, через руки которого проходят сотни тысяч рублей, аккуратный составитель ежемесячных отчетов для «публики» и т. д.

Деятельность этого человека была не только изумительная, но и прямо-таки сказочная. Многих современников восхищало придуманное и осуществляемое Павлом Павловичем благоугодное дело, которому он отдавал все свои силы и энергию.

Кто же был этот бескорыстный издатель, коллежский советник Павел Пезаровиус? Известно, что он родился 17 февраля 1775 года в Лифляндии²¹⁴ в семье лютеранского пастора²¹⁵. Детские годы прошли в окрестностях города Вольмар, где отец его служил в одном из приходов. В доме родителей Павел Павлович получил замечательное воспитание, основой которого была глубокая религиозность, которая дала ему неисчерпаемую энергию служения благотворительным целям,

с которыми и связано создание «Русского инвалида». Также в семье Пезаровиус получил основательное образование, которое дало ему возможность уже в 18 лет окончить учебу в Йенском университете со званием доктора философии.

В феврале 1803 года П. П. Пезаровиус начал свою государственную службу «секретарем иностранной переписки». В 1804 году он был назначен в «комиссию составления законов», в 1807 году переведен в «департамент министра юстиции», а в следующем году был утвержден «советником в государственную юстиц-коллегию». Ко времени нашествия Наполеона в Россию он был уже в чине коллежского советника.

Несмотря на то что он никогда не был военным, он всегда питал пристрастие к этого рода деятельности, даже готов был отказаться от всего для того, чтобы оказаться в воинском строю. «В 1810 году, в чине придворного советника, овладело мною непреодолимое желание выучиться маршировать. Я вставал в продолжение летних месяцев в два часа ночи, так как служебные занятия не давали мне свободного времени днем, и отправлялся пешком из Гороховой, близ Семеновского моста, где я в то время жил, в казармы лейб-гвардии Преображенского полка в Миллионную. Там мои учителя, унтер-офицеры Каченовский и Черняев, занимались мною весьма основательно: синие пятна на моем левом боку и шрамы на руках свидетельствовали сколько об усердии учителя, столько и о прилежании ученика»...²¹⁶

Такова была у П. П. Пезаровиуса любовь к военному делу. И издание «Русского инвалида» он начал только потому, что им в этом предприятии руководила страсть к военному делу и стремление помочь пострадавшим защитникам отечества и их семьям.

Однако были высокопоставленные чиновники, которые весьма неодобрительно относились к деятельности П. П. Пезаровиуса. В числе их был директор военной полиции де Санглен, который дважды в месяц представлял управляющему военным министерством князю Горчакову «Санкт-Петербургские известия, слухи и анекдоты» — нечто вроде донесений о сплетнях²¹⁷.

Де Санглен враждебно относился к Пезаровиусу, которого подозревал в неблагоприятных деяниях. По поводу выхода «Русского инвалида» он доносил: «Явился здесь «Русский

инвалид» — прямой инвалид, но не русский²¹⁸. Побуждение издателя изрядно; но он сим изданием предал себя общему посмеянию, ибо, не зная по-русски, вздумал писать для русских, и еще с помощью переводчика. Публика уже находит, что гораздо он лучше сделал, если бы взялся за прежнее ремесло, учить на клавикордах²¹⁹, а излишние деньги жертвовал бы на помощь. Он не выходил бы из своей сферы»²²⁰.

Директор военной полиции с подозрением относится к благотворительности П. П. Пезаровиуса и считает, что его деятельность недопустима и вредна для монархии:

«Здесь учредились, учреждаются и впредь учреждаться будут (общества) под видами патриотических; я не исключаю и «Инвалида». Я готов согласиться, что мнение антрепренеров может быть хорошо, как и их побуждение; но должно ли в монархических правлениях то позволять — это другой вопрос. В республиках это необходимо: во-первых, чтобы содержать народ в мнении совершенной свободы в подаении помощи ближнему и соотечественному; во-вторых, чтобы воспалить патриотизм, для удержания сим средством народа в мнимой свободе и в надлежащих границах и, в-третьих, чтобы самому республиканскому правительству служить средством, не прибегая к налогам, доставлять помощь. В монархическом правлении все противно сему. Здесь государь есть отечество. Они — нераздельны. От него нисходит все, и в нем, как в единице, все и соединяется. Счастья и несчастья ниспадают из рук его, как из урны Провидения. Инвалидов кормить есть дело его. Он — отечество, и никто из частных людей в сие дело вмешиваться бы не долженствовал. Издавать журналы и выручаемые деньги отдавать в назначенные от казны места для вспомоществования бедным есть дело хорошее; но назначать именно для инвалидов, пострадавших за государя и отечество — кому? — журналисту, кажется унизительно и для самого инвалида, — особливо русского»²²¹.

В другом случае де Санглен в своем донесении пишет, что газета Пезаровиуса делает «невыгодные правительству сравнения»: «Русский инвалид» № 12 говорит: «Учреждение прекрасное, на правосудии и отеческом попечении о подданных основанное, издано Е. В. королем Пруским для статских чинов, вступающих в военную службу. Они, по выходе из

военной службы, получают обратно прежние свои места в статской службе; а для обмундирования и домашнего устройства выдаются им деньги» и проч. и проч. Слова: на правосудии и на отеческом попечении о подданных дают общий смысл, как будто и всем так поступать должно (!!); но это неправильно. Король, по конституции, не может статским велеть быть военными, а заманивает их выгодами, представляя таким образом вступление в военную службу будто на произвол их (!!) и соображается с обстоятельствами (!!). У нас, слава Богу, подданным просто приказать можно идти на службу. Фраза же эта заставляет делать невыгодные сравнения»...²²²

Однако со временем директор военной полиции убедился в честных стремлениях издателя «Русского инвалида» и ему сочувствующих, среди которых были лица царской семьи, а потому нападки вскоре прекратились.

К концу 1813 года «Русский инвалид» объединил на всем пространстве Российской империи благотворителей и, как писал в своем отчете П. П. Пезаровиус, «возбудил среди благородно мыслящих сынов любезного Отечества нашего, как богатых, так и бедных, участливое отношение к инвалидам и, при благословении Всевышнего, общим великодушным содействием положил основание Инвалидному капиталу»²²³.

Отбор новостей для «Русского инвалида»

С 1814 года «Русский инвалид» стал выходить два раза в неделю, а потому была повышена подписная цена: за весь год 20 рублей без доставки, а с доставкой — 25 рублей. Таким образом, Пезаровиус, увеличивая число номеров газеты вдвое, повысил цену умеренно, что одобрительно встретили читатели. По поводу внешнего вида «Русского инвалида» возникла дискуссия²²⁴, в которой было признано: «Наружный вид не значит ничего. В какой бы форме ни печатался «Русский инвалид», он всегда останется самым полезным из наших изданий. Притом и все наши журналы издаются наподобие иностранных... Печатали «Русский инвалид», «как большую часть немецких журналов, в четверку»»²²⁵. Таким образом, оформление «Русского инвалида» оставалось почти без изменений, так как только на виньетке изображение «воина в шлеме» было заменено изображением ополченца²²⁶.

Пезаровиус не ограничивается выпусками только двух номеров газеты в неделю. Из 104 номеров «Русского инвалида» за 1814 год 83 выходят с прибавлениями. В связи с этим читатели знакомились с новостями не два раза в неделю, а 3—4 раза, причем № 30 выпущен даже с тремя прибавлениями.

В 1814 году с «Русского инвалида» № 19 в программе газеты определяющими стали: отдел «Россия», в котором печатались «внутренние известия» и «благodeяния»; отдел «зарубежных новейших известий», в котором содержались сообщения о военных действиях, о вооруженных силах, о героических подвигах воинов и т. д., а также иностранные новости и происшествия; отдел «смеси», в котором публиковалась различная информация, анекдоты, заметки о забавных случаях и т. п. По-прежнему ежемесячно печатался добросовестный отчет о состоянии кассы «Русского инвалида». «Прибавления» к газете выпускались по мере получения «новейших известий» и состояли преимущественно из военных новостей. Многие материалы перепечатывались из других изданий: «The Times», «Courrier de Londres», «der Allgemeine Anzeiger», «Journal des Debats», «Gazette de France», «Северной пчелы», «Рижских ведомостей» и других, о чем свидетельствуют ссылки в различных номерах «Русского инвалида».

Пезаровиус старался всячески поддержать установившееся мнение читателей, что «Русский инвалид» получает известия через особых курьеров. Пользуясь и дальше сотрудничеством почтамтского цензора Оденталя, «Русский инвалид» по-прежнему первым сообщал известия с театра военных действий. И этот факт, способствующий популярности его газеты, издатель считал своим долгом отстаивать. И когда в 1815 году издатель «Сына Отечества» Н. И. Греч в рекламных объявлениях о подписке утверждал, «что в оном политические известия помещаются раньше, нежели во всех других выходящих здесь публичных листах», Пезаровиус в «Русском инвалиде», № 52, за 1815 год выступил со следующим заявлением: «Я досель не отвечал на такое изъяснение и никогда, конечно, не стал бы отвечать на оное, если бы я трудился для своих только выгод. Но я смею сказать, что доказал уже противное, сделанным мною приложением к находящемуся в Императорском ломбарде капиталу инвалидов,

20 000 рублей из подписной суммы и разделением 5000 рублей 16 бедным офицерам. Так как я не могу быть равнодушным к успеху издания моего, посвященного инвалидам, то сие побуждает меня сим объявить почтеннейшей публике, что помянутое, столь часто повторенное, уверение г. издателя «Сына Отечества», будто бы он ранее всех прочих журналов сообщает политические известия, вовсе несправедливо. «Русский инвалид» во всех важных случаях никогда не отставал. О частном образе мыслей моих и о формах «Русского инвалида» могут помянутый г-н издатель или сотрудники его писать, что им угодно, и никогда не побудят меня к ответу. Но когда уверяет он публику в вещах, кои могут вредить успеху моего предприятия, то с моей стороны становится обязанностию объявить истину. Повторяю: что если бы личные выгоды были моей целью, то я оставил бы и сие уверение без всякого ответа. Но труды мои предпринимаются для общего блага, для пособия раненым защитникам Отечества, и — я не могу молчать».

Это заявление Пезаровиуса, отстаивающего интересы своего издания, было справедливо: иностранные сообщения действительно печатались первыми в «Русском инвалиде» и его «прибавлениях» и «дополнительных листах». Поэтому читатели имели основание считаться со слухами, что доставление сведений происходит через особых курьеров в виде «радостных известий» об успехах союзников²²⁷.

Однако в 1813—1814 годы, оповещая читателей о зарубежных событиях, среди которых «военные известия» занимали важное место, Пезаровиус все важное и «любопытное» брал из иностранных газет и журналов, переделывая отдельные факты с прибавлением своих примечаний или готовя «обозрения происшествий» за определенный период. Поэтому полнота и разнообразие известий, печатавшихся на страницах «Русского инвалида» и «Der Russische Invalide», находились в зависимости от богатства содержания иностранной прессы. В целом издания Пезаровиуса отразили полную летопись военных и политических событий 1813—1814 годов.

Пезаровиус весьма критически относился к «газетным новостям», считая, что только «истинное может быть интересно и достопримечательно». Насколько требовательно он подходил к отбору сообщений из зарубежной прессы, можно

судить по следующему его «Замечанию о газетных новостях», опубликованному в «Русском инвалиде» в 1814 году, № 57:

«Издателю сих листков (т. е. Пезаровиусу) делан был попрек, что он не сообщает читателям своим из иностранных ведомостей всего, что в них содержится интересного и достопримечательного. Но, предполагая, что истинное только может быть интересно и достопримечательно, легко ему будет отклонить от себя сей попрек.

Можно ли, напр., поверить (конечно, интересному, ежели бы оно было правда) известию из Байрейта от 5 июля, что англичане увезли Бонапарта с острова Эльбы на остров Мальту, или еще, как другие говорят, на остров Св. Елены, что на Западном океане? Вероятно ли, напр., известие (достопримечательное, ежели оно только правда) из Италии от 24 июня: «что Бонапарт вскоре получит на острове Эльбе посещение от одной принцессы, которую он нежно любит?» Легко догадаться можно, кто такова эта принцесса, но поверит ли хотя один разумный человек такому известию? Вероятно ли (а в случае истины достопримечательно бы было), что все-все братья и сродники Бонапартовы приглашены ехать в австрийския владения? Интересно ли, например, читать, как французские газетчики укоряют англичан в том, что они так ревностно восстают против постыдного торга неграми? Интересно ли, или оплаkania достойно, что в надежде видеть вскоре сей богопротивный торг паки процветающим, некоторые купцы заказали уже себе большие запасы цепей, рогаток и пр.? Не должен ли издатель паче скрыть такие ужасы завесою молчания, дабы неиспорченным душам не вселить слишком низкого мнения о человечестве?

Вот маленький образчик сих так называемых интересных и достопримечательных новостей, о коих издатель не хотел говорить читателям. Но в таком виде, в каком он на сей раз упомянул об них, будет он сообщать оныя читателям своим от времени до времени, дабы не остаться у них в долгу и дабы они при случае из того узнали, сколь часто об иностранных ведомостях по справедливости сказать можно: оне содержат много истинного; только то жаль, что правда в них неинтересна, а интересное неправда!»...»²²⁸

Пезаровиус неуклонно следовал скрывать «завесою молчания» подозрительные, по его мнению, новости. Сообщив

однажды читателям незначительное количество «известий», он добавил: «Сверх сих известий в иностранных ведомостях содержатся еще некоторые другие, с употребленным весьма кстати словом: «говорят». Но все сии «говорят» такого рода, что об них и говорить нечего»²²⁹.

Однако когда в полученных иностранных газетах и журналах Пезаровиус замечал имя «Боунапарта», он отступал от своего правила. Такое известие он не только включал в номер газеты, но и обязательно добавлял свои комментарии, в которых не стеснял себя в ругательных эпитетах. Кроме того, временами в «Русском инвалиде» печатались самые нелепые сообщения про Наполеона, к которым издателем добавлялись вздорные примечания²³⁰. Видимо, они печатались Пезаровиусом для того, чтобы разжечь ненависть читателей к «узурпатору» до крайних пределов.

По-видимому, не всем читателям газеты нравилась такая ожесточенная нетерпимость издателя к Наполеону. Об этом свидетельствует его статья в «Русском инвалиде»: «Весьма кстати попалась издателю «Русскаго инвалида» одна статья в парижской газете: *Journak des Debats*, от 6 мая, подписанная буквою Т. В оной г. Т. с прямым чувством и здравым суждением, столь сильно и убедительно отвергает сделанный ему упрек, каковой и издатель неоднократно слышал также и себе от души, слишком нежных, слишком чувствительных, чтобы не сказать больше, что издатель не излишним считает поместить всю сию статью в сих листках в назидание тем, кои, Бог знает почему, думают, что не надобно ругать Бонапарта, а лучше об нем вовсе не упоминать и предать забвению, что он есть самое гнусное чудовище, изверженное адом в казнь человечеству. Почтенный г. Т. есть первый француз со времени революции, которому издатель охотно подает руку дружества и уважения»²³¹.

Далее Пезаровиус перевел и напечатал всю бранную статью уважаемого им француза, начав ее словами: «Вот как он (г. Т.) выражается». В русском переводе выражения оказались весьма сильными... Статья эта во много раз превосходила ругательства «Русского инвалида». Однако после ее публикации газета в последующих номерах сообщала известия об «императоре острова Эльба» в умеренных выражениях.

Тема патриотизма

Отдел «внутренних известий» был представлен в «Русском инвалиде» общей рубрикой «Россия». Этот отдел придавал газете тот «русский дух», которым очень гордился Пезаровиус. В нем регулярно печатались патриотические передовые статьи, которые несомненно принадлежали перу самого издателя. К такому выводу можно прийти не только потому, что он был единственным сотрудником редакции, но и судя по стилю этих безымянных статей: они совершенно похожи на те заметки и комментарии, которые принадлежали Пезаровиусу; некоторые выражения в статьях, а также оговорки, как, например, «издатель не уедлит сообщить читателям своим все подробности, какие ему о сем доставлены будут»²³², определенно указывают, кто был автором передовых статей. В них говорилось о славе отечества, любви к родине, высказывалось благоговейное поклонение царствующему дому, уважение к русскому войску, покрывшему бессмертную славою свои победоносные знамена²³³.

Эти симпатии издателя к русской армии, ее истории проявлялись с первых номеров газеты и с течением времени все более усиливались. Уже во втором номере «Русского инвалида» за 1813 год был напечатан «Приказ Петра Великого воинству своему в день сражения Полтавского». Очевидно, публикуя строки этого приказа²³⁴, Пезаровиус хотел напомнить русскому воину, за что он сражается на войне с французами.

В «Русском инвалиде» публикуются статьи о прошлом русской армии, истории рядов войск, полководцах и героях минувших войн. Так, в третьем номере «Русского инвалида» было напечатано начало статьи «О казаках». Ее продолжение публиковалось в нескольких последующих номерах. В статье подробно рассказывалось о вооружении и быте казаков, об их тактике и боевых подвигах. В целом она носит общий характер: в «Русском инвалиде» 1813—1814 годов не встречается специальных статей, посвященных теории военного дела.

Другие отделы «Русского инвалида» занимали незначительное место на страницах газеты. Это было вызвано следующими причинами: издатель, в одном лице представляя всю редакцию, не мог вести все отделы с одинаковою полнотой, так как все внимание его было обращено на важнейшие

отделы — иностранных, новейших и внутренних новостей; отделы «новые книги», «литература», «критика», «театр», «новые изобретения», «науки и художества», «сельское хозяйство», «разные известия», «смесь», «моды», «анекдоты», «некрология» и должны были быть в военное время на втором месте; эти второстепенные отделы появлялись от случая к случаю, так как сам издатель признавался, что не знал, в каком порядке будут они печататься, а завел их исключительно потому, чтобы «Русский инвалид» был похож на другие издания и был популярен у читателей.

Из второстепенных отделов газеты наиболее часто появлялись и были более обширными «новые книги», «критика», «смесь» и «разные известия». Это связано с тем, что и в них можно было касаться военных вопросов, высказать свое мнение о ненавистном неприятеле. Так, под рубрикой «новые книги» встречаются рецензии на такие издания: «Политическая картина Европы после сражения при Лейпциге 18 октября 1813 года», «Всеобщая история темниц под правлением Боунапарта и проч.», «Тайные записки Наполеона Бонапарта», «О военной заразе», «Жизнь князя Потемкина», «Начертание истории российско-французской войны 1812 года» и т. п.²³⁵. В «смеси» и «разных известиях» печатаются такие сведения: «Обелиск, воздвигнутый в Эрфурте Наполеону, сожжен народом, и память его погиге с шумом!»; «Судьбе угодно было, что Бонапарт в том самом месте (в Бриенне), где он получил первый урок, получил и последний»; «Один голландский дезертир, оставивший французскую армию 3-го числа (февраля), уверяет, что в неприятельских войсках уныние со дня на день увеличивается: один солдат в строю выстрелил в Наполеона, но попал в шляпу. За таковой неудачный выстрел он в ту же пору был расстрелян»; «Все французские газеты и журналы пишутся под руководством самого Наполеона»; «сказывают, что в Париже найдено несколько сотен готовых казацких кафтанов; вероятно, что при занятии сей столицы хотела голодная и необузданная чернь, под видом казаков, производить грабительство» и т. п.²³⁶.

Таким образом, и второстепенные отделы Пезаровиус старался использовать в целях военно-патриотической пропаганды, хотя и страдали они бессистемностью.

«Русский инвалид» приучил читателей следить за мировыми событиями

С 1815 года «Русский инвалид» выпускался в новом формате: ширина страницы осталась прежней, а длина увеличена в 1,5 раза. Шрифт изменен, причем многое печаталось петитом⁴³. Увеличивая газету, издатель объявил, что цена годового издания остается прежняя: в Санкт-Петербурге «с доставлением на дом» — 25 руб., а «без оного» — 20 руб., иногородние платили также 25 рублей. «По изъявленному некоторыми особами желанию» некоторое количество экземпляров «Русского инвалида» печаталось на «голландской» и на «английской веленевоу бумаге». Подписная цена на первой — 35, а на последней — 50 руб.

Не предполагая в 1815 году изменять программу газеты, Пезаровиус, однако, признал необходимым напечатать такое объявление:

«Касательно же содержания сих листов скажу единственно то, что политическия происшествия или современная история составлять будет главный оных предмет, с большим, однако же, против прежняго распространением. Равным образом, все могущее служить к пользе и занятию читателей, с приличным выбором помещаться будет в сем издании. В особенности прилагать я буду старание сколько можно более украшать листы сии отечественными происшествиями достославных новейших времен и сим образом сохранить память оных для потомственных бытописаний. Никто не может наиболее вспомоществовать сему намерению, как сами почтеннейшие Русские воины, и к ним обращаюсь я с должным и всегдашним уважением к их званию и подвигам, с просьбою о сообщении мне достославных происшествий под начальством или пред глазами их совершившихся.

Я прошу о том не для себя, но для тех, кои здоровье и самую жизнь приносили в жертву Отечеству и коих мы никаким воздаянием не можем наградить по достоинству»²³⁷.

И в 1815 году издатель выпускал «дополнительные листы» — только с 29 марта по 8 сентября их вышло 28. Благодаря им газета в этот период выходила не менее трех раз в неделю, а иногда и до шести раз в неделю. Например, с 24 по 30 июня были выпущены «Русский инвалид» № 51 и № 52 и

дополнительные листы за № 11—14; с 21 по 24 июля были выпущены газеты за № 58 и № 59 и дополнительные листы за № 19—22. Это привело к тому, «что многие из читателей «Русского инвалида» часа через два по раздаче онаго присылают за дополнительным листом, и присылают тшечно,— писал в своем объявлении Пезаровиус.— В предупреждение сего, издатель сим имеет честь объявить, что публика тогда только может ожидать такого листа, когда в самом номере не находится статьи под заглавием: Новейшия известия. Ибо в сей статье сообщаются читателям в среду поутру важнейшия — разумеется, более или менее достоверныя — новости, полученные с иностранною почтою во вторник вечером, а в субботу поутру известия, пришедшия в пятницу вечером»²³⁸.

Это объявление свидетельствует, что «Русский инвалид» за два года своего существования совершил целый переворот в журналистике, приучив читателей с захватывающим интересом следить за мировыми событиями. В 1815 году Пезаровиус совершенствовал свою работу по «главному направлению», которым считал «политические и военные происшествия». Просматривая немецкие, французские и английские газеты, он старательно группировал собранные сведения, давая читателям больший материал для размышления. Он по-прежнему ко многому относился весьма критически, допуская исключение лишь для ненавистного ему Наполеона. И когда тот покинул остров Эльба, сообщения о нем в «Русском инвалиде» появлялись крайне тенденциозного характера. Пезаровиус признал своею обязанностью «исследовать предприятие Буонапарте», осуждал предательство армии²³⁹, клеймил презрением перешедших на сторону Наполеона маршалов²⁴⁰. Не ограничиваясь одной перепечаткой различных «известий», издатель иногда делал попытки дать общие обзоры²⁴¹ «О прибытии Наполеона во Францию», «О новой коалиции» и другим вопросам. Также в «Русском инвалиде», по образцу немецких газет, был введен раздел «новости», в котором печаталось «обозрение новейших происшествий»²⁴². В целом главное внимание газета сосредоточила на разъяснении действий коалиции, ее главных участников, а также и «общаго врага» — Наполеона.

Считая важным получать «известия с невозможнейшей скоростью», Пезаровиус завел в Берлине специального «верного» корреспондента. Благодаря этому в «Русском инвалиде» быстро и регулярно стали появляться сообщения в виде «радостных известий» об успехах союзников⁵⁰. Они печатались особым шрифтом, который сразу привлекал внимание читателей. Среди них были первые сведения о сражении при М. Белль—Аллиансе, подробности об этой же битве, известие «о взятии Наполеона Буонапарт»²⁴⁴ и др.

После ликвидации «французских происшествий» сосредоточил внимание читателей на «литературе современной истории», сообщая: описание «острова Св. Елены»; «историю Тюльерийского кабинета, с 20-го марта сего 1815 года»; «Нечто о приеме Наполеона на английских кораблях»; «Каким образом Буонапарте устройством своей полиции губит души и обрекает их служению ада (из тайных записок о Н. Буонапарте, изданных человеком, в течение 15 лет безотлучно при нем находившимся, 2 части в 8-ку в Париже и Лондоне 1815» и т. п.²⁴⁵.

Кроме того, Пезаровиус весьма внимательно относился к «известиям» о русской армии, добросовестно отмечая различные моменты ее заграничного похода, причем иногда подчеркивал, что «сии известия получены нами еще до прибытия иностранной почты» или — «все сии известия чрез иностранную почту придут не ранее как в будущую субботу (т. е. через неделю)»²⁴⁶. Такая осведомленность Пезаровиуса поддерживала интерес к «Русскому инвалиду», который к тому же не иначе отзывался об армии, как в восторженных выражениях, как, например: «сей превосходный корпус»; «поведение и дисциплина сих войск заслуживают всякого уважения, а прекрасному виду их после перехода 200 миль надлежит поистине удивиться»; «красивость войск» и особенно «прекрасная артиллерия, произвели на смотру всеобщее удивление»²⁴⁷ и т. п.

Не меньшее внимание издатель уделял «иностранным известиям», однако он не всегда разборчиво относился к ним, почему иногда печатал курьезные сообщения. Но несмотря на эти недостатки, «иностранный» раздел пользовался популярностью у читателей.

Конечно, если бы редакция состояла не только из одного Пезаровиуса, но и из других сотрудников, военнополитическую тематику «Русского инвалида» можно было бы

сделать более содержательной. Однако освещение военных и политических вопросов в газете Пезаровиуса вполне отвечало как духу времени, так и запросам основной массы читателей.

Критика довольно внимательно следила за «Русским инвалидом»: указывала на «пестрый неправильный слог»²⁴⁸, «неважность многих статей»²⁴⁹, подражание французским газетам, печатание части текста мелким шрифтом и даже осуждала за низкую подписную цену. Пезаровиус писал по этому поводу: «Мы можем ошибаться, можем иногда поступать несправедливо (ошибки и заблуждения — удел смертных!)»²⁵⁰ Он соглашался со справедливой критикой и обоснованно защищал газету от придирок и несправедливых осуждений. Однажды в обзоре печати «Сына Отечества» Пезаровиус был отмечен такими одобрительными строками: «Одною статьею между тем «Инвалид» перешеголял все нынешние русские журналы, именно описанием лейпцигского штурма!»²⁵⁰ К сожалению, похвала оказалась основанной на одном недоразумении, и, когда это выяснилось, Н. И. Греч поспешил отметить в следующей злорадной заметке: «Похвала, воздаваемая вами (г. критик) «Русскому инвалиду», доказывает, что вы гораздо удачнее бранитесь, нежели хвалите. В 47-й книжке «Сына Отечества», на 1813 год, на стр. 49 помещена была статья под заглавием: «Приступ к Лейпцигу», написанная одним знаменитым россиянином, по изустному сообщению особы, прибывшей тогда с поля брани. Сия статья переведена в то же время самим издателем «Сына Отечества» на немецкий язык и отправлена для напечатания в Германию. Ныне помещены в «Инвалиде» сей немецкий перевод и новое предложение на русский язык. Издатели сего журнала, конечно, перешеголяли в этом всех прочих журналистов, только никто не завидует им в сем первенстве»²⁵².

Пезаровиус, указавший источник перепечатанного материала, не претендовал на такое «первенство», а потому не ответил на заметку издателя «Сына Отечества».

Реформа «Русского инвалида»

В декабре 1815 года император Александр I вернулся в Петербург из-за границы. Пезаровиус через графа А. А. Аракчеева обратился к нему с просьбой принять в казенное распоряжение капитал, собранный с помощью «Русского

инвалида», и при нем список 1200 человек раненых, которые с июля 1813 года получали ежегодные денежные пособия.

21 декабря 1815 года П. П. Пезаровиус получил следующий царский рескрипт²⁵³:

«Господин коллежский советник Пезаровиус.

Безкорыстное усердие ваше к храбрым защитникам Отечества, которое вы явили трехлетним изданием публичных ведомостей, под названием «Русского инвалида», и, руководствуясь коим, приобрели на пользу увечных капитал в 395 000 рублей, обратило на себя особенное внимание. В награду толикаго похвального подвига, жалую вас кавалером ордена святыя Анны второй степени, знаки коего, алмазами украшенные, и препровождаю при сем,— уверен будучи, что с новым распоряжением, сделанным Мною насчет означенных ведомостей, не перестанете вы и впредь продолжать полезный труд ваш, доставляющий способ соотечественникам облегчать жребий изувеченных на войне собратьих своих.

*Пребываю к вам благосклонный
Александр»²⁵⁴.*

В тот же день указом императора Правительствующему Сенату было объявлено следующее:

«Издатель ведомостей, именуемых «Русский инвалид», коллежский советник Пезаровиус, предпринявший труд сей из единого усердия к храбрым защитникам Отечества, поднес мне просьбу о принятии в казенное распоряжение капитала, посредством означенных ведомостей приобретенного и составляющего поныне 395 000 рублей. Отдавая справедливость столь похвальному подвигу коллежскаго советника Пезаровиуса, Я наградил его орденом Святыя Анны второй степени, алмазами украшенным, а дабы преподать ему способ быть и впредь полезным для изувеченных воинов, повелеваю Правительствующему Сенату:

1) Определить Пезаровиуса членом комитета, учрежденного по приказу моему 18-го августа 1814 года, поручив в дирекцию его канцелярию комитета²⁵⁵.

2) Издание, коим занимался он три года, продолжать и впредь, под наименованием «Русский инвалид» или военные ведомости.

3) Сверх предметов, входящих в ведомости сии, помещать приказы и другия военные известия, по усмотрению комитета.

4) Цензуру военных ведомостей предоставить на общих правилах означенному комитету.

5) Собранную Пезаровиусом сумму отдать в распоряжение комитета, для приобщения к прочему Инвалидному капиталу, в комиссариатском департаменте хранящемся, и впредь все приношения, к издателю «Русского инвалида» поступающие, обращать в ведение комитета.

6) С распоряжением сим, употребление денег на издание ведомостей происходить должно по назначению уже комитета.

7) А как от коллежского советника Пезаровиуса получают пенсии 1200 инвалидов, то производство оных и впредь предоставить равномерно комитету»²⁵⁶.

Таким образом, произошли важные для «Русского инвалида» реформы: он из частной газеты превратился в правительственную; «Русский инвалид» сохранил свое историческое название, к которому было добавлено государственное «Военные ведомости»; издание получало обеспеченное существование; «Русский инвалид» продолжал осуществлять свою благотворительную миссию — служить на пользу раненым на войне воинам; эта газета удостоилась получить особую привилегию — печатание приказов и других военных сообщений; «Русский инвалид» сохранил своего основателя в качестве редактора.

П. П. Пезаровиус ликвидировал свою частную газету, выпустив 29 декабря 1815 года ее последний номер²⁵⁷. С 1816 года «Русский инвалид» начал выходить ежедневно. Печататься он стал не в частной, а в военной типографии.

За три года издания «Русского инвалида» его издатель сделал очень много, чтобы усилить патриотический дух русского народа и направить его к победоносному завершению разгрома французской армии, а также на оказание помощи пострадавшим в этой войне. Известный исследователь Отечественной войны 1812 года Н. Ф. Дубровин отметил в «Русском инвалиде» 1813—1815 годов свыше 130 статей, представляющих несомненный исторический интерес²⁵⁸. В действительности значение «Русского инвалида»

этих лет имеет гораздо большее значение. Пезаровиус сделал все, чтобы его газета соответствовала такому направлению, о чем он высказался следующими словами: «Всегдашним и не переменным характером «Русского инвалида» будет настоящий Русский дух, который, чуждаясь национального эгоизма, будет всегда обнаруживаться в любви и почитании Великого Отечества нашего и при всяком случае будет выражаться с силою, жаром и достоинством»²⁵⁹.

«Русский инвалид» с первых дней издания был посвящен службе благотворительности. Пезаровиус сделал все, чтобы он соответствовал намеченной цели и добился того, что «любезные сограждане» горячо выразили «признательность героям», инвалидам, семьям погибших, «совершив доброе дело соединенными силами». Павел Павлович Пезаровиус, не имевший ни «редакции, ни комитета вспоможения инвалидам», одновременно со сложным трудом по изданию газеты вел один огромное предприятие с оборотным капиталом свыше 700 тысяч руб. Насколько добросовестно был поставлен учет поступавших средств, находившийся под добровольным контролем общества, которому все было известно по месячным отчетам кассы, печатавшимся в «Русском инвалиде», доказывает точность исчислений, доведенная до копеек. Одних только «вспоможений» издатель оказал на сумму свыше 140 тысяч руб. Это был огромный труд бескорыстного филантропа, который один работал за целые благотворительные комиссии и общества, причем филантропа, распределявшего пособия по особым правилам, а не произвольно, и добивавшегося, чтобы они доходили до конкретного адресата. Вопрос о широкой благотворительной деятельности П. П. Пезаровиуса ожидает своего отдельного исследования.

Пезаровиус оставил о себе память как об универсальном газетном работнике, который ради поставленной благотворительной цели отказывался от всякой личной выгоды. Он создал тип бескорыстного издателя, стремившегося не только оправдать свои обязательства, но и превысить их, делая свою газету более обширной и выпуская ее чаще, чем обещал. В этом его примеру позднее последуют А. Ф. Маркс и другие русские издатели.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Wust R.* La guerre psychogioque. Lausanne, 1954. P. 17.
- ² *Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. М., 1971.
- ³ *Сироткин В. Г.* Дуэль двух дипломатий. М., 1966.
- ⁴ *Собуль А.* Герой, «легенда», история // Французский ежегодник. 1969. М., 1971.
- ⁵ *Гарж Е.* Печать во Франции при Наполеоне I. Собр. соч.: В 12 т. М., 1958. Т. 4. С. 483—533.
- ⁶ *Туган-Барановский Д. М.* «Лошадь, которую я пытался обуздать». Печать при Наполеоне // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 158—179; *Grouchy de.* La press sous le premier Empire. Paris, 1876; *Welschinger H.* La censure sous le premier Empire. Baton Rouge, 1950; *Tulard J.* Le mythe de Napoleon. Paris, 1971; idem. L'anti-Napoleon. La legende noire de l'empereur. Paris, 1965; idem. Napoleon, on le mythe de sauveur. Paris, 1977; *Reinhard M.* L'historiographie militaire officielle sous Napoleon I. Etude d'une origine meconnue de la legende napoleonienne.— Revue historique, avz.— juin 1946; *Perivier A.* Napoleon journaliste. Paris, 1919.
- ⁷ Российский центр хранения информации и документов новейшей истории, ф. 317, оп. 1, д. 1147.
- ⁸ См.: *Туган-Барановский Д. М.* «Лошадь, которую я пытался обуздать». С. 160.
- ⁹ *Perivier A.* Napoleon journalist. P. 32.
- ¹⁰ *Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. М., 1971. С. 145.
- ¹¹ Там же. С. 140.
- ¹² Там же. С. 148.
- ¹³ Там же. С. 195.
- ¹⁴ *Беглов С. И.* Внешнеполитическая пропаганда. М., 1980. С. 51.
- ¹⁵ *Туган-Барановский Д. М.* «Лошадь, которую я пытался обуздать». С. 160—161.
- ¹⁶ Там же. С. 161.
- ¹⁷ *Тарле Е. В.* Печать во Франции при Наполеоне I. Собр. соч.: В 12 т. М., 1958. Т. 4. С. 502—503.
- ¹⁸ Там же. С. 504.
- ¹⁹ Там же. С. 505.
- ²⁰ Там же. С. 503.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 486—487.
- ²⁴ *Guillois A.* Napoleon, l'homme, le politique, l'orateur, D'Apres sa correspondance et ses autres, v. 2. Paris, 1889. P. 435.
- ²⁵ *Тарле Е. В.* Указ. соч. С. 488.

- ²² Там же. С. 494.
- ²³ Там же. С. 494—495.
- ²⁴ Там же. С. 495.
- ²⁵ *Буриени*. Записки о Наполеоне. СПб., 1834. Т. 2. Ч. 4. С. 333—334.
- ²⁶ *Туган-Барановский Д. М.* Указ. соч. С. 172.
- ²⁷ Там же. С. 173.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. С. 174.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. С. 173.
- ³⁴ Там же. С. 176.
- ³⁵ Там же. С. 177.
- ³⁶ История XIX века/Под ред. Лависса и Рамбо. Т. 2. С. 249.
- ³⁷ *Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. М., 1971. С. 318.
- ³⁸ *Туган-Барановский Д. М.* Указ. соч. С. 168.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ *Тарле Е. В.* Указ. соч. С. 496—497.
- ⁴² *Яковлев Н.* О так называемом «завещании» Петра Великого //Исторический журнал. 1941. № 12. С. 128—133.
- ⁴³ «Завещание» Петра Великого появилось снова во время Крымской войны, затем во время Первой и Второй мировых войн. Не забывалось оно и в период «холодной войны». При этом журналисты, оперировавшие им, с редким единодушием старались забыть о том, как оно появилось на свет.
- ⁴⁴ *Серебрянников В. В.* Войны России. М., 1998. С. 22—23.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же. С. 497.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. С. 498.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же. С. 506.
- ⁵⁴ Там же. С. 525.
- ⁵⁵ Там же. С. 500.
- ¹ См.: *Тартаковский А.* Военная публицистика Отечественной войны 1812 года. М., 1962. С. 30.
- ² Там же. С. 30.
- ³ Цит. по: *Тартаковский А.* Указ соч. С. 31.

- ⁴ Там же.
- ⁵ См.: Северная пчела. 1812. 7 авг.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 32—33.
- ⁸ Там же. С. 37.
- ⁹ О некоторых особенностях этой проповеди будет сказано ниже.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 38.
- ¹² Там же.
- ¹³ ЦГВИА, ф. 1 л., оп. 1, д. 2536, л. 1—9.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ ЦГВИА, ф. 1 л., оп. 1, д. 2536, л. 10—17.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Это произошло в последних числах июня.
- ²¹ Баженова А. С любовью к Отечеству // Мифы древних славян. Саратов. 1993. С. 19—23.
- ²² См.: Лотман Ю. В. А. С. Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту. 1958. Вып. 63; Баженова А. С любовью к Отечеству. С. 19—23.
- См.: Современник. 1841. № 1. С. 51; Русская старина. 1882. С. 443.
- ²³ См.: Тартаковский А. Указ. соч. С. 22.
- ²⁴ Там же. С. 23.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ ЦГВИА, ф. 103, оп. 208а; см.: 118, д. 8, л. 420—421.
- ²⁷ ЦГВИА, ф. 29, оп. 153а, св. 21, д. 2952, л. 4—11; св. 20, д. 2733, л. 1; оп. 153в, д. 133, л. 170—173.
- ²⁸ ЦГВИА, ф. 29, оп. 153а, св. 21, д. 2952, л. 5, 9.
- ²⁹ Цит. по: Тартаковский А. Указ. соч. С. 26.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Русский архив. 1871. С. 698.
- ³² См.: Листовки Отечественной войны 1812 года: Сборник документов. М., 1962. С. 21.
- ³³ Там же. С. 22—23.
- ³⁴ Листовки Отечественной войны 1812 года. 1962.
- ³⁵ Попов А. Барон Штейн в России в 1812 году // Русская старина. 1893. № 2. С. 386—391.
- ³⁶ См.: Русский архив. 1880. Кн. 2. С. 454.
- ³⁷ Попов А. Барон Штейн в России. С. 398.
- ³⁸ См.: Санкт-Петербургские ведомости. 1812. 22 октября;

Северная пчела. 1812. 16 октября.

³⁹ Так считает А. Chuquet. См. указ соч. С. 40—50.

⁴⁰ Барон фон Штейн при русской Главной квартире в 1812—1815 годах // Исторический вестник. 1905, сент. С. 888.

⁴¹ Листовки Отечественной войны 1812 года. С. 28.

⁴² *Chuquet A.* Указ. соч. С. 35.

⁴³ Там же. С. 35—39.

Листовки Отечественной войны 1812 года. М., 1962. С. 38.

⁴⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3564. л. 218.

⁴⁵ См.: Листовки Отечественной войны 1812 года. С. 38—39.

⁴⁶ *Кутузов М. И.* Сборник документов. М., 1955. Т. 4. Ч. 2. С. 266.

⁴⁷ Там же. С. 226.

⁴⁸ Там же. С. 397—398.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Листовки войны 1812 года: Сборник документов. С. 8.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 9.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Французы в России. М., 1912. Ч. 3. С. 257.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Листовки Отечественной войны 1812 года: Сборник документов. С. 33—34.

⁵⁷ См.: *Светлов А. Б.* Кайсаров А. С. и его просветительская деятельность // Московский университет и развитие философской и общественно-политической мысли в России. М., 1957. С. 88; Листовки Отечественной войны 1812 года. С. 34.

⁵⁸ Листовки Отечественной войны 1812 года. С. 34.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Цит. по: Листовки Отечественной войны 1812 года. С. 35.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. С. 36.

⁶³ *Зельицкий Г.* Описание происшествий 1812 года, случившихся в пределах Калужской губернии. М., 1815, с. 51—52.

⁶⁴ Листовки Отечественной войны 1812 года. С. 38.

⁶⁵ *Тарле Е. В.* 1812 год. М., 1994. С. 240.

⁶⁶ Там же. С. 242.

⁶⁷ Там же. С. 242—243.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С. 356.

⁷⁰ *Тарле Е. В.* 1812 год. С. 218, 220, 221.

⁷¹ *Driault E.* La chute de l'Empire. Paris. 1927. P. 27.

⁷² *Тарле Е. В.* Наполеон. М., 1992. С. 359.

⁷³ *Тарле Е. В.* 1812 год. С. 213—214.

⁷⁴ Обращение М. И. Кутузова к жителям Виленской, Гродненской

и Белостокской губерний об оказании содействия русской армии // Листовки Отечественной войны 1812 года. С. 81.

⁷⁵ Русский архив. 1912. № 4. С. 524.

⁷⁶ Глинка Ф. Письма русского офицера. СПб., 1816. Ч. 4. С. 111—112.

⁷⁷ ЦГВИА, ф. 103, оп 208а, св 0, д. 107, ч. 19. л. 68,8.

⁷⁸ Там же, оп. 291/11а, св. 68/281, д. 9, ч. 10, л. 9.

⁷⁹ Сто лет русских литераторов. СПб., 1844. С. 632.

⁸⁰ Прибавление к «Санкт-Петербургским ведомостям». 1812. № 50—55; 59—61.

⁸¹ См.: Русская старина. 1891, сент. С. 498.

⁸² См.: Листовки войны 1812 года. С. 40—43.

⁸³ Кутузов М. И. Сборник документов. Т. 4. Ч. 2. С. 256.

⁸⁴ Там же. С. 323.

⁸⁵ См.: Наполеон и французы в Москве... М., 1813. С. 90—92; Жизнь и военные деяния генерал-фельдмаршала светлейшего князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского. СПб., 1813. Ч. 2. С. 61—62.

⁸⁶ См.: Листовки Отечественной войны 1812 года. С. 44—46.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. С. 47.

⁸⁹ Там же. С. 48.

⁹⁰ Там же. С. 49.

⁹¹ Там же.

⁹² Кутузов М. И. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1. С. 400.

⁹³ Листовки Отечественной войны 1812 года. С. 51.

⁹⁴ Цит. по: Листовки Отечественной войны 1812 года. С. 52.

⁹⁵ Там же. С. 51.

⁹⁶ Там же. С. 53.

⁹⁷ Там же. С. 58—59.

⁹⁸ См.: Кутузов М. И. Сборник документов. Т. 4. Ч. 2. С. 202—203.

⁹⁹ См.: Листовки Отечественной войны 1812 года. Сборник документов. С. 61.

¹⁰⁰ Там же. С. 73.

¹⁰¹ Там же. С. 62.

¹⁰² Там же. С. 62—63.

¹⁰³ См.: Северная пчела. 1812. 13 ноября и др.

¹⁰⁴ Листовки Отечественной войны 1812 года. С. 77.

¹⁰⁵ Там же. С. 79.

¹⁰⁶ Там же. С. 81.

¹⁰⁷ Сироткин В. Г. Изгнание и смерть Наполеона // Новая и новейшая история. 1974. № 4. С. 177.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Листовки Отечественной войны 1812 года. С. 98—109.

- ¹¹⁰ Там же. С. 98.
- ¹¹¹ Там же. С. 99.
- ¹¹² Там же. С. 80.
- ¹¹³ См.: Сын Отечества. 1812. № 12. С. 271—273.
- ¹¹⁴ Там же. С. 99.
- ¹¹⁵ См.: Сын Отечества. 1813. № 1, 2.
- ¹¹⁶ Le Conservateur Impartial. 1813. № 1, 4, 9.
- ¹¹⁷ Цит. по: Листовки Отечественной войны 1812 года. С. 113.
- ¹¹⁸ *Тартаковский А. Г.* Военная публицистика 1812 года. М., 1967. С. 42.
- ¹¹⁹ *Тартаковский А. Г.* Листовки эпохи Отечественной войны 1812 года // Записки ОР ГБЛ. Вып. 20. С. 205—219.
- ¹²⁰ Вестник Европы. 1813. № 7. С. 286—307.
- ¹²¹ Русская старина. 1891, сент. С. 494, 498.
- ¹²² См.: Листовки Отечественной войны 1812 года. С. 31—32.
- ¹²³ *Сироткин В. Г.* Изгнание и смерть Наполеона. С. 178.
- ¹²⁴ Записки генерала В. Моро. 1813 год // Русская старина. 1913. № 10. С. 49—50.
- ¹²⁵ *Тарле Е. В.* Указ. соч. С. 302—303.
- 126
- ¹²⁷ Там же.
- ¹²⁸ Цит. по: Листовки Отечественной войны 1812 года. С. 122.
- ¹²⁹ См.: Русский вестник. 1865. № 10. С. 554.
- ¹³⁰ ЦГВИА, оп. 291/11а, св. 281/68, д. 5, ч. 12, л. 7.
- ¹³¹ Листовки Отечественной войны 1812 года: Сборник документов. М., С. 121.
- ¹³² АВПр. Ф. Канцелярия, д. 7928, л. 71—73.
- ¹³³ Листовки Отечественной войны 1812 года. С. 124—125.
- ¹³⁴ Листовки Отечественной войны 1812 года. С. 124.
- ¹³⁵ Там же. С. 126—127.
- ¹³⁶ *Богданович М.* История войны 1814 года во Франции и низложение Наполеона по достоверным источникам. СПб., 1865. Т. 1. С. 57—58.
- ¹³⁷ *Сорель А.* Европа и Французская революция. СПб., 1908. Т. 8. С. 181.
- ¹³⁸ *Сироткин В. Г.* Изгнание и смерть Наполеона. С. 180.
- ¹³⁹ См.: Сын Отечества. 1813. № 10. С. 20.
- ¹⁴⁰ Цит. по: *Тартаковский А.* Указ соч. С. 206.
- ¹⁴¹ Там же. С. 8.
- ¹⁴² Там же.
- ¹⁴³ Там же. С. 7.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 9.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 7.
- ¹⁴⁶ Там же.

- ¹⁴⁷ Военная энциклопедия. СПб., 1913. Т. 5. С. 339.
- ¹⁴⁸ См.: Вестник Европы. 1812. № 17.
- ¹⁴⁹ См.: Там же. 1812. № 22.
- ¹⁵⁰ *Тартаковский А.* Указ. соч. С. 208.
- ¹⁵¹ Там же. С. 209.
- ¹⁵² Там же.
- ¹⁵³ Там же.
- ¹⁵⁴ Там же.
- ¹⁵⁵ Цит. по указ. соч. С. 210.
- ¹⁵⁶ Там же.
- ¹⁵⁷ См.: Сын Отечества. 1812. № 7.
- ¹⁵⁸ См.: Сын Отечества. 1812. № 8.
- ¹⁵⁹ См.: Сын Отечества. 1812. № 5.
- ¹⁶⁰ *Куницын А. П.* Послания к русским // Сын Отечества. 1812. № 5. С. 6.
- ¹⁶¹ *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1928. Т. 2. С. 28.
- ¹⁶² Сын Отечества. 1812. № 7, 9, 11, 12.
- ¹⁶³ Сын Отечества. 1812. № 2.
- ¹⁶⁴ Сын Отечества. 1812. № 10.
- ¹⁶⁵ Сын Отечества. 1812. № 3.
- ¹⁶⁶ *Березина В. Г.* и др. История русской журналистики XVIII—XIX веков. М., 1966. С. 128.
- ¹⁶⁷ *Энгельсгардт Н.* Очерки истории русской цензуры. СПб., 1904. С. 472.
- ¹⁶⁸ А уже в 1814 году председатель Санкт-Петербургского цензурного комитета Уваров предлагает цензорам следить за тем, чтобы журналисты, писавшие в 1812 году, иначе писали в 1815 году и мало-помалу сошлись бы с намерением правительства и содействовали развитию мирных отношений с Францией.
- ¹⁶⁹ *Барсук Н. В.* Ростопчинские афиши. СПб., 1912. С. 17.
- ¹⁷⁰ *Тихонравов Н. С.* // Отечественные записки. 1854. Т. 95. С.
- ¹⁷¹ *Березина В. Г., Дементьев А. Г., Есин Б. И.* История русской журналистики XVIII—XIX веков. М., 1966. С. 124.
- ¹⁷² *Ростопчин Ф. В.* Московские небылицы в лицах. М., 1813. С. 24.
- ¹⁷³ *Барсук Н. В.* Ростопчинские афиши. С. 17.
- ¹⁷⁴ История XIX века / Под ред. Лависса и Рамбо. М., 1938. Т. 2. С. 265—266.
- ¹⁷⁵ См.: *Барсук Н. В.* Ростопчинские афиши. С. 19.
- ¹⁷⁶ Там же. С. 20.
- ¹⁷⁷ Там же.
- ¹⁷⁸ *Вяземский П. А.* Воспоминание о 1812 годе. СПб., 1837. С. 12.
- ¹⁷⁹ *Барсук Н. В.* Ростопчинские афиши. С. 16.
- ¹⁸⁰ *Дубровин Н. Ф.* Отечественная война в письмах. СПб., 1862. № 80.

¹⁸¹ Сборник афиш в Императорской публичной библиотеке. СПб., год.

¹⁸² *Дубровин Н. Ф.* Отечественная война в письмах. № 89.

¹⁸³ Сборник афиш в Императорской публичной библиотеке. СПб.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ *Дубровин Н. Ф.* // Военный сборник. 1863. № 7, № 8. С.

¹⁸⁶ *Барсуک Н. В.* Ростопчинские афиши. С. 21.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ *Каторин Ю. Ф., Волковский Н. Л., Тарнавский В.* Уникальная и парадоксальная военная техника. СПб.; М., 1999. С. 221.

¹⁹⁰ Русские и Наполеон Бонапарт. СПб., 1813. С. 111—115.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² *Растопчин Ф. В.* Сочинения. С. 191—194.

¹⁹³ См.: Московские ведомости. 1812. № 104.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ См.: Русский архив. 1868. № 12.

¹⁹⁶ За этот случай, ставший широко известным, Ф. В. Ростопчин не получил одобрения Александра I.

¹⁹⁷ Русский инвалид. 1813. № 1 (Париж).

¹⁹⁸ См.: *Шубинский Н. Н.* Забытый филантроп // Исторический вестник. 1896. LXIII; *Пезаровиус П. П.* // Русский инвалид. 1863. № 1; *Кузьминский К.* Очерк развития военной журналистики в России // Война и мир. 1906. № 75.

¹⁹⁹ См.: Памяти основателя «Русского инвалида» // Военный сборник. 1903. № 2.

²⁰⁰ Русский инвалид. 1813. № 4. В том же отчете, объявляя о наличии в «кассе на вспоможение инвалидам от щедрот Августейшаго Императорскаго Дома 1516 рублей», Пезаровиус добавил: «Поелику «Русский инвалид» почти еще вовсе неизвестен в других городах пространной Империи Российской, то и просить... покорнейше г.г. издателей ведомостей и журналов, здесь в С.-Петербурге выходящих, дабы они в своих листках благоволили уведомить публику, что означенная сумма, 1516 руб., имеется в готовности на выдачи вспоможений увечным в нынешнюю войну солдатам». Однако г. г. издатели, по-видимому, не особенно старались на пользу известности «Русского инвалида».

²⁰¹ Там же.

²⁰² А. Х. Востоковым были изданы собрания своих стихотворений под названием «Опыты лирические в 2 частях» (в 1805 и 1806 годах); грамматические примечания к «Краткому руководству к российской словесности», составленному Борном (в 1807 году); «Опыты о русском стихотворении» (1812 году) и др. Впоследствии Востоков стал членом Академии наук, известным русским писателем.

²⁰³ См.: *Пезаровиус П. П.* Краткое описание основания и издания газеты «Русский инвалид» // Военный сборник. 1873. № 3.

²⁰⁴ См.: *Русский инвалид*. 1812. № 51.

²⁰⁵ См.: дополнительный листок к «Русскому инвалиду» № 1; прибавление к «Русскому инвалиду» № 38.

²⁰⁶ *Пезаровиус П. П.* Краткое описание основания и издания газеты «Русский инвалид».

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Императрица Мария Федоровна, мать Александра I.

²¹⁰ *Пезаровиус П. П.* Краткое описание основания и издания газеты «Русский инвалид».

²¹¹ См.: *Баратов Н. К.* Читателям «Русского инвалида» // *Русский инвалид*. 1930. № 1 (Париж).

²¹² *Русский инвалид*. 1813. № 46.

²¹³ В кратком историческом очерке «100-летний юбилей С.-Петербургского филармонического общества» (СПб., 1902) имеется «список почетных членов», в котором Пезаровиус показан, после Иосифа Гайдна, первым почетным членом. В этом же очерке указана программа концерта.

²¹⁴ Отчет о концерте опубликован в «Русском инвалиде». 1813. № 46.

²¹⁵ Полная биография П. Пезаровиуса по различным причинам не разработана. В качестве источников сведений о нем используются статьи: Памяти основателя «Русского инвалида» // *Военный сборник*, 1903, № 2; *Пезаровиус П. П.* // *Русский инвалид*. 1863, № 1; *Пезаровиус П. П.* Краткое описание основания и издания газеты «Русский инвалид».

²¹⁶ По другим сведениям — в семье бедного дворянина (см. *Русский инвалид*. 1863. № 1).

²¹⁷ *Пезаровиус П. П.* Краткое описание основания и издания газеты «Русский инвалид».

²¹⁸ См.: Памяти основателя «Русского инвалида» // *Военный сборник*. 1903. № 2.

²¹⁹ Видимо, де Санглен не знал, что одновременно начал выходить и «Русский инвалид» на немецком языке — «Der Russische Invalide».

²²⁰ Де Санглен, будучи осведомлен о житейском формуляре Пезаровиуса, отмечает один из частных эпизодов его жизни. По всей вероятности, в первые годы службы Пезаровиус, нуждаясь, давал уроки «на клавикордах». Возможно, что это был намек на деятельность Пезаровиуса в Филармоническом обществе...

²²¹ См.: Памяти основателя «Русского инвалида».

²²² Там же.

- ²²³ Там же.
- ²²⁴ Русский инвалид. 1814. № 53.
- ²²⁵ Дискуссия проходила в 1814 году на страницах «Сына Отечества».
- ²²⁶ Сын Отечества. 1815. № 1. С. 28.
- ²²⁷ См.: Русский инвалид. 1814. № 1.
- ²²⁸ Русский инвалид. 1815. № 31.
- ²²⁹ Русский инвалид. 1814. № 57.
- ²³⁰ Русский инвалид. 1814. № 90.
- ²³¹ См.: Русский инвалид. 1814. № 3, 4, 6, 11, 25, 32, 39 и др.
- ²³² Русский инвалид. 1814. № 40.
- ²³³ См.: Русский инвалид. 1814. № 59.
- ²³⁴ См.: Русский инвалид. 1814. № 21, 28, 30, 31, 38, 41, 46—48, 53, 57, 59, 63, 67, 70 и др.
- ²³⁵ См.: Русский инвалид. 1813. № 2.
- ²³⁶ См.: Русский инвалид. 1814. № 74, 84, 89, 94, 98 и др.
- ²³⁷ См.: Русский инвалид. 1814. № 8, 12, 16, 17, 19, 29, 31, 45, 54, 96, 102, 104 и др.
- ²³⁸ Увеличение формата газеты Пезаровиус объяснил читателям следующим: «Сие благу изувеченных русских воинов посвященное издание продолжаться будет и на 1815-й год... нынешний формат сих листов по причине общих предметов, кои впредь входить будут в состав оных, слишком уже ограничен, то будет отныне печататься сие издание в большой лист, чрез что читатели избавятся от неприятной для глаза мелкой печати, которую доселе принужден я был употреблять. Сверх того, сие увеличение формата доставит и ту выгоду, что все имена участвовавших в благотворительных приношениях могут быть помещаемы, что доселе не всегда можно было делать»... (См.: Русский инвалид. 1814. № 96).
- ²³⁹ Русский инвалид. 1814. № 96.
- ²⁴⁰ Русский инвалид. 1815. № 43.
- ²⁴¹ См.: Русский инвалид. 1815. № 26 и прибавление к этому номеру.
- ²⁴² См.: Русский инвалид. 1815. № 29, 30, 38, 39, 40 и др.
- ²⁴³ См.: Русский инвалид. 1815. № 30, 37, 38 и др.
- ²⁴⁴ См.: Русский инвалид. 1815. № 31.
- ²⁴⁵ Там же.
- ²⁴⁶ См.: Русский инвалид. 1815. № 49, 51 и дополнительный лист № 23.
- ²⁴⁷ См.: Русский инвалид. 1815. № 66, 76, 78.
- ²⁴⁸ См.: Русский инвалид. 1815. № 65 и др.
- ²⁴⁹ См.: Русский инвалид. 1815. № 52, 53, 68.
- ²⁵⁰ Смотри журналам // Сын Отечества. 1815. № 1. С. 25.
- ²⁵¹ Там же.

²⁵² Там же. С. 27.

²⁵³ См.: Сын Отечества. 1815. № 6. С. 239.

²⁵⁴ Там же. С. 242.

²⁵⁵ Рескрипт — письмо монарха к подданному с выражением благодарности за что-нибудь, с объявлением о награде и т. п.

²⁵⁶ См.: Памяти основателя «Русского инвалида» // Военный сборник. 1903. № 2. С. 110.

²⁵⁷ Успех дела с изданием «Русского инвалида» навел Александра I на мысль учредить 18 августа 1814 года постоянный Комитет попечения о раненых, в который вошло несколько генерал-адъютантов. Пезаровиус не был в него приглашен.

²⁵⁸ См.: Памяти основателя «Русского инвалида».

²⁵⁹ Это был «Русский инвалид» № 104 за 1815 год. Всего во всех номерах этого года, не считая дополнительных листов и других приложений, было 418 страниц. В «Der Russische» было 416 страниц.

²⁶⁰ См.: *Дубровин Н. Ф.* Библиографический указатель книг и статей, относящихся до описания Отечественной войны с 1812 по 1815 год. СПб., 1882.

²⁶¹ См.: Русский инвалид. 1814. № 48.

ГЛАВА VI

Пресса и Крымская война 1853—1856 годы

Известный в последней четверти XIX века публицист и военный корреспондент Григорий Константинович Градовский (Гамма) отмечал: «В Крымскую войну было уже тяжело и безгласно. Сам Государь Николай Павлович был мало осведомлен о том, что делалось в Крыму. О высадке неприятеля, об альминском сражении, о понесенном нами поражении и причинах его Государь узнал из иностранных газет...».^{1a} Зарубежная пресса подавала события Крымской войны с точки зрения англичан, французов, австрийцев, шведов... И многие публикации носили антироссийский характер.

Миф о подавляющей военной силе России

Известно, что к середине XIX века на Ближнем Востоке резко изменилось отношение Англии и Франции к политике русского правительства Турции. Однако, пока дело шло лишь о борьбе на почве признания неприкосновенности Турецкой империи, Россия еще с выгодой могла использовать те противоречия, какие существовали между интересами Франции и Англии во владениях султана. Но как только Николай I серьезно поставил вопрос о политическом разрушении или хотя бы о «первом разделе» Турции, тотчас же выяснилось, что Англия и Франция выступают против царя единым фронтом.

Но в то время, когда подготовка к войне только начиналась, печать каждой из стран, заинтересованных в разрешении восточного конфликта, сообщала, что правительство данного государства против войны, что война — это крайняя мера, на которую оно вынуждено будет пойти, если только не будет достигнуто разрешение конфликта путем уступок и договоренностей.

Во Франции при Луи-Филиппе, потом при Второй республике, в Англии и при Грее, и при Дерби, и при Роберте

Пиле, и при лорде Расселе пресса была враждебна к Николаю I, но сомнений в его могуществе вплоть до 1853 года почти никогда не выражалось. А в Англии временами, при Пиле и Эбердине, даже и с обычно враждебными органами общественного мнения случались мимолетные припадки самой царедворческой лести. Не говоря уже об английской аристократии, усматривавшей в Николае оплот против разрушительных стремлений мятежного революционного века. Для примера можно привести мнение человека совершенно независимого, очень умного, очень осведомленного, весь век прожившего в самом высшем кругу английского двора, и притом человека, недоброжелательно к Николаю относившегося: «Когда я был молод, то над континентом Европы властвовал Наполеон. Теперь дело выглядит так, что место Наполеона занял русский император и что, по крайней мере, в течение нескольких лет он, с другими намерениями и другими средствами, будет тоже диктовать законы континенту» — так писал в 1851 году барон Штокмар, друг и воспитатель принца Альберта, мужа королевы Виктории¹. И это было мнением, господствовавшим в тот момент в Европе.

Правда, разница в положении и степени могущества между обоими императорами все-таки была огромная, и, например, тот же Штокмар хорошо это понимал: «Во всяком случае Николай в 1851 году много слабее, чем был Наполеон в 1810 году, и должно признать, что Россия вообще страшна для континента, только если она имеет союзников на обоих своих флангах». Но сила Николая именно в том, по мнению Штокмара, что царь в самом деле имеет этих союзников (Австрию, Пруссию, почти все прочие немецкие династии), а сверх того, его союзниками являются все консерваторы в Англии и Франции, видящие в Николае оплот порядка и охрану от «социализма, коммунизма и крайнего демократизма». Единственная страна на континенте Европы, которая могла бы оказать царю вооруженное сопротивление, — Франция, сверх всего прочего, опасается поражения в случае войны².

Однако такие проницательные наблюдатели, как Штокмар, давно уже определили и еще одно различие в положении Николая I и положении Наполеона: Наполеон I поддерживал свое владычество непрерывными большими войнами, а Николай действовал дипломатическими обходными движениями,

обещаниями, угрозами и застраиваниями, предпочитая не истреблять свою армию, а сохранять ее в качестве могучего средства непрерывного политического давления. Николай это делал совершенно сознательно и планомерно. Он был человеком военным, но не воинственным, генералом от плац-парада, но не полководцем, за дипломатический стол он любил усаживаться не после войны, а до войны, и предпочитал получить кое-что без войны, чем рисковать войной для получения многого. Так было в течение почти всего его царствования. Но инстинкт осторожности уже с 1849 года стал покидать его.

Академик Е. В. Тарле отмечал, что лесть, всю жизнь окружавшая Николая, к концу его царствования, т. е. как раз перед погубившей его финальной катастрофой, дошла поистине до совсем неслыханных размеров. Ему льстили не только в самой России, но Европа тоже давала образчики в своем роде удивительные. Вот русский академик Якоби беседует в 1851 году с фон дер Пфортеном, который является не более и не менее как министром-президентом Баварского королевства, третьего после Австрии и Пруссии государства Германского союза. И вот как изощряется министр-президент: «При остром кризисе, который мы переживаем, мы обращаем наши взоры на Север, где нашим глазам представляется единственный во всей истории пример неизмеримой материальной силы, поддерживаемой еще более великой моральной силой, восхитительным разумом и истинно христианской умеренностью. Провиденциальная миссия вашего великодушного императора стала для нас более ясной, чем когда-либо (и я не исключаю при этом даже наиболее неверующих): в нем лежит будущее всего света» («en lui git l'avenir du monde entier!»)³.

И такого рода неистовые славословия и почти религиозные акафисты сыпались на царя со всех сторон. Николаю из-за границы сообщал баварский первый министр о том, как царь сверхчеловечески велик и не по-земному, а по-небесному свят. А дома царь читал о рекрутских наборах: «Братцы, мы должны,— святую волю исполняя земного бога Николая,— детей на службу призывать»⁴. Это писалось, печаталось, говорилось, пелось. Никогда его так непрерывно не одурманивали лестью, как в годы от венгерской кампании до начала Крымской войны.

В Прибалтике в дворянских кругах распространялось в начале 1854 года в многочисленных экземплярах стихотворение на немецком языке, в первой строфе которого автор обращался к царю со словами: «Ты, у которого ни один смертный не оспаривает права называться величайшим человеком, которого только видела земля. Тщеславный француз, гордый британец склоняются пред тобой, пылая завистью, — и весь свет лежит в преклонении у твоих ног (Und huldigend liegt dir die Welt zu Fussen!)».

Это стихотворение и подобные произведения в стихах и в прозе распространялись из Прибалтийского края по всем странам немецкого языка.

Ненависть, которую питали к Николаю буквально на всем земном шаре не только представители революционной общестственности, но и все сколько-нибудь прогрессивно настроенные элементы, ничуть не смущала царя и только усиливала в нем и в его ближайшем окружении лестную, с их точки зрения, мысль, что престол Романовых — гранитная скала, о которую разбиваются все революционные волны. Эта атмосфера лести, обожания, царедворческой лжи, постоянных пышных и шумных демонстраций военной силы систематически ослабляла в Николае былую способность реально оценивать положение дел в государстве, мощь ее вооруженных сил.

Самоуверенность царя возрастала, в особенности после венгерской кампании, с каждым годом все более и более. В 1852 году обычные военные маневры прошли безукоризненно, конечно, с точки зрения внешнего блеска, исправнейшей шагистики, «печатанья носком», церемониальных маршей и т. д. Царь жил снова в чаду силы, успеха. «Чужестранцы [присутствовавшие на маневрах генералы и офицеры иностранных армий] просто осовели, они даже остолбенели, им это здорово. Смотрями и учениями гвардии я отменно доволен, пехота и артиллерия стреляли в цель очень хорошо, страшно!» Так делился Николай своим восторгом с Паскевичем⁵. Да и сам трезвый и осторожный Паскевич изредка вторил ему тогда точь-в-точь такими же словами, и Некрасов правдиво передает его мысли и настроения и даже его точные слова после одного из таких смотров: «Сам фельдмаршал воскликнул в экстазе: Подавайте Европу сюда!»⁶

Вплоть до начала войны 1853 года и особенно после подавления венгерского восстания в Европе в западноевропейской печати утверждалось, что Россия обладает «подавляющей военной силой». Это признал именно в таких выражениях и английский министр иностранных дел лорд Кларендон, тут же и утешивший слушавшую его палату лордов именно тем, что начавшаяся война этот престиж разрушила⁷. Но это утешение относилось к 1854 году, а в 1852 году авторитет и сила Николая I признавались официальной Англией даже не в полной мере, а свыше всякой меры.

Английские газеты, прежде всего «Times», в канун Крымской войны чуть ли не до последнего дня проповедовали максимальную «осторожность» и «благоразумие» в отношениях с Россией (поскольку еще действовала инерция курса на всемерное поддержание «стабильности» на континенте, чтобы не подорвать выгодную для определенных кругов торговую конъюнктуру). «Times» доказывала, что Англия в деле обеспечения продовольствием зависит от России и потому должна молчаливо склониться перед географическими воззрениями царя. Ушедший в этот момент с поста министра иностранных дел лорд Рассел даже обвинил издателей «Times», что они работают на Россию⁸.

В феврале—марте 1853 года, когда в Константинополе русские вели переговоры, пытаясь заставить султана пойти на уступки, в «Times» появляется ряд статей, указывающих на то, что пришло время расчлнить Оттоманскую империю. В этих статьях говорилось об упадке и развале Турции и невозможности ее дальнейшего существования в Европе, а это, по мнению «Times», является решающим аргументом в пользу того, что Россия в настоящее время должна стать душеприказчиком и наследником этой империи. Что же должен был думать Николай I, видя такое совпадение своих взглядов с взглядами «Times», не простой газеты, а органа главы британского правительства лорда Эбердина?

Однако следует заметить, что мнение английской печати по отношению к России и ее царю не было однозначным. Оппозиция главы английского правительства, которую возглавлял лорд Пальмерстон, давно работала над подготовкой такого столкновения на Востоке, когда у Англии был бы сильный и надежный союзник, без которого Англия против

России воевать не могла. К 1853 году все это было налицо. Поэтому печать, поддерживавшая сторонников Пальмерстона, приписывала всю вину в войне русской агрессии; замысел царя — полное покорение Турции — можно остановить только упорной войной. С первыми победами русских войск и флота в войне с Турцией на сторону пальмерстоновской прессы переходит почти вся печать Англии. Это было видно на примере «Times»: чем больше интересы Англии на Востоке не совпадали с ходом событий в этом регионе, тем заметнее меняется тон ее передовых статей. Новый министр иностранных дел даже стал жаловаться на излишне «воинственный характер» этих передовиц.

Синопский бой в освещении зарубежной прессы

10 декабря (28 ноября) 1853 года в Париже появилось коротенькое сообщение о гибели турецкого флота в Синопской бухте. На другой день в официальном «Монитере» известие подтверждено было полностью и с некоторыми подробностями. Лондонская печать также только во вторую неделю декабря распространила весть о том, что Нахимов уничтожил 30 ноября турецкий флот. Сначала в Англии и во Франции пытались всячески снизить и умалить значение нахимовского подвига, а затем, когда это явно оказывалось нелепым (по мере выяснения подробностей и результатов Синопского сражения), «появилась ужасающая зависть, и нам не прощают ни искусных распоряжений, ни смелости выполнения», — писал в то время проницательный наблюдатель европейских настроений граф А. Ф. Орлов⁹. В Европе не ожидали столь блистательной оперативности от русских морских сил.

Кстати, Орлов, отлично владевший французским языком, все-таки не заметил, что его самого французская пресса, писавшая о Синопе, несколько ввела в заблуждение. «Орлов, — замечает Тарле, — пишет всюду, что как тогда умышленно писали о Синопе французы, намеренно преуменьшавшие значение русской победы: «un combat». Это слово имеет на французском языке оттенок, который на русском скрадывается. И этот оттенок ускользнул от Орлова. «Un combat» и «une bataille» по-русски переводится одинаково: сражение, битва,

бой. А по-французски крупное сражение, имеющее перво-степенное значение, большая битва или, например, решающий бой и т. д. всегда обозначаются словом «une bataille» и ни в коем случае, решительно никогда не называются «un combat», который имеет также оттенок «столкновения», крупной стычки. Это очень резко различается французами. Когда миновали годы войны и о Синопе можно было уже писать поспокойнее, то даже и под французскими перьями он стал называться, как и подобало: “une bataille navale”»¹⁰.

На англичан Синопское сражение произвело потрясающее впечатление. Основной мотив возмущения прессы был следующим: «Где была Великобритания, которая недавно утверждала, что ее знамя развевается на морях Леванта затем, чтобы ограждать и оказывать покровительство независимости Турции, ее старинной союзницы? Она осталась неподвижной. До сих пор она не посмела даже пройти через пролив. Это значит дойти до предела позора. Жребий брошен. Больше отступать уже нельзя, не омрачая чести Англии неизгладимым пятном», — доносил из Лондона русский посол¹¹.

С конца декабря 1853 года вопрос в прессе ставился так: могут ли Франция и Англия, ограждая свои экономические и политические интересы, позволить, чтобы Россия завоевала Турцию? Нет. Можно ли смотреть на нападение Нахимова в Синопе, как на начало крушения Турции? Да, можно и нужно.

В английской прессе писали о «предательском» нападении Нахимова на турок, о «бойне», учиненной им, и о нарушении международного права русским адмиралом. «Times», например, набросилась на Россию, объявив действия русского флота как «зверское побоище», и призывала к войне¹². Эта версия всецело была поддержана и французской прессой, которая в данном случае отразила лишь взгляды Франции, да ничего другого из-за полнейшей своей зависимости от правительства и не могла отразить. (Впоследствии английская историческая наука признала, что Нахимов имел полнейшие и международно-правовые, и военные основания напасть 18 (30) ноября на турецкий флот, стоявший в Синопе. Французская историография, по замечанию Тарле, еще столетие довольствовалась лишь скромным пересказом дипломатических документов.)

О работорговле — молчание, однако русские, боровшиеся с ней,— варвары...

К концу 1853 года Англия и Франция, не желая допустить грозящего Турции повторения несчастья, случившегося возле Синопа, ввели свои эскадры в Черное море. Появление здесь союзного флота явилось прямым последствием большого оживления работорговли. Цены на рабов на рынке значительно понизились. Тарле, исследовав турецкие источники, пишет, что перед войной «черкесские рабы и особенно рабыни для гаремов и публичных домов так вздорожали, что просто ни на что не похоже было: хоть не выходи на базар, человеку со скромными средствами — прямо не подступиться. Русские суда перехватывали на море корабли с этим грузом, шедшие от Кавказа к Константинополю, и положительно мешали сколько-нибудь нормальному расчету невольничьей коммерции»¹³. С момента появления англо-французских кораблей в Черном море сразу рабы и рабыни подешевели на треть своей прежней стоимости. Приунывшие после нахимовской победы работорговцы с новой инициативой взялись за это дело.

Жена турецкого министра иностранных дел Рашид-паши, давно ведшая обширные и процветающие предприятия по покупке молодых черкешенок и их переправке в гаремы, более, чем кто-либо, могла понять всю серьезность обвинений, которые с такой горечью и настойчивостью выдвигал ее муж англичанам на то, что присутствие русского флота в Черном море делает невозможным спокойный товарооборот, снабжающий столицу турецкой империи необходимым импортом. Этот факт был широко известен дипломатам, находившимся в Константинополе. Однако английская и французская печать обходила эту деликатную подробность молчанием и больше всего настаивала на защите от русских варваров «богатой, хотя и несколько своеобразной, турецкой культуры», как выражался публицист популярной тогда лондонской газеты «Морнинг Адвертайзер» Дэвид Уркуорт.

Это был в 1853—1855 годах очень популярный журналист — чуть ли не самый читаемый в Англии. Он фанатично ненавидел Николая I и русских, а в абдул-меджидовской Турции того времени видел носительницу высокой и оригинальной

цивилизации, но, к несчастью, недоступной пониманию европейцев. Это ярко выразилось в его памфлетах, статьях, эссе, защищавших Турцию и направленных против России¹⁴.

В одной из статей Уркуорт ссылался на лекции «ученого Мицкевича в Парижском университете», в которых тот «пытался установить тождество русских с ассирийцами — на основе филологии». Оказывается (*it appears*), «что имя Навуходоносор — Небукаднецар — не что иное, как русская фраза, означающая: нет бога, кроме царя»!¹⁵. Это Уркуорт писал летом и осенью 1853 года, а в 1854—1855 годах он относился с еще большей ненавистью к России и обвинил своих политических оппонентов в подкупе их русскими и в других преступлениях. Его газета «Морнинг Адвертайзер» имела огромный успех в эти годы. Действовали и темперамент, и искренность статей Уркуорта, и порой даже литературная яркость.

Религиозный фактор в обосновании причин войны

Официальным поводом для России в проведении своей восточной политики являлись Святые места, связанные с земной жизнью Иисуса Христа и с древнейших времен особо почитаемые христианами. 14 июня 1853 года Николай I издал манифест «О движении российских войск в Придунайские княжества», в котором извещал:

«Объявляем всенародно:

Известно любезным нашим верноподданным, что защита православия была искони обетом блаженных предков наших. ...Истожив все убеждения и с ними все меры миролюбивого удовлетворения справедливых наших требований, признали мы необходимым двинуть войска наши в Придунайские княжества, дабы показать Порте, к чему может вести ее упорство. Но и теперь не намерены мы начинать войны; занятием княжеств мы хотим иметь в руках наших залог... Не завоеваний ищем мы; в них Россия не нуждается. Мы ищем удовлетворения справедливого права, столь явно нарушенного...»¹⁶

Поскольку святые места являются олицетворением христианства, официальную точку зрения поддержало большинство русского населения. В 1862 году Чернышевский в одной

из своих статей, напечатанных в «Современнике», вспоминая первые годы войны, писал, что «...при начале Восточной войны из ста так называемых образованных людей девяносто девять ликовали при мысли, что мы скоро овладеем Константинополем»¹⁷. Святые места им казались действительной причиной Восточной войны.

Такому восприятию населением официальной точки зрения способствовала журналистика. Так, в «Военном журнале» (1827—1859), который издавался Военно-ученым комитетом, сообщалось:

«Нарушение оттоманским правительством неприкосновенности прав и преимуществ, издавна дарованных и утвержденных трактатами за Православною Церковью, и опасность совершенного ниспровержения всего увековеченного порядка, столь православию драгоценного, побудили государя императора, по истощении всех убеждений и мер миролюбивого удовлетворения сих справедливых требований, — двинуть войска наши в Придунайские княжества...»¹⁸

Подобная трактовка причины войны встречалась и на страницах других газет и журналов. «Русский инвалид» в основном перепечатывал политическую информацию из «Журнала де С.-Петербург»¹⁹. «Северная пчела» поступала так же. Многие авторы из официальных изданий в своих литературных произведениях восклицали: «Ура отгрянет над Кавказом, в Европу грянет тот же клик» (из стихотворения Ф. Глинки); «Закипи, святая сеча!» (из стихотворения П. Вяземского «Песнь русского ратника»). Правительство понимало служебное значение такой поэзии и всячески поощряло ее. Однажды «Северная пчела» получила стихи «На нынешнюю войну» неизвестного автора:

*Вот в воинственном азарте
Воевода Пальмерстон
Поражает Русь на карте
Указательным перстом...*

При этом стихи сопровождала следующая записка: «Министр императорского двора, препровождающая при сем в редакцию «Северной пчелы» стихи, объявляет, что государю императору угодно, чтобы оные были напечатаны в означенной газете»²⁰.

Многие стихи с подобными предписаниями в литературном отношении были несовершенны. Чтобы не вызвать недовольства высокопоставленных чиновников, редакции порой обращались к цензорам и при их содействии отказывали в публикации. Так, например, произошло со стихотворением П. Татаринова «Чувства русского патриота по прочтении высочайшего манифеста, обнародованного 14 июня 1853 года», которое запретила публиковать цензура «в связи с литературными недостатками»²¹.

Внушить подданным: Европа с нами

4(16) октября 1853 года Османская империя объявила России войну. А вслед за тем был опубликован и соответствующий манифест русского императора. Но в манифесте, объявлявшем о войне с Турцией 20 октября 1853 года, Николай I старается внушить подданным, будто Европа не против него, а с ним, будто «главные державы» не будут поддерживать Турцию и будто Турция идет напролом не только против царя, но и против солидарной с ним «миролюбивой Европы». Вот что говорилось по этому поводу в царском манифесте: «...признано было нами необходимым двинуть войска наши в Придунайские княжества. Но, приняв сию меру, мы сохранили еще надежду, что Порты, в сознании своих заблуждений, решится исполнить справедливые наши требования. Ожидания наши не оправдались. Тщетно даже главные европейские державы старались своими увещаниями поколебать закоснелое упорство турецкого правительства: на миролюбивые усилия Европы, на наше долготерпение — оно отвечало объявлением войны»...

Видимо, Николай I был уверен, что русский человек наглухо отрезан от заграничных новостей, и явно хотел повлиять на общественное мнение, желая преуменьшить опасность той ситуации, которая создалась для России.

Николай I за революцию... в стране противника

С лета 1853 года Николай I смотрел на восстание сербов, болгар, черногорцев как на одну из возможных и сильных карт в своей игре для достижения своих целей в Турции мирным путем. Царь самолично, оказывается, как сообщил в 1904 году

в своем труде генерал князь Щербатов, будет участвовать в подготовке революционных прокламаций, призывающих сербов к восстанию. Конечно, это не значит, что Николай Павлович, давивший все восстания не только в своей стране, вдруг проникся революционными идеями. Тут речь шла лишь о достижении чисто завоевательной цели всеми средствами, в том числе и революционными. «Нелегко, вероятно, и царю давались его первые пропагандистские опыты, — язвительно замечал по этому поводу Е. В. Тарле, — вследствие решительного отсутствия у Николая Павловича предварительной учебы, подготовки и практики в деле составления и разбрасывания революционных прокламаций»²².

Фельдмаршал князь И. Ф. Паскевич, трезвый, сдержанный, опытный полководец, не очень верил в эту задумку Николая I, но ничего не имел против, чтобы христианские подданные султана взбунтовались, лишь бы не вводить к ним русской армии, пока они своими силами не восторжествуют над турками. А так как этого никогда не будет, то прусскую армию никуда дальше к югу от Дуная двинуть не придется. 24 сентября 1853 года Паскевич писал царю: «У нас есть... более страшное для Турецкой империи оружие... это влияние наше на христианские племена. Меру сию нельзя, мне кажется, смешивать с средствами революционными: мы не возмущаем подданных против своего государя, но если христиане, подданные султана, захотят свергнуть с себя иго мусульман, когда мы с ним в войне, то нельзя без несправедливости отказать им в помощи»²³.

Таким образом, по мнению Паскевича, воевать с Турцией и ниспровергать Оттоманскую империю будут турецкие христиане, которые будут вооружаться из русских запасов, а «зерном христианских ополчений наших в Турции» будут служить молдаване и валахи, образующие в Молдавии и Валахии отряд в 10 тысяч человек. «Я остаюсь убежденным, что, сформировав мало-помалу 40 и 50 тысяч человек из туземных христиан, нам одного или двух корпусов достаточно будет против Турции на европейской стороне, хотя бы ее и поддерживали европейские державы»²⁴.

Однако что сулил царь в воззваниях, распространяемых русскими агентами среди христианских народов? Во-первых, замену турецкого самодержавия русским, потому что Николай

уже наперед категорически высказывался против самостоятельности Молдо-Валахии, Сербии, Болгарии, Черногории. Во-вторых, неприкрытую угрозу введения в той или иной форме если не крепостного права, то чего-то очень близко его напоминающего. Крестьяне в Молдавии уже в годы предшествующих русских оккупаций жаловались, что произвол бояр резко усиливался, как только власть над краем переходила в русские руки. В-третьих, явно фиктивным и несостоятельным было основное содержание царской пропаганды: защита православия, которое вовсе не подвергалось в тот момент притеснениям со стороны турок.

Позднее, после крымских поражений, накануне падения Севастополя, А. М. Горчакову была подана одним из немногих тогда знатоков турецких дел, находившихся в Турции в 1852—1853 годах, обширная записка. В ней разоблачалось много официальной лжи, имевшей хождение именно тогда, когда Николаю Павловичу требовалось снабдить готовившееся нападение на Турцию приличествующим идеологическим основанием. Автор записки Михаил Волков останавливается, между прочим, на двух моментах. Во-первых, никто православную религию в Турции не гнал в эти годы и, во-вторых, православные иерархи в Турции не только не просили царя о защите, но больше всего боялись такого защитника. Приведем только два относящихся сюда места записки. «Вражда, питаемая нашими беглыми диссидентами к русскому правительству и, в особенности, к духовным властям, не есть чувство, скрываемое ими в глубине сердец. Бежавшие в Турцию раскольники проповедуют везде и всем, что правительство русское не щадит никого и гонит людей не только за их деяния, но и за верования, хотя бы их деяния согласовались во всем с гражданским порядком. Пропаганда раскольничья приводит всех христиан, живущих в Турции, в изумление, ибо восточные христиане хотя и имеют поводы жаловаться на различные притеснения со стороны турецкого правительства в отношении политическом, хозяйственном и гражданском, но они должны сознаться, что касательно веротерпимости турецкое начальство неукоризненно...» Точно так же лживо утверждение о православных церковных иерархах, будто бы просящих царя о покровительстве: «Обладая вполне греческим языком, нам случалось говорить с

епископами константинопольского синода о русской церкви и слышать их рассуждения о неудобствах, могущих произойти для Вселенского престола из официального протектората русской державы...» Далее приводятся слова этих епископов: «Этот Николай, теперь столь усердный к благу православия, в прошедшем 1852 году лишил грузинскую церковь ее самостоятельности... Вы сделаете то же самое и с нами. Мы теперь богаты и сильны. Девять миллионов душ в руках патриарха, его синода и семидесяти епархиальных епископов. Вы, с правом протектората в руке, лишите нас всего, уничтожите наше значение и пустите нас с сумою»²⁵.

А в это самое время Хомяков, Погодин, Шевырев, Константин Аксаков не переставали печаловаться о томящейся в мусульманском плену Православной Церкви, которая ждет не дожидается царя-избавителя. Они же вместе с другими славянофилами подхватили идею восстания христианских народов против турецкого султана и писали о долге русских прийти им на помощь. Однако многие литераторы к этому отнеслись осторожно. Владимир Даль, писатель, этнограф, ученый, писал по этому поводу Погодину: «Положим, что сказка эта могла бы обратиться в быль: с какой же стороны к ней для этого подступиться? Хотите ли разослать лазутчиков, чтобы народам этим шепнуть на ухо о намерении нашем или хотите наперед объявить о нем гласно, во всеуслышание? В том и другом случае удача более чем сомнительная, а неисчислимы бедствия верны и несомненны. Как вы поднимете семьдесят миллионов сброда, словно одну голову, чтобы неприятели не успели подавить возмущения этого по частям? Кто не ужаснется, принимая на себя такую тяжелую ответственность?... Лазутчиков будут ловить и вешать и позорить нас перед целым светом... ..Вы, как молодой и легкомысленный мечтатель, играете страшной игрушкой»²⁶. Погодину было в это время пятьдесят лет, и если он не был «молод», то легкомыслие проявлял в вопросах внешней политики часто в самом деле поразительное.

Николай I, раньше никогда не жаловавший славянофилов и даже через полицию приказывавший Константину Аксакову и другим сбрить бороду и немедленно снять кафтаны, шапки-мурmolки и другие украшения, теперь решил, что славянофилы полезны.

27 марта 1854 года во французском и английском парламентах было официально объявлено о войне. Еще раньше были разорваны дипломатические сношения России с Англией и Францией. Манифест царя об этом от 21 февраля 1854 года очень взволновал прежде всего славянофильские круги. Настроения славянофилов выразились достаточно полно в их письмах и рукописных стихах. Эти настроения имели некоторый двойственный характер. С одной стороны, Хомяков надеялся, что сам Бог призывает Россию на «брань святую», говорил, что на России много грехов, что она «в судах черна неправдой черной и игом рабства клеймена» и «безбожной лести, лжи тлетворной и лени мертвой и позорной и всякой мерзости полна». Он приглашал Россию избавиться от этих пороков и затем: «Рази мечом, то божий меч!» А с другой стороны, спустя несколько дней, как сообщал Бодянский, Хомяков получил за эти (рукописные) стихи выговор от московского генерал-губернатора и написал другие стихи, находя, что Россия уже вняла его призыву и успела раскаяться. Он так и озаглавил свое стихотворение: «Раскаявшейся России», где, обращаясь к России, говорит: «В силе трезвенной смиренья и обновленной чистоты на дело грозного служенья в кровавый бой предстанешь ты». Он находит, что «светла дорога» перед Россией и что она «станет высоко» пред миром «в сиянье новом и святом».

Еще гораздо оптимистичнее судит о положении вещей другой видный вождь славянофилов — Константин Аксаков, имевший, кстати замечу, благодаря большой страстности и фанатической своей убежденности огромное, поистине руководящее влияние на своего отца Сергея Тимофеевича, и на брата Ивана Сергеевича, и на сестру Веру Сергеевну, хотя все эти три лица были от природы безусловно умнее его. Константин Аксаков прямо говорит, что двуглавый орел, в свое время попавший из Византии в Москву, снова собирается из Москвы на юг... «Там (в Москве) под солнцем новой славы и благих и чистых дел высоко орел двуглавый в небо синее взлетел. Но, играя безопасно в недоступной вышине, устремляет очи ясны он к полуденной стране!» Победа Нахимова на море, победа Бебутова на Кавказе, переход через Дунай и даже, отчасти, разрыв сношений с Англией и Францией — все это укрепляло в славянофилах не только веру в

победу, но и уверенность, что Николай полон решимости не уводить войска с Дуная, пока славяне не будут освобождены от турецкого, а может быть, и австрийского владычества. Для них 1853 год был годом ожидания, весна 1854 года, напротив, сулила близкое наступление великих событий.

1 февраля 1854 года Сергей Аксаков писал сыну: «Граф Орлов еще не воротился и официального извещения о всеобщей войне покуда нет; но тем не менее, кажется, она неизбежна. Политический горизонт становится час от часу мрачнее, и грозных туч накапливается больше. Меня не покидает убеждение, что из этой страшной войны Россия выйдет торжествующей; что все славянские племена освободятся от турецкого и немецкого ига; что Англия и Австрия упадут и сделаются незначительными государствами; и что все это будет совершено нами с помощью Франции и Америки, несмотря на то что теперь Франция сильно против нас вооружается: естественная польза и народная ненависть к Англии скоро заставят ее протянуть нам руку. Но какая злоба, какое предательство и неблагодарность в целой Европе против нас! Александр I спас от раздела Пруссию, а Николай I спас от падения Австрию. В Пруссии единогласно все были против нас, кроме короля, а в Австрии — кроме императора, Радецкого и Шлиха. Двое последних, как говорят, вынули шпаги и сказали, что они не только не будут драться против России, но даже не могут оставаться на службе. С томительным нетерпением все ожидают царского манифеста. Если только государь скажет: все против нас, против православной веры нашей, помогите государству спасти честь народную и защитить веру! — такие чудеса понаделаются, каких история еще не видела. Денег и войска явится столько, что некуда будет девать... Я признаюсь тебе, что в 1812 году дух мой не был так взволнован, как нынче, да и вопрос не был так значителен»²⁷.

В другом письме старик не скрывает, чего он ждет от начинающейся войны. «Вопрос предлагается следующий: взойти ли России на высшую ступень силы и славы или со стыдом и смирением сойти с того высокого пьедестала, на котором она стоит теперь... Все с томительным нетерпением ожидают манифеста о всеобщей войне и воззвании к славянам. Все страшатся только одного: чтобы государь, по

отеческой своей любви к России, не смутился бы теми жертвами, которые мы должны принести, и чтобы всеми ненавидимый Нессельроде не убедил государя сделать какую-нибудь уступку... Если наших войск и менее числом, то наши солдаты недавно показали пример, что они могут разбить вшестеро сильнейшего неприятеля...»²⁸

Правда, у этого наиболее все-таки сдержанного, рассудочного и скептического из славянофилов первоначальный порыв продержался не очень долго.

«Наконец напечатан манифест об войне. Но не такого манифеста мы желали и надеялись; не оборонительной войны мы желаем; да и можно ли вести оборонительную войну на своих границах за страждущих братий? Ведь страждущие братья за границей, и потому будут их душить сколько угодно. Всю надежду надобно возложить на Бога, волею которого движутся исторические события. Может быть, нужно временное унижение для того, чтобы с большим блеском явилось наше торжество. Что пишут о нас за границей, того нельзя выносить никакому человеческому терпению. Поневоле начинаешь чувствовать ненависть ко всем иностранцам, особенно к англичанам, но хорош и Наполеон!»²⁹.

Однако у других представителей славянофильских и близких к славянофильским течений, вроде Ивана и Константина Аксаковых, Антонины Блудовой, Хомякова, еще всю весну 1854 года крепко держалось самое радужное настроение. О Погодине и Шевыреве нечего и говорить.

Но даже органы печати, ничего общего никогда не имевшие со славянофильством, широко раскрыли на первых порах свои страницы для подобных заявлений. Ф. И. Тютчев именно для «Современника» написал как раз в марте 1854 года, когда западные державы объявили России войну, свое стихотворение, кончающееся словами: «И своды древние Софии в возобновленной Византии вновь осенит Христов алтарь! Пади пред ним, о царь России, и встань, как всеславянский царь!» Даже сам Николай Павлович нашел, очевидно, что не следует так далеко загадывать, и написал резолюцию: «Подобные фразы не допускать»³⁰.

Поднимать в XIX веке народы исключительно религиозной пропагандой там, где их религию никто не гонит, оказывалось делом малопроизводительным и в Сербии, и в Болгарии.

«Русские агенты требовали от балканских славян непереносимо тягостных и смертельно опасных, истинно героических усилий»³¹, — пишет Тарле.

В самом деле, на глазах турецких властей, турецкой полиции и многочисленных армейских резервов, расположенных в славянских странах, нужно было произвести попытку вооруженного восстания, зная при этом твердо, что соседняя Австрия будет всецело на стороне турок, а вовсе не славян. Сделать это необходимо было, располагая и количественно и качественно убогим огнестрельным оружием, местами могущим быть контрабандно доставленным из России, и только. Ведь русские войска вовсе и не намеревались войти в Сербию и Болгарию, пока там не разгорится восстание ярким пламенем, следовательно, будущим повстанцам предлагалось сначала победить своими собственными силами турок, а потом изъявить желание встать под высокую руку Николая Павловича, да уж, кстати, так пугнуть австрийцев, чтобы им неповадно было беспокоить русскую оккупацию в Молдавии и Валахии. Это было для одной пропаганды очень трудным делом. Много было и других причин, делавших это предприятие неосуществимым. Одной из них также являлось то, что отсутствовала действенная и влияющая на народы пропаганда, которая сулила бы им определенные и заманчивые перспективы.

Более действенной пропагандой пользовались и на Дунае и на Балканах не Николай и его генералы, а враги Николая. В Молдавии и Валахии единственной, да и то шаткой опорой для царской политики была часть крупных землевладельцев. И вот как жалуется Бутурлин на турок, пустившихся в революционную проповедь: «Приготовляясь к нашему нашествию на Малую Валахию, турки там ведут революционную пропаганду, распространяя под рукой зажигательные прокламации, поднимают класс земледельцев против арендаторов и помещиков и возвещают, что они явились освободить страну от тирании русских и помещиков. Во главе всех этих проискосов стоят польские эмигранты, мадьяры и итальянцы или сардинцы. Им удалось привлечь к себе симпатии простого люда (*du petit peuple*). Какой урок для нас!»³²

Русская пропаганда ни к чему не приводила ни на левом, ни на правом берегу Дуная, восстаний нигде не возникло,

кроме греческого в далеком Эпире. Однако надежды, которые с ним связывались, и сведения о нем, какие приходили в Россию, преувеличивались. Славяне не принимали участия в движении. Это стало лишь новым осложнением восточного вопроса, последствием которого могло стать падение греческого трона, а не османского. Попытка же царя оказать помощь сербам, чтобы подтолкнуть их к восстанию, была равносильна объявлению войны между Россией и Австрией.

Франция: призыв к религиозному и культурному походу

Наполеон III, как и его петербургский противник, считал уместным придать начинающейся войне некий религиозный характер. Николай Павлович призывал защищать веру православную, а Наполеон III, правда не самолично, а через Доминика Огюста Сибура, архиепископа парижского, звал своих верноподданных начать крестовый поход против православной ереси.

Сибур воодушевленно разъяснил своей пастве, что дело идет о сокрушении и обуздании ереси Фотия, того константинопольского патриарха, который ровно за тысячу лет, в девятом веке, был причиной отделения Православной Церкви от Католической: «Война Франции против России, ныне начинающаяся, это не политическая, а священная война, не война одного государства против другого, одной нации против другой, но исключительно религиозная война».

Дальше архиепископ парижский уточнял, что официально объявленные причины войны — защита Турции — это лишь внешний предлог, а истинная причина, «причина святая, угодная Господу, заключается в том, чтобы изгнать, обуздать, подавить ересь Фотия [т. е. православие], это — цель нынешнего нового крестового похода».

И архиепископ, чувствуя, по-видимому, что это крайне смелое историческое открытие требует все-таки кое-каких пояснений, с ударением подчеркивает, что ведь и в прежних средневековых крестовых походах цель была священная, религиозная, а внешние предлоги выставлялись иные. О внешних предлогах, естественно, Сибуру трудно было говорить подробнее. В самом деле, получилась очевидная неувязка.

Его величество император французов говорит, что идет защищать магометан, а на самом деле, оказывается, война эта священная, истинно христианская. Сразу сообразить и охватить это нехитрому уму паствы, пожалуй, без пояснений было бы не под силу. По толкованию Сибура и всего подчиненного ему духовенства выходило, что не Наполеон III собирается защищать султана Абдул-Меджида от русских, а султан Абдул-Меджид будет помогать благочестивому императору французов в предпринятом святом деле искоренения православной ереси и что вся война затеяна Наполеоном III с единственной целью наконец исправить, правда со значительным опозданием, но лучше поздно, чем никогда,— зло, причиненное единоспасающей Католической Церкви еще в девятом столетии предосудительным поведением покойного патриарха Фотия.

Печать Франции, подчиненная Наполеону III, развивала эти идеи Сибура и старалась придать предстоящей войне характер религиозного и культурного крестового похода против русских «еретиков» и «варваров». «Для Европы предпочтительнее слабая и безобидная Турция, чем всемогущая и деспотическая Россия. Россия в Константинополе — это смерть для католицизма, смерть для западной цивилизации. И однако именно такая катастрофа висит над нашей головой. Право против насилия, католицизм против православной ереси, султан против царя, Франция, Англия, Европа — против России»³³. Все это и тому подобное писалось журналистами французского императора.

Говорить такие вещи в Париже после Вольтера, после энциклопедистов, после трех революций, и говорить с твердой уверенностью в том, что ниоткуда не последует указания на вызывающую, дикую бессмыслицу подобных объявлений, можно было вполне спокойно только в царившей тогда во Французской империи обстановке, при полнейшем безмолвии прессы, подавленности всякой сколько-нибудь независимой мысли и ничем не ограниченном торжестве удушающей и клерикальной реакции. Схожесть режимов в России и во Франции делала похожей и ее пропаганду во время войны.

Необыкновенно было то, что верховный глава Католической Церкви Папа Пий IX совершенно равнодушно относился к этим попыткам придать дипломатическим маневрам импе-

ратора Наполеона III некий религиозный ореол. Архиепископ парижский Сибур в данном случае действовал только как исправный чиновник императорского французского правительства. Папа Пий IX относился лично к Сибуру вообще очень неприязненно и демонстративно несколько раз это высказывал.

Характерно, что размышления парижского архиепископа о том, что Наполеон III предпринимает крестовый поход и всемирную войну против царя во имя борьбы и уничтожения нечестивой православной ереси были вполне аналогичны фразам из манифеста Николая I: «Итак, против России, сражающейся за православие, рядом с врагами христианства становятся Англия и Франция... Но Россия не изменит святому своему призванию... Господь наш! Избавитель наш! Кого убоимся? Да воскреснет Бог и да расточатся враги его!»

Английская пресса: война с Россией выгоднее, чем с Турцией

В отличие от елеяного излияния французского епископа и русского императора, одобряемого Святейшим Синодом, английское объявление войны, исходившее от королевы, и даже публикуемые в печати речи ее министров в парламенте казались скромными и сдержанно-корректными. Ничего подобного о крестовом походе против какой-либо церковной ереси и о священной войне в защиту какой-либо веры, ни вообще о том, что эта война есть война религиозная, англичане не говорили. Они довольствовались тем, что по мере сил ускорили наступление выгодной для них, как это тогда казалось, войны.

Осенью 1853 года в газете «Таймс» широко популяризировались официальные подсчеты, сделанные британским правительством и доказывающие преимущественное значение Турции перед Россией с точки зрения интересов английской торговли. Лондонское Сити совершенно разделяло воззрение публициста Д. Уркуорта, английского посла в Турции полковника Розва и других экспертов и знатоков этой восточной страны, которые утверждали, что разгром Турции, особенно же захват ее Россией, равносителен разгрому и тяжкому поражению английской торговли. При этом утверждалось,

что с уничтожением самостоятельности Турции исчезнет и единственный не зависящий от России транзитный путь для торговли Англии с Персией, особенно с северной, наиболее богатой и населенной частью этой страны, потому что если бы остался лишь морской путь, то от побережья Персидского залива пришлось бы переправлять английские товары через огромные солончаковые и безводные пустыни на север к Тегерану и другим городам.

Но официально и в объявлении королевы, и в речах в парламенте свои цели английские правящие круги прикрывали необходимостью защищать Турцию и вину в начавшейся войне относили на русскую агрессию. Это выглядело более благородно в глазах международной общественности.

С начала июня 1853 года пресса Англии повела кампанию неслыханной ярости против готовившегося вступления русских войск в Молдавию и Валахию. Французская печать в главных органах следовала за английской. Только французские легитимисты, приверженцы династии Бурбонов, влачившие совсем жалкое и ничтожное в политическом отношении существование, были склонны, да и то очень робко и вяло, поддерживать Николая.

Расширить лагерь противников России

Следует заметить, что английская пресса, стремясь расширить лагерь противников России, запугивала Пруссию, публикуя статьи о том, что если она не объявит войну России, то Франция нападет на прусские рейнские провинции, англичане объявят Пруссии морскую блокаду и произведут высадку на ее северных берегах. Бисмарк сказал по этому поводу, что если бы под влиянием этих угроз Пруссия уступила, то «с самостоятельным существованием Пруссии было бы покончено»³⁴.

Чтобы расстроить отношения Австрии и России, английская печать не раз указывала на пропаганду, которую ведут русские агенты в славянских землях. Это раздражало австрийского императора Франца-Иосифа, и русскому послу в Вене приходилось доказывать, что Николай I вовсе не стремится поднять славян против Турции. Однако когда в конце марта 1854 года лорд Эбердин опубликовал в «Таймсе» текст

знаменитых тайных разговоров Николая I с английским послом Гамильтоном Сеймуром по восточному вопросу, происходивших в январе—феврале 1853 года, это усилило раздражение австрийского императора.

В связи с этим в русских газетах было напечатано опровержение правительства на эти разоблачения. В нем указывалось, что обвинение царя в захватнических намерениях является «несправедливым, чтобы не сказать бессовестным», Г. Сеймур не так понял Николая I: «Его величество никогда не думал помышлять о каком-либо разделе, и тем менее о разделе, составленном предварительно. Государь император обращал внимание на будущее, а не настоящее, имел в виду одни случайности... Не довольно того, что с умыслом превратили и исказили свойства и побуждения его объяснений: старались еще найти в них оружие против Его величества, усиливаясь уверить другие правительства, что государь император в сем случае обратился особенно к Англии по той причине, что ставил ни во что их мнения и выгоды»³⁵.

Это опровержение не имело никакого успеха, ему не поверили. Больше всего раздражена была Австрия именно таким пренебрежением к ее силам и ее интересам, какое обнаружил царь в разговорах с Сеймуром.

«Злоупотребление великодушной доверчивостью, которой оценить не сумели», — так характеризовал министр иностранных дел Нессельроде опубликование бесед Николая I с Сеймуром — принесло враждебной России коалиции большую пользу. «Оно ускорило ту дипломатическую эволюцию, — замечает Тарле, — которую уже и до того определенно совершало австрийское правительство, все более сближаясь с Англией и Францией»³⁶. 20 апреля 1854 года в Берлине был подписан оборонительный и наступательный военный союз между Австрией и Пруссией. И уже 8 мая было решено послать в Галицию и Буковину два армейских корпуса. Еще через несколько дней в венской «Официальной газете» был опубликован приказ императора о призыве под знамена девяти тысяч человек и об отправке войск к северо-восточным и юго-восточным границам Австрийской империи. Затем, уже в первой половине июня, быстро следовали события, прямо ведущие к ликвидации дунайской кампании русских войск. Австрия заключила с Турцией две

конвенции: согласно одной австрийцы получали право временно занять Албанию, Черногорию и Боснию; согласно другой — Турция приглашала Австрию занять дунайские княжества.

Таким образом, очень ловко обдуманый информационный удар, нанесенный Николаю I главой английского правительства Эбердином, опубликовавшим внезапно эти старые дипломатические донесения Сеймура, почти поставили Австрию в лагерь противников России. Австро-прусская конвенция от 20 апреля 1854 года значительно ухудшила военнополитическое положение России. Она грозила Николаю I военным вмешательством Австрии, а может быть и всего Германского союза.

Также Англия и Франция старались втянуть в свою коалицию Швецию, и, когда ее король Оскар проявлял в этом всяческую осторожность, английская печать стала звать к мужеству и национальной чести шведского народа, призывая его по временам чуть ли не к революции против короля Оскара, не настоящего шведа. «Daily News» с конца апреля 1854 года прямо грозила Оскару революцией, если он и дальше будет противиться шведскому народу. «Шведский король — не швед, и его симпатии — на стороне России. Настоящие шведы — сердцем и душой с нами». И дальше следовал грозный и призывающий шведов к восстанию вопрос: «Чего же стоят их [т. е. шведов] симпатии?»³⁷, вопрос, который не мог не произвести большого впечатления в тот острый момент в Стокгольме.

Не только эта газета занималась провоцированием недовольства и даже восстания против короля Оскара. Иногда говорилось, что все надежды шведского народа должны перенестись на молодого воинствующего кронпринца Карла; иногда подчеркивалось, что Бернадоты — самая молодая, а потому и самая непрочная династия в Европе; нередко разрабатывалась тема о каких-то таинственных обязательствах перед Россией, принятых не только за себя, но и за всю династию до окончания века наполеоновским маршалом Бернадотом, ставшим затем шведским королем Карлом XIV, отцом Оскара. То вдруг угрозы сменились сердечнейшим дружелюбием и лаской: понимает ли Оскар, что он может стать авангардным бойцом западной цивилизации против варвар-

ства? Что может приобрести разом: бессмертную славу и Финляндию?

Но король мало верил союзникам и не верил в военное выступление Австрии, а ее ультимативное требование, чтобы русские ушли из княжеств, вполне логично оценил: русские уйдут из княжеств и освободят себе руки для войны со Швецией.

Между тем уход русских войск из княжеств большинством шведских газет был истолкован как признак полной слабости России, и в июле и августе поднялась бурная агитация в пользу войны. Даже осторожные люди вроде епископа Агорда выступили с воинственными заявлениями. О войне против России говорили как о борьбе с деспотизмом. Но эти воинственные стремления продолжали встречать жестокий отпор. «Действительно ли это война за гуманность и цивилизацию? — спрашивал редактор «Свенска Тиднинген» Иоганн Хацелиус. Ведь это лишь вывеска, вывешенная затем, чтобы прикрыть самые материальные интересы Англии». Хацелиус указывает, что и французский император борется тоже по своекорыстным мотивам, во имя упрочения своей власти, и шведский публицист язвительно намекает, что Наполеон III такой же великий друг цивилизации и свободы, как и сам Николай Павлович. Швеция не подготовлена: войско не обучено, не привыкло к войне, нет инженерных войск, не организована материальная часть, нет финансов, воевать Швеция не может³⁸.

Колебания Швеции вызывают публикацию во французском журнале «Revue des Deux Mondes», служившем верой и правдой Наполеону III, проекта передачи в будущем завоеванной Финляндии новой Польше³⁹. Но и подобное курьезное запугивание не произвело на короля Швеции и его министров ни малейшего воздействия.

Раздувание значения ничтожных побед

В заграничной печати очень раздувалось и преувеличивалось значение каждой турецкой победы. Так, 16 мая 1854 года во время рекогносцировки у Каракала потерпел поражение отряд русских войск, возглавлявшийся полковником А. Н. Карамзиным (сыном знаменитого писателя и историка России Н. М. Карамзина). Русские потеряли 19 офицеров и

132 солдата, погиб и сам А. Н. Карамзин. Этот эпизод вызвал много нелестных комментариев в зарубежной прессе. Эта небольшая стычка приобрела в сообщениях европейских газет, враждебных России, характер большого проигранного русскими сражения, которое якобы заставило Паскевича ускорить эвакуацию армии из дунайских княжеств. Также эта победа стала широко известна в армии султана и способствовала тому, что турки воспряли духом и дальнейшее отступление русских войск из княжеств происходило не очень спокойно.

А. Н. Карамзин, лично храбрый человек, но легкомысленный дилетант военного дела, без малейшей боевой опытности, уверенный в безнаказанности вследствие своих больших петербургских связей, решился вносить поправки в существовавшую тактику боевых действий, из-за своего высокомерия не прислушивался к предложениям офицеров, обладавших практикой войны, и совершил во время рекогносцировки ошибки, которые привели к потерям и поражению.

В России поведение А. Н. Карамзина было темой продолжительных и страстных споров. Князь П. А. Вяземский в стихах воспел его патриотический порыв. Льва Толстого явно раздражали безответственные великосветские восторженные разговоры о человеке, правда заплатившем жизнью за свой поступок, но с таким преступным легкомыслием, несмотря на предупреждения, погубившем без тени смысла вверенный ему отряд. Смерть этого человека Толстой не желает признать «чувствительнейшей потерей для отечества», как он иронически выражается. Возмущение на месте, в армии, против виновника несчастья было так велико, что даже его смерть не примирила с ним. Паскевич велел назначить следствие. Оно выяснило, что полковник Карамзин, «желая ознаменовать себя победой», пренебрег всеми предостережениями более опытных офицеров, не высылая даже разведчиков впереди, бросился на сильнейшего неприятеля и потерпел поражение»⁴⁰.

Также англо-французской прессой всячески раздувался ничтожный успех союзников на Балтике у Бомарзунда в большую победу над будто бы первоклассной русской крепостью. Делалось это для обывателя, для бульваров, для доверчивой публики. Но эта информационная акция не имела успеха в

плане воздействия на Швецию и другие государства, которых союзники хотели привлечь в свой лагерь. Однако бомарзундское дело, выигранное в военном отношении, было проиграно в дипломатическом.

Тема российских хищений и коррупции

Стараясь показать варварство и развал российской государственной системы и неспособность ее государя навести порядок в стране, враждебная Николаю I европейская пресса прежде всего останавливалась на хищениях в российском военном ведомстве. Знаменитое расхищение в эту пору миллионного капитала Инвалидного фонда поразило Западную Европу. Тем более что как раз в 1852 году император прикрыл неприятнейшую историю с главноуправляющим путями сообщения графом Клейнмихелем и его помощниками, которые в свое время украли почти полностью все суммы, ассигнованные на реставрацию залов Зимнего дворца. Но больше всего воровали в армии. Дело доходило до появления эпидемий голодного тифа, истреблявших полки и вызванных исключительно безудержным грабежом. Зарубежная печать сообщила, что это обстоятельство стояло в теснейшей связи с общим для всех ведомств в России неслыханным разгулом хищничества, принимавшего постепенно совсем уже сказочные размеры.

Еще Александру I упорно приписывали афоризм, сказанный им, как утверждали, в конце его жизни об окружавших его сановниках, и эти слова особенно часто повторялись в западноевропейской памфлетной литературе накануне и во время Крымской войны: «Они украли бы мои военные линейные суда, если бы знали, куда их спрятать, и они похитили бы у меня зубы во время моего сна, если бы они могли вытащить их у меня изо рта, не разбудив меня при этом»⁴¹.

При помощи этих фактов воровства и коррупции, пронизавших все слои русского общества, с которыми не в силах был справиться даже монарх, западная печать представляла притязания России о своем господстве на Ближнем Востоке как противоречащие здравому смыслу, и этим пресса стремилась подвести общественное мнение народов своих стран к выводу, что государства западноевропейской цивилизации должны встать на пути захвата ближневосточного региона российскими варварами.

Политика дезинформации

Французская пресса во главе с Наполеоном III следовала искусной политике лжи, дезинформации. Так, Луи Наполеон отдает приказ тулонскому флоту направиться в греческие воды, а на следующий день объявляет в «*Moniteur*», что это произошло без какого-либо предварительного согласования с Англией. Приказывая одному из своих печатных органов, «*Paqs*», трактовать восточный вопрос как в высшей степени важный для Франции, он одновременно разрешает другому своему органу, «*Constitutionnel*», утверждать, что в восточном вопросе на карту поставлены русские, австрийские и английские интересы, а интересы Франции затронуты в нем лишь самым косвенным образом, и потому-де она занимает совершенно независимую позицию.

Английская пресса также, дезинформируя противника, высказывала предположения о предстоящих военных действиях, весьма далеких от реальных. Так, в сентябре 1854 года англо-французские войска беспрепятственно высадились в Крыму севернее Севастополя. «Высадка союзников была для русских до известной степени неожиданностью, — пишут французские историки. — Несмотря на нескромность английской прессы, а быть может, благодаря этой нескромности, русские совершенно не предполагали, что враг нападет на Севастополь; они думали, что целью его стремлений является Одесса. Таким образом, в Бессарабии было сосредоточено 180 тысяч человек, между Одессой и Николаевом — 32 тысячи, в Крыму же — только 51 тысяча солдат под начальством князя Меншикова. Русские полагали, что если и произойдет нападение в Крыму, то разве в форме бомбардировки с моря, а со стороны моря крепость была сильно защищена, снабжена семью фортами и двумя батареями, а также казематными укреплениями с 600 пушками, поставленными в несколько ярусов. Со стороны суши город был почти не укреплен...»⁴²

У французских историков для подобного утверждения есть все основания: «*Times*» и другие английские газеты накануне публиковали сообщения и статьи, которые могли ввести в заблуждение русское командование о стратегических намерениях союзников и передвижении их сухопутных сил и флота.

Прокламации — воздушным шаром

О стремлении широкомасштабного информационно-психологического воздействия союзников свидетельствует и изучение в 1854 году во французском Министерстве обороны предложения русского эмигранта В. А. Энгельсона о применении воздушных шаров для разбрасывания листовок, чтобы возбудить ими русских людей против участия в Крымской войне⁴².

Известно, что В. А. Энгельсон во время Крымской войны был близок с русским писателем А. И. Герценом и в 1854—1855 годах публикует в его типографии ряд своих прокламаций⁴³. Интересен и тот факт, что сам Герцен, покинувший отечество в самом начале 1847 года, задумав начать, по его словам, «заграничную русскую литературу» и наладить ее переброску на родину, не может это сделать в революционной Европе, «гонимый из страны в страну», и только в 1853 году, когда определяется позиция Англии в восточном вопросе, получает разрешение на создание «вольного русского книгопечатания в Лондоне» и печатает воззвание «Братьям на Руси», в котором призывает присылать для печатания «все в духе свободы». Его либеральные друзья в России — Грановский, Анненков, Корш, Кетчер, Мельгунов отказываются участвовать в этом деле: страна уже воюет с Турцией, они через М. С. Щепкина пытаются уговорить Герцена отказаться от вольного книгопечатания. Однако он не соглашается. В июне 1853 года появилось первое издание — брошюра «Юрьев день! Юрьев день! Русскому дворянству». В ней начинается агитация за раскрепощение крестьян, угрожается дворянам обратиться через их голову к крестьянству с призывом «к топору, к революции... Война затрудняет распространение продукции Вольной русской типографии из Лондона. И В. А. Энгельсон едет в 1854 году к другому противнику России — во Францию с предложением строить воздушные шары для доставки брошюр, прокламаций и листовок, которые будут способствовать поражению русских войск.

Освещение Крымской войны в российской печати

В эпоху Николая I в России разрешалось публиковать пражительственную информацию в следующих официальных органах: Министерство иностранных дел использовало «Журнал

де С.-Петербург», Военное министерство — газету «Русский инвалид» и «Военный журнал».

«Русский инвалид», который выходил в первые годы своего существования под редакцией его основателя Павла Павловича Пезаровиуса, не был органом только военной журналистики, хотя и носил с 1816 года название «Военных ведомостей». В то время таким органом был «Военный журнал». Но и «Русский инвалид» под редакцией Пезаровиуса имел некоторое право называться официальным органом, так как он, с одной стороны, давал правительственные известия по военным вопросам, а с другой — посвятил себя инвалидам, пасынкам военного дела. Несмотря на это, «Русский инвалид» того времени был хорошей политической газетой. Так было до 1821 года, пока Пезаровиус не отказался от ее редактирования и она была передана в руки А. Ф. Воейкову. Переход «Русского инвалида» в новые руки ознаменовался исключением политического отдела. Сам литератор, друг и родственник выдающихся писателей, Воейков обратил больше всего внимания на литературный отдел. В газете стали появляться стихотворения, рассказы, анекдоты, библиография и пр. Выпускаются «Литературные прибавления». Воейков, бывший офицер, уделил гораздо больше места военному делу, чем это делал Пезаровиус. Теперь стали появляться статьи по военной истории, сообщалась «Биография русских воинов-писателей» Д. Давыдова, А. Шишкова, В. Броневского, А. Писарева и других; помещались биографии полководцев. Но статей, посвященных теории военного искусства, по-прежнему не было. Это являлось существенным недостатком «Русского инвалида» как военного издания. Без политического отдела, без заграничных известий он по-прежнему публикует официальные военные известия. Однако это не спасает газету, она становится все скучнее, и подписка все уменьшается. К 1839 году делается ясно, что гибель газеты неминуема. Пезаровиус неоднократно хлопочет о возвращении ему «Русского инвалида», но безуспешно. И лишь смерть Воейкова положила конец такому положению дела. Редактором «Русского инвалида» вновь становится Пезаровиус, который опять вводит политический отдел, пытается оживить газету, но это ему удается с трудом, так как его силы ослабли,

да и время было весьма неудобное для периодического издания.

В 1847 году Пезаровиус умирает, и редактором газеты становится князь Н. С. Голицын, а потом П. С. Лебедев. Оба они не внесли почти ничего нового в дело усовершенствования «Русского инвалида», несмотря на то что правительство оказывало изданию поддержку своими распоряжениями о том, что официальную военную информацию имеет право публиковать только «Русский инвалид», а другим изданиям разрешается перепечатывать эти сообщения с его страниц⁴⁴. Наличие у «Русского инвалида» отдела военных и политических известий приносило ему прямую коммерческую выгоду. Так, когда в 1854 году издатели «Современника» И. И. Панаев и Н. А. Некрасов обратились за разрешением включить в программу их журнала новый отдел военных и политических известий, им было отказано открыть его из-за отзыва Военного министерства, опасавшегося в связи с этим уменьшения подписки на газету «Русский инвалид». Таким образом, узкий ведомственный интерес в этом случае был поставлен выше общегосударственной выгоды, которая была бы от распространения правительственной политической и военной информации в более широком круге периодических изданий различного направления.

Особенно содержательным в 1850-е годы становится «Военный журнал». В 1846 году его редактором стал профессор Военной академии полковник (впоследствии генерал-майор) Болотов, руководивший журналом до середины 1852 года. Болотов произвел коренное преобразование журнала, увеличил размер его с 4 до 15 печатных листов, ввел библиографический отдел и военную летопись и, несмотря на невероятные цензурные условия, сумел оживить орган. Ему удалось привлечь к участию в журнале видных историков, писателей, ученых, а также лучшие военные литературные силы: Д. А. Милютину, М. И. Богдановича, князя Голицына, Шуберта, Стефана, Неверовского, опубликовавших ряд научных статей. Направление, данное журналу Болотовым, сохранилось и после его смерти, при редактировании его профессором Николаевской академии Генерального штаба полковником М. И. Богдановичем (1852—1856) и ученым секретарем Туруновым (1856—1859)⁴⁵. При Военно-ученом

комитете также издавались «Артиллерийский журнал» и «Инженерные записки». Здесь кроме специальных статей по вопросам артиллерии, осады и обороны крепостей, военно-строительному и мостовому делу публиковались также материалы из опыта Восточной войны, по боевой подготовке войск в России и за границей.

Однако «Артиллерийский журнал» и «Инженерные записки», как «Военный журнал», касались больше вопросов военно-специальных, военно-теоретических и военно-исторических. В программе «Военного журнала» имелся такой параграф:

«Места в журнале иметь не могут:

а) Политика и все до оной относящиеся предметы. Они, даже и в военно-исторических статьях, должны быть включаемы единственно только, поколику имеют неразрывную связь с описываемыми военными действиями и без всякого распространения в суждениях не принадлежащих до военного искусства.

б) Споры о мнениях по каким бы то ни было предметам, коль скоро они выходят из границ суждения о самих предметах или содержат хотя малейшую личность.

с) Критика на существующие учреждения.

д) Всякая личная критика и антикритика»⁴⁶.

При такой программе журнал в период подготовки и хода Крымской войны мог публиковать только официальную военную информацию и касаться только весьма немногих злободневных вопросов хода боевых действий.

В николаевскую эпоху в военном ведомстве возникают два журнала с чисто воспитательными целями. В середине 1836 года начал выходить два раза в месяц «Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений». Он явился своего рода хрестоматией, где публиковались произведения известных писателей, как, например, Крылова, Жуковского, Григоровича и др. Журнал давал литературный материал для чтения будущим офицерам. В период Крымской войны он больше стал публиковать статей на военно-исторические темы, о традициях и героизме воинов русской армии.

В 1848 году под редакцией штаб-капитана Чекмарева начал выходить при государственной поддержке журнал

«Чтение для солдат». Он явился удачным опытом издания журнала для народа, который просуществовал до 1917 года. Первый номер журнала вышел с предисловием «Разговор полкового священника с рядовым Кирпичевым о книжке “Чтение для солдат”», отличался искусственностью, неудачной попыткой поддаться под народный тон и мировоззрение, но подбор статей в журнале был интересным и удачным. Здесь публиковались беседы на духовно-нравственные темы, статьи исторические и беллетристические, а также специально-военные, например: «Как делают порох», «Что такое фашины» и др. Во время Крымской войны здесь стали больше давать статей на героико-патриотическую тему и иллюстрированных рассказов о подвигах русских солдат.

В 1854—1856 годах «Чтение для солдат» дополнялось выпуском сборников на патриотическую тему. В их числе были изданы «С нами Бог. Вперед! Ура! Собрание стихов про нынешнюю войну» (М., 1854), «Сборник патриотических стихов русских поэтов про турок, англичан и французов» (М., 1854), «Собрание патриотических стихов» (М., 1855), а также рассказы о подвигах русских воинов в Крымской войне. В связи с длительностью цензурной процедуры обычно от правительства поступали распоряжения об ускорении просмотра подобных рукописей. И действительно, цензура в таких случаях работала необычно быстро. Так, вопрос о разрешении издания литографий рисунков художника М. А. Зичи, изображающих подвиги русских воинов в войне с турками, был решен в течение недели⁴⁷. А Н. И. Путилов получил разрешение печатать «Сборник известий, относящихся до настоящей войны» в течение двух дней⁴⁸. Несколько с задержкой, но тоже было разрешено издание учителю Ф. А. Федорову «Альбома патриота» — сборника патриотических стихотворений, опубликованных в периодических изданиях⁴⁹.

В период войны правительство стремилось добиться полного согласия между государством и прессой. В связи с этим оно оказывало финансовую поддержку журналам «Северная пчела», «Библиотека для чтения», «Москвитянин», а рядом своих циркуляров преследовало цель создать бесконфликтные отношения с печатью. Однако избегать конфликтов не удавалось. Как правило, возникал он между правительством и прессой демократического направления, и прежде всего

журналами «Отечественные записки» и «Современник», которые пытались раскрыть истинные причины войны, ее масштабы, промахи правительства в ее ведении. Прежде всего это были статьи Н. Г. Чернышевского, который в рецензиях на книги по проблемам восточной политики отстаивал свою точку зрения. В № 8 журнала за 1855 год была опубликована рецензия «Восточная война, ее причины и последствия», где автор подчеркивал: «Это уже не война между Россией и Турцией с ее союзниками, какую представлялась она полтора года назад, а война между Россией и двумя западными державами, которые отеснили Турцию на второй план и на военном и на дипломатическом поприще». В № 6 того же года была напечатана рецензия «Крымская экспедиция. Рассказ очевидца, французского генерала». Чернышевский написал еще ряд материалов на эту тему: рецензии на книгу М. Стасюлевича «Осада и взятие Византии турками» и на книгу В. Жоли «Ложь и действительность Восточной войны» и др.

Исключительную роль в освещении Крымской войны сыграли корреспонденции журналиста Николая Васильевича Берга, известного также поэта и переводчика. В 1853 году он в качестве корреспондента отправился в Севастополь, чтобы стать очевидцем его обороны и писать в «Москвитянин» М. П. Погодина. В этом журнале были опубликованы его корреспонденции: «Десять дней в Севастополе»⁵⁰, «Севастопольские письма»⁵¹, «Письма из Севастополя и Бахчисарая»⁵², «Крымские письма к М. П. Погодину»⁵³, «Письма из Одессы»⁵⁴. Н. В. Берг был едва ли не единственным военным корреспондентом, в прямом смысле этого слова, от русской печати в 1853—1856 годах, поставивший себе прямой и единственной целью пребывание на театре войны — осведомление русского общества о ее событиях и героизме русских воинов⁵⁵. Корреспонденции Берга не содержали в себе описаний страданий русских воинов от плохого снабжения и устарелости их вооружения, а также других причин больших потерь русских войск и их поражений — это все равно не позволила бы опубликовать цензура. Впоследствии Берг обработал свои севастопольские корреспонденции и издал книгой «Записки об осаде Севастополя» (В 2 т., Москва, 1858) вместе с «Севастопольским альбомом» с 37 рисунками (Москва, 1858).

Человек, «всегда наклонный к поездкам, к впечатлениям войны, ко всему чрезвычайному, живописному и картинному», как писали о Берге⁵⁶, он после Крымской войны отправился на Кавказ, стал свидетелем падения Гуниба и пленения Шамиля, затем поехал в Италию и стал сопровождать Гарибальди в его походе на Неаполь, во время которого посылал в «Русский вестник» свои статьи: письма «Из Милана», «Из Брешии», «Поездка в отряд Гарибальди»⁵⁷. В начале 60-х годов Берг освещал в «Библиотеке для чтения» польское восстание. После его подавления остался до самой своей кончины (1884) в Варшаве профессором русского языка в Главной школе, преобразованной затем в университет⁵⁸.

Николай Васильевич Берг был первым в истории русской журналистики военным корреспондентом периодических изданий, находившимся столь длительный срок на Крымской и других войнах третьей четверти XIX века. Его статьи не только осведомляли общество о ходе боевых действий, но и формировали мнение народа в отношении этих военных конфликтов. Примеру Берга последовали в русско-турецкую войну многие журналисты.

Цензура и Крымская война

Впервые должность цензора была введена в Риме в 443 году до н. э. Его главной задачей было вести цензом, то есть обложением капитала, — осуществлять функцию, которую позже взяла на себя налоговая инспекция. Также римскому цензору было вменено в обязанность наблюдение за нравственностью граждан, их благонадежностью¹. Со временем цензором стало называться лицо, осуществлявшее цензуру. В начале XIX века им называлось учреждение, которое «имеет обязанностью рассматривать всякого рода книги и сочинения, назначаемые к общественному употреблению. Главный предмет сего рассматривания есть доставить обществу книги и сочинения, способствующие к истинному просвещению ума и образования нравов, и удалить книги и сочинения, противные сему намерению»². С течением времени понятие цензуры расширялось. В конце XX века оно «охватывает различные виды и формы контроля властей за содержанием, выпуском в свет и распространением массовой информации с

целью недопущения или ограничения распространения идей, сведений, признаваемых этими властями нежелательными или вредными. Контроль осуществляется в зависимости от средств массовой информации»³.

Цензура в Западной Европе, как уже отмечалось (с. 47), возникла в XV веке во времена религиозных войн. В России она появляется в эпоху Ивана Грозного, когда в 1551 году Стоглавый собор по инициативе царя «ввел некий род духовной цензуры»⁴. Протопопы, поповские старосты и десятские священники должны были наблюдать за перепиской церковных и юридических книг, в которые писцами иногда вносились отсебятина, по мнению властей, подчас откровенно еретического толка. Таким образом, проводя комплекс мер по наведению порядка в церковных делах, собор ввел целый институт охраны православных канонов и сделал это по инициативе главы государственной власти.

Более устойчивую упорядоченность российская цензура начинает приобретать при Петре I. При нем были изданы в 1701 году первые законодательные акты о контроле над книгописанием, согласно которым монахам запрещалось иметь письменные принадлежности и писать книги и статьи в одиночных кельях⁵. В 1720 году по настоянию московского духовенства был издан указ Петра I о запрещении печатания новых книг типографиями Киево-Печерского и Черниговского монастырей без согласия Духовной коллегии⁶. Через год появляется новый указ о поручении Синоду осуществлять контроль за богословским книгопечатанием, книгопроизводством, а также богослужениями и обрядами⁷. Петр I лично сам направлял печатное производство согласно своим политическим и просветительским взглядам. Он сам редактировал книги светского характера, разрешал и запрещал их печатать, следил за тем, что публиковала созданная им первая российская газета «Ведомости». Он был «ее единственным цензором», — замечает известный историк отечественной журналистики А. Ф. Бережной⁸.

В первой половине XVIII века потребности в специальных методах контроля за нарастающей массой светских изданий еще не возникало. Книги и информационные листы могли печататься в немногих правительственных типографиях, что предполагало индивидуальную процедуру органи-

зации самого производства, явочный контроль за содержанием и особое разрешение на факт издания⁹.

Во второй половине XVIII века в России цензуру книг и другого рода изданий осуществляли Синод, академия, университет. В период царствования Екатерины II вышел первый закон о печати, который систематизировал и собрал в рамки единого правового документа существовавшую до того практику цензурного контроля. В это время впервые расширение географии издательской деятельности соответствовало расширению действия цензуры, выразившееся в создании нескольких цензурных учреждений¹⁰. Екатерина II распорядилась «книгопродавцам присылать реестры книг, откуда вычеркивать такие книги, которые против закона, доброго нрава и нас»¹¹. С 1793 года официально вводится предварительная цензура. Все частные типографии упразднялись, издательское дело сосредоточивалось в руках государства. Контроль печати осуществлял Главный цензурный комитет¹².

1 июля 1804 года Александр I подписывает первый «Устав о цензуре», возложивший надзор за печатью на Министерство народного просвещения, при котором вместо Главного цензурного комитета создается Главное управление цензуры. Кроме того, контроль за выпущенными в свет изданиями и самой цензурой осуществляло так называемое Третье отделение Министерства внутренних дел.

В уставе предписывалось, что цензура имеет обязанностью рассматривать всякого рода книги и сочинения, назначаемые к общественному употреблению. Для рассматривания книг и сочинений учреждались цензурные комитеты при университетах из профессоров и магистров. Каждый из комитетов рассматривал книги и сочинения, печатаемые в типографиях, состоящих в округе того университета, при котором этот комитет находился. Он также контролировал книги и сочинения, выписываемые из «чужих краев для университетских чиновников»¹³.

«Книги и сочинения церковные, — указывалось в уставе, — к Священному Писанию, вере, либо толкованию Божия и свяitosti относящиеся, подлежат рассмотрению Цензуры Духовной, находящейся под ведением Святейшего Синода и Епархиальных Архиепископов»¹⁴.

Цензура книг и сочинений, «издаваемых от Главного Училищ Правления, Академий: Наук, Художеств и Российской, также от Кадетских Корпусов, Государственной Медицинской Управы, в Санкт-Петербурге существующих, и других ученых обществ, Правительством утвержденных, и казенных мест, возлагается на попечение и отчет самых тех мест и их начальников»¹⁵.

Рукописные пьесы, представляемые во всех, не исключая и придворных, театрах, как в столицах, так и в других городах, «до представления оных, рассматриваются Цензурными Комитетами, а где нет Комитетов, директорами народных училищ, под надзором местного начальства»¹⁶.

Журналы и другие периодические сочинения, выписываемые через комитеты из чужих краев, рассматриваются «в особенно учрежденной при оных Цензуре»¹⁷.

Таким образом, устав 1804 года начал делить цензуру на общую и ведомственную: духовную, правительственных учреждений¹⁸, театральную. Особо выделяется цензура для осуществления контроля за зарубежной прессой.

Цензурный комитет и каждый цензор при рассмотрении книг и сочинений должен был контролировать, «чтобы ничего не было в оных противного Закону Божию, Правлению, нравственности и личной чести какого-либо гражданина»¹⁹. Запрещались также эстампы или изображения, «клонящиеся к явному соблазну и оскорблению какого-либо лица»²⁰. Устав рекомендовал цензорам руководствоваться благоразумным снисхождением, «удаляясь всякого пристрастного толкования сочинений или мест оных, которые по каким-либо мнимым причинам кажутся подлежащими запрещению»²¹. Кроме того, даже указывалось, что когда место, подверженное сомнению, имеет двоякий смысл, «в таком случае лучше истолковать оное выгоднейшим для сочинителя образом, нежели его преследовать»²².

Что касается государственных тайн, военных секретов, освещения войны, подготовки, жизни и быта армии и флота, в «Уставе о цензуре» 1804 года ничего не упоминалось. Только из 6-го пункта устава следовало, что цензура изданий военных учреждений и кадетских корпусов возлагалась на их начальников²³.

Но позднее в связи с нашествием Наполеона официальные власти решили ограничить свободное хождение информации, имеющей военное значение.

Поэтому в 1812 году в составе Военно-ученого комитета Военного министерства вводится должность военного цензора, которому вменялось в обязанность рассмотрение содержания вышедших в свет изданий, сличение переводов с оригиналами, контроль военных материалов и определение их соответствия общим цензурным установлениям. Цензурный устав 1826 года создал главный (в столице) и периферийные цензурные комитеты. В 1828 году был принят новый цензурный устав, который вводит при Главном штабе Военно-цензурный комитет, на который возлагается рассмотрение военной литературы и контроль за освещением военных кампаний, состояния вооруженных сил и сохранения военных секретов.

Следует отметить, что одной из причин, задержавших в эпоху Николая I развитие журналистики вообще, а военной в частности, была цензура, которая воспрещала касаться самых насущных вопросов государственной жизни, и тем более неприкасаема была военно-политическая проблематика. Еще в 1826 году Николай I издал предписание «принять за правило и строго наблюдать, дабы ни в одной из газет, в России издаваемых, отнюдь не были помещены статьи, содержащие в себе суждения о политических видах Его Величества, допуская те только из сего рода, кои заимствуются из С.-Петербургских академических газет или же из «*Journal de S.-Peterburg*», издаваемого при Министерстве иностранных дел, лишил журналистику политической информации, сделав тем самым ее строго официальной²⁴.

Журналистам того времени рекомендовалось «рассказывать события просто, избегая, по возможности, всяких рассуждений», запрещалось говорить «о представительных собраниях европейских государств, о выборах, утверждаемых законах и депутатах», избегать писать «о народной воле, о требованиях и нуждах рабочих классов, о беспорядках, о военных делах»²⁵ и проч.

Накануне 1850-х годов был усилен надзор за статьями, предназначенными к печати в периодике, не допускались к перепечатке статьи, уже одобренные цензурой, без нового их просмотра, запрещалось высказываться в печати о правительственных мероприятиях.

Словом, была почти невозможна постановка серьезных политических и военных проблем в журналистике той эпохи.

Человек с большими административными способностями, впоследствии лучший военный министр, какого когда-либо имела императорская Россия, Дмитрий Алексеевич Милютин пишет в своих записках: «Говоря совершенно откровенно, и я, как большая часть современного молодого поколения, не сочувствовал тогдашнему режиму, в основании которого лежали административный произвол, полицейский гнет, строгий формализм. В большой части государственных мер, принимавшихся в царствование императора Николая, преобладала полицейская точка зрения, т. е. забота об охране порядка и дисциплины. Отсюда проистекали и подавление личности, и крайнее стеснение свободы во всех проявлениях жизни, в науке, искусстве, слове, печати»²⁶.

С началом подготовки к Крымской войне 1853—1856 годов русская цензура не допускала других точек зрения в печати по Восточному вопросу, кроме официального взгляда. Примером может служить дело об исключении части текста из рукописи А. Горянинова «О Восточном вопросе». По замечаниям Министерства иностранных дел, министра императорского двора и Морского министерства, которые рассмотрели эту статью, Цензурным комитетом весной 1854 года было предписано не рассуждать по проблемам Восточного вопроса и особенно о будущих действиях русского военного флота²⁷. По этой же причине не была запрещена публикация статьи «Письмо в Париж о нынешнем состоянии Турции и о политическом кризисе на Востоке»²⁸.

За недосмотр в подобных вопросах цензоры строго наказывались. Так, в 1853 году был уволен со службы старший цензор Варшавского цензурного комитета Триплин по обвинению «в небрежном исполнении своих обязанностей и нарушении цензурных правил, которое выразилось в неизъятии части текста с намеком на Польское восстание 1830 года из книги «Дневник путешествия до Татров» С. Чашевского»²⁹.

Запуганные цензоры были крайне осторожны с рукописями статей на военно-политическую тему и во избежание неприятностей представляли такие рукописи в вышестоящие инстанции. В таких случаях на разрешение вопроса о печати рукописи уходило до нескольких месяцев, и актуальность публикации такого материала нередко терялась. Например, 26 марта 1854 года председатель Цензурного комитета

Москвы писал товарищу министра просвещения: «В редакцию «Московских ведомостей» поступила для напечатания в этой газете статья с заглавием «Англия и Турция». Статья эта написана весьма в благонамеренном духе и по содержанию своему могла бы быть в печати очень полезна при нынешних обстоятельствах, но так как в ней заключаются сведения, достоверность которых Московскому цензурному комитету неизвестна, то я долгом своим считал представить оную рукопись на рассмотрение и распоряжение Вашему Превосходительству»³⁰.

В ответ 22 апреля 1853 года старший секретарь товарища министра просвещения послал в Московский цензурный комитет выписку статьи 57 из Свода законов Российской империи (издания 1842 года, т. 24), в которой отмечалось: «Попечитель в особенности старается не обременять Главное управление частными и маловажными представлениями или требованием разрешения на случаи, не превышающие вверенной комитетам власти; но доводить немедленно до сведения одного сомнения важные и все обстоятельства, заслуживающие внимания начальства»³¹.

В следующем своем послании в Петербург от 5 мая 1854 года московский цензурный начальник в чине генерал-адъютанта старается объяснить свои сомнения по поводу отправляемой им рукописи: «Имею честь доложить, что при рассмотрении статьи «Англия и Турция», во-первых, найдены сомнительные те места, где говорится об участии в Восточном вопросе германских держав и всегдашней двусмысленной политике Австрии относительно России. Так как положение германских государств среди настоящих политических обстоятельств еще не определилось в отношении к России, то Комитет и полагает, что мы не можем дать разрешения без предварительного рассмотрения Главного Управления Цензуры; во-вторых, рассуждения свои о России автор везде подкрепляет на официальные источники, кроме одного только места, достоверность которого неизвестна, а именно: действительно ли генерал Ермолов в 1820 году обращал внимание Морского Начальства на годность Абхазских и Имеретинских мысов для кораблестроения; а потому, в-третьих, если бы обстоятельство это могло служить препятствием к напечатанию означенной статьи, то не благоугодно

ли будет Вашему превосходительству войти в надлежащее тому предмету сношение с Морским ведомством.

Вообще же статья эта при сем возвращается как вполне основательная и не заключающая в себе ничего противного правилам цензуры, может быть одобрена к печати»³².

В столице «оная» статья совершает путешествие по нескольким ведомствам. Вначале она проходит экспертизу в Министерстве иностранных дел, где получает заключение: «Рукопись эта в политическом отношении и при нынешних обстоятельствах ничего предосудительного не заключает и может быть напечатана, если со стороны Министерства финансов не будет к тому препятствия»³³.

В июне статья получает «визу» и товарища министра финансов: «Возвращая... рукопись «Англия и Турция», имею честь... уведомить, что, за исключением или смягчением на 10-й, 11-й и 13-й страницах указанных синими чернилами резких и не совсем справедливых выражений, не встречается со стороны Министерства финансов препятствий к напечатанию той рукописи»³⁴.

Затем рукопись была направлена в Морское министерство, и оттуда 3 сентября 1854 года уведомили: «Господину Министру просвещения!.. Прошу приказать исключить упомянутые сведения, которых по справке из архива Морского Министерства не оказалось; из дел же того времени видно, что в июне 1820 года было сделано предложение капитаном 2-го ранга Цимбиленом о заготовлении на берегах Абхазии и Мингрели лесов и угля. Предложение это, как сказано в рапорте Главным командиром Черноморского флота, сделано без всякой основательности»³⁵.

Таким образом, только через полгода рукопись вернулась к московскому цензору, который и сам мог решить все вопросы с ее публикацией, проявив определенную меру решительности и самостоятельности в принятии решения. Естественно, статья уже во многом потеряла свою злободневность.

Следует отметить, что в высших чиновничьих сферах были люди, которые сознавали необходимость довести до населения в нужном освещении и в общепонятной форме внешние акции России в этот период, доставить публике ежедневную пищу для размышления в духе официальной политики. Они понимали, что всего этого не добиться без

журналистики. К таким людям относился цензор Военного комитета генерал-майор Н. В. Медем, автор широко известного труда «Обозрение известнейших правил и систем стратегии», где выдвинутые им положения далеко не всегда соответствовали требованиям официальных уставов и наставлений. По данному вопросу Медем предложил вернуть через печать политическое влияние на общественное мнение и в связи с этим разработал специальную инструкцию для редакторов и цензоров. «Комитет 2 апреля»³⁶, куда был представлен этот проект, препроводил его на заключение министру иностранных дел Нессельроде. Он, касаясь организации военно-политического раздела газет, отозвался с похвалой о стремлениях барона, но, выразив при этом сомнение в их осуществлении, отмечал, что «для успеха этого предложения надо, чтобы редакторы и их ближайшие сотрудники были проникнуты духом самого автора записки; чтобы все они смотрели на политические события с одной и той же точки зрения»³⁷.

Сложность применения проекта Медема Нессельроде объяснял еще и тем, что в инструкции придется «указать редактору газеты, как надо переделать политическую статью, какое ей надо дать направление, на что в особенности следует обратить внимание, чтобы окончательно сделать полезное заключение, и все это ввиду основных начал нашего государственного управления и общественного мнения, — все это требует зрелости, верной точки зрения, наконец, истинной опытности». Министр иностранных дел считал, что все эти достоинства невозможно найти в лице одного главного редактора. А статьи, касающиеся политики, как писал Нессельроде, «не могут и не должны быть написаны посредственно: надо, чтобы критика, даже словесная, не могла их оспорить и опровергнуть»³⁸. Иначе они сыграют противоположную роль.

Далее министр иностранных дел указал, что для успешного влияния через печать на общественное мнение в своей стране и особенно в зарубежных государствах необходимо иметь подготовленных журналистов.

А в целом правительство больше уповало на запретительные меры. 7 октября 1854 года вышло очередное распоряжение министра народного просвещения, в котором говорилось:

«Сочинения и статьи, относящиеся к смутным явлениям нашей истории, как-то: ко времени Пугачева, Стеньки Разина и т. п., и напоминающие общественные бедствия и внутренние страдания нашего отечества, ознаменованные буйством, восстаниями и всякого рода нарушениями государственного порядка, при всей благонамеренности авторов и самих статей их, неуместные и оскорбительные для народного чувства, оттого должны быть подвергнуты строжайшему цензурному рассмотрению и не иначе быть допускаемы в печать, как с величайшею осмотрительностью, избегая печатания оных в периодических изданиях»³⁹.

По поводу патриотических сочинений, появившихся в результате начала восточного конфликта, Николай I отмечал: «соизволил разрешить беспрепятственное печатание вышеизложенных сочинений с тем только, чтобы в них не заключалось брани»⁴⁰, а в другом позднее указывал: «Карикатуры политического содержания, направленные против враждебных нам государств и народов, допускать к печати в таком только случае, если они представляют смешную сторону предмета, с соблюдением приличия, и не заключать в надписях брани»⁴¹.

В связи с этим были запрещены стихи «Великие ведомости» за «допущенные в них при патриотическом содержании резкие выражения»⁴². А в предписании цензуры о запрещении стихотворения Б. Н. Алмазова «Русь и Запад» отмечалось: «...За допущенные в нем резкие выражения по адресу Наполеона III и Германии»⁴³. По этой же причине было запрещено в «Московских ведомостях» стихотворение «Великие люди»⁴⁴.

В 1853 году цензура также не разрешила публикацию стихов Ф. М. Тютчева «Рассвет» и «Предание», графини Е. П. Ростопчиной — «В Риме», «Пришла пора», «Напутствие в поход графу Орлову-Денисову», как содержащие призыв к восстанию. В это же время было запрещено помещать в печать статьи Ф. Ф. Вигеля и П. Я. Чаадаева, посвященные Н. В. Гоголю, как трактующие о народности не в официальном духе⁴⁵. Цензурой также было заведено дело по поводу несоблюдений газетой «Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции» установленной для нее программы и запрещения помещения в ней политических известий.

Сообщения «Times» из Крыма возбудили английское общество

Свободно чувствовала себя пресса в Великобритании, где не существовало цензурных ограничений для прессы. Первые успехи союзников в Крымской войне, о которых рассказывала их пресса, вызвали энтузиазм в английском и французском обществе.

Но затем наступила страшная зима, и газетные публикации о холере и других болезнях в войсках союзников вызывают там негодование.

Особенно остро воспринимались статьи военного корреспондента У. Рассела, отправленного английской газетой «Times» в Крым. Он в своих репортажах разоблачает бездарность администрации, убивающую больше своих солдат, чем русские пули. Общество негодует, требует отставки правительства, прекращения войны.

Влияние газеты «Times» достигает своего апогея. Тиражи ее доходят до 54 тысяч экземпляров в день при цене номера в 5 пенни (около 20 копеек золотом)⁵⁹.

Корреспонденции с фронтов Крымской войны принесли Расселу международную славу, а Англии — безжалостного критика всех не порядков в военной машине англо-французских союзников, и военные обвиняли его и в раскрытии военной тайны.

В январе 1855 года лорд Раглан, командующий английскими войсками, которые совместно с французскими войсками осаждали Севастополь, писал военному министру о представителе газеты «Таймс» У. Расселе: «Я задаю вопрос, мог ли платный агент русского императора лучше служить своему хозяину, чем это делает корреспондент газеты, имеющей самый большой тираж в Европе». Впрочем, возможно, Раглан больше опасался критики своих действий, чем действительного раскрытия военной тайны. По крайней мере, после войны Рассел письменно запросил русского командующего М. Д. Горчакова, узнавал ли тот какие-либо секреты из его корреспонденций. Горчаков ответил, что никаких, которых бы он не знал заранее. Правда, царю Александру II приписывали утверждения противоположного характера⁶⁰.

Первая попытка батального фоторепортажа

Крымская война — первое вооруженное столкновение государств, получившее отражение в фотографии. Первая в истории журналистики попытка батальной репортажной съемки производилась румынским фотографом Каролом Попп Сатмари на этой войне. Как представитель не участвующей в конфликте страны, он сумел заснять обе воюющие стороны, портреты военачальников, сцены погрузки войск на суда и т. п. Так же популярны многие работы фотографа Роджера Фентона. Известно около трехсот фотоснимков Р. Фентона, на которых отображены сцены осады Севастополя, флоты союзников, заседания военного совета, Малахов курган, пристань с артиллерийским складом в Балаклаве и т. д. Одновременно севастопольскую эпопею снимал англичанин Д. Робертсон и «некий мистер Симпсон». Отпечатки Симпсона, сохранившиеся до нашего времени, изображают главным образом французских солдат⁶¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

^{1a} Военный сборник. 1902. № 7. С. 196.

¹ Цит. по *Тарле Е. В.*: Крымская война. М.; Л., 1944. С. 52.

² Там же.

³ Там же. С. 53.

⁴ Святое мирское дело // Русский архив. 1905. № 8.

⁵ *Щербатов А. А.* Князь Паскевич. СПб., 1883. Т. 8. С. 9.

⁶ Цит. по: *Тарле Е. В.* Указ. соч. С. 107.

⁷ Там же. С. 108.

⁸ The history of the Times, Vol. II. P. 113.

⁹ Цит. по: *Тарле Е. В.* Указ. соч. С. 326.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² *Беглов С. И.* Внешнеполитическая пропаганда. М., 1980. С. 63.

¹³ *Тарле Е. В.* Указ. соч. С. 336.

¹⁴ См.: *Urquhart D.* The war of ignorance and collusion, its progress and results; prognostication and testimony. L., 1854; *Urquhart D.* Recent events in the East. Being letters, articles a reprint of mr. Urquhart's contrubutiong to the «Morning advertiser») L., 1854.

¹⁵ Recent events in the East 19. London. 1854. Это перепечатка ряда статей Уркуорта в «Морнинг Адвертайзер» за осень 1853 года. Цитируемое открытие насчет Навуходоносора — в статье от 12

августа 1853 года.

¹⁶ См.: Русский инвалид. 1853. 16 июня.

¹⁷ См.: Современник. 1862. С. 295.

¹⁸ См.: Журнал военных действий, происходивших с 3 октября 1853 года. по 1 января 1854 года // Военный журнал. 1854. № 4.

¹⁹ Русский инвалид. 1853. № 138—140 и др.

²⁰ Усов П. Из воспоминаний // Исторический вестник. 1882. № 11. С. 350.

²¹ РГИА, ф. 772, оп. 1, ч. 2, д. 3100, л. 1.

²² Тарле Е. В. Крымская война. Т. 1. С. 226.

²³ Всеподданнейшая записка князя Паскевича. Варшава, 24 сентября 1853 года Русская старина. 1876. Т. 8. С. 698—702.

²⁴ Там же.

²⁵ Цит. по: Тарле Е. В. Указ. соч. С. 122.

²⁶ Архив ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, № 14. Сергей Аксаков — Ивану Аксакову, 1 февраля 1854 года.

²⁷ Там же. № 14. Сергей Аксаков — Ивану Аксакову, 8 февраля 1854 года.

²⁸ Там же. № 14. Сергей Аксаков — Ивану Аксакову, 15 февраля 1854 года.

²⁹ Усов П. С. Из моих воспоминаний // Исторический вестник. 1883. № 5. С. 377; Барсуков. Жизнь и труды Погодина. СПб., 1899. Т. 13. С. 115—116.

³⁰ Тарле Е. В. Т. 1. С. 226.

³¹ См.: Тарле Е. В. Указ. соч. С. 227.

³² Leouzon Le Duc. La question russe. Paris, 1853. P. 276, 326.

³³ Тарле Е. В. Указ. соч. С. 403.

³⁴ Цит. по: Тарле Е. В. Указ. соч. С. 426.

³⁵ Тарле Е. В. Там же. С. 427.

³⁶ Высший секретный комитет, который осуществлял «высший надзор за духом и направлением» всех произведений русского книгопечатания, следил «за содержанием ... периодических изданий...». Также комитет являлся высшим органом надзора за деятельностью цензурных учреждений. (РГИА, ф. 1611, оп. 1, д. 1, л. 1—10).

³⁷ Тарле Е. В. Указ. соч. С. 497.

³⁸ Geffroy. Une visite a Bomarsund // Revue des Deux Mondes. 1854. Tome septime, P. 1061.

³⁹ Петров А. Н. Война России с Турцией. М., 1954. Т. 2. С. 195.

⁴⁰ Ср.: Adrian Gilson. The czar and sultan. 30. (Серия памфлетов: The subject of the day).

⁴¹ История XIX века: В 8 т. / Под ред. Лависса и Рамбо. М., 1938. Т. 5. С. 215—216.

⁴² Почепцов Г. Г. Паблик риллейшинз для профессионалов. М., 1999. С. 304.

⁴³ *Березина В. Г.* и др. История русской журналистики XVIII—XIX веков. М., 1966. С. 305.

⁴⁴ См.: Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862.

⁴⁵ В 1859 году, с закрытием Военно-ученого комитета, прекратилось издание и «Военного журнала».

⁴⁶ *Кузьминский К.* Очерк развития военной журналистики в России // Война и мир. 1906. № 8. С. 74.

⁴⁷ РГИА, ф. 772, оп. 1, ч. 2, д. 3278, л. 1—7.

⁴⁸ РГИА, ф. 772, оп. 1, ч. 2, д. 3229, л. 1—54.

⁴⁹ РГИА, ф. 772, оп. 1, ч. 2, д. 3293, л. 1—7.

⁵⁰ См.: Москвитянин. 1855. Кн. 9.

⁵¹ Там же. Кн. 12—16.

⁵² Там же. Кн. 17—18.

⁵³ Там же. Кн. 19—22.

⁵⁴ Там же. 1856. Кн. 1.

⁵⁵ См.: *Боборыкин П. Д.* За полвека // Голос минувшего. 1913. № 3.

⁵⁶ См.: Русский вестник. 1859. Кн. 11, 12, 14, 15 и 16.

⁵⁷ См.: *Языков Д. Д.* Обзор жизни и трудов пакостных русских писателей. СПб., 1888. Вып. IV.

⁵⁸ История XIX века / Под ред. Лависса и Рамбо. В 8 т. М., 1938. Т. 5. С. 388.

⁵⁹ *Черняк Е. Б.* Пять столетий тайной войны. М., 1972. С. 392.

⁶⁰ См.: Морозов С. А. Творческая фотография. М., 1986. С. 11—14.

ГЛАВА VII

Влияние прессы на реформирование армии в России

После окончания Крымской войны в России по-прежнему действует цензурный устав 1828 года. Однако цензуре трудно уследить за его точным соблюдением. Неудачная крымская кампания пробудила общество, вызвала у него желание принять участие в государственной жизни. Современники отмечают, что еще никогда не было такого патриотического воодушевления, как после этой проигранной войны. В печати второй половины 1850-х годов начинает сразу появляться такая масса статей, которые не допускались цензурным уставом, что цензоры совершенно не могли справиться с поставленной для них задачей. Если в конце царствования Николая I водворился, по выражению современников, «цензурный террор», то в начале царствования Александра II началась, по их определению, «цензурная анархия»: то, что разрешалось одним цензором, запрещалось другим; то, что было дозволено сегодня, то строжайше преследовалось завтра¹.

Особенности военных изданий после Крымской войны

В 1857 году был издан новый «Свод уставов о цензуре», причем старый устав 1828 года остался в прежнем виде, а к нему были сделаны лишь некоторые дополнения. Таким образом, суть дела оставалась прежняя. Но этот новый «Свод уставов о цензуре» почти совершенно не касался военной журналистики, так как его § 50 гласил: «Военные ведомости одобряются к напечатанию при Главном штабе Е. И. В.».

Это обстоятельство выгодно отразилось на военной журналистике. Больше всех исходом Крымской войны огорчены были военные. Хорошо понимая, какие причины привели к ее печальным результатам, Главный штаб был заинтересован в

том, чтобы печать не была стеснена в обсуждении различного рода недостатков в развитии военного дела в России того времени.

В «Русском инвалиде» и «Морском сборнике» начинает появляться масса статей обличительного характера. В каждом номере этих журналов можно встретить описание самых разнообразных злоупотреблений, неурядиц и преступлений, имевших место в период Крымской войны.

Если «Морской сборник» касался специфических флотских проблем, то газета «Русский инвалид» того времени была единственным органом печати, где свободно обсуждались не только военные дела, но и широкий круг наболевших вопросов. К сожалению, площадь этой небольшой газеты не позволяла отводить им слишком много места. Поэтому на страницах «Русского инвалида» проблемы только намечались, а подробная их разработка и всестороннее обсуждение происходили в другом периодическом органе военной печати — в журнале «Военный сборник». Он начал издаваться в 1858 году штабом гвардейского корпуса.

Программа журнала гласила: «Военный сборник» имеет целью «распространять в нашей армии основательные сведения по всем отраслям военных знаний, собирать сведения о современном состоянии военного дела у нас в России и в иностранных государствах, и служить посредником для обмена мыслей и наблюдений между военнослужащими и вообще всеми лицами, интересующимися успехами военного дела в нашем отечестве»². По этой программе журнал состоял из четырех отделов: официального, где публиковались извлечения из приказов и другие правительственные известия, касающиеся военного ведомства; военной науки, который освещал вопросы тактики и стратегии, военной истории, администрации, статистики и географии, фортификации, артиллерии, топографии; литературный, помещавший рассказы из военного быта, дневники, мемуары, представлявшие военно-исторический интерес, а также биографии известных людей; обозрения, где чаще всего находили место библиографические статьи.

Редактирование «Военного сборника» было возложено на профессоров Военной академии В. М. Аничкова и Н. Н. Обручева (по военной части) и на писателя Н. Г. Чернышевского (по литературной части). Журнал выходил ежемесячно

толстыми томами, объемом не менее 300 страниц. Было распоряжение о подписке на «Военный сборник» для всех штабов, начиная с отдельных батальонов³.

Уже из краткого перечисления отделов журнала и проблем, которыми они занимались, видно, что его издание требовало большого труда, стараний, знаний, для того чтобы в «Военном сборнике» были освещены такие разнообразные вопросы военного дела. Просмотр только одного оглавления «Военного сборника» за 1859 год показывает, что влияние этого журнала было разностороннее и глубокое. Обычно в «Военном сборнике» помещалась большая статья, посвященная той или иной проблеме военного дела, а в следующих номерах журнала другие авторы подвергали эту публикацию критике, высказывали свои суждения. Таким образом журнал давал возможность высказаться людям различных взглядов. Подобным способом ведения журнала оправдывалось его название — «Военный сборник».

Хотя журнал и был сборником статей по военным вопросам, однако их подбор свидетельствовал об определенных взглядах редакторов. Важное внимание ими было обращено на причины, вызвавшие поражение в Крымской войне. Так, № 1 «Военного сборника» первого года создания (1858) начинался со статьи «Взгляд на состояние русских войск в минувшую войну». Очевидно, этой статье придавалось направляющее значение, так как в ней были затронуты почти все вопросы боевой подготовки наших войск, объясняющие неудачи армии во время Крымской войны. В последующих номерах журнала эти вопросы рассматривались детально.

Среди военно-исторических публикаций журнала о прошлых войнах крымской кампании тоже уделялось больше всего внимания. Из статей о ней наиболее глубокими по своему анализу и важности сделанных выводов были «Заметки о Крымской войне» А. Циммермана⁴, которые не потеряла своего значения и сейчас, на рубеже XX и XXI веков.

«Восточная война», — пишет автор этой статьи, — представляет явление замечательное с точки зрения исключительно военной, специальной. Мы оставляем совершенно политическую сторону вопроса. Нас поражает более всего тот факт, что государство, считавшееся дотоль, и не без основания, первую военную державою в мире, в борьбе, продолжавшейся

около трех лет, не имело нигде положительного успеха в большом, решительном бою (кроме Синопа и Азиатской позиции). Нельзя приписывать одним случайностям или ошибкам в распоряжениях целый ряд неудач. Наконец и эти более или менее постоянные ошибки в распоряжениях происходили же вследствие каких-либо причин»⁵.

Одной из главных причин таких постоянных неудач А. Циммерман считает исключительно строевое управление в воспитании нашей армии. С точки зрения такой системы армия рассматривается как машина, управляемая одним или немногими людьми. Все отдельные части этой машины повинуются только до тех пор, пока не испортится одна, хотя бы и самая ничтожная, из них. Тогда вся машина приходит в полную негодность. «Военная ученость, — замечает автор, — без боевой опытности есть то же зло, хотя и меньшее, но довольно значительное... Легко рассуждать в кабинете о военных действиях, корить, рядить и указывать другим на ошибки... Одно дело сидеть в кабинете, разбирать и обсуждать действия полководцев, выводить правила для войны и строить теорию, и другое дело сидеть на коне под ядрами, в то время как смерть летает вокруг, когда тысячи солдат глядят на ваше лицо и ищут в нем уверенности в победе или надежды на спасение. Когда от ваших распоряжений зависит или торжество, или гибель людей, доверенных вашему начальству и вашей ответственности. В такой момент, грозный и важный, ясно думать, рассчитывать и соображать, потом спокойно и твердо распоряжаться и приказывать — немногим доступно. Очевидно, тут нужен не профессор, а полководец!»⁶.

Таким образом, отмечает А. Циммерман, увлечение строем, с одной стороны, и теорией — с другой, ведет к неудачам, что ясно доказала Крымская война.

Однако есть еще одна причина, которая мешает правильному и нормальному развитию армии, — это отсутствие гласности в обсуждении военных вопросов. Автор статьи стоит за то, чтобы военные вопросы могли стать предметом обсуждения не только военной, но и общей прессы. Рассказывая о том, как корреспондент английской газеты «Times» раскрыл массу злоупотреблений и недостатков своей армии, автор вышеупомянутой статьи высказывает следующее

суждение: «Не будучи военным и не принадлежа к армии, он был в независимом положении, мог свободно высказывать свои мнения, не увлекаясь ни чувством военного честолюбия и желанием сделать карьеру в военной службе, ни чувством соперничества к другим военным»⁷.

Обращаясь к рассмотрению того, что было написано о Крымской войне, А. Циммерман одобряет все статьи, которые были помещены в общей прессе, но негодует против тенденции чисто антимилитаристской, отрицательно относящейся ко всему военному. «Литература,— говорит он,— как орган общественного мнения имеет полное право судить военных по своему усмотрению. Пусть выставляют иногда военных в смешном виде; уже тридцать лет играют на нашей сцене полковника Скалозуба, и никакой беды от того не вышло. Если в обществе начнут преобладать антивоенные идеи, то литература вправе сделаться эхом такого направления. Но у военных людей есть обязанность к своему сословию: они должны уважать свое ремесло или оставить его. Не должно смешивать здесь желания уничтожить злоупотребления в армии с идеями, понятиями и направлением, совершенно враждебными самой сущности военного дела»⁸.

«Заметки о Крымской войне» А. Циммермана вызвали вскоре довольно резкую критику в самом «Военном сборнике». Но уже появление ее могло служить показателем новых веяний в русской армии, которые появились и в статьях других отделов журнала.

Если в «Военном журнале» николаевской эпохи в статьях о дисциплине проводился взгляд, что она должна основываться на страхе, то «Военный сборник» возвращается к суворовской установке о том, что взаимные отношения солдата и офицера должны были строиться на нравственных началах. В «Военном сборнике» таких статей много, особенно в первые годы его издания. Так, в «Наставлениях, данных гр. М. С. Воронцовым г. г. офицерам 12-й пехотной дивизии»⁹, развивается мысль, что истинные качества каждого офицера должны заключаться в долге чести, благородстве и храбрости. Если же кто-либо из офицеров не имел этих качеств, то он должен был немедленно оставить службу по приговору своих сослуживцев. В статье «Солдат и офицер»¹⁰ говорится об отношении начальников к подчиненным.

В ней нет ни слова «о страхе, который поддерживает дисциплину». Интересен литературный отдел «Военного сборника», где выступали известные писатели, например А. Погосский, А. Чужбинский, барон А. Корф и др. Рассказы и повести были рассчитаны не только для офицеров, но и «для солдатского понимания». Как, например, «Отставное счастье» А. Погосского¹¹, «Рядовой Зиновьев» В. Скорова и т. п.

Таким образом, с выходом «Военного сборника» русская военная журналистика приобрела серьезный орган. Никогда раньше, даже в «Военном журнале» в лучшие его времена эпохи Александра I, не было закончено и разработано столько вопросов, как в «Военном сборнике» первых лет его существования. В «Военном сборнике», находившемся вне общей цензуры, можно было высказываться гораздо свободнее. Поэтому в этом журнале поднимались многие острые вопросы. В нем обсуждались такие проблемы, которые в общей прессе замалчивались. С точки зрения властей создавалась нежелательная возможность говорить в военной прессе о таких вещах, которые запрещались действующим цензурным уставом. В связи с этим были приняты меры к тому, чтобы военная журналистика не пользовалась особыми послаблениями. 19 февраля 1858 года военным министром было объявлено следующее распоряжение: «Существовавший доньше особый Военно-цензурный комитет упразднить и военную цензуру присоединить к общей цензуре Министерства народного просвещения»¹².

С этого момента военный цензор прикомандировывался к Гражданскому цензурному комитету. Здесь он рассматривал поступающие рукописи военного содержания и передавал их в Комитет цензуры для разрешения вопроса о печати. Таким образом, устанавливалась двойная цензура: военная журналистика должна была считаться не только с цензурным уставом, но и с мнениями двух цензоров. Это поставило военные издания в более невыгодное положение, чем была в то время общая журналистика.

Перемены происходили и в редакции «Военного сборника». Он издавался при штабе гвардейского корпуса менее года. В конце 1858 года было принято решение о том, что он будет выходить при Главном штабе. С 1 января 1859 года главным редактором «Военного сборника» был назначен

известный военный писатель генерал-майор П. К. Меньков, который оставался в этой должности до 16 апреля 1872 года. Направление, в котором до 1859 года велся журнал, было признано «не соответственным», отмечался его обличительный характер, что, кстати, было характерно для журналистики той поры. Новому редактору было указано сделать его более умеренным и научным.

Все это привело к тому, что «Военный сборник» все реже стал публиковать статьи по общегосударственным вопросам, но уделял больше места проблемам специального характера. В связи с этим новую редакцию встретило недружелюбное отношение со стороны либерально-демократической части общества, выразившееся в уходе большей части прежних сотрудников и уменьшении подписки.

Были недовольны новым редактором и среди высших военно-административных кругов: журнал поднимал острые вопросы армейской жизни, в его статьях высказывались новые, непривычные для старого генералитета взгляды на обучение и воспитание войск. Вот несколько характерных выдержек из дневника П. К. Менькова за 1859 год: «Главкомандующий 1-ю армиею кн. Горчаков жалуется на «Военный сборник», что он подрывает понятие дисциплины... Генеральный штаб на меня дует, как мышь на крупу; гвардейский штаб за статью «Офицерская школа» проглотить готов; дежурство смотрит неприязненно за неправильный будто взгляд на нашу военную систему вообще и на систему резервов наших в особенности. Словом, невзгода общая»¹³.

Однако император Александр II остался доволен новым направлением «Военного сборника», что в 1859 году выразил в собственноручной резолюции: «Читал с удовольствием и благодарю искренне главного редактора за данное направление, совершенно соответствующее Моим желаниям»¹⁴.

1860 и 1861 годы были самыми тяжелыми годами для «Военного сборника». Он сильно был стеснен цензурой, которая доходила до того, что статьи, уже напечатанные в официальном «Морском сборнике», не разрешала публиковать в «Военном сборнике», даже в отрывках. Военный цензор генерал-майор Штюмер часто представлял военному министру записки с замечаниями на вышедшие номера «Военного сборника».

Помог журналу Д. А. Милютин, который в 1861 году стал военным министром. Желая сделать «Военный сборник» полностью органом Военного министерства, посредством которого можно было бы знакомить войска с той внутренней работой, которая велась в них по преобразованиям, Милютин предоставил право журналу оповещать о ходе этой работы и давать документальный о ней материал. При этом, с начала 1862 года, он освободил «Военный сборник» от всякой предварительной цензуры, как гражданской, так и военной¹⁵.

В 1862 году утверждаются «Временные правила по цензуре», которыми отменялись все ранее изданные постановления. Неопределенность взглядов тогдашнего правительства на дозволенное и запрещенное, конечно, отражалась и на журналистике, особенно в освещении военной темы. Само правительство понимало, что пора уже более четко выработать цензорскую политику. Министерство народного просвещения, в ведении которого находилась цензура, представило в 1863 году Александру II доклад относительно своей компетенции в этой области, в котором говорилось: «Министерство народного просвещения имеет обязанность покровительствовать литературе, заботиться о ее развитии и преуспевании; посему, находясь к литературе в отношениях более близких, чем всякое другое ведомство, оно не может быть ее строгим судьей». Ввиду этого Министерство народного просвещения отказывалось от цензуры и она перешла в ведение министерства внутренних дел.

6 апреля 1865 года был издан Указ Александра II «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати», который отменял предварительную цензуру на некоторые издания. В указе отмечалось: «...освобожденные от предварительной цензуры... издания... в случае нарушения в них законов подвергаются судебному преследованию; повременные же издания, кроме того, в случае замечания в них вредного направления подлежат и действию административных взысканий, по особо установленным на то правилам»¹⁶.

Таким образом, контроль за освещением военных вопросов, в том числе и в изданиях армии и флота, переходил в руки цензоров Министерства внутренних дел. Как бы ни был снисходителен цензурный устав, но он был приспособлен для

определенных целей. Кроме того, точка зрения Министерства внутренних дел ничего не имела общего с теми взглядами, которые установились в военной журналистике первых годов царствования Александра II и развивались дальше возглавившим Военное министерство графом Д. А. Милютиным.

Все это привело к тому, что в военно-периодических изданиях все реже и реже стали публиковаться статьи, имеющие какое-либо отношение к общегосударственным вопросам.

Но, с другой стороны, и специальные военные статьи изменили своей прежний характер. Публицистический оттенок стал постепенно исчезать, политика была изгнана, академический тон был господствующим в военных журналах при новых цензурных порядках. Словом, от военной журналистики была отделена та власть, которая была доступна только ей до 1863 года.

Д. А. Милютин и печать

В 1861 году Военное министерство возглавил граф Дмитрий Алексеевич Милютин, умеренный либерал, который в проведении разработанных под его руководством военных реформ 1860—1870-х годов умело опирался на печать.

Следует отметить, что сам Дмитрий Алексеевич до того, как возглавил Военное министерство, активно выступал в печати.

Еще во время учебы в пансионе при Московском государственном университете, в 16 лет, он написал свою первую творческую работу по геодезии «Руководство к съемке планов»¹⁷.

В 1836 году, после окончания военной академии, неся службу при штабе гвардейского корпуса, Милютин занялся и литературной деятельностью, результатом которой стала публикация ряда статей по военному отделу в «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара и в «Военном энциклопедическом лексиконе» Зедделера, перевел с французского «Записки Сен-Сира» («Военная библиотека Глазунова», 1840). Причем к переводу было сделано несколько комментариев с рассуждениями о военном искусстве и написана статья «Суворов как полководец»¹⁸.

Большая часть этих работ Милютина представляла собой толковое, очень обстоятельное описание военно-исторических событий. Факты в них излагались верно, сжато и ясно. Статьи не содержали в себе беспочвенной критики, а также не носили излишне героического характера, но само изложение фактической стороны невольно приводило к определенным выводам и оттеняло особенности того или другого события, подчеркивало поведение войск и величие их подвига.

Ясность картины описываемого события достигалась Милютиным в этих работах умелым сопоставлением фактической стороны с состоянием военного искусства в соответствующую эпоху.

В 1844 году Д. Милютин, после ранения на кавказской войне, был переведен в Петербург, где сначала назначен в распоряжение военного министра, а с октября 1848 по 1856 год — офицером для особых поручений при нем. Одновременно он соглашается стать профессором кафедры военной географии Императорской военной академии.

С 1845 года начинается обширная и в высшей степени научно-публицистическая деятельность Д. А. Милютина. Прежде всего в «Военном журнале» за 1846 год в № 1 им была опубликована статья «Критическое исследование значения военной географии и статистики».

Затем в 1847 году появились его «Первые опыты военной статистики». Эта интересная работа состояла из двух томов: том I — «Вступление» и «Основание политической и военной системы Германского союза» и том II — «Военная статистика Прусского королевства».

Труд этот заключал в себе критическое исследование значения военной географии и военной статистики. Исходя из основной мысли, что для точного определения могущества государства недостаточно указать лишь одни географические данные о нем и численную силу его войск, а надо исследовать источники военных средств государства, саму систему его военных учреждений и местные свойства страны с их слабыми и сильными сторонами, Д. Милютин полагал необходимым рассматривать каждое государство по следующим трем параметрам: основные начала его военной силы — географическое положение, свойства страны, пути сообщения, народонаселение, материальное и нравственное его состояние;

вооруженные силы, т. е. военные учреждения, устройство и численный состав армии; стратегический разбор тех пространств, которые могут служить театром войны между соседними государствами¹⁹.

«Первые опыты военной статистики,— отмечал военный историк генерал-майор А. К. Баиов,— послужили началом основания новой науки — «военной статистики», которая, благодаря неустанным трудам, оригинальности, самобытности, просвещенности и всесторонней талантливости ее создателя Д. А. Милютин, вполне отвечала природе вещей и практическим потребностям жизни»²⁰.

С 1847 года военная статистика заменила военную географию и заняла прочное положение среди научных дисциплин, что было засвидетельствовано Академией наук, которая удостоила Д. Милютин за названный труд Демидовской премии. Научные работы Д. Милютин дали прочные основы для постановки курса военной статистики в Императорской военной академии.

Однако разносторонние интересы Д. А. Милютин не могли мириться с занятиями одной только статистикой, и Д. А. Милютин обратился к источнику всех военных наук — военной истории. Материалом для первой работы Дмитрия Алексеевича в новом направлении послужил его личный боевой опыт, и в 1850 году он составил лучшее и до настоящего времени описание военных действий в Северном Дагестане в 1839 году.

Одновременно Дмитрий Алексеевич сотрудничал и в военно-учебном ведомстве. В начале 1845 года подполковник Милютин был прикомандирован к отряду военно-учебных заведений в лагере при Петергофе для руководства практическими занятиями и выполнения обязанностей в должности обер-квартирмейстера отряда.

Затем через полгода (6 ноября 1845 года) он назначается на должность управляющего третьим (воспитательным) отделением штаба военно-учебных заведений с оставлением в должности профессора Военной академии²¹. Здесь при деятельном участии Милютин велись работы по составлению знаменитого «Наставления для образования воспитанников военно-учебных заведений», утвержденного 24 декабря 1848 года.

В период трехлетнего управления учебным отделением кроме ведения многих сложных текущих дел Дмитрий Алексеевич редактировал «Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений», подготовил и издал «Правила об издании учебных руководств для военно-учебных заведений», которые способствовали появлению на свет многих полезных трудов, обогативших учебную литературу второй половины XIX века.

К выступлению в журнале со статьями, подготовке учебной литературы Милютин сумел привлечь известных литераторов и ученых, в числе которых были В. Я. Буняковский, Ф. И. Буслаев, Е. Х. Вессель, А. Д. Галахов, В. И. Даль, Э. Х. Ленц, М. В. Остроградский, А. П. Сапожников, И. П. Шульгин и другие.

Кроме разработанных руководств для практических занятий по тактике, артиллерии и другим военным дисциплинам под руководством Милютина составляются каталоги для библиотек военно-учебных заведений, которые впервые дали им возможность систематически и целенаправленно пополнять свои библиотеки избранными сочинениями по всем предметам курса, предназначенными как для преподавателей и наставников, так и для самих воспитанников. Также он составлял «Программу по истории военного искусства», «Программу испытаний для лиц, желающих преподавать в военно-учебных заведениях»²². Но в октябре 1848 года Милютин откомандировывается от штаба военно-учебных заведений в распоряжение военного министра.

Это произошло в связи с тем, что после смерти военного историка генерал-лейтенанта А. И. Михайловского-Данилевского Милютину императором Николаем I было поручено писать «Историю войны России с Францией и царствование императора Павла I в 1799 году». «Этот капитальный труд, написанный Дмитрием Алексеевичем в 1852—1854 годах, является строго научным исследованием, положившим начало нашей военно-исторической науке,— отмечал А. К. Баиов.

В этой работе Дмитрий Алексеевич впервые указал научные методы и приемы военно-исторической работы, основывающейся на самом тщательном исследовании первоисточников — архивных данных, мемуаров и т. п., подвергнутых

автором самому тщательному анализу путем детального изучения каждого из них и сопоставления их между собою. В то же время, дав в этом труде впервые научную разработку полководческой деятельности А. В. Суворова, Д. Милютин положил начало суворовскому культу»²³.

Этот громадный труд состоял из 8 частей с обширным приложением, в которые вошли подробные данные о составе и численности армии и ее различных составных частей, исчисление потерь в сражениях и трофеев, критические замечания о военных действиях и суждения о них известных историков, указания источников и документов, а иногда и сами документы, все это в качестве как бы оправдательных документов к тексту. Кроме того, «История войны 1799 года» снабжена более чем сотней прекрасных карт и планов.

Правильность выбора метода, примененного при разработке этого труда Д. А. Милютиным, и добросовестность автора доказываются, между прочим, тем, что и до наших дней как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе по поводу этой войны ничего нового не сказано. До сих пор труд Д. А. Милютина является основой всех последующих работ по этому вопросу.

Через много лет после выхода «Истории войны 1799 года», в 1857 году, потребовалось выпустить ее вторым изданием. Это второе издание рецензировал знаменитый профессор всеобщей истории в Московском университете Грановский. Обладая громадной эрудицией рецензент писал, что исследование Милютина об Итальянском походе Суворова «принадлежит к числу тех книг, которые необходимы каждому образованному русскому, и займет, без сомнения, весьма почетное место в общеевропейской исторической литературе». Далее историк признал его «трудом, в полном смысле слова самостоятельным и оригинальным», в котором «изложение событий отличается необыкновенной ясностью и спокойствием взгляда, не отуманенного никакими предубеждениями, и тою благородною простотою, которая составляет принадлежность всякого значительного исторического творения»²⁴.

По этой рецензии Академия наук присудила Дмитрию Алексеевичу Милютину за его пятитомную «Историю войны с Францией и царствование императора Павла I в 1799 году»

полную Демидовскую премию и избрала его своим членом-корреспондентом, а Петербургский университет в 1866 году поднес Дмитрию Алексеевичу Милютину звание доктора русской истории. Этот труд Д. А. Милютина явился крупным вкладом в военно-историческую науку. Он переведен на французский и немецкий языки.

Будучи профессором Военной академии и состояя для поручений при военном министре, Д. Милютин в то же время был назначен членом Ученого комитета Главного управления путей сообщения и публичных зданий, а также членом нескольких комиссий, которые тоже требовали немало труда и времени. Однако он не оставлял своих выступлений в печати. В 1854—1856 годах, по поручению военного министра генерал-майор Д. А. Милютин готовил сводки для печати о ходе Крымской войны. Его официальные донесения отличались краткостью изложения, но в то же время были насыщены интересными примерами о боевых столкновениях. Такой ограниченный характер информации был связан с тем, что с распространением телеграфа она могла попасть в печать до завершения операции и это могло повредить ее успешному проведению.

В 1856 году Дмитрий Алексеевич высказал мысль об издании ежемесячного журнала «Военный сборник». Эту идею поддержали командир гвардейского корпуса генерал-адъютант Плаутен и начальник его штаба генерал-адъютант граф Баранов и доложили о ней вступившему на престол Александру II. Предложение об издании журнала «удостоилось Высочайшего одобрения»²⁵. Таким образом, «Военный сборник» был детищем Д. А. Милютина.

В 1856—1860 годы Милютин был начальником Главного штаба Кавказских войск и ближайшим соратником командующего Кавказской армией князя А. И. Барятинского. Дмитрий Алексеевич стал одним из главных участников решающего этапа Кавказской войны — заключительного периода сопротивления Шамиля и его пленения. Вооруженная борьба не заслоняла для командования Кавказской армией обустройства покоренной территории и налаживания мирной жизни горцев. И здесь немалую роль играло разъяснение отношения русского государства к населению восточной части Кавказа. В этом немаловажная роль отводилась «Прокламации

чеченскому народу Главнокомандующего Кавказской армией, наместника Кавказского, генерала-фельдмаршала князя А. И. Барятинского», в подготовке которой участвовал Д. А. Милютин.

В прокламации объявлялось о прощении «чеченскому народу за все его враждебные действия против нас продолжении более 20 лет. За пролитую кровь русских, за вред и убытки, причиненные нам за время войны.

Подтверждаю ныне письменно мои слова и объявляю снова, что все случившееся в продолжение этой бедственной для народа войны должно быть забыто навсегда...»²⁶

Официальная администрация России всегда умудрялась запаздывать с информированием о собственных делах и начинаниях. Терпимым такое положение не могло быть. И, став военным министром, Дмитрий Алексеевич Милютин обращает свое внимание на печать, избирает ее одним из средств своего влияния на вопросы внутренней и высшей политики. Он принимает меры для улучшения работы «Русского инвалида». Для этого у Милютина были большие возможности: Александр II уважал своего военного министра и приблизил его к себе более других членов правительства. И в 1863 году эта газета уже занимает по ряду вопросов отличную от других органов позицию. Сам Милютин повседневно занимался этим органом военного ведомства, уделяя ему много внимания²⁷. По свидетельству сотрудника «Русского инвалида» Е. М. Феокистова, «редактор должен был неуклонно каждый день к 9 часам вечера приезжать к нему и представлять на его усмотрение все сколько-нибудь выдающиеся статьи; как бы ни был занят Милютин, у него всегда хватало времени весьма внимательно заняться ими; он дорожил «Русским инвалидом» как самым удобным средством распространять известного рода идеи не только в военном сословии, но и вообще в публике»²⁸. В области внутренней политики «Русский инвалид» горячо поддерживал проводимые реформы, отстаивая их от нападок. Много внимания уделяла газета подготовлявшимся земской и судебной реформам, а также и новому университетскому составу.

Особой точки зрения, отличающейся от либеральных позиций, придерживался Милютин лишь в польском вопросе. По отношению к Польскому восстанию он стоял на

непримиримых позициях, не допускающих никаких политических уступок. Военный министр являлся сторонником беспощадного подавления восстания, одобряя полностью «решительный» образ действий Муравьева-вешателя.

Будучи противником какой-либо политической автономии, Милютин вместе с тем считал необходимым сохранение в Польше ее внутренней администрации, судебных и религиозных учреждений. Эта точка зрения нашла свое выражение в статье Гильфердинга «Положение и задачи России в Царстве Польском», помещенной в «Русском инвалиде» в ноябре 1863 года.

«Как можно налагать русские распоряжки на край, вовсе не русский? Это совершенно противно духу русского народа, преданиям русской истории,— пишет Гильфердинг.— Если бы русская административная система, русское судопроизводство и т. д. были идеалом совершенства, то, пожалуй, можно бы было подумать о такой мере. Но мы признаем их далекими от совершенства и для самой России»²⁸. И далее Гильфердинг указывает на необходимость сохранения внутреннего административного устройства, не допуская при этом «ни тени политической автономии».

Вместе с тем Милютин являлся горячим сторонником и крестьянской реформы в Польше, проводившейся его братом Н. А. Милютиным. Польскому вопросу Милютин придавал огромное значение, что находило свое отражение не только на страницах «Русского инвалида».

Секретное приложение «Correspondence Russe»

В 1863 году во время одной из аудиенций у Александра II Милютин предложил выпускать для европейских газет специальный листок с известиями и разъяснениями происходящего в России, в особенности о польских делах. Согласившись с необходимостью оказывать влияние на предвзятое мнение Европы по русско-польскому вопросу, император распорядился о выделении редакции «Русского инвалида» особых средств на издание целого ряда брошюр на русском и иностранных языках. С 1864 года начал выходить специально для заграницы на французском и немецком языках литографированный листок — секретное приложение «Correspondence

Russe» газеты военного ведомства «Русский инвалид». Это тайное издание рассылалось в некоторые заграничные редакции, обязавшиеся на страницах своих газет печатать эти сведения о России. Успех нового издания был столь чрезвычайный, что уже через несколько лет нельзя было указать ни на одну из наиболее распространенных французских или немецких газет, в которых не перепечатывались бы еженедельно статьи, появляющиеся в «Correspondence Russe». В результате в Европе, судившей раньше о русских делах только по публикациям революционеров-эмигрантов, теперь стало складываться благоприятное для России общественное мнение. Тайна секретного приложения охранялась настолько ревностно, что даже наследник-цесаревич, будущий Александр III, о существовании его совершенно случайно узнал только в 1868 году и стал получать единственный экземпляр, посылаемый редакцией не за границу.

«Ведение газетной полемики по вопросам чисто политическим, — пишет Милютин в своих «Воспоминаниях», — было, конечно, не делом Военного министерства, но неоднократные попытки мои убедить нашего вице-канцлера, чтобы он принял на себя вести рядом с дипломатической войной и войну газетную, не имели успеха... Между тем пренебрегать таким могущественным орудием, какова печать в наше время, при тогдашних обстоятельствах было даже опасно. Министерство внутренних дел также не брало на себя инициативы. Вот почему я решился принять на себя дело, которое вполне признавал чуждым Военному министерству. Кроме полемики в «Русском инвалиде» предпринято было еще издание той же редакцией литографированного листка, в подражание иностранным литографированным корреспонденциям, под заглавием «Correspondence Russe» еженедельно выходил листок... с известиями о том, что происходило в России, в особенности о польских делах, и с разъяснениями разных случаев и происшествий... Издание это продолжалось во все время польских смут и прекращено было, когда миновала самая цель издания»³⁰.

«Correspondence Russe» вместе с правительственной русской газетой «Le Nord», выходившей в Брюсселе на французском языке, и другими печатными изданиями вступили в полемику с «Колоколом» А. И. Герцена и Н. П. Огарева и

другими изданиями русской эмиграции, которые открыто поддерживали польских повстанцев, выпускали воззвания и прокламации, призывающие русских солдат и офицеров не участвовать в усмирении Польши. Спасая «честь русской демократии»³¹, «Колокол» бичевал «усмирителей, палачей, вешателей, Александра II»³². Такая позиция «Колокола» подвергалась критике не только в консервативной прессе во главе с редактором газеты «Московские ведомости» М. Н. Катковым, но и в либеральных изданиях появились статьи, направленные против Герцена и Огарева и тех, кто поддерживал связь с «лондонскими пропагандистами».

Польский вопрос отдаляет Д. А. Милютину от министра просвещения А. В. Головнина и других политических единомышленников и солидаризирует с М. Н. Муравьевым, А. А. Зеленым, А. П. Катковым, которые являлись сторонниками жесткого подавления восстания польских сепаратистов.

Критика антирусской и антиармейской позиции «Колокола», которая развернулась в «Русском инвалиде» и других изданиях России, наряду с тем, что Герцен и Огарев тесно сблизилась с революционной демократией, привела к тому, что с осени 1863 года начался упадок популярности «Колокола» в среде русской интеллигенции. Резко уменьшается поток корреспонденций, снижается количество читателей. К концу 1863 года тираж «Колокола» с 2500 тысяч сошел на 500 и ни разу не поднимался более 1000 экземпляров³³. Это дало справедливый повод сторонникам А. П. Каткова заявить, что «общественность России разобралась, в чем дело, и ни офицерство, ни интеллигенция в массе своей не поддерживали революционеров»³⁴.

Полемика по остзейскому вопросу

Деятельное участие принимает Милютин и в спорах по остзейскому вопросу. Сущность его заключалась в следующем: немецкая аристократия, занимавшая господствующее положение в Прибалтике, всячески противилась проведению там буржуазных реформ, пытаясь сохранить средневековые феодальные порядки. Борьбу против этих стремлений немецких феодалов возглавили «Русский инвалид» и «Московские

ведомости». В полемике, развернувшейся на страницах печати, приняли участие немецкие газеты, издававшиеся как в России, так и за границей. Немецкая пресса, защищавшая интересы остзейского дворянства, имевшего могучую поддержку при дворе, приняла агрессивный тон, обвиняя представителей противоположного лагеря в травле немцев.

Если «Московские ведомости», рассматривая остзейский вопрос с великодержавных позиций, обвиняли прибалтийское дворянство в «немецком сепаратизме», то «Русский инвалид» смотрел на это иначе. «...Вопрос идет не о сепаратизме, не о национальных немецких стремлениях,— писалось в одной из редакционных статей «Русского инвалида»,— а о чисто сословных стремлениях той небольшой партии, которая до сих пор держит в безгласности и несправности как все финно-латышское население, так и русских, и вообще не принадлежащих к привилегированным... Порядок, существующий в Остзейском крае, сословная монополия тесной корпорации из нескольких сотен имматрикулированных дворян и нескольких тысяч привилегированных граждан исключительно немецкого происхождения, не допускающих ни в свою среду, ни к участию в общественных делах, ни даже к полному пользованию гражданскими правами, ни массу финно-латышского населения, ни русских, обитающих в крае, ни прочих народностей, обнаружены были нами во всей своей наготе»³⁵.

Резкий тон статей «Русского инвалида» вызвал недовольство Александра II, о чем шеф жандармов князь В. А. Долгоруков сообщает Милютину в официальном письме, требуя прекратить «нападки» на немцев.

Не менее активную роль играл Милютин и в среднеазиатском вопросе. По инициативе Милютина, вопреки государственному канцлеру и министру иностранных дел А. М. Горчакову, в 1864 году начинаются активные действия в Средней Азии, заключавшиеся первоначально в соединении Оренбургской и Сибирской линий. На протяжении всего периода завоевания Средней Азии Милютину приходилось преодолевать сильное противодействие вице-канцлера Горчакова, боявшегося осложнений с Англией, также стремившейся к колониальной экспансии в

этом районе. В своей записке в Министерство иностранных дел в связи с депешей русского посла в Лондоне Брунова, бывшего тревогу по поводу продвижения в Средней Азии, Милютин писал: «...не надобно просить извинения перед английскими министрами за всякое наше движение вперед. Они не церемонятся перед нами, завоевывая целые царства, занимая чужие города и острова, и мы не спрашиваем у них, зачем они делают это...»³⁶

Покушение Каракозова на Александра II приводит к резкому усилению реакционного курса.

То, что военный министр и курируемая им пресса вмешивались в общие дела, выходящие из специального круга военного ведомства, вызывает недовольство консервативного окружения царя. «“Русский инвалид” продолжает идти своей дорогой, наперекор взглядам правительства», — записал министр внутренних дел П. А. Валуев в дневнике 17 апреля 1865 года³⁷. Реакция, наступившая после 4 апреля 1866 года — покушения Каракозова на Александра II, — неблагоприятно отразилась на положении Милютина. Назначение на пост шефа жандармов графа Петра Шувалова, имевшего на Александра II огромное влияние, замена либерально настроенного министра народного просвещения А. В. Головнина графом Д. А. Толстым — все это делало положение Милютина крайне тяжелым. «Я стал в странные отношения к моим коллегам, — говорит он, — составляя как бы оппозицию в самом составе правительства»³⁸. Милютин остается в правительстве единственным представителем либерального направления.

Шувалов и его сторонники применяют все средства, чтобы добиться отставки Милютина. В конце 1866 года циркулировали упорные слухи о его отставке. Однако подобрать на пост военного министра кандидата, способного возглавить реформирование армии, не удалось, и Александр II не решился дать отставку Д. Милютину.

Тогда шеф жандармов П. А. Шувалов и новый министр внутренних дел А. Е. Тимашев атаковали «Русский инвалид»: ими был представлен «всеподданнейший доклад о вредном направлении органа Военного министерства». Совет министров, обсудив этот вопрос, прекратил издание «Русского инвалида»³⁹.

Объединение редакций «Русского инвалида» и «Военного сборника»

Однако Д. А. Милютин снова добивается открытия «Русского инвалида», но уже его программа была определена в виде чисто ведомственной газеты, без политического и литературного отделов. В связи с этим газета сблизилась по своему назначению с другим специальным органом Военного министерства — «Военным сборником». Поэтому естественным выглядело решение военного министра о слиянии редакций этих двух изданий. При объединении обоих органов имелось в виду, что издания эти, преследуя однородные цели, должны дополнять друг друга. На «Русский инвалид» была возложена обязанность «следить за многосторонними текущими явлениями и событиями в военном мире»⁴⁰, а «Военный сборник» должен был «посвятить свои страницы всесторонней разработке собственно военного дела»⁴¹. Первые три года редактором обоих изданий являлся генерал-майор П. К. Меньков. Затем, 16 апреля 1872 года, им будет назначен состоявший десять лет помощником П. К. Менькова полковника Генерального штаба А. И. Лаврентьев, продолжавший в прежнем духе и направлении издание «Военного сборника» и «Русского инвалида».

В споре по проекту военной реформы

В то время, когда велась перестройка основных изданий военного ведомства, печать, поддерживавшая противников нововведений в армии, возглавляемых фельдмаршалом князем А. И. Барятинским, начала поход против осуществляемых Милютиным реформ. Среди сторонников Барятинского известен генерал Р. А. Фадеев, составивший для своего покровителя многие документы и объяснительные записки и наиболее часто выражавший мнение оппозиции в печати. В одном из своих писем к князю Д. И. Святополк-Мирскому Фадеев в 1868 году пишет: «...По письму фельдмаршала государь согласился отпустить меня к нему редактором антимилютинской работы, с зачислением в Министерство внутренних дел, чтобы изъять меня из-под военной власти»⁴².

Генерал Фадеев, инспирируемый Барятинским, на страницах газеты «Весть» подвергает уничтожающей критике новое военное устройство, восхваляя при этом прусскую военную систему и порядки, существовавшие при Николае I. Критика эта, осуждая буквально все созданное Милютиным, ставила перед собою задачу повернуть вспять развитие вооруженных сил, установив прусскую систему организации и управления армии, о которой в свое время мечтал Барятинский.

Действия Барятинского и его сторонников поддерживались германским посланником принцем Рейесом, который, по свидетельству генерала Н. Г. Залесова, имел значительное влияние на государя и действовал обычно именем императора Вильгельма. «В сущности же говоря, вся эта партия (*Барятинского, Шувалова*. — *Авт.*) сама, может быть того не сознавая, работала по указке Бисмарка, боявшегося развития военных сил России и национального направления ее политики»⁴³.

Начавшаяся в 1870 году франко-прусская война и напряженное международное положение, возникшее в связи с этим в Европе, несколько ослабили борьбу против Милютина и даже создали условия для постановки им вопроса о необходимости дальнейших преобразований. «Война франко-пруская, — рассказывает в своих «Воспоминаниях» Милютин, — произвела сильное впечатление во всей Европе... Тогда поняли и у нас, как несвоевременно было заботиться исключительно об экономии, пренебрегая развитием и совершенствованием наших военных сил. Заботы о сокращениях и сбережениях отодвинулись (по крайней мере временно) на задний план, заговорили о том, достаточны ли наши вооруженные силы для ограждения безопасности России в случае каких-либо новых политических пертурбаций в Европе»⁴⁴.

Воспользовавшись благоприятной обстановкой и поддержкой печати, Милютин вновь поставил вопрос об увеличении численности войск, а также о разработке устава о всесословной воинской повинности. Большую помощь в этом вопросе оказал ему член Государственного совета П. А. Валуев — бывший министр внутренних дел. Находясь летом 1870 года за границей, Валуев явился свидетелем молниеносного разгрома Франции и, под впечатлением этих событий, высказал Милютину мысль о целесообразности введения всесословной

воинской повинности. «Я отвечал ему, — рассказывает Милютин, — что, без сомнения, такое решение вопроса было бы самым рациональным, но что едва ли можно рассчитывать на успех, если инициативу подобного предложения приму я на себя: достаточно моего имени в этом предложении, чтобы оно было признано новой революционной мерой. Я убедил Валуева изложить письменно его мысли и представить их государю от своего имени»⁴⁵. Вскоре Валуев передал Милютину свою записку, озаглавленную «Мысли невоенного о наших военных силах», в которой он, ссылаясь на события в Западной Европе, ставил вопрос о необходимости увеличения вооруженных сил на основе введения воинской повинности. Эта записка, переданная Александру II, была на другой же день возвращена Милютину со следующей резолюцией: «Совершенно совпадает и с твоими и моими собственными мыслями, которые, надеюсь, и будут приводиться в исполнение по мере возможности»⁴⁶.

Таким образом, только внешнеполитические события дали возможность Милютину приступить к осуществлению своих заветных планов — подготовке устава о воинской повинности. Однако подготовка и проведение в жизнь намеченных мероприятий потребовали от Милютина огромных трудов и усилий.

В начале 70-х годов, вскоре после окончания франко-прусской войны, борьба против реформ Милютина снова принимает большие размеры. Генерал Фадеев и находившийся в отставке генерал Черняев начинают систематическую травлю Милютина на страницах газеты «Русский мир». «Московские ведомости» — орган Каткова — также принимают участие в походе против Милютина. Как и прежде, борьба эта направлялась фельдмаршалом Барятинским. Не стоял в стороне от этого и шеф жандармов граф Петр Шувалов, видевший в Милютине своего главного политического противника. Прежде всего представители дворянства усматривали в новом законе ущемление своих прав. Обсуждение проекта вызвало горячие споры по целому ряду вопросов. Небезынтересно отметить, что министр иностранных дел канцлер А. М. Горчаков на первом же заседании выразил сомнение насчет возможности безотлагательного введения в России всеобщей воинской повинности. «Кн. Горчаков, — говорится в мемории этого заседания, — заявил, что при всем

сочувствии к основной мысли проекта, он, со своей стороны, считает, однако, необходимым, чтобы соблюдена была некоторая осторожность и постепенность в практическом его применении.

По мнению кн. Горчакова, осторожность и постепенность в настоящем деле представляются особенно желательными как вследствие важности переворота, который совершится им во всем народном быту, так, равно, ввиду существующего ныне у нас весьма резкого различия в уровне образования отдельных слоев населения. Когда в начале нынешнего века всесословная воинская повинность впервые введена была в Пруссии, в этом государстве различие в степени образования высших и низших классов было менее значительно, нежели у нас теперь, и, несмотря на то, военная реформа была приведена в исполнение не вдруг, а постепенно в течение десяти лет. Примеру этому следовало бы последовать и нам»⁴⁷. Кроме того, Горчаков считал, что привлечение в состав армии представителей образованных классов может оказать «вредное влияние на дисциплину и дух войск».

Военный министр Милютин возражал, что если ожидать того времени, когда «низшие классы достигнут той степени образования, которая соответствовала бы уровню умственного развития высших классов»⁴⁸, то для этого потребуются «едва ли не менее нескольких десятков лет», а вместе с тем введение воинской повинности в настоящее время имеет огромную государственную важность.

Особенно горячие споры велись по вопросу о льготах по образованию, причем главным противником их был министр народного просвещения граф Толстой. В печати отмечалось, что два министра поменялись ролями: министр народного просвещения как будто только и заботился о лучшем составе армии и в особенности корпуса офицеров, жертвуя с самоотвержением всеми выгодами просвещения и другими интересами государственными, военный же министр защищал народное просвещение и высшее образование. Мало того, шеф жандармов, стоящий во главе аристократической партии, клонил к тому, чтобы вся высшая и образованная молодежь поголовно была привлечена к военной службе и чтобы, в случае войны, легла целиком на поле битвы; представитель же военного

ведомства защищал эту бедную молодежь и желал сохранить ее для разных поприщ гражданской деятельности⁴⁹.

Установление льгот по образованию, на которых настаивал Милютин, имело большое прогрессивное значение, стимулирующее развитие просвещения; граф же Толстой отстаивал свою заветную мечту: сохранить права на образование лишь за привилегированными сословиями.

1 января 1874 года был издан «Устав о воинской повинности». По этому закону воинскую повинность должно было отбывать все мужское население, достигшее 21 года, без различия сословий. Ввиду того что контингент ежегодно призываемых был все же значительно меньше подлежащих призыву, лишь часть призывников определялась на действительную службу с последующим перечислением в запас армии, а затем в ополчение, другая же часть зачислялась прямо в ополчение. Вопрос этот определялся, во-первых, льготами по семейному положению — такие лица большей частью освобождались от действительной военной службы; во-вторых, для прочих призываемых — жеребьевкой.

Льготы по семейному положению устанавливались трех разрядов: первый — для единственного сына, второй — для старшего сына при наличии братьев моложе 18 лет, третий — для лица, непосредственно следующего по возрасту за братом, находящимся на действительной военной службе. Срок действительной военной службы устанавливался в 6 лет.

Большие льготы предоставлялись по образованию: срок действительной военной службы для окончивших высшие учебные заведения составлял всего 6 месяцев, для окончивших гимназии и соответствующие им учебные заведения — полтора года, прогимназии и городские училища — 3 года и, наконец, для получивших начальное образование — 4 года. Для лиц, получивших высшее и среднее образование, срок службы сокращался еще вдвое при условии отбывания воинской повинности в качестве вольноопределяющихся.

«Устав о воинской повинности» разрешал одну из основных задач реорганизации армии — создание запаса обученных резервов, необходимых для развертывания армии в военное время. Он заменил старую рекрутскую систему комплектования, которая не позволяла справиться с этой задачей⁵⁰.

Следует отметить, что печать после принятия «Устава о воинской повинности» сообщала о том, как происходил набор в армию. Так, газета «Русский инвалид» ежегодно публиковала отчеты о количестве в стране лиц призывного возраста, числе льготников и освобождаемых от воинской службы по болезни, показывала соотношение молодых людей, участвующих в жеребьевке и поступающих на службу в войска.

Для развития солдатской аудитории

Следует заметить, что после реформы 1861 года были расширены права крестьян и они призывались вместе с другими сословиями к активному участию в гласном суде и земских собраниях. Это явилось причиной того, что правительство вместе с увеличением общеобразовательных школ поощряло стремление к правильному умственному развитию крестьян путем печатания для народного чтения книг, брошюр, календарей и других изданий, а также публичных лекций и других форм устной передачи ему общеобразовательных сведений.

Придавая большое значение повышению культурного уровня населения, Д. А. Милютин уделял много внимания распространению грамотности среди солдат. В этих целях в войсковых частях проводилось обучение грамоте, издавались специальные солдатские журналы «Солдатская беседа», «Чтение для солдат», организованы были полковые и ротные библиотеки. Много издавалось книг, брошюр, календарей, памяток, рассчитанных на читателя-солдата. Так, для них выпускались издания на следующие темы: сборники рассказов о службе солдата, иллюстрированные рисунками; поучения известных полководцев; беседы с молодыми солдатами о воинской службе, о священной преданности царю и отечеству, о военной присяге; о героизме русских воинов в борьбе с врагами родины; сборники законов для чтений нижним чином; на военно-исторические, религиозные и нравственные сюжеты, публикации офицеров для нижних чинов, рассказы бывалых солдат, о жизни и деятельности русских царей, полководцев и других государственных и военных деятелей и др.⁵¹.

Нижние чины, поступающие в войска, также вооружались общеобразовательными сведениями. Это приносило пользу не только военной службе, но и способствовало тому, что после

отбытия срока службы нижние чины возвратятся в состав крестьянского общества и полученные знания используют не только с пользой для себя, но и будут распространять общеобразовательные сведения в разных уголках России.

Впервые по желанию царя Александра II общеобразовательные чтения, наподобие производимых для народа, были устроены в 1872 году в крепости Кронштадт для нижних чинов морских команд. На основании такого высочайшего почина вскоре публичные чтения для нижних чинов стали проводиться в Санкт-Петербурге, Гельсингфорсе, Киеве, Вознесенске, Вильне, Динабурге и других гарнизонах. Позднее они были введены в каждой войсковой части, для их проведения издавались специальные учебники. Один из них — «Общеобразовательные беседы с нижними чинами»⁵² — был отпечатан отдельными выпусками, которые составили полный элементарный учебник, который выдержал двенадцать изданий. Знакомясь с их содержанием, каждый читатель, не учившийся в среднем учебном заведении, мог продолжать самообразование без помощи учителя, развивая себя дальнейшим чтением книг по всем областям знаний.

Недостаток у нижних чинов элементарной научной подготовки вел к тому, что даже читающие бегло не в состоянии были рассказать своими словами прочитанное. Неумение в этом случае происходило от непонимания, а непонимание шло от отсутствия у читателя элементарных научных сведений.

Предлагаемые «Общеобразовательные беседы» были изложены вполне доступным пониманию солдат языком и служили для чтения их в учебных командах во время уроков грамотности и для твердо грамотных в ротах, эскадронах, батареях, полках и в прочих отдельных командах сухопутной армии и флота.

В бригадных и крепостных учебных подразделениях артиллерии Виленского военного округа общеобразовательные беседы в часы занятий грамотностью проводились по следующему методу. Офицер, возглавляющий учебную команду, приказав всем нижним чинам взять по одной книге с указанной беседой и рассадив солдат, предлагает одному из них читать вслух, с тем чтобы все остальные следили за его чтением, каждый по своей книге. Когда вызванный солдат прочитывал несколько предложений, ему предлагали рассказать прочитанное

своими словами. Затем чтение продолжал вновь вызванный ученик, который тоже рассказывал прочитанное, и т. д.⁵³

Такой метод чтения, как доказала многолетняя практика проведения занятий, поддерживал внимание всех учеников, обязанных следить за чтением вызванного, чтобы быть во всякую минуту готовым продолжать чтение с того места, где тот остановился, достигал развития в учениках механизма чтения и правильности произношения слов вместе с прочным сознательным усвоением прочитанного.

Так как в числе других занятий, входящих в курс науки учебных команд, для уроков чтения выпадает не более 3—4 часов в неделю, то одна общеобразовательная беседа служит для чтения в продолжение всей недели, усваивается учениками вполне основательно.

Общеобразовательные беседы проводились для того, чтобы популярным изложением научных истин расширить кругозор солдата по отношению к религии, к явлениям окружающей природы, обстоятельно познакомить с родиной и пробудить сознательную любовь к ней, а также помочь усвоению им других полезных знаний.

В каждую беседу для разнообразия ее содержания и облегчения умственного напряжения читающего входили рассказы из боевой и мирной военной жизни, геройские подвиги офицеров и нижних чинов армии и флота, подвиги чело-веколюбия и самопожертвования русских людей — с целью содействия ускоренного воспитания в солдатах доблести храброго воина и честного русского гражданина, всей душой преданного государю, отечеству, долгу службы, правде и присяге.

Помещаемые же рассказы из народного быта и избранные стихи наших народных поэтов имеют назначение временно перенести мысли солдата из окружающей его военной обстановки в близкую его сердцу обстановку деревенскую, привольную — туда, где оставлены им на время срочной службы родная его семья и все дорогое и заветное для него по воспоминаниям детства и юности.

Кроме того, для наглядного усвоения содержания бесед к ним прилагаются отчетливые объяснительные рисунки, чертежи, географические карты и художественно исполненные иллюстрации. К некоторым беседам приложен каталог

избранных книг для приобретения нижними чинами и учениками народных школ в собственность по доступным ценам.

Кроме чтения «Общеобразовательных бесед» в часы уроков грамотности они могут служить готовым разработанным материалом для производства публичных чтений. Такие чтения, занимая около полутора часов времени, производились по вечерам осенних и зимних воскресных дней. Отвлекая нижних чинов от самовольных отлучек из казарм и устраняя бесцельность препровождения солдатами досужих праздничных вечеров, они влияли, с одной стороны, на соблюдение в праздники в казармах чинности и порядка, с другой — способствовали умственному развитию слушателей, давая им тему для последующих за чтением взаимных между собою разговоров.

В 60—70-е годы обучение грамоте в войсках было организовано довольно широко. Однако уже в 1881 году, вскоре после ухода Д. А. Милютинина с поста военного министра, в «Плане годовых занятий в войсках» эта область обучения солдат была сокращена. В середине 80-х годов обучение грамоте, за исключением поступавших в учебные команды, было уже необязательным. Судя по отчетам командующих войсками округов, с начала 90-х годов обучение грамоте новобранцев почти прекращается во всех округах, за исключением Киевского⁵⁴. В 1892 году по этому поводу было разъяснение, в котором говорилось: «Едва ли можно согласиться с тем, что обучение грамотности в войсках должно занимать столь важное место... На войска не может быть возложена обязанность служить проводниками грамотности в народную массу, средств и времени очень мало»⁵⁵.

В некоторых частях войск к занятиям с солдатами по обучению грамоте стали относиться прямо враждебно, памятуя отношение к этому самого военного министра Ванновского, усматривавшего в этом «рассадник вольнодумства». Генерал В. М. Грулев в своих воспоминаниях рассказывает, как он, будучи младшим офицером в 65-м пехотном московском полку, стоявшем в Брест-Литовске, по собственной инициативе с разрешения командира батальона обучал солдат своей роты чтению и письму (после окончания

официальных занятий). Пришедший в роту командир полка набросился на ротного командира. «Ну, что это у вас делается?» — воскликнул полковник. Ротный командир докладывает. «Не смей этого делать и убрать вон все книжки. Вы мне такие дела понаделаете, что военный министр по головке не погладит»⁵⁶, — приказывает командир полка.

В конце XIX — начале XX века вопрос об обучении грамоте был пересмотрен. При Главном штабе была создана Комиссия для пересмотра вопроса об образовании войск, которая рассмотрела также и вопросы обучения войск грамотности. «На основании существующего Положения обучение молодых войск грамотности не обязательно, — говорилось в объяснительной записке, — грамотность же им преподается от первого до второго лагерного сбора и имеет главнейшей целью подготовку для поступления в учебную команду»⁵⁷.

Комиссия признала необходимость ввести обязательное обучение солдат грамоте в пехоте. В кавалерии и артиллерии оно признано было «безусловно желательно», однако, как заявил представитель кавалерии, «занятия грамотностью с молодыми солдатами этого рода оружия совершенно невыполнимы по недостатку для сего времени» (имеется в виду необходимость обучения верховой езде и уходу за лошадью).

Итогом этих обсуждений было введение обязательного обучения только в пехоте. В «Положении об обучении нижних чинов пехоты» говорилось: «Обучение солдат грамоте обязательно. На него следует смотреть как на средство к развитию молодых солдат, необходимое им для сознательного отношения к будущим их обязанностям, и как на подготовку наиболее доступных к поступлению в учебную команду. Занятия грамотой начинаются с начала второго месяца обучения, т. е. с 1 января, и производятся ежедневно в продолжение 4 месяцев в послеобеденные часы занятий в течение одного часа. Обучение грамоте возлагается ротным командиром на особого офицера»⁵⁸. В 1902 году неграмотным среди призываемых в российские войска был каждый второй новобранец⁵⁹. А в армии Германии, по данным 1884 года, неграмотные составляли 1,21 процента⁶⁰.

Воспитание армии и антивоенная публицистика

Л. Н. Толстого

В военной публицистике России последней четверти XIX—начала XX века обсуждался вопрос о том, что должно быть главной целью воспитания воина. М. И. Драгомиров считал, что основной целью воспитания является подготовка человека для боя, ибо от этого зависит состояние как мелких подразделений, так и армии в целом. По его утверждению, человек приходит в армию уже с какими-то задатками, и дело армии — развить эти задатки, необходимые для профессии воина. Этого можно добиться путем гармоничного воспитания.

Главным методом воспитания в русской армии М. И. Драгомиров считал метод убеждения. Горячо выступал против ареста как способа наказания, особенно применительно к офицерам, видя в этом явлении унижающее, но никогда не исправляющее, а порой и озлобляющее явление.

М. Драгомиров писал, что к какой бы деятельности человека ни готовили, нужно при этом соображаться с его нравственным, умственным и физическим строем. Эта идея не нова, признает Драгомиров, она в свое время была блестяще осуществлена Суворовым, который, «сознав ясно, что для победы нужно укрепить солдата умственно, нравственно и физически, он и свою систему воспитания сообразил строго последовательно с этой целью, не делая никаких уступок»⁶¹.

Воспитание Драгомиров рассматривал как сложный процесс, состоящий из собственно воспитания и обучения. Под воспитанием Драгомиров подразумевал такой процесс воздействия на солдата, в результате которого будут развиты: чувство долга, доведенное до самоотвержения, или готовность пожертвовать собою для выручки товарищей; неустрашимость, находчивость, беспрекословное повиновение воле начальника во всем, касающемся службы; способность выносить все тяжести и лишения военного времени безропотно и без быстрого истощения сил⁶².

Под обучением же Драгомиров понимает воздействие, обеспечивающее: искусное действие своим оружием; умение согласовать свои движения и действия с товарищами;

ловкость в преодолении встречаемых на местности преград и умение пользоваться ими для соответственного укрытия от выстрелов неприятеля, не лишаясь возможности, однако, его видеть и стрелять по нему⁶³.

В военно-педагогической теории, в основу которой он положил ряд учебно-воспитательных принципов, составивших систему практической подготовки, на первое место Драгомиров ставил принцип целесообразности в обучении. «В военном деле соображение с духовным и умственным строем человека требует в занятиях — целесообразности, в отношениях — строгой законности, в жизни материальной — хорошей пищи, одежды, а также физических упражнений, которые, держа организм в постоянной деятельности, не доводили бы его, однако, до истощения, а напротив укрепляли».

Из анализа публикаций Д. А. Милютина, М. Д. Скобелева, М. И. Драгомирова видно, что в основе боевой подготовки воина значительная роль отводится нравственному воспитанию. Драгомиров утверждал: «Совершенное оружие не изменило человека, а лишь оттенило потребность более рационального нравственного воспитания и образования войск в мирное время»⁶⁴.

Под нравственным воспитанием понималось воздействие на разум и сердце человека таким образом, чтобы развить в нем навык руководствоваться в службе и деятельности высшими представлениями и побуждениями, которые служат источником воинских доблестей, облегчая человеку победу над противодействующими этим доблестям страстями и эгоистическими инстинктами⁶⁵.

К указанным высшим побуждениям эти авторы, а также генералы Б. Геруа, И. Маслов, С. Гершельман, Н. Бутаковский относили:

— религиозность, как источник нравственной чистоты человека, покорности его своей судьбе и небоязни смерти физической;

— патриотизм, как беззаветную любовь к отечеству, к своему народу и к высшему радетелю за их интересы — своему государю;

— чувство долга, которое выражалось в покорности законам, правилам службы, требованиям дисциплины и в

готовности исполнить принятые на себя обязательства воина, как бы они тяжелы ни были;

— чувство чести, честолюбие и славолубие, так как любовь и слава — различные степени стремления обеспечить уважение извне к своей личности,— основа большинства военных доблестей и подвигов;

— чувство общности (корпоративности), которое рождало товарищеское единение — источник взаимной помощи и взаимной выручки.

М. Драгомиров, говорил о том, что в ходе воспитания необходимо, во-первых, добиться от человека понимания своего долга перед родиной, во-вторых, вооружить его необходимыми знаниями, навыками и умением, которые создают базу для уверенности в борьбе. Первенствующую роль в решении этих задач он отдавал нравственному воспитанию. Нравственная энергия, развитая и укрепленная в солдате в ходе этого процесса, нужна ему для одержания победы над противником. При этом нравственная энергия должна быть развита до степени готовности воина хоть самому погибнуть, лишь бы погубить противника⁶⁶.

Первое, писал М. Драгомиров, это воспитание патриотизма, под которым подразумевается чувство любви к родине. Это чувство должно быть доведено до степени самоотвержения⁶⁷.

М. Драгомиров, Д. Милютин, М. Скобелев и другие авторы видели средства укрепления патриотизма: в приведении войск к присяге, объяснении ее значения и смысла; в беседах с солдатами общего и военно-исторического характера, в которых раскрывалось бы историческое прошлое русского народа, охарактеризовывались подвиги русской армии и ее воинов. Широко популяризировался патриотизм выдающихся русских полководцев и флотоводцев А. В. Суворова, М. И. Кутузова, П. С. Нахимова, Ф. Ф. Ушакова и других. В брошюрах для солдатского чтения и ежемесячном журнале «Чтение для солдат», пособиях для проведения бесед с ними славилась подвиги русских воинов, проявлявших самоотверженность в сражениях во имя отечества⁶⁸. Такие чтения, беседы проводились раз или два раза в неделю. Перечень их не указывался в циркулярах военного ведомства, совершенно сознательно и мудро потому, что каждое

чтение или беседа будут удачными тогда, когда она соответствует характеру лица, которое их проводит⁶⁹. Так, сборник бесед с юнкерами и нижними чинами капитана Н. В. Колесникова предлагался в качестве пособия для офицеров ротного звена, пожелавших использовать темы для бесед с подчиненными. В каждой теме указывался ряд источников и пособий, пользуясь которыми офицер имел возможность еще более развить и расширить предлагаемое сообщение⁷⁰.

Темы бесед предлагались следующие: «Знамя» (историко-психологический очерк), «Родина», «Наши друзья», «Наши враги», «Значение великой войны», «Война и жизнь», «Офицеры». Вооруженный предлагаемым пособием молодой офицер получал возможность провести ряд бесед со своими подчиненными. Подбор тем автор объяснял теми обстоятельствами, что при отсутствии патриотического воспитания в нашей низшей школе солдат имел очень туманные представления о родине, а тем более при господствовавших антимилитаристских идеях, он нуждался в разъяснении, что такое война, знамя, назначение солдата, дисциплина, вождь.

Книга вышла в 1916 году, когда война захватила не только одну Россию. Она оторвала тамбовского и рязанского мужика и повезла его вокруг света в Марсель, Брест и Салоники, где он бился бок о бок с французами, англичанами, бельгийцами, сербами и румынами. Все это заставило автора написать несколько бесед об участии и значении в текущей войне Англии, Франции, Италии, Бельгии, Сербии, Португалии, Японии и Румынии. Солдат должен был понимать, за что ведется война, за какие идеалы борется Европа, почему мы идем нога в ногу с ней. Обрисовывался и враг: Германия (в чем ее сила и слабость), Австрия, Болгария и Турция. Все это заставляло русского солдата возмущаться насилием Германии, предательством Болгарии, зверством Турции и неблагодарностью Австрии.

«Солдату должны быть раскрыты глаза на текущие события, он должен сознательно идти на смерть за великие идеалы человечества, тогда он будет еще лучше сражаться, еще терпеливее переносить лишения, так как поймет смысл войны»⁷¹, — отмечалось во вступлении к сборнику бесед.

В печати, в литературе на военно-педагогические темы отмечалось, что в целях успеха подобных чтений, увеличе-

ния интереса к ним солдат нужно: не увеличивать свыше меры числа чтений; доверять их исполнение офицерам, которые не только хотят, но и в состоянии интересно их читать; внимательно следить за выбором тем, которые ни в коем случае не должны быть слишком научными и отвлеченными; заботиться о том, чтобы чтения имели по возможности характер предметных уроков⁷².

Считалось, что назначение числа чтений, выбор тем и лекторов, надзор за производством чтений — дело штаб-офицеров. Предлагалось осуществлять высшее направление чтениями командиру полка с помощью старших офицеров части. Исполнение чтений поручать чаще всего ротным командирам и младшим офицерам. Но, однако, не мешать и штаб-офицеру, если он захочет дать хороший пример в проведении чтения. Производство чтений было делом совершенно не обязательным для офицеров. Для нижних чинов присутствие на чтениях было обязательно⁷³. Рекомендовались четыре группы примерных тем для чтений с нижними чинами:

А. Темы военные и патриотические. История полка, города, провинции; героические подвиги на поле битвы и при защите крепостей, внушенные преданностью к знамени и любовью к родине.

Б. Гражданские темы. Уважение к закону; обязанности каждого гражданина к родине и первая из них — защищать ее; необходимое следствие этой обязанности — военная служба.

В. Экономические темы. Заметки о земледелии и промышленности края; алкоголь, производимые им опустошения; неотложная необходимость бороться с этим бедствием; очерки элементарной гигиены и домашней медицины, приноровленные к солдатскому быту;

Г. Нравственные темы. Уважение к военному мундиру; символ которых есть знамя. Война: что она была некогда и какой она должна быть теперь⁷⁴.

По информационным материалам газеты «Русский инвалид», журнала «Разведчик» и других изданий видно, что воспитанию патриотизма способствовали обряды. Такая связь, например, установлена в обряде принесения присяги на верность службы, в порядке освящения и самом рисунке знамен и т. п.

Поддержание на высоком уровне патриотических чувств достигалось и посредством различных празднеств, торжеств

и т. п., выражающих благоговение и преклонение перед величием и славою родины в ее прошлом и настоящем и перед личностью ее государей.

Стараясь возбудить любовь и уважение к своей армии, воскресить воспоминания ее военной славы, для чего поощрялось составление и изучение истории побед и заслуг родной армии, своей части в особенности, устройство памятников, музеев и т. п. и посещение полей сражений.

Увековечиваются и постоянно вспоминаются имена и подвиги героев военного долга и чести. Например, во многих храмах устанавливались мраморные черные доски с именами павших на войнах.

Сам характер службы регулировался так, чтобы выдвинуть рельефно святость закона, долг службы и требования воинской дисциплины и вместе с тем вызвать у военнотружашаго стремление к самостоятельности, сознательному отношению к своим обязанностям. М. Драгомиров считал наиболее важным в воспитательном смысле видом службы войск мирного времени караульную службу, так как она ставила часто офицера и солдата в то же положение, что и война.

Строгим порядком жизни, а также системою поощрений и взысканий внедряются правила порядочности, нравственности, чести, опрятности и приличия.

Сама служба и занятия по изучению военного дела организуются так, чтобы из них была ясно видна их конечная цель, и обучаемый на каждом шагу упражнялся в проявлении желательных воинских качеств.

Патриотизм в трудах М. Драгомирова, М. Скобелева, Д. Милютинa и их учеников рассматривался как преданность своей родине, любовь к ней, стремление служить ее интересам. Это одно из высших чувств человека, зародившегося на заре истории как осознание и переживание принадлежности к своему народу, сопричастности к его судьбе и культуре, привязанности к своей земле. Он шел от известных слов А. В. Суворова: «Потомство мое, прошу брать мой пример: до издыхания быть верным отечеству». Высшим проявлением патриотизма они, как и известный русский историк С. М. Соловьев⁷⁵, считают патриотизм воинский, который прежде всего составляют готовность и способность защищать отечество, его независимость, отстаивать Родину от врагов. Они выступали

против отождествления его с чувством национального эгоизма, чванства, превосходства, а тем более с шовинизмом.

М. Драгомиров и его последователи отмечали, что основными направлениями воспитания патриотизма являются: сообщение определенных знаний (по истории отечества, подвигах его защитников, верности и преданности христианской вере, любви к Христу, государю-царю, чтение-разъяснение артикулов, уставов, приказов и др.); воздействие на эмоционально-мотивационную сферу (путем ритуалов, традиций, обычаев); волевое воспитание (несение караульной службы и т. п.). Самоотверженность, как высшая форма патриотизма, по словам Драгомирова, должна быть следствием всей системы воспитания, проникать всюду и вытекать из всей практики военного дела. Следствием этого должна являться нравственная упругость человека, под которой понимается способность воина воспринять все остальные нравственные качества, образующие цельный характер военного человека⁷⁶.

Придавая большое значение развитию волевых качеств солдата, М. Драгомиров неразрывно связывал это с повышением его культуры. В силу этого он считал необходимым распространение грамотности среди солдат и был единственным из генералитета, кто ставил вопрос о введении обязательного начального обучения населения.

Моральную подготовку русской армии, ее воспитание рекомендовалось вести на основании знаменитой уваровской формулы: «За Веру, Царя и Отечество». Другими словами, основами воспитания русской армии явились: религия, воплощенная в православии; преданность существующему государственному строю и порядку, в частности преданность верховной власти в лице монарха и патриотизм, т. е. любовь к родине, как пишет военный публицист А. Баиов, с ее «физическими свойствами, государственным устройством, достижениями материальной культуры и бытовым укладом»⁷⁷.

Накануне русско-японской войны считалось, что эти основы наиболее отвечали исторически развившейся идеологии русского народа, были понятны ему, сделались ему дороги и вполне удовлетворяли его сознание и духовные запросы, вытекающие из строя его души.

Прежде моральная подготовка армии к этой триединой формуле давала хорошие результаты, и русская армия

считалась обладающей нравственным элементом, стоящим на должной высоте. Но в войне 1904—1905 годов нравственный элемент оказался более высоким у японцев. Корейский вопрос, господство на Тихом океане занимало их умы посредством умело поставленной пропаганды. Правительство и народ работали в полном согласии над подготовкой национальной войны. Французский капитан Легар, статья которого была опубликована в «Военном сборнике»⁷⁸, замечает, что система Драгомирова «весьма подходила для пробуждения и укрепления солдатских доблестей». Однако духовное превосходство японцев французский офицер видит в том, что там лучше поставлено воспитание всего народа для войны. Далее автор указывает, что русский крестьянин, призванный в армию, не понимал целей этой войны. Он знал только, что противник не угрожал бедствием его собственному домашнему очагу. «Идейные цели этой войны были ему чужды,— пишет Легар.— Самое ведение войны... представлялось ему как что-то бессмысленное и варварское. Русский народ был совершенно не подготовлен к войне своими интеллигентными классами, в среде которых считалось признаком культуры относиться к войне как к чему-то недостойному. Блюх очень почитался в России: его произведения распространялись в виде народных изданий...»⁷⁹.

Однако пацифистские идеи Блюха было не самое страшное, что влияло на умы русских крестьян, рабочих и солдат. Были и более сильные воспитательные влияния, которые перед войной с Японией стали весьма настойчивыми и сильными. Это — деятельность социалистов и некоторых группировок либеральной интеллигенции. Они старались подорвать правительственную власть, расшатать нравственные устои, на которых покоилась вся государственная и бытовая идеология русского народа и его вооруженных сил. Современники отмечали, что нравственной опорой и духовным вождем этой оппозиции явился граф Лев Николаевич Толстой.

Еще в 1884 году его трактат «В чем моя вера?» цензура признавала крайне вредной книгой, «так как подрывает основы общественных и государственных учреждений и вконец рушит учение церкви»⁸⁰. А в статье «Письмо к фельдфебелю», напечатанной в 1902 году в «Листке свободного слова», выходившем в Лондоне, он писал, что как могут

служащие в войсках люди верить такому очевидному обману, что убивать людей вообще нельзя, но можно по приказанию начальства? Отвечая на этот вопрос, Толстой писал, что обманываются люди не одним этим обманом, а с детства подготавливаются к этому целой системой обманов, которая называется православной верой. Он называл ее «ложной верой», «ложным учением», а все изложенное в Ветхом и Новом Заветах считал «грубым смешением еврейского народа с обманами духовенства». При авторитете Толстого все эти его мысли, замечал генерал А. Н. Куропаткин, разлагающе действуют на религиозную настроенность офицеров и солдат, расшатывают их нравственные устои, заставляют их не признавать велений совести и долга, приучая не считаться с какими-либо моральными требованиями⁸¹.

В своих брошюрах «Рабство нашего времени», напечатанной в 1898 году, «Патриотизм и Правительство», изданной в 1900 году, и «Единое на потребу», вышедшей в 1905 году, Л. Н. Толстой выражал мысли о том, что всякое правительство есть ужасное, самое опасное в мире учреждение, что оно умственно и нравственно развращает народы; если правительства прежде нужны были для того, чтобы защитить свои народы от нападения, то теперь правительства искусственно нарушают мир, существующий между народами, и вызывают между ними вражду; спастись от всех наших бедствий можно только тогда, когда освободитесь от отжившей идеи патриотизма и основанной на ней покорности правительствам. Эти и подобные им другие мотивы вели к стремлению освободиться от власти, дезорганизовывали людей внутренне, «давали волю их анархическим началам,— писал военный публицист Баиов,— которые присущи каждому человеку и которые, не сдерживаемые внутренним чувством необходимости подчинения для общего блага государства той или иной власти, происходящей из законного источника, приводят к уничтожению солидарности, несогласованности, к разъединению усилий всех»⁸². Таким образом подтачивалось перед войной 1904—1905 годов все то, что выражалось вторым членом формулы, заключающей в себе три основных начала, на которых воспитывалась армия.

Жан Жорес в своем известном труде «Новая армия»⁸³, рассматривая взаимосвязь военной мощи и моральной силы,

подчеркивал, что идея отечества является основой духовной силы воина. Третья составная часть указанной формулы воспитания русского солдата включала в себя понятие отечества и выявляла себя в чувстве патриотизма. В публицистике конца XIX — начала XX века зачастую презрительно трактовали понятие патриотизма, которое питало чувство любви и привязанности к родине, желание защищать ее от всех, кто на нее покушается. Так, Л. Н. Толстой в уже названной выше брошюре «Правительство и Патриотизм» писал, что «патриотизм в наше время есть чувство неестественное, неразумное, вредное, причиняющее большую долю тех бедствий, от которых страдает человечество, и поэтому чувство это не должно быть воспитываемо, как это делается теперь, а напротив, подавляемо и уничтожаемо всеми зависящими от разумных людей средствами...»⁸⁴. И далее: «Все народы так называемого христианского мира доведены патриотизмом до полного озверения...»⁸⁵.

Если с общечеловеческой точки зрения с этим можно согласиться, то с позиции государственной, когда страна вынуждена отстаивать свои национальные интересы и политическими, и военными средствами, вред для армии пропаганды этих идей Л. Н. Толстого был несомненен. Они отвергали один из самых могущественных стимулов для высокого служения армии, писал А. К. Баиов, «для следования суровому и тяжелому долгу, требующему величайшей жертвы от воина — его жизни в интересах своих соотечественников...»⁸⁶.

Профессор академии Генштаба генерал-лейтенант А. К. Баиов, автор ряда трудов по истории русского военного искусства и истории русской армии, утверждал, что военное искусство не есть нечто самодовлеющее, а является отражением общей культуры, и что в нем преобладают духовные начала⁸⁷. Совокупность идей Л. Н. Толстого он формулировал в противоположность учению «За Веру, Царя и Отечество» — «Против Веры, Царя и Отечества», которые использовались для свержения государственного строя в России.

Также в конце XIX — начале XX века в российской печати развернулась широкая пропаганда пацифистских идей, которая сопровождалась не только призывом против войн, но и против выполнения своего служебного долга офицерами и

солдатами. Наиболее яркими работами в этом направлении были также брошюры Льва Николаевича Толстого «Против войны» (1898), «Рабство нашего времени» (1898) и «Одумайтесь», написанная в 1904 году по поводу русско-японской войны. В них он справедливо называет войну простым убийством, сопровождаемым разорением, грабежом, которое предпринимается, вопреки желанием большинства народа, очень незначительным его меньшинством ради возможности этому меньшинству жить в роскоши и праздности, и призывал всех не участвовать в этих убийствах, разорении и грабежах и отказываться от военной службы. Причем утверждал, что такой отказ и наказание за него — тюрьма или ссылка — есть только выгодное страхование себя от опасностей, которые несет с собой военная служба. В отказе от нее автор брошюр видел еще исполнение нравственного долга. Поэтому он восхвалял всех тех, кто отказался от военной службы и участия в войне.

В статьях «Офицерская памятка» и «Солдатская памятка», напечатанных в 1901 году в «Листке свободного слова», Л. Н. Толстой говорит, что та солдатская памятка, которая составлена знаменитым генералом М. И. Драгомировым, излагавшая в общедоступной и образной форме все основные обязанности солдата и которая была вывешена во всех казармах, доказывает ту ужасную степень невежества, рабской покорности и озверения, до которых дошли в наше время русские люди. И ввиду этого в своих обращениях к солдатам и офицерам он «старается им напомнить о том, что они, как люди и христиане, имеют совсем другие обязанности перед Богом, чем те, которые выставляются в этой памятке»⁸⁸.

Службу офицера Л. Н. Толстой называл «бесчестной» и рекомендовал бросить ее и даже советовал, как это сделать: «собрав часть, которой вы командуете, выйдите перед нею и попросите у солдат прощения за все зло, которое вы им сделали, обманывая их, — и перестаньте быть военным»⁸⁹. Призывы Толстого и его сторонников, а также социалистов, идущие вразрез с воспитанием офицера и солдата, вредно отражались на армии, влияли на ее способность успешно вести войну. Об этом свидетельствует сам Л. Н. Толстой в своей брошюре «Одумайтесь», где в связи с неодобрительным заявлением одного крестьянина относительно русско-японской войны он замечает: «Да, совсем иное отношение людей к

войне теперь, чем то, которое было прежде, даже недавно, в 77-м году. Никогда не было того, что свершается теперь»⁹⁰.

А. К. Баиов отмечает, что проповедь Л. Н. Толстого не дала тех результатов, которых он и его сторонники желали. Но все же она произвела свое действие. Это подтверждал и А. Н. Куропаткин в своей статье «Влияние произведений графа Льва Николаевича Толстого на умственное развитие наших офицеров и нижних чинов» напечатанной в «Военном сборнике», № 4 в 1911 году⁹¹. В ней бывший военный министр подчеркнул огромную роль талантливых писателей в своем влиянии на армию. В частности, он отмечал: «...Для поддержания силы армии на должной высоте крайне важно идейное единение армии и общества. Армия — могучее дерево, выросшее на почве родной страны, с корнями, глубоко проникшими в ее духовную и физическую толщу; степень мощности дерева зависит от тех живительных соков, которые оно пьет из страны, из общества, и которые, перерабатываясь в школе армии, не теряют все же своей первоначальной сущности. Отсюда — громадная роль писателей, затрагивающих вопросы из области военного духа, из области повседневной жизни общества и армии в философских и беллетристических произведениях, так как на их поучениях и образах воспитываются мысли и чувства современников»⁹².

Исходя из положения, сложившегося в России накануне русско-японской войны, многие сторонники укрепления государственной власти в стране отмечали необходимость усиления правительственной пропаганды в печати, развития системы официального информационного влияния на население и армию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кузьминский К. Очерк развития военной журналистики в России // Война и мир. 1906. № 12. С. 37.

² См.: Военный сборник. 1858. № 1.

³ Военная энциклопедия. СПб., 1913. Т. 4. С. 588.

⁴ Военный сборник. 1859. № 4.

⁵ Там же. С. 3.

- ⁶ Там же. С. 7—8.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ См.: Военный сборник. 1859. № 5. С. 75.
- ¹⁰ См.: Военный сборник. 1858. № 1.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Кузьминский К. Указ. соч. // Война и мир. 1906. № 12. С. 43.
- ¹³ См.: Военная энциклопедия. СПб., 1913. Т. 4. С. 588.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Цит. по: Кузьминский К. Указ. соч. // Война и мир. 1906. № 12. С. 43.
- ¹⁶ Там же. С. 44.
- ¹⁷ См.: Милютин Д. А. Руководство к съемке планов. М., 1837. С. 78.
- ¹⁸ См.: Отечественные записки. 1838. № 4.
- ¹⁹ Столетие Военного министерства. Исторический очерк возникновения и развития в России Генерального штаба в 1825—1902 гг. 4 ч. 3 отд. Составил П. Гисман. С. 235.
- ²⁰ Баиов А. К. Граф Дмитрий Алексеевич Милютин. СПб., 1912. С. 6.
- ²¹ Симонов И. С. Граф Дмитрий Алексеевич Милютин и военное ведомство. — СПб., 1912. С. 5.
- ²² Впоследствии Д. А. Милютин станет инициатором преобразования кадетских корпусов в гимназии и создаст систему отбора и подготовки педагогов для них. Для этой цели при 2-й Петербургской военной гимназии были учреждены «Педагогические курсы», на которых, в продолжении двух лет, молодые люди, с окончанным уже высшим образованием, готовились к преподавательской деятельности теоретически и практически под руководством опытных преподавателей. Для подготовки учителей в военные прогимназии была основана «Учительская семинария военного ведомства». При содействии Д. А. Милютина был учрежден Педагогический музей военных учебных заведений, который занимался распространением и улучшением образования в России.
- ²³ См.: Строков А. А. История военного искусства. — СПб., 1994. Т. 4. С. 595.
- ²⁴ См.: Баиов А. К. Указ. соч. С. 9.
- ²⁵ Военная энциклопедия. СПб., 1913. Т. 5.
- ²⁶ В последние годы жизни Д. А. Милютина в газетах разного рода направления не раз сообщалось, что он, живя с 1881 года в Крыму в своем имении Симеиз, пишет историю царствования императора Александра II, или, по сообщению некоторых газет, как говорил будто бы сам Милютин, — «историю своего государя». Однако сам Милютин на вопрос об этом ответил: «так историю не

пишут». «Так», т. е. не имея под рукой в полной мере соответствующего материала — архивных и других первоисточников. Как историк Д. Милютин не признавал другого писания истории, как только по первоисточникам.

Это доказал он своими научными работами, это подтвердил он за несколько недель до своей смерти, указав, что главная работа Императорского русского военно-исторического общества должна состоять из издания архивных документов.

²⁷ См.: Дневник Д. А. Милютина. М., 1952. С. 33.

²⁸ *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы. СПб., 1929. С. 335.

²⁹ Русский инвалид. 17 ноября 1863. № 255.

³⁰ Дневник Д. А. Милютина. М., 1947. Т. 1. С. 34.

³¹ *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 260.

³² Там же.

³³ *Дементьев А. Г.* Издания А. И. Герцена и Н. П. Огарева // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1965. Т. 2. С. 123.

³⁴ Там же.

³⁵ Русский инвалид. 10 апреля 1865. № 76.

³⁶ Дневник Д. А. Милютина. — М., 1947. Т. 1. С. 35.

³⁷ *Валуев П. А.* Дневник. М., 1961. Т. 2. С. 36.

³⁸ Дневник Д. А. Милютина. М., 1947. Т. 1. С. 37.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Военная энциклопедия. СПб., 1913. Т. 5. С. 588.

⁴¹ Там же.

⁴² См.: Дневник Милютина Д. А. М., 1947. С. 38.

⁴³ Записки Н. Г. Залесова // Русская старина. Июнь 1905. С. 517.

⁴⁴ Дневник Милютина Д. А. М., 1947. С. 39.

⁴⁵ Там же. С. 40.

⁴⁶ Там же. С. 41—42.

⁴⁷ Цит. по: Дневник Д. А. Милютина. М., 1947. Т. 1. С. 43.

⁴⁸ Там же. С. 44.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. СПб., Т. 4. С. 4—28.

⁵¹ См.: Общеобразовательные беседы. СПб., 1876. Служба солдата в примерах с рисунками. СПб., 1877; *Троцкий-Сенюкович В.* Беседы с молодыми солдатами о военной службе. СПб., 1873; *Булгаковский В.* Священная преданность царю и Отечеству. СПб., 1880; *Кошкаров Д.* О смысле того, чему учат солдат. М., 1877; Книга для чтения русским солдатам всех родов оружия // Составил старый ротный командир. СПб., 1890; *Томилин А.* Клятвенное обещание. СПб., 1890; *Тхоржевский К.* Военно-нравственные рассказы. СПб.,

1892; *Абаза К.* Отечественные героические рассказы. СПб., 1891; *Добринский Н.* Карманный военный календарь на 1897 г. // Для нижних чинов; *Драгомиров М.* Солдатская памятка. СПб., 1891; *Кошкарёв Д.* Сборник законов для чтений нижним чином. СПб., 1891; *Хорошкин В.* Геройские подвиги удалыцов. СПб., 1897, и другие.

⁵² См.: Общеобразовательные беседы. СПб., 1876.

⁵³ См.: Заметка по поводу чтений для нижних чинов // Русский инвалид. 1895, № 251; *Лосовский.* Чтение вслух для нижних чинов // Русский инвалид. 1896, № 17.

⁵⁴ См.: Всеподданейшие отчеты о действиях Военного министерства за соответствующие годы. СПб.

⁵⁵ *Деникин А. И.* Старая армия. Т. 2. С. 165.

⁵⁶ *Грулев М.* Записки генерала-еврея. Париж, 1930. С. 130—131.

⁵⁷ ЦГВИА. ф. Главного штаба, оп. 3, д. 5213, л. 395.

⁵⁸ Положение об обучении нижних чинов пехоты. Проект отд. II. Обучение молодых солдат. Высочайше утверждено 29 декабря 1901 г. СПб., 1902. С. 9.

⁵⁹ *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. М., 1973. С. 276.

⁶⁰ Военный сборник. 1892, № 5. С. 192.

⁶¹ Сборник оригинальных и переводных статей 1856—1881 гг. СПб., 1881. Т. II. С. 226.

⁶² *Драгомиров М. И.* Учебник тактики. СПб., 1911. С. 53.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ См.: *Геруа Б. В.* Воспоминания моей жизни. СПб., 1911; *Гершельман С. К.* Нравственный элемент в руках опытного начальника // Военный сборник. 1888, № 12; *Епанчин В.* Нравственный элемент в руках Суворова // Военный сборник. 1892, № 1; *Маслов И.* Научные исследования по тактике. СПб., 1896.

⁶⁶ См.: 14 лет (1881—1894). Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова. СПб., 1896. С. 113.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ См.: Книга для чтения русскими солдатами всех родов войск. СПб., 1895; Чтение для солдат. 1892—1912 гг.; *Тхоржевский К. В.* Военно-нравственные рассказы. СПб., 1892; Чтение для нижних чинов // Русский инвалид. 1895, № 251; Чтение вслух для нижних чинов // Русский инвалид. 1896, № 17, и другие.

⁶⁹ См.: *Колесников Н. В.* Нравственный элемент. Сборник бесед с юнкерами и нижними чинами. Казань, 1916. С. 4.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. С. 5.

⁷² *Дюрьи Ж.* Офицер — воспитатель. СПб, 1906. С. 92.

⁷³ Там же. С. 93.

⁷⁴ Там же. С. 114.

⁷⁵ См. *Соловьев С. М.* Оправдание добра. М., 1992.

⁷⁶ См.: *Драгомиров М. И.* 14 лет (1881—1894). Сборник оригинальных и переводных статей. СПб., 1896. С. 113.

⁷⁷ Душа армии. М., 1997. С. 400.

⁷⁸ См.: *Легар.* Нравственная подготовка войск в мирное время / / Военный сборник. 1911, № 4. С. 87—92.

⁷⁹ Там же. С. 91.

⁸⁰ Цит. по: *Бережной А. Ф.* По страницам неисследованных изданий русской периодики. СПб., 1999. С. 8—9.

⁸¹ *Куропаткин А. Н.* Влияние произведений графа Льва Николаевича Толстого на умственное развитие наших офицеров и нижних чинов // Военный сборник. 1911. № 4. С. 161—178.

⁸² Душа армии. М., 1997. С. 403.

⁸³ *Жан Жорес.* Новая армия. Париж, 1920. С. 5—12.

⁸⁴ Цит. по: Душа армии. М., 1997. С. 404.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же. С. 404.

⁸⁷ См.: Военная мысль в изгнании. М., 1999. С. 539.

⁸⁸ Цит. по: Душа армии. М., 1997. С. 405—406.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ См. Военный сборник. 1911. № 4. С. 161—178.

⁹² Там же. С. 161.

ГЛАВА VIII

Организация освещения в печати Русско-турецкой войны 1877—1878 годов

Свобода слова и тайна

Вопросы взаимоотношений армии и СМИ, возникшие в ходе чеченской войны и других современных военных конфликтов, далеко не новы. Они существуют не только в нашей стране, но и в мировой практике с давних времен, а с развитием коммуникационных технологий правительство и генералы все более укреплялись в своей позиции о необходимости ужесточения цензуры новостей в военное время. При этом обе стороны — и государственная администрация и СМИ — как в прошлом, так и в настоящем согласны с тем, что война диктует необходимость некоторых ограничений в распространении информации. Однако коренное противоречие заключается в том, каковы должны быть эти ограничения и кто должен их устанавливать: сами СМИ или власти. Существом вопроса является противоречие между двумя фундаментальными ценностями — свободой слова и интересами национальной безопасности. Эти противоречия в этот период начинают пытаться решить не только в России, но и в США и других странах.

Правительственная цензура в военное время появилась в США в ходе Гражданской войны 1861—1865 гг. До того ни в войне за независимость, ни во время мексиканской кампании правительству даже не приходило в голову как-либо ограничивать прессу. Однако с широким распространением телеграфа в середине прошлого века произошли существенные сдвиги как в том, с какой скоростью пресса смогла распространять военные новости, так и в желании официальных властей ограничить свободное хождение информации, имеющей отношение к военным операциям. Иными словами, телеграф впервые позволил средствам массовой информации сообщать о новостях одновременно с тем, как имели место происходя-

щие события, предоставляя, таким образом, широкой общественности информацию, которая обычно была доступна только правительству и военным. Именно этот технологический прорыв в области коммуникаций и определил де-факто переход к современному освещению войны, а с ним и к национальной традиции требовать права на получение неограниченной информации во время боевых действий. Развитие телеграфа вынудило правительство пойти на введение определенных ограничений на распространение новостей во время конфликтов с иностранными державами. Однако именно внутренний конфликт заставил правительство отказаться от собственных завоеваний либерализма. Во время самой страшной и самой разрушительной войны в истории Америки — Гражданской войны 1861—1865 годов — обе противостоящие стороны ввели институт цензуры. Цензура Юга была более жесткой, чем на Севере, что отчасти являлось отражением их более уязвимой позиции. Цензурные ограничения усугублялись недостатком технологической базы и нехваткой квалифицированных журналистов. Однако вследствие поражения конфедерации цензурная практика Юга практически не оказала какого-либо заметного влияния на последующее развитие института цензуры. Значительно больше влияния на дальнейшее развитие отношений между СМИ и правительством оказала практика юнионистского правительства по контролю за Северной прессой¹.

Ситуация на Севере в корне отличалась от того, что было на Юге. Во-первых, наличествовала достаточная материальная база СМИ и имелось множество вполне квалифицированных журналистов. Кроме того, цензурная политика Севера была значительно мягче. Первоначально юнионистское правительство предложило СМИ схему самоцензуры, однако этот подход просуществовал недолго из-за невозможности воплотить на практике общие принципы. В результате власти на Севере ввели схему обязательного цензурирования. Институт цензуры предусматривал возможность судебного преследования изданий, публикующих информацию, которая может быть полезна южанам в военном отношении, отлучения провинившихся изданий от пользования услугами почты, контроль за распространением новостей по национальным телеграфным линиям. В отдельных случаях воен-

ные власти временно закрывали отдельные издания. Особенно известны случаи с «Нью-Йорк Джорнэл оф коммерс», «Нью-Йорк ворлд» и «Чикаго таймс». Первым двум изданиям запретили выпуск на том основании, что они публиковали «лживые сведения», которые причиняли ущерб «делу северян». «Чикаго таймс» была закрыта за нападки на администрацию Линкольна.

Разглашение военных секретов порой носило злостный характер, было результатом враждебности влиятельных кругов на Севере, которые стремились к компромиссному миру с рабовладельцами. Газеты, представляющие интересы этих влиятельных кругов северян, нередко печатали ложную информацию с целью ввести в заблуждение не противника, а население Северных штатов. В 1864 году газеты «Нью-Йорк уорлд» и «Нью-Йорк Джорнел оф коммерс» напечатали поддельную прокламацию президента Линкольна, в которой давалась мрачная оценка военного положения и провокационно объявлялось о мобилизации в армию еще четырехсот тысяч человек. Обе газеты отделались легко — запрещением выхода на три дня.

Действия журналистов на местах по сбору и пересылке новостей нередко сталкивались с серьезным сопротивлением военных. Так, известный генерал Севера Вильям Шерман, обнаружив присутствие в его армии корреспондента «Нью-Йорк геральд» Т. Нокса, не получившего на это специального разрешения, приказал отдать репортера под суд как вражеского шпиона. Журналист был признан виновным, но президент Линкольн отменил приговор. Разгневанный вмешательством сверху Шерман заявил: «Если уж американцы требуют и должны получать информацию, даже правдивую, но все же информацию, — пусть получают. Только они будут напоминать по своим привычкам пьяницу, у которого настолько испорчены природные наклонности, что он находит удовлетворение лишь в коньяке»². Когда Шерману сообщили, что несколько корреспондентов пропали без вести, он лишь проворчал, что теперь будет получать к завтраку новости из ада³.

Генералы Генри Хален, Амброс Бёрсайд вообще запрещали доступ журналистов в зоны своей ответственности и держали прессу на расстоянии. Свою позицию они обосновывали тем, что работа журналистов в зоне боевых действий может

привести к утечке информации, представляющей военный интерес для южан. Например, известен случай, когда опубликование в газете информации о готовящейся операции ВМС Севера позволил рейдеру южан избежать захвата. Генералы северян Шерман и Грант даже думали подавать в отставку из-за разглашения газетами военных тайн. Шерман также предлагал распространять в газетах ложные известия, чтобы подорвать доверие к печатавшейся там точной секретной информации. После войны стало известно, что южный командующий генерал Роберт Ли тщательно изучал газеты северян; у него были даже любимые издания, сообщавшие особо ценные сведения. Например, «Филадельфия нукуайер».

Также немало тайн было выдано и южными газетами. На основании печатавшихся в них известий «Нью-Йорк геральд» в начале войны опубликовала сведения о численности армии южан, списки офицеров, причем военный министр Конфедерации признал потом, что эта информация была столь же точной, как и та, которой располагал он сам. В последний период войны президент рабовладельческой конфедерации Д. Девис, чтобы приободрить населения в Джорджии, разболтал в своих речах планы борьбы против наступавшей армии Шермана. Некоторые современники уверяли, впрочем, без достаточного основания, что Шерман заимствовал из южных газет идею своего марша к морю, в результате которого территория конфедерации была рассечена на две части, и вскоре ее армия была разгромлена.

Таким образом, несмотря на цензуру и противодействие военных, северная и южная пресса успешно информировала общественность о положении на фронтах. Но именно Гражданская война 1861—1865 годов породила тот антагонизм между властями и СМИ, который развился в ходе последующих войн. Война также создала прецеденты, как власти и военные могут пытаться контролировать прессу. И хотя последовавшие вооруженные конфликты были менее кровавыми, по крайней мере, для Америки, и представляли меньше опасности для территории и гражданского населения США, а коммуникационные технологии получили дальнейшее развитие, эти войны не породили принципиально нового подхода к военной цензуре. Центральным остался все тот же вопрос о том, как работать в условиях ограничений

военного времени, вопрос, который остается открытым и по сей день.

В ходе испано-американской войны 1898 года дальнейшее развитие коммуникационных технологий только обострило проблемы, возникшие во время Гражданской войны. Некоторые издания использовали новые технологии для передачи сведений о передвижениях американского флота и готовящихся операциях. В ответ власти ввели цензурные ограничения. Под эгидой ВМФ США цензурные отделы были образованы в Кей-Вест (Флорида), Вашингтоне (Федеральный округ Колумбия) и в семи телеграфных агентствах в Нью-Йорке. Грант Сквайрс, в прошлом корреспондент газеты «Нью-Йорк трибун», в качестве гражданского лица отвечал за координацию действий между военными и прессой. Однако скоротечность войны, которая продолжалась всего шесть месяцев, не позволила выработать подходы к решению проблем, которые возникали в рамках введенного института цензуры, послужившего образцом для последующих конфликтов⁴.

Примеры разбалтывания военных секретов печатью были не только в ходе Гражданской войны в США 1861—1865 годов, но и во время других военных столкновений третьей четверти XIX века. Например, в период франко-прусской войны 1870—1871 годов 3-я немецкая армия после сражения при Верте, двигаясь на Запад, разминувшись на два-три перехода с французскими войсками Мак-Магона, наступавшими на восток. Однако немцам попала французская газета, сообщавшая, что армия Мак-Магона находится на Реймсе. Немецкое командование направило свои войска на север и воспрепятствовало планам французов. Утверждают также, что до сражения при Седане Мольтке получил из английских газет точную картину расположения французской армии⁵.

Все эти факты выдачи журналистами секретов воюющих сторон широко обсуждались в печати. И естественно, правительство России, накануне войны с Турцией 1877—1878 годов, принимало меры для ограничения сообщений в прессе о военной подготовке. В связи с этим 2 ноября 1876 года Главное управление по делам печати отправило губернаторам циркуляр, в котором требовало, «чтобы распоряжения военного ведомства, и в особенности относящиеся до дислокации

и передвижения войск, не публиковались в журналах и газетах, за исключением лишь тех распоряжений, о которых официально объявлено при перепечатывании сведений подобного рода, кроме того, должен быть указываем источник, из которого они заимствованы»⁶.

Неопределенность источников, которые не указывались в этом документе, а также развернувшаяся подготовка к войне, потребовали от Главного управления по делам печати нового распоряжения от 18 ноября 1876 года, которое, дополняя прежний циркуляр, требовало: «...обязать редакции повременных изданий не печатать вообще никаких известий о военных у нас приготовлениях какого бы то ни было рода, а равно никаких предварительных соображений и разъяснений касательно могущих последовать военных действий с нашей стороны, за исключением перепечатки известий, помещенных в «Правительственном вестнике» и «Русском инвалиде»»⁷.

3 апреля 1877 года, когда вероятность начала военных действий была уже близка, последовал еще один циркуляр Главного управления по делам печати: «Ныне, ввиду сохранения секрета всего касающегося мобилизации войска, по высшим правительственным соображениям, признано совершенно необходимым подтвердить...» требования распоряжения от 18 ноября 1876 года⁸.

С началом военных действий министр внутренних дел России генерал-адъютант Тимашев подписал 17 апреля 1877 года циркуляр, который начинался словами: «Государю императору благоугодно было высочайше повелеть, чтобы на все время настоящей войны все известия и статьи в повременных изданиях, касающиеся действий нашей армии, подлежали предварительному рассмотрению компетентных военных властей»⁹. К циркуляру прилагались правила, согласованные с Военным министерством, которыми следовало руководствоваться¹⁰. Они получили название «Правила 17 апреля 1877 года». Здесь указывались органы власти, которым предоставлялось право разрешения для печати военных известий и статей о них. Это были штабы главнокомандующих действующими армиями; Особая комиссия при Военном министерстве, состоящая под председательством начальника Главного штаба, и частные комиссии при штабах Московского,

Варшавского и Одесского военных округов, действующие под руководством командующих этих округов.

Все телеграммы о военных действиях пропускались в печать не иначе как с разрешения штабов действующих армий или комиссии Главного штаба. Телеграммы, передаваемые частным изданиям с разрешения штабов действующих армий, должны были непременно заключать в себе признаки такого разрешения, с этой целью в конце каждой телеграммы должно было заключаться сокращенным обозначением слово «разрешено» (Р) и полное обозначение чина и фамилии лица, уполномоченного давать подобные разрешения. В общем счете слов телеграммы разрешение принималось за три слова и оплачивалось отправителем. Телеграммы, разрешаемые к печати комиссией Главного штаба, сопровождалась подписью просматривающего их лица и печатью Военно-ученого комитета Главного штаба.

В Правилах указывалось, что все статьи не в форме телеграмм, предназначенные для бесцензурных и подцензурных газет, издававшихся в Петербурге, подлежали рассмотрению комиссией Главного штаба, а для газет, издававшихся в Москве, Одессе, Варшаве и Тифлисе, — рассмотрению частных комиссий при соответствующих военно-окружных управлениях. «Известия и статьи означенного рода, — указывалось в Правилах, — доставляются комиссиям в наборе, оттиснутом в двух экземплярах. В случае дозволения экземпляры набора, снабженные разрешением комиссии, выдаются доставившей их редакции с тем, что один из них должен быть представлен местному цензору или Цензурному комитету»¹¹.

Шестой параграф «Правил 17 апреля 1877 года» указывал, что цензурование военных известий и статей в иностранных газетах и журналах, получаемых в России, оставалось на обязанности почтового ведомства и цензурных комитетов, которые «в экземплярах, разрешенных к получению, без исключений, известия и статьи, признанные предосудительными, отмечаются сбоку как недозволенные к переводу»¹².

Военные известия из иностранных газет печатались в русских изданиях непременно с указанием, из какого источника заимствованы. Материалы, напечатанные с разрешения комиссий в бесцензурных газетах и журналах,

могли перепечатываться беспрепятственно в подцензурных изданиях, но тоже не иначе как с указанием источника.

В Правилах указывалось, что телеграммы военного содержания, получаемые «Правительственным вестником», набираются немедленно и срочно передаются в оттисках всем тем редакциям бесцензурных и подцензурных изданий, которые пожелают иметь таковые (через рассыльных от этих редакций).

«Правительственный вестник» и «Русский инвалид» обязывались обмениваться без потери времени (в наборе) теми официальными донесениями с театра военных действий, которые получались редакциями этих газет.

Правила называли издательства, которым важнейшие из этих официальных донесений сообщались немедленно: в Петербурге это были редакции «Санкт-Петербургских ведомостей», «Голоса», «Нового времени», «Русского мира», «Биржевых ведомостей», «Сына Отечества», «Journal de S.-t. Petersbourg» и «Herold»; в Москве — редакции «Московских ведомостей», «Русских ведомостей», «Современных известий» (расходы по доставке и пересылке за счет редакций этих газет).

«Agence general russe» и «Journal de S.-t. Petersbourg» подлежат по части получения и опубликования телеграмм, корреспонденций и статей, касающихся военных действий и распоряжений, тем же правилам, как и прочие газеты.

Вследствие обнаружившихся на практике неудобств использования материалов из зарубежных изданий, установленного шестым параграфом «Правил 17 апреля 1877 года», в октябре 1877 года министр внутренних дел по соглашению с Военным министерством признал необходимым отменить этот параграф. Редакторы «должны печатать переводы статей военного содержания из иностранных изданий на общем основании, под своей ответственностью, причем им предоставляется право в сомнительных случаях обращаться к компетентности Особой комиссии Главного штаба»¹³.

Правительство России, заботясь о повышении уровня гласности о военных событиях в циркуляре Главного управления по делам печати, от 28 апреля 1877 года сообщало губернаторам: «Ввиду возбуждаемого современными политическими обстоятельствами общественного интереса

г. министр внутренних дел, в целях доставления бедным лицам узнавать о ходе наших военных действий, изволит признать возможным разрешить в обеих столицах и во всех губернских городах печатаемые в «Правительственном вестнике» телеграммы перепечатывать на отдельных листках и наклеивать на видных местах»¹⁴.

По ходатайству министра внутренних дел А. Е. Тимашева в ноябре 1876 года в штаб русской армии, формируемой в Кишиневе, в качестве корреспондента «Правительственного вестника» был командирован поручик лейб-гвардии Уланского полка В. В. Крестовский. Следует отметить, что «Правительственный вестник» был органом Министерства внутренних дел возникшим по инициативе А. Е. Тимашева.

С первых дней русско-турецкой войны 1877—1878 годов в газетах публиковались сводки боевых действий, а ежемесячно — обзоры положения дел на фронтах, снабженные подробными сведениями. А с июля 1877 года в специальных рубриках печатались списки убитых, раненых и пропавших без вести военнотружущих, фамилии солдат и офицеров, находящихся на излечении в госпиталях и лазаретах. Последнее стало возможным после циркуляра Главного управления по делам печати от 6 июня 1877 года, в котором указывалось: «Г. Министр Внутренних Дел, согласно Заявлению Военного Министерства, признал необходимым, чтобы списки убитых в сражениях и умерших от ран или контузий нижних чинов действующей армии помещались в «Правительственном вестнике» и чтобы затем выборки из этих списков по каждой губернии и области перепечатывались по принадлежности во всех губернских и областных ведомостях по мере получения «Правительственного вестника»»¹⁵.

Перед началом военных действий в штаб русской армии поступили ходатайства о разрешении несколькими иностранным корреспондентам приехать в армию. Главное управление по делам печати выступило против их присутствия в армии на том основании, что в Кишиневе уже находился корреспондент, назначенный правительством. За несколько дней до начала русско-турецкой войны Главное управление по делам печати предложило «воспретить частным газетам иметь своих корреспондентов собственно в русской армии и в занимаемых ею местностях»¹⁶.

Появление института военных корреспондентов в России

До русско-турецкой войны 1877—1878 годов Россия не знала института военных корреспондентов в армии. Русское общество, столь взволнованное за судьбу «братьев-славян» перед войною, естественно, хотело знать о каждом шаге начавшегося военного предприятия. Однако неизвестно, в какую бы форму вылилось это стремление, если бы еще до открытия военных действий к русскому военному командованию не поступили ходатайства нескольких иностранных газет о допуске на театр войны их специальных военных корреспондентов. Ходатайство это поддержали российский посол в Турции генерал-адъютант Н. П. Игнатьев, наш поверенный в делах в Константинополе А. И. Нелидов (впоследствии посол в Турции и во Франции) и состоявший при особе государя генерал-майор прусской службы Вергуер (впоследствии германский посол в России).

Однако военный министр Д. А. Милютин, имея в виду всеобщую потребность как нашей, так и западноевропейской публики иметь своевременные сведения о ходе войны и невозможности избежать гласности, так как журналисты, если не будут допущены в армию, все же найдут возможность следить за ней издали и сообщать о ней слухи, вместо достоверных сведений, полагал желательным допустить присутствие корреспондентов на театре военных действий.

В правительстве победило мнение военного министра, на стороне которого был главнокомандующий действующей армией великий князь Николай Николаевич (старший).

Полковник М. А. Газенкампф, который до войны преподавал на кафедре военной администрации Академии Генерального штаба, с объявлением ее был направлен в Главную квартиру русской армии. Здесь ему было поручено вести журнал военных действий, составлять срочные донесения царю. И заведовать делами печати при армии. По прибытии на Главную квартиру русской армии ему было поручено выработать основания для допуска в войска корреспондентов, а также правил, которыми они должны были руководствоваться. Вскоре предложенный им проект такого документа был одобрен, главнокомандующий дунайской армией вели-

кий князь Николай Николаевич (старший) издал приказание № 87, которым разрешал корреспондентам русских и иностранных изданий сопровождать войска на театре военных действий.

М. А. Газенкампф писал по этому поводу: «Условия столь умеренны, что, без сомнения, достаточно предрасположат в нашу пользу представителей печати. Если же некоторые корреспонденты все-таки будут писать о нас в недружелюбном тоне (исполняя при этом принятые на себя обязательства), то этим можно бы пренебречь, ибо тем авторитетнее будут для общественного мнения дружелюбные о нас сообщения. Требование дружественного тона от корреспонденций, равно как и предварительная их цензура, будут нам же во вред: то и другое получит немедленную огласку и положит прочное основание недоверию публики к тем корреспондентам, которые будут допущены. В этом случае можно даже опасаться, что общественное мнение будет более всего верить тем газетам, которые займются фабрикацией ложных и злостных корреспонденций о нашей армии. От таких газет, как, например, «Neue Freil Presse», «Pester Lloyd», «Augsburger Leitung», этого весьма можно ожидать»¹⁷.

Корреспондентам русских газет и журналов разрешалось находиться в войсках по просьбе ответственных редакторов и издателей, а иностранным — по рекомендациям наших посольств и высокопоставленных лиц¹⁸. Для тех и других были обязательными условия: а) не сообщать никаких сведений о расположении и численности войск, а равно никаких предположений относительно предстоящих действий под угрозой высылки из армии; б) доставлять лицу, на которое возложена обязанность следить за содержанием корреспонденций, все номера газет, в которых они будут напечатаны; в) о каждой перемене своего местопребывания сообщать в штаб армии; г) иметь при себе разрешение с печатью полевого коменданта управления армией, удостоверение личности с фотографической карточкой и специальный наружный знак¹⁹.

Этим знаком сначала была круглая бляха из меди с орлом, надписью «Корреспондент» и личным номером, которая носилась на левом рукаве.

Корреспондент «Нового времени» В. П. Буренин, работавший в дунайской армии, дал описание корреспондентской

бляхи и письменного вида, каким снабжались все военные корреспонденты: «Бляхи круглой формы, медные, наверху выпуклыми буквами надпись «Корреспондент»; внизу — номер и печать сургучная; печать эта едва ли практична, так как она может от жары растаять или ее размочит дождем. Мы придумали нашить бляху на трехцветную кокарду из национальных цветов (красный, синий, белый) и прикрепить на такой же повязке к рукаву»²⁰.

Видимо, из-за неудобств корреспондентская бляха вскоре, 7 июня 1877 года, была заменена на новый знак — им стала трехцветная (черный, желтый и белый) шелковая нарукавная повязка, подбитая красным сукном. На повязке серебром вышит двуглавый орел, и вокруг него полукругом надпись «Корреспондент»; под нею золотом номер, под которым корреспондент занесен в общий список.

Так же заверялась фотографическая карточка корреспондента, на которой была сделана, по описанию В. П. Буренина, такая надпись:

«Предъявителю сего, корреспонденту газеты «Новое время» В. П. Буренину, Его Императорское Высочество изволил разрешить сопровождать армию.

Плоешты, 26 мая 1877 года. Состоящий в распоряжении Его Императорского Высочества полковник Газенкампф.

Личность г. Буренина свидетельствую с приложением казенной печати, комендант генерал-майор Штейн»²¹.

В. П. Буренин писал, что по дороге в Плоешты он, в компании с другими журналистами, пел песню военного корреспондента, в которой были слова:

*«Бродят здесь корреспонденты,
Раздает им всем патенты
Русский колонель.
Получив с печатью бляху,
Тянут день и ночь с размаху
Всяку канитель...»*²²

Предварительную цензуру решено было не учреждать, а только предупредили корреспондентов, что за неисполнение обязательств они будут высылаться из армии. Корреспондентам была предоставлена возможность получать сведения, которые начальник штаба армии признавал возможным

им сообщить. Работать с корреспондентами было поручено: в дунайской армии — полковнику Газенкампу, а в кавказской армии — полковнику Войнову. Дело было поставлено так, что, по свидетельству Василия Ивановича Немировича-Данченко «корреспонденты особенно ничем не были стеснены»²³. Высшие войсковые начальники генералы Гурко, Драгомиров, Скобелев, Девель, Лазарев, Лорис-Меликов предоставляли журналистам свободу действий и всячески облегчали их работу. М. Газенкампф замечал: «А так как общественное мнение в настоящее время — такая сила, с которой нельзя не считаться, газетные корреспонденты влиятельных органов печати суть могущественные двигатели и даже создатели этого мнения, то лучше постараться расположить корреспондентов в свою пользу, не ставя им таких требований, которым не согласятся подчиниться именно самые влиятельные и самостоятельные»²⁴. Он пишет, что, прежде чем сообщать известия в «*Agence general Russe*» и газетным корреспондентам, он согласовывал их с великим князем Николаем Николаевичем (старшим)²⁵.

Броские, заметные издали отличительные знаки, введенные для военных корреспондентов, призваны были выделить их на поле боя. Кроме того, они должны были возбуждать у обеих сторон джентльменские чувства по отношению к их владельцам. Но надежды на порядочность воюющих служили скорее утешением, чем защитой. Так, 30 августа 1877 года при штурме Плевны был ранен корреспондент «Биржевых ведомостей» Н. Максимов²⁶.

В войсках корреспонденты встречали прекрасное товарищеское отношение. И это они заслужили не только своим мужеством во время боевых действий, но и тем, что выполняли различные поручения командиров. Так, корреспондент «Нового времени» А. Д. Иванов исполнял обязанности конного ординарца при генерале И. В. Гурко в сражениях при Ени-Загре и Джуранли. Шотландец Дж. Каррик под огнем неприятеля делал перевязки раненым русским солдатам.

Г. К. Градовский писал: «...вращаясь среди войск, деля с ними походы, я не раз испытывал то уважение, которое проявляется в них к нашей миссии. Не однажды случалось слышать мне выражение уверенности, что наша печать не покри-

вит в своем слове, что мы, корреспонденты, сумеем выяснить и не побоимся печатать “правду”»²⁷.

Являться военным корреспондентом было престижно, и поначалу в действующую армию устремились многие представители русской и иностранной прессы. Общее число работавших в действующей армии корреспондентов как русской, так и зарубежной печати достигло в 1877 году 98 человек²⁸. В основном они находились на Балканах. Российскую прессу на русско-турецкой войне 1877—1878 годов представляли: А. С. Суворин («Новое время»), В. П. Буренин («Новое время»), М. П. Федоров («Новое время» и «Санкт-Петербургские ведомости»), Н. Н. Каразин («Новое время» и «Нива»), Н. В. Россоловский («Новое время»), Мак-Гахан («Голос»), Г. К. Градовский («Голос»), доктор А. В. Щербак («Голос»), Е. Я. Утин («Вестник Европы»), Н. В. Максимов («Биржевые ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», «St.-Petersburger Leitung»), Е. К. Рапп («Русский мир»), князь Л. В. Шаховской («Московские ведомости»), Д. К. Гирс («Северный вестник»), В. И. Немирович-Данченко (сперва «Наш век», потом «Новое время»), Мозалевский («Санкт-Петербургские ведомости»), С. Стамбулов²⁹ («Наш век»), Е. М. Кочетов-Львов («Московские ведомости»), Н. Я. Николадзе («Тифлисский вестник»). В качестве официального корреспондента газеты «Правительственный вестник» с высочайшего соизволения был командирован в штаб дунайской армии поручик Всеволод Владимирович Крестовский, с июля 1877 года он, сверх того, будет назначен редактором учрежденного при армии «Летучего военного листка».

Из рядов армии писали в «Русский инвалид» А. К. Пузыревский, барон Н. В. Кульбарс, А. Н. Куропаткин; в «Артиллерийский журнал» — Н. Е. Бранденбург; в «Голос» — Н. Д. Бутовский; в «Новое время» — А. Н. Маслов и другие. В 1878 году в «Отечественных записках» появляются первые военные рассказы рядового 138-го пехотного полка В. М. Гаршина, которые сразу обратили общее внимание на молодого писателя.

Следует заметить, что некоторые издания специальных корреспондентов на Балканы не направили, а ими стали офицеры или чиновники находившиеся там. Так, корреспондентами газеты М. Н. Каткова «Московские ведомости» были

чиновники русской гражданской администрации М. Ф. Мец и Л. В. Шаховской.

Наибольшее число военных корреспондентов в русской армии имела газета «Новое время». Из действующей армии в нее писали В. П. Буренин, А. Д. Иванов, Н. Н. Каразин, В. И. Немирович-Данченко, Н. В. Россоловский и М. П. Федоров. Следует отметить, что А. Д. Иванов не только писал корреспонденции, но был одним из первых военных фото-корреспондентов. Самым популярным русским военным корреспондентом во время войны стал В. И. Немирович-Данченко. Он находился в решающих сражениях на Шипке, под Плевной, участвовал в зимнем переходе русских войск через Балканы. Н. В. Максимов был военным корреспондентом и в Сербии в 1876 году. Газета «Голос» командировала в апреле 1877 года в Кавказскую армию военным корреспондентом известного журналиста Г. К. Градовского, который в сентябре вернулся в Петербург и был снова направлен на театр военных действий уже в Болгарию.

Это наиболее известные военные корреспонденты, направленные в армию редакциями газет. Общее же число писавших в печатные издания было довольно большим, но многие корреспонденции помещались без подписи или под псевдонимами. Так, под псевдонимом «Джилъси» публиковались в «Северном вестнике» корреспонденции представителя газеты «Scotsman» доктора Д. Л. Каррика. Ряд корреспондентов являлись представителями нескольких изданий. Например, в начале войны корреспондентом либеральных изданий газеты «Наш век» и журнала «Пчела» был В. И. Немирович-Данченко, но впоследствии он перешел в газету «Новое время». Художник Н. Н. Каразин помещал свои рисунки и заметки как в либеральном журнале «Нива» так и в «благонамеренном» издании «Всемирная иллюстрация».

Некоторые корреспонденты недолго находились на войне, основная их часть покинула действующую армию к октябрю 1877 года. До конца войны в русской армии на Балканах находились Г. К. Градовский, А. Д. Иванов, В. В. Крестовский, В. И. Немирович-Данченко и Л. В. Шаховской.

Русские периодические издания, имевшие своих военных корреспондентов в действующей армии, получали от них важную информацию о боевых действиях — телеграммы,

сообщения, корреспонденции, очерки, путевые записки. Они также давали интересные сведения о внутривосточной обстановке Балканских государств, о ходе освободительной борьбы их народов против Османской империи.

В числе тех, кто представлял зарубежную прессу, были: от «Figaro» — де-Вестинь, от «New-York-Herald» — Мак-Гахан, от «Nationalsche Leitung» и «Militar-Wochenblatt» — капитан Дангауэр, от «Kolnische Leitung» — доктор Шнейдер, от «Uber Land und Meer» — фон Маре, от «Politik» — граф Таттенбах-Ренштейн, от «Wiener Tageblatt» — Лукеш, от «Standart» — Ф. Бойль, от «Times» — А. Форбс и другие. Из зарубежных корреспондентов наиболее опытными были представители английской печати. Из американцев выделялся Мак-Гахан, корреспонденции которого перепечатывали и русские газеты.

Представители западных держав проявляли повышенный интерес к реформированной русской армии. Но, несмотря на данное русским честное слово не сообщать военных сведений, корреспонденты английской газеты «Дейли-ньюс» с большой точностью приводили данные о численности и дислокации русской армии. Изучалось положение на железных дорогах³⁰. Особенно их привлекала подготовка десантных средств. В одной из корреспонденций сообщалось: «Есть четырнадцать паровых шлюпок такой величины, что легко могут переплыть Атлантический океан; две огромные баржи, семь судов меньших размеров, пять миноносных катеров»³¹. Говорилось, что русские делают промеры в реке, собрали множество плотов по течению реки Серет, построили порядочное количество понтонов. «Весь свет знает, — заключал автор заметки, — что понтоны необходимы для переправы за Дунай»³². Но, по его мнению, нельзя было установить, куда их отправляют.

Естественно, что к работе иностранных корреспондентов проявлялось внимание со стороны, как сейчас принято говорить, специальных служб. Газенкамф сообщает об отказе двум журналистам — одному немецкому, другому английскому, подполковнику Гоуарду Винценту, — в аккредитации. Последний был откомендован князем Черкасским как возможный тайный агент.

П. Паренсов, офицер Генерального штаба, занимавшийся вопросами разведки в дунайской армии, вспоминал: «С прибытием Главной квартиры в Плоэшти и вообще с объявлением войны появилась масса русских и иностранных корреспондентов... Более всего было корреспондентов английских газет; между ними выделялись: Арчибалд Форбс, Мак-Гахан, Стенли и Брэкенбюри. Брэкенбюри был артиллерийским полковником, корреспондентом «Times», а переводчиком и секретарем при нем состоял болгарин Миньчев (или Миньков), получивший образование в Robert College в Константинополе и отлично знавший английский язык. До получения должности секретаря при корреспонденте Миньчев работал у меня и заходил иногда ко мне и впоследствии. Когда началось движение наших войск мимо Букареста к Дунаю, Брэкенбюри требовал от Миньчева сведений о названиях полков, куда они пошли, фамилии начальников и т. д. Миньчев не знал, как ему быть, не доверял англичанину и заходил ко мне, спрашивая, что ему отвечать на его вопросы. К концу мая Брэкенбюри требовал, чтобы Миньчев достал ему сведения, где, по предположению русских, будет переправа; по моим указаниям Миньчев постоянно отвечал, что у Браилова. Однажды Миньчев явился ко мне грустный и сообщил, что Брэкенбюри его прогнал из секретарей, так как уверился, что Миньчев его обманывает. Он уже давно начал подозревать Миньчева в доставлении неверных сведений о направлении наших войск, а потому стал по утрам ездить верхом по южным и западным окраинам Букареста, чтобы лично видеть, по каким дорогам пошли наши колонны, и однажды увидел все болгарское ополчение, направлявшееся по дороге на Александрию. Сообразительный англичанин, распекая Миньчева, говорил: «Русские наверное предоставят болгарским дружинам честь вступить одними из первых на болгарскую землю; вы мне толкуете про Браилова, а болгарские дружины пошли на Александрию, следовательно, и переправа будет где-нибудь там, куда их направили»³³.

За нарушение правил иностранных корреспондентов предупреждали, а сотрудник газеты «Standart» Ф. Бойль был выслан из армии. Вот что об этом писал полковник М. Газенкамф: «14 сентября. Сегодня по приказанию великого князя изгнал из армии корреспондента газеты «Standart»

Фридерика Бойля, рекомендованного английским гувернером августейших детей Мигчином»³⁴. Далее Газенкампф сообщает, что основанием для этого явилась корреспонденция Бойля, напечатанная в газете «Standart» за 12 августа 1877 года, в которой он раскрывал расположение русских войск и укреплений, а также с ехидным злорадством отзывался о нашей армии. Делу изгнания Ф. Бойля из армии была придана широкая огласка: об этом было объявлено во всех русских газетах, сообщено в зарубежные информационные агентства, в «Летучем военном листке» было опубликовано содержание разговора Газенкампфа с Бойлем, в котором последний признал нарушение взятого им на себя обязательства не разглашать сведений о расположении, численности войск и предстоящих их действиях³⁵.

Россия, воевавшая против одной Турции, но по сути бросавшая вызов своими победами всему «европейскому концерту», находилась в непростом и двусмысленном положении, которое понимали многие иностранные журналисты. С этим связано их предположение, что русская Главная квартира армии пойдет на все, лишь бы общественное мнение благоволило к России. Старейшее в Европе французское информационное агентство «Гавас», сообщения которого публиковали все российские печатные органы, не стало в этом отношении исключением. Представитель агентства Поньон предложил бесплатную пересылку телеграмм и услуги по распространению всех заявлений великого князя Николая Николаевича (старшего). В обмен на это он просил оплату доставки телеграмм до Парижа и жалование агенту, который будет находиться при Главной квартире. Следует отдать должное представителям русского командования, отвергшим предложение Поньона, сославшись на то, что главнокомандующий «не имеет в виду направлять общественное мнение, а, напротив, свободно допускает представителей всевозможных направлений, лишь бы они были рекомендованы надежными лицами как люди порядочные...»³⁶. Кроме того, оплата жалования корреспондента может быть истолкована превратно, а именно как подкуп агентства в свою пользу. Единственная уступка, на которую пошли директор дипломатической канцелярии при главнокомандующем А. И. Неклюдов и М. А. Газенкампф, — это срочное сообщение агентству «Гавас» донесений государю, что

означало бы получение ценных сведений на несколько часов раньше конкурентов. На подобный шаг российские официальные лица шли исключительно из особого уважения к агентству — так объяснял М. А. Газенкампф³⁷.

Он также рассказывает о Кароле Тэвисе, который называл себя отставным генерал-майором и представлял одну из американских газет. Он предложил русским свои услуги в качестве их шпиона. Для этого они должны были выслать его из армии, и он, перебравшись на турецкую сторону, обещал собирать там необходимую информацию. Газенкампф весьма настороженно отнесся к подобному предложению американца. Однако великий князь поручил вступить с Тэвисом в переговоры, и вскоре тот отправился в Бухарест с целью сбора сведений об английском разведывательном бюро Кингстона³⁸.

17 сентября 1877 года Газенкампф сделал в своем дневнике запись еще об одной «рептилии»: «Сегодня же велено выдать 4000 франков корреспонденту «Wiener-Tagblatt» Лукешу — по совету нашего военного агента в Вене Фельдмана. Газета эта расходуется в 40 000 экземпляров ежедневно, и потому Фельдман находит полезным расположить в нашу пользу ее корреспондента. Деньги эти назначаются ему в пособие на покупку экипажа и лошадей»³⁹.

По словам В. И. Немировича-Данченко военные корреспонденты зарубежных изданий «приезжали на два, три, на четыре месяца и затем отправлялись восвояси отдыхать и пожинать лавры»⁴⁰. Значительная часть из них предпочитала посылать корреспонденции из тыла русской армии — Бухареста, Зиминцы, Ясс.

Но многие и русские, и иностранные журналисты выполняли свои обязанности честно и добросовестно, в боевой обстановке проявляли мужество и смелость. Об этом говорят такие короткие записи в дневнике Газенкампфа: «Выхлопотал ордена с мечами четверем корреспондентам: Россоловскому («Новое время») и Форбсу («Daily News») за сражение 18 июля под Плевной; доктору Каррику («Scotsman») за перевязку наших раненых под неприятельским огнем при Джуранли, 19 июля, Иванову («Новое время») — за исполнение обязанностей конного ординарца при Гурко в сражениях Иени-Заг и при Джуранли, 19 июля. Отличия всех

четыре засвидетельствовали Гурко (о Каррике и Иванове) и князь Шаховской (о Форбсе и Россоловском)»⁴¹.

За свою деятельность в боевых условиях и проявленное при этом мужество многие русские и иностранные журналисты были удостоены военных наград: В. С. Россоловский — ордена Святого Станислава 3-й степени с мечами, А. Д. Иванов — Святого Станислава 3-й степени с мечами и Святой Анны 3-й степени с мечами, В. И. Немирович-Данченко — знака отличия Военного ордена 4-й степени и ордена Станислава 3-й степени с мечами, Н. В. Максимов — ордена Святого Владимира 4-й степени с мечами, князь Л. В. Шаховской — ордена Святого Станислава 3-й степени с мечами и ордена Святой Анны 3-й степени с мечами. Среди иностранных журналистов награды получили: Форбс — орден Святого Станислава 3-й степени с мечами, Дангауэр и Марее, как отставные офицеры прусской службы, — ордена Святой Анны 3-й степени с мечами.

Следует заметить, что военные корреспонденты, прежде чем передавать свои телеграммы, должны были заверять их у полковника Газенкампа. О том, что это правило строго выполнялось, свидетельствует случай, о котором рассказал сам Газенкампф: «Приехавший третьего дня или вечера, хорошо не помню, директор «*Agence generale Russe*» Поггенполь и основываясь на разрешении государственного канцлера, вздумал начать телеграфировать военные и политические известия от себя. Но его телеграмму, несмотря на печать государственного канцлера, на станции не приняли, а предложили явиться ко мне, чтобы я надписал «разрешаю». Великий князь требует меня к себе в неурочное время и, рассказав вышеизложенное, сообщает, что он уже доложил об этом государю, который приказал подтвердить по всей Главной квартире, чтобы никто не посылал телеграмм военного содержания без моей разрешительной надписи, а князю Горчакову выразил свое неудовольствие»⁴².

В первые месяцы войны русская печать ничего не писала об Александре II, который находился при армии. Великий князь Николай Николаевич (старший) сообщил полковнику Газенкампу, что находящиеся при Главной квартире министр императорского двора граф Адлерберг и военный министр граф Милютин выражали ему неудовольствие по

поводу того, что читающей публике ничего не сообщается о царе, находящемся на театре военных действий.

«Я объяснил великому князю, — пишет в своем дневнике Газенкамф, — что, по существующим цензурным правилам, не допускается упоминать ни о чем, касающемся государя и членов императорской фамилии, без предварительного разрешения министра императорского двора. Поэтому, если кто-либо из газетных корреспондентов напишет что-либо о государе, то такую корреспонденцию в Петербурге задержат и перешлют обратно сюда, на усмотрение графа Адлерберга.

Таким образом, пройдет не менее двух месяцев, прежде чем такая корреспонденция попадет в печать, утратив, таким образом, значительную часть своего интереса. Если графу Адлербергу угодно устранить эти препоны, то сделать это весьма легко: стоит только избрать подходящего корреспондента, допускать его прямо к себе для личного доклада и делать разрешительные надписи на корреспонденциях, сообщив для этого все сведения министру внутренних дел; если же нужно ускорить напечатание какой-либо корреспонденции, то посылать ее с курьером.

Великий князь одобрил это предложение и спросил только, кого я рекомендую. Я указал на Немировича-Данченко, как на писателя неумоимого, везде бывающего, отлично и быстро пишущего и притом уже завоевавшего себе симпатии массы читающей публики. Великий князь и с этим согласился, а вчера приказал мне отправить Немировича к графу Адлербергу и Милютину. Вчера он у них был, вернулся в восторге от любезного приема обоих министров, а сегодня уже понес графу Адлербергу целых две корреспонденции на просмотр. Граф прочел, одобрил, немедленно сделал разрешительные надписи и любезно пригласил приходить хоть каждый день, не стесняясь»⁴³.

Газета действующей армии

Русские газеты и журналы, получавшие материалы из действующей армии, не только печатали волнующие подробности боевых действий, рассказывали о героизме и мужестве солдат и офицеров (последние новости с театра военных действий обычно читатель узнавал из телеграмм), но и сообщали

читателям об отношении болгар к русской армии, о деятельности болгарских партизанских отрядов, об участии в боях болгарских дружин. В корреспонденциях Н. Н. Карзина, Н. В. Максимова, В. И. Немировича-Данченко и других с большой теплотой говорилось о населении Болгарии, которое делало все возможное для помощи освободителям. «Добрая душа» — так звали русские солдаты болгар, сообщал русский корреспондент Н. Н. Каразин. Особенно значительное внимание обращали на описание боевых эпизодов войны «Правительственный вестник» и «Московские ведомости». Другие издания наряду с показом героизма армии в сражениях с врагом также разоблачали случаи казнокрадства, злоупотребления интендантства, писали о бездарности русского командования, причем такие материалы помещались не только в либеральной газете «Голос», но и в благонамеренном «Новом времени»⁴⁴. Так, в июне 1877 года корреспондент «Голоса» П. П. Сокальский писал о недостатке сена и хлеба в армии, о негодных сухарях⁴⁵. В августе «Голос» отмечал недостаток врачей, плохое питание раненых⁴⁶. На страницах «Нового времени» критиковал интендантство и санитарную часть даже А. С. Суворин («Незнакомец»)⁴⁷, который, сообщая о неудаче русских войск под Плевной, отмечал нераспорядительность, бездарность и интриги начальников⁴⁸. «Раненые под Плевною объясняют неудачу неумелостью начальников»⁴⁹, отмечал и корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей».

Подобные корреспонденции встревожили русское командование. В сентябре 1877 года в Главное управление по делам печати с просьбой потребовать от редакции «Голоса» назвать имя автора опубликованной корреспонденции обратился командир 14-го армейского корпуса А. Э. Циммерман. В корреспонденции автор сообщал о «страшной болезненности»⁵⁰ войск корпуса. Главнокомандующий действующей армией великий князь Николай Николаевич сообщил Александру П., что в газетах появляются корреспонденции из армии «с весьма недоброжелательными и вредными направлениями»⁵¹. Тогда же из действующей армии были высланы, за исключением Г. К. Градовского, все корреспонденты газеты «Голос». Министр внутренних дел А. Е. Тимашев предложил, чтобы корреспонденции из армии подписывались пол-

ным именем автора. Предложение Тимашева в октябре 1877 года было утверждено повелением Александра II. Главное управление по делам печати сразу же сообщило об этом редакциям. После этого все корреспонденты стали появляться с подписями авторов, и русские читатели узнали, что автором талантливо написанных корреспонденций, печатавшихся в «Новом времени» под псевдонимом «Шесть» (под этим номером фамилия автора была занесена в книгу корреспондентов действующих армий), был В. И. Немирович-Данченко.

Во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов в действующей армии России выходила специальная военная газета. Она издавалась на основании правительственного циркуляра от 20 июля 1877 года. В нем говорилось, что Александр II, главнокомандующий действующей армией, исходя из того, что известия с обоих театров войны, а равно и депеши о ходе политических и общественных дел в России и Европе, доходят в части армии только при посредстве газет, которые доставляются в Главную квартиру едва лишь на 10-й день после своего выхода, а в отдельные части еще и позднее, вследствие чего вооруженные силы лишены возможности своевременно знать не только о политических новостях, но даже о боевых делах своих собственных частей; что с дальнейшим развитием военных действий, когда число жертв войны неизбежно увеличится, родственникам и друзьям их, как находящимся среди армии, так и оставшимся в России, было бы делом кровного, сердечного интереса знать о судьбе этих жертв; что офицеры и служащие в армии и ее управлениях нуждаются в различного рода справочных сведениях для своих нужд и потребностей, — соизволил «разрешить издание «Летучего военного листка» при штабе действующей армии»⁵².

Программа «Летучего военного листка» намечала публикацию приказов и приказаний по войскам действующей армии; наградных списков; известий с театров войны; телеграмм о ходе политических и общественных дел в России и Европе; списков убитых, с подробным обозначением полка или части, чина, имени, фамилии, дня и места смерти, и списков раненых с таковыми же обозначениями места, свойства и состояния раны, госпиталя, в коем больной находится, а также, по возможности, известия о ходе болезни; кроме того,

входила и ведомость об умерших от разных случаев и болезней. Так же в этом военном издании был справочный отдел и помещались частные объявления.

Редакция «Летучего военного листка» вверялась «прикомандированному к штабу действующей армии запасного эскадрона лейб-гвардии уланского Его Величества полка поручику Крестовскому 1-му, в помощь коему в качестве соредактора назначен чиновник канцелярии Заведывающего гражданскими делами при Главнокомандующем М. Ф. Мец»⁵³. Цена «Летучего военного листка» была установлена «три металлических рубля (12 франков) на полгода. В случае остатков от общей подписной суммы таковые обращаются в приращение инвалидного капитала»⁵⁴.

Вскоре после своего выхода «Летучий военный листок» становится популярен не только в действующей армии. Уже в августе 1877 года его материалы перепечатывают «Русский инвалид» и другие петербургские и московские газеты. В деле постановки «Летучего военного листка» большая заслуга принадлежала его редактору — Всеволоду Владимировичу Крестовскому. Несмотря на невысокий воинский чин поручика, это был уже известный писатель, творчество которого началось еще в 1857 году, когда он поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. С этого же года он начал печатать свои стихотворения и рассказы в журналах. Литературный успех вскоре побудил Крестовского оставить университет и всецело отдаться литературе. В 1864 году он напечатал большой роман «Петербургские трущобы», принесший ему большую популярность.

В 1868 году Крестовский неожиданно поступил юнкером в 14-й уланский ямбургский полк. Зачисление по собственному желанию нижним чином писателя с известным именем, уже давно вышедшего из юношеского возраста (Всеволоду Владимировичу было 29 лет), наделало в свое время много шума: в литературных кругах и в печати к этому факту отнеслись с озлоблением и насмешками, как к проявлению антилиберального направления; в правительственных сферах — с большой дозой подозрительности. Поводами вступления Крестовского в ряды армии его биографы считают его неудачно сложившуюся супружескую жизнь (в первом браке); неприязности в литературном мире, вызванные клеветническими,

позднее опровергнутыми, толками об использовании якобы В. В. Крестовским для «Петербургских трущоб» материалов, собранных Н. Г. Помяловским, и, наконец, в связи с этим — желание уйти из привычной обстановки в совершенно иную среду, подобно тому, например, как уходят в монастырь.

Однако военную карьеру В. В. Крестовского все же не считают случайной: и по отцу, и по матери предками он имел военных, а в детстве увлекался военным делом, и вообще военная среда, с которой он ближе познакомился в начале 60-х годов, когда был в Царстве Польском в качестве члена комиссии, учрежденной для расследования подземелий Варшавы, пользовалась его симпатиями.

В 1869 году, после сдачи экзаменов при тверском кавалерийском училище, Крестовский был произведен в офицеры. В 1870 году ему было поручено составление истории ямбургского уланского полка, и он был прикомандирован к Главному штабу на 2 года для собирания материалов. Во время пребывания Крестовского в Петербурге у него произошло громкое столкновение с присяжным поверенным Соколовским, закончившееся преданием Всеволода Владимировича военному суду. Суть конфликта состояла в том, что Соколовский, выступая представителем интересов жены Крестовского в ее бракоразводном процессе, вылил потоки грязи на Всеволода Владимировича не только как на человека, но и как на литератора и офицера. И когда Соколовский отказался от предложенной ему дуэли, Крестовский нанес ему оскорбление, ударив перчаткой по лицу. Военно-окружной суд, после блестящего последнего слова подсудимого, встреченного громом аплодисментов публики, среди которой находился и великий князь Николай Николаевич (старший), не нашел возможным приговорить Крестовского к чему-нибудь, кроме дисциплинарного взыскания. К этому же периоду относится дуэль Крестовского (без кровавого результата) с сослуживцем по полку поручиком графом Цукато, оскорбившим брата Всеволода Владимировича, юнкера.

В 1874 году Крестовский окончил составление истории ямбургского полка, труд был представлен его шефу — великой княгине Марии Александровне, герцогине Эдинбургской, и автор в награду был переведен тем же чином (поручиком) в лейб-гвардии уланский его величества полк, который

находился в Петергофе. Осенью того же года на Крестовского было возложено составление истории этого полка. Поручение было через год выполнено, причем чтение корректуры и цензуры взял на себя сам Александр II. В 1875—1876 годах, по поручению великого князя Николая Николаевича (старшего), Крестовский собирал материалы для истории конницы, оставшейся, однако, недоконченной.

В этот же период Всеволод Владимирович продолжал работать и в общей литературе. В 1868—1871 годы он опубликовал большой роман-хронику «Кровавый пух», изображающий Польское восстание 1863 года и борьбу русских и польских сторонников в Западном крае. Затем он написал ряд рассказов под общим заглавием «Очерки кавалерийской жизни», представляющих одно из лучших произведений русской военной беллетристики. Крестовский также завершил работу над исторической повестью из эпохи Павла I «Деды», вторая часть которой посвящена А. В. Суворову и его швейцарско-итальянскому походу 1799 года. Также Всеволод Владимирович очень активно сотрудничал в газете «Русский мир», уделявшей большое внимание военным вопросам.

С 1876 года он находится, как уже отмечалось, в дунайской армии корреспондентом «Правительственного вестника» и, сверх того, с июля 1877 года редактирует «Летучий военный листок». Один из очевидцев этого периода жизни Всеволода Владимировича в 1914 году писал его сыну: «На русско-турецкой войне он (Крестовский В. В. — Авт.) печатал и издавал «Летучий военный листок» в походной типографии, помещавшейся в трех фургонах, с ними выезжал в сферу неприятельского огня, и набор шел под аккомпанемент выстрелов с риском для жизни, лишь бы не запоздать с выходом газеты... Могу лично засвидетельствовать, что до такой архидобросовестности в русско-японскую войну мы дойти не могли и вагоны с типографией отстаивались в безопасном тылу»⁵⁵.

В. В. Крестовский русско-турецкую войну закончил в чине ротмистра. За ряд боевых отличий он был награжден орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, Святого Станислава 2-й степени с мечами, Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом и удостоен также черногорского, сербского и румынского орденов. Корреспонденции Крестов-

ского были в 1879 году изданы в двух больших томах. В. А. Апушкин, написавший ряд статей о В. В. Крестовском как о военном журналисте и писателе, отмечает прежде всего горячую любовь Крестовского к военному делу, бьющую ключом из всех его статей, но не заслонявшую от него другие вопросы русской общественно-политической жизни. Он откликался на все злободневные вопросы своего времени. Этого требовала его страстная, кипучая натура, и оттого все написанное им так интересно и ярко. Но чрезмерные нервность и впечатлительность в восприятии совершавшихся вокруг него событий, делая его речь блестящей и сильной по форме, мешали ему быть глубоким и объективным в анализе их, широким в понимании и оценке⁵⁶. Это в полной мере относится и к корреспонденциям, вошедшим в книгу «Двадцать месяцев в действующей армии», В. В. Крестовского с русско-турецкой войны 1877—1878 годов⁵⁷.

Корреспонденции многих журналистов, освещавших русско-турецкую войну 1877—1878 годов, также впоследствии вышли отдельными книгами. Среди них: «Два похода за Балканы» Л. В. Шаховского, «Две войны 1876—1878 гг.» Н. В. Максимова, «Год войны» (3 тома) В. И. Немировича-Данченко, «Война в Азии» Г. К. Градовского, «Год войны в Малой Азии 1877—78 гг.» А. Н. Маслова, «Черногория и ее война с турками в 1877—78 гг.» А. В. Щербака, «Письма из Болгарии» Е. Я. Утина, «Война в Малой Азии в 1877 г.» Г. К. Градовского и др. Они содержат не только большой фактический материал по истории русско-турецкой войны 1877—1878 годов, но и являются источником для изучения творчества журналистов, отражавших военные события.

Корреспонденции, вошедшие в эти книги, являются свидетельствами очевидцев-журналистов, запечатлевших и исторические факты — крупные и малые, героизм воинов, и бытовую сторону войны и ее психологию. В них военные корреспонденты, несмотря на строгую цензуру, смогли осветить многие недостатки, как, например, неудовлетворительную постановку продовольственного дела. Они от многого предостерегали, как, например, от высокомерного отношения к противнику; многое разъяснили, в том числе и то, как правильно строить взаимоотношения на войне русских, болгар и румын. А главное — журналисты своими публикациями с

войны в сложное военное время воодушевляли русское общество, вселяли в него веру в успешное окончание войны.

Не только военные корреспонденты, но и военные фотографы вносили свой вклад в это воодушевление российского общества. Звание «военного фотографа» было так же почетно получить, как и звание «военного корреспондента». Сам главнокомандующий дунайской армией великий князь Николай Николаевич (старший) ходатайствовал «о награждении дворянина А. Д. Иванова званием «военный фотограф» за съемку военных действий»⁵⁸.

К концу 1870-х годов в России появилось значительное число военных фотолюбителей. Это способствовало успеху хроникальных съемок на театрах военных действий русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Находясь непосредственно в войсках и преодолевая все тяготы не только войны, но и работы с громоздким оборудованием, русские военные фотографы осваивали новую для них тематику съемок, вносили в традиционные сюжеты элементы нового репортажного видения, не без успеха пробовали снимать движущиеся объекты, передать динамику боя и т. п. Широкую известность обрели фотографии, снятые на этой войне Д. А. Никитским, А. Д. Ивановым, Л. Савицким, В. Баркановым, М. Ревенским, которых можно считать первыми русскими военными фотокорреспондентами. Также на балканском театре войны находился известный художник-баталист В. В. Верещагин. Его полотна об этой войне получили широкую известность и противоречивые отзывы⁵⁹.

Читая архивные документы, воспоминания и корреспонденции с русско-турецкой войны 1877—1878 годов, нельзя не заметить, насколько грамотно были выстроены в этот период отношения с прессой, как умело и разумно организовано освещение боевых действий, известий о потерях, как удачно была подобрана кандидатура полковника М. А. Газенкампа для работы с прессой при Главной квартире армии. Выработанные в ходе этой войны условия нахождения военных корреспондентов в действующей армии отличаются здравым смыслом, редким в истории взаимоотношений военных и СМИ до этой войны и после нее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Gottschalk, Jack A.* Consistent with security... A History of American Military Press Censorship // Communications and the law 5. 1983. P. 35—40.

² *Черняк Е. Б.* Химеры старого мира. М., 1970. С. 392.

³ Там же.

⁴ Media and war. Washington. 1993. P. 12.

⁵ *Черняк Е. Б.* Указ. соч. С. 393.

⁶ РГИА, ф. 776, оп. 34, д. 14, л. 56.

⁷ РГИА, ф. 776, оп. 34, д. 14, л. 58.

⁸ Там же. Л. 63.

⁹ Там же. Л. 64.

¹⁰ Там же. Л. 71.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 74.

¹⁴ Там же. Л. 65.

¹⁵ Там же. Л. 67.

¹⁶ РГИА, ф. 776, оп. 6, д. 139, л. 1

¹⁷ *Газенкампф М.* Мой дневник. 1877—78 гг. СПб., 1908. С. 5.

¹⁸ Но были корреспонденты, которые прибывали без всяких рекомендаций. Так, М. Газемкампф писал в своем дневнике «Прибыл некто Дон-Хозе-Люис-Пеллисар, корреспондент и художник испанской иллюстрации, но без всяких рекомендаций. Внушает такое доверие своим честным, открытым лицом, что я просил Великого князя допустить его на мою ответственность. Великий князь изъявил согласие».

¹⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7424, л. 23.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Русская печать // Новости. 1877. № 150. 8 июня. С. 3.

²³ Цит. по: Военная энциклопедия. СПб., 1913. Т. 4. С. 199.

²⁴ *Газенкампф М.* Указ. соч. С. 6.

²⁵ Там же. С. 9.

²⁶ РГИА, ф. 937, оп. 1, д. 47, л. 51.

²⁷ *Градовский П. К.* Война в Малой Азии в 1877 г. СПб. 1879. С. 184.

²⁸ *Немирович-Данченко В. И.* Год войны. СПб. Т. 3. С. 109.

²⁹ Степан Стамбулов — впоследствии известный болгарский политический деятель и болгарский министр-президент.

³⁰ См.: Хроника войны. Свод корреспонденций английской газеты «Дейли-ньюс». СПб., 1878. Т. 1. С. 4—7.

³¹ Там же. С. 6.

³² Там же. С. 285.

³³ *Паренсов П.* Из прошлого. Воспоминания офицера Генерального штаба. СПб., 1901. С. 251—252.

³⁴ *Газенкамф М.* Указ. соч. С. 125.

³⁵ Там же. С. 126—128.

³⁶ Там же. С. 25—26.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 130—131.

³⁹ Там же. С. 132.

⁴⁰ *Немирович-Данченко В. И.* Указ. соч. Т. 3. С. 109.

⁴¹ Там же. С. 75.

⁴² Там же. С. 36.

⁴³ Там же. С. 145—146.

⁴⁴ Новое время. 1877. 14 августа.

⁴⁵ Голос. 1877. 22 июня.

⁴⁶ Там же. 1877. 20 августа.

⁴⁷ Новое время. 1877. 18 сентября.

⁴⁸ Там же. 1877. 15 августа.

⁴⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1877. 11 сентября.

⁵⁰ РГИА, ф. 776, оп. 6, д. 139, л. 106.

⁵¹ Там же, д. 153, л. 1.

⁵² РГИА, ф. 776, оп. 34, д. 14, л. 70.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Пушкинский дом, ф. 129, оп. 17, д. Крестовского В. В., л. 4—5.

⁵⁶ См.: *Апушкин В. В.* В. Крестовский как военный писатель // Военный сборник. 1890. № 8—12; 1901. № 1.

⁵⁷ В 1880—1881 годах В. Крестовский в качестве секретаря при главном начальнике русских сил на Тихом океане совершил плавание на Дальний Восток на крейсере «Европа». Его результатом явились два тома книги «В дальних походах». В 1882—1884 годах подполковник Крестовский был чиновником для особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе и командующем войсками округа М. Г. Черняеве и написал книгу «В гостях у эмира бухарского», в которой он первый поднял таинственную завесу, долго скрывавшую от русского общества жизнь этой страны. В 1884—1892 годах Крестовский находится в распоряжении министра внутренних дел, затем переводится в пограничную страну. В этих ведомствах служба его протекала в ознакомлении с деятельностью российского земства и торгово-промышленными центрами страны, затем в командировках по инспектированию частей пограничной стражи. В этот период Крестовский написал более 200 передовых статей в газету «Свет», живых и ярких откликов на злобу дня, из которых особенно интересны по своему «подъему» и «разжигающему характеру» статьи о наших отношениях с немцами. Он также написал ряд очерков «Под

владычеством земства» («Гражданин»), «Торговые и промышленные центры России» (отдельное издание), «Русский город под австрийской маркой» и «По закавказской границе», печатавшихся в «Русском вестнике», «Московских ведомостях». К этому периоду относится и военно-политическое письмо полковника В. В. Крестовского «Наша будущая война» — о возможном нашем столкновении с Германией. В 1892—1895 годах — последний период своей жизни — Крестовский был редактором единственной русской газеты в Польше «Варшавский дневник». Ответственное газетное дело и усиленная редакторская работа в связи с трудными цензурными условиями и крайне неприязненное отношение польского общества, которое не могло простить ему «Красного пуфа» и ожесточенно боролось с ним в заграничной печати бранью и инсинуациями, — все это отравило последние годы жизни Крестовского. Он умер 18 января 1895 года. В 1899—1900 годах было издано его собрание сочинений в 8 томах с биографией автора, под редакцией Ю. Л. Ельца.

⁵⁸ РГИА, ф. 1616, оп. 1, д. 324, л. 23.

⁵⁹ Альбом фотоснимков В. Верещагина, сделанных им во время пребывания в 1-й гвардейской дивизии, хранится в РГИА, ф. 937, оп. 1, д. 47. Хотя о занятии фотографией он ничего не сообщает в своей книге воспоминаний «На войне в Азии и Европе».

ГЛАВА IX

Военные корреспонденты во время Русско-японской войны 1904—1905 годов

Последнее двадцатилетие XIX — начало XX века характерно чрезмерным усилением цензуры в России. Через год после русско-турецкой войны — в 1879 году были приняты «Временные правила», закрепившие все последовавшие после 1865 года дополнения. Вступивший на российский престол в 1881 году Александр III выражал интересы консервативных кругов и в 1882 году утвердил новые «Временные правила», усилившие гнет цензуры, фактически вернувшие предварительную цензуру, давшие министру внутренних дел право прекращать издания газет и журналов. Раздел «Особые наставления» этого нового цензурного установления касался порядка контроля материалов военного характера. Им запрещались статьи, «оскорбительные для чести русского воина» или «могущие поколебать понятие о дисциплине и уважении к ней» и т. п. Как и раньше, новые «Временные правила» дополнялись правительственными указаниями по поводу сохранения различных военных секретов. Так, циркуляром Главного управления по делам печати МВД от 7 мая 1882 года запрещалось публиковать какие-либо сообщения об инженерных работах на наших границах¹; другой циркуляр этого же ведомства, датированный 18 декабря 1885 года, указывал, «чтобы в периодических изданиях отнюдь не были дозволены к печати сведения, касающиеся развития боевой готовности (как-то: кредитов на различные военные потребности, постройки железных дорог, укрепления судов, дислокации и передвижения войск, усиления их состава или упряжи лошадей и пр.), а равно как и совокупных упражнений войск (толкуемых корреспондентами совершенно превратно). Все подобные сведения должны быть заимствованы исключительно из «Русского инвалида»². Другими циркулярами запрещалось публиковать

сведения об иностранных подданных, состоящих на железнодорожной службе³, известия о назначении пенсий раненым сербским добровольцам⁴ или «чтобы редакции повременных изданий не помещали известий, могущих объяснить наши силы, сосредотачиваемые к китайским границам, и статей, выясняющих слабые стороны нашей обороны в Приамурском крае»⁵. Все эти и другие указания цензорам дополняли «Особые наставления», которыми руководствовались в своей работе военные цензоры.

Журналисты в русской армии

До русско-японской войны 1904—1905 годов особых хлопот у цензуры с освещением военных конфликтов не было. Участие специальных военных корреспондентов в Ахалтекинской экспедиции, возглавляемой генералом Скобелевым, было отклонено по мотивам личного характера (вследствие обвинений его в том, что он «рекламировал» себя при посредстве печати). Общество узнавало об этом походе в основном из официальных сообщений в «Правительственном вестнике» и «Русском инвалиде»⁶. Но состоявший при экспедиционном отряде доктор А. В. Щербак все же корреспондировал о ходе этого скобелевского предприятия в выходившую тогда газету М. Стасюкевича «Порядок». Корреспонденции его потом были изданы отдельной книгой под заглавием «Ахалтекинская экспедиция генерала Скобелева» и с интересом встречена в русском обществе. Во время похода в Китай для быстрого подавления восстания 1900—1901 годов военными корреспондентами являлись преимущественно офицеры, участвовавшие в походе. Специальным военным корреспондентом во время этого похода был лишь Д. Г. Янчевецкий, представлявший газету «Новый край», награжденный за боевые заслуги в нем тремя знаками Военного ордена. В 1903 году он выпустил свои корреспонденции отдельным сборником «У стен недвижного Китая», а в 1904 году станет редактором военной газеты «Вестник маньчжурской армии».

В начале XX века печать очень много писала о бурской войне, где присутствовали военные корреспонденты ряда агентств и печатных органов европейских стран. Однако русская пресса специальных военных корреспондентов на эту

войну не посылала. Корреспондировали в нее преимущественно русские добровольцы, врачи и сестры милосердия. Одна из них, С. В. Изъединова, писавшая в «Русские ведомости», затем издала свои интересные корреспонденции отдельно под заголовком «Несколько месяцев у буров». Предполагавшаяся командировка специального военного корреспондента от российского Военного министерства отставного полковника Е. Я. Максимова не состоялась. Он был возвращен с пути из-за протеста английского правительства.

Начало практиковаться приглашать военных корреспондентов на крупные маневры войск. Например, в 1902 году на большие курские маневры по распоряжению военного министра генерал-адъютанта Куропаткина были командированы специальные военные корреспонденты: от «Русского инвалида» — гвардейский подьесаул П. Н. Краснов (к южной армии) и подполковник В. А. Апушкин (к московской армии).

Русско-японская война 1904—1905 годов вызвала усиленный наплыв журналистов на театр военных действий как в русскую, так и японскую армии. При маньчжурских армиях России пребывало 102 русских и 38 иностранных корреспондентов⁷. Среди иностранных военных корреспондентов было: англичан — 11, французов — 9, американцев — 9, германцев — 4, австрийцев — 4, датчан — 2, итальянцев — 1 и греков — 1⁸.

Среди них были известные писатели Н. Г. Гарин-Михайловский и В. И. Немирович-Данченко — оба представляли «Русское слово», Ю. Л. Елец и В. Л. Кинг-Дедлов, командированные «Новым временем». Официальным военным корреспондентом «Правительственного вестника» был подполковник В. А. Апушкин, корреспондировавший также и в «Journal de St.-Petersburg» (во вторую половину кампании корреспондентом «Правительственного вестника» стал подполковник Генерального штаба С. Добровольский), а от «Русского инвалида», с разрешения военного министра, были командированы есаул лейб-гвардии атаманского полка П. Н. Краснов и прикомандированный к Главному штабу ротмистр К. К. Агафонов.

Большое значение уделялось своевременному получению сообщений с театра военных действий официальным Санкт-Петербургским телеграфным агентством. В связи с этим

1 сентября 1904 года министр финансов В. Н. Коковцев на-правил письма командующим маньчжурскими армиями А. Н. Куропаткину и О. К. Гриппенбергу, в которых говори-лось:

«...Торгово-телеграфное агентство с 1 сентября сего года пре-образовано в большое политическое и торговое агентство под названием «Санкт-Петербургское телеграфное агентство». Оно, оставаясь в ведомстве Министерства финансов, управляется Советом директоров от Министерства внутренних дел, Мини-стерства иностранных дел и Министерства финансов... СПГА придан характер единственного официального агентства в Рос-сии, и все ведомства приглашены передавать ему свои сообще-ния; таким образом, СПГА в целях усиления его авторитетнос-ти поставлено в такое же положение, в каком находятся офици-альные агентства за границей («Рейтер», «Гавас», «Вольф», «Корреспонденц-бюро»), которые, каждое в своей стране, пользуется монополией правительственных известий.

Одной из задач официального Санкт-Петербургского те-леграфного агентства — наряду с распространением сведе-ний, имеющих обыкновенный интерес, — является доставле-ние высшим правительственным учреждениям таких сведе-ний и известий, которые, не будучи предназначены для оглашения в печати, могут оказаться полезными для осве-домления лиц, стоящих во главе центральных правитель-ственных учреждений.

В настоящее время наибольший интерес представляют события, происходящие на театре военных действий. Пол-ное и своевременное осведомление об этих событиях, по-мимо возбужденного интереса, возбуждаемых ими в обще-стве, представляют выдающуюся важность еще и в том от-ношении, что могут иметь руководящее значение при проведении отдельными ведомствами весьма многих суще-ственных мероприятий.

Между тем телеграфные известия, которые при существу-ющих условиях поступают в СПГА с театра военных дей-ствий, не обладают достаточной полнотой, для того чтобы означенное агентство могло бы с полным успехом выпол-нять поставленную ему задачу.

По отношению к известиям с театра военных действий СПГА находится в таких же условиях, как и прочие телеграф-

ные агентства и органы периодической печати. Между тем задача его как органа официального по необходимости шире.

По всем этим соображениям покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство не отказать в Вашем содействии новому агентству в деле организации им телеграфных сообщений с театра военных действий по более широкой программе. Крайне важно, чтобы корреспонденты официального СПГА пользовались преимуществом перед всеми другими корреспондентами в получении известий официального характера, чтобы только им передавались официальные сообщения Вашего Высокопревосходительства или Вашего штаба и, наконец, чтобы было разрешено корреспондентам Агентства передавать по телеграфу также и более важные сведения, которые не могут быть предназначены для опубликования, но которые необходимы для лиц, стоящих во главе ваших государственных учреждений.

Такие сведения могли бы передаваться в зашифрованном виде, причем ключ употребляемого шифра был бы сообщен Вашему штабу. Со своей стороны принимаю на себя ответственность, что подобные конфиденциальные сведения не только не будут оглашены в печати, но и будут переданы лишь тем немногим лицам, для них иметь эти сведения необходимо для государственных соображений. Если бы Ваше Высокопревосходительство признавали более соответственным, чтобы конфиденциальные сведения телеграфировались не корреспондентами агентства, но лицом, ближайшим образом пользующимся Вашим доверием, то я покорнейше просил бы Вас указать такое лицо — из числа состоящих при Вашем штабе и предложить ему войти в сношение с правительственным Санкт-Петербургским телеграфным агентством на предмет установления вознаграждения и получения указаний относительно телеграфирования»⁹.

От главнокомандующего генерал-адъютанта А. Н. Куропаткина, бывшего военного министра, ответ на предложения министра финансов был полностью одобрительным:

«Придаю большое значение умелому пользованию преобразованным Петербургским агентством. Приказал оказать

полное содействие. Назначил особого офицера, на которого возложены обязанности сообщать представителю агентства сведения как для общего пользования, так и для помещения в секретные бюллетени.

*Куропаткин.
Из Харбина, 27 октября 1904 г.»¹⁰.*

Не во всем соглашался пойти навстречу СПГА командующий 2-й маньчжурской армией генерал-адъютант О. К. Гриппенберг. В своей телеграмме В. Н. Коковцеву он сообщал:

«...СПГА будет пользоваться преимуществом перед всеми другими агентствами и повременными изданиями в получении известий официального характера.

Исполнение обязанностей корреспондента агентства возложено мною на Генерального штаба подполковника Новицкого, которому вместе с сим предложено войти в отношение по этому предмету с правительственным Санкт-Петербургским телеграфным агентством.

Что же касается до сообщения агентству сведений, которые хотя и не подлежат опубликованию, но являются необходимыми для лиц, стоящих во главе государственных учреждений, то на передачу этих сведений через агентство в виде пользы дела согласиться не могу.

Кроме того, передача секретных сведений через агентство поставила бы штаб армии в затруднение в смысле выбора того, что именно вышеназванным лицам необходимо или желательно знать относительно событий, в районе армии происходящих, между тем как всякого рода секретные сведения будут сообщаться по телеграфу военному министру, от которого они и могут быть получаемы высшими государственными сановниками...»¹¹

Также секретные сведения направлялись для объединения и наблюдения за публичными известиями в Бюро, учрежденное при Министерстве внутренних дел по указанию Николая II. Ему направляли секретные сведения штаб наместника на Дальнем Востоке и Особый комитет Дальнего Востока, которым управлял А. М. Абаза¹².

Несмотря на возражения педантичного командующего 2-й маньчжурской армией Оскара Казимировича Гриппенберга, СПГА наладило издание бюллетеней, отмеченных буквой

«А» и грифом «Газетам и частным лицам не рассылаются». Они содержали в себе как последние сведения, которые могли быть опубликованы в печати, так и известия, которые не предназначались для прессы. Бюллетени СПГА выходили за подписью «Директор П. Миллер» и распространялись среди руководителей высших государственных учреждений и военачальников¹³. В этих кругах они пользовались популярностью, о чем свидетельствовали многочисленные обращения к директору СПГА о разрешении их получать. Так, начальник Главного морского штаба З. Рождественский писал:

«Милостивый государь господин директор!

Вице-адмирал Макаров просит посылать ему Ваши телеграммы «А».

Покорно прошу телеграфировать Вашему корреспонденту в Порт-Артур, чтобы переговорил с самим адмиралом и уведомил Вас, какие известия желает он получать по телеграфу.

Передавать по телеграфу из Петербурга в Порт-Артур все, что печатается в Ваших листках, было бы совершенно немыслимо.

Значит, печатные листки пойдут почтой, а выдержки, которые адмирал Макаров укажет Вашему корреспонденту, надо будет телеграфировать...»¹⁴

СПГА очень требовательно относилось к информации, предоставляемой своими корреспондентами. В инструктивной телеграмме своему корреспонденту при 2-й армии П. Миллер указывал:

«...Для нас очень важно, чтобы мы имели возможность получать первыми все выдающиеся факты о деятельности Вашей армии, по возможности в день происшествия. В случае особо выдающегося события, дабы обеспечить более своевременное получение сообщения о нем, прошу Вас давать две телеграммы: одну немедленно «срочно» с изложением в нескольких словах самого факта, а вслед за ней другую, обыкновенную, с подробным изложением деталей события.

В случаях, когда проверка факта является затруднительной или невозможной, между тем он является интересным и вероятным, телеграмму следует передавать словами «по слухам».

Шифром прошу Вас пользоваться во всех случаях, когда Вы будете давать сообщения, опубликованию не подлежащие. Такие сообщения надо начинать словом «секретно». Желательно также пользоваться шифром и при особо выдающихся несекретных событиях, в целях избежания преждевременного их разглашения.

Телеграммы надлежит составлять по возможности сжато; следует избегать лишних слов и опускать скобки, предлоги и знаки препинания. При сообщении о событиях мало-важных надо избегать всяких деталей и беречь слова. В телеграммах же о крупных событиях необходимо при сжатости изложения стремиться к полноте сообщения и можно поэтому не особенно стесняться в количестве слов.

Телеграммы следует подписывать своей фамилией и ставить, как условный знак, цифры: число месяца и порядковый номер телеграммы. Так, если она является 12-й Вашей телеграммой, перед Вашей фамилией ставится 512...»¹⁵

Когда корреспонденты СПГА не следовали этой инструкции, реакция агентства была резкой. Об этом, например, свидетельствует телеграмма его директора П. Миллера от 15 января 1905 года корреспонденту А. Н. Афанасьеву: «Подтверждаю телеграмму от 14-го сего декабря. Считаю долгом сказать Вам, что двукратное телеграфирование известий, успевших уже почти дойти до Петербурга, совершенно лишает нас возможности впредь пользоваться Вашим сотрудничеством, ввиду чего просим Вас вернуть выданное Вам удостоверение № 114, а также не израсходованный Вами остаток аванса на телеграфные расходы в размере 195 рублей 60 копеек»¹⁶.

От 1-й маньчжурской армии в СПГА корреспондировал подполковник Генерального штаба Н. Вахрушев, затем его сменил А. Яхонтов. С образованием 3-й армии там корреспондентом агентства стал капитан Генерального штаба В. Готовской, в 17-м корпусе — Г. Тарновский. При штабе главнокомандующего в разное время обязанности корреспондента СПГА выполняли С. Латкин, К. Платонов, В. Янчевецкий¹⁷. Состоялось назначение корреспондента СПГА и во 2-ю эскадру флота Тихого океана, отправлявшуюся с Балтики на Дальний Восток. Ее командующий З. Рожественский уведомлял директора СПГА: «...На письмо от 29 июля с. г. № 2436 имею

честь уведомить Ваше Превосходительство, что я разрешаю состоящему при моем Штабе статскому советнику Б. П. Шатохину быть официальным корреспондентом Санкт-Петербургского телеграфного агентства — разрешается при полном подчинении г. Шатохина законоположениям, существующим на военных судах, — относительно доставления сведений для печати»¹⁸. Однако Б. П. Шатохин перед отправкой эскадры заболел, и по предложению ее командования он был заменен капитаном 2-го ранга В. И. Семеновым; «свободный человек и владеющий пером» — так его характеризовали начальники. Адмирал З. Рожественский одобрил его кандидатуру — он хорошо знал Семенова как лично при нем состоящего. Владимир Иванович Семенов взял на себя сообщение известий с эскадры. Он находился на броненосце «Князь Суворов»¹⁹.

Следует заметить, что кандидатуры своих корреспондентов руководство СПГА согласовывало с теми военачальниками, при штабе которых они состояли. И только после их согласия это лицо приступало к работе в данном месте. Так, например, в телеграмме главнокомандующему генерал-адъютанту Куропаткину от 7 сентября 1904 года, подписанной министром финансов Коковцевым, говорилось: «...Инспектор Заамурского таможенного округа коллежский советник Латкин, откомандированный распоряжением Санкт-Петербургского телеграфного агентства корреспондентом при штабе Вашего Высокопревосходительства, по служебным обстоятельствам получает новое назначение. Прошу Вас разрешить вместо Латкина состоять при Вашем штабе корреспондентом СПГА сыну тайного советника, члена Государственного совета Константину Степановичу Платонову»²⁰. И только когда пришла телеграмма: «Против замены Латкина Платоновым ничего не имею. Генерал-адъютант Куропаткин»²¹, новый корреспондент выехал в Маньчжурию.

Следует заметить, что СПГА старалось подобрать в свое агентство способных к информационной работе людей. Чаще всего они отбирались по их практической работе с СПГА и его изданиями. И тогда агентство использовало всю силу своего влияния, чтобы этого человека перевести на службу к себе. Так, 13 сентября 1904 года директор СПГА П. Миллер в письме к главе таможенного ведомства писал:

«...В числе лиц, приглашенных коллежским советником Латкиным корреспондировать «Вестнику», особое внимание свежестью и полнотой сообщений обратил на себя чиновник маньчжурской таможни г. Бек.

Телеграфные его сообщения, а также ряд корреспонденций из Инкоту, напечатанных в «Торгово-Промышленной газете», вполне убеждают в том, что Бек, обладающий при том солидным запасом знания языков, может оказать агентству в качестве корреспондента с Дальнего Востока весьма существенные услуги.

В настоящее время СПГА особенно нуждается в хороших корреспондентах из Китая. Ввиду сего позволяю себе просить Ваше Превосходительство откомандировать г. Бека в распоряжение СПГА для исполнения обязанностей корреспондента этого агентства из Китая»²².

Перед этим Д. Бек прислал письмо в агентство, в котором обосновал необходимость более широкой информации из Китая, а также показал глубокое знание этой страны, что произвело впечатление на дирекцию²³.

Судя по телеграммам, в Санкт-Петербурге не были довольны работой своего нового корреспондента К. Платонова — сына высокопоставленного сановника. И когда чиновник особых поручений приамурского генерал-губернатора Василий Янчевецкий дал согласие заменить его, дирекция отправила Платонову телеграмму: «Напряженно проработав на театре войны несколько месяцев, Вы, может быть, желали бы вернуться в Петербург отдохнуть, сотрудничая с агентством. В настоящее время предоставляется удобный случай ввиду предложения Василия Янчевецкого — брата редактора «Вестника маньчжурской армии» — заменить Вас. В случае согласия, прошу телеграфировать...»²⁴ Платонов согласился...²⁵

С началом русско-японской войны была установлена цензура всех известий и статей, касающихся действий армии и флота, но не была урегулирована отправка частных телеграмм, и это нередко приводило к конфликтным ситуациям. Цензурные комиссии на театре военных действий были учреждены только приказом наместника генерал-адъютанта Алексеева от 29 февраля 1904 года. Распределение работы между цензурными учреждениями было произведено только в марте 1904 года.

Хотя круг деятельности цензуры расширялся, но точное указание категорий материала, подлежащего цензуре, было дано только в январе 1905 года. Первый присланный Главным штабом «Перечень сведений, касающихся военных действий и не подлежащих оглашению в печати» отзыв 28 апреля 1904 года за № 118 был несовершенен. В первом его пункте, например, запрещалась «критика распоряжений и действий начальствующих лиц»²⁶. Таким образом, в перечне как бы делалось ударение прежде всего на недопущение критики, что вызывало у корреспондентов ироническое к нему отношение.

Указания о непропуске сведений, нежелательных с точки зрения Главного штаба, не были сведены в систему, а поступали в виде замечаний на уже пропущенные телеграммы, что ни для цензуры, ни корреспондентам не давало руководящих принципов, которыми можно было бы руководствоваться, пока сама практика не научила применяться к требованиям Главного штаба.

В числе указаний, дававшихся военной цензуре, были следующие:

- допускать похвальные отзывы, если только они не чересчур раболепны и приторны, во избежание подозрения публики, что они инспирированы;
- не допускать пренебрежительных отзывов о подарках, присылаемых в армию, что неудобно по отношению к тем, кто оказывает, как умеет, внимание армии;
- нежелательное помещение сведений об излишней величине войсковых обозов;
- нежелательное изображение в мрачных красках жизни гор. Харбина, производящего впечатление сплошного вертепа;
- нежелательное осуждение деятельности нашего консула в г. Чифу Тидемана²⁷.

Подобные указания настолько связывали цензуру, что там, где придерживались их буквально, работа корреспондентов ставилась в невозможные условия за недостатком материала, о котором разрешено было писать.

С образованием трех армий цензура была предоставлена, наряду со штабом главнокомандующего, также штабам армий, и только когда обстоятельства указали на вредность децентрализации цензуры по армиям, была образована

центральная цензура в виде цензурного отделения штаба главнокомандующего²⁸. Существование этого отделения сразу не было урегулировано, что в первый период затрудняло его деятельность. Из-за спешного образования цензурных учреждений и отсутствия указаний для них в печать попадали известия (как с театра войны, так и получаемые в России), раскрывавшие очень много данных действительно секретного характера.

Часто это случалось из-за того, что цензура статей, предназначенных для печати в России, была изъята из ведения цензурных учреждений театра войны и лежала на обязанности цензурных комиссий в пункте выхода газет. Опыт показал, что в этих статьях появлялись неоднократно сведения весьма секретного характера. Это было связано с тем, что при медленном развитии операций сведения, попадавшие в статьи, были так же вредны, как известия, передаваемые по телеграфу, и в связи с этим необходимость цензуры их на театре войны была обусловлена теми же соображениями, как и цензура телеграмм военных корреспондентов.

Кроме того, цензура статей, присылаемых с войны, в месте выхода изданий лишало цензуру, находившуюся на войне, возможности контролировать корреспонденции лиц из состава армии, которые не утверждались в звании военных корреспондентов, газеты, в которых они выступали, не присылались в цензуру главнокомандующего, и, следовательно, проверить их работу не было возможности. Все эти и другие недостатки были выявлены в ходе войны.

Для допуска корреспондентов на театр военных действий и надзора за их деятельностью при штабе главнокомандующего было учреждено особое цензурное отделение во главе с полковником Генерального штаба Е. Ф. Пестичем. Приказом наместника за № 105 от 17 февраля 1904 года были установлены правила о военных корреспондентах²⁹. Они требовали, чтобы печатный орган или агентство ручалось за благонадежность своего корреспондента. Подпись на документе об этом должна была быть засвидетельствована полицией. Так, по прибытии корреспондента СПГА К. С. Платонова цензор Е. Ф. Пестич не допустил его к работе из-за отсутствия такого документа, заверенного полицией, о чем было сообщено

в Санкт-Петербург. Судя по ответной телеграмме, эта требовательность цензора вызвала там резкую реакцию:

«Харбин, полковнику Пестичу.

Самый факт сношения министра финансов с командующим армией свидетельствует о благонадежности Константина Степановича Платонова. Если нужно еще мое ручательство, сим свидетельствую, что по соглашению министра финансов и генерал-адъютанта Куропаткина корреспондент СПГА К. С. Платонов вполне благонадежен. Подпись моя удостоверяется казенной печатью агентства на бланке от правительственной телеграммы.

*Директор СПГА
действительный статский советник
П. Миллер»³⁰.*

Однако для подтверждения благонадежности своих сотрудников в других случаях СПГА приходилось обращаться к полиции. Оттуда приходили необходимые сведения, как, например, следующее:

«...Вследствие письма от 29 января с. г. за № 45 имею честь уведомить... что о Никите Ивановиче Малаховском иных сведений, кроме участия его в 1899 году, в бытность студентом Петербургского университета, в недозволенных сходках по поводу устройства обструкции, в делах департамента полиции не имеется...

А. Богословский»³¹.

Корреспонденции посылались не иначе, как с разрешения цензурных комиссий, учрежденных во всех населенных пунктах Российской империи, где имелись периодические издания. Помимо предварительной цензуры свобода корреспондирования была донельзя стеснена и ограничена еще постоянными замечаниями по поводу тех или иных корреспонденций, уже пропущенных в печать, со стороны Главного штаба, который заставлял цензурные отделения быть чрезвычайно осторожными. «Считаю долгом уведомить,— телеграфировал 12 декабря 1904 года в Санкт-Петербург корреспондент СПГА подполковник Генерального штаба В. Ф. Новицкий,— подвергаюсь большому стеснению военной цензуры. Не имею возможности сообщать интересные сведения. Телеграммы

бессодержательны, бесцветны. Не признаете ли полезным доложить министру финансов необходимость снести с главнокомандующим для предоставления вашим корреспондентам некоторой свободы...»³² Однако и после этой телеграммы отношение военной цензуры к корреспонденциям представителя официального агентства не смягчилось. Его телеграммы от 12 и 13 января 1905 года главнокомандующий приказал не пропускать, так как в них содержались «специальные военные сведения, не допускающие гласности»³³, хотя они и были разрешены цензором 2-й армии и утверждены ее командующим. «Главкомандующий запретил мне корреспондировать,— телеграфировал 19 января 1905 года директору СПГА В. Ф. Новицкий.— Прошу указания относительно оставшегося аванса, бланков»³⁴.

Несмотря на формальное разрешение, главнокомандующий генерал-адъютант А. И. Куропаткин крайне негативно относился к пребыванию в войсках представителей прессы и многочисленных иностранных наблюдателей. «Чувство, с которыми руководящие сферы относились к представителям печати,— вспоминал корреспондент газеты «Берлинер Тагесблатц» полковник Гедке,— составляло среднее между отвращением и страхом»³⁵.

При штабе главнокомандующего не было принято мер по широкому ознакомлению представителей печати с условиями их допуска в действующую армию, не говоря уже о крайне неудовлетворительной постановке дела по утверждению корреспондентов, прибывших на театр военных действий. В первой половине кампании это делалось и штабом главнокомандующего, и штабом наместника³⁶. Из-за незнания условий допуска иностранных журналистов на эту войну, а они допускались по рекомендации иностранных правительств и нашего Министерства иностранных дел³⁷, целый ряд корреспондентов зарубежных органов печати не могли быть утверждены из-за отсутствия необходимых документов, «другие оказались несоответствующими своему положению»³⁸ и были высланы.

Но и после так называемой фильтрации к иностранным корреспондентам относились с большим недоверием. Опасение иметь среди них шпионов повторялось неоднократно, что вызывало принятие ряда стеснительных для них мер и

установление усиленного за ними надзора, что вызывало в них ожесточение, плохо скрываемое чувство неприязни против лиц, которым было поручено общение с ними, а также отражалось на характере их корреспонденций и вызывало попытки избегать цензуры и посылать сообщения, минуя ее. Это вызвало ряд конфликтов с некоторыми из них: Мак-Кормик, Биндер фон Кригльштейн были предупреждены, а Гвидо Пардо из «La Tribuna» и Эмерсон из «Collier's Weekly» и «Illustrierte Zeitung» были лишены права состоять корреспондентами: первый был выслан, а второй скрылся сам³⁹.

Между иностранными военными корреспондентами встречались люди, враждебно настроенные к России. Задерживать их до конца войны не представлялось возможным, а возвращение их до ее окончания, по мнению русского командования, могло принести еще больше вреда как своими разоблачениями, так и раскрытием сведений секретного характера (последнее могло произойти даже не преднамеренно). Бывали случаи перехода иностранных корреспондентов на сторону противника. Так, например, было при отступлении русских войск под Пляном и Мукденом, где некоторые иностранные корреспонденты перешли к японцам. В таких случаях были опасения, что они могли принести русской армии вред, даже не преднамеренно, если противник познакомится с теми бумагами и заметками, которые у них могли конфисковать и осмотреть. У многих военных корреспондентов по возвращении с войны характер корреспонденций резко менялся и переходил в грубо и тенденциозно обличительный⁴⁰.

«Конечно, желательно, чтобы контингент наших собственных корреспондентов был возможно выше и отвечал их назначению»⁴¹, — высказывал свое мнение руководитель цензурского отделения Е. Пестич. В числе 102 русских военных корреспондентов было: офицеров действительной службы — 46, гражданских чинов — 4, врачей — 1, студент-медик — 1, студентов-переводчиков — 2, сестра милосердия — 1, лиц разных званий — 47⁴². Русские корреспонденты не вызывали у военных того недоверия, которое вызывали представители иностранных органов печати. При существовании нормальной военной цензуры принести того вреда, которого «можно

ожидать от иностранцев, в случае оставления ими театра войны ранее ее конца»⁴³.

Однако из-за несовершенства российской цензуры факты преступного разглашения военной тайны были даже в армейской печати. Примером этого был сам орган главнокомандующего «Вестник маньчжурской армии». В нем печатались сообщения о прибытии на Дальний Восток различных воинских соединений, отчеты о расположении частей, приказы, содержавшие данные о составе и состоянии различных корпусов и дивизий. Здесь же публиковалось множество объявлений о розыске военнослужащими родных и друзей. Эти объявления давались офицерами, называвшими свои адреса, что еще более раскрывало картину дислокации русских войск на Дальнем Востоке.

Работавшие на русско-японской войне журналисты писали о трудностях, которые были у них при ее освещении. Так, военный корреспондент «Нового времени» И. П. Табурно рассказывал: «Положение корреспондента на войне не легко. Разного рода учреждения и лица обо всех заботятся, всех там устраивают, но никто не подумал хоть сколько-нибудь облегчить корреспондентам их трудную задачу. Не говоря уже о том, что корреспондент зачастую не знает, где укрыть свою голову, так как все помещения заняты под военные и другие нужды, не находит, чем утолить свой голод,— он ни в ком не встречает стремления познакомить его с истинным положением дел. А ведь сколько упреков приходится выслушивать корреспонденту за каждое неверное сообщение,— но постарался ли хоть кто-нибудь помочь корреспонденту проверить те сведения, которые он почерпнул на стороне? Я обращался к главнокомандующему с просьбою учредить такое бюро, где бы корреспонденты могли проверять свои сведения. Было обещано учредить это бюро, но дело так и ограничилось одними обещаниями. Не мало лишений приходится испытывать корреспонденту при своей деятельности...»⁴⁴

Это свидетельство журналиста указывало, насколько важно было иметь специальный отдел или хотя бы офицеров, которые бы при штабе главнокомандующего и штабах армий занимались работой с представителями прессы. Необходимо было организовать и место пребывания, куда бы корреспонденты возвращались после поездок в войска. «Там же им мож-

но было предоставить скромный даровой стол, который бы не составил чувствительного расхода для казны», — предлагал Е. Пестич. Там, по его мнению, можно было бы сообщать корреспондентам военные известия от цензурного отделения⁴⁵. На важность последнего не раз указывали иностранные корреспонденты. Например, американский журналист Ричард Литл, представлявший «Чикаго Дейли Ньюс», в письме начальнику цензурного отделения полковнику Генерального штаба Е. Пестичу от 8 февраля 1905 года рассуждал:

«Какова же задача цензуры — давать неверные сведения? Если ваше учреждение существует не для того, чтобы сообщать нам те сведения, которые признано желательным делать достоянием публики, то будьте столь любезны сообщить мне, кто и где тот официальный источник, к которому я мог бы обратиться за сведениями. Если такого учреждения в русской армии не существует, позвольте мне почтительнейше указать на желательность иметь таковой. В армии и в Мукдене часто случаются происшествия, ценные в описательном и художественном смысле, которые дали бы интересный материал для газеты и обнародование коих не может послужить ни удобству, ни помощи неприятелю и о коих информационное бюро, мною выше предложенное, могло бы осведомляться и сообщать заблаговременно корреспондентам — для оказания им помощи в их работе. Существуют факты, обнародование коих было бы преимуществом для русских, а не наоборот. Такие происшествия, как прибытие генералов в Мукден, праздничные дни, царские дни, полковые праздники, или появление японских пленных, или прибытие взятых в бою трофеев могли бы быть нам своевременно сообщаемы — дабы мы имели возможность являться с фотографическим аппаратом или карандашом и использовать тот интересный материал, ради которого мы сюда присланы. Ваше отделение не оказывало мне какой-либо помощи в этом отношении»⁴⁶.

В русских войсках по-прежнему к военным корреспондентам относились в общем весьма благожелательно. Многие высшие начальники находили полезным для распространения более верных сведений с театра военных действий допускать военных корреспондентов в районы своих частей и соединений. Многие военные корреспонденты и в эту войну получили боевые награды за свою деятельность. В их числе

были В. И. Немирович-Данченко, К. К. Агафонов, В. А. Апушкин, П. Н. Краснов, Е. К. Ножин и другие. Один из русских военных корреспондентов И. Е. Попов («Русь») был ранен пулей в грудь в сражении под Пляяном.

Среди иностранных военных корреспондентов наибольшей известностью и авторитетом пользовался отставной полковник германского Генерального штаба Рихард Гедке. Его статьи печатались не только в Германии, но и в других европейских странах. Они также переводились и публиковались в русских газетах и журналах.

Многие наши и иностранные военные корреспонденты, состоявшие при русских армиях в эту войну, выпустили отдельные издания своих корреспонденций, воспоминаний, исследований. Ряд интересных взглядов на минувшую войну и ее полководцев высказал В. Апушкин в своих книгах «Куропаткин. Из воспоминаний о русско-японской войне» (СПб., 1906 и 1907), «Мищенко. Из воспоминаний о русско-японской войне» (СПб., 1908), «Русско-японская война 1904—1905 гг.» (М., 1911). Эта очень содержательная книга Апушкина была рассчитана, как указывал сам автор, на широкий круг «интеллигентных читателей», в ней он уделял больше внимания и места не вопросам тактики, а более широким и интересным вопросам стратегии, не исполнителям боевых диспозиций, а тем, кто давал для них директивы, чей разум и воля направляли ход войны⁴⁷. В книге приведен большой и довольно достоверный аргументированный материал, собранный военным журналистом не только в ходе войны, но и исполнявшего в 1907 году обязанности секретаря Верховного военно-уголовного суда во время процесса по делу сдачи крепости Порт-Артур. Апушкин назвал причиной неудач России в войне с Японией исключительно неискусные стратегические действия Алексеева, Куропаткина, Стесселя и других генералов. Видимо, фактический материал не дал ему возможности согласиться с очень характерным заключением о роли вождя в современной войне, данным А. Н. Куропаткиным в «Итогах войны», который писал: «Ныне, при крайне усложнившейся обстановке боя, личность старшего вождя сильно умалилась против прежнего времени. Без надежных, талантливых и энергичных помощников: командующих армиями и командиров корпусов, без развитой иници-

ативы действий во всех чинах, без численного превосходства войск, и, главное, без военного одушевления войск и патриотического подъема всей нации роль вождя армии становится настолько тяжелой, что может оказаться по силам только гениальному полководцу. Быть может, гений и восполнил бы собою недостатки нашей армии духовные и материальные, но, очевидно, Алексеев, Куропаткин, Линевич, Гриппенберг, Каульбарс, Бильдерлинг этих недостатков восполнить не могли»⁴⁸.

Другие военные корреспонденты издали: В. Ф. Новицкий — «Февральские дни под Мукденом» (СПб., 1907); П. Н. Краснов — двухтомный сборник корреспонденций «Год войны» (СПб., 1905 и 1906); Е. К. Ножин, представлявший на войне «Новый край», в 1906—1907 годах издал в Санкт-Петербурге три тома своего труда «Правда о Порт-Артуре»; И. П. Табурно, корреспондировавший в «Новое время», — «Правда о войне» (СПб., 1907); С. А. Голузаков, тоже работавший в «Новом времени», — «На полях Маньчжурии и в России после войны» (СПб., 1906); И. К. Шаховской из «Петербургского листка» написал: «Желтая туча» (СПб., 1905); В. Д. Козлов — «В тылу у японцев. Набег партизанского отряда на Корею» (СПб., 1904); А. И. Писвецкий (Доминский) — «На войне» (Полтава, 1910); Н. Э. Гейнце из «Петербургской газеты» — «В действующей армии, письма военного корреспондента» (СПб., 1904); Н. Веревкин из «Нового края» — «Странички из дневника. Очерки из осажденного Порт-Артура» (СПб., 1905).

Целый ряд книг о русско-японской войне 1904—1905 годов издали иностранные военные корреспонденты, присутствовавшие в русской армии. Из них на русский язык были переведены и стали широко известны в нашей стране работы: Людовика Нодо, представлявшего «Le Journal», — «Они не знали...» (М., 1905) и «Письма о войне с Японией» (СПб., 1906), Л. Рэкули — «10 месяцев на русско-японской войне» (СПб., 1908) и другие. Среди этих трудов в 1913 году появилась книга «Куропаткин и его помощники» офицера германского Генерального штаба барона фон Теттау, который находился при русской армии в течение всей войны. Все содержание этой книги сводится к дискредитации офицерского корпуса русской армии. В ней автор, часто не гнушаясь ложью, утверждает, что

русские офицеры в военном отношении неучи, что они ленивы, инертны, пьяницы, не обладают инициативой, несамостоятельны, недисциплинированы, лживы, глупы, что все эти их качества в их крови. Русские офицеры, пишет Теттау, не могут руководить войсками в бою и не в состоянии одержать хотя бы частный успех; они лишены энергии, решимости и твердой воли. Оклеветав русских офицеров, Теттау идет дальше, утверждая, что причиной поражения в войне являются не отдельные личности, а система, их воспитавшая, — «виновата вся нация, не выработавшая в себе способности к самостоятельности, самопожертвованию».

Конечно, можно согласиться, что среди русского офицерства было много невежд, бездарностей, людей отсталых во всех отношениях и их породила система. Эти проблемы после русско-японской войны широко обсуждались в русской печати. Но утверждать, что «виновата вся нация», — значит не знать этот народ, или автор это делал преднамеренно. Книга появилась в Германии накануне Первой мировой войны и явно преследовала цель — внушить офицерам германской армии, что в предстоящей войне они встретят на поле несерьезного, слабого противника. Сочинение барона Теттау было переведено на русский язык М. Грулевым — автором двухтомника «На полях Дальнего Востока», вышедшего в 1908—1909 годах. Книга Грулева — это обработанный дневник офицера Генерального штаба, командира 11-го псковского полка, отличившегося во время боев под Ляояном, на реке Шахе и под Мукденом. Предполагается, что Грулев, очевидно, не понял, что главная цель книги Теттау заключалась в том, чтобы посеять сомнения в среде русских офицеров в своих силах накануне Первой мировой войны. Книга Теттау была не понята в свое время, а позднее исследователи истории русско-японской войны высказывали мнение, что она была написана по заданию германского Генштаба⁴⁹.

Представители прессы и японская цензура

В Японии еще до начала войны были выработаны основные цензурные меры на военное время, и, готовясь к нападению на Россию, правительство еще с августа 1904 года прекратило печатать в официальных изданиях все на-

значения военных начальников и их перемещения⁵⁰. Деятельность военных корреспондентов в японской армии была затруднена еще более. Так, корреспондент «Frankfurter Zeitung» в телеграмме из Токио от 15 марта 1905 года сообщал: «По странности судьбы, большей части военных корреспондентов в этой замечательной стране можно сообщать обо всем, за исключением только войны. Не только объективное описание прошедшего какого-нибудь боя становится невозможным благодаря более чем осторожному образу действий японских властей, но даже и посылка кратких военных корреспонденций из Токио сильно затруднена японским правительством»⁵¹.

С самого начала войны японцами были изданы цензурные постановления, которыми запрещалось писать все, что хоть сколько-нибудь касалось войны. «Конечно, в действительности этого нельзя было провести без нарушений,— говорилось в статье «Сохранение военной тайны», опубликованной в германском журнале «Der Ostasiatische Lloyd»,— и за год войны несколько редакций были обложены небольшими денежными штрафами за опубликование сведений, которые могли бы принести пользу неприятелю. Кроме того, в типографии японских и английских журналов постоянно заглядывали соглядатаи, хотя это было и излишней мерой, так как в каждой типографии (в этом сомневаться нельзя) работали полицейские шпионы под видом наборщиков, печатников или фальцовщиков. Если случайно в печать попадала статья, признанная впоследствии вредной, то полицейский чин обегал остальные газеты с оповещением, что статья, появившаяся в такой-то газете, запрещается. Нередко лишь таким путем раскрывался секрет. По этому поводу много смеялись, но японцам предоставляли всецело удовольствие действовать так, как они хотели по свойству своего характера...»⁵²

Существование в Японии очень осторожной и строгой цензуры подтверждала и американская печать. Так, американская газета «New York Tribune» 2 июля 1905 года поместила статью «Тайна во время войны», в которой говорилось, что в числе факторов, содействовавших успехам японцев в эту войну, большое значение принадлежало скрытности. На этот вопрос у них был свой собственный взгляд, поэтому они прибегли к самой жесткой форме; наложив печать молчания

на репортеров известий и деятелей прессы, довели эту систему до небывалых еще пределов. Это вызвало ожесточение корреспондентов, которые, будучи свидетелями великих событий, не имели права послать ни одной строчки описания их домой; нелегко было для печати, которая, конечно, желала обнародовать немедленно каждый ход этой великой борьбы; не удовлетворяли и публику, жадно искавшую подробных известий с театра одной из величайших войн последнего времени; но эти меры, вероятно, были весьма богаты последствиями при введении в заблуждение русских и в содействии успеху японской стратегии на суше и на море.

Результативность мер по сохранению тайны видна в том, отмечала «New York Tribune», насколько неожиданно застигнут был врасплох русский флот и как быстро он был уничтожен в бою в Японском море. По-видимому, адмирал Рожественский совершенно не подозревал — да и никто вне Японии этого не подозревал, — что весь ее боевой флот будет сосредоточен в Корейском проливе. И поразительная легкость и решительность победы обязаны в значительной степени неожиданности...

«Какой будет вывод из всего этого для будущих войн — вопрос интересный и требующий размышлений, — подчеркивала американская газета. — Вряд ли уроком этим пренебрегут. Надо вспомнить, что и Нельсон, и Веллингтон, оба настоятельно убеждали прессу в отношении военных вопросов хранить молчание и жаловались, что газеты очень помогали противнику в раскрытии плана кампании, численности и расположения боевых сил. Во время франко-германской войны то же самое случалось неоднократно; в испано-американскую войну опасность поражения угрожала американцам вследствие тех же причин, если бы только Испания имела возможность воспользоваться сведениями, которые ей удалось получить. Теперь японцы сумели, тем или другим путем, проделать войну за непроницаемой ширмой, недоступной для проникновения через нее самому острому зрению и самому смелому предпринятию.

Это они совершили частью путем неумолимо строгой цензуры, частью вследствие исключительного самоотречения и патриотизма японского народа. В случае войны другие нации вряд ли откажутся от попытки приобрести такое же преимущество тем же самым путем.

Будем ждать результатов, насколько те же приемы окажутся успешными в других странах и среди другого народа»⁵³.

Наблюдая за строгостью японской цензуры, западные журналисты ставили вопрос: до какой степени в военное время возможна гласность? Отвечая на него, 7 июля 1905 года газета «Peking and Tiennist Times» в статье «Гласность путем печати» писала: «Не может быть и вопроса о том, что тщательная цензура всяких военных известий оказала японцам отличную услугу, хотя и действовала в то же время убийственно на сотню приехавших в действующую армию корреспондентов. Ни одна война, вероятно, не обошлась печатно дороже и не дала ей за это денег так мало, как настоящая, говоря о качестве, а не о количестве материала, так как военных известий было больше, чем нужно, так же как теперь книг об этой войне. Но какова их ценность?»

Издающиеся в Японии газеты преследовались по суду за опубликование сведений, составляющих военную тайну. Так, редактор-издатель газеты «Japan Chronicle» был приговорен судом к уплате штрафа 25 иен за оглашение следующих сведений, относящихся к флоту и признаваемых секретными: «Хотя в общем стрельба русских из орудий во время морского боя была плоха, несколько снарядов попало в японские суда, причинив значительные разрушения. Одним выстрелом была снесена мачта на «Миказе», и снарядом крупного калибра была поражена наблюдательная башня. Было убито несколько человек и на палубе произошел пожар, вскоре однако потушенный. На «Фуджи» снаряд попал в башню 12-дюймового орудия во время заряжения последнего. Снаряд ударился в японский снаряд, вследствие чего последний взорвался, перебив и переранив почти всю орудийную прислугу. Боцману Сакаи на «Миказе» осколок снаряда попал в бедро, но удар пришелся по ножу у него в кармане, и, хотя нож был разбит вдребезги, боцман не пострадал. Теперь нож является очень драгоценным воспоминанием»⁵⁴.

Редактор-издатель газеты «Kobe Herald» был оштрафован судом за публикацию без разрешения морского министра следующих заметок: «Новые японские контр-миноносцы. Из Токио сообщают, что два новых контр-миноносца «Камиказе» и «Хатсушимо», строящиеся в Иокосуке, будут спущены первый около 10-го, а второй около 20-го

с. м. «Ушиво» будет спущен в Куре. Полагают, что остальные 22 новых контр-миноносца будут спущены к августу»⁵⁵.

Под заглавиями «Новая японская миноносная флотилия» и «Постройка новых военных судов в Японии — большое расширение верфей» в том же номере «Kove Herald» сообщалось, что «Камиказа», «Ушиво» и 23 миноносных судна разного рода, которые вскоре должны быть спущены, все имеют менее 350 тонн; их скорость от 29 до 30 узлов⁵⁶.

Там же также замечалось: «Газета «Mainichi» пишет, что благодаря усиленной работе начальствующих лиц японские верфи и заводы сделали большие успехи с начала войны. Кроме верфей в Куре и Иокосуке теперь имеются еще две или три, на которых было бы возможно строить даже броненосцы свыше 20 000 тонн, причем сталелитейные заводы могут дать весь необходимый материал. В настоящее время строятся один броненосец и два первоклассных крейсера в Куре и один броненосец и крейсер первого класса в Иокосуке; делаются приготовления для постройки там же еще одного крейсера первого класса»⁵⁷.

За напечатание аналогичных же сведений были привлечены к суду редакторы-издатели еще пяти газет. Обращает на себя внимание то, что, по показаниям обвиняемых на суде, указанные сведения впервые появились не в их газетах, а за несколько дней перед тем уже были опубликованы в японской газете «Mainichi» и они решили перепечатать их. Однако это не спасло редакторов-издателей этих пяти газет от наказания.

По сообщению «Tribune Indo-Chinoise», не только прессы, но и корреспонденция солдат японской армии подвергалась строжайшему контролю с целью обеспечения тайны военных операций. Военнослужащие не имели права сообщать, к какой части они принадлежат, где была произведена их посадка на суда или высадка. Также запрещалось указывать время и место отправления письма. Письма, адресованные в армию, уже от военных властей получали необходимые дополнения в адрес⁵⁸.

«Игра в прятки» — так называли в европейской печати запреты японских властей на публикацию тех или иных сведений с театра войны. «New York Tribune» писала, что вряд ли какое-либо другое правительство могло проявить подобное

мастерство в сохранении тайны, какое выказало японское Морское министерство, запрещая в течение целого года оглашение гибели нескольких крупных морских судов около Порт-Артура⁵⁹.

15 мая 1904 года был потоплен крейсер «Июшино» после столкновения с «Касуга», и в тот же день пошел ко дну броненосец «Хацусе», наскочив на мины. На «Хацусе» погибло 400 человек. Об этом в Японии было открыто сообщено и опубликовано. Однако, что в этот же день, 15 мая 1904 года, погиб большой броненосец «Яшима», было скрыто. Также замалчивались факты, сообщенные неоднократно в «Ostasiat Lloyd» и систематически каждый раз опровергавшиеся японской и близкой ей английской прессой, а именно о последовавшей 17 мая гибели японского истребителя «Акацутсе» и на другой день канонерки «Ошима», а позже также о потере одного крейсера, канонерки и миноносца в течение сентября, ноября и декабря. Гибель трех больших и двух малых судов с 15 по 18 мая считалась слишком ошеломляющим известием. Поэтому половину потерь утаили.

Этим, однако, не довольствовались и прибегли еще к хитростям, чтобы этот обман не обнаружился. О погибших на «Яшима» и «Хацусе» были изданы подробные списки: погибшие офицеры получили, по японскому обычаю, награды, повышения; в случае извлечения из моря трупов об этом трубилося по всем японским газетам. «Никто не подозревал, что люди, столь честно объявляющие и скорбящие о потерях личного состава, половину их умалчивают,— писала «New York Tribune». — Мы с самого начала держались того взгляда, что японцами было объявлено о гибели указанных двух броненосцев исключительно потому, что они скрыть этого не могли. В Порт-Артуре 15 мая узнали о тяжелом повреждении двух японских броненосцев, и крепость справляла возмездие за гибель «Петропавловска», и так как в то время крепость еще не была полностью отрезана от внешнего мира, то сведения об этом проникли за ее пределы. Вследствие этого японцам нужно было открыто объявить свои потери, обнаруженные русскими, причем сведения эти облечь в такую форму и провести настолько последовательно, чтобы нельзя было заподозрить последующих их потерь. Действительно, в официальных списках морских сил японцы спокойно продолжали числить как

«Яшиму», так и погибший 12 декабря 1904 года крейсер «Такасаго». При выступлении Балтийского флота японскими и английскими журналами печатались сопоставления морских сил с точным перечислением единиц; даже когда русский флот появился у побережья Индокитая, то «Яшима» и «Такасаго» показывались в числе существующих и неповрежденных судов. Лишь после ошеломляющего цусимского боя японское адмиралтейство посчитало возможным раскрыть всю правду упоенному победой народу, и 1 июля стали известны все потери, о которых больше года умалчивалось»⁶⁰.

Эта же нью-йоркская газета писала летом 1905 года, что и по сегодняшний день никто еще не знает о значительных потерях, понесенных японцами под Порт-Артуром с сухопутной его стороны; также не имеется достоверных данных о японских потерях под Мукденом и под Шахе. «Конечно, никто теперь не верит тому, что японцы за последний морской бой потеряли только три миноносца,— писала она.— Даже дружественные англичане относятся к этому несколько скептически. В «Japan Chronicle» мы читаем: «Вполне понятно, что известие о целом ряде постигших неудач под Порт-Артуром весьма сильно отразилось бы на настроении всего мира, но были ли морской штаб вправе ввиду получаемых дурных известий скрывать таковые? Этот вопрос не раз подробно обсуждался и, однако, не приводил к удовлетворительному выводу»⁶¹.

Также в западной прессе отмечалось, что в Японии во время войны рассылка официальных сведений была поставлена настолько пунктуально, как до сих пор ни в одной стране⁶². Эти сообщения систематически преувеличивали результаты боевых действий армии и флота Японии и, как уже отмечалось, приуменьшали или замалчивали свои потери и поражения. Пока устанавливалась истина, очищенная от всяких наслоений, официальные сведения уже были разосланы и опубликованы по всему свету. «А раз это уже произошло,— отмечала «Frankfurter Zeitung»,— то средний иностранный корреспондент спокойно может не вводить свою газету в расходы на телеграмму, так как она пришла бы слишком поздно»⁶³.

В наиболее благоприятных условиях в японской армии находились представители некоторых английских и американских телеграфных агентств. В этом им помогали контракты

с правительством, а также то, что «они склонны посылать важные сведения во что бы то ни стало в виде «срочных телеграмм». Для достижения определенных политических целей или для удовлетворения потребности своих абонентов в сенсационных известиях они иногда не особенно бережно относятся и к истине. Приходится удивляться иным сообщениям англо-саксонской прессы»⁶⁴, — писала все та же германская газета.

И в качестве примера такой страсти к преувеличению приводила телеграмму в «Times» из Петербурга от 13 марта 1905 года, согласно которой потери русских в боях под Мукденом достигли 200 тысяч человек и 500 орудий. Корреспондент «Frankfurter Zeitung», находившийся в Японии, писал по этому поводу:

«Прочитав эту депешу сегодня утром в числе телеграмм Рейтера в «Japan Times», я был совершенно поражен, так как в обществе я слышал 11 марта эти же самые цифры, выдаваемые за сведения из хорошо осведомленного японского источника о потерях русских.

Хотя в то время еще не было полных донесений из Главной квартиры, все-таки мы были склонны считать эти цифры значительно преувеличенными. И вдруг через два дня те же данные повторяются в телеграмме в качестве сведений из Петербурга лондонского «Times'a»! В донесениях Оямы я нашел указания только о 60 орудиях и до сего дня ни одним больше. Однако возможно было, что здесь в Главной квартире есть новый список трофеев, чем и объяснялась бы разница цифр. С целью пролития света на этот вопрос я набросал телеграмму, содержащую, между прочим, слова:

«Главным результатом боя имели занятие Мукдена, Фушуна, района южнее Телина, захват... пленных... орудий... знамен».

С этим я пошел лично в Главную квартиру, чтобы просить проставить недостающие цифры, и передал депешу с соответствующей просьбой цензору. Произошел следующий диалог:

— Почему вы хотите посылать такую телеграмму?..

— Я хотел только сообщить моей газете о результатах боев вообще.

— Этого не нужно: нами все эти цифры уже опубликованы.

— Я знаю, но сегодня в газете я видел лондонскую телеграмму, в которой говорится о захвате 500 орудий.

— У нас с театра войны других сведений, кроме опубликованных, нет.

— А каковы они, осмелюсь спросить?

— В круглых цифрах 40 000 пленных, 60 орудий и два знамени.

— Тогда моя телеграмма явилась бы поправкой к лондонской?

— Но это совершенно не нужно. Исправлять английские телеграммы вовсе не наша задача. Вы можете телеграфировать что вам угодно.

Вместе с этим ответом я получил обратно мою незаполненную телеграмму»⁶⁵.

Несмотря на строгость цензуры, именно иностранными военными корреспондентами, состоявшими при японских армиях, был выпущен после войны ряд ценных трудов-корреспонденций. Из них наиболее известны: Эллис-Ашмед-Бартлетт «Осада и сдача Порт-Артура» (переведена и издана: СПб., 1907), Б. В. Норригард «Великая осада Порт-Артура и его падение» (переведена и издана: СПб., 1907), Луиджи Барцини «Японцы под Мукденом» (переведена и издана: СПб., 1908), Давид Джемс «Осада Порт-Артура» (переведена и опубликована в «Военном сборнике», 1907 год) и другие.

Среди этой большой серии иностранной литературы о русско-японской войне наиболее известна «Записная книжка штабного офицера»⁶⁶. Ее автор генерал Ян Гамильтон находился при штабе 1-й армии Куроки не в качестве корреспондента, а в роли главного представителя английских вооруженных сил. «Записная книжка штабного офицера» интересна тем, что наряду с достоверными материалами в ней много дезинформации, полученной генералом от японских офицеров, которые по указанию начальства умышленно вводили его в заблуждение. Одно высокопоставленное лицо доверительно сообщило ему, что накануне войны русские имели на Дальнем Востоке 200 тысяч солдат, Гамильтон донес об этом в Англию и только после войны убедился, что он был обманут; или офицер штаба, по поручению командования,

сообщил ему, что 10 августа в Желтом море «совершенно разбит русский флот». В действительности не было потоплено ни одного корабля. Гамильтона как представителя союзной страны часто информировал начальник штаба армии, но и он не стеснялся втирать очки своему почетному гостю; 19 июня генерал сообщил Гамильтону заведомо неверные данные о численности японских армий в Маньчжурии; только спустя полтора месяца Гамильтон из других источников узнал о высадке на Ляодуне 4-й японской армии.

И тем не менее Гамильтон преуспевал; при помощи своих помощников — английских офицеров, находившихся при дивизиях, а также завербованных японских информаторов, и лично бывая на передовых позициях, собирал разносторонний фактический материал, обобщал его и немедленно отправлял в Англию. В «Записной книжке...» автор часто радовался, что ему удалось обойти японскую цензуру. В книге Гамильтона дается ряд интересных описаний того, как в японской армии добивались сохранения военной тайны, дезинформировали иностранных представителей при ней и как последние все же узнавали достоверную информацию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГИА, ф. 1358, оп. 1, д. 107, л. 129.

² Там же. Л. 182.

³ Там же. Л. 143.

⁴ Там же. Л. 118.

⁵ Там же. Л. 99.

⁶ Там же. Л. 96.

⁷ Военная энциклопедия. СПб., 1913. Т. 4. С. 201.

⁸ Там же.

⁹ РГИА, ф. 1358, оп. 1, д. 1241, л. 27.

¹⁰ Там же. Л. 64.

¹¹ Там же. Л. 40.

¹² Там же. Л. 10, 11, 24, 25.

¹³ Там же. Л. 65.

¹⁴ Там же. Л. 23.

¹⁵ Там же. Д. 107, л. 308.

¹⁶ Там же. Л. 112.

¹⁷ Там же. Л. 16, 18, 34, 66, 69, 133, 136.

¹⁸ Там же. Д. 44, л. 1.

¹⁹ Там же. Л. 3—6.

- ²⁰ Там же. Д. 4, л. 13.
- ²¹ Там же. Л. 14.
- ²² Там же. Л. 16.
- ²³ Там же. Л. 7—9.
- ²⁴ Там же. Л. 138.
- ²⁵ Там же. Л. 139.
- ²⁶ Русско-японская война 1904—1905 гг. Харбин. 1905. С. 17.
- ²⁷ Там же. С. 18.
- ²⁸ Там же. С. 1.
- ²⁹ РГИА, ф. 1341, оп. 1, д. 4, л. 50.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Л. 62.
- ³² Там же. Л. 99.
- ³³ Там же. Л. 122.
- ³⁴ Там же. Л. 127.
- ³⁵ Цит. по: *Белогуров С.* «Я еду простым рабочим» // Красная звезда. 1996. 6 декабря.
- ³⁶ Русско-японская война 1904—1905 гг. Харбин. 1905. С. 8.
- ³⁷ Там же. С. 21.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Военная энциклопедия. СПб., 1913. Т. 4. С. 201.
- ⁴⁰ Русско-японская война 1904—1905 гг. Харбин. С. 21.
- ⁴¹ Там же. С. 22.
- ⁴² Военная энциклопедия. СПб., 1913. Т. 4. С. 201.
- ⁴³ Русско-японская война 1904—1905 гг. Харбин. 1905. С. 22.
- ⁴⁴ *Табурно И. П.* Правда о войне. СПб., 1907. С. 8.
- ⁴⁵ Там же. С. 23.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ *Апушкин В.* Русско-японская война 1904—1905 гг. М., 1911. С. 4—5.
- ⁴⁸ *Куропаткин А. Н.* Итоги войны. 1906. Т. 4. С. 301.
- ⁴⁹ См. *Сорокин А. И.* Русско-японская война 1904—1905 гг. М., С. 365.
- ⁵⁰ Военные секреты // Новое время. 1905. № 10536.
- ⁵¹ Frankfurter Zeitung. 1905. 20 апреля.
- ⁵² Der Ostasiatische Lloyd. 1905. 7 июля.
- ⁵³ New York Tribune. 1905. 2 июля.
- ⁵⁴ Japan Chronicle. 1905. 22 июня.
- ⁵⁵ Kobe Herald. 1905. 21 июня.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Tribune Indo-Chinoise. 1905. 24 марта.
- ⁵⁹ New York Tribune. 1905. 2 июля.
- ⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² Frankfurter Zeitung. 1905. 20 апреля.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ *Гамильтон Я.* «Записная книжка штабного офицера». М., 1940.

ГЛАВА X

Гласность и власть в начале XX века

Русская военная мысль о роли печати в войнах

Проводимые японцами систематически в течение полугодовой войны меры цензуры указывали многим государствам на возможность их практического осуществления в таком виде, а достигнутые таким образом японцами результаты, в смысле влияния на мировое общественное мнение, укрепления духа войск и нации, на дезинформацию противника и невозможность его разведке с помощью печати добывать необходимую информацию, показали целесообразность их. Отсюда во многих армиях, в том числе и в русской, был сделан вывод: дело цензуры в будущих войнах должно быть поставлено на таких твердых основаниях, дабы создать в этом направлении противнику действительное препятствие.

В секретной записке, составленной цензурным отделением штаба А. Куропаткина в конце русско-японской войны подчеркивалось, что, «принимая меры для разведывания о противнике, необходимо в то же время защищаться от тех же действий с его стороны, поэтому меры цензуры должны приниматься одновременно с разведкой и составлять такую же естественную принадлежность борьбы, как щит в древнем вооружении воина и как зарывание в землю и маскировка во всех видах боевой обстановки — в войнах настоящего времени»¹.

Еще авторы этой записки, в числе которых был Генерального штаба полковник Е. Ф. Пестич (в Первую мировую войну, будучи уже генерал-майором, он погибнет), отмечали, что легкость поведения цензурных мер далеко не одинакова при разных условиях войны. Цензура значительно облегчается: в войне популярной и «подготовленной в умах населения и армии»; при устойчивом и твердом внутреннем состоянии страны; при успешных боевых действиях. Эти условия значительно примиряют население и армию с необходимостью цензуры как прессы, так и частной корреспонденции. При

обратных обстоятельствах наоборот развивается нетерпимость в отношении цензуры, стремление к разоблачению и критике². В дальнейшем войны и конфликты XX века дали достаточно много убедительных примеров в точности этих выводов русских военных цензоров.

На необходимость цензурных мер и других средств информационного обеспечения боевых действий армии и флота в ходе войны указывали в это время ряд видных российских военных теоретиков. Так, один из них генерал Н. П. Михневич — автор многих военно-теоретических и военно-исторических трудов, профессор Академии Генерального штаба, а с 1904 по 1907 год — ее начальник, с 1911 года — начальник Главного штаба, в своем обширном труде «Стратегия», по которому судят о состоянии русской военно-теоретической мысли накануне Первой мировой войны³, подчеркивал: «Внезапность маневра, как последствие сохранения всех предварительных для производства его действий в тайне, есть лучшее средство для подготовки успеха на войне.

Наполеон запрещал печатать в частных газетах что-либо касающееся армии или флота во время военных действий. Им разрешались только перепечатки из «Монитера».

Конечно, это касается общих соображений, но когда войска приступают к выполнению задачи, данной им, тут тайне места нет; войска должны знать, что от них требуется; «Всякий воин должен понимать свой маневр», — говорил Суворов. Только при таких условиях может проявиться сознательная работа всех, и успех не будет в зависимости от случайной пули»⁴.

После русско-японской войны 1904—1905 годов вышло ряд трудов, написанных ее участником полковником Генерального штаба, ординарным профессором Академии Генерального штаба А. А. Незнамовым и к этому времени уже известному военному теоретику. Ему принадлежит много работ, в том числе «Опыт войны» и «Текущие военные вопросы», напечатанные после русско-японской войны, и три больших труда «Оборонительная война», «Современная война» и «План войны». В последней работе, рассматривая мероприятия общегосударственного порядка по обеспечению военных действий армии и флота, А. А. Незнамов на третьем месте после мер политических и финансовых ставит

подготовку общественного мнения⁵. Рассматривая этот вопрос, он делает несколько выводов:

«Первое — никто не станет спорить, что «общее сочувствие» войне может сослужить громадную службу. Армия лучше дерется, когда знает, что дома все мысли и заботы в данное время сосредоточены на ней; что работа ее в отечестве признается нужной и ценной; что каждая капля пролитой крови получит должную оценку. Среди населения — полный порядок; все от мала до велика живут исключительно интересами армии и правительства; последнее постоянно и во всем находит сочувствие и поддержку. Словом, все пьют одну чашу»⁶.

Однако сам автор называл изложенное им мечтой и считал, что в современной ему России не имелось надежного способа к формированию необходимости общественного мнения. «Если его не выражает сама Государственная дума, тем более не выражает его и пресса, — писал А. Незнамов. — Да это и понятно: если на Западе пресса еще, может быть, иногда бывает в состоянии «делать» его (ибо везде и всегда большая часть населения предпочитает, чтобы за него думали другие), у нас, при современном состоянии грамотности и при современной бедности⁷, добрая половина (а я думаю и больше) не читает газет и не знает даже, что в данное время творится на Божьем свете, не говоря уже об оценке происходящего. А пресса? Бог ей судья. Если до сих пор многие из так называемых «политических» партий еще не собрались выработать ясной и определенной программы, чего же ждать от печати?!..

Из всего изложенного — вывод один: у нас «общественное мнение» пока надо воспитывать другими способами.

Второй вывод — воспитывать его должен тот, кому нужно на него опираться, т. е. само правительство»⁸.

Далее А. Незнамов пишет, что, не считая себя компетентным в обсуждении приемов воспитания общественного мнения, «я ограничиваюсь лишь одним общим замечанием, что, на мой взгляд, у нас нельзя его направлять по желанию в ту или другую сторону в данный момент, как это, быть может, и возможно на Западе с помощью дешевой популярной газеты»⁹.

Автор считал, что при низком состоянии грамотности населения, его бедности, забитости и при наших размерах

территории надо нечто другое во влиянии на общественное мнение. «Нам нужно что-то более или менее постоянное, определенно известное, длительное, — писал он. — Я бы позволил себе сравнение: если на Западе им могут пользоваться, как разрядом лейденской банки, нам нужно заготовить себе гальваническую батарею»¹⁰.

Такой «гальванической батареей» для России А. Незнамов считал популяризацию идей, которые положены в основу политической программы государства и которыми руководствуется правительство. Формой в этом деле должна быть краткость и обобщение; органы — духовенство и школа. Содержание работы последних — культура национализма; материал — прошлое русского народа, подвиги предков, победы русской армии.

Принимая во внимание, что «слушатели» в этом случае — малокультурная масса и дети, — краткость и яркость должны быть на первом месте, подчеркивал А. Незнамов. «Здесь, конечно, неизбежны «сгущенные краски», — рассуждал он, — но это и естественно. Кто позднее пожелает ознакомиться с вопросом лично, тот найдет нужные поправки сам; а кто довольствуется тем, что ему дают, будет получать лишь то, что нужно и полезно дающему»¹¹.

Принимая во внимание, рассуждает А. Незнамов, что с усложнением международных отношений часто конфликты между государствами возникают и в будущем будут возникать еще чаще около вопросов, непонятных для массы, рассчитывать на «стихийный» подъем духа невозможно. «Если каждому болгарину, сербу, черногорцу и отчасти греку понятна война с Турцией, если они действительно способны проявлять здесь величайшее самопожертвование, что может сказать сердцу рядового француза, англичанина или немца вопрос об Албании, Дурацуо и Скутари? Разумеется раз будет объявлена война, воевать он пойдет, но драться будет больше как спортсмен, а не как патриот»¹².

Поэтому А. Незнамов считает нужным в казарме культивировать особую солдатскую гордость, которая, по его мнению может сделать многое. Слова А. В. Суворова «Помилуй Бог, мы — русские», на его взгляд, будили именно гордость, а не что-либо другое. «Спортивное чувство, гордость, самолюбие — все что хотите, но уж, конечно, не судьба, не

защита России двигали душою суворовского богатыря в долинах Ломбардии или в ущелье Альп, ибо он отлично понимал, что при самой ужасной катастрофе с армией в Италии России опасность угрожать не могла»¹³.

Вторым, чрезвычайно могущественным двигателем на войне, как и в обычной жизни, А. Незнамов называл уверенность в своем искусстве и искусстве своих начальников. Он указывал, что именно этому обязана в большей мере своими победами прусская армия Фридриха Великого, французская Наполеона, русская Петра Великого, Румянцева и Суворова, германская 1870—1871 годов или японская 1904—1905 годов, и призывал учитывать это при формировании духа войск.

Более подробно о приемах и способах нравственного и психологического воздействия на солдат, внедрения дисциплины, воспитания любви, привязанности и преданности солдата к начальнику писали С. Гершельман, Б. Геруа, М. Драгомиров, Н. Головин¹⁴.

По поводу влияния на «государственные окраины», то если они ценны и нужны, рассуждает А. Незнамов, то ко времени будущей военной борьбы «их надо органически связать с государством; надо, чтобы они срослись с ним»¹⁵. В истории пока известен один верный путь, пишет он, заселить их «своими», ибо человек (да и всякое живое существо) будет драться до «последней капли крови» только за «свое», родное. Предусмотрительные и нуждающиеся в расширении своих границ государства этот же способ применяют и в отношении тех частей территории соседей, которыми они хотят завладеть или в пределах которых придется бороться за них. Путем всяких ухищрений, обходов закона («двойное подданство» немцев), самой широкой денежной помощи переселенцам и, наконец, покупкою земли подставными лицами они имеют здесь постоянных агентов как для сбора сведений, так и для пропаганды¹⁶.

«У западных наших соседей система эта практикуется в виде правила: капитал всегда сопровождается своими колонистами,— замечает А. Незнамов.— По их примеру то же с успехом применяли и японцы в Маньчжурии перед войной с нами.

Эта система, кроме названных выше выгод ее, имеет еще одну: где живут «подданные» данного государства, там

последнее всегда «имеет свои жизненные интересы», а следовательно, при всяком благоприятном случае имеет возможность «пользоваться обстоятельствами», вмешиваться и получать «компенсации»¹⁷.

Таким образом, военные теоретики России рассматривали в начале XX века современную войну не только как комбинацию маршей и сражений, но и как большую подготовительную работу в смысле воспитания духа, воздействия на общественное мнение и борьбы против пропаганды (или информационного воздействия) противника.

В связи с этим цензурным отделением штаба главнокомандующего действующей армией была проанализирована практика применения цензуры на театре русско-японской войны 1904—1905 годов и выработаны предложения о желательной постановке ее в возможном будущем вооруженном конфликте. Первым было предложение, что «военная цензура должна начать полную свою деятельность одновременно с разрывом дипломатических отношений и объявлением войны, а если возможно, то и в предвидении ее»¹⁸.

Далее отмечалось, что проводимые японцами систематически в течение всей войны меры цензуры указывают на возможность их применения в таком виде, а достигнутые при этом результаты — на целесообразность их. Отсюда делался вывод: дело цензуры должно быть поставлено в будущей войне «на таких же твердых основаниях, дабы создать в этом направлении противнику действительное препятствие»¹⁹.

Предлагалось сделать круг военной цензуры возможно шире, он должен распространяться на все виды корреспонденции. Но прежде всего предполагалось установить военную цензуру прессы как имеющей наиболее широкое распространение и являющейся общим достоянием. Подлежать цензуре должны не только статьи и известия с театра войны, но и все статьи и сведения военного характера, собранные и составленные на месте. Для этого должны быть созданы учреждения цензуры и на театре войны, и вне его, внутри страны.

Идеалом устройства цензуры на театре войны должно быть одно цензурное учреждение, подчиненное высшей власти и входящее в состав старшего штаба. Но такая централизация не всегда возможна. На обширном театре военных

действий и при других условиях целесообразно иметь несколько цензурных учреждений. Но во всех случаях число их должно быть возможно ограничено. В случае нескольких цензурных учреждений деятельность их должна регулироваться и управляться через начальствующих лиц старшим учреждением, находящимся при штабе главного командования.

На цензурные учреждения театра войны должна возлагаться проверка важнейших видов корреспонденции. Под ними подразумевалась вся корреспонденция, предназначенная для печати, как русская, так и заграничная, как телеграфная, так и почтовая. Кроме того, цензурные отделения должны давать разрешение на публикацию издания, с соответствующими им объяснительными надписями. Составители записки подчеркивали, что контроль за появляющимися в печати иллюстрациями имеет не менее важное значение, чем цензура корреспонденций, так как появившиеся в течение русско-японской войны фотографии, сопровождаемые объяснениями, давали определенные указания на места расположения иногда целых корпусов. Так, была опубликована фотография группы офицеров штаба 10-го корпуса на фоне здания, по которому можно было определить, что оно находится в Ламатензе. Разрешение на отправление телеграмм и на публикацию статей и фотографий должно было свидетельствоваться штемпелем и подписью цензора.

Дело цензурного учреждения на театре войны (центрального или старшего) требует неослабного к себе внимания и не может вестись одновременно и попутно с выполнением других обязанностей. В последнем случае оно непременно получило бы характер второстепенного и побочного занятия, которое явилось бы обузой при выполнении другого, более важного дела. Поэтому соединение его с работой в разведотделении штаба было бы во вред обоим, особенно делу цензуры и положению военных корреспондентов.

Поэтому предполагалось выделить из отделения разведки цензуру и работу с военными корреспондентами в самостоятельное отделение, которое следовало ввести в состав управления генерал-квартирмейстера. Определялся штат цензурного отделения: старший адъютант — штаб-офицер (может быть офицер Генерального штаба), три помощника

старшего адъютанта — обер-офицеры (не Генерального штаба) и три писаря. Офицеры должны хорошо владеть тремя иностранными языками (французским, немецким, английским)²⁰.

Цензурное отделение должно было быть поставлено в качестве руководящего по отношению к прочим цензурным учреждениям на театре войны (в районе, подведомственном власти начальника, при штабе которого это отделение состоит) по вопросам, касающимся цензуры прессы и ее представителей на войне. Круг деятельности последних будет значительно меньше и работа их гораздо проще, ввиду чего выделять их в отдельное делопроизводство и создавать особые отделения рекомендовалось только в крайнем случае в виде исключения.

Также для наблюдения за печатью, предварительной цензуры всех статей и известий военного содержания, которые могут в ней появляться, не исходя из театра военных действий, указывалось на необходимость учреждения военной цензуры во всех пунктах Российской империи, где издаются периодические издания. Учреждения эти в виде цензурных комиссий предлагалось образовать при старшем местном войсковом штабе или управлении. Состав комиссии следовало определять заблаговременно еще в мирное время; действия свои комиссия начинала без всякого распоряжения по объявлению войны.

Общее наблюдение за деятельностью местных комиссий должно быть возложено на главную военно-цензурную комиссию при управлении Генерального штаба.

На местные военно-цензурные комиссии предлагалось возложить: цензуру всех статей и известий военного содержания, за исключением телеграмм и сообщений с театра военных действий (последние не подлежали вторичной цензуре, но в случае присылки непроцензуированных корреспонденций они подлежали возвращению в цензурное отделение театра военных действий); разрешение на публикацию фотографий и подписей к ним; цензуру телеграмм и писем, адресуемых в воюющую с Россией страну и союзные с противником державы.

Главная военно-цензурная комиссия должна была: исполнять обязанности местной военной цензуры в Петербурге; следить за деятельностью местных военно-цензурных комиссий, регулировать и объединять ее. Для этого она получает

все газеты и журналы России, которые подвергает периодическому просмотру; ведет наблюдение за иностранной прессой с целью выявления тех корреспондентов, которые, избегая цензуры, «пишут в нежелательном для нас направлении»²¹. Естественно, состав главной военно-цензурной комиссии должен быть достаточно велик для исполнения этих обязанностей. В него обязательно должны были входить те из чинов Генерального штаба, которые заняты просмотром периодических изданий еще в мирное время и обладают в этом отношении опытом.

Важное значение придавалось контролю за иностранной прессой. Это должно было составлять обязанность всех военных агентов, состоящих за рубежом при российских посольствах. Будучи осведомленными о пребывающих на войне военных корреспондентов той страны, в которой они состоят агентами, они обязаны следить за корреспонденциями, появляющимися в печати, и «в случае вредного их направления» выяснять авторов, а затем через цензурное отделение на театре войны выяснять, подвергались ли они цензуре или были отправлены минуя ее.

Таким же образом военные агенты наблюдают за появлением в печати фотоснимков. Отмечалось, что в минувшую войну фотографии «нежелательного характера», в том числе и известного русского фотокорреспондента Булла не раз совершенно неожиданно для цензурного отделения штаба главнокомандующего появлялись в газетах и журналах США и других стран.

Далее рассматривался вопрос объединения деятельности многих военно-цензурных учреждений как на театре войны, так и вне его, для того чтобы поставить, по возможности, в одинаковые условия военных корреспондентов в разных пунктах их деятельности и органы печати в разных местах их издания. Авторы пришли к выводу, что для этого желательно иметь соответствующие указания по производству цензуры.

Указания эти должны быть, по возможности, определены, чтобы точно регулировать действия цензурных учреждений и не оставлять, насколько это возможно, сомнения в том, что не подлежит пропуску в печать и в корреспонденциях; с другой стороны, они должны ограничиваться только самыми

необходимыми стеснениями свободы печати. «В согласовании этих двух условий, отмечалось в выводах, заключаются наибольшие затруднения, так как первое из них вызывает поползновение наложить запрещение возможно шире, что может довести до слишком большого ограничения свободы корреспонденции и поставить представителей печати, особенно находящихся на театре войны, в крайне стеснительные условия их деятельности. Такое стеснение нежелательно, ибо оно вызывает сильное ожесточение со стороны корреспондентов, затрудняет цензурные учреждения, вынуждая их сокращать подаваемые на просмотр телеграммы и статьи, и портить отношения между теми и другими во вред совместному делу»²².

Поэтому было предложено выделить сведения, составляющие военную тайну, знание которых может принести противнику непосредственную пользу и которые по этой причине не должны пропускаться ни в печати, ни в корреспонденциях. Авторы утверждали, что эти сведения поддаются точному определению и потому в цензуре их ни разного решения, ни затруднения случиться не может, и предлагали проект перечня сведений, не подлежащих пропуску в печать во время войны следующего содержания:

«ПЕРЕЧЕНЬ

сведений, не подлежащих пропуску в печать
во время войны (проект).

1) Об организации отрядов, дислокации и численности войск, о делаемых приготовлениях, о намерениях и планах начальников.

2) О расположении и передвижении на театре войны войсковых частей, начальствующих лиц, штабов, тыловых учреждений и запасов.

3) О названиях корпусов, отрядов и войсковых частей, а также о фамилиях начальствующих лиц, насколько все эти сведения могут дать указания об организации и местонахождении армий и их частей.

4) О вооружении наших войск и крепостей, о подготовке позиций, о продовольствии и санитарном состоянии войск (о последних двух, если противник может извлечь из них для себя полезные сведения).

5) О продовольственных средствах районов армий, тыла и местностей на военном положении.

6) Об отношении, проявляемом к войскам местным населением.

7) Об изменениях в форме обмундирования и снаряжения.

8) О результатах действий неприятельских снарядов; о местах, куда они попадают.

9) О подготовке, отправке, следовании и прибытии войск, укомплектований и морских команд на театре военных действий.

10) О провозоспособности и техническом состоянии железных дорог и водных линий, служащих для подвоза войск и грузов на театре военных действий, о состоянии шоссейных и грунтовых дорог, существующих и вновь прокладываемых в районе, охватывающем военные действия.

11) О неприятельской армии, основанные на наших разведках: войсковых и негласных, а также сообщенные населением, если такие сведения могут повредить дальнейшим нашим разведкам.

12) О поимке шпионов, суде на ними и исполнении приговоров.

13) О местонахождении, движении, вооружении и снабжении наших военных судов и транспортов, о мерах, принимаемых для усиления флота, о составе эскадр и морских отрядов.

14) О потерях в личном составе в армии, если для неприятеля они могут служить важным показателем, и о потере или повреждении судов во флоте.

15) О фамилиях убитых и раненых до официального о них извещения.

Также не подлежат пропуску описания в сгущенных красках неблагоприятных для нас военных событий и критика действий и распоряжений начальствующих лиц, как могущие вредно отзываться на армии и на народе, с которым армия не теряет связи»²³.

Все остальные ограничения, считали авторы, должны иметь второстепенное значение и условный характер, поскольку нарушение их могло повредить армии в основном косвенно, так как будут действовать на войска и на народ деморализующе. В числе их не должна быть допускаема критика действий и распоряжений начальствующих лиц, как

«поименная, так и огульная», ибо она подрывает доверие к начальникам и деморализует войска и народ. Как образец такой резкой оценки авторы приводили выдержку из статьи в газете «Русь»:

«Генерал Церницкий — один из ярких представителей туркестанского офицерства, учившегося у Скобелева и воспринявшего от него один внешний блеск. Торжественные парады, слезы при целовании знамени, рукопожатия георгиевским кавалерам, речи, пересыпанные крепкими словечками, мужицкая ухватка в манерах, личная храбрость — все это увлекало за ним солдат и офицеров. В нем хотели видеть Скобелева. Но, к сожалению, за этими декорациями солдата укрывались желание выделиться, фанатичность донесений, стремление выставить себя героем, манерничанье... В бою под Мукденом он, легко раненный в ногу, покидает свой пост и на 4 часа оставляет корпус без руководства только для того, чтобы засвидетельствовать свою рану... Там же, атакованный незначительными силами, он преувеличивает серьезность своего положения для того, чтобы казаться героем, и через это часть резервов оттягивается без нужды к нему. Словом, это человек, в котором храбрость солдата так тесно перепуталась с «себе на уме» и изменчивостью, что он терял скоро то доверие к себе своего корпуса, которое он приобрел...»²⁴

Такая характеристика старших начальников, если даже она обличительного характера, считали авторы, может дать противнику указание на тот способ действий, который можно ожидать от этих лиц, и на приемы собственных действий против них.

В то же время отмечалось, что излишняя строгость цензуры по всякому критическому отзыву могла вызвать обратные последствия и вызвать недоверие к известиям, поступающим с театра войны.

Нежелательно также пропускать ложные известия и непроверенные слухи. Но из этой категории рекомендовалось задерживать только более серьезные и сенсационные, т. е. такие сведения, которые, «прибывая с театра войны, могут вызвать возбуждение в обществе, оказать влияние на падение ценностей и проч.». Распространять же запрещение на все известия и слухи — значило бы слишком стеснить и корреспондентов, а главное, цензуру. Последняя часто не

имеет возможности проверить сообщаемый корреспондентом факт, что приведет к задержанию известия до его подтверждения или к его запрещению. Как образец нежелательных ограничений подобного характера из минувшей войны приводились следующие примеры:

1) Запрещение пропускать известия о зверствах японцев над нашими пленными до официального их подтверждения.

2) О поднесении главнокомандующему адреса (от русских женщин и девушек) разрешено сообщать, если таковой был действительно поднесен.

Вместо подобных стеснений предлагалось сделать военных корреспондентов ответственными за сообщаемые факты. «Их следует обязать опровергать пущенные ими известия, если они окажутся ложными. Мало того, желательно, чтобы они несли ответственность не только за появившееся в печати сообщение, но и за все подаваемое на цензуру. Опыт войны показывает, что корреспонденты делали попытки отправлять хлесткие и заведомо недопустимые в печати сообщения»²⁵.

Отмечалось, что если за подачу на цензуру подобных корреспонденций привлекать корреспондентов к объяснению и, в случае неоднократного сообщения ложных, а тем более еще и тенденциозных известий, подвергать их взысканиям, до удаления с театра войны включительно, — то число таких фактов значительно сократится. Хотя подобные меры могут показаться слишком суровыми, но необходимо помнить, что дело происходит на войне, где все несет более строгую ответственность; так как не пропущенные цензурой известия, особенно если они имеют обличительный характер, доводятся по команде до сведения начальства, то они получают значение доноса, за который податель его должен нести ответственность, в случае, если он окажется ложным или даже только резко тенденциозным.

Подчеркивалось, что подобная постановка условий работы журналистов на театре войны может стеснить только «вредных корреспондентов, присутствие которых при войсках и нежелательно; для людей же серьезных и добросовестных приведенные условия иметь значения не могут. За то оно позволит установить более свободную цензуру, которая вознаградит корреспондентов вполне за строгость ответственности перед военными властями»²⁶.

В связи с подобным решением не следует устанавливать вторичной цензуры в С.-Петербурге и вообще в России для телеграмм, приходящих с театра войны. Опыт показал, что военно-цензурные комиссии на театре войны относятся более осторожно к сведениям секретного характера, чем цензура в России, которая пропускала статьи и официальные известия, заключавшие сведения чрезвычайной важности. Вторичная цензура в Главном штабе установлена была для контроля пропускаемых первой цензурой личных мнений корреспондентов, впечатлений и слухов, не могущих причинить в данное время вреда армии, словом, сведений, не имеющих в военном отношении первостепенного значения.

Не принося, следовательно, существенной пользы, вторичная цензура в то же время составляет явление совершенно ненормальное, заставляя телеграммы проходить через двойной контроль ради изъятия из них сведений второстепенной важности.

Подчеркивая, таким образом, в деле цензуры самое строгое отношение к сведениям, составляющим военную тайну, необходимо распространить цензуру не только на неофициальные сообщения, но и на все известия и издания официального характера, так как они по своей достоверности имеют наибольшее значение.

В минувшую войну официальные известия печатались в газетах без всякого контроля цензуры. Поэтому в печать попадали приказы по военному ведомству, циркуляры Главного штаба, высочайшие приказы и манифесты, которые заключали в себе самые секретные указания на новые формирования, мобилизации, отправление частей на войну и которые раскрывали карты противнику.

Хотя такие крупные явления в жизни, как мобилизация, формирования, отправления целых частей на Дальний Восток трудно было скрыть, но система мер по сохранению тайны, принятая противником, доказывает, что соответственными мерами можно затруднить огласку этих известий. Подобных сведений о японцах за все время войны из японской и иностранной прессы извлечь было невозможно.

Поэтому необходимо установить, что выход приказов по военному ведомству, циркуляров Главного штаба и прочих официальных известий несекретными не дает права помещать

их в периодических изданиях без разрешения цензуры. К той же категории надо отнести известия императорского двора о высочайших объездах и осмотрах частей войск, отправляемых на войну, и телеграммы с пути следования частей войск, если по фамилиям лиц можно установить едущую часть.

Наконец, как частность, желательно, чтобы все известия с театра войны обозначались одним общим пунктом их отправления (например, «Маньчжурия» или «Театр войны и т. п.»), так как постоянное повторение некоторых названий (Годзядянь, Херсу, Сытеза, Маймайкай, Людяпудзы) должно навести на догадку, что здесь сосредоточены крупные штабы.

Важное внимание уделено разработке правил для военных корреспондентов, состоящих на театре войны. Здесь отмечалось, что в соответствии со значением печати в военное время допуск военных корреспондентов на театр военных действий должен производиться с большим вниманием и осторожностью.

В 1905 году вопрос работы журналистов на театре войны активно обсуждался в зарубежной прессе. В частности, в статье «Гласность путем печати», опубликованной в «Peking Tientsin Times» 7 июня 1905 года говорилось:

«Если для журналистики высшего разряда в мирное время необходима разумная разборчивость в том, что составляет допустимые сведения и что — нескромность, то она вдвойне необходима во время войны, когда честь народа и судьбы тысяч людей положены на весы. Как разумно замечает «Times», тут должны быть применяемы опытность и разборчивость, а главное здравое суждение. В выборе отправляемого на театр войны корреспондента нужна такая же осторожность и осмотрительность, как в выборе посланника, так как, несомненно, у обоих во власти сделать для своей страны несказанно много зла или самым существенным образом способствовать ее интересам.

Кроме того, несомненно придется прибегать к видоизменной форме цензуры, но лучше всего будет личное и строгое ознакомление с лицами, которым доверятся важная работа описания событий, так или иначе отражающихся на судьбах народа. Если при войсках будут только испытанные и заслуживающие доверие люди, то по отношению к печати

будет меньше опасений, чем раньше. Нам нужны при армии люди, могущие, ради сохранения репутации правдивости, противостоять искушению отличиться бойкостью пера, и долгом каждого правительства является наблюдение всеми доступными ему средствами, чтобы эти люди, которым дано сообщать об успехах сторон на войне, были людьми, действующими в силу высоких нравственных принципов и принадлежащими к таким по своему положению в жизни, у которых эти принципы наиболее сильно культивируются».

Так как среди иностранных корреспондентов могут быть люди, враждебно настроенные к нашему государству, то предлагалось в силу всего этого допуск зарубежных журналистов обставлять известной гарантией их благонадежности и доброжелательности. Одним из средств для достижения ее может быть привлечение к участию в этом наших представителей от министерств военного и иностранных дел за границей, особенно первых, т. е. наших военных агентов. Иностранные корреспонденты должны допускаться на театр войны не иначе, как по рекомендации представителей указанных двух министерств, аккредитованных в той стране, где издается газета, от которой рекомендуемое лицо является корреспондентом.

Неся ответственность в случае, если рекомендованное ими лицо окажется не на высоте их аттестации, они будут, во-первых, очень осторожны в последней, а во-вторых, будут следить за их корреспонденциями как во время пребывания на театре войны, так и по возвращении обратно.

Все предложения о работе с журналистами, их допуске на театр войны и по другим вопросам их взаимоотношений с военными нашли отражение в проекте «Правил для военных корреспондентов, состоящих на театре войны», где предлагалось:

1. Лица, желающие состоять военными корреспондентами, должны иметь письменные или телеграфные удостоверения от редакции каждого органа печати или директора каждого агентства, сотрудниками которого эти лица состоят, о желании иметь данное лицо своим корреспондентом. Подпись на удостоверении должна быть официально засвидетельствована.

2. Лица иностранного подданства, желающие состоять военными корреспондентами, допускаются на театр войны не иначе как по предъявлении, сверх того рекомендации нашего военного агента или представителя российского Министерства Иностранных Дел, аккредитованного в той стране, где выходит в свет издание или где находится дирекция или отделение агентства, сотрудником которых данное лицо состоит.

3. Заведывание делами корреспондентов и контроль их специальной деятельности возлагается на цензурное отделение штаба главнокомандующего*) и военно-цензурные комиссии, к которым корреспонденты обращаются по своим делам.

4. По прибытии на театр войны корреспондент обязан немедленно явиться в цензурное отделение штаба главнокомандующего*) и представить нижеперечисленные документы:

а) Документ, удостоверяющий личность (паспорт или другой).

б) Свою фотографическую карточку, официально засвидетельствованную.

в) Свидетельство о благонадежности от полиции.

г) Удостоверение от редакции или директора агентства (см. № 1).

Примечание. Для лиц иностранного подданства свидетельство о благонадежности заменяется письменной рекомендацией военного агента или представителя Министерства иностранных дел (см. № 2).

По просмотре этих документов корреспондент утверждается в звании военного корреспондента на театре войны.

5. При желании кого-либо из входящих в состав действующей армии военнослужащих, гражданских чинов, лиц, занимающих штатные и не штатные должности или служащих в войсках, быть утвержденными в качестве военного корреспондента необходимо заявление о том редакции органа печати или директора агентства в цензурное отделение штаба главнокомандующего*), после чего право быть корреспондентом дается главнокомандующим**), если не встречается препятствий со стороны непосредственного начальства такого лица. При этом фотографической карточки и документов, удостоверяющих личность, не требуется.

6. По утверждении в штабе главнокомандующего*) военным корреспондентам выдается удостоверение на право проживания в определенном пункте или на пребывание в районе избранной корреспондентом армии (округа, тыла).

7. При совместном действии нескольких армий на одном театре войны, передвижение из района одной армии (округа, тыла) в другой район без соответствующего удостоверения от цензурного отделения штаба главнокомандующего не разрешается. Удостоверения военные корреспонденты получают лично, или по письменному, или телеграфному заявлению.

8. По прибытии в район армии (округа, тыла) обязательно надлежит явиться прежде всего в штаб армии (округа, тыла). Со времени прибытия в район армии (округа, тыла) военные корреспонденты подчиняются и тем правилам, которые установлены в данной армии (округе, районе тыла) в отношении пребывания их при ней.

9. Для пребывания военного корреспондента при подразделениях армий или отдельной войсковой части необходимо разрешение соответствующего начальства. Если же, по военным соображениям, начальник сочтет присутствие его нежелательным, то корреспондент обязан немедленно удалиться.

10. Изложенное в № 6, 8 и 9 относится и к военным корреспондентам, избравшим местом своего пребывания крепость или порт, но для получения разрешения на пребывание в них — учреждения, указанные в № 3, предварительно испрашивают согласие на это коменданта крепости или начальника порта, по получении которого из штаба главнокомандующего**) может быть выдано разрешение.

11. Военные корреспонденты обязаны уведомлять (по возможности телеграфом) Цензурное отделение штаба главнокомандующего**), при каком штабе или части армий они находятся и о каждой перемене в этом отношении, чтобы цензурное отделение могло всегда снестись с корреспондентом.

12. Военные корреспонденты имеют право покидать часть, отряд или армию (округ, район тыла), крепость, порт, при которых они находятся, заявив предварительно лично штабу об отъезде и следуя путем, который будет им указан.

13. Военный корреспондент обязан всегда иметь при себе и представлять по требованию военного начальства выданные

ему удостоверения и свою засвидетельствованную фотографическую карточку.

14. В сообщениях, предназначенных для печати, корреспонденты не должны допускать сведений, оглашение которых может быть полезно противнику и вредно нашей армии; к таковым прежде всего надо отнести сведения, составляющие военную тайну, а затем тенденциозное искажение фактов в описании событий и критику действий и распоряжений начальствующих лиц. Помимо того, недопустимо сообщение непроверенных еще сведений, преждевременное опубликование которых может излишне взволновать общество.

15. Для военных корреспондентов безусловно обязательно соблюдение также тех требований военной цензуры и других распоряжений, необходимость которых обусловлена временными обстоятельствами или военной обстановкой.

16. Все телеграммы и письма (для печати и частные) военных корреспондентов за границу и телеграммы о военных действиях и корреспонденции для печати в Россию представляются ими на цензуру в цензурные учреждения (см. № 3) на театре войны (письма в незаделанных обложках).

Фотографические снимки (в виде проявленных негативов или готовых уже позитивов) с теми надписями на них, какие предназначены для печати, приравниваются корреспонденциям для печати.

17. Телеграммы и корреспонденции, посылаемые по почте, предназначенные для печати, доставляются на цензуру четко написанными в двух экземплярах (из которых один остается в цензурном учреждении и в том случае, если телеграмма не могла быть пропущена).

Кроме того, если телеграммы подаются не в пункт нахождения цензурного учреждения, то могут быть принимаемы на телеграфных станциях и нецензурованными, но с отметкой «на цензуру».

18. Военные корреспонденты обязаны озаботиться срочным доставлением цензурному отделению штаба главнокомандующего и штаба отдельной армии, если они состоят при таковой, по два полных экземпляра тех газет и журналов, в которых они сотрудничают в качестве корреспондентов.

19. Военные корреспонденты, находясь на театре войны, обязаны постоянно носить на левом рукаве выше локтя установленную повязку, выдаваемую цензурным отделением штаба главнокомандующего*). Ношение иных повязок в качестве отличительного знака для корреспондентов воспрещается. Настоящий № не касается лиц, указанных в № 5.

20. Военные корреспонденты ответственны за свою прислугу, личность которой должна быть законно удостоверена.

21. При отъезде с театра войны военный корреспондент обязан явиться в цензурное отделение штаба главнокомандующего*) и следовать путем, который будет ему указан, через Россию.

22. Нарушение настоящих правил, несоблюдение требований военного начальства, отсутствие такта, неоднократно замечаемое в телеграммах и корреспонденциях тенденциозное искажение фактов или посылка сведений, излишне волнующих общество, влекут за собой, поскольку эти деяния не предусмотрены уголовными законами, объявление предостережения, запрещение корреспондировать на известный срок, а в более серьезных случаях и удаление с театра войны.

Удаление с театра войны не может быть применено к военным корреспондентам из лиц, состоящих на службе в действующей армии (см. № 5), но лица эти за те же действия, а также за опубликование сведений, вверенных им по службе, могут подлежать, сверх объявления предостережения или запрещения корреспондировать, еще и взысканию в дисциплинарном порядке, а также военно-судебной ответственности в общем порядке их службы.

23. Если военный корреспондент подлежит удалению с театра войны, то обязан немедленно выполнить это по требованию штаба главнокомандующего*), причем удаление производится на счет самого корреспондента без расходов для казны. При неимении у удаляемого денежных средств военные власти не отвечают за дорожные неудобства, которые может испытать удаляемый.

24. Изложенное в № 20, 21 и 22 относится и к прибывшим на театре войны с целью быть военными корреспондентами, но не утвержденным в качестве таковых. Лица эти обязаны подчиняться также тем требованиям и распоряжениям,

которые могут быть им объявляемы через цензурное отделение штаба главнокомандующего*).

25. Корреспонденты-фотографы подлежат действию настоящих же правил, что же касается их специальной деятельности, то они могут делать снимки только с разрешения начальника того района, где в данное время находятся»²⁷.

Следует заметить, что эти правила были разработаны в то время, когда начиналось течение против военных корреспондентов, стремящееся вообще совершенно преградить им доступ на театр военных действий. Через них считали возможным появление в печати таких сведений, которые приносят пользу противнику. Их обвиняли также в нежелательном воздействии на настроение общества и армии. Последний упрек был связан еще с тем, что если в русско-турецкую войну 1877—1878 годов русские корреспонденты относились к делу освещения войны с патриотических позиций и с большой осторожностью, то нельзя этого сказать об очень многих военных корреспондентах во время русско-японской войны 1904—1905 годов. Особые условия этой войны, по мнению военных, требовали от редакторов периодических изданий особенно осммотрительного выбора своих представителей на театр войны как в смысле подготовленности их к специальной деятельности военного корреспондента, так и в смысле такта их поведения и сознания своего гражданского долга, подчеркивали они²⁸. К сожалению, этот выбор не всегда был удачен. То же самое повторилось во время Первой балканской войны 1912—1913 годов. Дошло до того, что корреспондент одной большой политической газеты откровенно признался в одной из своих корреспонденций: «Кстати, я странствую уже 3-ю неделю в качестве военного корреспондента. А военного еще ни одного слова не вышло из-под моего пера. Что я могу поделать?... Да я вовсе не военный. Я просто русский тип, поехавший за болгарскими войсками вслед. У меня и мысли все штатские... Ну, все равно... Военные ведь меня читать не будут»²⁹. Естественно, такой военный корреспондент не мог принести значительной пользы в освещении военных действий, являлся обузой для армии, а езда «следом за армией» чаще всего вела к собиранию тыловых слухов и сплетен, и в резуль-

тате этого появлялись совершенно бессодержательные корреспонденции, примером которых служили книги Н. Э. Гейнце «В действующей армии» (СПб., 1904), А. Пилленко «Около болгарской войны» (СПб., 1913) и Н. Шевалье «Правда о войне на Балканах» (СПб., 1913).

Однако если позиция отечественных корреспондентов объяснялась их гражданской позицией, политическими взглядами, то в отношении иностранных военных корреспондентов, совершенно не связанных с интересами той армии, при которой они состоят, предлагалось быть особенно осторожным, и, быть может, от допуска их в действующую действительно лучше отказаться. И разные страны по-своему относились к военным корреспондентам во время проходивших в тот период войн.

Во время итало-турецкой войны 1911—1912 годов корреспонденты были допущены на театр военных действий обеими воюющими сторонами. Первая и Вторая балканские войны 1912—1913 годов также привлекли на театр военных действий много корреспондентов из разных стран. Однако условия деятельности журналистов на этой войне были еще тяжелее, чем в русско-японскую 1904—1905 годов. Они с трудом получали доступ в армию, их подолгу под различными предлогами задерживали в тылу, всячески стесняли возможность получать сведения и даже подвергали своеобразному личному задержанию. Так, корреспондентам, состоявшим при болгарской армии и пожелавшим в силу таких условий покинуть ее, было объявлено, что они будут отпущены лишь тогда, когда это будет признано возможным. А в турецкой армии к корреспондентам приставлялись часовые, с них бралась подписка не покидать армию до конца войны, им разрешалось писать письма родным лишь раз в неделю и только на французском языке. Турецкие цензоры, исключая одни места из телеграмм и корреспонденций, сами приписывали к ним то, что находили нужным. Воспользовавшись перемирием, почти все корреспонденты покинули театр военных действий. Обе стороны объявили, что не будут допускать корреспондентов в свои армии. Только после падения Адрианополя 13 марта 1913 года штаб болгарской армии разрешил корреспондентам прибыть во взятую крепость.

Повышение роли информационных агентств в формировании общественного мнения

Большую роль в воздействии на содержание информации на рубеже XIX—XX веков начинают играть агентства печати — организации, занимающиеся сбором, обработкой и снабжением информацией газет, журналов, издательств, правительственных учреждений, финансово-торговых организаций и т. п. Во Франции информационное агентство «Гавас» возникло еще в 1835 году, английское «Рейтер» — в 1851 году. В конце XIX — начале XX века германские газеты получали от информационных агентств и бюро 90 процентов своего информационного материала и почти все без исключения внешнеполитические сообщения³⁰. Поэтому правительства западных стран всячески стремились поставить себе на службу эти агентства и бюро, превратить их, или хотя бы главные из них, в официозные, то есть сделать их фактически зависимыми. Особенно легко правительство добивалось взаимопонимания с ними в вопросах национальных интересов страны, когда обострялись межгосударственные отношения или во время вооруженных конфликтов. Например, накануне Первой мировой войны германские агентства и бюро изо дня в день вколачивали свою информацию в головы читателей. В результате постоянного периодического повторения в их умах возникал желательный ход мыслей, и миллионы людей убежденно начинали считать эти мысли своими собственными.

Решающим средством убеждения служили не доказательства, а хлесткая фраза и стереотипное повторение. Иностранную прессу весьма охотно цитировали в фальсифицированном виде. Излюбленным методом было, например, приведение выдержек из шовинистических газет Франции. У немецкого читателя создавалось впечатление, что эти шовинистические высказывания типичны для мышления французского народа.

Применявшийся такими газетчиками рецепт воздействия на общественное мнение целого народа сформулировал исследователь германской прессы этого периода Пауль Эльтцбахер: нужно, писал он, «внушить читателю убеждение в том, что мысли, которые хотят вложить в его голову, еще раньше родились у него самого... При этом надо иметь в виду

легковерие масс... Нет на свете ничего столь невероятного, чему нельзя было бы заставить поверить массы... Подвести массы к ложному выводу очень легко. Одно из средств для этого — публикация информации из сомнительного источника»³¹.

Через многие публикации красной нитью проходит мысль, что любое правительство должно стремиться не только заинтересовать народ своими внешнеполитическими целями, но и воодушевить его на самопожертвование во имя достижения этих целей. Соответственно придавалось все большее значение прессе и по мере усиления подготовки к войне происходило дальнейшее расширение внешнеполитических разделов многих германских газет. По утверждению того же Пауля Эльтцбахера перед лицом войны пресса Германии имела «не менее важное значение, чем ее армия и флот, ее сельское хозяйство и промышленность, ее транспорт и ее финансы»³².

Самым значительным информационным учреждением в Германии до Первой мировой войны было «Вольфше телеграфенбюро» (ВТБ). Это телеграфное агентство было основано в Берлине 27 ноября 1849 года доктором Бернгардом Вольфом — издателем незадолго до того созданной газеты «Националь-цайтунг». Первоначально Вольф собирался организовать лишь информационную службу для своей газеты. Но затем дело переросло рамки этого плана. Уже вскоре Вольф стал заключать договоры с другими информационными бюро. В 1865 году требовавшее больших капиталов предприятие Вольфа пришлось преобразовать в Товарищество на вере. Девять лет спустя, в 1874 году, то есть к началу так называемого периода грюндерства, с помощью правительства произошло превращение его в акционерное общество, которое отныне стало именоваться «Континенталь-телеграфенкомпани». Первым значение инспирируемого правительством информационного агентства осознал не кто иной, как Бисмарк. При его поддержке удалось значительно уменьшить влияние, которым пользовалось в Германии конкурирующее агентство Рейтер, и укрепить позиции ВТБ, которое открыло свои отделения в столицах всех значительных стран и стало обмениваться информацией с другими агентствами, уже и тогда передавая тенденциозные сообщения.

К тому времени крупные информационные агентства уже «поделили» между собой земной шар. Между агентствами Гавас, Рейтер и ВТБ уже установились своего рода картельные отношения. На основании различных соглашений ВТБ должно было поставлять в первую очередь сообщения из Германии, Австрии, России, Скандинавских стран и части Швейцарии. В сферу влияния Французского агентства Гавас входили: Франция с ее колониальной империей, Испания, Португалия, ряд балканских стран, Южная Америка и часть Бельгии. Рейтер сохраняло за собой Англию, некоторые области Бельгии, Голландию, часть Балкан и почти весь остальной мир, за исключением Северной и Центральной Америки. От ВТБ шли перекрестные связи к другим информационным агентствам, из которых упомянем здесь «Телеграфен-корреспондент-бюро» в Вене, Северное (Петербургское) телеграфное агентство, «Агенция Стефани» в Риме, «Агенсия Фабриа» в Мадриде, «Венгерское телеграфное бюро» в Будапеште, «Свенска телеграфен-биран» в Стокгольме, «Норсктелеграм-бюро» в Христиании, «Ритцаус-бюро» в Копенгагене, «Швейцерише депешен-агентур» в Берне, «Ажэнс Румани» в Бухаресте, «Ажэнс Бюльгар» в Софии и «Ажэнс Милли» в Константинополе.

Создание официального Телеграфного агентства в России

Российское правительство путем предоставления различных льгот фактически поставило себе на службу Российское Телеграфное агентство (РТА). Оно было создано частным обществом в 1894 году, но ему в некоторых случаях присваивался даже официальный характер³³. Однако частное РТА имело за границей весьма мало собственных представителей, так как ему выгоднее было заключить договоры с иностранными телеграфными агентствами и при посредстве их получать в Россию зарубежные известия и через них же распространять сообщения из России. Таким образом за информационным потоком в Россию и из нее осуществлялся иностранный контроль. «Между тем ни политическим, ни экономическим нашим интересам совершенно не соответствует контролирование иностранными агентствами получаемых в России

заграничных известий,— отмечал товарищ министра финансов П. М. Романов в своем секретном письме военному министру генералу А. Н. Куропаткину,— равным образом такая зависимость от иностранной агентуры лишает возможности правительство в некоторых случаях противодействовать распространению ложных сведений о положении России, нередко появляющихся в заграничной печати»³⁴.

Необходимость такого противодействия стала особенно ощущаться перед русско-японской войной, когда Россия стала проводить более активную политику на Дальнем Востоке и столкнулась здесь с интересами Японии, Англии, США и других стран. В связи с этим, чтобы противостоять информационной политике этих держав, которая особенно ощущалась в вопросах непредоставления России кредитов и понижения спроса ее товаров, в Петербурге при министерстве финансов (1 января 1903 года было открыто Торговое Телеграфное Агентство (ТТА). Как показали дальнейшие события, государственное ТТА стало противостоять информационной экспансии зарубежных агентств.

В начале 1904 года против России развернулась мощная информационная война. Это ощущалось по докладам наших дипломатов. Так, российский посол во Франции действительный тайный советник А. И. Нелидов секретными телеграммами сообщал: «...сведения из иностранных враждебных России источников, публикуемые в Париже, производят угнетающее впечатление на публику и биржу»³⁵. Далее посол предлагал, что, «в целях поддержания нашего государственного кредита необходимо немедленно организовать передачи за границу верных сведений о России»³⁶. Содержание этой телеграммы было изложено в письме заместителя главы внешнеполитического ведомства в Министерстве финансов с предложением организаций сообщения ТТА русскому посольству в Париже.

Также российский поверенный в делах в Тегеране Сомов в январе 1904 года уведомлял Министерство иностранных дел, что «в названном городе печатаются для сведения публики лишь телеграммы Английского агентства, подвергнутые, к тому же, переработке в местной Великобританской миссии. Вследствие сего получаемые в столице Персии известия рисуют положение России в наступившем на Дальнем Востоке

кризисе самыми мрачными красками, в ущерб нашему положению и влиянию среди персиян»³⁷. Для противодействия столь нежелательному явлению статский советник Сомов возбуждал ходатайство о передаче ему телеграмм Торгового Телеграфного агентства. «По возможности на французском языке,— уточнял дипломат,— в виде печатания и распространения оных в Тегеране»³⁸.

В письме на имя управляющего Министерством финансов Романова министр иностранных дел сообщал: «По всеподданнейшем докладе мною телеграммы поверенного в делах в Персии по сему предмету государю императору благоугодно было собственноручно начертать на оной — «Мысль верная».

Передавая Вашему Превосходительству о вышеизложенном, имею честь покорнейше просить, не признаете ли Вы возможным оказать содействие к сообщению с указанною целью телеграмм Торгового Телеграфного агентства нашей миссии в Тегеране, причем опубликование оных могло бы производиться при участии Учетно-судного банка по соглашению миссий со статским советником Трубе»³⁹.

Эти письма в Министерство финансов свидетельствуют, что Торговое Телеграфное агентство, которое возглавил действительный статский советник П. И. Миллер, в течение 1903 года завоевало значительный авторитет. Оно закончило свою организацию, выработало программу и установило определенные отношения с Министерством иностранных дел, Министерством внутренних дел, которые, как и Министерство финансов, были наиболее заинтересованы в правильной постановке российской телеграфной агентуры. ТТА собирало сведения через своих корреспондентов, которые имелись «во всех главнейших городах России и за границей. Заграничные корреспонденты приглашены через посредство членов нашего дипломатического и консульского представительств или агентов Министерства финансов и в большинстве случаев работают под их наблюдением»⁴⁰.

В целях более широкого распространения своих сообщений за рубежом ТТА открыло отделение в Берлине, которое в числе своих абонентов имело все важнейшие газеты Германии. Агентством была организована передача своих сообщений газетам Англии и США.

Таким образом, уже в начале 1904 года ТТА «давало возможность получать известия непосредственно из-за границы по программе, отвечающей потребностям русской жизни, и распространять в странах — Германии, Англии, США, пресса которых наиболее систематически ведет пропаганду ложных сведений о России, необходимые в правительственных целях сообщения»⁴¹.

При необходимости ТТА быстро реагировало на все правительственные указания. Например, вскоре послу во Францию директор ТТА сообщил:

*«29 января 1904 г. Секретно.
Его Высокопревосходительству
Алексею Ивановичу Нелидову*

Имею честь доложить Вашему Высокопревосходительству, что, согласно распоряжению г. Управляющего Министерством Финансов, последовавшему вследствие Ваших телеграмм, Торговое Телеграфное Агентство с сего числа начало передавать во вверенное Вам посольство сообщения о России, причем в программу их будут входить не только сведения, касающиеся нашего финансового кредита, но также и достоверные известия относительно хода событий на Дальнем Востоке. Сведения эти, как интересующие большую публику, без сомнения, будут охотно помещаться иностранной печатью, чем значительно облегчится возможность распространения в этой печати сведений специального характера, сообщение которых необходимо нашему правительству.

Телеграммы биржевого характера для ускорения их передачи, отсылаются Агентством непосредственно с самой биржи с таким расчетом, чтобы они могли быть вовремя сообщены Парижской биржей, вывешены к общему пользованию, если Вашим Высокопревосходительством будет признано полезным приказать организовать последнее.

П. И. Миллер»⁴².

Было налажено и распространение сообщений в Тегеране. По этому поводу в секретном письме товарища министра финансов П. М. Романова на имя министра иностранных дел говорилось:

«Вследствие письма от 2-го сего февраля за № 152 имею честь сообщить Вашему Сиятельству, что с 4-го числа

текущего месяца Торгово-Телеграфное Агентство начало передачу Агенту Министерства Финансов в Тегеране статскому советнику Грубе телеграмм о военных действиях на Дальнем Востоке. Как донес мне статский советник Грубе, на основании соглашения, состоявшегося между ним и нашим поверенным в делах в Тегеране статский советник Грубе будет передавать эти телеграммы поверенному, который затем будет сообщать полученные сведения правительственным сферам, миссиям и иностранцам, между тем как статский советник Грубе будет распространять их среди духовенства и базара. При этом иностранцам и базару будет предложено подписаться на эти телеграммы за умеренную плату, чтобы не придавать распространению вида рекламы»⁴³.

Документы переписки между Министерством финансов и МИД свидетельствуют, что организация сообщений для распространения среди французской прессы «в целях укрепления российского кредита за границей» и опровержения ложных слухов в персидской прессе велись не только ТТА, но и при активном содействии учреждений Министерства финансов и МИД⁴⁴. К подготовке этих сообщений было решено также подключить военное министерство. В связи с этим товарищ министра финансов П. М. Романов 28 января 1904 года писал военному министру А. Н. Куропаткину: «... В программу эту необходимо также включить не только сведения, касающиеся наших финансов и кредитов, но и достоверные известия относительно хода событий на Дальнем Востоке. Сведения эти как несомненно интересные большую публику будут охотно использоваться иностранной печатью, чем значительно облегчится возможность распространения в этой же печати сведений специального характера, сообщение которых необходимо нашему Правительству.

Придавая большое значение правильной организации сообщений о России за границей, просим Ваше Превосходительство не отказать Министерству Финансов в Вашем содействии, которое могло бы выразиться в возможно своевременной передаче Торгово-Телеграфному Агентству тех из получаемых Военным Министерством сведений о ходе событий на Дальнем Востоке, опубликование коих не встречает препятствий, так и в доставлении Агентству таких

сообщений, которые по Вашему мнению необходимо было бы распространять за границей»⁴⁵.

В письме также предлагалось назначить «одного из чинов» Военного министерства, к которому ТТА могло бы обратиться «в случае каких-либо сомнений, возникающих у него относительно получаемых непосредственно от корреспондентов известий, для проверки или согласования их с видами Военного министерства»⁴⁶.

В ответном письме от 3 февраля 1904 года А. Н. Куропаткин уведомлял: «... мною сделано распоряжение о своевременном отправлении Торгово-Телеграфному Агентству тех сведений, которые желательно распространить за границей. Поручение это возложено на Генерального штаба подполковника Калишевского»⁴⁷.

Использование С. Ю. Витте прессы в борьбе за общественное мнение

Таким образом правительство России освободилось от сотрудничества с частным Российским Телеграфным агентством, которое было зависимо от иностранных информационных агентств. В этом были весьма заинтересованы и Министерство иностранных дел, и ведомства военное и внутренних дел. Однако агентство возникло при Министерстве финансов — в ведомстве далеком, казалось бы, от проблем печати. Почему оно взяло на себя эти функции? Здесь были не только торгово-экономические интересы.

Надо вспомнить, что министром финансов до 1902 года являлся Сергей Юльевич Витте, который затем возглавил правительство. Его знают как инициатора винной монополии, денежной реформы, строительства Транссиба. Но следует заметить, что ни одну из своих задуманных реформ он не проводил в жизнь, пока не склонял в их поддержку общественное мнение. И будучи уже министром финансов, а затем главой правительства, он начал систематически проводить в области информации политику усиления влияния государственной пропаганды.

Как бы ни был занят Сергей Юльевич текущими делами, для журналистов, издателей, писателей он был доступен и когда был министром, и когда возглавлял правительство. На

столе его всегда лежали свежие номера газет и журналов. Об одном из министров он отозвался: «Ну что это за государственный деятель! Читать ничего не читает и за печатью не следит»⁴⁸.

Состоявший при Витте в качестве секретаря А. А. Спасский-Одынец отмечает в своих воспоминаниях: «Сергей Юльевич засиживался до двух часов утра. Его последней работой был просмотр большой объемистой папки газетных вырезок за каждый день... Конечно, особенным вниманием графа отмечались все критические статьи по адресу правительства. Редкие газеты его не критиковали, и, пользуясь тогдашней свободой печати, откровенно бранили... Все это нервировало графа»⁴⁹.

Однажды на прием к нему записалось сразу несколько десятков человек. Выходит дежурный чиновник и просит зайти издателя газеты, явившегося позже других. Один из губернаторов начал ругаться: «Мчишься за тридевять земель по неотложным делам целой губернии, а тут...» Через некоторое время выходит дежурный и вновь вызывает человека, причастного к печати. Тому уже самому неловко, и он оправдывается в высоком кабинете: «Я вас не задержу, а то там в приемной ругаются». «Наплевать. Мне лучше знать, когда и кого принимать», — ответил Витте и стал задавать пришедшему вопрос за вопросом. В то время он интересовался сберегательными кассами. Был уверен: в них потечет столько народных сбережений, что самую большую войну можно будет выдержать. Вопросы задавал, видимо, не случайно — проталкивал идею в массы⁵⁰. Еще более нужна ему была общественная поддержка при проведении винной монополии. Об этом деле Витте впервые высказался в газете «Русь» Аксакова: «Все заработки кабатчиков необходимо забрать в казну».

Считается, что Сергей Юльевич сам мог бы стать хорошим журналистом⁵¹. Еще в Одессе, когда Витте начинал свою карьеру чуть ли не конторщиком на железной дороге, он уже печатал свои фельетоны в местных газетах под псевдонимом «Зеленый попугай». В «Новороссийском телеграфе» напечатал резкую статью в защиту славянских интересов. Об этом же писал в аксаковских газетах «День» и «Русь». Будучи управляющим Юго-Западной железной дорогой в Киеве, он не

имел возможности отстаивать свою точку зрения в полемике с редактором «Киевлянина» Пихно, перетянул на свою сторону его заместителя Антоневи́ча и помог основать ему «Киевское слово». Затем на страницах этой новой газеты Антоневи́ч и сам Витте отчаянно спорили с Пихно по вопросам железнодорожной политики.

Также Витте имел опыт использования прессы в политических целях. В частности, в начале 1880-х годов, состоя в «Священной дружине», созданной для борьбы с революционным движением, он был одним из авторов брошюры, изданной в 1882 году в Киеве под псевдонимом Свободный мыслитель, содержащей критику деятельности «Народной воли» и предрекавшей ее гибель. Кроме того, Витте участвовал в издании на деньги «Дружины» газеты «Вольное слово» (Женева, 1881—1883)⁵².

Он быстро и безошибочно определял для себя, с какими изданиями для пользы дела надо поддерживать постоянную связь, в том числе и публикуясь в них. Так, например, он сотрудничал с влиятельными «Московскими ведомостями» Каткова, который, в свою очередь, помогал своему «автору» продвигаться по службе. А с издателем «Нового времени» Сувориным у Витте были и вовсе дружеские отношения. Сергей Юльевич помог Суворину в организации продажи газет на железных дорогах. Чтобы поддержать хорошие отношения с прессой, Витте прибегал и к другим уловкам: выделял субсидии, выносил благодарности, постоянно говорил о свободе печати. Причем для рекламы проводимых им реформ, борьбы с политическими оппонентами, рекламы своей деятельности им использовалась как отечественная, так и зарубежная пресса. Так, английский журналист Э. Диллон немало потрудился, преподнося западному читателю Витте в образе «быстро-го в действиях» и исполняющего «геркулесову работу» государственного мужа, не имеющего себе равных «на всем пространстве Российской империи». Некоторые из статей Диллона лично редактировались Сергеем Юльевичем⁵³.

С. Ю. Витте был первым из государственных деятелей XX века, осознавшим слабость российской внешней пропаганды. Будучи министром финансов, он приходит к выводу, что ни политическим, ни экономическим, ни военным интересам страны совершенно не соответствует контролирование

иностранными агентствами информации, поступающей из России. И все это происходило из-за того, что в ней не существовало своего государственного агентства. Это заставило Сергея Юльевича выступить инициатором создания при Министерстве финансов Торгового Телеграфного агентства. По его же указанию в 1903 году Министерство финансов ведет переговоры с МИД и МВД относительно согласованной деятельности ТТА «с видами и предположениями» этих министерств⁵⁴. Также по предложению Витте ставился вопрос о придании ТТА значения единственного официального телеграфного агентства в России.

Министерство финансов было крайне заинтересовано в правильной постановке не только в коммерческой осведомленности по телеграфу, но также и в политической. «Они необходимы для устойчивости заграничного кредита и как одно из средств для развития нашей торговли и промышленности,— отмечал в секретном письме товарищ министра финансов П. М. Романов заместителю министра внутренних дел П. Н. Дурново.— При современном положении экономической жизни широкий и правильный экспорт немислим, пока торговцы и фабриканты не имеют уверенности в том, что события в стране экспорта не застанут их врасплох, пока благодаря полному незнанию ими положения политических дел и готовящихся перемен они рискуют потерей крупных капиталов и всего, что ими уже достигнуто. Они должны быть в курсе событий, чтобы иметь возможность сознательно распоряжаться своим торговым предприятием в отдаленной стране. Вот почему Англия и Германия — две страны, наиболее развившие свою международную торговлю, обладают наиболее совершенными телеграфными агентствами. И в Англии, и в Германии телеграфная осведомленность идет впереди коммерческих их завоеваний»⁵⁵.

Министерство финансов предлагало, что для того, чтобы ТТА могло служить также целям МВД, МИД и военного ведомства, необходимо правильно поставить телеграфную агентуру в России, нужно этим министерствам принимать участие в деятельности ТТА. «Я полагаю,— писал в МВД и МИД по указанию С. Ю. Витте товарищ министра финансов П. М. Романов,— что эта цель была бы достигнута, если

состав ТТА пополнить представителями от МВД и МИД на правах директоров агентства»⁵⁶.

По предложению премьера С. Ю. Витте члены его Кабинета ставят вопрос о придании ТТА статуса единственного официального телеграфного агентства в России. Так, 21 июля 1904 года состоялся доклад П. Н. Дурново Николаю II о реорганизации ТТА, и 1 сентября 1904 года оно было преобразовано в большое политическое торговое телеграфное агентство под названием «Санкт-Петербургское Телеграфное агентство».

Преобразованное агентство по-прежнему оставалось в финансовом ведомстве, управлялось Советом директоров от МВД, МИД и МФ. Директором от Ведомства внутренних дел был назначен член Совета МВД, бывший начальник Главного управления по делам печати действительный статский советник Шаховской; директором от МИД — чиновник особых поручений IV класса действительный статский советник Нерадов; директором от Министерства финансов (он же директор-распорядитель) — редактор повременных изданий этого ведомства и директор бывшего ТТА действительный статский советник Миллер⁵⁷.

Санкт-Петербургскому Телеграфному агентству (СПТА) придавался характер официального агентства в России, и все ведомства были приглашены передавать ему свои сообщения и сведения. Таким образом, СПТА в целях усиления его авторитетности было поставлено в такое же положение, в каком находились иностранные официальные агентства (Рейтер, Гавас, Вольф, Корреспондент-бюро), которое, каждое в своей стране, пользовалось монополией правительственных сообщений.

Создание официального СПТА было заметным успехом Витте в формировании системы государственной пропаганды. В 1905 году, когда Россия переживала трагедию неудачно сложившейся для нее войны с Японией и в ней нарастали революционные события, он прекрасно понимал сложность политической ситуации и важную роль печати в этой ситуации. Не случайно на следующий день после подписания Николаем II «Манифеста 17 октября» председатель Совета министров Витте пригласил в свой особняк на Каменноостровском проспекте группу представителей прессы,

«находя, что пресса может оказать наиболее существенное влияние на успокоение умов»⁵⁸. Не останавливаясь на подробностях встречи, которая весьма эмоционально описана самим Витте, а также отражена на страницах петербургской печати, заметим, что Сергей Юльевич был явно разочарован ее результатами. Констатируя «какой-то особый вид умственного помешательства масс»⁵⁹, он делает после встречи с журналистами неутешительные выводы: «... для меня было ясно, что опереться на прессу невозможно и что пресса совершенно деморализована. Единственные газеты, которые не были деморализованы,— это крайне левые, но пресса эта открыто проповедовала архидемократическую республику... вся же правая поджала совсем хвост... замолкла и ожидала, куда судьба направит Россию... ожидать помощи от помутнившейся прессы я не мог»⁶⁰.

Председатель Совета министров С. Ю. Витте понимал, что в условиях неудачно завершившейся для России войны с Японией и нарастающей революции в стране вопрос о создании системы государственной пропаганды становился все более значимым. Особую остроту он начинает приобретать именно в октябре 1905 года, в условиях Всероссийской политической стачки. Резко обострившиеся общественно-политические отношения во всей стране свели цензуру на нет; газеты и журналы контролировались типографскими рабочими; публиковать в печати проправительственные статьи означало для частного издателя чуть ли не разорение, ибо рабочие-полиграфисты зачастую реагировали на это забастовками.

Многие из тех, кто в то время стоял у руля государственной власти, понимали необходимость использования прессы в борьбе за общественное мнение. Так, 6 октября 1905 года генерал-губернатор Петербурга Д. Ф. Трепов в докладе Николаю II писал: «Несомненно, что вопрос упорядочения периодической печати и создания органов прессы, на которые правительство могло бы опираться, является совершенно необходимым...»⁶¹. Членом Совета Главного управления по делам печати С. С. Татищевым разрабатывается «Проект организации правительственной газеты», который 20 октября С. Ю. Витте направляет Трепову. В этом документе Татищев указывает, что «при том развитии, которое в наши дни получила повременная печать, немислимо влияние

правительства на общественное мнение страны иначе, как путем печатного слова»⁶².

Автор проекта, которого поддерживал премьер, Степан Спиридонович Татищев являлся историком. Его труды по истории русской дипломатии и внешней политики, биография Александра II, написанная им, были известны не только в России. В новых исторических условиях С. С. Татищев предлагал коренным образом перестроить пропаганду. Правительство должно не доводить до сведения подданных содержания тех или иных указов и циркуляров, как было ранее, а объяснять свои действия⁶³.

В четырнадцати параграфах своего проекта С. С. Татищев сформулировал основные принципы, которыми должна руководствоваться правительственная печать. В первом параграфе раскрывались основные цели правительственной печати: изложение как общей политической программы правительства (Кабинета), так и предположений отдельных ведомств по исполнению общих программ и их частностям; открытое и подробное изложение побуждений, которыми руководствовалось правительство, издавая тот или иной законодательный акт или административное распоряжение; опровержение неправительственных толкований законопроектов, распоряжений и действий правительства, его учреждений и агентов; разоблачение ложных фактов, проникших в частную печать, полное сведение о коих может иметь только правительство; защита лиц, образа мыслей, согласного с видами правительства, как выборщиков, так и кандидатов в члены Государственной думы, во время агитационного периода от клеветы, бойкота со стороны революционных и оппозиционных изданий путем предоставления им возможности печатать в правительственных органах свои опровержения и самозащиту⁶⁴.

В остальных параграфах С. С. Татищев предлагал отказаться от «рептилий» и организовать группу официальных изданий под государственным контролем и назначаемыми правительством редакторами, создать своего рода касту правительственных журналистов, реформировать «Правительственный вестник», улучшить полиграфическую базу государственных изданий, особенно срочного переоборудования требовали губернские типографии, чтобы поднять значение печатавшихся там местных «Ведомостей», являвшихся в

данный момент «порченной грязной бумагой по ничтожеству содержания»⁶⁵. Все это, по мнению С. С. Татищева, позволит создать союз преобразованных правительственных газет для единодушного и совместного действия, как согласованной централизованной, направляемой правительством силы.

Также С. С. Татищев составил проект о мерах по реорганизации Главного управления по делам печати, о чем докладывает С. Ю. Витте 26 октября 1905 года — через шесть дней после представления «Проекта организации правительственной газеты». При этом он указывает, что при составлении второго проекта учтены указания главы правительства о необходимости при осуществлении указанных мероприятий «заключить их в рамки существующих уже ныне учреждений так, чтобы они могли быть проведены в жизнь одним административным распоряжением»⁶⁶.

В предлагаемом проекте Татищев отмечал, что в изменившейся обстановке Главное управление по делам печати должно «служить... проводником правительственной мысли в общественное сознание и устранять в обществе всякие недоразумения относительно видов, намерений и действий правительства»⁶⁷. Для решения этой задачи Татищев предложил создать при нем три новых отдела: наблюдательный, справочный, исполнительный.

Функции наблюдательного отдела им определились следующие: следить за отечественной и зарубежной периодической печатью; составлять ежедневные извлечения из различных газет и журналов и представлять их министру внутренних дел, а в важных случаях — председателю Совета министров⁶⁸; тщательно регистрировать все нарушения законов о печати и лиц, допустивших их, привлекать к ответственности. Это отделение давало возможность создать аналитические подразделения, обеспечивающие изучение общественного мнения по различным вопросам не только в регионах России, но и в зарубежных странах.

Справочный отдел должен был выполнять функции современного правительственного пресс-центра: сообщать органам «точные и верные известия о событиях и происшествиях», разъяснять действия и распоряжения правительства «по текущим вопросам государственной жизни»; получать необходимую информацию от главы правительства и министров.

Безусловно, создание подобного справочного отдела было бы новым явлением в управлении общественным мнением страны, способствовало более широкому информированию не только населения страны, но и международной общественности, по самым различным вопросам, обеспечивало подачу сведений о работе правительства в наиболее выгодном для него свете.

Исполнительный отдел предполагался для проведения «правительственной мысли в сознание русского общества посредством казенных официальных изданий». Для этого С. С. Татищев предлагал подчинить Главному управлению по делам печати «Правительственный вестник» и все «Губернские ведомости» и существовавшие в России два телеграфных агентства — «Санкт-Петербургское Телеграфное агентство» и «Российское Телеграфное агентство». Причем частное РГА предполагалось ликвидировать, слив его с государственным СПГА, образовав, таким образом, единое официальное Телеграфное агентство. «Все телеграммы, исходящие от такого правительственного Телеграфного агентства, — писал Татищев, — должны быть составлены по указаниям Главного управления по делам печати, начальник которого непосредственно передает их директору агентства. Из них должно быть тщательно исключено все ложное и тенденциозное и самые передаваемые в них события подлежат тщательной предварительной проверке по официальным данным»⁶⁹.

Таким образом правительство могло установить жесткий контроль за всей информацией в России, в том числе и поступающей от иностранных агентств, а также осуществлять отбор необходимых известий, сообщаемых за рубеж, что позволяло бы формировать там благоприятное для России общественное мнение.

По поводу преобразования «Правительственного вестника» С. С. Татищев предлагал в официальной части этой газеты по-прежнему помещать все государственные законы и акты, другие правительственные распоряжения и сообщения, а неофициальную выделить в особое издание. Такие же изменения предполагалось внести в «Губернские ведомости» и затем установить их тесные контакты с «Правительственным вестником».

Оба проекта С. С. Татищева требовали слишком много времени на их реализацию, не давая быстрого и ощутимого

результата, а сложившаяся политическая обстановка в стране не позволяла ждать. Начальник Главного управления по делам печати А. В. Бельгард писал в Совет министров: «...полагая совершенно несвоевременным образование в настоящее время Главного управления по делам печати на проектируемых широких основаниях... и нахожу, что подобное учреждение может быть создано только постепенно»⁷⁰. Однако Бельгард поддержал предложение Татищева о реорганизации «Правительственного вестника». С. Ю. Витте, ознакомленный с письмом Бельгарда, согласился с ним. «По моему мнению,— писал премьер 7 ноября 1905 года министру внутренних дел П. Н. Дурново,— сразу все осуществить нельзя. Необходимо, как мне кажется, на первую очередь поставить преобразование «Правительственного вестника» и подготовку его связи с «Губернскими ведомостями». Мне кажется, что во главе всего этого дела удобнее всего поставить С. С. Татищева как человека весьма даровитого и знакомого с делом»⁷¹.

Свое мнение глава правительства высказывал министру внутренних дел в связи с тем, что «Правительственный вестник» издавался при его ведомстве. В записке от 8 ноября 1905 года Витте делится своими новыми соображениями: «По моему мнению, «Правительственный вестник» должен быть органом правительства, а не Министерства внутренних дел, и в этом смысле должно быть произведено преобразование»⁷².

Под давлением революции Николай II 24 ноября 1905 года издал указ о повременных изданиях. Он отменял предварительную цензуру — как общую, так и духовную, любые административные меры в отношении печати, усматривал ответственность за нарушение правил о печати только по суду. Цензурные комитеты преобразовывались в комитеты по делам печати, а цензоры стали называться инспекторами. Также отменялась статья 140 «Устава о цензуре и печати», предоставлявшая министру внутренних дел право воспрещать оглашение или обсуждение в печати какого-либо вопроса государственной важности⁷³.

До 24 ноября 1905 года от предварительной цензуры были освобождены только периодические издания Петербурга и Москвы. В «обеих столицах» издавалось также без предварительной цензуры все оригинальные сочинения объемом не

менее 10 печатных листов, переводы не менее 20 печатных листов. За пределами столиц без предварительной цензуры выходили: все правительственные издания, все издания академий, университетов, ученых обществ, все издания на древних классических языках и переводы; чертежи и карты. Издания, нарушавшие этот закон, подвергались судебному преследованию.

После отмены предварительной цензуры повременной (21 ноября 1905 года) и неповременной печати (26 апреля 1906 года) функции Главного управления по делам печати были распределены между пятью отделениями.^{73а}

1-е отделение вело дела по периодическим органам печати и по книгам, выходившим в округе Санкт-Петербургской судебной палаты, а также делопроизводство по всем правительственным изданиям.

2-е отделение ведало делами о газетах и книгах по округам Московской, Киевской, Одесской, Харьковской и Новочеркасской судебных палат.

3-е отделение занималось делами периодических органов печати и по книгам, выходившим по округам Саратовской, Казанской, Тифлисской, Ташкентской, Иркутской и Омской судебных палат.

4-е отделение разрабатывало законодательство о печати; составляло циркулярные разъяснения; вело дела по иностранной цензуре; дела о книгах и газетах по районам Варшавской и Виленской судебных палат.

5-е отделение заведовало личным составом Управления и цензурных учреждений; счетной частью; библиотекой; делами по типографиям, литографиям, металлографиям и книжной торговле.

Хозяйственный комитет (с 30 октября 1908 года)^{73б} рассматривал все предложения, касавшиеся хозяйственной части ведомства и отчетной части; ведал делами типографии МВД и редакций газет “Правительственный вестник” и “Сельский вестник”.

Отсутствие возможности запретить освещать неуютную тему вызвало нервность в правительственном лагере. Со всех концов России в Петербург приходили сообщения губернаторов о разлагающем воздействии печати на население. Так, орловский губернатор С. С. Андреевский доносил: «Борьба с ре-

волюционной пропагандой непосильна вследствие отсутствия ясных и определенных законоположений»⁴⁵. Рязанский губернатор В. А. Левашов отмечал, что крестьянские волнения «явились следствием преступной пропаганды злонамеренных лиц... а также разнузданности периодической печати, позволяющей себе с отменой прежних цензурных правил разжигать народные страсти, а иногда и прямо призывать к насилию»⁷⁴.

Сам С. Ю. Витте писал, что «в то время вся пресса, не исключая таких услужливых органов, как «Новое время», прямо революционизировалась»⁷⁵. В этих условиях Витте считает необходимым иметь хоть один «солидный» и читаемый публикой орган печати, который бы освещал деятельность возглавляемого им правительства. Поэтому один из пунктов проекта С. С. Татищева — об отделении от «Правительственного вестника» неофициальной его части и преобразовании ее в отдельную газету — начал претворяться в жизнь.

Осуществлять задуманное должен был сам автор С. С. Татищев, назначенный 1 декабря 1905 года при прямом участии Витте редактором «Правительственного вестника»⁷⁶. Однако смерть помешала Татищеву осуществить задуманное.

Витте решил, что реорганизацию задуманного продолжит Александр Николаевич Гурьев — один из ближайших его сотрудников, магистр финансового права, в 1889—1903 годах работавший в Министерстве финансов. Гурьев активно выступал в печати, защищая преобразования, которые проводил Витте. Он также был автором нескольких научных работ по финансово-экономическому развитию России в XIX веке. Однако в консервативных кругах, близких к императору, у него была репутация «литератора, с позором изгнанного с государственной службы за шантаж и хищения»⁷⁷. Кроме того, в двух номерах «Русских ведомостей» от 18 и 27 мая 1905 года была опубликована статья А. Гурьева «Возникновение русско-японской войны», в которой резкой критике были подвергнуты воинственные авантюристы, во главе с отставным ротмистром Безобразовым, являвшимся статс-секретарем российского императора. А Витте, отстраненный Николаем II в мае 1903 года от участия в делах Дальнего Востока, был изображен в самом лучшем свете. Поэтому консерваторы не допустили назначения Гурьева редактором «Правительственного вестника».

Однако и Витте не уступил своим противникам. Убедив Николая II, что именно Гурьев должен руководить реорганизацией «Правительственного вестника», премьер добился его назначения в штаты Главного управления по делам печати, хотя «он, Гурьев, был в действительности редактор, подписывал газету другой кто-либо из «Правительственного вестника»», — пишет Витте в своих воспоминаниях⁷⁸.

За декабрь 1905 и январь 1906 года в соответствии с проектом Татищева была подготовлена к выходу газета, получившая название «Русское государство» взамен громоздкого «Правительственный вестник. Часть официозная», которое могло отпугнуть читателей. Главной задачей нового издания являлось «ускорение умов чем посредством публицистического воздействия, так и путем опровержения злонамеренных клеветнических выдумок, пускавшихся в ход печатью в целях дискредитирования правительства и разжигания в населении духа недовольства»⁷⁹. В передовых статьях намечалось, что «будут выясняемы мотивы тех или иных правительственных действий, решений и преднамерений». Особо подчеркивалось, что правительство будет «аргументировать свою деятельность доводами логики»⁸⁰.

Первый номер «Русского государства» вышел 1 февраля 1906 года, с этого же дня «Правительственному вестнику» был придан характер официального бюллетеня, печатавшего исключительно правительственные акты и сообщения. Витте придавал особое значение газете «Русское государство». Председатель Совета министров ежедневно встречался с ее неофициальным редактором Гурьевым и давал ему соответствующие указания по усилению влияния газеты в обществе. Еще 27 января 1906 года всем губернаторам было разослано директивное распоряжение прорекламировать в «Губернских ведомостях» новую правительственную газету, о выходе «Русского государства» сообщили почти все российские официальные издания. Газета представлялась как беспартийный орган, в котором будут публиковаться любые статьи в пределах «между революцией — с одной стороны, и реакцией — с другой»⁸². В одной из статей первого номера «Русского государства» говорилось, «что настала пора изменить взаимоотношение общества и правительства», и это предполагало, что власти готовы вступить в диалог с опре-

деленными общественными группами для всестороннего выяснения государственных вопросов.

«Русское государство» представляло собой газету большого формата, состоящую из 6 страниц. Ее тираж был определен в 52 тысячи экземпляров, из них 12 тысяч распространялось бесплатно. В ней печатались передовые и авторские статьи по важным экономическим и политическим вопросам, отклики на общественные события, критические и литературные очерки, обзоры газет и журналов, информация по самым разнообразным вопросам. В полемических статьях наиболее часто обсуждались вопросы экономической политики, налогообложения, реформы политических институтов в России, проблемы судостроительства, свободы слова и др. Статьи эти не отличались резкостью тона, если в них и допускалась критика правительства, то самая умеренная. Ценность и общественное звучание полемических статей снижались их анонимностью — ни одна из них не была подписана фамилией автора, а только ничего не говорящими инициалами или такими же неизвестными псевдонимами типа «Лирик», «Скептик», «Странник» и т. п. Предполагается, что все они принадлежали перу Гурьева и его сотрудников.

Одной из важных задач, которую ставил Витте перед правительственным органом, было печатание опровержений недостоверных сообщений о деятельности правительства. Для облегчения выполнения этой задачи «Русским государством» в каждом министерстве был определен чиновник, в обязанность которого входил контроль за появляющимися в печати сообщениями, требующими опровержений. Витте в письме министру юстиции М. Г. Якишову подчеркивал «тот огромный государственный вред, который порождается наблюдаемым ныне в повременной печати непрерывным извращением фактов, распространением самых разнообразных слухов — можно сказать, целой системой воспитания общественной мысли в дебрях, частью — преднамеренной, частью — бессознательной лжи»⁸¹. Председатель Совета министров считал необходимым использовать все находящиеся в распоряжении правительства средства, чтобы осведомить русское общество «действительными фактами и истинными намерениями правительства»⁸². По его указанию министр или главноуправляющий должен был следить, что-

бы недостоверная информация о деятельности возглавляемого им ведомства опровергалась в «Русском государстве».

Газета также осуществляла политический зондаж среди тех общественных сил, которые бы, по мнению Витте, могли быть опорой правительства в реализации его курса. Это проявлялось в изменении характера публикаций газеты в отношении определенных партий и политических группировок или их лидеров. Такое, например, проявление внимания было к партии кадетов, когда она добилась успеха на выборах в Думу. «Русское государство» поздравляло ее с победой, печатало «лирические призывы к «любви» и к «забвению»», однако когда все эти излияния не встретили у кадетов ожидаемого отзыва, тональность публикаций газеты резко изменилась.

Новое правительственное издание, которое защищало устои самодержавия, было крайне непопулярно в революционной России, где в это время появляется множество изданий различных политических направлений. Кроме того, падала популярность самого Витте. Если оппозиция видела в «Русском государстве» попытку Кабинета Витте создать благоприятное для себя общественное мнение, то консервативные круги расценивали его как определенный козырь в руках главы правительства, заигрывающего, по их мнению, с оппозицией ради своих карьерных интересов.

«Его сиятельство граф Сергей Юльевич Витте ежедневно дает мне указания о необходимости принятия всех мер к ознакомлению самых широких слоев населения с правительственной газетой «Русское государство»», — писал Гурьев 21 февраля 1906 года начальнику Главного управления по делам печати⁸³. Для распространения этой газеты в ряде городов России были созданы специальные бюро, она бесплатно рассылалась на заводы и фабрики, в различные общественные организации и учебные заведения, предпринимались шаги по организации специальной артели газетчиков, которая должна была продавать «Русское государство» и «Правительственный вестник» в Петербурге. В ходе подготовки к выборам в Государственную думу с 18 марта 1906 года в качестве приложения к «Русскому государству» выходил ежедневный «Бюллетень о ходе выборов в Государственную думу», составляемый по последним сведениям, и неперIODический «Бюллетень в Государ-

ственный совет». Для более оперативного реагирования на события общественно-политической жизни «Русское государство» с 1 апреля 1906 года стали выпускать дважды в день на четырех полосах. Однако 16 апреля 1906 года Николай II принял отставку Витте, а 25 апреля того же года оно было преобразовано в строго официальное издание без каких-либо элементов широкой публицистики и плюрализма.

А с 16 мая 1906 года вместо «Русского государства» начинает выходить совершенно безликое издание под названием «Вечернее прибавление к «Правительственному вестнику»». В нем давался обзор событий в стране и за рубежом, печатались опровержения правительственных учреждений и частных лиц по поводу критических статей, появлявшихся в различных изданиях, распоряжения властей и стенографические отчеты заседаний Государственной думы. «Вечернее прибавление» вначале выходило на четырех страницах, а с 7 августа — на двух.

С ликвидацией «Русского государства» правительство лишилось единственного издания, способного вести конструктивную полемику с оппозицией. Безусловно эта правительственная газета, направляемая С. Ю. Витте, в которой делалась попытка путем публикации полемических статей пропагандировать государственную политику, явилась новым элементом в информационной борьбе за общественное мнение в России, обьятой революцией 1905—1907 годов. Это было больше характерно в то время для западных демократий, нежели для российской самодержавной монархии. Создание такого правительственного органа было для России явлением преждевременным и непонятым в широких правительственных кругах.

В бытность С. Ю. Витте председателем Совета министров происходит реорганизация «Сельского вестника». С середины 1905 года это приложение «Правительственного вестника» отделилось и стало самостоятельным изданием, выходящим при Министерстве внутренних дел. С 1 января 1906 года «Сельский вестник» становится ежедневной газетой, и, как отмечал Лихоманов А. В., она должна была служить истолкователем крестьянам правительственных мероприятий как общего характера, «так и в особенности относящихся до крестьянского населения, и давать деревенским жителям конеч-

ное чтение, способствующее поднятию их нравственного и умственного развития»⁸⁴. При редакции «Сельского вестника» был образован особый политический отдел, в задачу которого входило издание брошюр, проповедующих здоровые политические взгляды и опровергающих «лживые учения противоправительственных партий». К «Сельскому вестнику» раз в неделю в 1906—1907 годах выходило приложение «Ответы на вопросы» и в 1906 году — иллюстрированное приложение. В 1906—1907 годах для типографии «Сельского вестника» были выделены большие ассигнования и его типография стала одной из самых мощных и модернизированных.

Попытки усилить государственную пропаганду продолжались и после ухода С. Ю. Витте и его правительства в отставку. Так, в 1905—1906 годах П. А. Столыпин совершенствует эффективность влияния Санкт-Петербургского телеграфного агентства на содержание прессы. А в 1909 году с подачи его Кабинета Николай II утвердил «Положение Совета министров о Санкт-Петербургском телеграфном агентстве». В 1912 году СПГА было преобразовано в ПГА — Петербургское телеграфное агентство, изъято от его кураторов трех министерств: финансов, иностранных и внутренних дел, и передано в Совет министров. К этому времени оно имело уже более 200 корреспондентов в России и за рубежом.

В 1906 году при Главном управлении по делам печати было создано Осведомительное бюро с задачей «по положительному, с точки зрения правительства, информированию печати»⁸⁵. Осведомительное бюро обслуживало официальные и частные органы периодической печати достоверными, подлежащими оглашению сведениями, касавшимися предположений, действий и деятельности правительства, правительственных и административных лиц и учреждений; а также «главнейших фактов общественно-политической жизни России и заграницы». На сотрудников бюро, кроме того, возлагалась проверка слухов и сообщений печати.⁸⁶ В результате реорганизации 24 марта 1913 года осведомительное бюро было разделено на два отдела.

Отдел печати обследовал столичные газеты для создания подборки заметок и статей, подлежащих срочному докладу председателю Совета министров, министру внутренних дел

и начальнику Главного управления по делам печати, очередному докладу всем министрам и главноуправляющим, их товарищам, директорам департаментов и начальникам управлений; занимался обследованием провинциальных газет для министра внутренних дел и начальника Главного управления по делам печати.

Отдел обслуживания ведомств и информации делал подборки газетных вырезок для докладов министрам, главноуправляющим, директорам департаментов и начальникам управлений; составлял проекты сообщений, разъяснений и опровержений, а также занимался созданием “справочно-руководственного и информационного” архива; дежурно-техническая часть осуществляла дежурства, выпуск бюллетеней, прием запросов и выдачу справок, а также ведала регистратурой, перепиской, изготовлением вырезок, печатных обзоров и бюллетеней, обслуживанием телефонов. Осведомительное бюро поддерживало весьма интимные отношения с некоторыми журналистами, а также оно имело определенные суммы для поддержания отдельных изданий. В годы Первой мировой войны Осведомительное бюро издавало специальные информационные бюллетени, которые перепечатывались многими газетами⁸⁷. В 1912 году было создано Бюро русских журналистов с задачей давать правительству информацию. Главное управление по делам печати при его помощи рассчитывало «на приобретение морального влияния и возможность воздействовать на общественное мнение путем информирования провинциальных газет»⁸⁸. Поэтому Главное управление по делам печати могло успешно проводить свою точку зрения в местной печати. В определенных случаях статьи заказывались, затем направлялись через Бюро журналистов, якобы не являющихся официальным выражением позиции правительства⁸⁹. В 1916 году по требованию правительства Бюро журналистов давало соответствующую информацию по России и за рубежом.

Существовало также Бюро прогрессивной печати, имелось Бюро печати при Государственной думе. В необходимых случаях Главное управление по делам печати умело договариваться и с ними для влияния на общественное мнение по ряду вопросов.

Кроме того, министр внутренних дел имел право воспрепятствовать прессе касаться наиболее острых политических вопро-

сов и событий, крупных катастроф и происшествий. Однако в целом в начале XX века в правительстве России усилилась тенденция подчинить частные издания своим интересам. С этой целью члены правительства демонстрировали свою готовность работать вместе с издателями и редакторами. Например, в 1904 году вступивший на пост министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирский призывал печать помогать правительству в трудном деле управления. О необходимости контактов с печатью говорил и сменивший С. Ю. Витте на посту председателя Совета министров П. А. Столыпин. При нем значительно возрос особый фонд, называвшийся репутильным. Создание этого фонда определяло «Высочайшее повеление 29 августа 1905 года»⁹⁰, и он играл большую роль во влиянии правительства на печать. Деньги из этого секретного фонда выдавались изданиям, которые «работали вместе с правительством». В 1912 году из этого фонда было израсходовано 600 тысяч рублей, в 1913-м — 800 тысяч, в 1914-м — 900 тысяч, в 1916-м — 1600 тысяч рублей⁹¹. Среди газет, получавших субсидии от правительства, были не только российские, но и иностранные. Особенно финансирование прессы стран усилилось в период Первой мировой войны. Так, в 1915 году только по линии военного ведомства иностранным газетам нейтральных держав было отпущено 30 тысяч рублей⁹².

Таким образом, можно убедиться в том, что правительство России придавало серьезное значение печати в формировании общественного мнения и использовало для этого различные средства и структуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Военно-историческая библиотека штаба ЛВО. Ф. № 8983. Записка о желательной постановке дела военной цензуры.

² Там же.

³ См.: *Строков А. А.* История военного искусства. СПб., 1994. Т. 5. С. 210.

⁴ Цит. по: Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX века. М., 1960. С. 509.

⁵ *Незнамов А.* План войны // Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX века. М., 1960. С. 695.

⁶ Там же. С. 696.

⁷ Есть уезды, где мужчина рабочего возраста зарабатывает 50—70 руб. в год и где о газетах до сих пор не имеют понятия. (*Примеч.*

А. Незнамова).

⁸ Незнамов А. Указ. соч. С. 695.

⁹ Там же. С. 697.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 702.

¹² Там же. С. 706—707.

¹³ Там же. С. 707.

¹⁴ Гершельман С. Мысли о японской войне. СПб., 1908; Геруа Б. После войны о нашей армии. СПб., 1907; Головин Н. Исследование деятельности и свойств человека как бойца. СПб., 1907.

¹⁵ Русская военно-историческая мысль XIX и начала XX века. М., 1960. С. 701.

¹⁶ Там же. С. 702.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Военно-историческая библиотека штаба ЛВО. Ф. № 8983. Записка о желательной постановке дела военной цензуры. С. 3.

¹⁹ Там же. С. 6.

²⁰ Там же. С. 14.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 16.

²³ Там же. С. 27.

²⁴ Там же. С. 17.

²⁵ Там же. С. 18.

²⁶ Там же. С. 19.

²⁷ Там же. С. 24—26.

²⁸ Военная энциклопедия. СПб., 1913. Т. 4. С. 202.

²⁹ Там же.

³⁰ Гейдорт Г. Монополии, пресса, война. М., 1964. С. 79, 90, 91.

³¹ P. Eltzbacher, Die Presse als Werkzeug der auswärtigen Politik, Jena 1918. S. 128, 130.

³² Там же. С. 233.

³³ РГИА, ф. 1358, оп. 1, д. 1241, л. 53.

³⁴ РГИА, ф. 1358, оп. 1, д. 1241, л. 9.

³⁵ РГИА, ф. 1358, оп. 1, д. 1241, л. 16.

³⁶ Там же.

³⁷ РГИА, ф. 1358, оп. 1, д. 1241, л. 31.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ РГИА, ф. 1358. оп. 1, д. 1241, л. 51.

⁴¹ Там же. Л. 52.

⁴² РГИА, ф. 1358, оп. 1, д. 1241, л. 8.

⁴³ РГИА, ф. 1358, оп. 1, д. 1241, л. 33.

⁴⁴ РГИА, ф. 1358, оп. 1, д. 1241, л. 1, 7, 32.

⁴⁵ РГИА, ф. 1358, оп. 1, д. 1241, л. 8—9.

- ⁴⁶ Там же. Л. 9.
- ⁴⁷ Там же. Л. 27.
- ⁴⁸ Цит. по: *Якутин Н.* Зеленый попугай // Журналист. 1999. № 7—8. С. 56.
- ⁴⁹ Цит. по: *Лихоманов А. В.* Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905—1907 годах. СПб., 1997. С. 42.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ См.: Зеленый попугай // Журналист, 1999. № 7—8. С. 56—57.
- ⁵² *Ананьевич Б. В., Ганилин Р. III,* Сергей Юльевич Витте // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 35.
- ⁵³ Там же. С. 38.
- ⁵⁴ РГИА, ф. 1358, оп. 1, д. 1241, л. 52.
- ⁵⁵ РГИА, ф. 1358, оп. 1, д. 1241, л. 53—54.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ РГИА, ф. 1358, оп. 1, д. 1241, л. 27.
- ⁵⁸ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 60.
- ⁵⁹ Там же. С. 61.
- ⁶⁰ Там же. С. 63—64.
- ⁶¹ Цит. по: *Лихоманов А. В.* Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905—1907 годах. СПб., 1997. С. 33.
- ⁶² См. там же.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же. С. 34.
- ⁶⁵ Там же. С. 35.
- ⁶⁶ Там же. С. 35—36.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Извлечения из отечественной прессы в Главном управлении производились, автор проекта предлагал распространить это и на иностранные издания. Хотя во время русско-японской войны производились и обзоры зарубежной прессы. (См.: РГИА, ф. оп. д. л.).
- ⁶⁹ *Лихоманов А. В.* Указ. соч. С. 38.
- ⁷⁰ Там же. С. 39.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же. С. 39.
- ⁷³ Из Высочайшего указа о повременных изданиях от 24 ноября 1905 г. // *Бережной А. Ф.* История Отечественной журналистики (конец XIX — начало XX в.). Материалы и документы. СПб., 1997. С. 92—93.
- ^{73а} РГИА, ф. 776, оп. 23, д. 22.
- ^{73б} Там же, д. 50.
- ⁷⁴ Цит. по: *Лихоманов А. В.* Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905—1907 годах. СПб., 1997. С. 40.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ *С. Ю. Витте.* Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 316.

- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ *Лихоманов А. В.* Указ. соч. С. 43—44.
- ⁷⁹ *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 316.
- ⁸⁰ *Лихоманов А. В.* Указ. соч. С. 44.
- ⁸¹ См.: Русское государство. 1 февраля 1906.
- ⁸² Цит. по: *Лихоманов А. В.* Указ. соч. С. 48.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Там же. С. 47.
- ⁸⁵ *Лихоманов А. В.* Указ. соч. С. 52.
- ⁸⁶ РГИА, ф. 776, оп. 23, д. 18.
- ⁸⁷ РГИА, ф. 776, оп. 32, д. 213. Положение об Осведомительном бюро Отдела печати.
- ⁸⁸ РГИА, ф. 776, оп. 32, д. 205, л. 14.
- ⁸⁹ Цит. по: *Бережной А. Ф.* Указ. соч. С. 89.
- ⁹⁰ РГИА, ф. 33, д. 413, л. 16—18.
- ⁹¹ Падение царского режима. М.—Л., 1926. Т. 4. С. 427.
- ⁹² *Лемке М.* 250 дней в царской Ставке. Пг., 1920. С. 310.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Жирков Г. В. Предисловие	3
Введение	7
 Глава I. Основные подходы к информационно-психологическому воздействию народов древних стран	
«Вызвав гнев в нем, приведи его в состояние расстройства»	12
«Война — это путь обмана»	13
Разрушать союзы противника	16
Прежде чем воевать, достигают согласия в обществе	17
Управлять духом армии	18
Дестабилизировать положение в стане противника	20
Надписи прославляли и проклинали	21
Борьба за общественное мнение в период Пелопоннесской войны	22
Первые элементы теории пропаганды	25
Распространение слухов	27
Искусство психологического воздействия гражданских войн Древнего Рима	28
Примечания	31
 Глава II. Информационно-психологическое обеспечение войн эпохи Средних веков	
Религиозные идеи в информационно- психологическом обеспечении войн	35
Легенды, самозванство, фальсификация	44
Религиозные формы духовного воздействия	46
Книжная пропаганда и цензура	47
Конгрегация пропаганды веры	53
Новые обоснования захватнических войн	55
Примечания	56
 Глава III. Стратегия и тактика духовного влияния	
Ордена иезуитов	58
Основатель ордена и его «Духовные упражнения»	58
Иезуит: законоучитель, духовник, проповедник	73
Благотворительность приносит популярность	73

«Всюду... проповедовать, учить, исповедовать»	74
Канцелярия ордена — крупное информационное бюро	75
Учитывали вкусы публики	76
Контроль над просвещением	78
Отбор и подготовка людей для ордена	83
Иезуиты и религиозные войны Франции	85
Тон пропаганды менялся в зависимости от обстановки	96
Задействовались все средства массового влияния	96
Примечания	100
Глава IV. Появление газеты в системе пропаганды	104
Изображение России иностранной печатью в начале Северной войны	107
Отражение Северной войны в первой русской печатной газете «Ведомости»	109
Противоборство словом в Семилетней войне 1756—1763 годов.	135
Фридрих II: представлять неприятеля в самом черном виде	135
Листовки русской императрицы	138
Под контролем военной цензуры	139
Эффект обобщающего образа	140
Примечания	142
Глава V. 1812 год: противостояние пропаганде Наполеона	145
«Четыре газеты смогут принести врагу больше зла, чем стотысячная армия»	146
Для подъема духа своей армии	147
С ореолом освободителя Италии	148
В соответствии с обстановкой и характером аудитории	149
Политика Наполеона в отношении прессы	150
Консолидация пропаганды	154
Дифференцируя подход	154
Методом замалчивания и фальсификации	156
Говорить, о чем прикажут и как прикажут	156
Внушать читателю, что журналисты свободны	157
Лозунги социального примирения	158
Самореклама полководца	160
Нарушителем мира должен быть противник	162
«Завладейте газетами и управлением»	166
Совершенствование приемов дезинформации	167
Подкуп иностранной печати	168
Появление военных корреспондентов	168
Нейтрализовать пропаганду противника	169

Война 1812 года: «Ныне успех зависит от мнения»	170
Проект профессоров из Дерпта	175
Агитационно-пропагандистский центр русской армии	185
Первые воззвания русского командования	187
Обращения к солдатам наполеоновской армии	193
Призыв к народной войне	197
Парадокс церковной проповеди	201
Почему Наполеон не призвал крестьян к восстанию	203
«Соединиться... для преследования врага»	205
«Известия из армии» — газета для населения России	205
В противостоянии с французскими бюллетенями	207
Пропаганда героизма народа	210
Приказы как воззвания	213
Для населения освобождаемых территорий	215
Листовки-памфлеты	216
Военная газета «Россиянин»	224
Войны «типа 1812 года в России» во Франции не получилось	225
Кутузов и военная пропаганда	231
«1812 год способствовал зарождению публичности как началу общественного мнения»	235
Афиши московского главнокомандующего	243
«...Излагаемы такой речью, которая употребительнее в простом народе»	246
«Прибаутки — необходимая приправа для популярности афиш»	248
Агенты московского главнокомандующего	250
«От скорого обнародования известий... другим слабо верят»	250
Известия не всегда были достоверны	251
Сознательно ли вводил Ростопчин в заблуждение население?	253
Воодушевление надеждой на могущество нового оружия	255
Призыв к партизанской борьбе	255
С похвалой и угрозой	256
Опровергая слухи	257
В чем заслуги Ростопчина	257
Информационная акция «Русского инвалида»	258
Зарубежные новости газеты	261
Информационная политика издателя	263
Благотворительная деятельность Пезаровиуса	266
Отбор новостей для «Русского инвалида»	272
Тема патриотизма	277
«Русский инвалид» приучил читателей следить за мировыми событиями	279
Реформа «Русского инвалида»	282
Примечания	286

Глава VI. Пресса и Крымская война. 1853—1856 годы	297
Миф о подавляющей военной силе России	297
Синопский бой в освещении зарубежной прессы	302
О работорговле — молчание, однако русские, боровшиеся с ней, — варвары...	304
Религиозный фактор в обосновании причин войны	305
Внушить подданным: Европа с нами	307
Николай I за революцию... в стране противника	307
Франция: призыв к религиозному и культурному походу	315
Английская пресса: война с Россией выгоднее, чем с Турцией	317
Расширить лагерь противников России	318
Раздувание значения ничтожных побед	321
Тема российских хищений и коррупции	323
Политика дезинформации	324
Прокламации — воздушным шаром	325
Освещение Крымской войны в российской печати	325
Цензура и Крымская война	331
Сообщения «Times» из Крыма возбудили английское общество	341
Первая попытка батального фоторепортажа	342
Примечания	342

Глава VII. Влияние прессы на реформирование армии в России	345
Особенности военных изданий после Крымской войны	345
Д. А. Милютин и печать	353
Секретное приложение «Correspondence Russe»	360
Пolemика по остзейскому вопросу	362
Объединение редакций «Русского инвалида» и «Военного сборника»	365
В споре по проекту военной реформы	365
Для развития солдатской аудитории	370
Воспитание армии и антивоенная публицистика Л. Н. Толстого	375
Примечания	386

Глава VIII. Организация освещения в печати Русско-турецкой войны 1877—1878 годов	391
Свобода слова и тайна	391

Появление института военных корреспондентов в России	400
Газета действующей армии	411
Примечания	419

Глава IX. Военные корреспонденты во время

Русско-японской войны 1904—1905 годов	422
Журналисты в русской армии	423
Представители прессы и японская цензура	441
Примечания	450

Глава X. Гласность и власть в начале XX века

Русская военная мысль о роли печати в войнах	453
Повышение роли информационных агентств	
в формировании общественного мнения	475
Создание официального Телеграфного агентства в России	477
Использование С. Ю. Витте прессы в борьбе	
за общественное мнение	482
Примечания	500

Об авторе

Волковский Николай Лукьянович — в прошлом военный журналист, профессор кафедры истории, психологии и педагогики военного университета, полковник. После увольнения из Вооруженных сил России — сотрудник факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета, где читает лекции по спецкурсу «Техника манипуляции сознанием в информационных войнах: история и современность», ведет спецсеминар «Журналистика "горячих точек"». Автор более двадцати книг по военной истории, проблемам СМИ XX века и ряда публицистических работ. Под его редакцией вышли многие книги серии «Военно-историческая библиотека».

Научное издание

Николай Лукьянович Волковский

ИСТОРИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН

Часть 1

Редактор *И. В. Петрова*

Технический редактор *И. В. Буздалева*

Корректоры *В. В. Безымянская, И. С. Миляева*

Компьютерная верстка *А. А. Шуваловой, Н. С. Сидельниковой*

Компьютерная графика *А. В. Аракчеева*

ЛР ИД № 03073 от 23.10.2000 г.

ООО «Издательство «Полигон».

194044, С.-Петербург, Б. Самсониевский пр пр., 38/40.

Тел.: 320-74-24; тел./факс: 320-74-23

E-mail: polygon@spb.rol.ru

Подписано в печать 28.10.2002. Формат 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная.

Гарнитура TimeRoman. Печ. физ. л. 16,0. Усл. печ. л. 26,88.

Тираж 5000 экз. Зак. № .

Волковский Н. Л.

В67 История информационных войн. В 2 ч. Ч. 1. — СПб.:
ООО «Издательство «Полигон», 2003. — 512 с., ил.
ISBN 5-89173-199-1 (ч.1)
ISBN 5-89173-200-9

В данном издании на основе большого фактологического материала впервые делается попытка целостного освещения инструментария информационной борьбы в крупнейших войнах и кризисных ситуациях человечества с древнейших веков до наших дней. Механизмы воздействия на общественное мнение, роль СМИ в военных конфликтах, работа журналистов и представителей пресс-служб в «горячих точках», управление информационными процессами в кризисных ситуациях, проблемы гласности и государственной тайны — основные вопросы этого труда.

Книга полезна специалистам СМИ и PR, всем изучающим средства информационно-психологического воздействия и методы противодействия им, студентам факультетов журналистики, истории, психологии и широкому кругу читателей.

ББК 76.0

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИГОН

ПРЕДЛАГАЕТ:

- литературу и энциклопедии по военной истории и технике
- книги по всеобщей истории, технике, электронике, медицине
- книги по кулинарии и домашнему хозяйству
- детскую, обучающую, художественную и специальную литературу
- словари и пособия по изучению иностранных языков

Гибкая система скидок

Доставка в любую точку России

Книгообмен

Наш адрес:

**194044, Санкт-Петербург,
Б.Сампсониевский пр., д. 38/40**

Тел.: **320-7424, 320-7423**

E-mail: **polygon@spb.rol.ru**

